

The image features a historical map of the Black Sea region, showing the Crimean Peninsula and the Sea of Azov. The map is rendered in a classic style with muted colors and includes various geographical details like coastlines, islands, and sailing ships. Numerous numbers are scattered across the map, likely representing coordinates or specific locations. Overlaid on the map is a detailed illustration of a city, likely Sevastopol, with its characteristic red-tiled roofs, white buildings, and a prominent church spire. The city is situated on a peninsula, with a harbor filled with numerous sailing ships. The sky above the city is a soft, hazy blue, suggesting a clear day. The overall composition is framed by a thin blue border.

МОСКВА – СЕВАСТОПОЛЬ

Архивно-краеведческий альманах

ПРАВИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ
ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДА МОСКВЫ

ПРАВИТЕЛЬСТВО СЕВАСТОПОЛЯ
УПРАВЛЕНИЕ АРХИВНЫМ ДЕЛОМ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

МОСКВА – СЕВАСТОПОЛЬ
Архивно-краеведческий альманах
Выпуск 1

Москва
2016

ББК 63.3(2Р)
М 82

М 82 **Москва – Севастополь : Архивно-краеведческий альманах. Выпуск 1 / Главархив**
Москвы. – М., 2016. – 400 с.: ил., цв. вклейка.

ISBN 978-5-7228-0260-6

Цель настоящего издания – осветить тему плодотворного сотрудничества Москвы и Севастополя на протяжении более двух столетий. В альманахе широко использованы архивные документы, прежде всего из фондов Центрального государственного архива города Москвы и Архива города Севастополя.

В книге отражена история Севастополя с конца XVIII до середины XX в. и раскрываются разнообразные связи двух городов; также освещаются вопросы изучения и сохранения уникального историко-культурного наследия Севастополя.

Особое внимание авторов уделено воинским и трудовым подвигам севастопольцев и всех тех, чьи судьбы связаны с городом русской славы.

ББК 63.3(2Р)

ISBN 978-5-7228-0260-6

«Есть в нашей стране такие города,
улицы которых похожи на раскрытые
страницы чудесной книги:
идёшь по таким улицам и как будто читаешь
волнующие душу слова,
и сердце твоё наполняется каким-то
торжеством и гордостью.
Таков Севастополь...»

П.А. Сажин, писатель, военный корреспондент

Неразрывность уз Москвы и Севастополя доказана временем: история политического, экономического и культурного взаимодействия двух великих городов насчитывает более 230 лет. Народная память, подкреплённая историческими документами, свидетельствует, что судьба Севастополя неотделима от истории и судеб России, а значит, и Москвы.

Севастополь – город имперский, призванный развиваться и процветать в составе сильного государства. Недаром Екатерина II пророчески нарекла небольшое поселение Ахтиар гордым эллинским именем Севастополь – «высокочитимый, священный город». И он не раз подтверждал эти качества, выдерживая экзамен на мужество, стойкость, являя в своих гражданах – тружениках и защитниках – примеры жертвенной любви, воинской чести и патриотизма. В историю навсегда вошли имена выдающихся военачальников и флотоводцев, нижних чинов и народных героев: адмиралов Ф.Ф. Ушакова, П.С. Нахимова, В.И. Истомина, М.П. Лазарева, В.А. Корнилова, генералов С.А. Хрулёва, А.П. Хрущёва, Э.И. Тотлебена, лейтенанта Н.А. Бирюлёва, матросов П.М. Кошки, И.В. Шевченко, первой русской сестры милосердия Даши Севастопольской (Дарьи Лаврентьевны Михайловой), юного защитника 5-го бастиона Коли Пищенко и многих других. Севастопольские герои увековечены в названиях набережных, улиц и площадей, в кино и на страницах книг, но, главное, запечатлены в народной памяти. Они олицетворяют лучшие качества русского воина и русского человека – любовь к Отчизне, достоинство и личную скромность, внутреннюю цельность и несгибаемую волю к победе, готовность отдать жизнь за «друзья своя».

В годы Великой Отечественной войны Севастополь как база Черноморского флота, форпост России на её южных рубежах был одной из главных целей врага. 22 июня 1941 г. он первым испытал авиаудар немецко-фашистских захватчиков, первым понёс потери среди мирного населения.

Как и в период первой севастопольской обороны 1854–1855 гг., в годы Великой Отечественной войны защитники города и обычные горожане проявляли беспримерную, исключительную самоотверженность. В течение 250 дней невероятным напряжением сил им удавалось сдерживать вражеский натиск. Символично, что, как и остальные удостоенные этого высокого звания города-герои, Севастополь увековечен на Аллее городов-героев близ Мемориала героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. и Вечного огня, недалеко от Графской пристани, памятников адмиралу П.С. Нахимову и Затопленным кораблям. А капсула с землёй Малахова кургана содержится в гранитной тумбе из красного порфира с чеканной надписью: «Севастополь» и изображением «Золотой Звезды» на мемориальной Аллее у стен Московского Кремля в Александровском саду.

Предлагаемый вашему вниманию альманах является результатом сотрудничества московских и севастопольских архивистов. На страницах этого издания – история многих выдающихся севастопольских памятников и сооружений, повседневная жизнь севастопольцев в XIX–XX вв. и, конечно же, героическое прошлое великого города-героя. Книга призвана пробудить исследовательский интерес, ознакомить читателя с подчас малоизвестными, бережно собранными фактами. Особую значимость её содержанию придаёт то обстоятельство, что в основе публикации – уникальные документальные источники из фондов московского и севастопольского архивов.

Искренне надеюсь, что альманах «Москва – Севастополь» явится заделом для дальнейшего сотрудничества наших городов-побратимов, послужит укреплению межархивных связей двух важнейших духовных центров России.

Начальник Главного архивного управления
города Москвы

Я.А. Онопенко

Москва и Севастополь. Многие объединяет и связывает эти два города – столицу, духовный центр России, и её надёжный форпост на южных рубежах. Москва – собирательница земель российских, сердце нашей Родины. Севастополь – символ российской воинской славы, доблести и отваги, верности долгу и Отечеству.

В конце XVIII в. за счёт людских и материальных ресурсов исключительно северных и центральных районов страны, в том числе и земли московской, Россия в кратчайшие сроки создала на южных рубежах мощный боеспособный Черноморский флот и его главную базу – Севастополь.

В кровопролитных войнах XIX столетия историческая связь между нашими городами проявилась особенно ярко и зримо. Москва, «спалённая пожаром» в 1812-м, Севастополь, объятый пламенем в августе 1855-го, корабли Черноморского флота, затопленные в бухте самими моряками, – вот жертвы, которые Москва и Севастополь принесли в этих войнах ради сохранения целостности и независимости государства российского.

Когда защитники Севастополя в течение 11 месяцев стойко сопротивлялись натиску объединённой коалиции лучших армий «просвещённой» Европы, Москва и москвичи одними из первых организовали сбор пожертвований, сформировали народное ополчение, приняли у себя на лечение больных и раненых.

Севастопольская эпопея, как источник духовной силы, патриотической гордости, в сознании российского общества второй половины XIX в. прочно заняла место, сопоставимое с подвигом героев Отечественной войны 1812 г. Эту духовную связь, историческую преемственность святынь общенационального значения очень точно выразили Л.Н. Толстой в «Севастопольских рассказах» и романе «Война и мир», Ф.А. Рубо во всемирно известных панорамах «Штурм Севастополя 6 июня 1855 г.» и «Бородинская битва».

Москва и Севастополь оставили заметный след в жизни и творчестве А.П. Чехова, И.А. Бунина, А.А. Ахматовой, А.М. Горького, А.А. Аверченко и многих других деятелей российской культуры и искусства.

В России эти города были почитаемы как центры христианской культуры. В Херсонесе, за 795 лет до основания Севастополя, состоялось крещение князя Владимира и началась история Руси православной.

Неизгладимый след в исторической памяти наших городов оставили революционные потрясения 1917 г., разразившаяся за ними Гражданская война, раскол страны на два враждующих лагеря, иностранная интервенция.

В начальный период Великой Отечественной войны защитники Севастополя 8 месяцев сдерживали на подступах к городу одну из сильнейших армий вермахта и не позволили германскому командованию перебросить её под Москву. А за год до Великой Победы, 10 мая 1944 г., на следующий день после освобождения Севастополя от немецко-фашистских захватчиков, в Москве произвели салют I степени – в 24 залпа из 324 орудий.

Проверкой на прочность нашего единства стали распад Советского Союза и пребывание Севастополя в составе Украины. В этот период духовная связь только окрепла, родились новые формы взаимодействия и сотрудничества.

Глубокий символический смысл заложен в настоящем издании, третьем совместном проекте севастопольских и московских архивистов после воссоединения с Россией в 2014 г. Крыма и Севастополя. На страницах альманаха – сведения, факты, документы, отражающие различные направления многовековых исторических, духовных, культурных связей Москвы и Севастополя.

Желаю вам, уважаемые читатели, при знакомстве с альманахом «Москва – Севастополь» испытать радость открытия, познания нового, чувство приобщения к духовным истокам нашей культуры.

А.С. Балакирев

«...К назиданию государственных польз»: из истории составления и публикации в Москве «Журнала Высочайшего путешествия Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины II, самодержицы Всероссийской, в Полуденные страны России в 1787 году»

Запоминающейся страницей царствования Екатерины II (1762–1796) стали её длительные путешествия по России. За время своего правления она посетила Ростов Великий (1763), Остзейский край (1764), предприняла длительное плавание по Волге (1767), совершила поездку по западным губерниям (1780) и в Москву через Вышний Волочёк (1785). Последним и самым масштабным стало её «путешествие в Полуденные страны России». Так именовали обширные территории Северного Причерноморья, вошедшие в состав империи по условиям Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией (1774). Путешествие продолжалось со 2 января по 11 июля 1787 г. Поездка императрицы в новоприсоединённые области России стала своеобразным смотром достижений всего екатерининского царствования (1762–1796), на юбилейный 25-й год которого она приходилась.

Путешествие Екатерины II в Крым определялось целым комплексом внешне- и внутривнутриполитических причин. Сегодня большинство исследователей сходятся во мнении, что императрице прежде всего требовалось лично оценить последствия совершённого ею на рубеже 1770–1780-х гг. поворота главного вектора внешней, а отчасти внутренней политики России на «Восток» (в географическом смысле – с запада на юг и юго-запад). Инициаторами этой смены курса были Г.А. Потёмкин и А.А. Безбородко. Будучи в целом далеко не единомышленниками, они стали авторами и наиболее активными проводниками в жизнь государственной доктрины, вошедшей в историю под названием «Греческий проект». Он предусматривал освобождение Греции и всего юго-востока Европы от власти турок-османов

и создание на этой территории нового православного государства со столицей в Константинополе и русским монархом во главе. Им должен был стать внук Екатерины, что предопределило и наречение его именем Константин. Безбородко делал главный упор на внешнеполитическую, в том числе и военную, активность государства; Потёмкину принадлежала инициатива создания на присоединённых землях Причерноморья и Крыма (как известно, он и добился его вхождения в состав России) нового крупного очага экономической жизни.

«Греческий проект» резко повышал уровень международных притязаний России, требовал значительного напряжения сил государства, всё новых расходов, а также создавал угрозу новых войн на южном направлении. Необходимость такого поворота политического курса для части русской аристократии и дворянства была вовсе не бесспорна. В нём, например, не видел перспективы архитектор прежнего, «северного» направления внешней политики влиятельнейший граф Н.И. Панин (бывший наставник наследника престола Павла Петровича и его друг). Активную роль в дискредитации деятельности Потёмкина на юге России играли представители иностранных государств, не заинтересованных в укреплении России на Чёрном море.

Поэтому, вероятно, столь важно было для Екатерины удостовериться самой и убедить сомневающихся в правильности принятых решений, в том числе касающихся заселения и хозяйственного освоения Причерноморья и Крыма. Требовалось также продемонстрировать Османской империи и европейским государствам, что Россия утвердилась на берегах Чёрного моря навсегда.

Карта Европейской России с обозначением маршрута путешествия Екатерины II в Крым из книги «Путешествие Ея Императорского Величества в Полуденный край России, предприемлемое в 1787 году». СПб., 1786 г. (фрагмент)

Путешествие имело все признаки важнейшего официального государственного мероприятия. Не случайно, ещё в 1786 г. в Санкт-Петербурге была издана книга под названием «Путешествие Ея Императорского Величества в Полуденный край России, предприемлемое в 1787 году»¹. Она представляет собой историческое и экономико-географическое описание местностей и городов, через которые должна была проследовать императрица. Немало страниц этого своеобразного путеводителя посвящено Причерноморью и Крыму, их древней и средневековой истории. Особенно подробно освещаются те перемены, которые произошли после присоединения этих областей к России. Издание содержит подробную карту западной и центральной части Европейской России, от Петербурга до Крымского побережья, с обозначением маршрута предстоящей императорской поездки.

Примечательны и открывающие его слова: «Высочайшая Ея Императорского Величества последовала воля к назиданию государственных польз и к усовершенствованию благоденствия Ея поданных

обозреть Полуденный край обширной Своей империи»². Именно «назидание государственных польз», то есть своего рода государственная педагогика, определяло общую идею всего мероприятия.

Маршрут поездки в Крым, тщательно разработанный Сенатом ещё в 1784 г., проходил по западным губерниям на юг, через Смоленск, Новгород-Северский, Чернигов и Киев. Из Петербурга до Киева царский поезд двигался на санях. Дождавшись в Киеве освобождения Днепра ото льда, императрица со свитой (здесь к ней присоединился князь Г.А. Потёмкин) проследовала на гребных судах до Екатеринослава (ныне Днепропетровск). Собственно,

город и был основан ею в ходе этого путешествия. Пересев в кареты, путники отправились через Кременчуг в Херсон. По пути к ним присоединился эрцгерцог Австрии Иосиф II (под именем графа Фалькенштейна). Из Херсона императрица со своими спутниками въехала в Крым. Они посетили столицу крымских ханов Бахчисарай, далее направились в только что построенный черноморский порт Севастополь, где состоялся знаменитый обед с видом на Севастопольскую бухту со стоящим на рейде Черноморским флотом. Затем Екатерина II с сопровождавшими её лицами посетила ряд крымских городов: Ак-Мечеть (переименованный Потёмкиным в «областной город Симферополь»), Карасу-Базар, Старый Крым, Феодосию. Обратный путь в Петербург был иным: миновав Херсон и Кременчуг, императрица проехала через Полтаву, Харьков, Курск, Орёл, Тулу и с. Коломенское, где её встретили внуки Константин и Александр. Затем она остановилась на несколько дней в Москве, где было торжественно отпраздновано 25-летие её вступления на престол, а после выехала в Петербург.

С первых дней поездки, одновременно с обычным камер-фурьерским журналом, регистрировавшим ежедневную жизнь двора³, составлялся «Журнал высочайшего путешествия...». (По терминологии того

¹ Путешествие Ея Императорского Величества в Полуденный край России, предприемлемое в 1787 году. СПб., 1786.

² Путешествие Ея Императорского Величества в Полуденный край России... С. I.

³ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб., 1886.

времени это понятие равнозначно более привычному нам слову «дневник», т.е. речь о «дневнике путешествия».) Вскоре в московских и Санкт-Петербургских ведомостях стали регулярно появляться фрагменты этого сочинения (с тем же заголовком), содержавшие известия о ходе путешествия императрицы, о сопровождавших его официальных мероприятиях и празднествах. В том же 1787 г. «Журнал...» был издан отдельной книгой в типографии Московского университета⁴.

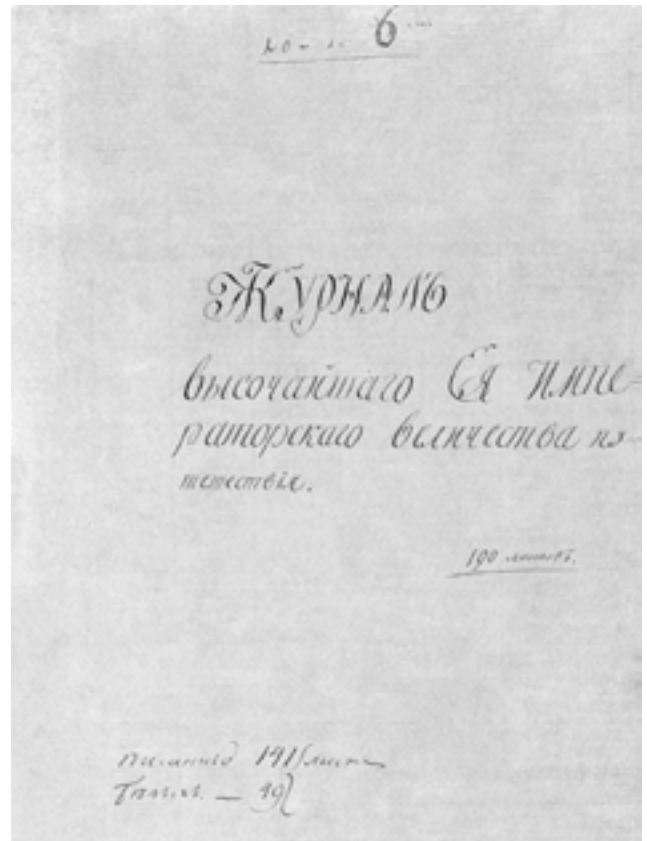
Центральный государственный архив города Москвы располагает комплексом материалов о крымском путешествии Екатерины II⁵. Документы первого тома дела преимущественно раскрывают хозяйственно-организационную сторону обеспечения путешествия: в основном это обширная переписка с московским главнокомандующим П.Д. Еропкиным о заготовке необходимого количества лошадей и фуража для императорского поезда, а также несколько любопытных документов, непосредственно связанных с маршрутом путешествия императрицы.

Но особенно интересен для нашей темы второй том дела, представляющий собой сшитые в единую тетрадь рукописные страницы «Журнала...» и 10 сопроводительных записок к нему. На титульном листе дела указано: «190 листов, писанных 141 лист, белых 49», однако в томе только 109 листов. Последняя имеющаяся в деле запись от 15 июня 1787 г. повествует об остановке императрицы на ночлег в с. Ольховатое на пути из Курска в Орёл⁶.

Сопоставление этого рукописного текста с текстом газетных публикаций, а также с упомянутым выше московским изданием 1787 г., выпущенным «в университетской типографии у Н. Новикова», показало их идентичность⁷.

Структура рассматриваемого дела представляет собой последовательный ряд фрагментов рукописи «Журнала...», каждому из которых предшествует сопроводительная записка. Вероятно, именно такой порядок формирования документа сложился во время самого путешествия, в процессе снятия копий с ори-

гинала рукописи для последующей отправки её частей в Москву, в канцелярию П.Д. Еропкина. При этом записки, сопровождавшие отсылаемые фрагменты «Журнала...», в совокупности с хронологией описываемых в нём событий и датами появления газетных публикаций дают возможность более полно реконструировать историю создания этого документа. Как можно предположить, в ЦГА Москвы хранятся именно те «первые» списки с оригинального текста «Журнала...», которые пересылались во время путешествия из царского поезда или с галер московскому главнокомандующему П.Д. Еропкину для дальнейшей перепечатки в газетах. Вероятно, с них в канцелярии главнокомандующего списывали копии, которые в свою очередь отправляли в редакцию «Московских ведомостей», причём исходные фрагменты рукописи оставались в канцелярии, дополняясь, по мере присылки, следующими.

Титульный лист рукописи «Журнала Е.И.В. высочайшего путешествия...».

ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 36. Т. 2. Л. I

⁴ Журнал высочайшего путешествия Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины II, самодержавицы Всероссийской, в Полуденные страны России в 1787 году. М., 1787.

⁵ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 36. Т. 1–2.

⁶ Там же. Т. 2. Л. 109.

⁷ За исключением отсутствующих в деле записей за 13 и 15 февраля и за 3 и 4 июня 1787 г.

Историческая, и в том числе мемориальная ценность настоящего документа несомненна: во-первых, он тесно связан с процессом рождения «Журнала...» как литературно-публицистического произведения. Во-вторых, имеющиеся в деле листы представляют собой записи, максимально близкие первоначальному тексту «Журнала...», который вёл непосредственно в ходе путешествия под контролем самой Екатерины II секретарь императрицы, литератор А.В. Храповицкий. В-третьих, структура дела отражает сам процесс возникновения «Журнала...» как явления, выведенного за рамки привычной придворно-церемониальной фиксации «распорядка» жизни монаршей особы. Именно в ходе продолжающейся публикации в периодической печати, по мере отсылки и печатания фрагментов «Журнала...», его текст обретал не только хронологическую и логическую завершённость, но и принципиально новое качество – документа официальной публицистики.

Между путешествием как длящимся во времени событием, процессом публикации «Журнала...» в газетах и, наконец, превращением его в печатное издание – ряд важных промежуточных звеньев, необходимых для понимания контекста рождения и бытования этого документа. К ним относятся: решение о составлении «Журнала...», конкретные обстоятельства, связанные с началом его ведения, издательская и редакционная политика Екатерины II в отношении содержания и целей проекта, представления императрицы о будущей аудитории издания и возможностях воздействия на неё путём дальнейшего распространения «Журнала...», распоряжение о его отсылке и установление порядка отправки фрагментов рукописи в обе столицы для печатания и ряд других. Попытаемся ответить на эти вопросы.

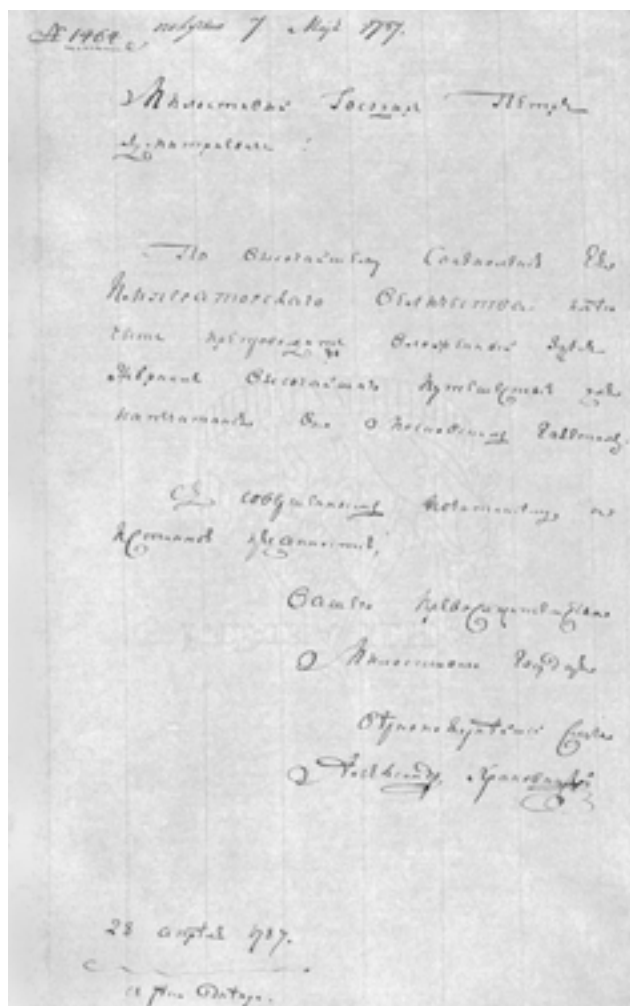
Дело открывает записка-автограф составителя «Журнала...» А.В. Храповицкого, адресованная московскому главнокомандующему П.Д. Еропкину:

«Милостивый государь Пётр Дмитриевич! По Высочайшему соизволению Её Императорского Величества имею честь препроводить вложенный здесь Журнал Высочайшего путешествия для напечатания в московских газетах.

С совершенным почтением
и истинною преданностию

Вашего Превосходительства милостивого государя
вернопокорнейший слуга Александр Храповицкий.

28 апреля 1787. С реки Днепра»⁸.

Сопроводительная записка статс-секретаря А.В. Храповицкого главнокомандующему П.Д. Еропкину при отправке фрагмента рукописи «Журнала Е.И.В. высочайшего путешествия...». 28 апреля 1787 г. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 36. Т. 2. Л. 1

Согласно отметке о получении, письмо поступило в канцелярию П.Д. Еропкина 7 мая 1787 г.

Далее следуют краткие, сделанные по определённой форме записи «Журнала...» начиная со 2 января 1787 г.⁹, с указанием времени и мест тех или иных событий в ходе путешествия императрицы. Эти записи перемежаются аналогичными приведённой выше записками об отсылке частей «Журнала...» в Москву

⁸ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 36. Т. 2. Л. 1.

⁹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 36. Т. 2. Л. 2.

с указанием даты, иногда места или обстоятельств их отправки – например, «с реки Днепра» или «отправляю... Журнал высочайшего путешествия из Херсона до Бакчи-сарая, откуда завтра поутру будет поход в Севастополь»¹⁰, а также дат, когда документ был зарегистрирован в канцелярии.

вольно длительное время, с 30 января по 21 апреля, Екатерина находится в Киеве в ожидании освобождения Днепра от льда и возможности продолжить движение уже водным путём. Несмотря на то что пребывание здесь наполнено многочисленными событиями и встречами¹¹, записей об этом нет ни в рукописном, ни в газетном, ни в книжном вариантах «Журнала...». Исключение составляет известие о событиях 13 и 15 февраля, когда императрица причастилась Св. Тайн в Киево-Печерской лавре и посетила «со всем придворным штатом» Антониевские и Феодосиевские пещеры. Этот важный эпизод появился в «Московских ведомостях» от 17 марта, а затем в книжном варианте «Журнала...»; в архивном документе он отсутствует¹².

Ведение «Журнала...» возобновляется одновременно с продолжением путешествия 22 апреля, когда императрица и её спутники, погрузившись на галеры, отправляются вниз по Днепру. С 8 мая возобновляется и публикация журнала в «Московских ведомостях».

Обращает на себя внимание, что в рассматриваемом деле первый фрагмент рукописи (повествование в нём доведено до 29 января) ошибочно следует за явно более поздней запиской Храповицкого от 28 апреля. Это и некоторые другие несоответствия между датой отправки фрагмента, указанной в сопроводительном письме, и датами записей «Журнала...» свидетельствуют о том, что по какой-то причине формирование дела и нумерация листов в нём были произведены с нарушениями хронологической последовательности.

Для того чтобы реконструировать историю возникновения замысла о публикации «Журнала...», установить хронологию и обстоятельства получения П.Д. Еропкиным первых фрагментов рукописи и передачи их для публикации по высочайшему волеизъявлению в «Московские ведомости», следует обратиться ко всей совокупности существующих источников.

Прежде всего это опубликованные документы, исходящие от лиц, наиболее тесно связанных с составлением и публикацией «Журнала...»: самой Ека-

Первая страница газеты «Московские ведомости» от 9 июня 1787 г. с публикацией фрагмента «Журнала путешествия...» от 22 мая 1787 г.

«Московские ведомости» начинают регулярное печатание «Журнала...» уже с 20 января. Газета выходила дважды в неделю, в среду и субботу, публикация занимала первую и иногда часть второй страницы. С некоторыми перерывами печатание продолжилось до 17 февраля 1787 г., но затем было прервано: до-

¹⁰ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 36. Т. 2. Л. 63.

¹¹ Подробнее см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал... С. 100–307.

¹² Московские ведомости. 1787. 17 марта; Журнал... С. 42, 43.

терины II, её секретаря А.В. Храповицкого и московского главнокомандующего П.Д. Еропкина¹³.

С лета 1786 г. московская администрация участвует в подготовке к поездке Екатерины II в Крым, в частности, занимаясь заготовкой лошадей для императорского поезда. По этому вопросу ведётся интенсивная переписка центральных петербургских учреждений, главнокомандующих и наместников различных областей империи с московским главнокомандующим, и последнего – с губернским предводителем дворянства, различными московскими чиновниками¹⁴. Готовилась Москва и к приезду императрицы. Согласно разработанному маршруту путешествия¹⁵ она должна была появиться здесь в конце июня на обратном пути из Крыма в Санкт-Петербург.

19 декабря 1786 г. П.Д. Еропкин получает от Екатерины II из Петербурга собственноручно написанное ею письмо следующего содержания: «Я отселе поеду в Киев 2-го числа января, а к Вам писать буду еженедельно, чтобы Вы могли удовлетворить любопытных и чрез то бы знали продолжение моего путешествия»¹⁶.

Итак, Еропкину предписывается на основе адресованных ему регулярных корреспонденций императрицы «удовольствовать любопытных» в Москве, каким-то образом извещая их о событиях, происходящих в продолжение путешествия. Ни о присылке особого «журнала путешествия» для «правильного» информирования публики, ни тем более о публикации его в газете речь пока не идёт. В ответном письме от 21 декабря Еропкин заверяет императрицу в своей готовности и желании исполнять это распоряжение, поскольку «повеления» (т.е. известия) о продолже-

нии путешествия «будут истинным обрадованием для меня и всех пребывающих здесь верноподданных»¹⁷.

Проблема, однако, состояла в определении содержания и способа подачи тех известий, которые подлежали распространению. Чтобы успешно противостоять слухам и кривотолкам, недостаточно было полагаться на «усмотрение» и «усердие» даже таких заслуженно пользующихся доверием императрицы сановников, как П.Д. Еропкин и Я.А. Брюс. Требовалось найти универсальную, однозначную и лаконичную форму, в которой до подданных доносились бы желательные для императрицы сведения о поездке. Такая форма возникла ещё в предшествующие годы: это был официальный «журнал путешествия», ведущийся под непосредственным контролем монархини¹⁸.

Идея создания такого журнала возникла и в связи с поездкой в Крым.

Вскоре после начала поездки в дневнике Храповицкого появляется запись: «6 [января 1787 г.] – Опробован Журнал путешествия»¹⁹. Эту фразу, видимо, нужно понимать так, что Храповицкий предъявил Екатерине записи о первых днях путешествия, а императрица рассмотрела и одобрила и ту форму, и тот объём, в которых фиксировались известия. Подтверждает она и тот факт, что составление «Журнала...» изначально входило в планы Екатерины и было одной из обязанностей Храповицкого. Но когда пришло решение об обнародовании этого документа? Когда об этом поставили в известность Еропкина и Брюса? Намеревалась ли императрица сначала удостовериться, что такая форма взаимодействия с предполагаемой аудиторией достигнет поставленных ею целей?

7 января Екатерина отправляет Еропкину два письма – из Царского Села и из Луги, в которых идёт речь о благополучном продолжении путешествия, сопроводив их ремаркой: «О чём можете сообщить

¹³ Высочайшие собственноручные письма и повеления блаженной и вечной славы достойной памяти Государыни Императрицы Екатерины Великия к покойному генералу Петру Дмитриевичу Ерапкину и всеподданнейшие его донесения в трёх отделениях, собранные и с Высочайшего дозволения в печать изданные коллежским советником Яковом Ростом. М., 1808; Письма императрицы Екатерины II к Якову Александровичу Брюсу во время путешествия её величества в южные губернии России в 1787 году. СПб., 1889; Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1862.

¹⁴ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 36. Т. 1. Л. 10–12 об., 25, 26, 153–156 и др.

¹⁵ В деле имеется отпечатанный типографским способом график путешествия (см.: Там же. Л. 6–9).

¹⁶ Высочайшие собственноручные письма и повеления... С. 159.

¹⁷ Высочайшие собственноручные письма и повеления... С. 160.

¹⁸ Опыт публикации журнала путешествия в печати, а затем выпуск его отдельной книгой были предприняты Екатериной II ещё в 1764 г. (см.: Московские ведомости. 1764 г. № 54–63; Журнал Высочайшего путешествия Императрицы Екатерины II в Нарву, Ревель, Ригу, Митаву и обратно в Санкт-Петербург, с 20 июня по 25 июля 1764 года СПб., 1769). Освещался в печати также и волжский вояж императрицы (см.: Московские ведомости. 1767. № 37–59). Одновременно журналы путешествий 1764 и 1767 гг. печатались и в «Санкт-Петербургских ведомостях».

¹⁹ Памятные записки А.В. Храповицкого... С. 19.

любопытным»²⁰. Тогда же было отправлено письмо и к петербургскому главнокомандующему Я.А. Брюсу: «...Я в город Лугу приехала 7-го числа... отселе поеду в Порхов, о сём прошу сообщить любопытным...»²¹ (Заметим – и здесь о «Журнале...» не упоминается.)

Еропкин в своём ответе 14 января подчёркивает, что ревностно исполняет пожелание государыни: её письма «имел я щастие получить 12 января пополудни в 1-м часу при случившихся у меня разных чиновных людях... – пишет он, – и, как главнейшим предметом верноподданных Ваших, всемилостивая Государыня, есть и будет всё, относящееся к беспримерной Монархине их, то, удовлетворяя их любопытству, открыл я им тогда, а после и другим, о начатии и продолжении Высочайшего Вашего Величества путешествия...»²².

Но вскоре императрица, не довольствуясь распространением информации методом произвольных извещений губернаторами «случившихся разных людей», и, по-видимому, после удовлетворивших её «апробаций» «Журнала...» сочла возможным перевести задуманную ею информационную кампанию в новое качество.

Вот первые свидетельства смены метода её работы с общественным мнением (из дневника Храповицкого): «9 [января 1787 г.] – Из Порхова послан Журнал путешествия к Брюсу и Еропкину для отвращения в столицах пустых речей, pour les tenir en haleine²³, и чтоб дать жвачку (эти слова, несомненно, передают характерные выражения императрицы. – *Авт.*), затем и письма собственноручные». На следующий день состоялась ещё одна, последняя «апробация»²⁴. Больше упоминаний о них не встречается – видимо, читка «Журнала...» стала рутинной, привычной процедурой.

Итак, «Журнал...» начинают отсылать в столицы только с 9 января, спустя неделю после начала путешествия, для того чтобы препятствовать возникновению в столицах слухов, догадок, нежелательных интерпретаций, от которых не могли защитить передаваемую им информацию даже Еропкин и Брюс, при всём их старании. Смысл фраз императрицы, частично переданных Храповицким, явно состоит в том, что «Журнал...» каким-то образом должен был распространяться в Москве и Санкт-Петербурге.

²⁰ Высочайшие собственноручные письма и повеления... С. 65.

²¹ Письма императрицы Екатерины II... С. 3.

²² Высочайшие собственноручные письма и повеления... С. 166.

²³ «Чтобы держать их в напряжении» (*фр.*).

²⁴ Памятные записки А.В. Храповицкого... С. 19.

Мысль о газете²⁵ как о наилучшем способе широкого ознакомления с информацией в неизменном виде (если, конечно, не издавать специальный бюллетень) возникает сама собой. Не совсем ясно лишь, имело ли место прямое высочайшее указание на этот счёт? Во всяком случае, уже в 20-х числах января первые фрагменты «Журнала...» появились на страницах газет (в «Санкт-Петербургских ведомостях» он печатался начиная с 23 января, чуть позже, чем в Москве). Вопрос о том, как была организована публикация в Москве, отчасти проясняет очередное письмо Еропкина. 18 января он пишет Екатерине II, что получил от неё два письма «и все совершенно тем был обрадован; а чтоб соучаствовал в том со мною и весь здешний Первопрестольный город, то получаемый мною о сём Журнал (напомним, что пока в Москву прибыли первые листы рукописи, отправленные сюда Храповицким 9 января по указанию императрицы. – *Авт.*) определил я в здешних Ведомостях печатать и тем самым удовлетворять величайшее усердие верноподданных, желающих знать о Всеавгустейшей Монархине своей, изливающей повсюду знаки матерних щедрот своих и человеколюбия»²⁶.

При чтении этого письма может сложиться впечатление, что здесь имеет место личное решение Еропкина («определил», т.е. распорядился): он не ссылается прямо на волю императрицы, хотя определённо выполняет монаршее желание. Но и в письмах Екатерины к Еропкину и к Брюсу никаких прямых пожеланий и рассуждений о публикации в газетах не высказывается. К сожалению, сопроводительная записка к самому первому фрагменту «Журнала», отправленному 9 января, в архивном деле отсутствует, тогда как именно она могла бы прояснить обстоятельства начала публикации «Журнала...» и указания Екатерины II на этот счёт. Однако её приблизительное содержание можно восстановить. Думается, что в ней могла употребляться формулировка, близкая к уже знакомой нам по документу от 28 апреля:

²⁵ Первоначально тиражируемые периодические информационные листки, публикующие краткие сообщения о новостях, именовались не «газетой», а «ведомостями». В конце XVIII в. подобные листы стали также называть «газетами». Принято считать, что слово начало входить в обиход в 1790-е гг. благодаря Н.М. Карамзину. Но уже в 1787 г. Храповицкий употребляет слово «газеты» как точный синоним слова «ведомости»: например, в его дневнике отмечено, что императрица, получив почту, читала в московских газетах (т.е. в «Московских ведомостях») «вояж из Херсона до Бакчисарая».

²⁶ Высочайшие собственноручные письма и повеления... С. 170, 171.

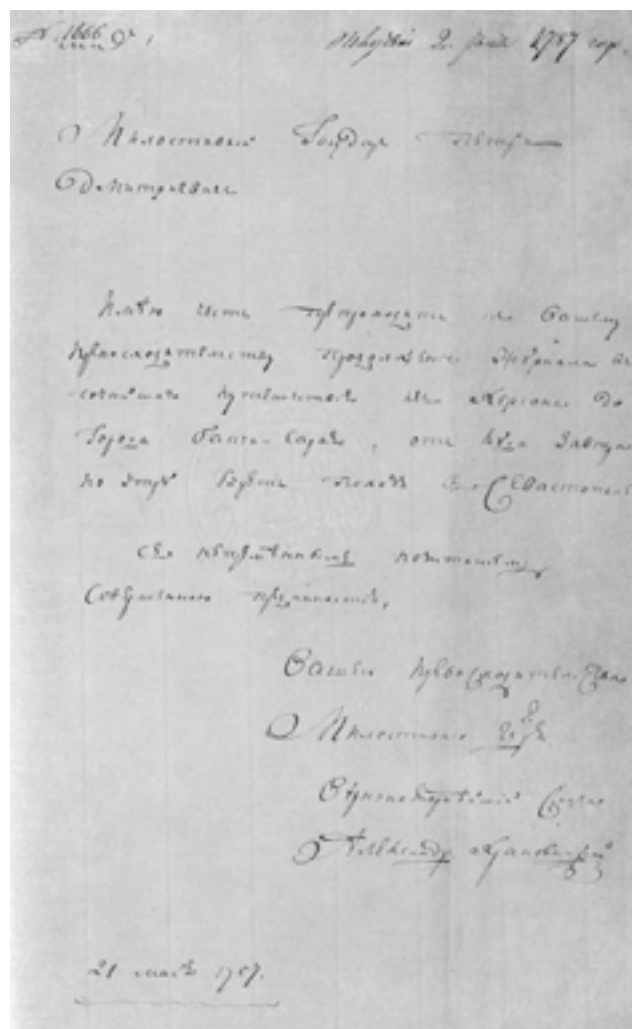
«...По Высочайшему соизволению Её Императорского Величества посылаю Вам Журнал... для напечатания в московских газетах». Итак, высочайшее указание, дозволение или пожелание печатать журнал в газетах наверняка было и, скорее всего, оно было передано Еропкину Храповицким в сопроводительной записке.

Одновременно становится понятно, что в момент формирования дела в нём уже не доставало никак не меньше двух записок подряд. Если в течение января – февраля в газете был опубликован текст «Журнала...» вплоть до приезда императрицы в Киев 29 января, то, значит, и после 9 января в Москву продолжали поступать новые фрагменты рукописи, которым, скорее всего, также сопутствовали сопроводительные записки.

При этом аналогично тому, как письмо Храповицкого, датированное 28 апреля, ошибочно помещено в деле перед записями «Журнала...» за 2–29 января, расположение ещё ряда записок не соответствует исторической реальности разбивки текста «Журнала...» на фрагменты при их отправке в Москву.

Записка от 28 апреля, по-видимому, относится к первому фрагменту «Журнала...», отосланному после возобновления путешествия, то есть к записям от 22–27 апреля. Именно потому, что речь шла о продолжении печатания «Журнала...» после длительного перерыва, было уместно напомнить Еропкину о назначении присланного фрагмента. При отправке через несколько дней очередной части рукописи надобности в таком напоминании уже нет, и с этого времени употребляются фразы: «посылаю продолжение Журнала» и т.п.

Если исходить из того, что сопроводительные записки, как правило, отправлялись на следующий день после даты последней записи, то в соответствии с проставленными на них датами²⁷ следующие фрагменты журнала были отправлены в Москву 13, 16, 21, 27, 30 мая и 13 июня. Один из отосланных в Москву фрагментов является неполным – в деле отсутствуют записи за 3–4 июня, по-видимому утраченные вместе с предварявшей их сопроводительной запиской от 5 июня. В эти дни, согласно тексту журнала, опубликованному в «Московских ведомостях»²⁸, императрица заезжала в имение графа Безбородко – Анновку, а затем отправилась в Кременчуг.

Сопроводительная записка статс-секретаря А.В. Храповицкого московскому главнокомандующему П.Д. Еропкину при отправке фрагмента рукописи «Журнала Е.И.В. высочайшего путешествия...». 21 мая 1787 г. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 36. Т. 2. Л. 63

Личные дневниковые записи Храповицкого, которые он продолжал вести на протяжении всего пути, свидетельствуют о том, что Екатерина не теряла интереса к «Журналу...» и регулярно контролировала его ведение, выступая фактически в качестве редактора этого сочинения. Особенно интересны случаи, когда по требованию императрицы те или иные записи бывали удалены. Так, при чтении 29 апреля по её указанию «вычернено из Журнала, что вчера поутру

²⁷ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 36. Т. 2. Л. 53, 60, 63 70, 76, 90а, 95.

²⁸ Московские ведомости. 1787 г. 12 июня. Аналогичный фрагмент имеется в печатном издании (Журнал... С. 88, 89).

прижало к берегу галеру “Днепр”, для того, дабы не вышло пустых разглашений и толков»²⁹.

В дневнике Храповицкого отмечены и другие случаи, когда Екатерина потребовала «вычернить» записи из «Журнала...». Один из них касался упоминания о её тосте за здоровье «лучшего друга» – императора Иосифа, произнесённом в Инкермане в момент, когда перед Екатериной с её спутниками (среди которых находился под именем графа Фалькенштейна австрийский император) открылась панорама стоящего на рейде Черноморского флота³⁰. Этим Австрии было дано понять, что Россия ничуть не меньше неё способна, а главное, намерена участвовать в будущей судьбе турецких владений в Европе, т.е. Балкан и Греции.

В другой раз, по словам Храповицкого, ему была «вымыта голова за внесение похвальных войскам рескриптов от слова до слова в Журнал»³¹. Возможно, Екатерина не только указывала, что именно следует исключить из записей, но и предлагала Храповицкому внести в текст какие-либо факты, детали, слова и выражения, хотя в своих записках он нигде этого не отмечает. Зато упоминается другой показательный эпизод: «19 [апреля 1787 г.] – спрашивано, не веди ли я Журнала для себя? Не знаю, к чему относится»³². Вероятно, императрицу интересовало, не ведётся ли параллельный «Журнал путешествия...», в котором события, да и она сама, представлены как-то иначе. Опасения такого рода вполне понятны: достаточно вспомнить, что никакие усилия не предотвратили толков о «потёмкинских деревнях»³³ после поездки.

Просматривая доставляемую ей почту, Екатерина следила и за ходом печатания журнала в Москве, пытаясь понять, как он там воспринимается. На это указывает отмеченный в записках Храповицкого случай

на обратном пути, когда царский кортеж находился уже за пределами Крыма: «13 [июня 1787 г.] – читан в московских газетах “Вояж из Херсона до Бакчисарая” (этот фрагмент был напечатан в «Московских ведомостях» от 9 июня. – *Авт.*). Тут сделано замечание, что ехали благополучно, быв окружены татарами»³⁴.

Эти несколько отрывочные сведения всё же определённо указывают, что Екатерина II отводила публикуемому в ходе путешествия «Журналу...» важную роль в достижении целей, которые она преследовала своим путешествием.

Заинтересованность императрицы в печатании «Журнала...» объясняется в том числе и её желанием зафиксировать в этом документе убедительные доказательства принципиальной верности и фактической успешности своей восточной политики, в частности, мер по развитию присоединённых территорий. Она не раз, устно и письменно, заявляла в ходе путешествия разным адресатам о своём желании убедиться лично и убедить других в правильности принятых решений.

Так, у Храповицкого встречается ценное свидетельство отношения императрицы к этому вопросу и даже её прямое высказывание: «21 [мая 1787 г.] – говорено с жаром о Тавриде. “Приобретение сие важно; предки дорого бы заплатили за то; но есть люди мнения противного, которые жалеют ещё о родах, Петром I выбритых. А.М. Дмитриев-Мамонов³⁵ молод и не знает тех выгод, кои чрез несколько лет явны будут»³⁶.

В комментарии издателя «Памятных записок» Г.Н. Геннади отмечается: «Здесь намёк на интриги придворных против Потёмкина, на наветы, которыми старались очернить и удалить Потёмкина во время его отсутствия из Петербурга, когда усиливались высказать государыне тщету его трудов и трат в Южном крае России. И эта же мысль выражена ещё подробнее в печатных письмах государыни к Еропкину в Москву»³⁷.

В самом деле, подобные высказывания в письмах в Москву и Петербург неоднократно повторяются.

²⁹ Памятные записки А.В. Храповицкого... С. 28.

³⁰ Там же. С. 31.

³¹ Там же. С. 32.

³² Там же. С. 27.

³³ Исследователями давно установлено, что с фактической стороны мнение о бутафорском характере потёмкинских построек в Херсоне и в Крыму не более чем миф. См., напр.: Панченко А.М. «Потёмкинские деревни» как культурный миф // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 4. С. 685–700; Лылова М.Е., Тимофеев Ю.В., Лупанова Е.В. Путешествие Екатерины Великой в Крым. Миф о «потёмкинских деревнях» // Вестник Екатеринбургского института (Сер. «История»). 2014. № 2 (26). С. 107–112.

³⁴ Памятные записки А.В. Храповицкого... С. 32. Имеется в виду эпизод, когда процессию по дороге в Бахчисарай, по желанию Екатерины, сопровождала татарская конница (Журнал... С. 75).

³⁵ Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич (1758–1803) – фаворит Екатерины II в 1786–1789 гг. Реплика Екатерины II указывает на то, что он был проводником скептических суждений о перспективах Крыма и Новороссии в её ближайшем окружении.

³⁶ Памятные записки А.В. Храповицкого... С. 30.

³⁷ Там же.

«...Весьма мало знают цену вещам те, кои с уничижением бесславили приобретение сего края, и Херсон и Таврида со временем не токмо окупятся, но надеяться можно, что есть ли Петербург приносит осьмую часть дохода империи, то вышеупомянутые места превзойдут плодами бесплодных мест. Кричали и противу климату, пугали и отсоветовали обозреть самолично, сюда приехавши, ищу причины такого предубеждения безрассудного. Слышала я, что Пётр Первый в рассуждении Петербурга долговременно находил подобные, и я помню ещё, что тот край никому не нравился, воистину сей не в пример лучше, тем паче что с сим приобретением исчезает страх от татар, которых Бахмут, Украина и Елисаветград поныне сие помнят, с сими мыслями и я, с немалым утешением написав сие к Вам, ложусь спать; сего дня видя своими глазами, что я не причинила вред, но величайшую пользу своей империи»³⁸. В том же ключе пишет она об этом предмете и Брюсу³⁹.

Едва ли эти письма следует оценивать только как выражение личного мнения императрицы, которыми она доверительно делится со своими ближайшими сотрудниками. Дело, вероятно, в том, что лаконичная протокольная форма «Журнала...» не всегда позволяла доводить до московского и петербургского «света» важные с её точки зрения впечатления, факты и суждения. Поэтому она время от времени продолжает прибегать к намеченному ею в начале путешествия методу доведения тех или иных своих идей до общества через непосредственную переписку с московским и петербургским главнокомандующими.

Весь строй высказываний Екатерины, сама их энергия свидетельствуют о том, что неприятие её политики, по-видимому, было очень ошутимым. Однако, чтобы только лишь удостовериться в успешности освоения южных земель, не было необходимости разворачивать на просторах империи столь впечатляющее действие, крайне обременительное для казны. По-видимому, с самого начала оно было задумано не только как средство воздействия на искушённых иностранных наблюдателей и скептически настроенную часть подданных. По свидетельству французского посланника Л.-Ф. де Сегюра, сопровождавшего императрицу, у неё были и иные побудительные мотивы,

требовавшие её личного и столь активного участия в мероприятиях поездки. Она признавала: «...Я путешествую не для того только, чтоб осматривать местности, но чтобы видеть людей [...]. Мне нужно дать народу возможность дойти до меня, выслушать жалобы и внушить лицам, которые могут употреблять во зло моё доверие, опасение, что я открою все их грехи, их нерадение и несправедливость. Вот какую пользу хочу я извлечь из моей поездки; одно известие о моём намерении поведёт к добру. Я держусь правила, что *глаз хозяйский зорек*»⁴⁰.

Несмотря на наличие скрытых мотивов (сколь бы значимое место они ни занимали), монархине негласно предписывалось соблюдение определённых церемоний и ритуалов, символически связанных с многоступенчатой иерархической конструкцией сословного общества. Задача церемоний состояла в том, чтобы упорядочивать существующую действительность, утверждая идеальную модель монархического строя в сознании и поведении людей.

Случайно ли, что первоначально установленный срок путешествия в Крым (первая половина 1785 г.) приходился как раз на время подготовки к обнародованию «Жалованных грамот» (они были опубликованы в апреле 1785 г.)? Не предполагалось ли даровать их именно во время торжественного путешествия императрицы по стране?

Многократно повторяющееся в «Журнале...» описание встречи императрицы явственно отражает своеобразный социально конструирующий характер этой церемонии. На границе губерний Екатерину встречали губернатор, военные и гражданские чины, представители губернского дворянства во главе с его предводителем. Они составляли конный эскорт, в него входили выборные от уездного дворянства, которые сменялись на границе следующего уезда, а также от городских самоуправлений. Регламентация облика и поведения во время церемонии касалась и представителей податных сословий. В «Журнале...» неоднократно отмечается, например, что на одежде цеховых красовались значки их цеховых управ⁴¹.

Для возведения стройного государственного здания требовалось некое общее, универсальное начало, способное собрать все части государства –

³⁸ Высочайшие собственноручные письма и повеления... С. 258, 259.

³⁹ Письма императрицы Екатерины II... С. 24–26.

⁴⁰ Записки графа де Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865. С. 154, 155.

⁴¹ Журнал... С. 9, 16, 18, 24, 29, 30 и др.

сословные, этнические, территориальные – в единое и нераздельное целое. Это единство определялось некой высшей идеальной целью, идеей. Такая идея обязательно должна была найти отражение в драматургии государственных церемоний.

Место, занимаемое Россией на международной арене, и её политические притязания, во многом обусловленные стратегическим закреплением на Чёрном море; активное хозяйственное освоение Причерноморья; начало интеграции живущих здесь народов в общеимперский организм – всё это играло особую роль в дальнейшем воплощении амбициозного «имперского чертежа» в действительность. «Греческий проект» придавал решающее значение тому обстоятельству, что Северное Причерноморье было в прошлом частью античного и византийского мира. Получение Россией настоящего античного наследия имело большой политический смысл: с присоединением Причерноморья и Крыма Российская империя обретала собственную античную и, что было особенно важно, византийскую, православно-христианскую историческую почву под ногами, а с ней и чувство имперской полноценности. Не менее важно было обретение почвы, плодородной и в физическом смысле. Благодатный юг был по характеру своей природы всё же ближе к создаемому империей земному раю, чем субарктические невские болота, среди которых его попытался устроить Пётр I. Что до того, что до превращения в райский сад всей России было ещё далеко, – империи живут в долгом историческом времени! Важно, что теперь Российская империя стала приближаться к райскому состоянию хотя бы на части своей территории, подтверждая верность своему высшему предназначению.

Путешествие в Крым должно было не только свидетельствовать об успешности конкретных политических решений Екатерины II. Несомненно, императрица не могла не думать о подведении итогов своей государственной деятельности за четверть века, прежде всего в русле реализации российского имперского проекта, предначертанного Петром I. По замечанию Сегюра (высказанному им императрице в Севастопольской бухте, во время смотра только что отстроенного Черноморского флота), основанием Севастополя она «довершила на юге то, что Пётр начал на севере»; оставалось лишь «одержать победу над природою, населить и оживить все эти завоёванные земли и обширные степи, чрез которые мы недавно проезжали»⁴². Сегюр,

участник и наблюдатель церемонии путешествия, не только с должной придворной ловкостью сформулировал то, что в этот момент желала услышать императрица, но и очень точно очертил пропедевтику всего мероприятия, подметив при этом, что, несмотря на успехи екатерининской политики в Полуденном крае в целом, трудоёмкое освоение причерноморских земель – пока ещё перспектива будущего.

Конечно, общий замысел, так сказать, публицистическая идея этой поездки не предполагала возможности неудачи.

А то, что действительно удалось сделать Потёмкину, ожиданий Екатерины не обмануло. Это было зримое воплощение триумфа проявленной ею политической, имперской воли.

Слово «триумф» и является ключевым для понимания семантики высочайшего путешествия. Со времён Петра I не коронация, а именно триумф – торжественный въезд в город монарха в качестве вождя победоносной армии – стал главной церемонией царствования⁴³. Будучи, по существу, изображением имперской идеи со всеми её упомянутыми компонентами, триумф являлся наиболее подходящим приёмом для её предьявления. «Греческий проект» был реализацией, конкретизацией именно имперской идеи. Триумф и стал естественным и единственно адекватным способом признания его успеха, а одновременно – удачным приёмом «назидания государственных польз» и утверждения самой имперской идеи. В стилистике триумфа выдержан весь сценарий путешествия, что не могло не отразиться и в «Журнале...». Например, описание проезда императрицы через триумфальные ворота при её встрече в губернских городах повторяется более 15 (!) раз⁴⁴.

В письмах Екатерины из Новороссии разным лицам употребляется специфическая «райская» лексика⁴⁵. Вот что она пишет, например, Брюсу в Санкт-Петербург из Херсона: «...Где сажают, тут всё растёт, где пашут, тут изобилие, строение всё каменное, мы жары

⁴³ Подробнее см.: *Ибнеева Г.В.* Церемониал российских императоров (XVIII–XIX вв.). Казань, 2008. С. 59.

⁴⁴ Журнал... С. 16, 31, 34, 36, 40–42, 54, 96, 100, 102, 103, 107, 109, 113, 117, 130, 136.

⁴⁵ *Зорин А.Л.* «Кормя двуглавого орла...»: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX вв. М., 2001 г. С. 114–117; *Живов А.М.* Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение России конца XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). М., 1996. С. 671.

⁴² Записки графа де Сегюра... С. 215.

по сю пору не чувствуем, все здоровы, здешние люди больного вида не имеют, и всё колышется, людство великое и стечение людей со всех край, наипаче же всё полуденные»⁴⁶. Другое её письмо с подобными описаниями заключается восклицанием: «Здешний край есть рай земной!»⁴⁷

Описание Байдарской долины вызывает в памяти пейзажи фантастических благодатных стран на полотнах знаменитых итальянских и французских мастеров во дворцах Петербурга: «...Проехали горами окружённую долину Байдарскую, где каждый шаг являл зрению различные виды, составленные из живых картин в приятном смешении высоких гор, обиталищ, плодоносных деревьев и неподражаемых неравностей местоположения. При окончании сей долины в урочище Скели, принадлежащем генерал-фельдмаршалу князю Григорию Александровичу Потёмкину, Всемиловейшая Государыня и граф Фалькенштейн изволили иметь обед и осматривали ближние окрестности текущей тут речки Биюк-Юзень, изображающей водоскат в крутом падении на камни»⁴⁸.

Но речь отнюдь не идёт о простом присвоении Российским государством цветущего юга как дара природы. «Оживотворение» новых земель и превращение их в райский сад происходит лишь благодаря государству, и прежде всего благодаря трудам и попечению его «беспримерной» правительницы. Так, приветствуя её, архиепископ Екатеринославский и Херсонеса Таврического Амвросий «говорил речь, изъявляющую радость всего Полуденного края, восхищённого посещением Монархини, превратившей неплодные пустыни в обитательные сёлы и грады, защитившей страну сию от сопостатов»⁴⁹.

Изначально многонациональный состав новоприсоединённых земель, как и приток сюда разноэтничных переселенцев, естественно, актуализировали и такую важнейшую грань идеи Империи, как объединение разных народов под скипетром монарха во имя просвещения (в т.ч. и в христианском смысле этого понятия). Эта тема не раз возникает на страницах «Журнала...». В Екатеринославе, «когда Её Императорское Величество изволила идти к обеденному столу, представлены были и жалованы к руке осетинского народа депутаты от верноподданных пле-

мён туюганского, кубардинского и карабугинского, просящих святого крещения»⁵⁰. Заметим – племена эти жили не в самом Причерноморье, а на Северном Кавказе. В Бахчисарае, «на пути, по которому Её Величество от дворцового крыльца к церкви шествовать изволила, стояли из благородных малолетние греки и албанцы»⁵¹, потом дети мурз татарских, и напоследок мальчики и девочки вышедших из Молдавии и Валахии поселенцев, близ Бакчисарая живущих»⁵². Сюда же относится и уже упомянутый сюжет с эскортированием императрицы татарской конницей.

В соответствии с имперским мифом расцвет жизни и благоденствие народов являлись конечной целью военно-стратегического закрепления Российского государства в Причерноморье, развернувшегося здесь громадного военного и морского строительства. Немалая часть повествования «Журнала...» о пребывании императрицы на юге – это сообщения о военных манёврах, маршах, высочайших смотрах войск, награждениях лучших офицеров, церемониях спуска на воду кораблей на верфях в Херсоне. Логично, что наивысшей точки военно-морская тема в «Журнале...» достигает в Севастополе, где специально для эрцгерцога Австрии Иосифа II была явлена эффектная сцена.

«Мая 22-го. В 10-м часу утра Её Императорское Величество и граф Фалькенштейн изволили выехать из Бакчисарая, и по перемене лошадей при Мекензиевом хуторе, 20 [вёрст]⁵³, в Инкермане⁵⁴, 14 вёрст,

⁵⁰ Журнал... С 56, 57. Идентифицировать эти наименования с существовавшими в то время осетинскими племенными союзами не удалось.

⁵¹ Это были не этнические албанцы, а добровольцы из Греции, принимавшие участие в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. в рядах русской армии. В 1775 г. под названием «албанское воинство» они были размещены в Крыму, в районах городов Керчи, Феодосии и будущего Севастополя, где начали обзаводиться семьями. Жёнами «албанских воинов» становились местные татарские и караимские женщины.

⁵² Журнал... С. 76.

⁵³ Имение, расположенное к востоку от Севастопольской бухты. Было даровано Потёмкиным контр-адмиралу Ф.Ф. Мекензи (1740–1786), шотландцу на русской службе, руководившему строительством Севастополя, в награду за его заслуги.

⁵⁴ Назван Инкерманом после захвата Крыма турками (XV в.). Ко времени вхождения Крыма в состав России на его месте сохранились лишь развалины крепостных сооружений. Поселение вновь возникло во второй половине XIX в. Ныне Инкерман входит в Балаклавский район г. Севастополя.

⁴⁶ Письма императрицы Екатерины II... С. 24, 25.

⁴⁷ Там же. С. 25.

⁴⁸ Журнал... С. 80.

⁴⁹ Там же. С. 56.

был обеденный стол в виду пространной и знаменитой Севастопольской гавани и стоящего там на рейде Черноморского флота в числе 15 военных кораблей и фрегатов и 16-го бомбардирского корабля. В продолжении стола на корабле, называемом “Слава Екатерины”, поднят кейзер-флаг⁵⁵; каждое судно салютовало 15 выстрелами, и с флагманского корабля ответствовано из 7 пушек.

После обеда, доехав до пристани, Всемиловейшая государыня благоволила сесть на шлюпку с графом Фалькенштейном и в препровождении свиты, на других шлюпках бывшей, продолжала шествие водою к городу Севастополю. Приблизясь ко флоту, поднят был штандарт на шлюпке Её Величества, и вдруг корабли и фрегаты, спустя свои флаги, юйсы⁵⁶ и вымпелы, салютовали из всех пушек, а матросы, стоявшие по реям, вантам и борту, кричали *ура!* Потом, когда шлюпка с штандартом поравнялась против флагманского корабля, то каждое судно сделало 31 выстрел при вторичном восклицании матросов, и тогда же производилась пушечная пальба с транспортных и купеческих судов, с берега севастопольского и с четырёх батарей, при входе в гавань расположенных⁵⁷.

«Журнал...» не сохранил для потомков описания Севастополя в 1787 г. Обратимся снова к свидетельству графа де Сегюра. В своих «Записках о пребывании в России» он обычно оценивал увиденное сдержанно или критически, но на этот раз оно его глубоко впечатлило. «...При звуках прекрасной музыки внезапно отворились двери большого балкона, и взорам нашим представилось величественное зрелище; между двумя рядами татарских всадников мы увидели залив вёрст в 12 вдале и на 4 в ширину; посреди этого залива, в виду царской столовой, выстроился в боевом порядке грозный флот, построенный, вооружённый и совершенно снаряжённый в два года. Государыню приветствовали залпом из пушек, и грохот их, казалось, возвещал Понту Евксинскому о присутствии его владычицы и о том, что не более как через 30 часов флаги её кораблей могут развеяться в виду Константинополя, а знамёна её армии – водружаться на стенах его. Мы спустились в залив. Екатерина обзревала корабли свои и дивилась глубине и ширине залива, вырытого природою, будто с намерени-

ем устроить здесь прекраснейшую пристань в мире. Проехав залив, мы пристали к подножию горы, на которой полукружием возвышался Севастополь, построенный Екатериною. Несколько зданий для складов товаров, адмиралтейство, городские укрепления, 400 домов, толпы рабочих, сильный гарнизон, госпиталь, верфи, пристани торговые и карантинные – всё придавало Севастополю вид довольно значительного города. Нам казалось непостижимым, каким образом в 2000 верстах от столицы, в недавно приобретённом крае Потёмкин нашёл возможным воздвигнуть такие здания, соорудить город, создать флот, утвердить порт и поселить столько жителей. Это действительно был подвиг необыкновенной деятельности⁵⁸.

Завершающим актом высочайшего посещения присоединённых земель стало награждение всех отличившихся в ходе их освоения и укрепления, а также при строительстве Черноморского флота. Оно состоялось уже за пределами Новороссии, в Полтаве, после военных манёвров. «Всемиловейшая государыня поручить изволила генерал-фельдмаршалу князю Григорию Александровичу Потёмкину, чтоб объявил монаршее благоволение его подчинённым, дворянству и прочим обществам за ревностное и радетьное исполнение должностей в губернии Екатеринославской и области Таврической. Сенату предписано заготовить похвальную грамоту с означением подвигов генерал-фельдмаршала князя Потёмкина в присоединении Тавриды к империи Российской, в успешном заведении хозяйственной части и населении губернии Екатеринославской, в строении городов и в умножении морских сил на Чёрном море, с прибавлением ему именованная *Таврического*»⁵⁹. Далее следует длинный список генералов, офицеров и чиновников, удостоенных различных наград или повышенных в чине за заслуги⁶⁰.

Однако символика путешествия отнюдь не сводилась к облечённым в античные формы образам Империи, к темам экономического и военного могущества России и её общеевропейской и мировой роли, заявкой на которую стал новый Черноморский флот. В ходе поездки по стране венценосная путешественница совершает целый ряд символических актов, призванных подчеркнуть её верность русской религиозной и государственно-политической традиции.

⁵⁵ Флаг, который поднимается на корабле в знак присутствия на нём особ царской фамилии.

⁵⁶ Т.е. гюйсы, носовые флаги кораблей.

⁵⁷ Журнал... С. 76, 77.

⁵⁸ Записки графа де Сегюра... С. 213, 214.

⁵⁹ Журнал... С. 92, 93.

⁶⁰ Там же.

Майя 22^я Въ десѣтомъ часу Дрѣ
 С.А. ИМПЕРАТОРСКОЕ
 ВЕЛИЧЕСТВО и Графъ
 Францештейнъ изволи
 шъ въѣхати въ Тама
 саранъ и по перемѣнѣ
 Лошадей стри
 Меневисвоиъ
 Хуторѣ 20. } верста
 въ Импермантъ ... 14. }
 Былъ обѣденный Столъ
 въ видѣ пространной
 и знаменитой Севасто
 польской Таблицы и Ста
 щего тамо на рейдѣ
 Черноморскаго Флота въ
 числѣ пятнадцати
 военныхъ Кораблей и
 Фрегатовъ и шестнад
 цатого Бомбардирскаго
 Корабля. Въ продолженіи
 стола на Корабѣ назо
 вавшемся Слава Енати
 ринби поднятъ Кензер
 флакъ, нагдѣ сурно съ
 лютвало пятнадцатъ
 въспертлами и съ фламаномъ

Фрагмент рукописи
 «Журнала Е.И.В.
 высочайшего
 путешествія...»
 с описанием обеда
 Екатерины II и эрцгерцога
 Австрии Иосифа II на
 берегу Севастопольской
 бухты и объезда ими
 кораблей Черноморского
 флота
 22 мая 1787 г.
 ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 1.
 Д. 36. Т. 2. Л. 72-75

Корабли отоготованы
 изъ семи пушекъ.
 После обхода дотхавъ
 до Пристанн всемилобн
 стншаа Государбнн
 Благоволиа съездъ на
 шлобну съ Графомъ
 Фаленштейномъ, и
 въ препровожденн сон
 тви на дрехнхъ шло
 нахъ бывшей, продо
 раа шестое водото
 на Городъ Севастополя
 Приблгасо по флоту,
 Похатъ бвнъ шта
 дартъ на шлобн съ
 бслнссствн и ворт
 Корабли и фрегаты ст
 стл свои флаги, тнзв
 и бвнглнбн, салтова
 ли изъ вснхъ пушекъ
 матеробн стоявшн
 по релнб, вантамъ
 и борту пригали Гра
 Потомъ погда шлобн
 съ Штадартномъ П
 равляасо геротннвъ

флагманскаго Корабля,
то на^{дое} Судно зовла
но ^{д.} ввистрпалъ при
вторичномъ воспаница
ннѣ Матрвововъ, и
тогда се произвооилася
Пушечная Палуба съ
Транспортныхъ и
Кухонныхъ судовъ,
съ берега Севастополя
наго, и съ Сестрель
Сатарей при входѣ въ
Заванъ расположенныхъ
Е.И.ИМПЕРАТОР-
СНОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
примеждъ съ пристани
въ домъ для ввисоганъ
шаго пребвванія изво
товленнннн, Извоинла
заловаттв въ рѣннѣ
Серноморскаго флота
Контрѣ-Адмирала Тра
фа Вонновска, Капн
тановъ Бригадирскаго
Тина Алннннннн и Ша
нова, Капитана пер
ваго ранга Мнзделл

и прочих Морских
 Штабъ и оберъ офицеровъ
 въ Малютинъ находя-
 щейся Россійский Портъ
 ренный въ дѣлахъ фло-
 та Капитанъ Перваго
 ранга Писаръ Подписеъ
 Ея Императорскому
 Величеству присланны
 отъ Троицка-менстера
 Пальмовую ветвь съ
 кустомъ Цвѣтковъ
 Профессору Училища
 въ Знакъ Подвздошная
 приобрѣтениа Маври-
 дьи, и Всемилостивѣи-
 шей Государыни Го-
 дно было отгдѣль псу-
 ветвъ Генералу фельд-
 маршалу Князю Григо-
 рью Александровичу
 Потемкину яко основа-
 телю Севастопольской
 Гавани, потторой ея
 послалъ на Кораблѣ
 слава Ендреевичи.

въ Севастополѣ Мая 23го Для дня воскресна-
 го ЕЯ ИМПЕРАТРИЦЫ
 СИНОЕ ВЕЛИЧЕСТВО и
 Графъ Франкенштейнъ
 слушалъ Литургію
 въ Каменной Севасто-
 польской Церкви Свята-
 го Создателя и испо-
 лналъ. По возвращеніи
 ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА во
 дворецъ представлены
 были и допущены въ
 ризы Бригадира Але-
 исіано, Жеска капита-
 на Перваго ранга Пиз-
 дела, и терзіе дамы
 Штаба и оберъ офице-
 ровъ флота Черномор-
 ского.
 По полудни въ шес-
 томъ часу всемпле-
 ственнѣйшая Госуда-
 риня съ Графомъ
 Франкенштейномъ и
 нѣкоторыми особами
 изъ свиты Изволила
 бытъ на Корабль

слава Статтеркибе, туго при поднятии
 Штандарта, Корабли и фрегаты на рейде
 стоящие галми со- свои батареи; По томъ
 по дакому Приказа- нно соропушегквн
 фрегаты Легионъ про- ходилъ мимо флотса.
 Графъ фамеништейнъ гзнулъ для обозрѣнн
 новаго констрнцнн пяттидесятипушег- наго фрегата св. Ан-
 дрея, и ства на шлю- бу съ Е. Е. И. М. П. Е. Р. А.
 П. О. Р. С. И. М. В. Е. Л. И. С. С. Т. В. О. М. В. О. С. М. А. Т. Т. Е. Р. И. В. А.
 м пространство в- вастотголовной гавани и бухты въ тоу ле-
 гащнхъ; въ то вре- мя свншнмо было
 восмнцаннхъ Матро- зовъ по реалъ, ван- тамъ и борту гооста- вленквнхъ, флотса

салютовала въ всѣхъ
Пушечнѣ, и производн
-лась Каннонада съ
Батарей на берегу
строеной.

Въ десятиомъ часу
вечера съ бомбардир
-снаго Корабля плени
-емаго Страннвн въ
разстояніи 300 Са
-женъ бомбардированъ
Торгоуа зрѣланнвн
противъ Рейде на
Сѣверной сторонѣ Се
-рега и съ пятого вѣ
-стрѣла заженъ.

Стоит отметить политически-прикладную значимость этой смысловой линии. Темы империи и её великого будущего, «государственных польз», были адресованы прежде всего дворянству, которое составляло около 1% населения, в то время как крестьян в России было более 90%⁶¹. Их экономическое и правовое положение стало за годы царствования Екатерины II заметно тяжелее, а ментальный, культурный, цивилизационный разрыв между ними и дворянством, а также государством только углубился. Идея Империи ничего не говорила уму и сердцу крестьянина, она не сулила ему никаких перспектив, кроме жертв, тягот и лишений. В этих условиях подчеркнуть русскую и православную идентичность «царицы-немки» и самой государственной власти в лице «регулярного» бюрократического Петербурга было ничуть не менее важно, чем популяризировать имперскую идею среди дворян.

Два упомянутых смысловых ряда путешествия развиваются параллельно, иногда переплетаясь. Видную роль в церемониях встреч государыни неизменно играют местные представители церковной иерархии (архиепископы). Их речи и проповеди часто посвящены разъяснению и пропаганде призвания и дела империи, в частности в связи с присоединением и освоением новых земель. Екатерина же, подчёркивая свою верность православной вере, закладывает кафедральные соборы, исполняет все приличествующие ситуации религиозные обряды, посещает церковные службы, поклоняется местным святыням, производит пожертвования храмам, монастырям и духовным учебным заведениям. Посещаемые ею в ходе поездки по России храмы и святые места выступают в качестве отдельных точек этой линии путешествия. Двигаясь по землям Малороссийского наместничества, Екатерина отмечает своим присутствием древние соборы, хранящие память о князьях Киевской Руси⁶². Важный смысловой узел этой тематической линии составляет пребывание императрицы в Киеве. Встречаясь со съехавшимися сюда представителями знати – польской⁶³, разноплеменной

мусульманской, малороссийской, иностранными дипломатами, предаваясь светским развлечениям, Екатерина не забывает о том, что Киев – «мать городов русских», древняя столица Руси, важнейший центр православного мира. И хотя в течение почти трёх месяцев её пребывания в Киеве журнал путешествия не вёлся, для одного события было сделано исключение. Это уже упомянутая запись о посещениях императрицей Киево-Печерской лавры, отсутствующая в архивном деле, но существующая в газетном и книжном вариантах «Журнала...». Здесь 13 февраля она причастилась и исповедовалась «вместе со всем генералитетом и придворным штатом», а 15 февраля обошла все пещеры, где поклонилась мощам святых и праведников⁶⁴. Включение этого события в ряд знаковых вех самого путешествия, несомненно, было сделано по указанию самой Екатерины.

Верность православной традиции императрица демонстрирует и в Крыму. По первоначальному замыслу, здесь должен был прозвучать мощный «византийский» аккорд, объединяющий имперскую и православную линии путешествия. Предполагалось, что в поездке императрицу будут сопровождать её внуки, 10-летний Александр и 8-летний Константин, кандидат на престол будущей греческой (византийской) империи. Именно в Крыму планировалось торжественно отпраздновать его тезоименитство, т.е. день святых Константина и Елены⁶⁵, основателей Константинополя как христианской столицы Римской империи. (Имя Елена носила сестра Константина и Александра, родившаяся в 1784 г.⁶⁶) Однако в связи с болезнью Александра от идеи участия внуков в поездке пришлось отказаться, и состоявшийся праздник был по-походному скромным. Богослужение прошло под шатром переносной полковой церкви⁶⁷.

Напомним, что на следующий день, 22 мая, состоялся и упоминавшийся уже смотр Черноморского флота. Затем в присутствии императрицы был отслужен молебен в каменной севастопольской церкви Святите-

⁶¹ Миронов Б.Н. Социальная история России. М., 2003. Т. 1. С. 130.

⁶² Журнал... С. 33.

⁶³ Екатерина стремилась играть роль арбитра в борьбе польских аристократических группировок. К 1772 г., по условиям первого раздела Речи Посполитой, часть её земель уже отошла к соседним державам: к России – восток Белоруссии, к Австрии – Галиция, к Прусскому королевству – Западная Пруссия.

⁶⁴ Журнал... С. 42, 43. Ср.: Московские ведомости. 1787. 17 марта.

⁶⁵ См.: Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 13. [Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел / Изданы Я.К. Гротом. Ч. 3]. СПб., 1874. С. 411.

⁶⁶ Великая княжна Елена Павловна. С 1800 г. замужем за принцем Мекленбург-Шверинским. В 1803 г. скончалась.

⁶⁷ Журнал... С. 75.

ля Николая⁶⁸. А вот событие крещения князя Владимира с дружиной в Корсунь в ходе крымской поездки не упоминалось. Это, вероятно, объясняется тем, что само это событие, известное по летописным сказаниям, не было тогда официально признанным. Например, путешеводитель 1786 г. о нём совершенно не упоминает, отмечая лишь, что князь Владимир захватил Херсонес (Корсунь), а затем вновь вернул его грекам⁶⁹.

Православная тема путешествия должна была получить дальнейшее развитие в первопрестольной Москве. Более того, нельзя было найти лучшего места и времени для торжественного финала всего путешествия, объединяющего обе его смысловые линии.

Ровно двадцатью пятью годами ранее здесь, в Успенском соборе Кремля, состоялось венчание Екатерины на царство. Теперь она прибывала в Москву с юга, чтобы отметить это событие во всём блеске успеха того державного дела, на служение которому она и получила благословение у кремлёвских святых. Понятно, что драматургия праздничного пребывания императрицы в Москве, сохраняя элементы общего церемониального канона, обнаруживает такие звенья и смысловые акценты, которые отсутствовали в других губернских городах.

Первую ночь на московской земле императрица проводит в Коломенском, в деревянном загородном дворце, построенном в 1767 г. На подъезде к Коломенскому произошла и её встреча с внуками Константином и Александром⁷⁰, которые прибыли из Петербурга для участия в юбилейных празднествах. На следующее утро, 27 июня, при громадном, как подчёркивал «Журнал...», стечении народа Екатерина вступила в Москву, сопровождаемая эскортом из должностных лиц, генералов, офицеров гвардии, выборных от московского дворянства.

Пропорции обычного регламента монаршего посещения городов заметно смещаются здесь в сторону религиозных церемоний. В течение трёх дней подряд императрица присутствует на торжественных богослужениях в Успенском соборе Кремля. Службы ведёт архиепископ Московский и Калужский Платон (в эти же

дни празднеств он, по высочайшему повелению, был провозглашён митрополитом)⁷¹ при участии высших церковных иерархов. Здесь же неизменно присутствуют все находящиеся в Москве чины первых пяти классов.

Первое богослужение знаменовало высочайший приезд в Москву. По окончании литургии императрица с великими князьями Александром и Константином, «приложась к святым иконам и почивающим в том соборе святительским мощам, обошла пешком Архангельской и Благовещенской соборы и Чудов монастырь»⁷².

Особой торжественностью отличалась служба в Успенском соборе на следующий день, 28 июня. Она была посвящена 25-летию вступления Екатерины II на российский престол. Литургии с участием императрицы предшествовали всенощное бдение и утренний благодарственный молебен, который был отслужен в присутствии чинов первых пяти классов.

29 июня, в день святых Петра и Павла, праздничным богослужением было отмечено тезоименитство наследника престола, великого князя Павла Петровича.

Вторая половина дня императрицы в Москве в общих чертах воспроизводила обычный распорядок её пребывания в губернских городах. Однако здесь к нему добавились поздравления высшего духовенства, иностранных дипломатов и московских сановников с 25-летним юбилеем царствования и тезоименитством наследника. В остальном всё происходит как обычно: «жалования к руке», обеды, развлечения, гром пушек, сияние вечерней иллюминации. 28 июня был устроен бал в Грановитой палате, 29-го – «маскерад» для всего дворянства в «дворянском клубе»⁷³, т.е. в здании Благородного собрания, только что построенном М.Ф. Казаковым (императрица и великие князья на нём не присутствовали).

Московские страницы «Журнала...», в отличие от крымских, почти не содержат специфических антично-имперских мотивов. Это не означает, что в ходе самих празднеств в Москве к ним совершенно не обращались, но в основном эти мотивы возникали именно в связи с темами присоединения и освоения Новороссии, Крыма и южного путешествия императрицы. Так было, например, в разыгранном на балу в

⁶⁸ Журнал... С. 78.

⁶⁹ Путешествие Ея Императорского Величества... С. 75.

⁷⁰ Встреча Екатерины с внуками состоялась в с. Знаменское (усадьба Захарьино-Знаменское, ныне на территории московского района Южное Бутово), откуда они «по радостном свидании... приехали вместе в Коломенское» (Журнал... С. 113, 114).

⁷¹ Журнал... С. 125.

⁷² Там же. С. 120, 121.

⁷³ Там же. С. 126.

Кремле музыкально-драматическом прологе «Щастливая Россия», сочинённом М.М. Херасковым и положенном на музыку Иваном Булантом (Ж. Бюланом)⁷⁴. Это же можно сказать и о представлении, которое устроил 30 июня для Екатерины граф П.Б. Шереметев в своём имении Кусково. Описание визита к Шереметеву имеется в «Московских ведомостях» (при этом оно отсутствует в самом «Журнале путешествия...», кратко отметившим лишь факт посещения императрицей Кускова)⁷⁵. Для встречи императрицы здесь были воздвигнуты «ворота ионического ордера», украшенные фигурами Нептуна, Марса, Аполлона и Меркурия, летящей Славы с трубами, а также картиной, изображающей «город и часть моря под солнечным полуденным сиянием и вензелем Её Величества». Автор описания подчёркивает, что народ, заполнивший весь «обширный Кусковский сад», собрался «для лицезрения всемилостивейшей своей Монархини, возвратившейся из путешествия, которое предпринято ею к большому распространению российской славы, пользы и блаженства»⁷⁶. Героический античный сюжет воспроизводила и показанная Екатерине в Шереметевском театре опера П. Гретри «Самнитские браки» с П.А. Ковалёвой-Жемчуговой в главной партии.

Тема Империи фактически оказывается на периферии московских празднеств. В Москве ничто не должно было подменять и заслонять собой высшего сакрального смысла русского царства, который мог быть явлен только здесь и именно в ходе праздничных богослужений с участием императрицы в главном храме государства. Этот смысл подлежал трансляции с помощью визуальных образов государственных церемоний и религиозных обрядов. Выдвижение в Москве на первый план русской религиозной и государственно-политической традиции, вероятно, соответствовало замыслу самого путешествия. Это должно было недвусмысленно показать «всему народу православному» ту иерархию ценностей, которую исповедуют императрица и петербургская власть. Новый петербургский «триумфальный» ряд государственных церемоний уступил

главное место историческому, московскому, «коронационному». Органичного объединения двух линий путешествия при этом так и не произошло.

1 июля, после продолжительной беседы с генералами, сенаторами и другими сановниками, состоявшейся в доме московского главнокомандующего, государыня, согласно журнальной записи, осмотрев «строящийся в Кремле для присутственных мест дом»⁷⁷, соизволила при пушечной пальбе отбыть в Екатерининский, а из оного в Петровский дворец»⁷⁸. В течение двух дней записи не ведутся. Из камер-фурьерского журнала следует, что в эти дни императрицу посещали великие князя Александр и Константин, церковные иерархи, официальные лица и представители московской знати⁷⁹. Утром 4 июля императорский поезд двинулся из Москвы в направлении Клин – Тверь – Санкт-Петербург⁸⁰.

Грандиозное путешествие императрицы в «полуденные страны России», при всей значимости его внешнеполитических и инспекционных задач, было прежде всего мероприятием политико-идеологическим. Оно явилось составной частью политики строительства имперской государственности, оформления сословного строя, реорганизации (фактически организации) управления на местах. Одной из ключевых целей этой работы было формирование полноценного правящего сословия, превращение российского дворянства в общество просвещённых людей, объединённых идеей служения государству, помыслами о «государственных пользах», способных и готовых по совести исполнять сложные административные функции.

Обретение дворянством – прежними «служилыми людьми» – статуса привилегированного сословия было для этого необходимым, но недостаточным условием. Екатерина не могла быть довольна тем, каким образом значительная часть дворян пользуется полученными ими в «Манифесте о вольностях дворянских» (1762) правом выбора вида деятельности, привилегиями владения землёй и крепостными крестьянами. Её критические оценки тогдашнего состояния российского дворянства хорошо известны по множеству её высказываний, написанным ею сатирическим произведениям.

⁷⁴ Щастливая Россия, или 25-летний юбилей. Пролог, представленный 1787 года июня 28-го дня, в день всерадостно на престол вступления Екатерины II. [М.] 1787.

⁷⁵ Журнал... С. 126. Ср.: Московские ведомости. 1787. 3 июля. Запись в камер-фурьерском журнале более подробная, но к уже известному из «Московских ведомостей» она ничего не добавляет (Камер-фурьерский церемониальный журнал... С. 637–640).

⁷⁶ Московские ведомости. 1787. 7 июля.

⁷⁷ Здание московских департаментов Сената по проекту М.Ф. Казакова (1787).

⁷⁸ Журнал... С. 127.

⁷⁹ Камер-фурьерский церемониальный журнал... С. 646–649.

⁸⁰ Журнал... С. 129.

И всё же задача «назидания государственных польз», приобщения широких кругов дворянства к высшим целям государственного строительства была выдвинута на повестку дня. Крымское путешествие императрицы было призвано обратить, наконец, взоры русского дворянства на предметы поистине великие. Греческий проект, который с успехом реализовывался на юге государства, был свидетельством успеха и действенной силы тех высших смыслов, во имя которых возводилось здание российской государственности, наилучшим изображением и разъяснением идеи Империи. Язык, на котором в ходе путешествия императрицы транслировалась эта идея, оставался языком не понятий, а мифов, образов и специфических антично-ренессансных символов, различных ритуалов, церемоний и праздников. При этом сама по себе она оставалась слабо укоренённой в русской религиозной и культурной традиции, а не считаться с последней Екатерина, как русская государыня, не могла. В результате две символические линии – «имперская» и «православная» – на протяжении путешествия движутся параллельно, их соотношение меняется в пользу то одной, то другой, но внутреннее единство так и не было достигнуто, а имперская идея не получила развёрнутой формулировки и фактически оставалась принадлежностью узкого круга придворных стратегов.

Судя по описаниям «Журнала...», число непосредственных участников и зрителей мероприятий, связанных с путешествием, было довольно велико. Публикация была направлена на вовлечение, пусть и опосредованно, ещё большего круга лиц в это красочное и дорогостоящее действо. Ко времени обнаружения «Журнала...» в «Московских ведомостях» численность населения Москвы – самого крупного, и притом одного из самых быстро растущих городов империи – превышала, по данным на 1785 г., 188 тыс. человек⁸¹. Число подписчиков газеты, издававшейся тогда Н.И. Новиковым, увеличилось при нём всемерно – с 600 до 4 тыс.⁸² Такова была минимальная численность потенциальных читателей «Журнала...» в Москве, с поправкой на то, что каждый номер газеты обычно прочитывался не одним человеком.

Сопоставление данных различных, в том числе и не использовавшихся прежде, источников позволяет восста-

новить фактические обстоятельства рождения и начала публикации «Журнала...». Наиболее вероятным, хотя документально и не подтверждённым, является предположение, что императрица изначально планировала в процессе своего путешествия опубликовать его или подобный ему документ в обеих столицах. Тем не менее она до поры не ставила об этом в известность столичных высококомандующих, первоначально поручив им распространять сведения о путешествии, которые она предполагала сообщать им в своих письмах. Но вскоре поступает указание опубликовать «Журнал...» уже в столичных ведомостях. С началом печатания в Москве и Петербурге – т.е. с 20-х чисел января до середины февраля, а потом с начала мая до возвращения в Петербург 11 июля, он, безусловно, должен был играть роль главного средства информационного сопровождения поездки.

Следуя за яркими описаниями торжеств и церемониалов, отдалённых местностей и народов, читатели как бы становились, пусть и не непосредственными, но участниками и очевидцами движения императорского кортежа. Тем более что составитель «Журнала...» А.В. Храповицкий обладал талантом выражать многозначное смысловое и эмоциональное содержание описываемых сцен с помощью самых скупых средств (эта особенность присуща лаконичному по форме тексту «Журнала...» в полной мере), а его редактором оставалась сама Екатерина II, опытный публицист.

Увековечению путешествия с помощью печати и распространению его идей служили и другие издания – уже упомянутый путеводитель 1786 г., опубликованный пролог «Щастливая Москва», тиражированные гравюры и эстампы, стихотворные произведения⁸³.

⁸³ Так, любопытное описание аллегорического эстампа, изображающего императрицу в окружении персонажей античной мифологии, опубликовано в газете «Московские ведомости» от 16 июля 1787 г.: Екатерина II «представлена в образе богини, северной Минервы, со скипетром и факелом в руках. На колеснице, везомой четырьмя конями, которыми правят Гении, Она проезжает по благоденствующим, процветающим, благоустроенным землям вверенного Ей Провидением края. Щастливые подданные – представители разных сословий – поселяне, духовенство, люди среднего чина и прочие – выходят Ей навстречу. Одни усыпают путь Ея цветами и радостными восклицаниями изъявляют, коликим удовольствием исполнены сердца их от лицезрения Матери своей и Обладательницы; другие повергают себя во благоговение к Ея стопам, принося Ей избраннейшие от своего имущества дары, и возсылают к Небесам мольбы о сохранении драгоценного Ея здравия». См. также: Ода на случай всерадостного пребывания Ея Императорского Величества в Москве, сочинения М.М. Хераскова // Московские ведомости. 1787. 7 июля.

⁸¹ История Москвы: в 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 283.

⁸² Ключевский В.О. Воспоминание о Н.И. Новикове и его времени // Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990. С. 388.

Если публикации «Журнала...» в московских и Санкт-Петербургских ведомостях были стилизованы под непосредственный, «репортажный» стиль передачи происходящих в данный момент и ещё не закончившихся событий, то вышедшее в том же году отдельное издание, утратив это преимущество, приобретает иное. Книга позволяет окинуть взглядом всю поездку как единое действие, оценить его структуру, драматургию в целом. Впечатление исторической масштабности всего происшедшего на юге России, а вместе с тем и воздействие описания путешествия от этого только возрастали.

Этот результат достигается уже не благодаря слогу Храповицкого, а вследствие политической и художественной одарённости авторов всего замысла путешествия – Екатерины Великой и князя Г.А. Потёмкина. Конечно, в целом «Журнал...» оставался лишь описанием, изображением путешествия императрицы, не претендуя на изложение стройной государственной доктрины. Тем не менее он по-своему отразил важные особенности процесса развития государственной идеологии Российской империи в Екатерининскую эпоху, в те недолгие годы, когда одной из её политических доминант был «Греческий проект». «Журнал...» можно считать и последним письменным памятником этой доктрины.

Спустя всего два-три года весь международный, внутривосточный и культурный контекст, в котором «Греческий проект» рождался на рубеже 1770–1780-х гг., коренным образом меняется. Россия ещё одерживала победы в новой Русско-турецкой войне

(1787–1791), её границы на юго-западе продолжали расширяться, но европейские события – во Франции (Великая французская революция) и в Польше⁸⁴ вновь сдвинули основной вектор российской внешней политики к северу.

Вышедшее в 1790 г. «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева указывало на бесчеловечность, неразумность и шаткость внешне блестящей цивилизации, возводимой на фундаменте крепостничества. Книга, также написанная в жанре путешествия, – одним из излюбленных в эти годы, была откровенно полемична по отношению к тем ценностям, которые утверждались «путешествием» Екатерины. Вместе с завершением её царствования отходила в прошлое эпоха «просвещённого абсолютизма».

Новые исторические условия требовали новых идеологов; их носителями выступали уже иные исторические фигуры. Однако и в годы правления сына Екатерины Павла I (1796–1801) и её внука Александра I (1801–1825) «южная» и «греческая» тематика и лексика сохранялись во внешней и внутренней политике, в идеологии и культуре (стоит вспомнить, сколь заметное место подобные мотивы занимают в творчестве А.С. Пушкина). Степень преемственности этого круга тем по отношению к «Греческому проекту», к идеям высочайшего путешествия в Крым 1787 г., – предмет для особого исследования.

⁸⁴ В результате ряда событий 1791–1795 гг. Польша перестала существовать как независимое государство. Система международных договоров 1794 и 1795 гг. закрепила раздел её территории между Пруссией, Австрией и Россией.

Е.Д. Алексеева

«...О благоденствии России и спасении Севастополя»: из истории поездок великих князей Николая и Михаила Николаевичей в действующую армию и Севастополь в 1854 и 1855 гг.

Крымская война и героическая оборона Севастополя стали одним из переломных моментов русской истории. С каждой новой военной неудачей первоначальный подъём патриотических настроений в обществе сменялся нарастающей критикой существующего положения, попытками проанализировать и понять причины переживаемых Отечеством бед и унижений. Общество охватило осознание тотального неблагополучия, затронувшего самые осно-

вы внутренней политики и идеологии России середины XIX в.

Предчувствие перемен, неотвратимое приближение новой эпохи явственно обнаруживаются в решениях и поступках императора Николая I, в официальных государственных актах, принятых им в последние месяцы жизни. Отсчёт этого заключительного периода николаевского царствования может идти с сентября 1854 г., когда экспедиционный корпус противника высадился

в Евпатории, русская армия потерпела поражение при р. Альме и вынужденно отступила вглубь полуострова, началась длительная осада Севастополя. Возможная потеря главной базы Черноморского флота в геостратегическом отношении отбрасывала Россию на столетие назад. Над империей нависла угроза, хорошо сознаваемая императором. Именно в эти тревожные и тягостные сентябрьские дни он принимает решение направить своих младших сыновей – великих князей Николая (1831–1891) и Михаила (1832–1909) Николаевичей в расположение действующей армии, к стенам Севастопольской крепости. С 23 октября по 4 декабря 1854 г. и с середины января по 21 февраля 1855 г. они находились под Севастополем.

Сам по себе этот жест не был чем-то экстраординарным: присутствие на поле брани представителей правящих династий было в эпоху монархий явлением распространённым, если не общепринятым. Однако в конкретный исторический момент он, по-видимому, носил прежде всего символический и отчасти педагогический¹ смысл, тем более что чисто военный аспект миссии великих князей, несмотря на то что к своим 23 (Николай) и 22 (Михаил) годам они были хорошо подготовленными офицерами, не может быть оценён как значительный².

¹ Ср., напр.: «Ежели опасность есть, то не Моим детям удаляться от неё, а собой подавать пример»; «Будь им руководитель и сделай из них добрых, верных служивых, а за усердие их отвечай. Не балуй их и говори им правду» (император Николай I – главнокомандующему Южной армии князю М.Д. Горчакову; цит. по: *Жерве В.В.* Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич старший: Исторический очерк его жизни и деятельности, 1831–1911. СПб., 1911. С. 31, 32).

² «В воздаяние отличного мужества и примерной храбрости, оказанной им в сражении на Инкерманских высотах», великому князю Николаю Николаевичу был пожалован орден Св. Георгия 4-й степени. 20 января 1855 г. он был назначен «заведующим всеми инженерными работами, укреплениями и батареями на Северной стороне Севастополя на пространствах от Константиновской батареи до Мекензиевой горы включительно» (ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 11. Л. 5 об., 54). Этого же ордена был удостоен великий князь Михаил Николаевич за явленный им «пример истинно воинской доблести», «мужество, оказанное им в этом бою, и за неустранимость, кою он отличался при посещении после того севастопольских бастионов и батарей под смертоносным неприятельским огнём». С 30 января 1855 г. до отбытия из Севастополя великий князь Михаил Николаевич «заведовал всею артиллериею, находившеюся на фортах, укреплениях и батареях Северной стороны, по правую руку от р. Чёрной устроенных» (ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об., 15).

Историки – ни дореволюционные, ни тем более советские – почти не уделяли специального внимания этому, действительно не самому значимому, эпизоду Крымской войны. Обычно авторы официальных жизнеописаний и изданий, посвящённых деятельности представителей императорской фамилии, сводили его к воодушевляющему влиянию, которое присутствие великих князей оказало на боевой дух сражающихся войск, раненых воинов и жителей города³. Академик Е.В. Тарле так же вскользь касается этого сюжета: «Николаю показалось почему-то необходимым отправить в Севастополь двух своих младших (и самых бесцветных и малоодарённых) сыновей: Николая и Михаила»⁴. Раскрывая возможные мотивы этого решения, историк предположил, что для императора это был вопрос чести, причём больше в глазах противника, в рядах которого сражались в Крыму двоюродный брат Наполеона III и родственник королевы Виктории, чем собственных подданных⁵. Следует отметить, что император действительно считал «долгом чести» немедленно отправить сыновей в Крым, причём подчёркивал, что они должны оставаться там «до минования опасности или до изгнания неприятеля»⁶. Представляется, что этот мотив (или, по крайней мере, его декларация) едва ли связаны с идеей «сохранить лицо» перед руководителями союзнических войск, как, впрочем, и с какими-то серьёзными практическими соображениями.

У рассматриваемого сюжета есть ещё более частный аспект: кратковременные пребывания великих князей в этот период во второй столице империи, где по пути из Петербурга они пересаживались с экстренного поезда Петербурго-Московской железной дороги («чугунки») на почтовых лошадей и откуда возвращались домой. За время крымской командировки Николаю и Михаилу Николаевичам, с учётом их краткой поездки в Петербург во время болезни матери, пришлось четырежды проезжать через Москву. Останавливаясь не более чем на несколько часов в Большом Кремлёвском дворце, они посещали Кремлёвские соборы, встречались с различными официальными

³ См., напр.: *Жерве В.В.* Указ. соч.; *Струков Д.П.* Августейший генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич: Очерк жизнеописания его императорского высочества. СПб., 1906.

⁴ *Тарле Е.В.* Крымская война. М, 1950. Т. 2. С. 260.

⁵ Там же.

⁶ Цит. по: *Жерве В.В.* Указ. соч. С. 34.

лицами. Оба раза по дороге в Севастополь их напутствовал митрополит Московский Филарет.

С внешней стороны пребывание в Первопрестольной особ императорской фамилии, как и связанные с этим церемониальные и административно-полицейские мероприятия, были привычным, рутинным явлением. Документальные свидетельства, например, подробные ежедневные рапорты московского обер-полицмейстера, могут создать впечатление об их исключительно формально-протокольном характере. Однако это не совсем так. В восприятии современников, как и, вероятно, самих представителей императорской фамилии, каждое предпринимаемое ими публично действие имело определённый символический смысл. Речь идёт о выработанной веками, устойчивой и привычной знаковой системе, доступной всем вне зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе, уровня образования, общественно-политических воззрений и т.д. Разумеется, эта система трансформировалась с течением времени, и по мере дальнейшей секуляризации общества её содержательная сторона уступала место внешней, формальной, что не меняло главного: она оставалась *общепонятной*.

Событийная сторона поездки 1854 г., отразившаяся в архивных документах, такова. 21 сентября великий князь Михаил Николаевич записал в дневнике слова императора, сказанные ему и брату во время смотра войск на Царицыном лугу (Марсово поле в Петербурге): «Вас я отправляю в армию, надеюсь что вы там верой и правдой послужите и меня не выдадите. Бог с вами!» – и он, и мы прослезились и поцеловались⁷. Да поможет нам Господь осуществить ожидания бесценного Папá! Саша⁸ также обнял...»⁹

Тогда же в служебной переписке, связанной с организацией поездки, начинают фигурировать точные даты отъезда и прибытия великих князей в Москву. 24 сентября 1854 г. в канцелярии московского военного генерал-губернатора графа А.А. Закревского зарегистрирован документ, подписанный московским почт-директором А. Бумаковым (с резолюцией: «Нужное. Уведомить кого следует»), из которого следует, что уже 22 сентября, на следующий день после смотра на Царицыном лугу, Почтовый департамент направил соответствующее предписание в Москву: «В Москов-

ском почтамте получено при предписании Почтового департамента от 22-го сего сентября за № 13 393 открытое предписание его сиятельства господина главноначальствующего над Почтовым департаментом от 22-го сего месяца за № 1202, в коем изъяснено, что Их Императорские Высочества государи великие князья Николай и Михаил Николаевичи изволят предпринимать 28-го сего сентября путешествие из Москвы чрез Тулу, Орёл, Курск, Харьков, Полтаву, Кременчуг, Елисаветград и Николаев до Одессы. Для проезда Их Высочеств потребно иметь на каждой почтовой станции по 51 лошади»¹⁰.

В этот же день, 24 сентября 1854 г., в канцелярии московского военного генерал-губернатора составлены 3 записки идентичного содержания, адресованные, соответственно, московскому обер-полицмейстеру А.А. Тимашеву-Берингу, московскому гражданскому губернатору И.В. Капнисту и московскому коменданту: «28-го сего сентября изволят прибыть в Москву по железной дороге с экстренным поездом Их Императорские Высочества великие князья Николай и Михаил Николаевичи. Даю знать о том [...] для надлежащего сведения и распоряжения»¹¹. Тогда же А.А. Закревский уведомляет митрополита Московского Филарета о предстоящем проезде великих князей чрез Москву¹².

Согласно послужным спискам великих князей, датами официальных высочайших повелений о командировании их в Кишинёв – «в распоряжение» князя М.Д. Горчакова (Николай), «в главную квартиру Южной армии» (Михаил), являются, соответственно, 27 и 28 сентября¹³.

28 сентября в Гатчинском дворце отслужили напутственный молебен, и в 7 ч вечера, после семейного обеда, Николай и Михаил Николаевичи в сопровождении императора и наследника цесаревича Александра Николаевича отправились на вокзал¹⁴. Ещё утром того же 28 сентября в канцелярию московского военного генерал-губернатора поступает срочная депеша электромагнитного телеграфа, отправленная по просьбе великих князей:

¹⁰ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 18. Д. 1306. Л. 5–5 об.

¹¹ Там же. Л. 3.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 11. Л. 53; Ф. 649. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

¹⁴ Жерве В.В. Указ. соч. С. 32. Строительство первого участка Варшавской железной дороги, связавший Гатчину и Петербург, было завершено в конце 1853 г.

⁷ Подчёркивание в документе.

⁸ Т.е. наследник цесаревич Александр Николаевич, будущий император Александр II.

⁹ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 28. Л. 4–4 об.

«Отправлена с Петербургской станции в 10 ч 10 мин пополудни.

Получена на Московской станции в 10 ч 30 мин пополудни.

Их Высочества остаются в Москве только 5 или 6 часов, но желали бы очень видеть митрополита Филарета и намерены для сего ехать к нему, чтобы избавить их от сей поездки, не можете ли Ваше сиятельство устроить так, чтобы они увидели его высокопреосвященство в Успенском соборе при напутственном молебне или в Чудовом монастыре»¹⁵.

В ответ на неё А.А. Закревский сообщает попочителю и сопровождающему великих князей генерал-адъютанту А.И. Философова¹⁶ о готовности митрополита Филарета к встрече с ними: «Прошу Ваше превосходительство доложить Их Императорским Высочествам, что митрополит будет в Чудовом монастыре для напутственного молебна ко времени, которое Их Высочества изволят назначить.

Подписал: граф Закревский»¹⁷.

В следующей депеше, отправленной 29 сентября, время встречи с митрополитом согласовано на 15 ч дня:

«Депеша электромагнитного телеграфа

С[анкт]-Петербурго-Московской железной дороги. С Московской станции

Отправлена с Тверской станции в 9 ч 53 мин полуночи.

Получена на Московской станции в 10 ч 10 мин полуночи.

От генерал-адъютанта Философова графу Закревскому.

Их Императорские Высочества изволят прибыть в Чудов монастырь в 3 ч пополудни сего числа»¹⁸.

Великий князь Николай Николаевич записал в дневнике 29 сентября: «По чугунке славно ехали, при-

были в Москву в 2 ч, поехали прямо к Иверской, оттуда домой¹⁹, надели сюртуки и шарфы и пошли в Чудов, где нас встретил Филарет и сказал славную речь, по сём пошли по соборам и явились к гр[афу] Закревскому. В 4 ч отобедали и поехали в путь...»²⁰ Михаил Николаевич излагает те же факты несколько более живо и пространно: «Как были, в шинелях и саблях, поехали помолиться у Иверской, потом домой, где ожидали нас Закревский, С.М. Голицын²¹, Чеодаев²² и другие.

Переоделись в сюртуки и шарфы, поехали в Чудов монастырь, где нас встретил митрополит Филарет и сказал весьма хорошее слово, после молебна приложились к мощам, обошли дворец [нрзб.].

После были в Успенском, Михайловском²³ и Благовещенском соборах, везде приложились к св. иконам и мощам и искренне молились и уверены, что Господь услышит наши молитвы. После, как обычно, пошли к Закревскому, толковали с ним, пошли домой и в 4 ч обедали с ним и прочими здешними важными лицами. Простившись с ними [...] сели в коляску и поехали в дальнейший путь. Я рад, что мог помолиться здешним святым»²⁴.

Описание короткого пребывания великих князей в Москве содержится также в рапорте московского обер-полицмейстера московскому военному генерал-губернатору от 29 сентября. «Сего числа в 2 ч пополудни Их Императорские Высочества великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич изволили прибыть в здешнюю столицу по железной дороге из Санкт-Петербурга и остановились в Большом Кремлёвском дворце.

В 4-м часу Их Высочества выехали в Малый Николаевский дворец, откуда прошли в Чудов монастырь, Успенский, Архангельский и Благовещенский соборы, потом выехали из Кремля в Спасские ворота, проехали по Красной площади, Никольской улице,

¹⁵ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 18. Д. 1306. Л. 13–13 об.

¹⁶ Философов Алексей Илларионович (1800–1874), генерал от артиллерии (1859). Участник Русско-персидской (1826–1828) и Русско-турецкой (1828–1829) войн, с 1828 г. адъютант генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Павловича. Участвовал в подавлении Польского восстания 1830–1831 гг. В 1838 г. назначен на должность воспитателя великих князей Николая и Михаила Николаевичей и зачислен в Свиту императора. С 1852 г. состоял при великих князьях в должности попечителя. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. заведовал кронштадтской артиллерией и приведением крепости в оборонительное положение.

¹⁷ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 18. Д. 1306. Л. 14.

¹⁸ Там же. Л. 15.

¹⁹ Т.е. в Большой Кремлёвский дворец.

²⁰ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

²¹ Голицын Сергей Михайлович (1774–1859), государственный деятель, меценат. Член Государственного Совета (с 1837), действительный тайный советник 1-го класса (с 1852). В 1830–1835 гг. попечитель Московского учебного округа.

²² Чеодаев Михаил Иванович (1785–1859), участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Генерал от инфантерии. В годы Крымской войны начальник пехотных резервных и запасных войск армии.

²³ Т.е. в Архангельском соборе.

²⁴ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 28. Л. 9–9а.

Театральной площади, чрез Охотный ряд, по Тверской к Вашему сиятельству, откуда по Никитской улице, мимо Императорского [Московского] университета, чрез Боровицкие ворота во дворец.

После обеденного стола в начале 7-го часа Их Императорские Высочества изволили выехать из дворца в Спасские ворота в дорожных экипажах со свитой, чрез Москворецкий мост по тракту в Серпуховскую заставу.

О чём имею честь почтительнейше донести Вашему сиятельству»²⁵.

Если событийная канва начала путешествия великих князей, в сущности, исчерпывается соображениями рационального построения их маршрута через Москву, с учётом относительных скорости и удобства железной дороги, и вполне обычными в таких случаях официальными визитами и встречами, то фабула этого сюжета может быть развёрнута в иной плоскости.

Великие князья направляются в «путешествие», как оно именуется в приведённой выше служебной переписке и газетах, по благословению (и по официальному приказу) отца-императора. Они знают о том, что скорее всего последует дальнейшее командирование их в действующую армию, где, возможно, придётся столкнуться с опасностью для жизни или даже смертью. Вероятно, это является одной из причин их настойчивого желания встретиться с митрополитом Филаретом и принять участие ещё в одном, после «домашнего», совместного с родителями, напутственном молебне, во время которого было возглашено «многолетие благочестивейшему Государю Императору и всей Августейшей фамилии» и великие князья прикладывались к мощам святителя Алексия²⁶. Семантически Москва – за пределами привычных великим князьям дома и образа жизни, но по сравнению с предстоящим испытанием, она всё же ближе к ним. Её древние корни, сама её история, созвучная со всеми испытаниями, выпадающими на долю России (всего 40 лет миновало со дня нашествия «двунадесяти языков» 1812 года!), сакральное значение для царствующего дома и огромная духовная сила кремлёвских святынь – всё это чувствуется перед таким путешествием особенно сильно; а молитвенная просьба о предстоянии московских святых представляется особенно действенной («я рад, что мог помолиться здешним святым»). Последняя условная грани-

ца, разделяющая прежнюю и новую жизнь, прошлое и неизведанное будущее, – Серпуховская застава...

Ещё один «двойной план» поездки – это роль, которую великим князьям предстояло исполнить в соответствии со своим образованием и подготовкой, и в то же время возлагаемая на них миссия – показаться в войсках *вместо* отца, как бы олицетворить его, зримо обозначить его присутствие.

«Сыновьям Моим, Николаю и Михаилу, дозволил Я ехать к тебе; пусть присутствие их при тебе докажет войскам степень Моей доверенности; пусть Дети учатся делить опасности ваши и примером своим служат одобрением храбрым нашим сухопутным и морским молодцам, которым Я их вверяю»; «Надеюсь, что они покажутся достойными своего звания; вверяю их войскам в доказательство Моей любви и доверенности. Пусть их присутствие среди вас заменит Меня», – писал император главнокомандующему Крымской армией князю А.С. Меншикову²⁷. По-видимому, этот поступок, т.е. командирование сыновей, был адресован им прежде всего армии, защитникам города, севастопольцам, а не русскому обществу в целом. Поездка великих князей была спланирована в очень короткие сроки, учитывая положение на севастопольском фронте. Информационное освещение этого события сводилось к упоминаниям в газетах: так, 30 сентября в «Ведомостях московской городской полиции» и 2 октября – в «Московских ведомостях» сообщалось о прибытии великих князей в Москву и их выезде из Москвы в Тулу, причём, куда и с какой целью направляются сыновья императора, объявлено не было. Как свидетельствует запись в дневнике Николая Николаевича, высочайший приказ о поездке в Крым был получен великими князьями только 20 октября в Кишинёве («Письмо от Папа с приказанием ехать в Крым. Ура!»)²⁸.

Великие князья прибыли в Севастополь накануне Инкерманского сражения.

Из дневника великого князя Николая Николаевича от 23 октября 1854 г.: «На Северную сторону приехали в 3 ч, пальба была до захода солнца постоянная, ходили и смотрели раненых. Князь Меншиков вернулся из рекогносцировки на завтра. Завтра будем атаковать. Да благословит Господь наше оружие, на Нём наше упование»²⁹.

24 октября: «Северная сторона. [...] Сражение.

²⁵ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 18. Д. 1306. Л. 18–18 об.

²⁶ Там же. Л. 56.

²⁷ Цит. по: Жерве В.В. Указ. соч. С. 34.

²⁸ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 6. Л. 5 об.

²⁹ Там же. Л. 6.

Сегодня день, незабвенный для меня, был в сражении. Встал в 5, оделся в шинель солдатскую, уланскую, охотничьи сапоги, фуражку, саблю и нагайку. Напившись чаю, ждали князя Меншикова. Утро было свежее и ещё совершенно темно.

В ½ 7-го сели на лошадь [...] и поехали шагом на высоты, около Инкерманской бухты на половине дороги обогнал нас князь³⁰ в коляске, а мы за ним рысью, потом он поехал за лошадь, а мы пошли вперёд на высоты и смотрели оттуда на начало дела, которое было видно как на ладони, а именно как 11-я дивизия шла на высоты. Охотский, Тарутинский и Бородинский егерские полки шли в голове, сбили неприятеля и были на батареях его и заклепали орудия, взяли некоторых пленных.

[...] Тут уже присоединились бригада 2-я 10-й дивизии, вышедшая из Севастополя и заклепавшая тоже несколько орудий. Но никто не смог остаться на батареях благодаря сильному огню штуцеров.

В 8 ч мы с князем переправились через мост Инкерманский и тут встретили первых раненых – жалкое и неприятное зрелище – все штуцерными пулями. Первый раненый офицер был Преображенского полка штабс-капитан Бакеев, Военной академии. Тяжело ранен в оба лёгкие, и пуля осталась [там]. Потом раненых стало так много, что даже и не замечаешь.

Когда вся артиллерия вышла через [1 сл. нрзб.], то по первой очень крутой балке [мы] поднялись вверх. Тут в первый раз было под огнём ядер и гранат и картечных гранат то, что мне казалось, что [я] на стрельбах в цель в Красном [селе], и совсем не имел этого желания, как все говорят, наклонять голову. Когда поднялись на высоту, то увидели неприятельские батареи, на них, видеть, было очень жарко, а наши батареи чудно стояли, но много потеряли подбитыми и орудиями. Канонада на одном месте продолжалась 4 часа, с 11 до 3 ч, тут куда стреляли, мы были возле Екатеринбургского и Колывановского полков, и с ними говорили, и [1 сл. нрзб.], они ходили в штыки, [многие?] все в крови и многие с английскими сумками и штуцерами, взятыми у неприятеля. Ранило человека три казаков...

В 4 ч Данненберг³¹ почему-то начал отступать, и тогда всем пришлось отступать. Князь нас послал по

батареям Севастополя до Малахова кургана. Мы благодарили матросов-героев от имени Папá. На Малаховом кургане остались с Истоминым. Тут было хорошо, ядра славно летали. После пешком пошли к Морскому эллингу, сели в лодку и домой, отобедали»³².

Неудача Инкерманского сражения, всё более тяжёлое положение осаждённого Севастополя, огромные потери, небывалое количество раненых, часто лишённых самой элементарной помощи, невозможность обеспечить пополнение и снабжение армии – всё это непосильным грузом легло на плечи императора. В конце ноября 1854 г. фрейлина императрицы А.Ф. Тютчева записала в своём дневнике: «Вид Государя пронизывает сердце. За последнее время Он с каждым днём делается всё более и более удручён, лицо озабочено, взгляд тусклый. Его красивая и величественная фигура сгорбилась как бы под бременем забот, тяготеющих над Ним. Это дуб, сражённый вихрем, дуб, который никогда не умел гнуться и сумеет только погибнуть среди бури»³³. Николай I отправляет сыновьям письмо, где сообщает о тяжёлой болезни их матери. 1 декабря Николай Николаевич записывает в дневнике: «Фельдъегерь приехал, Папá пишет, что Мама́ очень больна, и что будто отчасти тому причинной великое беспокойство об нас [...] Алек[сей] Илл[арионович]³⁴ и Меншиков предложили нам ехать в Петербург, мы решились и послезавтра едем»³⁵.

Очередной рапорт московского обер-полицмейстера графу А.А. Закревскому свидетельствует, что Николай и Михаил Николаевичи прибыли в Москву из Севастополя 10 декабря, во 2-м ч дня и выехали в Петербург в 4 ч того же дня. Великий князь Михаил записал в дневнике: «...Радостно перекрестились, когда увидели матушку Москву, а ещё больше, когда проехали Спасские ворота и подъехали ко дворцу, к нашему крыльцу. Слава Тебе Господи, что благополучно сюда прибыли! Сей час пришли Закревский, Голицын, Ермолов³⁶ и другие и радушно поздравляли нас и много

³² ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 6. Л. 6–8.

³³ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания – дневник. М., 1928. С. 167, 168.

³⁴ Имеется в виду А.И. Философов.

³⁵ ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.

³⁶ Ермолов Алексей Петрович (1777–1861), военачальник, государственный деятель. Генерал от инфантерии. С 1827 г. в отставке. Во время Крымской войны избран начальником государственного ополчения в семи губерниях, но принял эту должность только по Москве.

³⁰ Имеется в виду князь А.С. Меншиков.

³¹ Данненберг Пётр Андреевич (1792–1872), генерал от инфантерии. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., участвовал в подавлении Польского восстания 1830–1831 гг., Венгерском походе 1848 г. В 1854 г. направлен в Крымскую армию, руководил Инкерманским сражением на его завершающем этапе.

расспрашивали, усадили нас и пили чай. [...] В ½ 4-го в шинелях, саблях и фуражках в Чудов монастырь к Иверской, и у мощей, и у икон искренно благодарили Всевышнего, что привёл нам благополучно вернуться, [молились] о здоровье бесценных Папá и Мамá, благоденствии России и спасении Севастополя. После на чугунку, где получили от Папá по телеграфу ответ на наш проезд сюда и приказание не слишком рано приехать, чтобы не испугать Матушку. В начале 5-го ч покатали по чугунке»³⁷.

Через несколько дней, 14 декабря, был опубликован Высочайший манифест «О воззвании к России по случаю войны», в котором, отметив мужество воинов, их выдающиеся ратные подвиги, равно как и сложившееся тяжёлое военное и внешнеполитическое положение государства, император объявлял: «Россияне! Верные сыны Наши! Вы привыкли не щадить ничего, когда Провидение призывает вас к Великому и Святому делу, ни достояния, многолетними трудами приобретённого, ни жизни и крови вашей и чад ваших. Благородный жар, с самого начала войны пламенеющий в сердцах ваших, не охладится ни в каком положении, и ваши чувства суть также чувства Государя вашего. Буде нужно, Мы все, Царь и подданные, повторяя слова Императора Александра, произнесённые Им в подобную нынешней годину искушения, *с железом в руках, с крестом в сердце*, станем перед рядами врагов, на защиту драгоценнейшего в мире блага: безопасности и чести Отечества»³⁸.

Нетрудно заметить в этих словах обращение к памяти не только 1812 года, но и скрытые цитаты из знаменитых нижегородских посланий К. Минина. Манифест был воспринят как обращение власти за помощью к народу. В те дни многие заявляли о своей готовности с оружием в руках встать на защиту Отечества. В этом контексте отправка отцом-монархом своих сыновей на фронт становилась как бы продолжением манифеста, делом, которое следует за словом.

Манифест произвёл огромное впечатление на московское общество. П.И. Бартенев отмечал в своём дневнике: «Манифест ничего не объявляет и ничего не требует; это разговор Царя с подданными, обозревающий прошедшее и не скрывающий опасности будущего. Вообще, он писан прекрасно»³⁹.

Согласно предписанию А.А. Закревского 18 декабря 1855 г. манифест был прочитан в Московском дворянском собрании при «рассуждении о делах дворянства, весьма важных при нынешних обстоятельствах». 31 декабря А.Д. Чертков докладывал об этом министру внутренних дел Д.Г. Бибикову. Московское дворянство составило ответный адрес императору, в котором говорилось: «Для нас, россиян, бесконечно дороги честь и достоинство нашего Отечества и истая слава Вашего Императорского Величества. В них всё наше благо; без них нравственная смерть; за них, при востребовании надобности, по гласу нашего Отца-Монарха, мы единодушно готовы жертвовать своим достоянием, жизнь сынов своих и собственную! Юноши, мужи и старцы, кто только не лишён физической возможности, станут в ряды ратников за Веру, Царя и Отечество с железом в руках, с крестом в сердце, с мужеством и отвагою в душе. Одно желание московского дворянства, чтоб русский меч не был влагам в ножны, пока он не поборет врагов неистовых и не доставит мира, соответственного достоинству великой Империи, неистощимой в силе духа и в богатстве материальных способов. Жизнь государства не в одном поколении, но и в потомстве. История будет судиёю наших деяний»⁴⁰.

Новая поездка великих князей в Севастополь была первоначально запланирована на 26 декабря. 17 декабря из Почтового департамента в канцелярию московского военного генерал-губернатора поступило донесение о предстоящем проезде великих князей по железной дороге из Петербурга в Москву, а затем на лошадях через Харьков, Екатеринослав, Перекоп и Симферополь в Севастополь (отметка на документе: «Нужное. Исполнить» проставлена 19 декабря 1854 г.)⁴¹. Из рапорта московского гражданского губернатора А.А. Капниста А.А. Закревскому от 20 декабря следует, что исправникам и городничим было предписано «принять все зависящие от них меры, под личную их ответственность, к спокойному и безостановочному проезду Их Высочеств, с тем чтобы на переправе через р. Оку, согласно требованию г. главноначальствующего над Почтовым департаментом, были

³⁷ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 28. Л. 67–67 об.

³⁸ Цит. по: Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с Высочайшего соизволения Н. Путиловым. Книжка двадцать четвертая. СПб., 1856. С. 83.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.

⁴⁰ Цит. по: Москва в эпоху Николая I. 1825–1855 : Документы и материалы : Кн. 1 / Авт.-сост. Е.Д. Алексеева. М., 2013. С. 232–233. 19 января 1855 г. А.А. Закревский уведомлял А.Д. Черткова о Высочайшей резолюции на адрес московского дворянства: «Искренно благодарен» (Там же. С. 235, 236).

⁴¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 18. Д. 1306. Л. 35.

заготовлены фонари, на случай следования Их Высочеств ночью»⁴². 25 декабря митрополит Филарет обратился к А.А. Закревскому с просьбой сообщить, когда именно великие князья прибудут в Москву и планируют ли они, как и в прошлый приезд, посетить кафедральную церковь Чудова монастыря⁴³.

Фактически планируемое время поездки и, следовательно, проезда через Москву сместилось на начало января 1855 г. Депеша о прибытии великих князей в Москву была отправлена А.А. Закревскому 3 января в 11 ч 15 мин с Тверской станции:

«С железной дороги мы поедем к Иверской, потом в Чудов монастырь, а оттуда в Кремлёвский дворец обедать.

Принимать, как и прошедший раз, никого, кроме Вас, генерала Ермолова и барона Боден»⁴⁴.

Днём 3 января великие князья «благополучно прибыли в белокаменную Москву», а затем «как были в шинелях саблях и фуражках прямо к Иверской, а после в Чудов», где «искренно помолились Богу» и «Филарет нас принял с краткою хорошею речью. Здесь же были Закревский и Маркус⁴⁵, приехавший сюда для князя Сергея Михайловича Голицына, который болен; мы к нему поехали; он нас принял в постели, ему лучше, но он очень слаб. Потом зашли к Закревскому, но не застали его дома; тогда домой, где толпа представляющихся. [...] Пошли обедать с Закревским, Ермоловым, Муравьёвым⁴⁶ [нрзб.], Чеодаевым, Боден

и Слепцов[ым]⁴⁷. Поговорили с ними, после были приглашены отдохнуть, мне уже не совсем здоровилось, а в 7 ч простились со всеми и поехали в дальнейший путь»⁴⁸. В дополнение к этой записи брата великий князь Николай Николаевич отмечает в своём дневнике: «Удивительно нас приняли, закусив немного, поехали в Чудов монастырь и ко Иверской, народ, Кремль. *Ура!* Как редко я это слышал»⁴⁹.

5 января 1855 г. митрополит Филарет отправляет А.А. Закревскому текст приветствий, произнесённых им в адрес великих князей в Чудовом монастыре во время их визитов в Москву по пути в Севастополь в 1854 и 1855 г. (резолюция А.А. Закревского на документе: «Напечатать в газетах. 5-го января 1855»):

«I.

Благодарные государи!

Слышим, что любовь к Отечеству влечёт вас туда, где может предстоять сильный подвиг на защиту Отечества, и что Августейший родитель благословил сие желание ваше.

Так все сынове Царя нашего, каждый на своём поприще, по своей мере, дают сынам России пример деятельной любви к Отечеству и ревности к подвигам.

И Россия благословит вашу ревность.

Господь Сил с вами. Ангелам Своим да заповедает Он сохранить вас во всех путях ваших. Да ополчится Ангел Господень окрест боящихся Его на спасение, победу и славу.

II.

Благодарные государи!

В первом путешествии вашем на подвиг за Отечество мы сопровождали вас общею молитвою, да ополчится Ангел Господень окрест вас на спасение, победу и славу. Ныне с молитвою соединяем благодарение о вас Богу. Вы разделили с неутомимыми защитниками Отечества трудности и опасности; явили опыты неустранимого мужества; заслужили почёт избранных подвижников брани; а стрелы врагов пролетели мимо вас.

Когда забота о здравии Августейшей родительницы внезапно воззвала вас к Ней и отторгла от подвига за Отечество, мы готовы были сказать: довольно и сего подвига; да не умножаются ещё бесчисленные заботы Августейшего родителя вашего новою заботою о вас.

⁴² ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 18. Д. 1306. Л. 41. О предстоящем проезде великих князей через Московскую губернию также были уведомлены: правление IV округа Путей сообщения и публичных зданий, митрополит Филарет, московский губернский предводитель дворянства (А.Д. Чертков), уездные предводители дворянства по тракту следования великих князей, директора московских кадетских корпусов, и.д. московского обер-полицмейстера, а также городские головы: московский, клинский, подольский и серпуховской.

⁴³ Там же. Л. 44–44 об.

⁴⁴ Там же. Л. 51–51 об. Боден Лев Карлович, барон (1787–1859), участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., обер-гофмейстер, президент Московской дворцовой конторы (1849). В 1853 г. на 3 года избран предводителем дворянства Подольского уезда Московской губернии.

⁴⁵ Маркус М.А., лейб-медик.

⁴⁶ Муравьёв Николай Николаевич (1794–1866), военачальник, генерал от инфантерии, дипломат. В годы Крымской войны наместник Кавказский и командир Отдельного Кавказского корпуса. За взятие Карса 16 ноября 1855 г. получил почётное прозвище «Карский».

⁴⁷ Слепцов Павел Николаевич (1822–1892), адъютант наследника цесаревича великого князя Александра Николаевича, впоследствии генерал-адъютант императора Александра II.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 28. Л. 94 об. – 95.

⁴⁹ Там же. Ф. 646. Оп. 1. Д. 6. Л. 18 об.

Но видим, что ревность к подвигам за Отечество движет души ваши не менее сильно, как и любовь к родителям.

И паки благословит Отечество сию ревность. Ещё поощрится мужество защитников Отечества вашим с ними сподвижничеством. Ещё молится и будет молиться церковь, да падёт пред вами тысяща и тма сопротивных и да сокрушится нога неправды, дерзнувшая наступить на предел России»⁵⁰. Оба приветствия Филарета были опубликованы в «Московских ведомостях» 8 января 1855 г.⁵¹ Эта публикация с обнародованием обстоятельств обеих встреч митрополита с великими князьями в Москве и факта их повторной командировки в Севастополь, несомненно, приобретала в новых обстоятельствах общественное звучание.

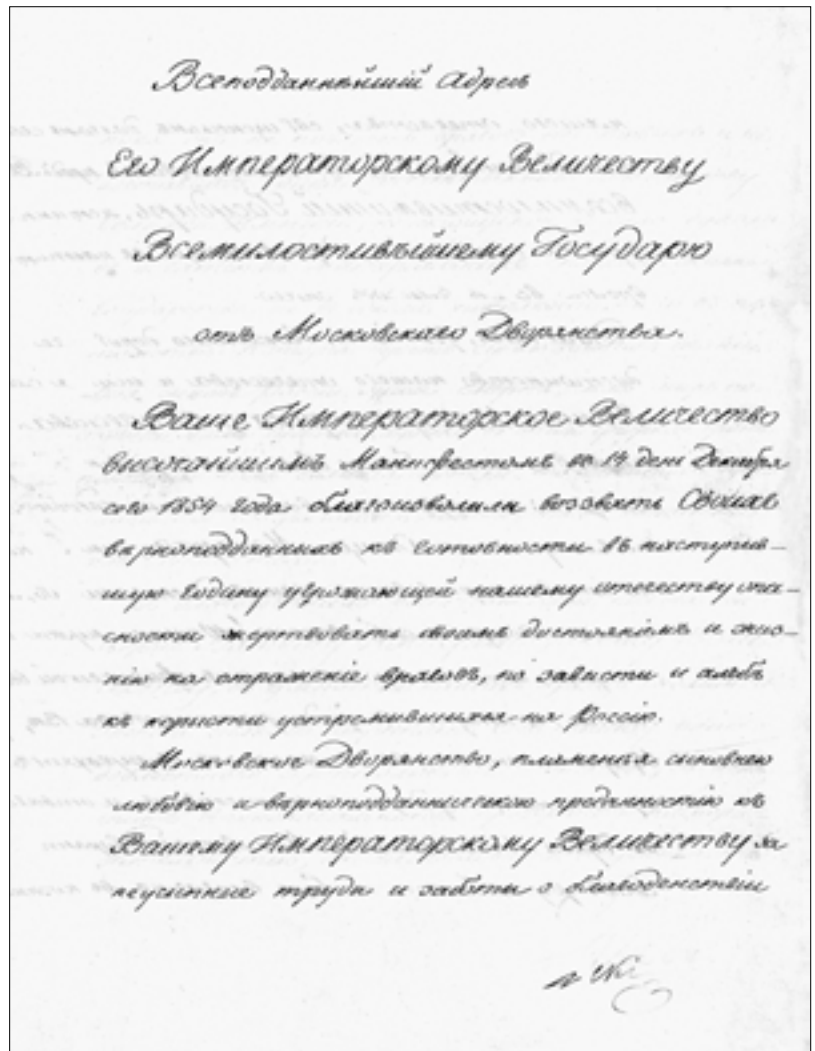
22 января генерал-адъютант А.И. Философов сообщал А.А. Закревскому из «северного укрепления» Севастополя:

«Милостивый государь, граф Арсений Андреевич!

Обязательное письмо Вашего сиятельства от 11 января дошло до меня 20-го числа. Поспешаю по желанию Вашему уведомить Вас, что Его Императорское Высочество государь великий князь Михаил Николаевич в вожденном здравии прибыл сюда вместе с августейшим своим братцем 15 января в 4 ч пополудни. Последнюю половину последней станции Их Высочества ехали верхом, встречаемые и провожаемые радостными приветствиями войск, расположенных в землянках вдоль дороги. Государи великие князья с искреннею признательностью прочли Ваши желания насчёт их здоровья и возвращения и приказать мне изволили выразить Вам их призна-

⁵⁰ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 18. Д. 1306. Л. 57–60.

⁵¹ В сопроводительном письме графу Закревскому, естественно не предназначенном для печати, митрополит Филарет высказал соображения о целесообразности такой публикации: он заметил, что не «отрицается» от «напечатания», «чтобы не показалось несообразным молчание в Москве, когда в Одессе при подобном случае речь была напечатана» (Там же. Л. 56).

Всеподданнейший адрес московского дворянства императору Николаю I в ответ на публикацию Манифеста 14 декабря 1854 г. (фрагмент). ЦГА Москвы. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1089. Л. 3

тельность за оные и разделяемое с Вами и их пламенное желание воротиться не иначе, как после совершенного поражения нарушителей тишины и благоденствия здешнего уголка нашего славного Отечества.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь пребыть, милостивый государь, граф Арсений Андреевич,

Вашего сиятельства покорнейшим слугою,
Алексей Философов»⁵².

⁵² ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 18. Д. 1306. Л. 64–64 об.

Через неделю, 29 января 1855 г., был опубликован Высочайший манифест, повелевающий «приступить ко всеобщему государственному ополчению». Был издан ряд положений о его устройстве, последовали также указы о переводе ряда губерний на военное положение и т.д. Обращение царя за помощью к обществу, к народу означало и необходимость создания условий, делающих такую помощь возможной. Требовалась «гласность», возможность более широко-

го осведомления о положении дел и его обсуждения, наконец, проведение идеологической мобилизации, патриотической пропаганды в печати. Всё это становилось предпосылкой дальнейшего развития общественного мнения и общественной самоорганизации.

Однако вскоре в обе столицы, а затем и в Севастополь пришла горькая весть о кончине императора Николая I. 22 февраля великие князья спешно выехали в Петербург.

В.В. Крестьянников

Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской войне 1853–1856 гг.

С усилением роли России на Чёрном море и увеличением численности Черноморского флота возросла и роль духовенства Балаклавского Георгиевского монастыря. 1 декабря 1834 г. были утверждены новые штаты духовенства монастыря: настоятель, 22 иеромонаха, 2 иеродиакона и 2 послушника¹ вместо 13 иеромонахов по штатам 1806 г.² В связи со строительством на восточном берегу Чёрного моря большого количества укреплений, в 1839 г. Балаклавскому третьеклассному монастырю был определён «добавочный штат 12 человек, для укрепления...»³.

Количество иеромонахов в Балаклавском монастыре колебалось от 18 до 21 человек в году и не достигало штатной численности. И только на конец 1853 г. в монастыре было 25 священнослужителей, включая настоятеля митрополита Агафангела и управляющего монастырём архимандрита Поликарпа.

По решению Синода в монастырь для службы на флоте и в крепостях должны были направляться достойные священнослужители, однако на деле это обстояло не всегда так. В декабре 1846 г. архиепископ Херсонский и Таврический Гавриил писал с горечью митрополиту Агафангелу: «Вы пишете притом, чтобы назначаемы были иеромонахи не сплошь, но испытанные в правильности и известные. И в этом я не противоречу Вашему высокопреосвященству. Так и делается. Но если на опыте оказывается противное,

в этом виноваты епархиальное начальство, от коих иеромонахи к нам поступают. Оттуда обыкновенно требуются предварительно формулярные списки просящихся во флот. И кто по спискам значится совершенно хорошим, тот и требуется. Стало быть, недостойные попадают от того, что списки присылаются фальшивые. Кто же виноват?...»⁴

Иеромонахи несли службу на линейных кораблях и фрегатах с весны по осень, когда суда вооружались и направлялись в практические плавания. Исключения составляли суда отряда Абхазской экспедиции, которые находились в крейсерстве у берегов Кавказа и сменялись через 6 месяцев. Иеромонахи каждый год получали назначения на другие суда, и только в виде исключений, по просьбе командиров, могли служить на одном и том же корабле в течение двух-трёх кампаний. С наступлением осени все иеромонахи возвращались в монастырь. В связи с тем что штатной численности иеромонахов в монастыре не было, они находились в море по 4–5 месяцев в году. В ноябре 1849 г. митрополит Агафангел доносил в духовную консисторию, что «в обители налицо священнослужителей штатных 15, священник 1, для службы на флоте употреблено 14, из которых почти все по многому требованию были в походах раза по два и по три в продолжение года»⁵.

Многие иеромонахи стремились перейти с флота в запасные и отправиться в кавказские укрепления. Это было связано с денежным содержанием.

¹ ГКУ АГС. Ф. 20. Оп. 1. Д. 86. Л. 55.

² Там же. Д. 62. Л. 14 об.

³ Там же. Д. 68. Л. 548 об. – 552 об.

⁴ ГКУ АГС. Ф. 20. Оп. 1. Д. 83. Л. 411.

⁵ Там же. Д. 92. Л. 279 об., 288.

Монастырь
Св. Георгия.
[1900 г.]
ГКУ АГС. Фотофонд.
Ед. хр. 6709

Иеромонах в укреплениях получал 1000 руб. серебром в год, флотский – около 40. В январе 1848 г. митрополит Агафангел в письме к главному командиру портов Чёрного моря адмиралу М.П. Лазареву просил ходатайствовать о сравнении жалованья флотских иеромонахов со священниками, служившими в армии. «Иеромонахам отпускается на питание от казны 15 коп. серебром в день, что в два раза меньше, чем получают армейские священники в Севастополе»⁶. Лазарев ходатайствовал об уравнивании жалованья перед начальником Главного Морского штаба князем Меншиковым⁷, но вопрос так и остался неразрешённым.

В октябре 1851 г. указом Святейшего синода предписывалось архиепископу Иннокентию «обратить особое внимание на состав монашествующих сего монастыря и принять все нужные меры к тому, чтобы в монастырь этот выбираемы были монашествующие, отличающиеся нравственностью и поведением; и чтобы отстранены были всякие поводы к невыгодным отзывам на монашествующих того монастыря; о распоряжениях же своих по сему предмету донести Святейшему синоду»⁸.

⁶ ГКУ АГС. Ф. 20. Оп. 1. Д. 86. Л. 54–56.

⁷ Там же. Л. 253.

⁸ Там же. Д. 95. Л. 397–397 об.

Выполняя указ Синода, в декабре того же года управляющий монастырём архимандрит Поликарп в письме архиепископу представил список неблагонадежных священнослужителей⁹, и в июле 1852 г. архиепископ распорядился отправить из монастыря двух иеромонахов и иеродиакона, а в отношении пяти священнослужителей писал, что они «отдаются под особый строгий надзор монастырского начальства, которые имеют внимательно наблюдать за их образом мыслей и поведением и донести мне о том, могут ли они быть терпимы в составе монастырской братии»¹⁰. В результате проверки «благонадежности» к концу года налицо в монастыре было 17 иеромонахов, в том числе 5 прибывших в том же году.

Обстановка в Европе накалялась, и в преддверии новой войны, 31 декабря 1852 г., Святейший синод принял указ «О благоустройстве Балаклавского Георгиевского монастыря и его монашествующих» из четырёх пунктов:

«1. Представить Вашему преосвященству (Иннокентию) войти предварительно с начальством Черноморского флота в сношение о том, можно ли обеспечить содержание иеромонахов.

⁹ ГКУ АГС. Ф. 20. Оп. 1. Д. 95. Л. 398.

¹⁰ Там же. Д. 96. Л. 314–314 об.

2. Озаботиться удобным и приличным помещением иеромонахов, приспособив дом для посетителей.

3. Предоставить Вашему преосвященству вызывать для служения в монастыре монашествующих из Киево-Печерской лавры, монастыря Задонского, Софрониевской, Глинской, Рыхловской и Святогорской пустынь.

4. Посылать монахов самых благонадёжных. Всех неблагонадёжных немедленно удалить»¹¹.

Выполняя указ Синода, в Балаклавский Георгиевский монастырь было направлено для служения на Черноморском флоте 19 священнослужителей из Херсонской, Калужской, Воронежской, Харьковской и Курской епархий и Киево-Печерской лавры. Однако по разным причинам из них выбыло в этом же году 7 человек.

Черноморский флот интенсивно готовился к боевым походам, в мае 1853 г. были сформированы и вышли в море две эскадры, на которых находилось 18 иеромонахов.

14 июня император Николай I подписал манифест о движении войск в Придунайские княжества.

9 сентября находившийся у кавказских берегов фрегат «Флора» подвергся нападению трёх турецких пароходов и, несмотря на штиль, вышел победителем из этого боя. Во время боя пастырские обязанности исполнял иеромонах Полихроний (в миру Павел Алексеенко)¹².

В ночь с 15 на 16 октября турецкий отряд внезапно напал на укрепления Св. Николая на Кавказе, в этом бою вместе с гарнизоном погиб и иеромонах Серафим, прибывший в Балаклавский монастырь в 1847 г. и в 1849 г. назначенный в это укрепление¹³. Через несколько дней турецкая артиллерия обстреляла суда Дунайской военной флотилии, и 21 октября 1853 г. был подписан манифест об объявлении войны Турции¹⁴.

18 ноября 1853 г. произошло Синопское сражение, в ходе которого эскадра под командованием вице-адмирала П.С. Нахимова разгромила турецкую эскадру адмирала Осман-паши. На участвовавших в бою линейных кораблях находились иеромонахи: на «Императрице Марии» – Иоаникий (в миру Иннокен-

тий Ровинский)¹⁵, «Париже» – Кирилл (Дмитрий Векшин)¹⁶, «Трёх Святителей» – Вениамин Белгородский (Василий Ершов)¹⁷, «Великий князь Константин» – Иов (Иосиф Сиволодский)¹⁸, «Чесме» – Никандр¹⁹, и «Ростиславе» – Виссарион (Василий Прядкин)²⁰. Указом от 28 ноября эти монахи «за примерное благочестие, с которым ободряли раненых на кораблях 18 ноября во время боя при Синопе» были награждены золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте²¹. Этим же указом предписывалось выдать из Государственного казначейства годовые оклады жалования всем чинам, участвовавшим в Синопском сражении.

Разгром турецких войск на Кавказе и эскадры при Синопе показал неизбежность поражения Турции и ускорения вступления в войну Великобритании и Франции. 23 декабря 1853 г. англо-французский флот вошёл в Чёрное море и взял на себя защиту турецких коммуникаций. Враждебные по отношению к России действия означали их фактическое вступление в войну, и 9 февраля 1854 г. российское правительство разорвало дипломатические отношения с Великобританией и Францией. 10 апреля союзный флот подверг бомбардировке Одессу, а в июне союзники высадили экспедиционный корпус в Варне.

В начале июля 1854 г. английская газета «Таймс» писала: «Морские державы не могут постоянно держать флот для наблюдения за Севастополем, и потому главная цель политики и войны не может быть достигнута до тех пор, пока будут существовать Севастополь и русский флот. Но раз только центр могущества России на юге империи будет уничтожен – рушится и всё здание, сооружением которого Россия занималась сотню лет. Взятие Севастополя и занятие Крыма вознаграждают все военные издержки и решат вопрос в пользу союзников...»

Севастополь готовился к обороне. Из части экипажей судов были сформированы батальоны, возводились батареи, а на случай атаки с моря флот, в дополнение к береговым батареям, стал в бухте по

¹⁵ ЦГИАУ. Ф. 128. Оп. 2. Д. 560. Л. 1–38.

¹⁶ ГКУ АГС. Ф. 20. Оп. 1. Д. 97. Л. 173.

¹⁷ ОКУ ГАКО. Ф-20. Оп. 3л. Д. 115. Л. 2 об., 3.

¹⁸ ГКУ АГС. Ф. 20. Оп. 1. Д. 97. Л. 361, 367.

¹⁹ Там же. Л. 173; Портреты лиц, отличившихся заслугами и командовавших отдельными частями в 1853, 1854, 1855 и 1856 годах. СПб. ФГБУК ГМГООС, Г-685/100.

²⁰ ГКУ АГС. Ф. 20. Оп. 1. Д. 97. Л. 361.

²¹ Морской сборник. 1854. № 1. Ч. оф. С. 8.

¹¹ ГКУ АГС. Ф. 20. Оп. 1. Д. 97. Л. 132, 133.

¹² Там же. Д. 121. Л. 5 об., 6.

¹³ Там же. Д. 99. Л. 77.

¹⁴ Там же. Д. 97. Л. 333 об., 351.

дистанции. Учитывая текучесть священнослужителей, а в 1853 г. убыло с флота 12 иеромонахов, в мае – августе 1854 г. в Балаклавский Георгиевский монастырь были направлены иеромонахи из Пермской, Донской и Могилёвской епархий.

Оборона Севастополя началась 13 сентября, и 19 сентября в монастырь вошли части союзных войск. С 19 сентября 1854 по 21 марта 1856 г. Балаклавский Георгиевский монастырь находился в плену англо-французских войск. Весь период плена в нём оставались и совершали богослужение во славу российского воинства настоятель монастыря архимандрит Геронтий (в миру Григорий Артюховский)²², наместник игумен Арсений (Алексей Мокренский)²³, иеромонахи Венедикт (Василий Мухин)²⁴, Михаил (Моисей Слоницкий)²⁵, Пахомий (Пётр Афанасьев)²⁶, Полихроний (Павел Алексеенко)²⁷, монахи Иосиф²⁸ и Дамаскин²⁹.

В связи с тем что монастырь был пленён и документы периода обороны не сохранились, выяснить количество иеромонахов на флоте в это время представляется затруднительным. Анализ имевшихся в распоряжении автора документов позволяет сделать вывод, что в обороне Севастополя на судах и оборонительной линии участвовали 17 иеромонахов. Участие ещё пятерых иеромонахов в обороне под вопросом, хотя трое из них находились в монастыре и в 1856–1858 гг.

Все 365 дней обороны, исполняя свой пастырский долг, бастионы Севастополя не покидали иеромонахи Балаклавского Георгиевского монастыря.

На 4-м бастионе вместе с 32-м флотским экипажем в течение всей обороны находился иеромонах Вениамин (Василий Ершов). Здесь он исполнял богослужение, исповедал и приобщил Святыми Дарами более тысячи моряков и солдат, освящал орудия, дежурил через сутки на 1-м перевязочном пункте и в доме Гущина, совершая погребение убитых, освящал и совершал богослужения в подземно-минных галереях³⁰.

На Малаховом кургане в феврале 1855 г. был ранен в голову, с потерей зрения левого глаза, иеромонах Арсений (прибыл в 1854 г. из Киево-Печерской лавры)³¹, здесь же находился иеромонах Серафим (прибыл в 1853 г. из Задонского Богородичного монастыря)³², на 4-м отделении с 39-м флотским экипажем нёс службу игумен Серафим (прибыл из Свято-Благовещенской Никандровской пустыни)³³.

На 3-м бастионе с 14 сентября до конца обороны с 45-м флотским экипажем находился иеромонах Ефимий (прибыл в 1853 г. из Корсунского Богородичного монастыря), помимо этого он дежурил на 3-м перевязочном пункте³⁴.

Вот что писал Н. Берг об иеромонахе 44-го флотского экипажа Вениамине (прибыл в 1853 г. из Святогорского монастыря): «Все священники фрегатов и кораблей, стоявших тогда на рейде и далее затопленных, обязаны были посещать те бастионы, где находились команды их экипажей, освящать батареи, исповедать умирающих и совершать различные церковные службы. Вениамин был усерден в исполнении этих обязанностей. Он ходил по бастионам с каким-то увлечением. Во всю осаду исповедовал и приобщил с лишком 11 тыс. человек»³⁵.

Иеромонах Иоаникий (в миру Иоанн Добротворский, в монастырь прибыл в 1844 г. из Каменецкого Троицкого монастыря) с начала обороны постоянно находился на батареях и передовых траншеях. Отличился в ночной вылазке матросов своего 44-го флотского экипажа в ночь со 2 на 3 марта 1855 г. Иеромонах с крестом в руках ободрял матросов и солдат, напутствуя умирающих, и утешал раненых. Обходя поле боя, отец Иоаникий увидел среди турок неприятельского офицера, которого взял в плен и сдал начальству³⁶.

Имя участника обороны Севастополя иеромонаха 45-го флотского экипажа Иоаникия (Савинова) стало известно всей России. Во время вылазки с укреплений Корабельной стороны, под командованием генерал-лейтенанта Хрулёва, иеромонах всё время нахо-

²² ГКУ АГС. Ф. 20. Оп. 1. Д. 104. Л. 1.

²³ Там же. Д. 101. Л. 11 об.

²⁴ Там же. Д. 138. Л. 5 об., 6, 37.

²⁵ Там же. Д. 101. Л. 11 об.

²⁶ Там же. Д. 121. Л. 6 об., 11.

²⁷ Там же. Л. 5 об., 6.

²⁸ Там же. Л. 13 об., 14.

²⁹ Там же. Л. 12 об., 16.

³⁰ ОКУ ГАКО. Ф. 20. Оп. 3л. Д. 115. Л. 2 об. – 4.

³¹ ГКУ АГС. Ф. 20. Оп. 1. Д. 99. Л. 78, 79 об.; Морской сборник. 1855. № 8. Часть официальная. С. 440.

³² ГКУ АГС. Ф. 20. Оп. 1. Д. 97. Л. 162 об., 163.; Морской сборник. 1855. № 4. Оф. ст. С. 487–489.

³³ *Рерберг П.Ф.* Севастопольцы. СПб., 1904. Т. 2. С. 62–1.

³⁴ ГОКУ ГАНО. Ф-526. Оп. 1. Д. 18. Л. 8 об. – 10; Д. 21. Л. 3 об., 4; Д. 23. Л. 7 об., 8; Д. 28. Л. 36, 37.

³⁵ *Берг Н.* Записки об осаде Севастополя. М., 1858. Т. 1. С. 87.

³⁶ *История флотского духовенства.* М.: Андреевский флаг, 1993. С. 56.

дился в первых рядах атакующих с крестом в руках, воодушевляя солдат. В самый напряжённый момент боя, как писал журнал «Вестник военного духовенства»³⁷, из ночной темноты раздалась громкая молитва, и сражавшиеся увидели иеромонаха в епитрахили с поднятым крестом. Солдаты, ободрённые священником, опрокинули французов. Один из зуавов бросился на Иоаникия, но был убит юнкером Негребицким. Увлечённые сражением, солдаты, несмотря на сигнал отступления, не хотели покидать поле боя. Генерал Хрулёв вызвал иеромонаха из передовой цепи и поручил ему передать приказ: «Покинуть неприятельские траншеи». Несмотря на сильный огонь и кипевший кругом рукопашный бой, Иоаникий обошёл все траншеи и выполнил поручение. В ходе боя он был контужен в грудь и ранен³⁸.

Указом от 15 мая 1855 г. за этот подвиг иеромонах Иоаникий (Савинов) был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени³⁹. От полученных ран 9 июня 1855 г. иеромонах Иоаникий умер⁴⁰. К большому сожалению, не удалось установить, когда и из какой епархии он прибыл в Севастополь.

³⁷ История флотского духовенства. С. 55, 56.

³⁸ Алабин П. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–1856 и 1877–1878 годах. СПб., 1892. VIII. С. 287; Морской сборник. 1855. № 4. Оф. ст. С. 66.

³⁹ В память столетнего юбилея Императорского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия. (1796–1869). СПб., 1869. С. 220.

⁴⁰ Морской сборник. 1855. № 7. Ч. II. С. 141.

Не забыто служение и других иеромонахов-участников героической обороны Севастополя. Указом Александра II от 22 июня 1855 г. были награждены: игумен Георгий – орденом Св. Анны 2-й степени; иеромонахи Иов, Иоаникий 2-й, Вениамин 1-й, Никандр и Кирилл – орденами Св. Анны 3-й степени; Иоаникий 1-й (Добротворский), Николай, Анатолий, Герман, Вениамин (Святогорский), Арсений, Евфимий, Лаврентий и Серафим – наперсными золотыми крестами на Георгиевской ленте⁴¹. После окончания войны иеромонахи получили в награду наперсные кресты «В память войны 1853–1856 гг.», медали «За защиту Севастополя» и «В память войны 1853–1856 гг.». Награждены были и священнослужители, находившиеся в пленённом монастыре.

25 января 1857 г. в Балаклавском Георгиевском монастыре был получен указ Херсонской консистории «Об объявлении братии Балаклавского монастыря за отлично ревностную службу и полезную от Святейшего Синода благословение»⁴².

Условия, продиктованные России в Париже союзными державами, были тяжёлыми. Ей запрещалось иметь на Чёрном море военный флот и крепости на побережье. Это сразу же сказалось и на Балаклавском монастыре, где в 1856 г. по штату было положено 12 иеромонахов, в 1860 г. находилось всего 6 иеромонахов. Возрождение монастыря началось только в конце 80-х годов XIX в.

⁴¹ Морской сборник. 1855. № 8. Ч. оф. С. LIX.

⁴² ГКУ АГС. Ф. 20. Оп. 1. Д. 104. Л. 1.

В.А. Шевченко

Благотворительная помощь москвичей Севастополю во время Крымской войны 1853–1856 гг.

С июня 1854 г. по сентябрь 1855 г. Севастополь был в эпицентре Крымской (Восточной) войны (1853–1856). К середине XIX в. Турция всё больше становилась зависимой от Англии и Франции. Не договорившись с европейскими державами о разделе сфер влияния на Ближнем Востоке, император Николай I решил надавить на османов. России было необходимо установить контроль над черноморскими проливами Босфор и Дарданеллы и закрепить своё влияние на Балканах.

14 (26) июня 1853 г. последовал Высочайший манифест о предстоящем занятии русскими войсками Дунайских княжеств. 4 (16) октября Турция объявила войну России. 18 (30) ноября эскадра под командованием вице-адмирала П.С. Нахимова в ходе Синопского сражения уничтожила турецкую эскадру Осман-паши, что послужило основанием для вступления Англии и Франции в войну против России.

2 (14) июня 1854 г. произошёл бой англо-французского флота с береговыми укреплениями Севастополя.

5 (17) октября – день первой бомбардировки города. 4–7 сентября 1855 г. состоялась шестая бомбардировка Севастополя, а 8 сентября французские войска захватили Малахов курган.

13 (25) февраля 1856 г. начался Парижский конгресс, в ходе которого 18 (30) марта того же года был подписан мирный договор. Россия возвращала Турции город Карс, получая в обмен Севастополь и другие крымские города. Чёрное море объявлялось нейтральным, то есть закрытым для военных судов в мирное время. России и Османской империи запрещалось создавать там военные флоты и арсеналы.

В период героической обороны Севастополя москвичи с воодушевлением откликнулись на призыв оказать посильную помощь осаждённому городу. Из Москвы в Севастополь поставлялись боеприпасы и амуниция, перевязочные материалы и продовольствие. В ноябре 1854 г. в Севастополь для оказания помощи раненым прибыл знаменитый московский хирург Н.И. Пирогов.

Значительная роль в организации сбора пожертвований принадлежала московскому военному генерал-губернатору графу Арсению Андреевичу Закревскому. Деньги и вещи для семей раненых и погибших собирала супруга генерал-губернатора Аграфена Фёдоровна Закревская (Толстая). Кроме того, пожертвования проходили через Московское адмиралтейств-комиссионерство, контору императрицы Марии Александровны и Московскую комиссариатскую комиссию. Пожертвования вносили дворяне, купцы, духовенство, мещане... Часть собранных денег пошла на строительство храма Святого Николая на Братском кладбище, где регулярно служились панихиды по убиенным защитникам Севастополя¹.

Документальную публикацию открывает Высочайший манифест о войне с Англией и Францией. Затем публикуется серия сообщений, поступивших генерал-губернатору Закревскому, о пожертвованиях в пользу воинов, раненных при обороне Севастополя. Сообщения печатались в московских газетах («Ведомости московской городской полиции» и «Московские ведомости»).

Ряд документов характеризует деятельность московского купечества, представители которого жертвовали денежные средства в пользу защитников Севастополя, а также их семей, потерявших имущество

в ходе войны. В частности, представлена переписка А.А. Закревского с московским городским головой А.И. Колесовым² о возможности открытия в Крыму торговли бакалейными товарами.

Пожертвования на военные нужды, в частности для черноморских моряков и их семей, собирала и Православная церковь. Духовенство Московской епархии неоднократно жертвовало значительные денежные средства для защитников Севастополя. Несомненно, что выдающаяся роль в организации таких сборов принадлежала митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету (Дроздову)³.

В феврале 1856 г. из Севастополя в Кронштадт и Архангельск транзитом через Москву проходили черноморские флотские экипажи. Москвичи с воодушевлением встречали моряков-героев: были организованы обеды, спектакли, балы. Например, 26 февраля черноморцев чествовало Купеческое собрание. Морякам был подарен «золотой кубок»⁴ работы И.П. Сазикова⁵. Очерки о чествовании черноморских экипажей, которые публиковались в «Ведомостях московской городской полиции» и в «Московских ведомостях», приводятся в сокращении.

Завершает подборку документов предписание генерал-губернатора Закревского городскому голове Колесову объявить благодарность императора Александра II московским купцам, пожертвовавшим деньги на сооружение храма-памятника на Севастопольском кладбище.

Археографическая подготовка публикации проведена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Тексты документов приводятся по современным правилам правописания. Стилистические особенности документов сохранены. Документы снабжены редакционным заголовком, который содержит общую характеристику источника (разновидность, автор, адресат, содержание, место написания, делопроизводственный номер). Документы публикуются в хронологической последовательности.

² Колесов Алексей Иванович (1823 – не ранее 1873 и не позднее 1876) – купец 1-й гильдии, потомственный почётный гражданин; московский городской голова (1855–1857).

³ О деятельности Православной церкви в годы Крымской войны см.: Мельникова Л.В. Русская Православная церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М., 2012.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5253. Л. 34, 35.

⁵ Сазиков Игнатий Павлович (1796–1868) – скульптор-серебряник. В 1837 г. получил «Высочайшее дозволение именовать придворным фабрикантом серебряных изделий».

¹ Банникова У.К. Крымская война: Москва – Севастополю // Московский журнал. 2015. № 9. С. 17.

№ 1. Высочайший манифест о войне с Англией и Францией

11 апреля 1854 г.

Божию Милостью Мы, Николай Первый⁶, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всенародно.

С самого начала несогласий наших с турецким правительством, Мы торжественно возвестили любезным нашим верноподданным, что единое чувство справедливости побуждает нас восстановить нарушенные права православных христиан, подвластных Порте Оттоманской. Мы не искали и не ищем завоеваний, ни преобладательного в Турции влияния сверх того, которое по существующим договорам принадлежит России.

Тогда же встретили Мы сперва недоверчивость, а вскоре и тайное противоборство французского и английского правительств, стремившихся превратным толкованием намерений наших ввести Порту в заблуждение. Наконец, сбросив ныне всякую личину, Англия и Франция объявили, что несогласие наше с Турцией есть дело в глазах их второстепенное, но что общая их цель – обессилить Россию, отторгнуть у неё часть её областей и низвести Отечество наше с той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею Десницею.

Православной ли России опасаться сих угроз! Готовая сокрушить дерзость врагов, уклонится ли она от священной цели, Промыслом Всемогущим ей предназначенной.

Нет!! Россия не забыла Бога! Она ополчилась не за мирские выгоды; она сражается за Веру Христианскую и защиту единоверных своих братий, терзаемых неистовыми врагами.

Да познает же все Христианство, что как мыслит Царь Русский, так мыслит, так дышит с ним вся русская семья, верный Богу и Единородному Сыну Его, Искупителю нашему, Иисусу Христу православный русский народ.

За Веру и Христианство подвизаемся! С нами Бог, никто же на ны!

Дан в Санкт-Петербурге в 11-й день апреля месяца в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот пятьдесят четвёртое, царствования же Нашего в двадцать девятое.

⁶ Николай I Павлович (1796–1855) – с 14 декабря 1825 г. по 18 февраля 1855 г. император Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский. Третий сын императора Павла I и Марии Фёдоровны, родной брат императора Александра I, отец императора Александра II.

В подлинном собственною Его Императорского Величества рукою подписано: «Николай».

Печатан в Санкт-Петербурге при Сенате, апреля 11-го дня 1854 г.

ЦГА Москвы. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1090. Л. 2.

Типографский экземпляр.

№ 2. Сообщение о пожертвованиях в пользу воинов, раненных при обороне Севастополя, поступивших московскому военному генерал-губернатору графу А.А. Закревскому⁷, опубликованное в газете «Московские ведомости»⁸

4 декабря 1854 г.

В пользу воинов, раненных в сражениях с неприятелем при защите Севастополя, поступило к московскому военному генерал-губернатору:

1. От Свято-Троицкой Сергиевой лавры – 100 руб., 10 пуд. 16 ф. бульону и 10 пуд. вермишели.

2. Странноприимного дома графа Шереметева⁹ в Москве от священника Петра Григорьева – 10 руб. и от неизвестного – 10 руб.

⁷ Закревский Арсений Андреевич (1783–1865) – русский военный и государственный деятель, генерал-губернатор Финляндии (1823–1831), министр внутренних дел России (1828–1831); титул графа Великого княжества Финляндского пожалован 2 августа 1830 г., титул графа Российской империи – 26 августа 1856 г.; 6 мая 1848 г. назначен московским военным генерал-губернатором, а 1 ноября того же года утверждён членом Государственного совета. Главной своей задачей на посту военного генерал-губернатора Закревский считал поддержание в Москве строгого порядка и дисциплины. Во время Крымской войны Арсений Андреевич осуществлял мероприятия по организации ополчения Московской губернии. 16 апреля 1859 г. был отправлен в отставку.

⁸ «Московские ведомости» – газета, издававшаяся в Москве в 1756–1917 гг. Основана Московским университетом (формально принадлежала до 1909 г.). В 1850–1855 гг. редактором «Московских ведомостей» был М.Н. Катков, в 1856–1862 гг. – Е.Ф. Корш.

⁹ Открытие в Москве (Большая Сухаревская пл.) Странноприимного дома графа Н.П. Шереметева состоялось 28 июня 1810 г. Первыми жителями приюта стали отставные офицеры и пожилые неимущие горожане. В 1851–1860 гг. главным смотрителем Дома был Л.Н. Верещагин. В 1923 г. на базе Шереметевской больницы организован Институт неотложной помощи (с 1929 г. им. Н.В. Склифосовского).

3. От исправляющего должность московского обер-полицеймейстера¹⁰, пожертвованных квартальным поручиком Басманной части Петелиным – 25 руб. и неизвестным лицом – 300 руб.

4. От проживающего в Москве отставного рядового Дмитрия Тимофеева – 12 руб. 15 коп. [...]

Московские ведомости. 1854. 4 декабря.

№ 3. Сообщение о пожертвованиях в пользу защитников Севастополя и нижних чинов Крымской армии, раненных в сражениях с неприятелем, поступивших московскому военному генерал-губернатору графу А. А. Закревскому, опубликованное в газете «Московские ведомости»

14 декабря 1854 г.

В пользу храбрых защитников Севастополя и нижних чинов Крымской армии, раненных в сражениях с неприятелем, поступило к московскому военному генерал-губернатору:

1. Из г. Скопина, от дочери тамошнего предводителя дворянства девицы Марьи Колтовской, приобретённых рукоделием – 40 руб.

2. От членов Коммерческого клуба казино в Москве – 600 руб.

3. От московского купца Василия Турицева – 300 руб.

4. От московского купца Ивана Трофимова, конторщиков и рабочих людей его – 30 руб.

5. От исправляющего должность московского обер-полицеймейстера¹¹, пожертвованных некоторыми обывателями Мясницкой, Пресненской и Городской частей – 16 руб.; и московским мещанином Михаилом Дмитриевым – 5 руб.

6. От дворового человека Г. Харламова Василия Васильева – 3 руб.

¹⁰ Тимашев-Беринг (Беринг, Тимаш-Беринг) Алексей Александрович (Абрамович) (1812–1872) – русский военный и государственный деятель, генерал-майор (1855); исправляющий должность московского обер-полицеймейстера (12 мая 1854 – 8 сентября 1855), московский обер-полицеймейстер (8 сентября 1855 – 31 декабря 1857). В 1870–1872 гг. возглавлял Комиссию по устройству тюремной части в Москве.

¹¹ А. А. Тимашев-Беринг.

7. От сторожей Дома Московского градского общества¹² по мещанскому отделению – 2 руб.

8. От малолетних детей вольноотпущенной вдовы А. Б. – 5 руб.

9. От неизвестного – 6 руб. 50 коп.

10. От неизвестного – 1 руб.

Препроводив означенные добровольные пожертвования, всего *тысячу восемь рублей пятьдесят копеек* серебром, к г. главнокомандующему военными сухопутными и морскими силами в Крыму генерал-адъютанту князю Меншикову¹³ для употребления по желанию жертвователей, генерал-адъютант граф Закревский объявляет о сём во всеобщее сведение.

Московские ведомости. 1854. 14 декабря.

№ 4. Сообщение военного генерал-губернатора графа А. А. Закревского о пожертвованиях, поступивших в Московское адмиралтейств-комиссионерство¹⁴ в пользу раненых моряков Черноморского флота, опубликованное в газете «Ведомости московской городской полиции»¹⁵

18 декабря 1854 г.

От московского военного генерал-губернатора генерал-адъютанта графа Закревского.

С 16 по 20 ноября поступили к Московскому адмиралтейств-комиссионерству следующие пожертвования в пользу раненых морских воинов Черноморского флота: А., деньгами: от неизвестной 5 руб.; от московских мещан: Петра Кондратьева 2 руб., Ильи

¹² Все жители Москвы, за исключением крепостных, составляли так называемое градское общество.

¹³ Меншиков Александр Сергеевич (1787–1869) – генерал-адъютант, адмирал (1833); генерал-губернатор Финляндии (1831–1854), с 5 февраля 1836 г. до 23 февраля 1855 г. морской министр Российской империи, главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму (сентябрь 1854 – февраль 1855).

¹⁴ Московское адмиралтейств-комиссионерство подчинялось Комиссариатскому департаменту Морского министерства Российской империи.

¹⁵ «Ведомости московской городской полиции» (с 1905 г. – «Ведомости Московского градоначальства и столичной полиции», с 1917 г. – «Вестник Московской городской милиции») – газета, выходившая в Москве в 1848–1917 гг. Официальное издание, в котором публиковались распоряжения городских властей и казённые объявления.

Ершова 2 руб. и мещанки Александры Петровой 1 руб.; от г. М.А. Соймоновой 10 руб.; от неизвестной 3 руб.; из села Черкизова¹⁶, имения князя Б.А. Черкасского, от неизвестного 6 руб.; а всего 29 руб. сер[ебром]; и В., вещами: от неизвестной компрессов 22 ф.; от Дома призреваемых штаб- и обер-офицеров благотворительницы графини Шереметевой¹⁷: корпии 1 пуд 1 ф., компрессов 3 ф., тесёмок 400 арш.; от московской мещанки Авдотьи Дементьевой корпии 2 ф.; от г. О.М. Борщовой корпии 3 ф.; от М.Л.И. рубах госпитальных, сшитых из армейского холста, 132 шт., корпии 3 пуда 20 ф., бинтов 246 арш., подвязок 60 шт.; от Е.В.З. чаю 1 ф., компрессов 16 ф., рубах госпитальных, сшитых из хорошего армейского холста, 12 шт.; от разных лиц: чаю 1 ф., компрессов 19 ф., бинтов 285 арш. и 75 свёрт., корпии 1 пуд; от московской мещанки Александры Петровой корпии 5 ½ ф.; от г. А.П.Б. разных свеч стеариновых 1 пуд 20 ф.; от неизвестного циновок 20 шт.; от неизвестной корпии 7 ф.; из села Черкизова, имения князя Б.А. Черкасского, корпии 14 ф., компрессов 1 ф., холста рубашечного 20 арш.; от московского купца Булочкина подвязок 109 шт., корпии 12 ф., компрессов 5 ф.; от купчихи Ерофеевой корпии 3 ф.

Государь Император, по всеподданнейшему докладу Его Императорского Высочества великого князя генерал-адмирала¹⁸ о сих пожертвованиях, Высочайше повелеть соизволил: «Пожертвования принять, а жертвователей благодарить».

По поручению Его Императорского Высочества генерал-адмирала генерал-адъютант граф Закревский объявляет изложенную Высочайшую волю жертвователям.

Ведомости московской городской полиции. 1854.
18 декабря.

¹⁶ Село Черкизова (ныне в Коломенском р-не Московской обл.) – с 1689 г. имение князей Черкасских, которые после 1861 г. покинули усадьбу.

¹⁷ Дом призрения штаб- и обер-офицеров учреждён на средства, оставленные по завещанию Марии Петровны Шереметевой, вдовы гвардии капитана.

¹⁸ Константин Николаевич, великий князь (1827–1892) – государственный и военный деятель, председатель Государственного совета (1865–1881), генерал-адмирал. В 1853–1855 гг. замещал князя А.С. Меншикова на посту управляющего Морским министерством; с 23 февраля до 18 мая 1855 г. управлял Морским ведомством на правах министра. В 1857 г. избран председателем Комитета по освобождению крестьян.

№ 5. Предписание министра народного просвещения А.С. Норова¹⁹ попечителю Московского учебного округа В.И. Назимову²⁰ о передаче части вырученных средств от продажи книги профессора С.П. Шевырёва²¹ «История Императорского Московского университета»²² в пользу воинов, раненных при защите Севастополя

№ 2459

21 декабря 1854 г.

г. Санкт-Петербург

Государь Император по всеподданнейшему докладу моему всемилостивейше соизволил в 20-й день сего декабря, как на посвящение августейшему имени Его Величества «Истории Московского университета», написанной ординарным профессором Шевырёвым по случаю предстоящего столетнего юбилея сего университета, так и на просьбу г. Шевырёва всю сумму, которая будет выручена распродажею этой книги, за исключением типографских издержек, обратить в пользу воинов, раненных при защите Севастополя, и напечатать на заглавном листе книги, что она продаётся в их пользу.

О такой Высочайшей воле имею честь сообщить Вашему превосходительству в ответ на представление Ваше 2-го сего декабря для надлежащего исполнения.

Министр народного просвещения А. Норов
Директор²³

¹⁹ Норов Авраам Сергеевич (1795–1869) – государственный деятель, учёный, путешественник и писатель, действительный член Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1851). В 1849 г. назначен сенатором и помощником главного попечителя Человеколюбивого общества, в 1850 г. – товарищем министра народного просвещения; с 7 апреля 1853 г. по 23 марта 1858 г. – министр народного просвещения.

²⁰ Назимов Владимир Иванович (1802–1874) – государственный деятель, генерал-лейтенант (1849); командующий войсками Виленского военного округа (1862–1863); с 1 ноября 1849 г. по 10 декабря 1855 г. – попечитель Московского учебного округа.

²¹ Шевырёв Степан Петрович (1806–1864) – поэт, литературный критик и историк литературы, профессор Московского университета (1837), академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1847). Совместно с историком М.П. Погодиным издавал журнал «Москвитянин» (1841–1856).

²² См.: Шевырёв С.П. История Императорского Московского университета. М., 1855.

²³ Подпись неразборчива.

Помета на 1-м листе документа, слева: «Препроводить в подлиннике к Степану Петровичу Шевырёву».

ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1466. Л. 100–100 об.
Подлинник. Рукопись.

№ 6. Сообщение о пожертвованиях, поступивших московскому военному генерал-губернатору графу А. А. Закревскому, опубликованное в газете «Московские ведомости»

25 декабря 1854 г.

От неизвестного И.Е.К. доставлена к московскому военному генерал-губернатору икона Знамения Божией Матери для одной из церквей г. Севастополя и на масло для лампы пред иконою рубль сер[ебром].

Кроме того, для употребления раненых при обороне Севастополя прислано от неизвестного лица два цибика чая.

Препроводив св. икону, деньги и чай к г. главнокомандующему военными сухопутными и морскими силами в Крыму генерал-адъютанту князю Меншикову, генерал-адъютант граф Закревский объявляет о сём во всеобщее сведение.

Московские ведомости. 1854. 25 декабря.

№ 7. Предписание московского военного генерал-губернатора графа А. А. Закревского московскому городскому голове А. И. Колесову обратиться к Московскому купеческому обществу с просьбой о возможности открытия в Крыму торговли бакалейными товарами

№ 358

18 января 1855 г.

Господин военный министр²⁴ уведомляет меня от 16-го сего января за № 9, что Государь Император с отеческою заботливостью изволил следить за теми мерами, которые принимаются для улучшения и успокоения храбрых защитников Крыма.

²⁴ Долгоруков Василий Андреевич (1804–1868) – военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от кавалерии; с 26 августа 1852 г. по 17 апреля 1856 г. военный министр Российской империи.

Много недостатков, сопряжённых с настоящими обстоятельствами, отвращены распоряжением правительства; но много ещё нужд терпят войска, и в особенности г. офицеры.

К числу таковых относится недостаток товаров бакалейных и других, которые, будучи продаваемы за умеренные цены, могли бы улучшить быт войска, и в особенности г. офицеров. По сведениям, полученным из Крыма, вся торговля вышеозначенными предметами находится в руках караимов, которые не совсем добросовестно ведут оную и продают товары дурного качества за непомерные цены.

Его Величеству угодно, чтобы я обстоятельство это сделал известным Московскому купеческому обществу, которое всегда, в чём Его Величество неоднократно убеждался, душевно сочувствовало всему тому, что относилось до храбрых войск наших, с тем, что не найдёт ли оно возможным теперь же отвратить вышеозначенные недостатки открытием торговли в Крыму помянутыми товарами без потери своих коммерческих выгод, но по таким ценам, которые при хорошем качестве товаров были бы неразорительны для войска.

Исполняя сим таковую волю Его Императорского Величества, я предписываю Вам, поставя в известность сердечное участие, которое принимает Государь Император в положении войск, находящихся в Севастополе, предложить оному открыть в Крыму торговлю сими товарами и о тех, которые изъезвят на это желание, мне донести, с присовокуплением, на каком основании и по каким именно ценам.

Подписал генерал-адъютант граф Закревский.

ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 19. Д. 38. Л. 3–4.
Подлинник. Рукопись.

№ 8. Рапорт московского городского головы А. И. Колесова московскому военному генерал-губернатору графу А. А. Закревскому о обстоятельствах, не позволяющих московским купцам открыть в Крыму торговлю бакалейными товарами

№ 529

10 февраля 1855 г.

Получив предписание Вашего сиятельства от 18-го числа минувшего января за № 358 с изъяснением отношения господина военного министра²⁵, последовавшего

²⁵ В.А. Долгоруков.

по Высочайшему повелению, о приглашении московского купечества к открытию торговли в Крыму бакалейными и другими товарами, потребными в настоящее время для храбрых защитников нашего Отечества, я в то же время объявил сие Высочайшее соизволение наиболее известным здесь из московского купечества бакалейным торговцам, а сверх того, имея в виду, что другие из сих торговцев находятся в Крещенской ярмарке, ожидал прибытия их в Москву. По прибытии же их в начале сего февраля сделал и им приглашение принять участие в означенной торговле; но они в данном мне отзыве объяснили, что бакалейные товары получаютя ими из Крыма, и если везти их обратно из Москвы в Крым, то за провоз должно употребить значительные суммы, отчего ценность сих товаров возвысится и падёт прямо на потребителей тех товаров, наших храбрых сподвижников; но если для них потребны чай, сахар, кофе, икра, ветчина, сыр и проч., то товаров сих значительное количество, по слухам, до них дошедшим, отправлено из бывшей в Харькове в минувшем январе месяце ярмарки для продажи в Крым. После чего я вызывал торгующего сими и другими товарами здесь, в Москве, и других местах бердянского 1-й гильдии купца Максима Кириллова Саватюгина, который, подтверждая в данном сведении показание вышеозначенных торговцев об отправлении в Крым из Харьковской ярмарки упомянутых товаров, объяснил, что и он отправил тех товаров в Крым на сумму до пятнадцати тысяч рублей серебром и впредь, по мере требования, сколько позволит возможность его, высылать будет; цен же им назначить не может по случаю невозможности определить, сколько будет ему стоить доставка, а обязался продавать оные по умеренным ценам.

Почтительнейше донося о сём Вашему сиятельству, имею честь представить на Ваше благоусмотрение отзыв бакалейных торговцев и сведение купца Саватюгина²⁶.

Градский глава Колесов

Письмоводитель Некрасов

Помета на 1-м листе документа, вверху: «Исполнить».

Помета на 1-м листе документа, слева: «Нужное. Уведомить военного министра. 10 февраля 1855».

Помета на 3-м листе документа, внизу: «О бакалейных торговцах».

ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 19. Д. 38. Л. 5–6.

Подлинник. Рукопись.

Донесение купцов московскому городскому голове А.И. Колесову о невозможности открыть в Крыму торговлю бакалейными товарами

1 февраля 1855 г.

На предложение Ваше основать торговлю бакалейными товарами в Севастополе вследствие отношения господина военного министра и предписания господина московского военного генерал-губернатора графа Арсения Андреевича Закревского с целью доставить возможность нашим храбрым защитникам в Крыму, преимущественно гг. обер-офицерам, в настоящее военное время получать бакалейные товары за умеренные цены и хорошего качества честь имею объяснить, что мы, нижеименованные лица, вполне постигая благотворные меры и предназначения правительства, но вместе с тем справедливо признаём пояснить Вам, что бакалейные товары, коими мы исключительно и постоянно занимаемся многие десятки лет, получаютя нами из того края, куда правительство призывает нас производить торговлю, например, все сухие фрукты, как то: изюм, винную ягоду, финики, миндаль и тому подобные предметы, получаем из Одессы и Таганрога, орехи разные из Крыма. Следовательно, все эти товары для продовольствия военных чинов мы должны везти обратно из Москвы туда, где они начально приобретены, заплатя взад и перёд огромные капиталы за провоз, особенно при наступлении весны, тогда как в доставке оных предостоят большие трудности, и потому ценность товаров сама собою должна возвышаться и пасть прямо на потребителей тех же наших храбрых сподвижников, почему мы и предполагаем, что открытие нами торговли в Севастополе бакалейными товарами несколько не обеспечивает в продовольствии военных чинов, и что, по нашему убеждению, торговля этими предметами с выгодой для потребителей в Севастополе может только производиться местными благонамеренными торговцами, кои, получая товары на месте, на том же месте и продают, не подвергая себя огромным расходам. Впрочем, не лишним считаем присовокупить, что, по мнению нашему, в настоящее время потребны для гг. офицеров в Крыму не вышеозначенные товары, а чай, сахар, кофе, икра, ветчина, сыр, колбасы, сельди, бульон, макароны и тому

²⁶ Не публикуется (ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 19. Д. 38. Л. 9–9 об.).

подобные; но товаров сих значительное количество, по слухам, до нас дошедшим, отправлено из бывшей в Харькове в сём январе месяце ярмарки для продажи их в Крыму.

К сему сведению московский 1-й гильдии купец Филипп Иванов [неразбор.].

К сему сведению московский 2-й гильдии купец Флегонт Егоров Белоусов.

К сему сведению московский 2-й гильдии купец Павел Васильев Максимов.

К сему сведению московский 2-й гильдии купец Василий Пашенков.

К сему сведению московский 2-й гильдии купец Нефёд Никитин Монахов.

Московский купец [неразбор.] Смирнов.

Московский купец Пётр [неразбор.] Ливишов.

Московская купчиха Анна К [неразбор.]

ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 19. Д. 38. Л. 7–8.

Подлинник. Рукопись.

№ 9. Высочайший рескрипт, данный на имя митрополита Московского и Коломенского Филарета²⁷

г. Санкт-Петербург

18 марта 1855 г.

Преосвященный митрополит Московский Филарет!

С особенным удовольствием я прочёл всеподданнейшее письмо Ваше, в котором выражены одушевляющие Вас и московское духовенство верноподданные чувства ко мне, и, согласно просьбе Вашей, повелел принять жертвуемые на военные надобности от обителей вверенной Вам епархии и от церквей Москвы сто десять тысяч шестьсот рублей серебром.

Духовенство издревле подавало собою в России пример преданности царям и любви к Отечеству: тем для меня приятнее видеть новое тому доказательство в первопрестольном граде, в родной мне Москве, где по воле Небесного Провидения я начал жизнь мою под сенью древней, Отечественной, Православной Святыни.

²⁷ Митрополит Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов) (1782–1867) – епископ Православной Российской церкви. С 22 августа 1826 г. митрополит Московский и Коломенский. 26 августа 1856 г. совершил коронацию Александра II. В 1994 г. канонизирован Русской Православной церковью в чине святителя.

Примите изъявление моего совершенного благоволения и душевного желания, да хранит Всевышний украшенные многолетними заслугами дни Ваши, и передайте подчинённому Вам духовенству искреннюю мою признательность за его усердие.

Поручая себя молитвам Вашим, пребываю всегда Вам благосклонный

Александр²⁸.

Санкт-Петербургские ведомости²⁹. 1855. 31 марта.

№ 10. Сообщение о пожертвовании, поступившем московскому военному генерал-губернатору графу А. А. Закревскому для русских воинов в Крыму от воспитанниц московских училищ – ордена Святой Екатерины и Александровского³⁰, опубликованное в газете «Московские ведомости»

23 июня 1855 г.

Воспитанницы московских училищ Ордена св. Екатерины и Александровского, одушевлённые верноподданныческой преданностью к Государю Императору, и по сочувствию к храбрым воинам, защитникам Севастополя, изъявили желание отказаться

²⁸ Александр II (1818–1881) – с 18 февраля 1855 г. по 1 марта 1881 г. император Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский. Старший сын императора Николая I и Александры Фёдоровны.

²⁹ «Санкт-Петербургские ведомости» (до 1728 г. – «Ведомости», с 1914 г. – «Петроградские ведомости») – газета, издававшаяся в Санкт-Петербурге с 1702 г. (регулярно с 1703 г.) по 1917 г. В 1728 г. издание газеты было передано Академии наук.

³⁰ Московское училище ордена Святой Екатерины учреждено в 1802 г. для дочерей бедных дворян. Из 242 воспитанниц, обучавшихся в 1825 г. в Екатерининском училище, 143 вносили плату, 64 содержались за счёт казны и 35 находились на содержании императорской семьи. В 1804 г. при Екатерининском училище создано отделение для дочерей обер-офицеров, мещан и духовенства, которое с декабря 1807 г. стало именоваться Александровским. В 1825 г. в училище было 118 воспитанниц (83 – на казённом обеспечении, 15 – на содержании императорской семьи и благотворителей, 20 обучались за свой счёт). С 1842 г. отделение преобразовали в самостоятельное мещанское училище (с 1891 г. – Александровский женский институт) (Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии: Краткий очерк. СПб., 1906. С. 23; Образование в Москве: История и современность. М., 2000. С. 73, 74).

в настоящем году, по примеру прошлого, от учреждённых для них детских балов, с тем, чтобы оставшиеся от сего деньги, вместе с вырученными от розыгрыша в лотерею вещей из рукоделий, приготовленных девицами первого заведения к публичным экзаменам, были обращены в пользу раненых в сражениях с неприятелем в Крыму.

Вследствие сего доставлено к московскому военному генерал-губернатору от начальниц означенных училищ 560 руб. серебром.

Московские ведомости. 1855. 23 июня.

№ 11. Предписание московского военного генерал-губернатора графа А.А. Закревского московскому городскому голове А.И. Колесову выразить московскому купцу 3-й гильдии И. Любушкину благодарность императора Александра II за денежное пожертвование в пользу воинов, раненных при защите Севастополя

№ 1467

13 июля 1855 г.

Государь Император по всеподданнейшему докладу о пожертвовании московским 3-й гильдии купцом Иваном Любушкиным в пользу воинских чинов, раненных при защите Севастополя, двух билетов серии XXVIII за № 1637896 и 1637897, с причитающимися процентами с 1 марта 1854 г. по 1 июня 1855 г., всего 105 руб. 40 коп. сер[ебром], Высочайше повелеть соизволил: поблагодарить за это пожертвование, а деньги употребить по назначению жертвователя.

Об этой монаршей воле, сообщённой мне г. министром внутренних дел³¹, уведомляю Вас для надлежащего распоряжения к объявлению купцу Любушкину благодарности Его Величества.

Московский военный генерал-губернатор генерал-адъютант граф Закревский

ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5205. Л. 1.

Подлинник. Рукопись.

³¹ Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792–1870) – военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1843). С 30 августа 1852 г. до 20 августа 1855 г. – министр внутренних дел Российской империи.

№ 12. Приказ императора Александра II Крымской армии об учреждении серебряной медали на Георгиевской ленте в память обороны Севастополя

г. Симферополь

31 октября 1855 г.

Храбрые воины Крымской армии! Приказом Моим от 30 августа³² Я выразил вам чувства, преисполняющие душу Мою искренней признательности к заслугам вашим, увековечившим славу защиты Севастополя. Но сердцу Моему недостаточно было благодарить вас заочно за те геройские подвиги мужества и самоотвержения, с которыми вы, удивляя даже врагов наших, перенесли тяжкое время почти годовой осады. Здесь, среди вас, желательно Мне было изъявить вам чувства Моего к вам благоволения и искренней привязанности.

Свидание с вами доставило Мне невыразимое удовольствие, а блестящее состояние, в коем Я нашёл войска Крымской армии при произведённых ныне смотрах, превзошло Мои ожидания. Мне отрадно было видеть вас и любоваться вами. Благодарю вас от души за службу вашу, за подвиги, коими вы себя ознаменовали, за доблести ваши, твёрдо в вас укоренённые; они Мне ручаются в сохранении славы русского оружия и в непрестанной готовности храброго Моего войска жертвовать собою за Веру, Царя и Отечество.

В память знаменитой и славной обороны Севастополя Я установил собственно для войск, защищавших укрепления, серебряную медаль на Георгиевской ленте для ношения в петлице.

Да будет знак этот свидетельствовать о заслугах каждого и вселять в будущих сослуживцев ваших то высокое понятие о долге и чести, которое составляет непоколебимую опору Престола и Отечества.

Совокупное же изображение на медали имён: Незабвенного Моего Родителя и Моего, да будет залогом чувств наших, одинаково к вам благосклонных, и да сохранит в вас навсегда нераздельную память об Императоре Николае Павловиче и о Мне.

Я вами горжусь, как Он вами гордился; как Он, вверяюсь вашей испытанной преданности и рвению к исполнению своего долга. Именем Его и Своим благодарю ещё храбрых защитников Севастополя, благодарю всю армию.

³² Приказ императора Александра II Крымской армии от 30 августа 1855 г.

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано: «Александр».
Симферополь, 31 октября 1855 г.

Московские ведомости. 1855. 12 ноября.

№ 13. Указ Святейшего синода митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету об объявлении императором Александром II благодарности духовенству Московской епархии за денежное пожертвование в пользу черноморских моряков и их семей, потерявших имущество в Севастополе

31 декабря 1855 г.

По указу Его Императорского Величества Святейший правительствующий синод слушали предложение господина исполняющего обязанности исправляющего должность обер-прокурора тайного советника Константина Степановича Сербиновича³³ следующего содержания: Его Императорское Высочество генерал-адмирал³⁴ сообщает, что разными лицами Духовного ведомства, поименованными в прилагаемом списке, пожертвовано восемнадцать тысяч триста сорок пять руб[лей] тридцать девять с четвертью коп[еек] сер[ебром] в пользу морских чинов и семейств их, потерявших имущество в Севастополе, и что Государь Император по всеподданнейшему о сём докладу Высочайше повелеть соизволил: приношение принять, а жертвователей благодарить. Он, господин исполняющий обязанности исправляющего должность обер-прокурора, предлагает о сём Святейшему синоду для зависящего распоряжения о объявлении жертвователям благодарности от имени Его Величества, присовокупляя, что о сём пожертвовании вместе с сим уведомлен и господин министр внутренних дел³⁵. Из приложенного списка между прочим видно, что в пользу

³³ Сербинович Константин Степанович (1797–1874) – тайный советник, почётный член Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1841). В 1836–1853 гг. – директор канцелярии обер-прокурора Святейшего синода; с 1857 г. – директор Духовно-учебного управления при Синоде.

³⁴ Константин Николаевич, великий князь.

³⁵ Ланской Сергей Степанович (1787–1862) – с 20 августа 1855 г. до 23 апреля 1861 г. министр внутренних дел Российской империи.

морских чинов и семейств их, потерявших имущество в Севастополе, пожертвовано духовенством вверенной Вам епархии 2709 руб. 77 коп. Приказали: Высочайшее Его Императорского Величества повеление о объявлении монаршей благодарности духовенству вверенной Вам епархии за пожертвование ими денег двух тысяч семисот девяти рублей семидесяти семи коп[еек]. в пользу морских чинов и семейств их, потерявших имущество в Севастополе, сообщить Вашему преосвященству для объявления жертвователям по надлежащему. О чём и послать Вам указ.

Декабря 31-го дня 1855 г.

Обер-секретарь Фёдор Яковенко

Секретарь Виноградов

Помощник секретаря Григорьевский

ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 766. Д. 38. Л. 23–24 об.
Подлинник. Рукопись.

№ 14. Предписание московского военного генерал-губернатора графа А.А. Закревского московскому городскому голове А.И. Колесову об устройстве угощения для защитников Севастополя

№ 43

7 января 1856 г.

Господину московскому градскому главе.

На основании Высочайшего Государя Императора повеления черноморские флотские экипажи назначены к переводу: пять в Кронштадт и один в Архангельск, и с половины февраля сего года будут вступать в Москву для отправления по назначению.

Кроме того, с сими экипажами следуют до 130 нижних чинов, выбранных в Гвардейский экипаж.

Это те самые храбрые черноморцы, которые прославили себя знаменитыми подвигами мужества при доблестной обороне Севастополя и приобрели благодарность соотечественников.

Вследствие сего и имея в виду, что Московское градское общество отличается постоянным радушием к защитникам Веры Православной, Престола и Отечества, я предписываю Вам предложить обществу: не признает ли оно и в настоящем случае возможным сделать для дорогих гостей какое-либо угощение; о последующем же донести мне своевременно.

При сём прилагается ведомость³⁶ о числе чинов в каждом экипаже и времени вступления в Москву.

Московский военный
генерал-губернатор
генерал-адъютант граф Закревский

ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5253. Л. 1–1 об.
Подлинник. Рукопись.

№ 15. Предписание московского военного генерал-губернатора графа А.А. Закревского московскому городскому голове А.И. Колесову объявить благодарность императрицы Марии Александровны³⁷ московским купцам, пожертвовавшим деньги в пользу раненых воинов – защитников Севастополя

№ 137

18 января 1856 г.

Московские купцы Фёдор Васильев Винокуров и Панфил Петров Зеленев и некоторые другие, желающие остаться неизвестными, в ознаменование радостного для верноподданных дня обручения Их Императорских Высочеств великого князя Николая Николаевича³⁸ с великой княжной Александрой Петровной³⁹ просили поднести Государыне Императрице Марии Александровне тысячу пятьсот рублей в пользу раненых храбрых воинов – защитников Севастополя.

Её Императорское Величество, приняв приношение это благосклонно, Высочайше повелеть соизволила: деньги употребить по назначению жертвователей,

³⁶ Не публикуется (ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5253. Л. 2–3).

³⁷ Мария Александровна (1824–1880) – принцесса Гессенского дома. 16 апреля 1841 г. в Соборной церкви Зимнего дворца состоялось бракосочетание Марии Александровны с цесаревичем Александром Николаевичем. После восшествия супруга на российский престол (18 февраля 1855) – императрица.

³⁸ Николай Николаевич (старший), великий князь (1831–1891) – третий сын императора Николая I и Александры Фёдоровны, генерал-фельдмаршал (1878).

³⁹ Александра Петровна, великая княгиня (1838–1900) – дочь принца Петра Георга Ольденбургского, супруга великого князя Николая Николаевича (старшего). После кончины Николая Николаевича тайно приняла монашеский постриг с именем Анастасия в основанной ею в 1889 г. в Киеве Покровской общине. 24 ноября 2009 г. Священный синод Украинской православной церкви (Московского патриархата) канонизировал Анастасию Киевскую как местночтимую святую Киевской епархии.

а меня просить: объявить им признательность от Высочайшего имени Её Величества и о пожертвовании их довести до всеобщего сведения чрез публикацию в «Ведомостях».

Об этой Высочайшей воле, сообщённой мне состоящим при Её Величестве Государыне Императрице Марии Александровне обер-гофмейстером Олсуфьевым⁴⁰, уведомляю Вас для надлежащего распоряжения к объявлению признательности Её Величества по принадлежности.

Московский военный генерал-губернатор генерал-адъютант граф Закревский

ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5262. Л. 1–1 об.
Подлинник. Рукопись.

№ 16. Статья «Пребывание черноморских защитников Севастополя в Москве», опубликованная в газете «Ведомости московской городской полиции»

27 февраля 1856 г.

С субботы, февраля 18-го, вся Москва занята была встречей славных гостей, защитников Севастополя, моряков черноморских, которых шесть экипажей через Москву из Севастополя следуют в Архангельск и Кронштадт. Порядок их выступления тремя эшелонами был следующий: 18 февраля входил первый эшелон, состоявший из 32-го и 29-го экипажей; 21 февраля второй эшелон из экипажей 38-го (бывшего Корниловского) и 40-го. Третий эшелон, в котором находятся экипажи 41-й (бывший Нахимовский) и 44-й, вступил в среду, февраля 29-го.

Встреча по распоряжению начальника столицы была устроена таким образом. У Серпуховской заставы встречали: исправляющий должность плац-майора с плац-адъютантом и полицеймейстер с частным приставом; градской и ремесленный головы с купечеством и ремесленниками, каждые с хлебом и солью.

Без особых извещений, молвою, жители Москвы узнали, что первое вступление будет в субботу. Несметное число экипажей съехалось к заставе. Умилительно было видеть, как народ приветствовал гостей,

⁴⁰ Олсуфьев Василий Дмитриевич (1796–1858) – русский государственный деятель, обер-гофмейстер (1850), граф (с 1856). С 13 февраля 1838 г. до 12 октября 1840 г. – московский гражданский губернатор.

предшествуя им толпами, с криками «ура» кидая вверх шапки, с почтением смотря на их Георгиевские кресты и медали, которыми все они украшены, и говоря: «Смотри-ка, и простые-то все кавалеры!»

От заставы эшелоны следовали к месту расквартирования людей на указанные пункты: здесь Его Сиятельство господин военный генерал-губернатор их осматривал. Тут людям выдавалось по калачу и сайке от Купеческого общества и по чарке водки от откупного комиссионерства, а затем по расчёту, который был сделан предварительно сходно желанию домовладельцев, они разводились по квартирам, хозяева коих приняли на себя продовольствие людей во всё время пребывания их в Москве, до самого выступления.

Прибавив к этому ещё следующие распоряжения московского начальства, гг. штаб- и обер-офицерам отведены в купеческих домах бесплатно квартиры, по желанию хозяев. Согласно вызову содержателей торговых бань нижние чины черноморских экипажей во всё время пребывания их в Москве пользуются банями безденежно. Перед выступлением черноморских экипажей из Москвы Купеческое общество выдаст всем нижним чинам по 2 руб. сер[ебром] на человека, и в то же время распределена будет между нижними чинами денежная сумма, вырученная от благородных спектаклей.

Для исторической верности при отдельных описаниях праздников, какие были даны в Москве по случаю прибытия черноморских экипажей, сделаем сначала простой перечень этих праздников в том порядке, как был он устроен начальством и обществом Москвы.

19 февраля, в воскресенье, обед у господина военного генерал-губернатора по случаю торжественного дня восшествия на престол Государя Императора и бал в Благородном собрании. 20 февраля, в понедельник, благородный спектакль в пользу черноморских экипажей. 21 февраля, во вторник, обед адмиралам, штаб- и обер-офицерам Черноморского флота и раненым генералам, штаб- и обер-офицерам прочих войск у господина военного генерал-губернатора. 22 февраля, в среду, благородный спектакль в пользу черноморских экипажей. 23 февраля, в четверг, костюмированный бал у господина военного генерал-губернатора. 24 февраля, в пятницу, обед адмиралам, штаб- и обер-офицерам Черноморского флота и раненым генералам, штаб- и обер-офицерам прочих войск от московского дворянства и благородный спектакль в пользу черноморских экипажей. 25 февраля, в суб-

боту, утренний бал в Благородном собрании и обед черноморским адмиралам, штаб- и обер-офицерам с их супругами и раненым генералам, штаб- и обер-офицерам прочих войск от графини А.Ф. Закревской⁴¹ и некоторых московских дам. 26 февраля, в воскресенье, обед офицерам Черноморского флота от Купеческого клуба.

К этим общественным пирам и удовольствиям присоединились ещё частные, в которых участвовали многие лица, одушевлённые любовью и благодарностью к славным московским гостям. И во главе их почётный гражданин В.А. Кокорев⁴².

Ведомости московской городской полиции. 1856.
27 февраля.

№ 17. Предписание московского военного генерал-губернатора графа А.А. Закревского московскому городскому голове А.И. Колесову выразить Московскому купеческому обществу благодарность за пожертвования черноморским морякам

№ 460

28 февраля 1856 г.

Господину московскому градскому главе.

Ваше высокоблагородие рапортом от 22-го сего февраля за № 714 донесли мне, что Московское купеческое общество, движимое чувством любви к храбрым нижним чинам черноморских флотских экипажей, прославившим себя знаменитыми подвигами мужества и самоотвержения при защите Севастополя, приговором своим 20 февраля положило выдать этим нижним чинам по сайке и калачу и сверх того по два рубля серебром на человека из оставшихся от

⁴¹ Закревская (в девичестве – Толстая) Аграфена Фёдоровна (1799/1800–1879) – супруга Арсения Андреевича Закревского (венчание состоялось 27 сентября 1818 г.). В годы Крымской войны собирала пожертвования в пользу русских воинов и их семей.

⁴² Кокорев Василий Александрович (1817–1889) – русский предприниматель и меценат, почётный член Академии художеств (1889). С 1850 г. – в Москве. В феврале 1856 г. один из организаторов встречи черноморских моряков. Принимал участие в создании Русского общества пароходства и торговли (1856), Волго-Донской железной дороги (1858), Товарищества Московско-Курской железной дороги (1871), Общества Уральской железной дороги (1874). Автор книг: «Путь севастопольцев» (М., 1858), «Экономические провалы по воспоминаниям с 1837 г.» (М., 1887) и др.

пожертвованных купечеством по подпискам в 1853, 1854 и 1855 гг. сумм на разные военные надобности.

Принимая с удовольствием это новое усердное приношение Московского купеческого общества, я предписываю Вам объявить сему обществу искреннюю мою благодарность за постоянное радушие его к защитникам Церкви Православной, Престола и Отечества, а из числа назначенных для нижних чинов денег представить ко мне сего числа девятьсот пятьдесят восемь руб[лей] сер[ебром] для раздачи выступающему завтрашнего числа в Архангельск экипажу № 32.

Московский военный
генерал-губернатор
генерал-адъютант граф Закревский

Помета на 1-м листе документа, слева: «Читано на общественном совете 6 марта».

ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5253. Л. 22–22 об.
Подлинник. Рукопись.

№ 18. Указ Святейшего синода митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету об объявлении императором Александром II благодарности духовенству Московской епархии за денежное пожертвование в пользу черноморских моряков и их семей, потерявших имущество в Севастополе

29 февраля 1856 г.

По указу Его Императорского Величества Святейший правительствующий синод слушали предложение господина исполняющего обязанности исправляющего должность обер-прокурора тайного советника Константина Степановича Сербиновича от 15 февраля текущего года за № 971 следующего содержания: Его Императорское Высочество генерал-адмирал⁴³ изволил сообщить, что Государь Император по всеподданнейшему докладу Его Высочества о пожертвовании разными лицами Духовного ведомства 8337 руб. 31 $\frac{1}{4}$ коп. сереб[ром] в пользу морских чинов и семейств их, потерявших имущество в Севастополе, Высочайше повелеть соизволил: приношение принять, а жертвователей благодарить.

⁴³ Константин Николаевич, великий князь.

О таковой Высочайшей воле он, господин исполняющий обязанности исправляющего должность обер-прокурора, объявляет Святейшему синоду для зависящего распоряжения, прилагая доставленный от Его Императорского Высочества список упомянутым лицам. Из приложенного списка видно, что пожертвование в пользу морских чинов и семейств их, потерявших имущество в Севастополе, сделано духовенством вверенной Вашему преосвященству епархии 2341 руб. 31 $\frac{1}{2}$ коп. сереб[ром]. Приказали: Высочайшее Его Императорского Величества повеление об объявлении монаршей благодарности духовенству вверенной Вашему преосвященству епархии за пожертвование им денег в пользу морских чинов и семейств их, потерявших имущество в Севастополе, сообщить Вам для объявления жертвователям по надлежащему. О чём и послать Вашему преосвященству указ.

Февраля 29-го дня 1856 г.
Обер-секретарь Ф. Яковенко
Секретарь Виноградов
Помощник секретаря Григорьевский

ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 766. Д. 38. Л. 101–102.
Подлинник. Рукопись.

№ 19. Высочайший манифест о завершении войны

19 марта 1856 г.

Божию милостью Мы, Александр Второй, император и самодержец Всероссийский, царь Польский, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всенародно.

Упорная, кровопролитная борьба, возмущавшая Европу в течение трёх почти лет, прекращается. Она была возбуждена не Россиею, и пред самым началом её почивающий ныне в Бозе незабвенный родитель Наш объявил торжественно всем верным подданным Своим и всем державам иностранным, что единственной целью Его домогательств и желаний было охранение прав, устранение притеснений единоверцев наших на Востоке. Чуждый всяких своекорыстных видов, Он не мог ожидать, что последствием справедливых Его требований будут бедствия войны, и, взирая на них с чувством прискорбия, как христианин и нежный отец вверенных Ему Богом народов, не преставал изъяслять

готовность Свою к миру. Но открытые незадолго до кончины Его переговоры об условиях сего мира, для всех равно нужного, не имели успеха. Правительства, бывшие в неприязненном против нас союзе, не останавливали своих вооружений и во время переговоров, даже усиливали их; война продолжалась, и Мы вели её с твёрдым упованием на милость Всевышнего, с твёрдою уверенностью в непоколебимом усердии наших подданных. Они оправдали наши ожидания. В сию тягостную годину испытаний, как всегда, и верные, храбрые войска наши, и все сословия народа русского явили себя достойными своего великого призвания. На всём пространстве нашей империи, от берегов Восточного океана до морей Чёрного и Балтийского, была одна мысль, одно стремление – не щадить достояния и жизни для исполнения долга, для защиты Отечества. Земледельцы, едва оставившие плуг и возделанные ими поля, спешили ополчиться на священную брань и не уступали опытным воинам в неустрашимости и самоотвержении. Новые блистательные подвиги мужества ознаменовали сие последнее время борьбы нашей с сильными противниками. Неприятель отражён от берегов Сибири и Белого моря, от твердынь Свеаборга, и геройская одиннадцатимесячная оборона южных укреплений Севастополя, воздвигнутых в виду и под огнём осаждающих, будет жить в памяти отдалённого потомства. В Азии, после знаменитых побед двух предшедших⁴⁴ кампаний, Карс должен был нам сдаться со своим многочисленным гарнизоном, составлявшим почти всю Анатолийскую армию, и шедшие к нему на помощь лучшие турецкие войска принуждены к отступлению. Между тем Провидение в неизъяснимых, но всегда благостных судьбах Своих готовило событие, которого столь усердно и единодушно желали и незабвенный любезнейший родитель наш, и Мы, и с нами вся Россия, которое было первою целью войны. Будущая участь и права всех христиан на Востоке обеспечены. Султан торжественно признаёт их, и вследствие сего действия справедливости Империя Оттоманская вступает в общий союз государств европейских. Россияне! Труды ваши и жертвы были не напрасны. Великое дело совершилось, хотя иными, непредвиденными путями, и Мы ныне можем со спокойствием в совести положить конец сим жертвам и усилиям, возвратив драгоценный

мир любезному Отечеству Нашему. Чтобы ускорить заключение мирных условий и отвратить, даже в будущем, самую мысль о каких-либо с нашей стороны видах честолюбия и завоеваний, Мы дали согласие на установление некоторых особых предосторожностей против столкновения наших вооружённых судов с турецкими в Чёрном море и на проведение новой граничной черты в южной, ближайшей к Дунаю, части Бессарабии. Сии уступки неважны в сравнении с тягостями продолжительной войны и с выгодами, которые обещает успокоение державы, от Бога нам вручённой. Да будут сии выгоды вполне достигнуты совокупными стараниями нашими и всех верных наших подданных. При помощи Небесного Промысла, всегда благодетельного России, да утверждается и совершенствуется её внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах её, да развивается повсюду и с новою силою стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сению законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире покоем трудов невинных. Наконец, и сие есть первое, живейшее желание наше, свет спасительной веры, озаряя умы, укрепляя сердца, да сохраняет и улучшает более и более общественную нравственность, сей вернейший залог порядка и счастья.

Дан в Санкт-Петербурге в 19-й день марта, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот пятьдесят шестое, царствования же нашего – во второе.

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою подписано: «Александр».

ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 766. Д. 38. Л. 110–110 об.
Типографский экземпляр.

№ 20. Из статьи «Пребывание черноморских офицеров, защитников Севастополя, в Москве», опубликованной в газете «Московские ведомости»

29 марта 1856 г.

[...] Последний прощальный день Масленицы, воскресенье 26 февраля, достойно увенчало пиры всей недели пиршеством, которое предложили защитникам Севастополя члены Купеческого собрания. Самое разнообразное общество соединилось за этим

⁴⁴ Так в тексте.

обедом. Роскошь деревьев и цветов бросалась в глаза. Дамы в особенной ложе украшали обед своим присутствием. [...]

Следовала речь М.П. Погодина⁴⁵.

«Милостивые государи! И сословия, и частные лица наперерыв друг перед другом стараются засвидетельствовать вам своё глубочайшее уважение, свою горячую благодарность. Восторженные клики народа не умолкают по пути вашего следования. Где вы ни показываетесь, прохожие останавливаются, снимают шапки, передают один другому ваши имена. По домам наши дети пересказывают между собой ваши подвиги и заучивают ваши биографии. Никогда наша Масленица не праздновалась с таким веселием, движением, с таким прекрасным настроением народного духа как ныне, благодаря своим дорогим гостям! И если б вы проехали вдоль всю Россию, от Москвы до Нерчинска и Якутска, и поперёк, от Архангельска до Астрахани, от Петербурга до Эривани⁴⁶, вы услышали бы везде одни и те же приветия, вы нашли бы везде, в городах и деревнях, в палатах и избах, одно и то же радушие.

Ныне московские купцы желали воздать вам подобающую вам честь. Они поручили мне передать вам следующие их слова и мысли.

Вы сослужили славную службу Отечеству, вы исполнили свято гражданский свой долг. Десять отчаянных приступов вы отразили и оставили южную часть Севастополя только в исполнение высшей воли главнокомандующего. До северной стороны, до бухты, неприятели до сих пор не смели прикоснуться. Ни одной пяди Русской земли вы им не уступили, и они не смели нигде отойти от берегов, из-под защиты бесчисленного своего флота, какого до сих пор не видало ни одно море. Европа призадумалась, размышляя о беспримерной обороне Севастополя, и на весах парижских переговоров ваша стойкость, без сомнения, составляет одно из самых тяжеловесных доказательств. Самый мир, если он состоится с приобретением человеческих и гражданских прав

нашим славянским братьям, православным христианам Востока, за которых начата была война, имеет ближайшее отношение к севастопольским одиннадцати месяцам.

Да, вы сделали много, но вы сделаете ещё больше. [...] Пусть потоплены наши корабли, взорваны доки, сожжены арсеналы, разрушены крепости, – жив русский дух! Он не упал, он возбудился, он возвысился, он чует в себе силу. Неприятели хотели запереть нам Чёрное море. Вы найдёте путь к океанам, и славный русский флаг развеется и будет постоянно развеиваться на тех морях, где он прежде показывался только временно и случайно». [...]

Морякам поднесён был членами Купеческого собрания драгоценный кубок работы И.П. Сазикова, по древнему образцу кубков, находящихся в Московской оружейной палате. На крышке кубка сделан трёхглавый орёл с морскими картами, что изображает адмиральский герб. Надпись на кубке славянскими буквами: «Доблестным офицерам Черноморского флота от московских купцов. 1856 г. Февраля 26-го». На поддоне кубка выгравированы следующие имена приносителей: А. Колесов, Е. Гучков, И. Гучков, К. Солдатёнков, И. Сазиков, Г. Хлудов, Н. Геер, А. Лобков, И. Четвериков, И. Мамонтов, И. Борисовский, Е. Молчанов, С. Алексеев, А. Алексеев, Д. Алексеев, С. Алексеев, В. Лепёшкин, С. Сазиков, Д. Четвериков, Г. Романов, М. Варенцов, Н. Пузырёв, Е. Бовыкин, И. Адельханов, Д. Корнеев, С. Кашаев, М. Мазурин, В. Буркин, Г. Солодовников, Г. Москвин, А. Колесов, А. Третьяков, С. Лепёшкин, И. Лялин, К. Куманин, А. Борисовский, А. Кампиови⁴⁷, И. Плигин, К. Кукин.

Это приношение увенчалось выражением милостивейшей признательности Его Императорского Высочества великого князя генерал-адмирала⁴⁸. В рескрипте от 5 марта на имя графа Арсения Андреевича Его Высочество изволил так выразить своё благоволение: «Прибывшие из Москвы черноморские офицеры наши рассказали мне с чувством глубокой признательности о радушном приёме, сделанном им жителями первопрестольной столицы нашей, и представили золотой кубок, подаренный им московским купечеством. Прошу вас выразить жителям родной нашей Москвы сердечную благодарность мою за внимание, оказанное ими черноморским морякам, и сказать, что помянутый кубок будет храниться

⁴⁵ Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – русский историк, журналист, издатель; академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1841). В 1833–1844 гг. профессор Московского университета. Совместно с С.П. Шевырёвым издавал и редактировал журнал «Москвитянин» (1841–1856).

⁴⁶ Ереван – столица современной Армении. В русской транскрипции до 1936 г. известен как Эривань. В 1849–1917 гг. – центр Эриванской губернии.

⁴⁷ Так в тексте; вероятно, А. Кампиони.

⁴⁸ Константин Николаевич, великий князь.

Свято-Никольский храм в Севастополе.
Открытка. Начало XX в.
Из собрания А.В. Дербасова

в Черноморском собрании флагманов и капитанов в память подвигов, совершённых черноморскими моряками, и в доказательство того, как московские купцы умели почтить их заслуги».

Московские ведомости. 1856. 29 марта.

№ 21. Предписание московского военного генерал-губернатора графа А.А. Закревского московскому городскому голове А.И. Колесову объявить благодарность императора Александра II московским купцам, пожертвовавшим деньги на сооружение храма-памятника⁴⁹ на Севастопольском кладбище⁵⁰

№ 2069

24 сентября 1856 г.

Государь Император по всеподданнейшему докладу моему о пожертвовании Вами и 105 лицами купеческого сословия по подписке 20 790 руб. сер[ебром] на сооружение памятника и храма на Севастопольском кладбище Высочайше повелеть соизволил: участвовавшим в сей подписке объявить благодарность Его Величества.

Об этой монаршей воле уведомляю Вас для объявления по принадлежности.

Московский военный генерал-губернатор генерал-адъютант граф Закревский

Помета на 2-м листе документа, вверху: «Сверх объявления 25 сентября чрез подписки посланы к означенным в списке лицам особые уведомления 5 и 6 октября».

ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5367. Л. 1–1 об.

Подлинник. Рукопись.

⁴⁹ Храм Святого Николая – православный храм-памятник в Севастополе, на Братском мемориальном кладбище. Строился в 1857–1870 гг. на народные пожертвования. Архитектор храма-памятника А.А. Авдеев был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени.

⁵⁰ Во время обороны Севастополя значительную часть погибших увозили на Северную сторону, где в конце сентября 1854 г. по указанию вице-адмирала В.А. Корнилова были созданы три кладбища, которые впоследствии стали восприниматься как единое, получившее название Петропавловское. Позже инженер-генерал Э.И. Тотлебен назвал кладбище Братским.

Возрождение Севастопольского благочиния и монастырей после Крымской войны

В самом начале XIX в. П. Сумароков писал о Севастополе: «...Странно, притом утешительно, видеть в таком отдалении, посреди мусульманской страны, город европейского вкуса, в обитателях одних россиян, правильные улицы, обширные, хорошие дома...»¹. Не менее красочно город описан у С.И. Муравьёва-Апостола² и А. Демидова³. Особенно Севастополь преобразился в годы, когда командующим Черноморским флотом был адмирал М.П. Лазарев. В это время в городе шло активное строительство, не только военное, но и гражданское. Накануне обороны в Севастополе, Балаклаве и её окрестностях было 7 церквей военного ведомства, 7 церквей епархиального ведомства, первоклассный Балаклавский Георгиевский монастырь и 2 киноии, строились соборы во имя Св. Николая Чудотворца и Св. Владимира. В Севастополе также действовали католическая и лютеранская церкви, мечеть, синагога и караимская молельня.

В дни обороны город был разрушен, сильно пострадали и культовые сооружения. В мае 1856 г. архиепископ Херсонский Иннокентий доносил Святейшему синоду о разрушенных церквях Севастопольского округа, на что Синод потребовал от архиепископа сообщить, «какие, по мнению его, должно принять меры к скорейшему исправлению повреждённых неприятелем церквей, имеются для того в виду местные средства и какие именно»⁴.

В рапорте Иннокентий писал, что по его поручению севастопольский благочинный протоиерей Арсений Лебединцев осмотрел «всю местность, занятую у Севастополя неприятельским лагерем, и донёс о настоящем положении севастопольских и окрестных церквей, власти неприятеля подпавших».

По свидетельству Лебединцева, наиболее пострадала Петропавловская церковь, которая представляла

только стены, внутри «обезображенные надписями и карикатурами, для святых оскорбительными». Мраморные статуи св. апостолов Петра и Павла были похищены.

Кладбищенская церковь Святых церковников была разорена «рукою неприятельскою, крыша снята, полы и стены выломаны». Фрески повреждены, у святых выколоты глаза.

Каранская Константиноеленинская церковь целая, но использовалась неприятелем под склад.

Кадыковская Троицкая церковь уцелела, но тоже использовалась как складское помещение.

Камарская Мариинская церковь использовалась неприятельскими солдатами как скотный двор.

«В Балаклавском Георгиевском [монастыре], кроме следов бури, бывшей 2 ноября [1854 г.], всё в прежнем виде, исключая хутора и леса, которых не существует».

В Херсонесской киноии от церкви и двух зданий монастырских остались одни стены. Дорога к Херсонесу пересечена траншеями в разных направлениях от бывших ворот до развалин церкви, обследованной графом Уваровым, и оттуда к самой оконечности мыса проведена глубокая траншея к батарее, здесь неприятелем устроенной...

Из всех церквей разорённых удобнее к обновлению церковь в скале Инкерманской, где необходим только иконостас, ибо от прежнего, написанного на холсте, осталась одна рама. По распоряжению начальника 11-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Веселитского, в районе коего находятся Инкерманские высоты, здесь поставлен караул и в церкви лежит тетрадь для внесения пожертвований на обновление церкви».

Далее Иннокентий пишет: «Из церквей в Севастополе военных: Госпитальной, Морской, Владимирской и Михайловской – придельных к Адмиралтейскому собору, – полковых Белостокской и Брестской существуют одни развалины»⁵.

Протоиерей Лебединцев считал, что Петропавловскую церковь восстановить нельзя, и предлагал разобрать её, а камень использовать для постройки

¹ До сути Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. СПб., 1803. Ч. 1. С. 194.

² [Муравьёв-Апостол]. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. С. 55–61.

³ Путешествие в Южную Россию, Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершённое в 1837 году Анатолием Демидовым. М., 1853. С. 350–360.

⁴ ГКУ АГС. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

⁵ ГКУ АГС. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 14, 15.

собора Св. Владимира на городском холме: Херсонская консистория согласилась с этим мнением⁶.

Первой православной церковью, открытой для прихожан после войны, стала бывшая госпитальная церковь во имя Св. апостолов Петра и Павла на Северной стороне. В 1856 г. французским командованием был передан деревянный барак бывшей походной католической церкви, который установили на Северной стороне. В конце июля 1856 г. в нём была освящена церковь во имя Св. Петра и Павла. Севастопольский морской госпиталь перевели в г. Николаев, и помещение церкви передали епархии. В 1862 г. на месте разобранного барака на средства прихожан выстроили каменную церковь, в 1874 г. в ней устроили новый иконостас, а в 1879 г. возвели колокольню. Церковь была закрыта в 1905 г.⁷

В 1856 г. были отремонтированы на средства прихожан и освящены церкви во имя Св. равноапостольных царей Константина и Елены в д. Карань⁸ и во имя Живоначальной Троицы в д. Кадыкой⁹. В следующем году восстановили церкви во имя Св. великомученицы Елены в д. Камары¹⁰ и соборную церковь во имя Св. Николая Мирликийского Чудотворца в Балаклаве¹¹. Последняя являлась церковью Балаклавского греческого батальона и с его расформированием поступила в ведение епархиального начальства. В ней хранилось шесть знамён батальона. В 1867 г. в церкви на средства прихожан были устроены два киота с иконами.

12 сентября 1857 г. общество граждан г. Севастополя (поставили подписи 12 севастопольских купцов, первой стоит подпись купца 1-й гильдии почётного гражданина Ивана Красильникова) обратилось с ходатайством к и.д. военного губернатора Севастополя контр-адмиралу Вукотичу о разрешении построить на добровольные пожертвования каменную церковь на месте, отведённом для подворья Балаклавского

⁶ ГКУ АГС. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.

⁷ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 44. Л. 48; Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 7; *Гермоген*. Таврическая епархия. Псков, 1887. С. 350; Справочная книга для Таврической епархии. Симферополь, 1910. С. 412.

⁸ ГКУ АГС. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3. Л. 14 об.; *Гермоген*. Указ. соч. С. 358.

⁹ Справочная книга... С. 420.

¹⁰ *Гермоген*. Указ. соч. С. 357.

¹¹ ГКУ АГС. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2. Л. 211; *Иванов А.В.* О греческом храме Петра и Павла в Балаклаве // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона. Севастополь – Краков, 2001.

Георгиевского монастыря на ул. Морской. Военное начальство не возражало, и архиепископ Херсонский 9 декабря дал распоряжение освятить место под строительство временной церкви во имя Св. апостолов Петра и Павла (молельного дома)¹². Церковь действовала до декабря 1905 г., когда церковный причт перешёл в соборную церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

Ещё в марте 1857 г., докладывая о состоянии севастопольских церквей, благочинный протоиерей Алексей Демьянович сообщил в Херсонскую консисторию, что исправление кладбищенской церкви «принимает на собственный счёт церковный староста Бердянский, 1-й гильдии купец Иван Корнилиевич Пикин»¹³. Церковь была восстановлена под руководством городского архитектора Дорогулина и освящена 5 октября 1859 г.

В 1860-е гг. в состав Севастопольского округа вошли церкви Евпаторийского и части Симферопольского уездов, а в 1870-е – церкви Ялтинского и части Симферопольского (до Бахчисарая) уездов. В 1880 – 1890-е гг. начала интенсивно развиваться экономика Крыма и Севастополя, с этим связано и строительство новых храмов.

В 1879 г. в д. Албат Симферопольского уезда построена и освящена церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы на средства помещика капитана 1 ранга И. Рогули с помощью албатских и сюреньских крестьян¹⁴.

В 1883 г. освящена церковь во имя Св. Благоверного Александра Невского в Константиновском реальном училище.

После Крымской войны епархия неоднократно поднимала вопрос о восстановлении Петропавловской церкви на городском холме. В сентябре 1861 г. протоиерей Демьянович докладывал в Таврическую духовную консисторию, что церковь «по словам архитектора и техников, осматривавших оную вместе со мной, исправить решительно невозможно». Разборка здания на камень также была признана нецелесообразной, т.к. по заключению городского архитектора и военных инженеров Симферопольской инженерной дистанции «на эти работы необходимо не менее 30 тыс. рублей, а местных средств (кроме имеющихся в церкви банковских билетов на 4394 р[уб.] 51 коп.)» в разорённом войной городе не было.

¹² ГКУ АГС. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 4–6.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ *Гермоген*. Указ. соч. С. 334.

И только в 1889 г. церковь во имя Св. апостолов Петра и Павла на городском холме была восстановлена на средства подрядчика Кундышева-Володина, который израсходовал на её возрождение около 50 тыс. руб.¹⁵ Однако служба в церкви началась только в августе 1901 г., вёл её перешедший из Петропавловской церкви на ул. Морской протоиерей М. Бензин.

17 августа 1890 г. была освящена греческая церковь во имя Трёх Святителей на ул. Артиллерийской, построенная на средства потомственного почётного гражданина Василия Феолого. Строительство и убранство церкви обошлось в 75 тыс. руб.¹⁶

В 1892 г. в имении Форос Ялтинского уезда по проекту академика Н.М. Чагина и на средства потомственного почётного гражданина А. Кузнецова была построена и освящена церковь в честь Воскресения Христова¹⁷.

Но особенно интенсивное строительство православных церквей происходило в начале XX в. В этот период в Севастополе и его окрестностях появилось 8 храмов.

В 1902 г. были освящены церкви во имя Св. Благоверного Александра Невского на Корабельной стороне (молельный дом действовал с 1898 г., престол в честь Введения в храм Пресвятой Богородицы на нижнем этаже был освящён в августе 1896 г.)¹⁸ и вокзальная во имя Св. Феодосия Черниговского, построенная по проекту военного инженера генерал-лейтенанта С.П. Чистякова¹⁹. В 1903 г. освящена тюремная церковь во имя Св. Николая Мирликийского Чудотворца²⁰, а в 1904 г. на средства потомственного почётного гражданина А.А. Максимова построена больничная церковь во имя Христа Спасителя. В 1905 г. завершилось строительство (начато в 1891 г.) соборного храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы на ул. Б. Морской по про-

екту архитектора В.А. Фельдмана на средства прихожан²¹. В этом же году на средства Комитета по сооружению памятников обороны г. Севастополя на Северной стороне была построена и освящена церковь в честь Вознесения Господня²².

Последним дореволюционным храмом стала церковь в честь Преображения Господня в с. Скеля Ялтинского уезда, возведённая в 1911–1912 гг.²³

Постепенно возрождались и монастыри, расположенные в окрестностях Севастополя, не входившие в Севастопольское благочиние.

Одной из первых возродилась Херсонесская кинофия, в марте 1861 г. переведённая в ранг первоклассных монастырей. В апреле 1857 г. выстроили храм во имя Семи херсонесских епископов-мучеников. Однако из-за того что храм был построен некачественно, вскоре его разобрали и на том же месте в апреле 1861 г. был освящён новый храм с прежним названием, возведённый по проекту архитектора К. Вяткина. В 1857 г. по высочайшему повелению императора Александра II «в воспоминание крещения просветителя России князя Владимира, а также в память о страшном испытании, постигшем многострадальный Севастополь» был установлен ежегодный крестный ход из городского военного собора в Херсонесскую кинофию. Впервые крестный ход был совершён 15 июля 1857 г.²⁴ В августе 1861 г. на территории монастыря заложили собор в честь Св. Равноапостольного князя Владимира. Собор строился по проекту архитектора Д.И. Грима, строительство храма завершилось к осени 1891 г. (верхний придел – в честь Св. Александра Невского, нижний – в честь Рождества Богородицы)²⁵.

В 1867 г. под руководством художника Д.М. Струкова на средства московского купца И.И. Четверикова был капитально отремонтирован главный храмовый комплекс Инкерманского монастыря, состоящий из трёх подземных храмов (Св. Климента, Св. Мартина и Апостола Андрея Первозванного). В 1895 г. против

¹⁵ ГКУ АГС. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3 об., 18–18 об.; *Бедарева Г.Я.* Петропавловская церковь // Исторические улицы и памятники Севастополя. Симферополь, 1996. С. 73.

¹⁶ Справочная книга... С. 414.

¹⁷ Там же. С. 426; *Опочинская А.* Храмы – памятники в русской архитектуре Крыма // Пилигримы Крыма – 98: Материалы международной научной конференции. Симферополь, 1998. С. 116.

¹⁸ Справочная книга... С. 410.

¹⁹ Там же. С. 418.

²⁰ Там же. С. 412.

²¹ Справочная книга... С. 408; *Веникеев Е.В.* Архитектура Севастополя. Симферополь, 1983. С. 54; *Спиридонова И.К.* Покровский собор // Исторические улицы и памятники Севастополя. Симферополь, 1996. С. 44.

²² Справочная книга... С. 412.

²³ Таврические епархиальные ведомости. Симферополь, 1910. № 36. С. 644; То же. Симферополь, 1913. № 3. С. 19.

²⁴ ГКУ АГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 67. Л. 5.

²⁵ Там же. Ф. Р-567. Оп. 6. Д. 54. Л. 194–197.

подземного храма Св. Мартина выстроили небольшой подземный храм во имя Св. Пантелеймона, а в 1905 г. было окончено строительство собора Св. Николая, замкнувшего ансамбль монастыря в верхнем плато²⁶.

Менее всего в годы Крымской войны пострадал Балаклавский Георгиевский монастырь, захваченный англо-французскими войсками. Там действовали две церкви – во имя Св. Георгия Победоносца, построенная в 1814 г., и во имя Креста Господня, построенная в 1850 г. В течение 1860 – 1880-х гг. территория монастыря благоустраивалась, был высажен парк, построены жилые корпуса. В 1883 г. на месте древнего пещерного храма по проекту архитекторов Н.М. Чагина

²⁶ ГКУ АГС. Ф. Р-567. Оп. 6. Д. 54. Л. 203–204.

и В.А. Фельдмана на средства севастопольского купца А. Максимова построили пещерную церковь во имя Рождества Христова, а в октябре 1898 г. в монастыре был заложен соборный храм во имя Вознесения Господня. Проект храма был подготовлен в 1909 г. архитектором Ларионовым, но храм так и не был построен²⁷.

В 1916 г., накануне Февральской революции, в Севастопольском благочинии действовало 19 православных храмов: в Севастополе, Балаклаве, сёлах Албат, Кача, Кадыковка, Карань, Камары, Скеля и имении Форос, и три монастыря.

²⁷ Шавшин В.Г. Балаклавский Георгиевский монастырь. Симферополь, 1997. С. 85, 91; Катунин Ю.А. Монастыри Крыма в XIX–XX веках. Симферополь, 2000. С. 20, 22.

И.Е. Шпакова

Некрополи Севастополя периода Крымской войны – национальные духовные святыни

Историческая судьба Крыма, и в том числе Севастополя, – это сообщество этносов, конфессий и культур. В середине XIX в. Севастополю суждено было стать ареной борьбы разных государств, а значит, различных идеологий и культур. Восточная кампания (1853–1856) вошла в историю как один из самых кровавых военных конфликтов XIX в. Основной театр военных действий находился в Крыму, в частности в Севастополе. Именно поэтому, в силу исторического столкновения на его территории интересов западного и восточного миров, эта война была названа Крымской.

В данной работе не рассматриваются аспекты военных действий и итоги этой войны. Темой исследования являются некрополи, появившиеся на территории Севастополя в результате огромных потерь воюющих сторон, как защитников Севастополя, так и представителей Англии, Франции, Турции и Сардинии.

К 1856 г. в Севастополе насчитывалось 16 основных кладбищ защитников города¹. Самым большим воинским некрополем на территории Севастополя по праву считается Братское кладбище на Северной стороне, организованное в конце 1854 г. по указанию

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-567. Оп. 6. Д. 150. Л. 4.

вице-адмирала В.А. Корнилова. Первоначально оно называлось Петропавловским, позже получило народное наименование Братское из-за большого количества братских могил, в которых похоронено около 50 тыс. защитников Севастополя. Благоустройство кладбища началось в 1856 г.: его обнесли оградой из крымбальского камня с двумя чугунными воротами, у ворот установили по два орудия времён Крымской войны. Для четырёх инвалидов, смотрителей кладбища, построили два жилых домика в готическом стиле. Одновременно велись паркостроительные работы, в течение пяти лет высадили множество доставленных из Императорского Никитского ботанического сада и Одесского питомника саженцев: каштана, миндаля, белой и жёлтой акации, сирени, туи и др.²

До наших дней сохранилось 638 могил с памятниками. По различным источникам удалось установить, что могилы 30 офицеров не сохранились. Здесь, в частности, покоится прах бывшего главного командующего князя М.Д. Горчакова, руководителя инженерной обороны графа Э.И. Тотлебена, генерала С.А. Хрулёва, генерала А.Я. Адлерберга и двух его сыновей, князя Максимова, контр-адмирала М.Н. Кумани

² ГКУ АГС. Ф. Р-567. Оп. 6. Д. 34. Л. 3, 7, 8.

и многих других солдат, матросов и офицеров, защитников Севастополя³.

В 1870 г. на территории Братского кладбища был сооружён храм Св. Николая – общий памятник погибшим защитникам Севастополя, за проект которого архитектор А.А. Авдеев был удостоен звания академика архитектуры⁴. В 1895 г. из запасного кредита сметы Военного министерства было выделено 8000 руб. на постройку дома для священника на Братском кладбище⁵.

Кладбище имело статус мемориального, и с начала 1860-х гг. на его территории хоронили по завещанию и с разрешения императора умерших участников обороны Севастополя. Последнее захоронение произведено в 1912 г. (П.В. Щепанский)⁶.

До революции 1917 г. Братское кладбище было местом поклонения павшим защитникам Севастополя, практически все посещавшие город приезжали на это священное место. После Гражданской войны работы на кладбище не производились, оно постепенно приходило в запустение. В период второй обороны Севастополя храм и многие памятники кладбища были повреждены. Реставрационные работы велись с 1968 г.⁷ В 1988 г. храм Св. Николая был передан общине Русской Православной церкви. В этом же году, 19 декабря, в день Святителя Николая, освящён, и в нём после шестидесятилетнего перерыва проведена первая служба.

Кроме православного на Северной стороне Севастополя, в Панаиотовой балке, находится еврейское кладбище, на котором похоронено около 500 еврейских воинов, павших при обороне города. На братской могиле в 1864 г. по проекту одесского скульптора Ф. Вернета сооружено надгробие из белого мрамора в виде трёхгранного обелиска. На постаменте мемориальные надписи на русском языке и иврите: «Памяти еврейских солдат, павших за отечество при обороне Севастополя во время войны 1854–1855 гг.»⁸.

Памятник евреям – участникам обороны Севастополя в 1854–1855 гг.
ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 6820

Ещё в ходе мирных переговоров в Париже английский уполномоченный лорд Джордж-Уильман-Фредерик Кларендон обратился к графу А.Ф. Орлову «с уверением, что он не сомневается в согласии России сохранить в целости под Севастополем и в других местах русской территории могилы павших воинов союзной армии и памятники, воздвигнутые англичанами и французами над кладбищами погибших в бою»⁹. Перед уходом из Крыма они нанесли на карты места захоронений.

После Крымской войны, по договорённости с русским правительством, под Севастополем были устроены три воинских кладбища: английское, французское

³ ГКУ АГС. Ф. Р-567. Оп. 6. Д. 750. Л. 6.

⁴ Там же. Д. 34. Л. 6.

⁵ Там же. Д. 163. Л. 9.

⁶ Там же. Д. 34. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 13.

⁸ Гельман Б.Н. Памятник еврейским солдатам – участникам обороны Севастополя 1854–1855 гг. // Севастополь. Энциклопедический справочник, 2-е изд. Севастополь, 2008. С. 595.

⁹ ГКУ АГС. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 186. Л. 2.

и итальянское. Приказом главнокомандующего, генерал-инспектора по инженерной части и кавалерии великого князя Николая по инженерному корпусу от 22 мая 1871 г. № 28 предписывалось сделать точное описание памятников на французском и английском кладбищах, одновременно приняв эти кладбища в непосредственное заведование Инженерного ведомства¹⁰.

В 1882 г. в трёх километрах от города был открыт и сформирован как памятник ландшафтно-парковой и кладбищенской архитектуры английский некрополь. На Каткартовом холме (топоним возник от имени генерала Георга Каткарта, погибшего в Инкерманском сражении и похороненного на этом холме ещё в период осады Севастополя) нашли упокоение английские генералы Гольди, Торренс, Кемпбел, Стренгвейс... По данным историка и краеведа В.Г. Шавшина, на кладбище было устроено 450 общих и индивидуальных могил. На территории кладбища перезахоронили останки англичан с других некрополей, но далеко не со всех. Ведь на территории Крыма, от Севастополя до Балаклавы и от Камышовой бухты до реки Чёрной (не считая Альму и Керчь), располагалось 130 английских кладбищ и мемориалов. Одиннадцать из них бригадный генерал Дж.М. Эдвиг и полковник С.Дж. Гордон, inspectируя в 1872 г. английские памятники и места захоронений, уже найти не смогли¹¹.

На кладбище было захоронено немало лиц из известных в Британии семей. Одиночные и братские могилы располагались восемнадцатью параллельными рядами. Большинство памятников были небольшими по размерам, не выше человеческого роста. Каждый памятник (без исключения) был своеобразным по архитектурному решению (стела, надгробие, ступенчатая пирамида, саркофаг...) и по материалу (мрамор, гранит, цемент, чугунное литьё...). Многие памятники созданы скульптором Б.В. Эдвардсом. Часть эпитафий была высечена на русском языке: «Чтите могилу храбрых воинов», «Сей памятник воздвигнут братьями и сёстрами усопшего в знак к нему их любви...», «...в 13 и 14 году был в сражениях с Русскими против французов» (Каткарт), «Стренгвейс, кавалер Анны, которую он

получил от императора Всероссийского Александра в знак отличия...» (при Лейпцигском сражении 1813 г.). У входа, на воротах которого изображён мальтийский крест, стояла сторожка, в которой располагался небольшой музей¹².

Примечателен факт захоронения на этом кладбище журналиста английской газеты «Дейли Телеграф» Клода Хейя, скончавшегося в Севастополе 11 (24) октября 1920 г. Клод Хей находился в Крыму и освещал в английской прессе события Гражданской войны. Накануне, как писала газета «Крымский вестник», он предпринял поездку на фронт и привёз обширный материал, но написать последнюю статью не смог, т.к. в поездке сильно простудился и умер от воспаления лёгких. В газете подчёркивалось, что Клод Хей приходился внуком лорду Раглану, командовавшему в период обороны Севастополя 1854–1855 гг. английской армией и погибшему под Севастополем. Дед 65 лет тому назад «нашёл себе могилу в Севастополе, защищая английское дело против нас. Ныне внук его умер здесь на славном посту журналиста, но уже отстаивая одно общее дело борьбы за великую демократическую Россию». Далее указывалось, что он, возможно движимый предчувствием быть похороненным на английском кладбище в Севастополе, уделял много времени его благоустройству¹³.

В период обороны Севастополя 1941–1942 гг. на холме шли ожесточённые бои. Кладбище сильно пострадало, но в 1944 г. ещё существовало. В период работы Ялтинской конференции (1945) его посетил премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль с дочерью Сарой¹⁴.

В последующие годы кладбище пришло в запустение, надгробия были утрачены, а его территория передана садово-огородническому товариществу.

В сентябре 1993 г. на вершине холма Каткарта был открыт мемориальный комплекс (архитектор К. Злыдин), посвящённый англичанам – участникам Крымской войны. В 1998 г. произведена реконструкция мемориала (архитектор К. Хортон). В разные годы с целью поклониться праху своих соотечественников кладбище посетили многие члены Британской королевской семьи, в том числе наследник английского престола принц Чарльз Уэльский (1996), брат короле-

¹⁰ ГКУ АГС. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 163. Л. 2.

¹¹ Шавшин В.Г. Мемориал в память погибших в Крымской войне английских воинов // Севастополь. Энциклопедический справочник. 2-е изд. Севастополь, 2008. С. 240.

¹² Шавшин В.Г. Мемориал в память погибших... С. 272.

¹³ Крымский вестник. 1920. 13 (26) октября.

¹⁴ Шавшин В.Г. Севастополь в истории Крымской войны. Севастополь – Киев, 2004. С. 241.

вы Великобритании Елизаветы II принц Майкл Кентский (2002), а также лорд Алан Каткарт – потомок Георга Каткарта, Майкл Спрингрис – потомок графа М.С. Воронцова, экс-президент США Джеральд Форд. в 1998 г. В Севастополе побывала английская делегация, среди которой находился посол Великобритании на Украине Рой Стивен Рив, военно-морской атташе Каперанг Литтлбой, начальник оборонного штаба Великобритании генерал Генри Гетри¹⁵.

Согласно указу президента Украины от 23 июля 2003 г. «О 150-летию Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг.» в районе хутора Дергачи, на месте бывшего английского лагеря в период осады Севастополя 1854–1855 гг., возведён обелиск (архитектор Ю. Олейник) в память о погибших в Крымской войне английских воинах. Надпись, выполненная на двух языках (украинском и английском), гласит: «Памяти британцев, погибших в Крымской войне в 1854–1856 гг. В честь 150-летия». В церемонии открытия в сентябре 2004 г. приняла участие делегация Великобритании во главе с принцем Майклом Кентским и первым лордом Британского адмиралтейства адмиралом А. Уестом¹⁶.

Французское военное кладбище было устроено в 1863 г. недалеко от главной квартиры французских войск между Балаклавой и Севастополем, в районе 5-го километра Балаклавского шоссе, на земле, приобретённой у генерала А.Б. Бракера. Автор проекта ландшафтно-паркового ансамбля и кладбищенской архитектуры – инженер-капитан Форпос. Огороженное каменной оградой с металлическими воротами в центре, часовней, на которой были нанесены имена погибших генералов: Бизо, Бретона, Брюне, Понтеве, Сен-Поля, двухэтажным домом смотрителя и семнадцатью склепами, оно поражало своей оригинальностью. В подземной части склепов, в нишах, лежали черепа и кости погибших французов. У входа в склепы, возле металлических кованых дверей, были установлены мраморные плиты с указанием родов войск. На ограде некрополя имела мраморная доска с надписью на французском и русском языках: «Французское кладбище 1854–1855 гг.» и «Земля Французской Республики»¹⁷.

Памятник английским воинам на Каткартовом холме. Севастополь, 2004 г. Фото Г.А. Харланова. ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 718-эл.

В период Второй мировой войны кладбище также пострадало, но в целом сохранилось. В первой половине 1950-х гг. бывший дом смотрителя, часть ограды и несколько саркофагов разобрали на стройматериалы, а в 1982 г. часовню и склепы варварски уничтожили по устному указанию одного из севастопольских чиновников¹⁸.

Осенью 2004 г. на территории бывшего французского воинского некрополя, на 5-м километре Балаклавского шоссе, при участии французской делегации во главе с Чрезвычайным и Полномочным Послом Франции на Украине Ф. де Сюрменом состоялось открытие французского мемориального

¹⁵ Шавшин В.Г. Балаклава. Исторические очерки. Симферополь, 2002. С. 131–133.

¹⁶ Он же. Мемориал в память погибших в Крымской войне английских воинов // Севастополь. Энциклопедический справочник. 2-е изд. Севастополь, 2008. С. 493, 494.

¹⁷ ГКУ АГС. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 186. Л. 2, 3.

¹⁸ Шавшин В.Г. Севастополь в истории Крымской войны. С. 246.

комплекса, построенного на средства Французской Республики.

Говоря о французских воинских захоронениях, нельзя не упомянуть о братской могиле на Малаховом кургане. В ночь с 27 на 28 августа 1855 г. Малахов курган пал. Но пал с такой славой, что потрясённые французы похоронили своих и русских погибших воинов в одной братской могиле. Это было впервые в военной истории. На могиле они установили простой деревянный крест с надписью на французском и русском языках, которая гласила: «Их разъединяло стремление к победе, а соединила смерть. Такова доля солдата, таков удел храбрцев». Впоследствии, после оставления французами Севастополя, вместо деревянного креста установили мраморный памятник¹⁹.

Мемориал на Французском кладбище. Севастополь, 2004 г. Фото Г.А. Харланова. ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 723-эл.

Итальянцы перезахоронили своих соотечественников на горе Гасфорта, где в 1855 г. находились их позиции. Построенная на её вершине итальянским инженером Герардини часовня в ламбордийском стиле из балаклавского мраморовидного известняка восхищала современников изящной архитектурой,

пропорциональностью, гармонией с окружающим пейзажем. Под часовней находился склеп, в который вели несколько ступеней. Возле часовни имелся колодец глубиной до 40 м. На некрополь площадью около 230 кв. м, окружённый каменной оградой, перенесли останки 2 тыс. сардинцев, погибших и умерших у Севастополя, в том числе генералов Ла-Мармора (старшего брата командующего сардинской армией в период осады Севастополя), Аноальди, Ланцавеккиа и др. 16 августа 1882 г. на траурной церемонии открытия итальянского воинского кладбища русские солдаты ружейным салютом отдали последний долг погибшим²⁰.

Однако спустя некоторое время несколько надгробий были повреждены, а 23 января 1901 г. из часовни «украли распятие красной меди, корону такой же меди и никелированную трубку», в которой находились списки убитых²¹.

В период второй обороны Севастополя по горе Гасфорта проходил передовой оборонительный рубеж. Бывали дни, когда за сутки высота несколько раз переходила из рук в руки. Некрополь и часовня были разрушены. Остатки часовни разобрали в конце 1950-х гг. Но бывшее месторасположение некрополя всё ещё можно определить по частично сохранившимся зарослям кактусов-опунций, завезённых из Италии.

В 2004 г. у подножия горы Гасфорта, в 150 м от трассы Севастополь – Ялта, был открыт мемориал воинам Сардинского королевства (архитектор Ю. Олейник), который удачно вписался в окружающий пейзаж. Монумент напоминает об утраченной часовне – творении итальянского инженера Герардини в воинском некрополе сардинцев²².

Все иностранные кладбища в Севастополе сооружались с разрешения правительства России на средства союзных держав. Из бюджетов Франции и Италии ежегодно выделялись средства на ремонтные работы и оплату сторожам. Правительство Великобритании, например, ежегодно выделяло на содержание своего некрополя 300 фунтов. Соблюдение порядка на воинских некрополях находилось в ведении консульских

²⁰ Шавшин В.Г. Севастополь в истории Крымской войны. С. 249.

²¹ Крымский вестник. 1901. 23 января.

²² Шавшин В.Г. Итальянское воинское кладбище // Севастополь. Энциклопедический справочник. 2-е изд. Севастополь, 2008. С. 349.

¹⁹ ГКУ АГС. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 186. Л. 2.

служб. В начале XX в. смотрителем французского кладбища был консул Л.А. Ге, вошедший в историю в связи с возвращением в Севастополь Херсонесского колокола, также крестов, снятых с православных церквей и вывезенных во Францию. Должность смотрителя сохранялась до 1936 г., последним был француз Жозеф Раве, похороненный впоследствии на этом же кладбище. Известно также, что итальянский вице-консул Мошетти, находившийся в Одессе, организовал подготовку к перезахоронению на родине генералов А. Ла-Мармора и Г. де Монтевеккьо.

Севастопольцы, и в первую очередь ветераны Крымской войны, с пониманием, всепрощением и уважением относились к этим воинским кладбищам, которые заставляли задуматься о смысле войны и мира, а также ценности человеческой жизни...

Примечателен факт, что турецких военных кладбищ, архитектурно оформленных, в Севастополе после Крымской войны не было. Генеральное консульство Турции в Севастополе было учреждено только в 1899 г.²³ Впервые о попытке сооружения турецкого национального некрополя упоминается на страницах газеты «Крымский вестник» 20 апреля 1914 г.: «Центральное турецкое правительство предложило своему представителю, турецкому консулу в Севастополе, войти в переговоры с владельцем участка земли в Балаклаве, на котором погребены останки воинов, павших в кампанию 1854–1855 гг., с целью покупки участка для устройства там военного братского кладбища по примеру существующих английского, французского и итальянского. Если же по каким-либо причинам достичь этого нельзя, то поручено приобрести ему другой подходящий для означенной цели участок и перенести туда останки воинов. Переговоры консула с владельцем участка ещё не завершены»²⁴. Через месяц, в мае 1914 г., в этой же газете сообщалось, что турецкое правительство окончательно решило вопрос об устройстве собственного братского кладбища в Севастополе, куда будут перенесены останки воинов, павших в Крымскую кампанию. Место для турецкого кладбища было выбрано около французского кладбища²⁵. Однако осуществлению этих планов помешала начавшаяся через несколько месяцев Первая мировая война. И только в 2004 г.

Памятник воинам Сардинского королевства. Севастополь, 2004 г. Фото Г.А. Харланова. ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 717-эл.

²³ Крымский вестник. 1899. 21 сентября.

²⁴ Там же. 1914. 20 апреля.

²⁵ Там же. 1914. 22 мая.

Памятник турецким воинам. Севастополь, 2004 г.
 Фото Г.А. Харланова.
 ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 722-эл.

в верховье Килен-балки, на месте турецкого кладбища, выявленного в 1980-х гг. во время земляных работ, на средства Турецкой Республики был открыт мемориал (архитектор Ю. Олейник). В церемонии открытия приняла участие турецкая делегация во главе с командующим военно-морскими силами Турции адмиралом О. Орнеком. На обелиске высечена надпись на турецком и украинском языках: «Священной памяти турецких солдат, которые погибли в Крымской войне 1853–1856 годов. Мир их душам»²⁶.

В настоящее время уделяется особое внимание переосмыслению значения военных захоронений. На протяжении 2003–2006 гг. в Крыму осуществлялась государственная программа мероприятий, приуроченных к 150-летию Крымской войны. Был восстановлен ряд памятников, разрушенных войной, политической нетерпимостью и человеческим невежеством. Появились и новые военно-исторические памятники.

Некрополи – места почитаемые, а те, на которых покоится прах воинов, особенно. Все они объединены темой увековечивания памяти исторических событий. Сюда по-прежнему идут люди, чувствующие потребность прикоснуться к святыням прошлого и задумать о будущем.

²⁶ Шавшин В.Г. Турецкое воинское кладбище 1854–1855 гг. // Севастополь. Энциклопедический справочник. 2-е изд. Севастополь, 2008. С. 902, 903.

С.И. Добренский

Дневниковые записи и воспоминания москвича Н.М. Щапова о Севастополе конца XIX – первой трети XX в. (по материалам ЦГА Москвы)

Данная публикация знакомит читателя с дневниковыми записями и воспоминаниями о посещении Севастополя и Крыма¹ известного учёного-гидротехника, доктора технических наук, профессора Московского инженерно-строительного института им. В.В. Куйбышева (МИСИ), старшего научного со-

трудника Всесоюзного научно-исследовательского института гидромашиностроения (ВИГМ) Николая Михайловича Щапова (1881–1960)².

Н.М. Щапов родился 4 июня (16 июня по новому стилю) 1881 г. в г. Москве, в семье торгового служащего, потомственного почётного гражданина г. Москвы

¹ Впервые воспоминания были опубликованы в издании: *Щапов Н.М. Я верил в Россию... Семейная история и воспоминания*. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 1998.

² При составлении биографической справки использованы материалы Предисловия к описи фонда Н.М. и Я.Н. Щаповых (ЦГА Москвы. Ф. Л-310), составленного О.Д. Литкенс.

Михаила Ивановича Шапова и Марии Константиновны Шаповой (урождённой Симоновой). 9 июня того же года ребёнок был крещён по православному вероисповеданию. Отец Николая умер в 1892 г., мальчика воспитывали мать и старшая сестра.

В 1899 г. Н.М. Шапов окончил с золотой медалью Московскую практическую академию коммерческих наук (МПАКН). В том же году он был зачислен в Императорское Московское техническое училище (с 1918 г. – Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана (МВТУ), ныне – Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана), на механическое отделение. В 1906 г. Шапов с отличием окончил курс по специальности «Инженер-механик» и отправился на стажировку за границу. До 1908 г. он проходил стажировку в высших технических школах г. Дармштадта (Германия) и г. Цюриха (Швейцария), изучая гидроустановки. За границей Н.М. Шапов совершенствовал своё знание иностранных языков, в частности немецкого, французского и английского. По возвращении в Москву Николай Михайлович поступил на работу инженером в техническую контору Ф. Вебера и К°, где занимался поставками текстильных машин, в 1910 г. был также вольнослушателем юридического факультета Императорского Московского университета.

С 1 января 1910 г. Н.М. Шапов был назначен преподавателем кафедры гидравлики и гидромашин Императорского Московского технического училища (ИМТУ), что положило начало его многолетней преподавательской работе. В 1930 г. инженерно-строительный факультет МВТУ образовал отдельное Высшее инженерно-строительное училище (ВИСУ), в котором Шапов читал гидравлику. В 1933 г., после объединения ВИСУ и Учебно-строительного комбината Наркомата тяжёлой промышленности СССР в МИСИ, он принял решение перейти преподавать в Военно-инженерную академию РККА им. В.В. Куйбышева (г. Москва). Там Николай Михайлович работал вплоть до 1937 г. (до ликвидации гидравлической специальности), последовательно занимая должности преподавателя, доцента, заведующего кафедрой оборудования гидростанций. В 1936 г. он вернулся в МИСИ им. В.В. Куйбышева, где в 1938 г. стал штатным профессором кафедры утилизации водной энергии. В МИСИ Н.М. Шапов проработал до 1943 г.

Наряду с преподаванием Шапов занимался инженерно-проектной и исследовательской деятельностью. В 1909 г. к нему за помощью обратился его

бывший одноклассник по МПАКН А.И. Кузнецов, занимавшийся проектом по орошению Ферганской области для хлопкопрядильных фабрик. Весной 1911 г. Николай Михайлович перешёл на постоянную службу в Московскую оросительную компанию, где до 1914 г. изучал хлопководство и участвовал в реализации проекта по развитию орошения Ферганской области.

Первая мировая война прекратила все работы оросительной компании, и Н.М. Шапов вернулся к преподавательской работе в ИМТУ. Одновременно с 1915 г. он стал заниматься книготорговой деятельностью, организовав магазин технической литературы «Сила» и издательство при нём (осенью 1918 г. магазин был национализирован).

В 1917–1920 гг. Н.М. Шапов работал в издательстве научно-технического отдела ВСНХ, в 1922 г. организовал кооперативный книжный магазин «Научная книга», который в 1924 г. был ликвидирован в связи с расширением сети государственных книжных магазинов.

В 1924–1929 гг. Н.М. Шапов работал в журнале «Вестник инженеров» в качестве помощника редактора, в 1925 г. был помощником редактора профсоюзного журнала «Инженерный труд».

С 1924 г. Николай Михайлович занимался обследованием и экспертизой гидростанций СССР. В 1925–1926 гг. он был начальником Кучинской гидрологической станции в Московской губернии, в 1932 г. стал руководить экспертными работами по гидротурбинам в Гидроэнергетическом институте (с 1935 г. – Всесоюзный научно-исследовательский институт гидромашиностроения, ВИГМ).

С 1932 по 1937 г. Н.М. Шапов принимал участие в проектировании ряда крупных гидростанций Центрального региона, Кавказа и района Нижней Волги.

Во время Великой Отечественной войны Шапов не уехал в эвакуацию вместе с научными лабораториями ВИГМа, а остался в Москве. С 1941 г. по февраль 1942 г. он работал слесарем-фрезеровщиком в мастерских ВИГМа по выпуску оборонной продукции и перевыполнял норму производства более чем на 200%. Кроме того, в 1941–1942 гг. он по собственной инициативе вёл патриотическую работу: на предприятиях и для населения Бауманского района читал лекции на такие темы, как «Отечественные войны русского народа», «Чем кончались вторжения иноземцев в Россию в прошлом» и др.

Николай Михайлович также вступил в домовую пожарную команду и, несмотря на уже преклонный

возраст (61 год), во время воздушных тревог беспрерывно находился на своём посту. В 1944 г. он был награждён медалями «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», в 1946 г. – орденом Трудового Красного Знамени.

Постановлением Совета Министров СССР от 2 июня 1948 г. Н.М. Шапову была присуждена Сталинская премия III степени и присвоено звание лауреата Сталинской премии за работу «Коренная реорганизация гидростроения, направленная на широкое развитие электрификации сельского хозяйства», выполненную в составе коллектива ВИГМа.

27 октября 1945 г. Н.М. Шапову присвоили учёную степень доктора технических наук без защиты диссертации. С 1958 г. он находился на должности старшего научного сотрудника в ВИГМе.

В научной области Н.М. Шапову принадлежит разработка метода логарифмических характеристик, который позволял более рационально и быстро определять наиболее выгодный вариант турбинного оборудования для гидростанций. Он является автором свыше 150 научных работ.

Н.М. Шапов активно занимался общественной деятельностью. В 14 лет он вступил в Императорское общество покровительства животным, позднее посещал заседания Политехнического, Русского горного и Русского фотографического обществ, а в 1920-е гг. участвовал в экскурсиях Общества изучения русской усадьбы. Юношеское увлечение путешествиями и фотографией сохранилось у Шапова на всю жизнь.

В 1905–1917 гг. Н.М. Шапов состоял в Конституционно-демократической партии (партии Народной свободы). Будучи одним из организаторов, а затем секретарём Басманного комитета партии, он принимал активное участие в его работе, а также в работе комитета Московской городской группы партии. В 1913–1916 гг. был гласным Московской городской Думы.

Николай Михайлович был дважды женат. Во втором браке у него родилась дочь Светлана (1926), а в 1928 г. – сын Ярослав, ставший видным историком, членом-корреспондентом РАН.

Н.М. Шапов скончался 28 мая 1960 г. после тяжёлой болезни. Похоронен на Введенском кладбище в Москве.

В 2008–2014 гг. документы из личного архива Н.М. Шапова были переданы его сыном Я.Н. Шаповым и невесткой Ю.Л. Шаповой в Центральный московский архив-музей личных собраний Главархива Москвы (с 1 апреля 2013 г. – Центр хранения доку-

ментов личных собраний Москвы ГБУ «ЦГА Москвы», с 1 марта 2015 г. – Отдел хранения документов личных собраний Москвы ГБУ «ЦГА Москвы»).

В данной публикации приведены фрагменты из дневников, записных книжек и воспоминаний Н.М. Шапова о его посещениях Крыма, и в частности Севастополя, в 1890, 1896, 1902 и 1932 гг. Таким образом, впервые Шапов посетил Севастополь в 9-летнем возрасте с родителями, а последние записи о его пребывании в Севастополе относятся к 1932 г., когда ему исполнился уже 51 год. Ко времени первой поездки Шапова в Крым (1890) относится составление им первых в жизни дневниковых записей, которые он вёл около 20 лет, а в год второго посещения Севастополя и Крыма (1896) Н.М. Шапов производит первые фотографические опыты и начинается его становление как фотолюбителя.

В Отделе хранения аудиовизуальных документов Центрального государственного архива города Москвы хранится личный фонд Н.М. Шапова, насчитывающий свыше 1300 негативов чёрно-белых фотографий, сделанных им в конце 1890-х – 1930-е гг. Настоящая публикация включает в себя подборку фотографий Н.М. Шапова, снятых во время посещения Севастополя в 1902 г.

Археографическая подготовка документов проведена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (1990). Документы публикуются с максимальным сохранением орфографических и стилистических особенностей источников. Пунктуация даётся по современным правилам русского языка. Описки, орфографические и пунктуационные ошибки исправлены без оговорок. Раскрытие сокращений слов, не допускающих двоякого толкования, проводится без квадратных скобок. Недостающие элементы текста, восстановленные публикатором для лучшего восприятия, помещены в квадратные скобки. Сокращения фрагментов текста отмечаются отточием в квадратных скобках.

Документы в публикации систематизированы по хронологии описываемых событий.

В процессе подготовки документов к публикации была проделана большая работа по расшифровке угасающих рукописных текстов, написанных малоразборчивым почерком, с зачёркиваниями и помарками.

Научно-справочный аппарат публикации состоит из вступительной статьи, комментариев и текстовых примечаний.

№ 1. Из детского дневника Н.М. Шапова – о первом путешествии в Крым

20–23 сентября 1890 г.

20 сен[тября]

Мы выехали из Москвы, было 40 минут первого. Нас так трясло, что я насилу писал. Мы в вагоне завтракали и чай пили. Поехали больше полями да берёзовыми рощами. Мы на больших станциях выходили.

Мы то п[р]оезжали мимо сёл и деревень, то переезжали реки и ручьи.

В Туле мы ужинали. После ужина мы играли в карты.

21 сен[тября]

Ночью мы проехали Курск. Пошли уже мазанки, и все с соломенными крышами. Поля все сгорели от солнца. Обедали в Харькове. Когда мы проезжали мимо места крушения царского поезда³, то увидели часовню и церковь. Мимо того места мы проехали в 2 ч 10 мин. Ужинали мы в Лозовой-Севастопольской⁴.

22 сен[тября]

Мы ехали горами, немножко погода горы стали каменными, потом уж пошли тоннели. Скоро приехали в Севастополь, там мы поехали в гостиницу «Кист»⁵. Из нашего номера был очень хороший вид на бухту. Когда мы поехали осматривать город, нас вымочил дождь. Я собирал раковины.

23 сен[тября]

Мы встали в 7 ч. В 8 ч мы поехали на лошадах в Ялту. На половине дороги мы остановились в д. Байдары. После остановки скоро мы въехали в Байдар-

ские ворота⁶, оттуда очень хороший вид, мы там вылезли и влезли на Байдарские ворота, оттуда вид ещё лучше. Вечером я заснул, проснулся я, когда уже мы подъезжали к Ялте. Остановились мы в гостинице «Россия»⁷.

ЦГА Москвы. Ф. Л-310. Оп. 1. Д. 124. Л. 3–6 об.

Подлинник. Рукопись.

№ 2. Из воспоминаний Н.М. Шапова «Я верил в Россию...» – о поездке в Крым в 1890 г.

12 сентября 1944 г.

24. Путешествия с отцом по России

Прослужив в деле братьев Шаповых лет сорок почти без отпусков (если не считать поездок в 1868 г. в Париж и в Ростов), обеспечив семью состоянием и вырастив детей, отец, вероятно, решил доставить себе и им удовольствие и пользу. В 1889 г. он с Миной⁸ съездил на Всемирную Парижскую выставку и в Лондон; кажется, в 1890 г. он побывал со всей семьёй в Крыму, в 1891 г. – в Петербурге, Финляндии, Киеве. Кстати, железнодорожный тариф в это время сильно снизился.

Помнится, во всех трёх поездках по России нас четверых сопровождали Василий Петрович и дядя Константин Иванович. Особенное впечатление на меня, девятилетнего мальчика, произвёл Крым. Осмотрев Севастополь, мы в коляске через Байдарские ворота проехали в Ялту, откуда съездили в Учан-Су, побывали в Ореанде, Алушке, на Ай-Петри, в Массандре, в Никитском саду и на пароходе вернулись в Севастополь.

Поехали довольно поздно, в сентябре, после Нижегородской ярмарки. Наша семья ехала в 1-м классе, дядя и Вася (как я уже начал его звать) – во 2-м. Интересно было ходить к ним через поезд в гости.

³ Имеется в виду железнодорожная катастрофа, произошедшая 17 октября (29 октября по старому стилю) 1888 г. у ст. Борки под Харьковом. Поезд с императором Александром III и царской семьёй, ехавший из Крыма в Санкт-Петербург, из-за технической неисправности сошёл с рельсов, но император и члены его семьи не пострадали. Вскоре на месте чудесного спасения царской семьи были построены храм и часовня.

⁴ Ст. Лозовая Лозово-Севастопольской ж. д. была построена в 1869 г. на юге Харьковской губ. Ныне – г. Лозовая Харьковской обл. Украины.

⁵ Гостиница «Кист» была основана в 1864 г. Фердинандом Осиповичем Кистом и считалась самой шикарной в Севастополе конца XIX в. Размещалась по адресу: ул. Екатерининская, 1.

⁶ Байдарские ворота – горный перевал через главную гряду Крымских гор, ведущий из Байдарской долины на Южный берег Крыма. На перевале расположен памятник архитектуры – Байдарские ворота. Он сооружён в 1848 г. по проекту известного ялтинского архитектора К.И. Эшлимана.

⁷ Гостиница «Россия» в Ялте была построена в 1875 г. по проекту архитектора А.К. Винберга (ныне – отель «Таврида»).

⁸ Мина – домашнее имя старшей сестры Н.М. Шапова Ерминии Михайловны Шаповой (в замужестве – Менкель).

Вагонов-ресторанов тогда ещё не было, ели обеды на станциях, что казалось очень вкусным, пили чай из чайника в вагоне, что было ещё приятнее, тем более что мама захватила и варенья, и булочек, и пирожков. Остановливались в лучших гостиницах, в Севастополе – у Киста рядом с Графской пристанью (позже – «Интурист»), в Ялте – в «России».

В Севастополе я был в восхищении от уюта Графской пристани, от грустного Братского кладбища с поэтичной, украшенной мозаикой церковкой, с братскими могилами под длинными каменными пирамидками. От музея остался в памяти Георгиевский крест из черепной кости какого-то героя-адмирала, от Малахова кургана – каменная башня-цитадель, от гавани – переезд на парусной лодке. На Кургане отец купил у сторожей пули и осколки бомб от Севастопольской защиты; их тогда ещё находили в земле. Съездили на херсонесские раскопки, восхитились морем в Георгиевском монастыре, уютной бухтой – в Балаклаве. Отец любил всё видеть, ничего не пропустить и в этом отношении был неутомим.

Н.М. Шапов. Я верил в Россию... М., 1998.
С. 116–117.

№ 3. Из дневника Н.М. Шапова – о второй поездке в Крым

3–5 августа 1896 г.

3 августа, суббота

[...]

В 11 ч утра проехали Успенский скит, он высечен в скале, многие келейки на весу, как птичьи гнёзда. Мимо монастыря поезд идёт 2 раза, делает крюк. Задолго не доезжая Севастополя увидели бухту. Сильный ветер ворвался в вагон, долго ещё ехали: город то скроется, то покажется. Приехали в 11 ч 20 мин у[тра]. Наняли извозчика за 75 коп. в гостиницу Киста. В городе страшный ветер, пыль. Г[ово]рят, что он [бывает] лишь с утра. У Киста наняли за 2 руб. порядочный [номер] в два окна с 2 кроватями, на дворе в 1-м этаже за 2 руб. в сутки. Чистенький очень, мебель новая. При гостинице есть ванны. Дешёвые н[оме]ра заняты. Разложившись, пошли гулять на Приморский бульв[ар], посидели там, но ветрено, поглядели в бинокль. Очень море хорошо – зелёное с барашками. Ветер северный. Пришли домой, пошли обедать в зал.

Обеды по 75 коп. из 3 бл[юд], сытные, а в 1 руб. – так из 4 блюд. Пообедав, пошли гулять по улице, осмотрели новый музей Оборон[ы]⁹ (даром), купил 1 ф[унт] яблоков (10 коп.) и 1 ф[унт] слив (8 коп.) у армянина. Съели. Ходили и по Нахимовскому проспекту, лучшей улице. Купил там путеводитель за 1 руб. – Москвич 1896 г.¹⁰ Потом наняли извозчика за 5 руб. свезти в Георгиевский мон[астырь], Балаклаву и обратно. Заехал домой, взял куртку и мантилью¹¹, чаю, сахару, и поехали (в 3 ч 20 мин). Ехать долго, степью. Сначала было жарко. Едем, видим монастырь; с этой стороны ничего замечательного, но как только прошли чрез здание – воз[никла] картина: с обрыва высокого синее-синее море, направо и налево – громадные скалы (справа похоже на нашу картину в столовой). Прямо под ногами – маленькая скала-островок, на нём крест: здесь явилась икона. Великолепная картина. Пробыв с полчаса, поехали дальше в Балаклаву, становится прохладно от ветра.

Балаклава – маленький чистенький городок на берегу бухты-озера. Покатались на лодке там, минут 20 по бухте. Красиво! Назад поехали в 6½ ч веч[ера]. Ехать надо долго, 1½ ч, 12 вёр[ст] по степи. Холодный ветер, да и солнце скоро зайдёт. Стало холодно. Я надел куртку, да и то пронизывало. Мама страшно боялась, что я простужусь. Солнце зашло в 7 ч 20 мин (по московскому времени). Вернулись в 8 ч. Дорога прекрасная, хотя местами и просёлок. Едет пара лошадей (экипаж – корзинка 5-местная с зонтом) быстро. В Москве за поездку взяли бы гораздо больше 5 руб.

Вернулись домой – напились чаю, затем поужинали, я – бифштекс (60 коп.), мама котлеты (40 коп.). Долго ждали. Потом мама стала писать письмо Мине, я – это.

Дорогой: утром мал[енький] дождь, потом облачно, в Севастополе жара, но страшный северный ветер.

Дорогой: кругом сухая степь, в долинах виноградники, сады, грецкие орехи, каштаны, татар мало.

4 августа, воскресенье

Встали часов в 8. Я написал письмо Мине № 5, напились чаю, пошли по городу. Сначала пошли опустили письмо в ящик, потом пошли в Петропавлов-

⁹ Музей обороны Севастополя был открыт в 1869 г. на Екатерининской ул. (ныне – Военно-исторический музей ЧФ РФ).

¹⁰ Очевидно, имеется в виду издание: Москвич Г.Г. Практический путеводитель по Крыму. Одесса, 1896.

¹¹ Мантилья – короткая женская накидка без рукавов.

ский собор греческой формы (храм Тезея)¹². Внутри довольно плохо. Подали просфоры. Мама хватилась перчатки, оказывается – потеряла, не нашла. Поднялись в знаменитый Владимирский собор¹³. Там отстояли обедню¹⁴. Что за прелесть за собор! Он в память осады¹⁵. Везде по стенам имена защищавших город. Стены расписаны золотом и красками. Везде мрамор разноцветный, матросы, солдаты. У врат там образ Христа, идущего по водам, Айвазовского, пожертвованный в память крушения поезда 1888 г.¹⁶ семьёй моряков. Отстояв службу, опустили к конторе почтовой (Екатерининская ул.), нет ли нам письма до востребования. Оказывается заперта, праздник. Вернулись домой, дорогой купил мал[енький] арбуз (6 коп.), слив и яблок (20 коп.). Напившись дома чаю, поехали (около 12¹/₂ ч) на лодке (75 коп. взад-назад¹⁷) к Братскому кладбищу. Туда ехали с парусом; [дул] небольшой южный ветерок. Очень утомительно идти под солнцем пешком по пыли. Чуть удар не сделался. Идти надо 20 мин степью. На кладбище не лучше: все деревья завяли. Поклонились солдатикам (их тут 127 тыс.¹⁸) и офицерам. С памятника Хрущёва¹⁹ списали стихи, понравившиеся тогда маме:

«Пораздайтесь, холмы погребальные,
Потеснитесь и вы, благодетели!
Вот старатель ваш пришёл
Доказать вам любовь свою,
Дабы видели все, что и в славных боях
И в могильных рядах не отстал он от вас.
Сомкните же теснее ряды свои,
Храбрецы беспримерные,
и героя Севастопольской
битвы окружите дружнее,
в вашей семейной могиле».

Заходили и в церковь-пирамиду²⁰, там очень хороши образа все, мозаичные. Дорогой набрал несколько растений для гербария. Ходили всего 1 час. Ехал корабль (на вёслах) 40 мин. Пообедали (по 75 коп.), запивали квасом. Затем, пообедав, поехали на извозчике в Херсонес туда и обратно 1 руб. 50 коп. Туда 3 вер[сты]. Посмотрели там храм Владимирский, двойной, великолепный. Внизу остатки стен древнего храма и место, где крестился Владимир Святой. Верхний храм особенно красив. Иконы художественные, везде живопись, золото, мозаика, мрамор. Показывал монах. Внизу есть частица мощей св. Владимира. Ходили в музей монастырский. Я отбил от одного камня на раскопках кусочек. Монастырь стоит на берегу моря. Вернулись домой, я определял цветы. Пошли на Графскую пристань. Посидели там. На рейде стоит броненосец «Екатерина II» и «Эриклик». На пристани народу масса. Оказывается, что на «Эриклик» в[еликий] к[нязь] Александр Мих[айлович]²¹ и Ксения Александровна²² инкогнито. Оттого и флаги в городе. Долго сидели и смотрели в трубу и бинокль на это судно, но ничего не видели. Потом пошли на стрелку у бульвара, на каменную скамеечку, там посидели, полюбовались, очень красиво: на горизонте синее море, розовое небо, чёрный-чёрный корабль выделяется

¹² Собор Св. апостолов Петра и Павла (1844) выполнен в стиле древнегреческого храма Тесея (Тезея) в Афинах.

¹³ Собор Св. равноапостольного князя Владимира в Севастополе был построен в 1854–1888 гг. по проекту архитекторов К.А. Тона и А.А. Авдеева. Владимирский собор – усыпальница русских адмиралов и морских офицеров. В 1851 г. в склепе будущего храма был захоронен адмирал М.П. Лазарев, а во время Крымской войны – вице-адмирал В.А. Корнилов, контр-адмирал В.И. Истомин, адмирал П.С. Нахимов, погибшие во время обороны Севастополя 1854–1855 гг.

¹⁴ Спустились в подвальный этаж, там могилы 4 «учителей»: Нахимова, Лазарева, Истомина, Корнилова, под чёрным крестом лежат. Им там, кажется, хорошо. Поклонились. (Прим. док.)

¹⁵ Имеется в виду оборона Севастополя 1854–1855 гг.

¹⁶ См. сноску № 3.

¹⁷ Так в документе.

¹⁸ Автор приводит недостоверные данные о количестве захороненных на Братском кладбище участников героической обороны Севастополя 1854–1855 гг., почерпнутые, очевидно, из путеводителей конца XIX в. По оценке современных исследователей, там было похоронено около 40 тыс. человек солдат и офицеров.

¹⁹ Ошибочное написание фамилии. Имеется в виду установленный на Братском кладбище памятник генерал-лейтенанту, герою обороны Севастополя 1854–1855 гг. С.А. Хрулёву (1807–1870).

²⁰ Имеется в виду Свято-Никольский храм на Братском кладбище, построенный в 1857–1870 гг. по проекту московского архитектора А.А. Авдеева.

²¹ Александр Михайлович (1866–1933) – великий князь династии Романовых, государственный и военный деятель, сын великого князя Михаила Николаевича, внук императора Николая I. Морской офицер, в 1900–1903 гг. командир броненосца «Ростислав» (Черноморский флот) Инициатор создания офицерской школы авиации под Севастополем (1910). Адмирал (1915).

²² Ксения Александровна (1875–1960) – великая княгиня династии Романовых, дочь императора Александра III, сестра российского императора Николая II.

на них. Вечер тёплый-тёплый, ни дуновенья. Видели, как огни везде зажглись на судах. Очень красиво, особенно на «Эриклике». Домой вернулись в 8 ч 10 мин, я поужинал котлетами. Пили чай. Мама писала письма, я – это.

Море, солнце, ветер небольшой, южный. Вечер тихий, ни облачка, ни ветра.

5 августа, понедельник

Встали в 8 ч, напились чаю, я написал письмо Мине № 6, потом на почту, опустили его, там взяли Минино № 1 (до востребования) от 2/VIII. Больше писем не было, да и то помечено 5/VIII [18]96. Прошли по Нахимовскому проспекту, купили бумаги почтовой (с видами Крыма), мама купила 2 билета на Севастополь²³ за 6 руб. 30 коп., 1-го класса, купила перчатки. Вернулись домой, позавтракали телятиной и пошли на пристань, вещи нам переносили. Дали [на] чай.

Пароход стоял «Цесаревич». Отходит он в час. Забрались мы [на него] около 12. Поехали в 1 ч 5 мин. Мимо нас постепенно прошли: Севастополь с Графской пристанью, Кистом, бульваром, затем батареи²⁴, Херсонес, маяк²⁵. Не начало ничуть, даже у маяка. Затем м[ыс] Фиолент, Георгиевский мон[астырь] (он отсюда некрасив, скалы с крестом почти не видно), Балаклава (видны лишь развалины башен), мыс Айя (я следил по путеводителю за местами), затем кузнецовский Форос²⁶ (очень красива церковь), Байдарские ворота видны лишь в бинокль, Кикинеиз²⁷, тут нас позвали обедать (билеты с продовольствием), и не пришлось видеть самых лучших мест. Ресторатор человек хитрый: надеется на качку (тогда не станут есть), блюд много, да всего помалу, оттягивает обед, так что когда пришли в Ялту, он ещё не кончился, и кофе не подавали. Пришли в Ялту без качки совсем (лишь немного побаяло у Ай-Тодора на повороте). Обед был

²³ Так в тексте; по смыслу следует «на Ялту».

²⁴ Вероятнее всего, имеются в виду остатки 4-го бастиона периода обороны Севастополя 1854–1855 гг. на Бульварной высоте, которые в 1881 г. были обозначены каменными тумбами.

²⁵ Херсонесский маяк (построен в 1816 г.).

²⁶ Имеется в виду имение Форос купца и мецената А.Г. Кузнецова, в котором в 1892 г. была построена церковь Воскресения Христова по проекту архитектора Н.М. Чагина.

²⁷ Кикинеиз (др. вариант написания – Кекенеиз, ныне – село Оползневое) – татарская деревня на Южном берегу Крыма.

хорош. Приехали в Ялту часов в 6 [с четвертью, в 6 с половиной]. Хотели сесть в дилижанс и в Алулку, да он уже укатил. Хотели остаться в «Центральной», да извозчик нас улешил ехать на нём за 3 руб. в Алулку. В Ялте много новенького: бульварчики, беседочки. Дорога из Ялты уж очень хороша: как паркет. Проехали: Ливадию, Ореанду (видели дворец, колоннаду), Ай-Тодор (там флаги: Ксения Александровна с мужем). [...]

ЦГА Москвы. Ф. Л-310. Оп. 1. Д. 128. Л. 31–34 об.

Подлинник. Рукопись.

№ 4. Из воспоминаний Н.М. Щапова «Я верил в Россию...» – о поездке в Крым в 1896 г.

16 марта 1952 г.

Это было, вероятно, в июне, а в июле–августе мы с мамой прожили месяц в Крыму, в Алулке. Я влюбился в Крым ещё в своё первое, детское, посещение 1890 г. На этот раз я специально влюбился в Алулку.

Алулка – может быть, самый красивый уголок земного шара, виденный мной. Море и горы, парк и дворец красоты необычайной, татарская деревушка, крымские татары, мавританская мечеть и церковь в виде греческого храма (позже сломанная), беззаботная (курортная) жизнь до сих пор памятна мне.

Ехали туда по южнорусским степям. Хорошо на них смотреть из окна вагона. Хорошо на пустынных останках подбегать к краешку степи и срывать ветку синего шалфея.

Севастополь – уютный чистенький городок на горке. Море бухты тихо плещется у Графской пристани. От неё на лодке с гребцом и парусником – к Братскому кладбищу. В степи с сухими колючками, за характерными воротами – оазис зелени. Она сплелась над раскидистыми каменными пирамидами – огромными братскими могилами Крымской войны. В центре на пригорке – изящная церковка с мозаиками. Цело ли это всё теперь или сметено второй войной?

Н.М. Щапов. Я верил в Россию... М., 1998. С. 167.

**№ 5. Из дневника Н.М. Шапова – о посещении
Севастополя во время совместной с Н.Н. Худяковым
поездки в Крым в 1902 г.**

24–27 мая 1902 г.

24 мая, пятница

[...]

Завтракая, пропустили Байдары. Пришли в Севастополь часа в 3, заняли у Ветцеля²⁸ (по настоянию Н. Ник.²⁹) номерок, достаточно высоко, назад, не совсем чистый и небольшой, за 1 руб. 50 коп. (с балконом на Мичманский бульвар³⁰). После чаю прогулялись на бульвар (стал после [18]96 г. лучше). Съездили на ялике к Братскому кладбищу, потом даже в церковь. В городе были у Владимирского собора (заперт), потом в летний театр на бульваре, на пьесе Плещеева «В своей роли»³¹, пьеса достаточно драматична и глупа; играли коршевские артисты³². На балконе на краю ложи, за ними проход и дальше наши места, на стенах надпись: «Просят дам в партере и ложах снимать шляпы»; почти ни у кого не сняты, и перед нами тоже. В 1-м антракте говорю капельдинеру: «Попросите снять шляпы», тот послал к распорядителю; этот г[ово]рит: «Я просил, меня не слушают» (я так теперь думаю, он и не просил совсем); в другой антракт я остался, и они тоже, крепился, крепился и попросил: «Господин офицер» (наши места отгорожены); подошёл; я извинился: «Будьте любезны обратить внимание ваших дам на объявление вон там относительно шляп». – «Благодарю вас». Офицер не из молодых, морской. Если бы он не исполнил моей просьбы (я сейчас же сбежал, а когда вернулся – шляпки в ложе были сняты), я бы вероятно повторил то же самое вслух. Весь вечер было скверное настроение. По окончании ели шашлыки и пили вино сбоку в ресторане.

²⁸ Гостиница Ветцеля находилась на Екатерининской ул. и получила своё название по имени владельца – потомственного почётного гражданина г. Севастополя, гласного Севастопольской городской Думы Н.Н. Ветцеля.

²⁹ Николай Николаевич Худяков – друг Н.М. Шапова, его одноклассник по Московской практической академии коммерческих наук.

³⁰ Ныне – Матросский бульвар.

³¹ Имеется в виду модная в начале XX в. комедия А.А. Плещеева «В своей роли» о жизни артистов.

³² Имеются в виду артисты Русского драматического театра Корша, основанного в Москве в 1882 г. Ф.А. Коршем.

25 мая, суббота

После чаю во Владимирский собор, там царский молебен, всё ордена и мундиры, потом у собора парад матросам и войскам. Торжественно. Оттуда в музей³³, посмотрели недурно; после обеда на бульваре (3 блюда, 75 коп.), на Малахов курган на извозчике, зачем Н[иколай] Ник[олаевич] поехал, не понимаю, и я был, и он был. Назад – слезли у Исторического бульвара, побродили, столбики с № батарей etc.; около – паровая карусель с парусными лодками вместо экипажей; кругом всё матросы. Чай в [номер]; на музыку Чайковского к вечеру (бульвар), народу тьма; недурно. Только неприятно, что очень много мундиров.

У нашего Ветцеля в гостинице живут коршевские артисты; Сашин³⁴ разгуливает по коридору в ночной рубашке, а рядом с ним на балконе какие-то барышни уж очень бойкие выпускают насчёт нас бойкие замечания, ожидая, чтобы мы заговорили.

26 мая, воскресенье

До 11 ч болтались по городу (теперь его очень украшает памятник Нахимову); в 11 поехали с катером в Инкерман; вышли, дошли до монастыря, взглянули, ничего интересного не нашли, хотели попить или закусить, да не хотелось хлопотать, и с поездом ж[елезной] д[ороги] вернулись в Севастополь; от вокзала на трамвае (недорого, удобно; немножко громко только гудит). После обеда на броненосец «Ростислав». Посмотрели там (снаружи) башню, потом помещение вел[икового] князя, кают-компанию, кухню, мину, машинное отделение, и назад; по верху нельзя было походить – красили. Наш путеводитель матрос (с Дону; Ив[ан] Побирашка) жаловался – долго служить, 7 лет, много работы, кормят недурно (давал пробовать борщ). Наш лодочник уговорил нас поехать к Херсонесу. Поехали. Толковал про воровство начальствующих лиц, про заботу о Севастополе государя, как он велел сделать водопровод, дал денег, и сделали в 3 года то, чего не могли сделать в 30 лет (без денег, конечно); как город брал с яликов сбор, а он, наш возчик, ездил к государю в Ливадию, поднёс ему прошение, и теперь все сборы с них отменены; как прежде берега Севастополя были городские, а теперь отобраны в казну за неумение пользоваться.

³³ См. сноску № 9.

³⁴ Имеется в виду артист Театра Корша Владимир Александрович Сашин (настоящая фамилия – Фёдоров).

«Вот, – г[ово]рит, – нашим детям хорошо будет жить» (гм!). Г[ово]рил о развращённости монахов, о Николае, Таврическом епископе³⁵, как он хотел соблазнить свою прачку и дал ей молча ящик, а в нём было 2000 руб. Она по совету матери заперла его³⁶ и не трогала. Николай ждал, ждал, и заявил полиции. Исправник, что ли, к прачке – так и так. Исправник, не будь дурак, к Николаю – так и так, вы изволили влететь, ваше преосвященство, этого дела нельзя будет так оставить. Тот будто бы испугался и рад был, что исправник 8 тыс. [руб.] доволен был. Итого 10 тыс. руб. Ещё будто бы он возит время от времени какого-то монаха из Инкермана вечером на Корабельную слободку³⁷; ещё будто бы в Космодамианском монастыре монахини очень с богомольцами не дуры; не дураки и в Херсонесе, только нов[ый] настоятель их приструнил, etc.

В Херсонесе очень недурён музей³⁸, в порядке и занятен; м[ежду] пр[очим] у деревянного гроба «ящичное соединение досок» такое же, как и теперь. В церкви очень любопытны орнаменты на стенах, да и живопись хороша. Вообще, храм весёлый. Назад ехали – возчик наш ещё пассажира нашёл; аферист тоже. Пока мы на «Ростиславе» были, он тоже одного матроса на берег свёз. Веч[ером] на музыке на бульваре.

27 мая, понедельник

Утром поехали на ялик в доки, остановились около конторы, я вышел. У дверей конторы встретил офицера, спросил его, где можно получить разрешение на осмотр. Он спросил мою карточку, я ему показал паспорт, и он сказал, что он дежурный, велел идти прямо, и если кто спросит, то сослаться на него. Пошли с Н[иколаем] Н[иколаевичем] к сухим докам; Н[иколай] Н[иколаевич] расспросил, как было дело, и испугался, что ему не разрешено и его могут схватить. Я его успокаивал, нет – побежал назад, чтобы лично ему было разрешено. Я пошёл назад; в боль-

шом доке стояли «Три святителя»; любопытно, обошёл, вниз сошёл. На обратном пути встретил Н[иколая] Н[иколаевича], тот в расстройстве, дежурного не нашёл, а в конторе ему напутали что-то сложное, решил идти пешком до вокзала и пошёл. Вот чудак! Я отправился к морским казармам, прошёл сквозь (пришлось сослаться на дежурного) к памятнику Лазарева, оттуда назад, к эллингу. На нём строится «Очаков», подошёл, посмотрел (склёпывают листы). Но был полдень, [и я вернулся] назад к ялику. Встретились в номере. Ник[олай] Ник[олаевич], м[ежду] пр[очим], без меня сидел на Графской пристани и разговорился с неким Даниловым, бывшим офицером. Тот рассказал, что был посажен в крепость за то, что ударил начальника за пристава к жене, потом подошёл под манифест и вышел из крепости. Теперь (недавно) ему вернули дворянство, запретив въезд в столицы; только есть нечего, и везде отказывают [в службе]; Н[иколай] Н[иколаевич] дал ему 3 руб.

Часа в 2 отправились на пароход, заняли места 2-го класса. Пароход «Ксения», хороший, просторный. Ещё успели пообедать на бульваре и в 4 ч отчалили. При выходе затеяли с Н[иколаем] Н[иколаевичем] самый серьёзный и даже острый спор о флаге³⁹; он доказывал, что это «русский военный», а я – что такого «русского военного» не существует. Берега за Севастополем – однообразные, обрывистые; прекраснейший вид на горы; можно разобрать каждую вершину. [...]

ЦГА Москвы. Ф. Л-310. Оп. 1. Д. 147.

Л. 32–32 об., 35–37 об.

Подлинник. Рукопись.

№ 6. Из воспоминаний Н.М. Щапова «Я верил в Россию...» – о совместной с Н.Н. Худяковым поездке в Крым в 1902 г.

7 августа 1953 г.

В Крым ездил с Н.Н. Худяковым. Осмотрели Бахчисарай, его окрестности (Успенский монастырь, Чуфут-Кале, Тепе-Кермен) – замечательно красиво и

³⁵ Имеется в виду епископ Таврический и Симферопольский с 1898 по 1905 г. Николай (Зиоров).

³⁶ Ящик.

³⁷ Корабельная слободка (Корабельная сторона) – исторический район г. Севастополя на южном берегу Севастопольской бухты к востоку от Корабельной (по которой и получил своё название) и Южной бухты.

³⁸ Имеется в виду организованный в 1892 г. археологом К.К. Косцюшко-Валюжиничем музей – «Склад местных древностей».

³⁹ В этом месте автором схематически нарисован либо кейзер-флаг, либо русский гюйс и крепостной флаг.

интересно. Наняли татарскую телегу-мажару до Ялты. Через Яйлу и Ай-Петри – двое суток, ночевали у татар в Коккоре, забирались там в какой-то пещере. В Ялте остановились в очень приятной гостинице «Ялта», против красивой церковки в русском стиле. Отсюда делали экскурсии. Помню, забралась в горы на утёс Ставра-Кая по путеводителю и меткам горного клуба. Потом полезли повыше и вдруг выбрались на Яйлу. Ну, тогда побрели к Ай-Петри. Вернулись поздно вечером по шоссе – подвезли мажары с дровами; потом вдвоём выпили самовар чая. Ещё помню – от Алушты я взбирался (почему-то один) на гору Демерджи, ночевал у татар.

Н.М. Шапов. Я верил в Россию... М., 1998. С. 198.

№ 7. Из записной книжки Н.М. Шапова – о поездке в Крым осенью 1932 г.

9–13 октября 1932 г.

Н.М. и Е.Н. Шаповы
Поездка Украина – Крым. 23.IX–14.X [19]32 г.
II.

9.X [1932 г.]⁴⁰

Несчастный день. Вчера уговорились с Женей⁴¹ ехать в 7 ч у[тра] катером в Никитский сад, [и что] я её разбужу в 6. Просыпался ежечасно с 2 ч н[очи], чиркал спички.

[...]

Погода с приездом в Ялту изменилась: пасмурно, ветер, прохладно. В Ялте ни разу не купались.

10.X. [19]32 г.

Утром в ожидании отъезда (надоело, стремимся домой) вдвоём гуляли по городу: базар, б[ывший] Мордвиновск[ий] парк⁴² (проложили через него набережную), новая (1905?) армянская [...]⁴³ церковь,

от неё хорош вид. Запущена, бронзовые двери сняты, старик сторож. Стёкла биты. Оттуда наудачу пошли к домику Чехова. Оказался открыт, хоть и выходной его день, именно в выходные дни сотрудников шлют на работы в колхозах, а здешние решили показывать зато музей в пользу колхозов. Показывали 2 женщины (Мар[ия] Пав[ловна] Чехова⁴⁴ заходила на минутку). Столовая, кабинет, спальная, закр[ытая] и откр[ытая] веранды, сад. Обстановка простая и безвкусная, худож[ественных] вещей очень мало. Много фото. Кровать одна, о Книппер напоминает лишь 1–2 фото. Хорош камин с картинкой Левитана. Сад зарос, и вид на море пропал. Кипарис посажен в год смерти Чехова. Обед, поспали, выпили чаю, особо спешно поужинали и пешком на пароход. Билеты были взяты организованно раньше и для экономии 3-го класса, плацкарт, кажется, не дали.

Пароход запоздал. Смотрели его огни вдвоём от корня мола⁴⁵ (часовня разорена, и от неё воняет). Опоздал на час. Это огромный пароход, целый городок, на таких я, кажется, не плавал, «Крым» (из серии «Украина», «Абхазия», «Грузия», а где «Россия?»). Только 3-й класс без плацкарт – палуба. Приткнулись на скамейке веранды, сидя. Очень боялся, что холод и ветер нас заморозят, но ветер оказался с кормы, слабый. Было тепло, [я] не спал, Женя проспала с час. Ехали с 9 ч в[ечера] до 1 ч ночи. Луна, звёзды. Жаль сидели с другой стороны и почти не видели берега. Шли недалеко, всё очень видно. Волна, кажется, была, но не качало, и никого не укачало. Теплоход чуть колебался.

11.X [1932 г.]

Итак, в 1-м ч ночи усталые приехали в Севастополь – в центр, около Графской пристани. Пешком недалеко [пошли] в военную туристич[ескую] базу. Мест нет, побежали в базу ОПТЭ⁴⁶ (недалеко). Там разместились на мягких койках без белья и в каком-то сарае душном. Кое-как поспали (Женя с клопами). После чаю (я с Женей пили в столовой из своего кипятка) всей компанией пошли по городу – в Военно-истор[ический] музей (почти полный Музей Севастопольской

⁴⁰ В документе записи сделаны в обратном порядке и начинаются с 13 октября.

⁴¹ Женя – вторая жена Н.М. Шапова, Евгения Николаевна Шапова (в девичестве Добробоженко).

⁴² Мордвиновский парк в Ялте возник первоначально в конце XVIII в. в имении «Хорошая пустошь» адмирала графа Н.С. Мордвинова. С 1870-х гг. стал местом народных гуляний, уничтожен в начале 1920-х гг.

⁴³ Слово неразборчиво.

⁴⁴ Чехова Мария Павловна (1863–1957) – сестра А.П. Чехова. Педагог, художница, создательница и первый директор (с 1921 по 1957 г.) Дома-музея А.П. Чехова в Ялте.

⁴⁵ Примыкающая к берегу часть мола.

⁴⁶ Общество пролетарского туризма и экскурсий.

обороны с некоторыми заменами)⁴⁷ и на Исторический бульвар (трамвай). Там хороша Панорама обороны⁴⁸; все в восхищении, только декорации под картиной, должно быть, выцвели и сильно разнятся от неё самой.

Женя измучилась. Едва вернулись в военную базу и там успели перехватить 2 хороших обеда по 2 руб. (в базе ОПТЭ нам не дают – не признают экскурсией). Потом вдвоём осмотрели Приморский бульвар, сидели и спали на лавочке перед памятником кораблей, купаться поленились, да и холодный воздух и не знаем где. Напились чаю с закуской и рано легли спать. Хороши виды с бульвара. Графская пристань цела, красива, на ней красные моряки и теплолодки⁴⁹. Зовётся «III Интернационал». Памятник Нахимову снят, заменяется другим.

12.X [1932 г.]

Спали лучше предыдущей ночи, в женской и мужской палатах с приличным воздухом. Женю кусали клопы, она не смыкала [глаз]. Решили затратить по 85 коп. на завтрак (нашу экскурсию признали в доме ОПТЭ и дают еду), получил по командировке 1 кг хлеба 18 коп. и консервы анчоусы 1 [руб.] 30 [коп.]; на базаре хлеб 6–7 руб. Купили 6 шт. помидор на 1 руб. Собрались со студентами и пошли пешком в Херсонес – около часа по жаре. Там пристали к чужому руководителю, видели крепостн[ую] стену, монетн[ый] двор, античн[ый] музей, храм Владимира (крест, иконостас и пр[очее] убраны, осталась стенная живопись, яркая, но неважная), развалины города. Назад по пыли и жаре. Рядом крепостн[ой] район. Оригинально – в ограду пускают лишь группами не менее 3 человек, которые не имеют права разбиваться. Пообедали в базе военной по 2 руб. – хорошо. Посидели, искупались на бетон[ном] пляже (с Женей) института Сеченова⁵⁰. Замечательно хорошо – и устройство, и вода (19°C), и солнце (печёт), и дно (скала с водорослями). Оттуда

⁴⁷ См. сноску № 8.

⁴⁸ Имеется в виду открытая в 1905 г. Панорама «Штурм 6 июня 1855 г.» (ныне – Панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.» в составе Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя).

⁴⁹ Так в документе.

⁵⁰ Имеется в виду Государственный клинический институт физических методов лечения им. И.М. Сеченова в Севастополе (ныне – Академический научно-исследовательский институт физических методов лечения, медицинской климатологии и реабилитации им. И.М. Сеченова в Ялте).

на вокзал, где благополучно сели по плацкартам (взяты ещё в Ялте). Воздух был замечательно прозрачен. Любовались по дороге Севастополем и Инкерманом. Женя очень устала, и у неё временами отчего-то болит желудок.

13.X [1932 г.]

Едем обратно по ж[елезной] д[ороге] Севастополь – Москва. Дополняю на память оборванные записи. Едем хорошо, жёсткий плацкарт. [...] Не хватило нам денег: ряд дополнит[ельных] расходов к общей стоимости: доп[олнительное] питание при переездах, доп[олнительная] плата за проезд Жени (местами), вообще более дорогая жизнь, чем думали. Взял с собой запасных 185 руб., ещё 5 руб. – разменяли в Ялте выигр[ышный] лотерейный билет Красн[ого] Креста (был у Жени в кошельке). Итого 190 руб. Везде экономим, особенно с Ялты, ничего не купили для Москвы (только 2¹/₂ кг винограда на 4 руб., бусы из ракушек и картинки детям). Едим на дорогу маловато: надобывали в домах хлеба, 1 банку консервов. Колбаса из дома отдыха и копчёный дельфин, купленный в Ялте, испортились. Осталось при отъезде из Севастополя 70 коп. Вообще, прожили хорошо, только Женя уставала, много ходить и носить тяжести при переездах (у неё тюк с подушкой, одеялом и сумка с виноградом и гальками для детей; у меня корзина и спинной мешок с продуктами и туалетом). Кажется, очень довольна поездкой. Сейчас после утреннего чая она перебирает виноград.

[...]

Общее

Голоду везде много. Мальчишки просят хлеба. Старички молчат.

Картинки. I. Севастополь перед вокзалом. Старик достал из урны 2 жестянки из-под консервов, попробовал их полизать. С досадой бросил, закурил.

[...]

ЦГА Москвы. Ф. Л-310. Оп. 1. Д. 205.
Л. 90–103 об., 107, 124.
Подлинник. Рукопись.

№ 8. Из записной книжки Н.М. Щапова – о поездке в Крым осенью 1932 г.

*Не ранее 14 октября 1932 г.*⁵¹

Поездка Украина – Крым. 23.IX–14.X [19]32 г.

Маршрут

24 [сентября]. Из Москвы.

[...]

5–6 [октября]. Ночь в Симферополе.

6–7 [октября]. Авто в Алушту через Симф[еропольский] ДКА⁵².

7–12 [октября]. Алушта. Южн[ый] берег. Ялта – Музей краевед[ения]. Алушка, Никитский сад, Гурзуф, Базы ЦДКА.

12 [октября]. Пароход до Севаст[ополя].

12–14 [октября]. Севаст[ополь] город, порт, флот, ист[орический] музей, Балаклава, Панорама. База ДКАФ.

14 [октября]. Поездом в Москву.

[...]

12.IX.[19]32 г. я вернулся в Москву из дома отдыха в Геленджике. До отъезда имел в виду после приезда или командировку с женой в [...] ⁵³, или экскурсию с ней же от Военно-инж[енерной] академии. 1-я не состоялась, во 2-й постарался участвовать. [Поездка] именно на Украину – Крым предполагалась 20.IX–7.IX, состоялась под № 4 с 23.IX. Другая [экскурсия] поехала 21.IX на Крым – Кавказ. Цена нашей – 128 руб. с человека, из них [половину] платит ВИА. Иждивенцы тоже могут. Та экскурсия собрала 21 человек, наша 7 человек. [...]

ЦГА Москвы. Ф. Л-310. Оп. 1. Д. 205. Л. 53 а, 65.

Подлинник. Рукопись.

⁵¹ Датировано по содержанию.

⁵² ДКА – Дом Красной Армии.

⁵³ Слово неразборчиво.

Вид на Графскую пристань в Севастополе. 24 мая 1902 г.

Фото Н.М. Щапова

ЦГА Москвы. А-1-51525

Во время обхода адмиралом строя моряков. Севастополь, 25 мая 1902 г. Фото Н.М. Шапова
ЦГА Москвы. А-1-51527

Прохождение моряков торжественным маршем перед адмиралом. Севастополь, 25 мая 1902 г.
Фото Н.М. Шапова
ЦГА Москвы. А-1-51528

Начальство, принимающее парад моряков в Севастополе. 25 мая 1902 г. Фото Н.М. Щанова
ЦГА Москвы. А-1-51530

Моряки после парада в Севастополе. 25 мая 1902 г. Фото Н.М. Щанова
ЦГА Москвы. А-1-51531

Вид на карусель вблизи
Исторического бульвара
в Севастополе. 25 мая 1902 г.
Фото Н.М. Шапова
ЦГА Москвы. А-1-51532

Матрос, занятый окраской
на броненосце «Ростислав».
Севастополь, 26 мая 1902 г.
ЦГА Москвы. А-1-51533

Воссоздание крепости «Севастополь» во второй половине XIX – начале XX в.

18 марта 1856 г. был подписан позорный для царской России Парижский трактат. Россия обязывалась не восстанавливать военный флот на Чёрном море и военные укрепления на побережье. В связи с потерей значения Севастополя как главной базы Черноморского флота в 1864 г. прекратила своё существование и крепость «Севастополь». Были расформированы последние артиллерийские роты, а их знаки отличия на головные уборы с надписью: «За Севастополь с 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года» переданы Керченской крепостной артиллерии.

Город и крепость представляли после окончания Крымской войны безрадостную картину: укрепления Южной стороны, портовые сооружения, адмиралтейство, доки, жилые дома были разрушены и сожжены. В строю остались только военные суда Черноморского флота, находившиеся в 1853–1856 гг. в Николаеве, Херсоне и в составе Дунайской флотилии. Главная сила флота была уничтожена руками самих моряков.

В 1856 г. из Николаева в Севастополь прибыла комиссия, целью которой был осмотр затопленных судов и изыскание средств их подъёма¹. Подъём судов начался в 1857 г. и продолжался до середины 1860-х гг.

По распоряжению Морского министерства в феврале 1860 г. Севастопольский порт был отнесён к портам 2-го разряда, в 1864 г. было упразднено звание севастопольского военного губернатора и город вошёл в состав Таврической губернии²: сначала в Симферопольский, затем в Ялтинский уезд.

Несмотря на условия Парижского мирного договора, Военное министерство предприняло ряд мер для безопасности Севастополя, который в это время начал действовать как торговый порт. В городе с начала 1860-х гг. стояли гарнизоном два пехотных полка 13-й пехотной дивизии и 13-я артиллерийская бригада. С 1865 г. в Севастополе тайно началась заготовка компонентов подводных мин, был организован склад Керченской крепостной артиллерии (78 970 пудов пороха и 143 467 снарядов).

Для строительства и ремонта зданий и сооружений Военного ведомства была создана Симферополь-

ская инженерная дистанция (управление в Севастополе). с 1869 г. ею командовал участник обороны Севастополя инженер-капитан К.Е. Геммельман, посвятивший городу долгие годы своей жизни (умер в 1898 г. генерал-лейтенантом, начальником инженеров Приамурского ВО).

В связи с тем что в городе постоянно находились части Морского и Военного ведомства, было сформировано Севастопольское комендантское управление. В его обязанности входило заведование делопроизводством, содержание арестованных нижних чинов, наблюдение за сохранностью зданий Военного ведомства в городе, организация караульной службы, учёт прибывающих и убывающих чинов.

1 марта 1871 г. подписанием Лондонского протокола отменялась нейтрализация Чёрного моря, ущемлявшая национальные интересы и достоинство России как державы Черноморской. Россия получила право держать военный флот на Чёрном море и строить военные укрепления на его побережье.

Тогда же принимается решение о строительстве частной Лозово-Севастопольской железной дороги, утверждаются устав и положение о ней³. Строительство дороги велось интенсивно, и в январе 1875 г. открылось движение поездов до Севастополя⁴. Связь с промышленными центрами России позволила быстро организовать восстановление необходимых, в первую очередь, военных объектов.

В 1875 г. Военный совет переименовал Симферопольскую инженерную дистанцию в Севастопольскую, присвоив ей 1-й класс⁵.

В 1870-х гг. Балканский полуостров вновь становится очагом войны. Из-за противодействия европейских государств примирения достичь не удалось, и на совещании в Ливадии в октябре 1876 г. было принято решение провести ряд внешнеполитических мероприятий, в случае же если они не принесут желаемого результата, начать немедленно войну с Турцией⁶.

³ Приказ по военному ведомству № 102 от 29.03.1873 г. Библиотека ФГБУК ГМГООС.

⁴ Циркуляр Главного штаба № 25 от 15.01.1875 г. Там же.

⁵ Приказ по инженерному корпусу № 48 §1 от 10.09.1875 г. Там же.

⁶ Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1977. С 30.

¹ РГА ВМФ. Ф. 920. Оп. 11. Д. 38.

² ФКУ РГВИА. Ф. 1149. Оп. 14. Д. 22. Л. 3, 4.

При подготовке города к обороне в основу был положен составленный проект генерал-адъютанта графа Тотлебена, в котором главным образом обращалось внимание на оборону Балаклавской и Камышовой бухт, служивших в 1855 г. базами английских и французских войск, а также на обеспечение связи между Северной и Южной сторонами главной бухты. Проектировалось сооружение семи крупных фортов с развитой системой траншей и батарей, усиление береговой обороны. Этим проектом предполагалось создать в Севастополе сильную сухопутную крепость⁷. Справедливости ради надо сказать, что идею укрепления близлежащих к городу бухт высказал ещё в мае 1793 г. инженер-полковник Деволант, но реализовать её тогда было невозможно из-за отсутствия средств⁸.

Исходя из проекта Тотлебена, ещё 10 сентября 1876 г. военный министр Д.А. Милютин переслал командиру Черноморского флота и портов вице-адмиралу Н.А. Аркасу записку «О мерах для ограждения Черноморских портов от покушений неприятельского флота»⁹. Согласно записке следовало оградить Севастопольскую и Балаклавскую бухты минами и возвести в срочном порядке несколько береговых батарей.

К началу войны (объявлена Россией 12 апреля 1877 г.) Севастополь был надёжно защищён от внезапного нападения неприятельской эскадры. Вход в севастопольские бухты прикрывало девять береговых батарей с 62 орудиями. Орудия и артиллеристы были переброшены из Кронштадта, Динабурга, Новогоргиевска, Свеаборга, Выборга и Бобруйска, в помощь им выделили солдат из пехотных полков, квартировавших в городе. Начальником береговых батарей был назначен подполковник М.И. Пивоваров, впоследствии генерал от артиллерии, комендант Севастопольской крепости, много сделавший для увековечения памяти героев первой обороны.

Вход в Севастопольскую и Балаклавскую бухты преграждали 298 мин, ещё 154 мины предназначались для установки перед Карантинной, Стрелецкой и Камышовой бухтами¹⁰. Так были созданы минно-ар-

тиллерийские позиции, получившие широкое распространение в последующие войны.

Между батареями, а также к Херсонесскому и Тарханкутскому маякам протянули телеграфные линии, а для освещения в ночное время неприятельских судов на батареях установили три осветительных аппарата.

Севастополь стал надёжной базой флота. Сюда приходил после боевых операций пароход «Константин» под командованием талантливого командира С.О. Макарова, после боя с турецким броненосцем вернулся израненный вооружённый пароход «Веста», и здесь похоронили его погибших офицеров и матросов.

13 августа 1878 г. преследовавшие русский пароход «Ливадия» два турецких броненосца подошли к Севастополю и открыли огонь по городу. После нескольких залпов наших береговых батарей турецкие броненосцы, не ожидавшие отпора, поспешно ушли в море.

Высокую подготовку севастопольские артиллеристы показали и в марте 1878 г., во время инспекции генерал-адъютанта Баранцова. Отличных результатов стрельбы по движущимся в море мишеням удалось достичь благодаря высокой выучке артиллеристов, а также оснащению батарей новинками того времени, гальваническими дальномерами¹¹.

После подписания в 1878 г. в Берлине мирного договора через Севастополь из Болгарии и далее по железной дороге было переброшено около 200 тыс. солдат и офицеров с лошадьми, артиллерией и обозами и 16 тыс. раненых. Из города пароходами в Турцию перевезли около 60 тыс. пленных турецких солдат.

В 1881 г. Особое совещание, созванное для решения важнейших задач строительства флота, постановило: «Первой заботой по восстановлению морских сил должно быть возрождение Черноморского флота, а затем уже и развитие флота и на других морях». Разработанная кораблестроительная программа (пересмотренная в 1885 г.) намечала постройку в течение 20 лет для Черноморского флота большого количества боевых судов¹². В связи с этим перед возрождающейся крепостью «Севастополь»

⁷ ФКУ РГВИА. Ф 802. Оп 2. Д 836. Л. 92.

⁸ И.Ф. Предсказание об обороне Севастополя, относящееся к XVIII столетию // Инженерный журнал. 1908. № 8. С. 973, 974.

⁹ Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1899. Вып. 17. С. 23–27.

¹⁰ Там же. С. 114, 115, 117.

¹¹ Приказ по артиллерии № 45 от 05.04.1878. Библиотека ФГБУК ГМГООС.

¹² Мусеев С.П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917). М., 1948. С. 16.

ставились новые задачи. С целью улучшения минной обороны были сформированы управления начальников минной части Балтийского и Черноморского побережья и четыре минные роты, причём одну из них сформировали в Севастополе. Все минные заграждения, установленные в ходе Русско-турецкой войны, требовалось проверить и исправить, для чего были приобретены два паровых катера и гребные суда, а на устройство минных заграждений было ассигновано 212 тыс. руб.¹³

В 1880-х гг. в Севастополе проводились удачные испытания подводных мин и мин Уайтхеда (торпед) для обороны проходов с берега. На эти цели в 1881 г. выделялось 200 тыс. руб.

В 1885 г., вследствие возникшего конфликта с Англией по поводу разграничений у Афганистана, вопрос об укреплении Севастополя был рассмотрен на Особом совещании под предводительством военного министра. В постановлении от 3 мая по вопросу «О дальнейшем развитии обороны Севастополя» совещание решило не распространять береговую оборону Южной стороны западнее Херсонесской бухты, Стрелецкую бухту держать под сильным артиллерийским огнём и возле батареи № 12 построить мощное сомкнутое укрепление. На Северной стороне планировалось добавить мортиры большого калибра, а на батареях обоих берегов – скорострельные пушки. Следовало продолжать перестройку временных батарей в долговременные.

Для сухопутной обороны было решено построить восемь временных укреплений на Южной и четыре на Северной стороне, а также для обороны вероятных мест высадки неприятеля возвести отдельные укрепления у Балаклавской и Камышовой бухт.

Принятое решение по сухопутной обороне выполнить не удалось по экономическим причинам и из-за изменения политической обстановки, но оно легло в основу более поздних решений¹⁴.

Взамен этого командующий войсками Одесского ВО генерал от инфантерии Реон предложил провести фортификационную подготовку позиций и исправить береговые земляные батареи. Эту задачу выполнили солдаты 5-й сапёрной бригады¹⁵.

Для несения службы на батареях в апреле 1886 г. в Севастополе было сформировано управление крепостной артиллерии и один крепостной артиллерийский батальон пятиротного состава, а управление склада артиллерийского имущества расформировано¹⁶.

На следующий год знаки отличия на головные уборы с надписью: «Севастопольскому артиллерийскому гарнизону за Севастополь с 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года» были возвращены из Керченской крепости и присвоены вновь Севастопольскому крепостному артиллерийскому батальону¹⁷.

Шла усиленная подготовка к возрождению крепости. В 1887 г. принимается очень важный документ – «Правила о производстве ремонтных работ в укреплениях г. Севастополя»¹⁸. В 1889 г. для несения караульной службы и охраны военных объектов 59-й резервный пехотный батальон был переформирован в Севастопольский крепостной пехотный батальон.

К 1890 г. Севастополь имел в своих бухтах внушительную эскадру, сюда из Николаева были переведены штаб Черноморского флота и другие управления. Город, снова ставший базой Черноморского флота, нуждался в мощной защите с суши, и 17 мая 1890 г. Севастополь был объявлен крепостью 3-го класса¹⁹.

В 1890 г. комитет по обороне крепости «Севастополь» выработал новый проект обводной позиции вокруг города, утверждённый затем военным министром при посещении Севастополя. Но и этот план пересматривался неоднократно, в результате крепость усиливалась обороной прибрежной части, а начатые работы по укреплению крепости с суши так и не были закончены.

Необходимо здесь оговорить, что такое крепость с точки зрения военной науки конца XIX в. Крепость – это стратегический пункт, укреплённый средствами долговременной фортификации и снабжённый постоянным гарнизоном, вооружением и управлением. Севастополь относился к категории больших приморских крепостей, служивших базами для линейного флота²⁰.

Во главе крепости стоял комендант, а исполнительными органами являлись крепостной штаб,

¹⁶ Циркуляр Главного штаба № 86 от 04.05.1886. Библиотека ФГБУК ГМГООС.

¹⁷ Приказ по артиллерии № 42 от 29.03.1887. Там же.

¹⁸ Приказ по инженерному корпусу № 17 §9 от 12.06.1887. Там же.

¹⁹ ФКУ РГВИА. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 130.

²⁰ *Голенкин Ф., Яковлев В.* Долговременная фортификация. СПб., 1912. С. 5, 9, 15.

¹³ Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1879 г. СПб., 1881. Прил. 4. С. 23.

¹⁴ ФКУ РГВИА. Ф. 802. Оп. 2. Д. 836. Л. 94, 95.

¹⁵ Приказ по инженерному корпусу № 29 от 15.09.1888. Библиотека ФГБУК ГМГООС.

крепостные артиллерийское и инженерное управления. Войска гарнизона состояли из всех родов оружия и различных вспомогательных команд. Число артиллеристов рассчитывалось в среднем по десять человек на орудие. Инженерные части в крепости предназначались для заведования некоторыми специальными учреждениями, производства специальных работ, руководства оборонительными работами. В их состав входили сапёрные и минные роты, воздухоплавательные части, крепостной телеграф, голубиная почта. На штаб замыкались комендантское, строевое и интендантское отделения, госпитальная часть, пожарная команда, крепостная жандармская команда, контрразведывательное отделение, крепостной священник²¹.

Структура Севастопольской крепости формировалась следующим образом. В 1890 г. для устройства и содержания в военное время подводных минных заграждений минная 4-я рота была переформирована в Севастопольскую крепостную минную роту²². В сентябре следующего года Севастопольскую инженерную дистанцию преобразовали в Крепостное инженерное управление²³. Непосредственно возведением новых батарей, крепостных сооружений, а также перестройкой и ремонтом зданий инженерного ведомства занималось хозяйственное отделение через подрядчиков. Было создано временное управление строителя Севастопольской крепости во главе с начальником инженеров крепости. В крепостных инженерных управлениях служили только офицеры, окончившие Николаевскую инженерную академию и имевшие звание военных инженеров. Возведением укреплений в Севастополе руководили военные инженеры И.И. Вьюнников, А.А. Григоренко, В.Р. Гулишамбаров, Исаев, П.Е. Козловский, А.Н. Колосов, А.Д. Лебедев, Н.П. Лебедев, К.К. Лихарев, В.А. Нецветаев, С.И. Панской, Н.И. Третеский, Ф.-О.И. Энберг и другие.

В 1891 г. была сформирована Севастопольская крепостная сапёрная рота²⁴, в 1892 г. – 2-й крепост-

ной артиллерийский батальон, в 1893 г. – военно-голубиная станция IV разряда²⁵, в январе 1894 г. «открыла своё действие» Севастопольская крепостная жандармская команда²⁶, которая предназначалась для надзора за чинами крепости.

Обострение международной обстановки в Европе в начале 90-х годов²⁷ заставило царское правительство увеличить ассигнования на строительство Севастопольской крепости и усилить темпы возведения новых железобетонных береговых батарей. К началу 1896 г. береговая оборона состояла из бетонно-земляных 11- и 9-дюймовых батарей № 1, 3, 4, 7, 8, 10, 12 и 13 на 71 орудие и № 2, 5, 6, 9 и 11 батарей временной профили постройки 1877 и 1885 гг. на 56 орудий. Всего на береговых батареях стояло 127 орудий²⁸.

Сухопутная оборона состояла из восстановленного Северного укрепления и пяти передовых Тотлебенских люнетов. В 1895 г. комиссия генерал-лейтенанта Боголюбова признала необходимым построить опорный пункт в верховьях Стрелецкой балки на высоте 24. Однако этот форт на роту пехоты при 10 полевых орудиях построили только в 1902–1905 гг. и назвали «Форт литер А» (известен под названием «Форт литер 5-А»). Одновременно в районе Бельбекской группы батарей южнее Любимовки был построен «Форт литер Б».

В 1895 г. для перевозки тяжестей и улучшения снабжения береговых батарей проложили крепостное шоссе от Артиллерийской бухты до батарей № 12 и 13 над Карантинной бухтой и на Северной стороне переносную узкоколейную железную дорогу Дольберга²⁹.

В 1896 г. Севастопольская крепость была переведена во 2-й класс³⁰.

В 1903 г. строятся телефонно-телеграфные сети, заработал Севастопольский крепостной военный те-

²¹ Клокачев Г. Крепостная война или атака и оборона крепости. СПб., 1904. С. 2; Он же. Краткий курс атаки и обороны крепости линейным корпусом. СПб., 1913. С. 1.

²² Приказ по инженерному корпусу № 10 §2 от 21.04.1890. Библиотека ФГБУК ГМГООС.

²³ Приказ по инженерному корпусу № 52 от 21.09.1891. Там же.

²⁴ Приказ по военному ведомству № 256 от 03.09.1893. Там же.

²⁵ Приказ по военно-инженерному ведомству № 15 §2 от 12.12.1891. Библиотека ФГБУК ГМГООС; Циркуляр Главного штаба № 285 от 19.12.1894. Там же.

²⁶ Циркуляр Главного штаба № 16 от 18.01.1894. Там же.

²⁷ Приказ по военному ведомству № 256 от 03.09.1893. Там же.

²⁸ ФГУ РГВИА. Ф. 802. Оп. 2. Д. 836. Л. 95, 96.

²⁹ Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1895 г. СПб., 1897. Прил. 4. С. 65.

³⁰ Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1896 г. СПб., 1898. С. 86.

леграф 1-го разряда³¹, были сформированы крепостные пожарные команды на Северной стороне 1-го разряда и на Южной – 2-го разряда³².

Следует отметить, что Севастопольская крепость с конца XIX в. становится как бы испытательным полигоном новой военной техники и различных усовершенствований. Здесь проводились опытные стрельбы из орудий, «приспособленных для воспламенения зарядов посредством электричества», испытывались световые телеграфы, приборы капитана Нилуса и подполковника Набокова, телефонные станции Эриксона и Кучерова, лафеты системы подполковника Рассказова и капитана Дурлахера, фотоаппаратура и многое другое. Севастопольские офицеры-артиллеристы вносили усовершенствования и изобретали приборы. Капитан Никольский предложил новую систему дальности, была введена новая система рам для хранения снарядов, по предложению полковника Чижикова переделали подъёмы для установки орудий, подполковник Катранов придумал новую конструкцию вьючного седла. Начальник артиллерии крепости генерал-майор Г.П. Коркашвили написал и издал в 1912 г. книгу «Сборник сведений по стрельбе береговой артиллерии».

В начале XX в. при Севастопольской крепостной артиллерии существовало научно-техническое общество.

С конца XIX в. в армии стало активно применяться электричество. Для Севастопольской крепости закупили динамо-машину Сименса и паровой двигатель Герца. С 1893 г. начались работы по прокладке кабеля для дальномеров, с 1899 г. – работы по установке прибора де-Шарьера для дистанционного управления групповым огнём батарей. Эти работы шли медленно, и только в 1904 г. на заседании Артиллерийского комитета было поручено полковнику Перскому «исполнить в Севастополе все соединения батарейных шкафов с кабелем и последнего с центральным индикатором прибора де-Шарьера по составленной им же схеме»³³.

Осложнение международного положения на Дальнем Востоке потребовало от России строительства на Тихоокеанском побережье крепости и увеличения там воинских контингентов. В середине 1899 г.

в Порт-Артур была переведена 5-я рота Севастопольской артиллерии³⁴, в апреле 1904 г. во Владивосток отправлена 6-я рота³⁵, в октябре того же года во Владивосток отправлен 2-й батальон³⁶, в июле на Дальний Восток направлены 5-я и 6-я горные батареи 13-й артиллерийской бригады³⁷, а также были переведены для формирования новых полков роты 49-го Брестского и 50-го Белостокского пехотных полков. Вместо убывших сформировали новые части. В связи с Русско-японской войной приказом по Военному ведомству крепостные артиллерии приморских крепостей были приведены в усиленно-мирный состав. В 1904 г. для усиления обороны с моря на берегу, у Херсонесского монастыря, срочно построили две батареи 6-дюймовых пушек Канэ, однако в дальнейшем они не использовались³⁸.

После поражения России в Русско-японской войне состояние приморских крепостей неоднократно рассматривалось на Особых совещаниях.

В Севастополе, в районе Херсонесского монастыря, рядом с батареями № 12 и 13, были построены для 1-го батальона крепостной артиллерии казармы и офицерские флигеля. Шла подготовка вдоль побережья минных позиций и минных станций (дистанционное управление взрывами групп мин). В 1910 г. Севастопольская крепостная минная рота была переименована в 1-ю Севастопольскую крепостную минную роту, а из бывшей Михайловской минной роты (в Батуме) сформировали 2-ю Севастопольскую крепостную минную роту³⁹. В ходе Первой мировой войны минные роты были сведены в крепостной минный батальон, в крепость перевели Керченскую крепостную минную роту.

В 1910 г. была сформирована 8-я воздухоплавательная рота для корректировки и наблюдения учебных стрельб артиллерийских батарей Севастопольской крепости, она располагалась в помещениях бывшей Константиновской батареи. В 1912 г. роту переформировали во 2-ю авиационную роту в составе 14-го и 15-го корпусных авиационных отрядов, а имущество её переправили в Петербург. В конце

³⁴ Приказ по военному ведомству № 69 от 08.03.1889. Библиотека ФГБУК ГМГООС.

³⁵ Приказ по артиллерии № 49 от 26.04.1904. Там же.

³⁶ Приказ по артиллерии № 152 от 26.10.1904. Там же.

³⁷ Приказ по артиллерии № 98 от 12.07.1907. Там же.

³⁸ Архив ФГБУК ГИАМЗХТ. Д. 41. Ед. хр. 558. Л. 2.

³⁹ Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. 14. С. 358.

³¹ Циркуляр Главного штаба № 131 и № 132 от 26.09.1903. Библиотека ФГБУК ГМГООС.

³² Циркуляр Главного штаба № 144 от 30.05.1903. Там же.

³³ Артиллерийский журнал. 1905. № 4. Часть оф. С. 757.

1913 г. авиационная рота была переброшена в Варшаву.

В годы Первой мировой войны в крепости находился отряд дирижаблей, для обслуживания которого прикомандировывались роты дружин Государственного ополчения.

Принятых ранее мер было недостаточно для организации обороны главной базы флота. Серьёзные работы начались в крепости только с 1910 г., одновременно были упразднены Керченская и Михайловская (в Батуме) крепости. Продолжилось строительство береговых батарей от Казачьей до Балаклавской бухт (Балаклавская группа) калибром 152 и 203 мм, в Бельбекской группе батарей, в районе современной Любимовки, была заложена 305-миллиметровая башенная батарея, и для прикрытия её начато строительство Бельбекского форта. Сооружение этой батареи было закончено в годы советской власти, и она вошла в историю второй обороны Севастополя под № 30. На Балаклавских высотах начали возводить два форта – Южный и Северный, каждый на батальон пехоты. Вдоль побережья выстроили систему наблюдения в виде бронеконкретных колпаков.

С лета 1910 г. в Севастопольской крепости стали проводиться практические стрельбы батарей крупного калибра и стрельбы в составе групп батарей, в этом же году практические стрельбы в Севастополе начало проводить береговое отделение Крепостного отдела Офицерской артиллерийской школы⁴⁰.

К началу Первой мировой войны в крепости 1-го класса имелось свыше 300 орудий, из них 189 – на береговых батареях⁴¹, сведённых в крепостной артиллерийский полк. На Северной стороне находились батареи № 1, 2 (Волхова башня), 3 (Карташевского), 4, 5, 6, 7, 16 (генерал-лейтенанта Хрулёва), 24 и 25; на Южной стороне – № 9 (Александровская), 10, 11, 12, 13, 14, 15 (великого князя Михаила Николаевича), 18, 19, 20, 21, 22 (великого князя Николая Николаевича), 23 и 24⁴². В состав крепостной артиллерии входил крепостной артсклад (нестроевая, электротехниче-

ская и телефонно-наблюдательная роты). На территории Севастополя располагался Южный химический полигон Главного артиллерийского управления.

Крепостное инженерное управление включало в себя крепостной минный батальон, Керченскую крепостную минную роту, 1-ю и 2-ю Севастопольские крепостные сапёрные роты, военный телеграф, голубиную станцию, две пожарные команды, крепостную автомобильную команду.

В гарнизон крепости входила Севастопольская военно-авиационная школа (с филиалом на р. Бельбек), прикрывали крепость 1, 2 и 5-й воздушные отряды Черноморской воздушной дивизии (с 1916 г.).

С марта 1917 г. была введена должность морского помощника командира Севастопольской крепостной артиллерии (с правами командира полка) в связи с переподчинением крымских прибрежных батарей от Тендеровского залива до Чогудинского маяка команданту крепости «Севастополь». Через несколько месяцев эти батареи были сведены в полк прибрежных батарей Крымского побережья.

В ходе войны в крепости было сформировано Военно-санитарное управление и при нём 1-й и 2-й временные крепостные госпитали, Интендантское управление с продовольственными магазинами и вещевым складом.

С объявлением войны 1 августа 1914 г. на фронт из Севастополя ушли 49-й Брестский и 50-й Белостокский пехотные полки 13-й пехотной дивизии и 13-я артиллерийская бригада. Для охраны военных объектов и крепостных работ в Севастополе была сформирована Сводная бригада государственного ополчения в составе 455, 470, 474, 514, 557, 564, 569 и 572-й пеших дружин, 24-й рабочий батальон, 85, 86 и 88-я крепостные ополченческие рабочие роты.

В 1916 г. по приказу начальника Морского штаба верховного главнокомандующего в Севастополе началось формирование для десантной операции на Босфор Отдельной Черноморской морской дивизии в составе четырёх полков, конной сотни, тяжёлого артиллерийского дивизиона и других подразделений⁴³.

Для Севастополя война началась 29 октября 1914 г., когда к городу подошёл германо-турецкий крейсер «Селим» («Гёбен») и на рассвете открыл огонь по рейду и береговым батареям. Береговые

⁴⁰ Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1910 г. СПб., 1912. Отчёт ГАУ. С. 14, 15.

⁴¹ Репков Л.Г. Береговая артиллерия в обороне Севастополя 1941–1942 гг. // Архив ФГБУК ГМГООС. Оп. 2. Д. 234. Л. 15.

⁴² Приказ войскам Севастопольского гарнизона и крепости «Севастополь» от 29.01.1917 (расчёт караулов на февраль). Библиотека Военно-исторического музея КЧФ.

⁴³ Приказ войскам Севастопольского гарнизона и крепости «Севастополь» № 481 от 18.09.1917. Библиотека Военно-исторического музея КЧФ.

батареи крепости ответили огнём, и крейсер, получив три попадания снарядов крупного калибра, сразу ушёл из-под обстрела в сторону м. Фиолент. В ноябре 1914 г. за отличную стрельбу был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени штабс-капитан Севастопольской крепостной артиллерии Александр Миронович⁴⁴.

⁴⁴ Морской сборник. 1915. № 1. С. 191.

Крейсер во время стрельбы ходил по минному полю, однако из-за халатности морского командования батареи минных станций были включены поздно.

Сильно пострадавшая в годы Гражданской войны крепость «Севастополь» начала возрождаться после 1925 г., и многие батареи, модернизированные в годы первых пятилеток, громили фашистов в 1941–1942 гг.

С.М. Шевченко, П.М. Ляшук

Род Горенко в Севастополе: новые данные к родословной Анны Ахматовой

Анна Андреевна Горенко, впоследствии – выдающаяся русская поэтесса Анна Ахматова, в 1896–1916 гг. часто гостила в Севастополе в доме своего деда, Антона Андреевича Горенко, жившего на Екатерининской улице, 12.

Антон Андреевич является первым представителем рода Горенко, чьё пребывание в Севастополе подтверждается документами. В. Лобыцын и В. Дядичев в статье «Три поколения Горенко»¹ утверждают, что «вся его жизнь и служба прошли» в этом городе. Однако факт рождения Антона Горенко в Севастополе 7 августа 1818 г. документально не подтверждён. С 1832 по 1842 г. Антон Андреевич служил юнгой в Черноморском артиллерийском училище, затем унтер-офицером во 2-м учебном Морском экипаже, который был расквартирован в Николаеве. И только будучи произведён 19 апреля 1842 г. в прапорщики и назначен в 13-й ластовый экипаж, А. Горенко прибыл в Севастополь². Указом Правительствующего Сената на имя начальника Главного Морского штаба князя А.С. Меншикова за № 4482 по прошению отца, прапорщика Николаевских морских арестантских рот Андрея Горенко, на основании 25-й статьи 9-го тома Свода Законов Российской империи Антон Горенко уже получил потомственное дворянство, хотя и родился в семье «унтер-офицера Егерского полка»³.

¹ Лобыцын В., Дядичев В. Три поколения Горенко // Морской сборник. 1995. № 3. С. 88.

² Памятная книжка Морского ведомства на 1853 г. СПб., 1853. С. 31.

³ Черных В.А. Родословная А.А. Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Симферополь, 2001. С. 5.

Это произошло 22 марта 1840 г.⁴ Как правило, до 11 июня 1845 г. потомственное дворянство получали лишь дети, родившиеся после присвоения их отцу первого офицерского чина, а остальные зачислялись в особое сословие «обер-офицерских детей». Однако при отсутствии у офицера детей мужского пола, родившихся после получения офицерского чина, он имел возможность передать право потомственного дворянства любому из сыновей, родившихся до этого⁵. Это и произошло с Антоном Горенко. Таким образом, сведения, приводимые В.А. Черных в родословной Анны Ахматовой о получении А.А. Горенко потомственного дворянства в 1858 г., после награждения орденом Св. Владимира 4-й степени за 25 лет выслуги в обер-офицерских чинах, неверны⁶.

Исследования последнего времени, проведённые на базе документов Севастопольского архива, позволяют ввести в научный оборот новые сведения об истории рода Горенко.

8 ноября 1844 г. в Адмиралтейском соборе г. Севастополя прапорщик 13-го ластового экипажа Антон Андреевич Горенко был обвенчан с девицей Ириной Ивановной Ворониной, дочерью прапорщика 2-го военно-рабочего арестантского батальона. Жених и невеста указали, что им по 26 лет, оба православные, сочетаются первым браком⁷. Спустя полтора года, 21 июня 1846 г., в семье Горенко родился первый ребёнок – дочь Мария. Её крёстным отцом 24 июня

⁴ ГКУ РК ГАРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6887. Л. 1.

⁵ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 193. С. 29.

⁶ Черных В.А. Родословная А.А. Ахматовой. С. 13.

⁷ ГКУ АГС. Ф. 23. Оп. 1. Д. 39. Л. 131 об.

1846 г. стал подполковник Василий Степанович Харичков⁸.

Второй ребёнок в семье и старший из пяти сыновей, Андрей, родился 13 января 1848 г. в Севастополе. Восприемником будущего отца Анны Андреевны Горенко в метрической книге Адмиралтейского собора 25 января 1848 г. был записан командир 13-го ластового экипажа полковник В.С. Харичков⁹. В том же соборе 29 января 1850 г. был крещён и Пётр Горенко, родившийся 16 января того же года¹⁰.

До начала первой обороны города в семье подпоручика Антона Андреевича Горенко родились 2 февраля 1852 г. сын Леонид¹¹ и 6 февраля 1854 г. дочь Анна¹². Крещены они были в Петропавловской церкви морского госпиталя г. Севастополя.

После высадки союзных войск в Крыму, с 13 сентября 1854 г. по 18 июня 1855 г., подпоручик 4-го ластового экипажа Черноморского флота (с 1851 г.) А. Горенко находился в гарнизоне осаждённого Севастополя. Из послужного списка Антона Андреевича известно, что «ранен и в плену неприятеля» он не был. «Находился в действительном сражении 5 октября 1854 г. на Николаевской батарее (район современного Приморского бульвара и водной станции) при отражении соединённого неприятельского флота против Севастопольских береговых укреплений и 24 октября 1854 г. в усиленной рекогносцировке против неприятельских укреплений на Инкерманских высотах (в Инкерманском сражении)»¹³. Какую должность исполнял подпоручик Горенко в Севастополе, пока не установлено. Ластовые экипажи относились к нестроевым командам и в гарнизоне города использовались для доставки грузов на ластовых судах, восстановления укреплений, для транспортировки раненых и т.п. За вклад в оборону города Антон Андреевич был «Всемилоостивейшее пожалован в 13-й день апреля 1855 г. орденом Св. Анны 3-й степени с бантом и мечами в воздаяние отличной храбрости и мужества»¹⁴.

17 июня 1855 г. из Севастополя в Николаев выступил «сухопутный транспорт» с ранеными нижними чинами Морского ведомства «в количестве 247 чи-

нов при морском медике Довгяло и конвоире 4-го ластового экипажа подпоручике Горенко». Согласно официальным сведениям, «по пути умерших не было; оставлено же в разных местах за слабостью сил 18 больных. Прибыли в Николаев 28 июня»¹⁵.

До конца обороны Севастополя Горенко в город не возвращался. Можно предположить, что семья Антона Андреевича в это время находилась также в Николаеве. До конца 1861 г. он служил в Николаеве сначала «старшим адъютантом в штабе начальника дивизии Черноморского флота (1857–1859), а затем – старшим адъютантом в штабе начальника дивизии Черноморских флотских экипажей (1860)»¹⁶. В конце 1860 г. поручика по ластовым экипажам Антона Горенко назначают смотрителем Севастопольского морского госпиталя, и он снова возвращается в Севастополь, на этот раз – навсегда¹⁷.

В начале 1864 г. штабс-капитан Антон Горенко подаёт прошение на имя императора Александра II о внесении его с семейством в родословную книгу Таврической губернии. После рассмотрения прошения указами Правительствующего Сената по департаменту герольдии № 2869 от 12 мая 1864 г. и № 3326 от 15 сентября 1865 г. Антон Андреевич, его жена Ирина Ивановна, а также сыновья Андрей, Пётр, Леонид, Михаил и Владимир были утверждены потомственными дворянами Симферопольского уезда Таврической губернии и внесены во 2-ю часть родословной книги¹⁸. Это давало некоторые привилегии для детей, прежде всего при помещении их в определённые учебные заведения и при дальнейшей служебной деятельности.

В должности смотрителя Севастопольского морского госпиталя А. Горенко состоял до 1873 г. Затем был назначен смотрителем казённых земель и садов Севастопольского порта. «Уволен от службы» А.А. Горенко в апреле 1887 г. «с мундиром и пенсией» полковником по Адмиралтейству¹⁹.

Подтвердить факт смерти полковника Антона Горенко 26 апреля 1891 г., указанный в эпитафии на могильной плите родового склепа Горенко на город-

⁸ ГКУ АГС. Ф. 23. Оп. 1. Д. 46. Л. 65 об.

⁹ Там же. Д. 52. Л. 10 об.

¹⁰ Там же. Д. 57. Л. 9 об.

¹¹ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 34. Л. 5 об.

¹² Там же. Д. 37. Л. 5 об.

¹³ ГКУ РК ГАРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6887. Л. 5–8.

¹⁴ Морской сборник. 1855. № 5(II). Отдел I. С. XLVII.

¹⁵ Морской сборник. 1855. № 5(II). Отдел I. С. 471.

¹⁶ ГКУ РК ГАРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6887. Л. 5–8.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Д. 6846. Л. 4–5; Д. 6849. Л. 53.

¹⁹ Лобыцын В., Дядичев В. Три поколения Горенко // Морской сборник. 1995. № 3. С. 88.

ском кладбище²⁰, пока не представляется возможным. В Государственном казённом учреждении «Архив города Севастополя» сохранились метрические книги за 1891 г. не всех севастопольских церквей.

Портрет подпоручика А.А. Горенко, как участника первой обороны Севастополя 1854–1855 г., упомянут под номером 982 в «Историческом каталоге музея Севастопольской обороны»²¹.

Обратимся к судьбе других членов семьи Горенко.

Жена Антона Андреевича – Ирина Ивановна (г.р. 1818). Скончалась 4 января 1898 г., о чём «с душевным прискорбием» извещала родных и знакомых её дочь, Мария Антоновна, в газете «Крымский вестник» за 6 января 1898 г.²² Подтверждения факта смерти в метрических книгах севастопольских церквей не обнаружено.

В Государственном казённом учреждении «Архив города Севастополя» материалов о Марии Антоновне (род. 21.06.1846), Андрее Антоновиче (род. 13.01.1848) и Анне Антоновне Горенко (род. 06.02.1854) выявить не удалось.

Однако известно, что брак Андрея Антоновича Горенко с матерью Анны Ахматовой – Инной Эразмовной – являлся его вторым браком. Андрей Горенко был «женат первым браком на дочери умершего капитана Васильева – девице Марии» и имел «сыновей – Николая, родившегося 17 мая 1875 г., и Антона, родившегося 7 января 1878 г.»²³, о судьбе которых биографам Ахматовой ничего не было известно. Это выглядит несколько странным, поскольку в 1910 г. В.И. Чернопятов опубликовал эпитафию, списанную им на Севастопольском городском православном кладбище: «Сын лейтенанта Горенко Николай, умер 25 декабря 1885 г. на 11 году от роду»²⁴.

Известно, что третий ребёнок, Пётр Андреевич Горенко (род. 16.01.1850), в 1864 г. учился в Симферопольской гимназии²⁵. Он скончался 13 февраля 1894 г. в Севастополе в чине титулярного советника в возрасте 44 лет от «чахотки лёгких». Отпевание со-

стоялось 14 февраля в церкви Всех Святых, погребение – на городском кладбище (возможно, в родовом склепе)²⁶.

Леонид Антонович Горенко (02.02.1852 – 07.01.1891) захоронен в склепе на Севастопольском городском кладбище с отцом и матерью. Дата смерти взята с надгробия.

Владимир Антонович Горенко родился 3 июня 1858 г., предположительно в Николаеве. В «Памятной книге по Одесскому учебному округу на 1881 год» упоминается «состоящим в 12 классе учителем математики Евпаторийской гимназии с жалованьем 349 руб. в год. Православный, получивший домашнее образование, состоял в должности с 21 сентября 1879 г., в службе со 2 сентября 1879 г.»²⁷. На 1891 г. Владимир Антонович имел чин титулярного советника²⁸.

На Севастопольском городском кладбище захоронен его сын Константин, умерший в возрасте 4 лет²⁹. Эпитафия с надгробия также опубликована В.И. Чернопятовым: «Младенец Константин Горенко, умер 25 марта 1891 г.»³⁰.

Надежда Антоновна Горенко (род. 23.01.1861). В «Адрес-календаре Севастопольского градоначальства на 1911 год» указано, что Горенко Надежда Антоновна, дочь полковника, проживала по адресу: Малая Морская, 45 (ныне ул. Володарского)³¹. Один из руководителей севастопольской организации партии социалистов-революционеров, С.А. Никонов, в своих воспоминаниях писал: «Теперь перейду к коренным севастопольцам, принимавшим участие в нашей организации, кроме молодёжи из кружка Мельникова, у нас были ещё многочисленные помощники севастопольцев. Из них особенно выделялась учительница начальной школы Надежда Антоновна Горенко из семьи севастопольских старожилов... Надежда Антоновна принадлежала к типу очень скромных, но в высшей степени полезных сотрудников, готовых исполнять всякое поручение. Кроме революционной

²⁰ Личный осмотр авторами Севастопольского городского кладбища.

²¹ Исторический каталог музея Севастопольской обороны. Пг., 1914. С. 112.

²² Крымский вестник. 1898. 6 января.

²³ Черных В.А. Родословная А.А. Ахматовой. С. 17.

²⁴ Чернопятов В.И. Некрополь Крымского полуострова. М., 1910. С. 105.

²⁵ ГКУ РК ГАРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6887. Л. 8.

²⁶ ГКУ АГС. Ф. 30. Оп. 1. Д. 29. Л. 198 об., 199.

²⁷ Памятная книга по Одесскому учебному округу на 1881 год. Одесса, 1881. С. 597.

²⁸ ГКУ АГС. Ф. 30. Оп. 1. Д. 24. Л. 135 об.

²⁹ Там же.

³⁰ Чернопятов В.И. Некрополь Крымского полуострова. С. 105.

³¹ Адрес-календарь Севастопольского градоначальства на 1911 год. Севастополь, 1911. С. 199.

деятельности, она давно уже принимала участие в местной культурной работе, преимущественно по части просвещения (библиотека, воскресная школа и т.п.) и вела в индивидуальном порядке революционную пропаганду среди рабочих. Умерла она в 1921 или 1922 г.»³².

Евгения Антоновна Горенко (род. 18.12.1862) вышла замуж за Анатолия Максимилиановича Арнольда, студента Санкт-Петербургского горного института, впоследствии чиновника канцелярии севастопольского градоначальника, члена городской управы. В 1882 г. Евгения Антоновна была подвергнута негласному надзору ввиду обнаружившейся её переписки с Н.А. Желваковым (застрелившим 18 марта 1882 г. в Одессе по приговору «Народной воли» военного прокурора В.С. Стрельникова и казнённым вместе с С.Н. Халтуриным). В 1884 г. на её квартире в Петербурге, по сведениям жандармского управле-

³² Никонов С.А. Мои воспоминания. ФГБУК ГМГООС. – К – 10009/3. С. 75, 76.

ния, происходили собрания «Союза молодёжи» партии «Народная воля». Дело было прекращено 30 октября 1887 г. ввиду необнаружения фактических данных к обвинению. В 1887 г. Евгения Антоновна получила медицинское образование со званием женщины-врача. Работала вольнопрактикующим врачом при севастопольском градоначальстве³³. В 1920-х гг. совместно с мужем проживала по адресу: ул. К. Маркса, д. 44/46 (в настоящее время ул. Большая Морская). Умерла 15 марта 1926 г. от воспаления лёгких и была похоронена на городском кладбище, как указано в записи о смерти³⁴. Данный факт уточняет дату смерти Е.А. Горенко, указанную В.А. Черных (1927).

Выявленные документы дают возможность верить и надеяться, что фонды архивов хранят ещё много тайн, раскрытие которых со временем ликвидирует «белые пятна» в родословной Анны Ахматовой.

³³ Деятели революционного движения в России (библиографический словарь). М., 1933. Т. 3. Вып. 1 (А-В). С. 120.

³⁴ ГКУ АГС. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 64. Л. 176.

В.В. Крестьянников

Боевые действия Черноморского флота в восточной части Чёрного моря в Первую мировую войну

После поражения России в Русско-японской войне из-за нехватки средств Военное ведомство стремилось сократить расходы, в том числе и на строительство и содержание крепостей. В 1909–1912 гг. было принято решение об упразднении ряда второстепенных крепостей, к которым отнесли и составлявшие береговую оборону Черноморского побережья Керченскую, Михайловскую (Батум) и Очаковскую крепости. В 1910 г. из Михайловской крепости в Севастополь была перебазирована Михайловская крепостная минная рота, переименованная во 2-ю Севастопольскую крепостную минную роту¹. Но в связи с тем что Михайловская крепость являлась единственной маневренной базой флота на восточном побережье Чёрного моря, Морскому ведомству удалось доказать необходимость её существования и крепость не была разоружена.

В 1911 г. исполняющий должность помощника начальника минного отдела ГУК капитан 1 ран-

га Н.Н. Шрейбер проверил состояние минного дела в Черноморском флоте, в результате было намечено три района, где требовались постоянные партии траления, – Севастополь, Одесса и Керчь, а с началом войны и в Батуме. Приказом командующего флотом 15 декабря 1914 г. была создана Батумская рейдовая партия траления². Предвидя войну с Турцией, командование Черноморского флота, учитывая малочисленность гарнизона крепости, направило в августе в Михайловскую крепость летучий авиаотряд³ и сформированные из призванных из запаса офицеров и матросов 1-й и 2-й морские батальоны под командованием капитана 2 ранга В.Д. Чайковского⁴. Не имея возможности по-

² Климовский С.Д. Тральщики Черноморского флота, переоборудованные из торговых судов // Судостроение. Л., 1989. № 9. С. 64, 65.

³ Александров А.О. Победы, потери... СПб., 2000. С. 19.

⁴ ГКУ АГС. Ф. Р-567. Оп. 6. Картотека. Послужной список В.Д. Чайковского.

¹ Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. 14. С. 358.

слать в Батум боевые суда, командование флота в начале сентября направило в распоряжение коменданта расположенной здесь крепости отряд судов в составе транспорта «Березань» и минного заградителя «Дыхтау» под командованием капитана 2 ранга К.К. Шуберта. «Дыхтау» должен был с началом войны поставить минные заграждения у Батума и Поты⁵. Боевые действия на Чёрном море начались германо-турецким флотом без объявления войны 16(29) октября 1914 г. Бомбардировке подверглись Одесса, Севастополь, Феодосия. Новороссийск был обстрелян крейсером «Бреслау» и минным крейсером «Берк-И-Сатвет». Артиллерийским огнём были разрушены радиостанция и элеватор, повреждены портовые сооружения и стационарные постройки, загорелись в порту нефтяные баки и перегонный завод, затонуло и было повреждено несколько пароходов и парусников⁶. 19 октября (1 ноября) начальник штаба верховного главнокомандующего сообщил в штаб Кавказской армии (которому подчинялась Михайловская крепость), что приказано России считать в состоянии войны с Турцией, перейти границу и начать наступление против турецких войск⁷. Кавказская армия на всех направлениях продвинулась вперёд, и только на Приморском участке фронта, в районе Хопы, туркам удалось высадить 5(18) ноября два полка 1-го Константинопольского корпуса под командованием германского майора Штанке. При поддержке местного мусульманского населения турецкий отряд отеснил русские части к р. Аджарису-холи, занял пункты Ардануч, Артвин и Борчха и создал серьёзную угрозу Батуму⁸. В связи с успехами русской Кавказской армии Турции потребовалась срочная переброска резервов в Трапезунд, откуда шло снабжение турецкой армии. 23 октября (6 ноября) германо-турецкие крейсера «Бреслау» и «Гамидие» отконвоировали в Трапезунд

три транспорта с войсками и вооружением. На следующий день «Бреслау» обстрелял Поты, выпустив по городу 81 снаряд⁹. 26–27 октября (9 ноября) турецкие крейсера сопровождали в Трапезунд ещё 5 транспортов с войсками. В этот же день командование Кавказской армии сообщило командованию Черноморского флота, что «для предстоящих операций Кавказской армии важно не допустить возможности для турок получить подкрепление и боевые припасы через ближайший и удобный для Эрзерума порт Трапезунд. Поэтому продолжение действий вверенного Вам Черноморского флота наперерез морских снабжений с Самсуном и Трапезундом имеет для Кавказской армии весьма важное значение»¹⁰. Однако флот не располагал достаточными силами для одновременной блокады Босфора, портов Восточной Анатолии и перехвата турецких судов на морских сообщениях, так как новые боевые суда, строящиеся в Николаеве, ещё не вступили в строй. Из-за нехватки сил командование флота избрало комбинированный метод. 2(15) ноября эскадра в составе 5 линкоров, 2 крейсеров, вспомогательного крейсера «Алмаз» и 13 эскадренных миноносцев вышла к берегам Восточной Анатолии и обстреляла Трапезунд. Через три дня вышедшие из Батума заградители «Ксения» и «Константин» выставили мины у Трапезунда (123), Полатхане (77), Унье (100) и Самсуна (100)¹¹. Получив сообщение о бомбардировке Трапезунда, германо-турецкие крейсера «Гёбен» и «Бреслау» вышли на перехват русской эскадры и 5(18) ноября встретились с ней у мыса Сарыч. Эта разовая операция флота не прекратила подвоз турецких войск на Кавказ. Крейсера «Гёбен», «Гамидие», «Берк-И-Сатвет» и «Пейк» сопроводили в Трапезунд и Ризе в этот период ещё семь транспортов, после чего обстреляли Батум и Туапсе. Обстрел Батума не стал неожиданностью для гарнизона крепости, так как старшина наблюдательного поста на форту № 2 сигнальный боцманмат Михаил Мадан первым обнаружил появление «Гёбена», что дало возможность батареям заблаговременно подготовиться к отражению бомбардировки¹². К этому времени на батареях

⁵ Новиков Н.В. Операции на Чёрном море и совместные действия армии и флота на побережье Лизистана. Л., 1927. С. 118; Монастырёв Н.П. На «Жарком» (действия эсминца на Чёрном море в ноябре 1914 года) // Бизертинский морской сборник 1921–1923. Избранные страницы. М.: Согласие, 2003. С. 25, 26.

⁶ Козлов Д.Ю. «Странная война» на Чёрном море (август – октябрь 1914 года). М.: Квадрига, 2009. С. 147–149.

⁷ Ляхович А.А. Боевые действия Черноморского флота во время блокады пролива Босфор в Первой мировой войне. Диссертация на соискание учёной степени кандидата военноморских наук. 1951. С. 72 // Фонды ФГБУК ГМГООС.

⁸ Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. М., 1946. С. 307.

⁹ Лорей Г. Операции Германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. М., 1934. С. 63.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 519. Л. 57.

¹¹ Некрасов Г.У врат Царьграда. Боевые действия Черноморского флота в войне 1914–1917 гг. СПб.: ООО «РИФ СТЕЛЛА», 2002. С. 57.

¹² Приказ командующего Черноморским флотом № 3597 от 26.08.1917 г.

Михайловской крепости в Батуме находились 6-дюймовые пушки Канэ (4), 6-дюймовые пушки в 190 пудов образца 1876 г. (4), 75-миллиметровые морские пушки (2), полевые поршневые пушки (8), 10-дюймовые пушки (4), доставленные по просьбе морского командования в октябре 1914 г., и четыре прожектора¹³. Положение крепости и Батумского района оставалось тяжёлым. Фронт Приморского отряда проходил на большом участке в труднодоступной гористой местности. В тылу восстало мусульманское население Чорохского края. Приморский отряд, в составе 264-го пехотного Георгиевского полка, двух морских батальонов, батальона пластунов, нескольких сотен пограничников и срочно переброшенного в этот район в октябре – ноябре 19-го Туркестанского стрелкового полка, противостоял переброшенной из Константинополя 3-й пехотной дивизии в составе 8 тыс. солдат и 24 орудий. Для поддержки Приморского отряда «Буг» и «Дыхтау» и катера лоцмейстерской службы были вооружены артиллерией, частично взятой в крепости. В конце октября в Батумский отряд прибыл эскадренный миноносец «Жаркий», в ноябре (начале декабря) – эскадренный миноносец «Живой», которые своей артиллерией блокировали район Архаве – Хопа – Макриал¹⁴. Батумскому порту пришлось нести большую нагрузку по снабжению Кавказской армии. В январе 1915 г. в порту была организована брандвахтенная служба, которую несли пароходы «Лазарев», «Таврида», «Теодор» и моторный катер «Дозор». Из забранных по военно-судовой повинности транспортов составили отряд, в который вошли пароходы «Цесаревич Алексей Николаевич», «Св. Николай», «Принцесса Евгения Ольденбургская», «Романов», «Ай-Тодор», «Черномор», «Северная звезда», «Трапезунд» и «Принцип»¹⁵. В период с 16 октября 1914 г. по 29 января 1915 г. у Батума и Поти наши минные заградители выставили 226 мин. В декабре 1914 г. генерал Елшин был назначен на австро-германский фронт, и начальником Приморского отряда и комендантом Батумской крепости стал генерал-майор В.П. Ляхов. В январе 1915 г. Ставка категорически приказала Черноморскому флоту совершенно прекратить подвоз подкреплений и снабжение Анатолийской армии морем, а 17 января поставила задачи флоту на 1915 г., в которых первым пунктом стояло: «В настоя-

щий момент задача флота заключается в недопустимости высадки крупных сухопутных сил на нашей территории и в районе Юго-Восточной Анатолии»¹⁶. Вступление в строй в октябре 1914 г. четырёх быстроходных эскадренных миноносцев типа «Новик» позволило усилить Батумский отряд. Согласно директиве Ставки в Батум был перебазируется 5-й дивизион миноносцев («Завидный», «Заветный», «Звонкий» и «Зоркий»), что позволило высылать на неприятельские коммуникации одновременно до трёх миноносцев, район действий которых был расширен до мыса Керос. В конце февраля (начале марта) миноносцы «Жаркий» и «Живой» были выведены из состава Батумского отряда.

В декабре 1914 г. – январе 1915 г. германо-турецкий флот был ослаблен, в связи с чем резко снизилась из-за отсутствия конвоя переброска турецких войск на Кавказ морем. 13 (26) декабря 1914 г. подорвался на минах у входа в Босфор крейсер «Гёбен», а 20 декабря (2 января 1915), также подорвавшись на mine, вышел из строя до конца войны крейсер «Берх». Крейсер «Бреслау» в феврале – марте 1915 г. находился в ремонте, а 18 июля подорвался на mine при выходе из Босфора и находился в ремонте до февраля 1916 г. В первой половине января 1915 г. Кавказская армия разгромила у Ардагана и Саракамышы IX и X турецкие корпуса, а затем разбила турецкие войска у Караургана и Ени-Кея. В феврале – марте 1915 г., используя общую обстановку на Кавказе, Приморский отряд очистил Чорохский край от турок и восставших аджарцев, устранив опасность для Батума. В этот период турецкие крейсера иногда появлялись в районе наступления Приморского отряда. Так, в первых числах января крейсер «Бреслау» обстрелял кордон у границы, в конце января (6 февраля) 1915 г. крейсер начал обстрел Батума, но, увидев отряд из четырёх миноносцев и сделав по ним 50 выстрелов, ушёл в море¹⁷. Через два дня русские крейсера обстреляли Трапезунд. На морских сообщениях у побережья Восточной Анатолии летом 1915 г. действовали в основном миноносцы Батумского отряда. Иногда в этот район высылались поодиночке или группами миноносцы из Севастополя для действий на коммуникациях противника. 12 (25) июля 1915 г. миноносцы в районе Самсун – Батум потопили 175 турецких

¹³ Новиков Н.В. Операции на Чёрном море... Л., 1927. С. 223.

¹⁴ Там же. С. 128, 129.

¹⁵ Лукин В.К. Заметки о боевой деятельности Черноморского флота в период 1914–1918 гг. СПб.: Petronius. С. 142.

¹⁶ Ляхович А.А. Боевые действия Черноморского флота... С. 109.

¹⁷ Лорей Г. Операции Германо-турецких морских сил... С. 75, 80; Некрасов Г. У врат Царьграда... С. 70.

парусников с грузом провианта и военных припасов и обстреляли портовые сооружения в Самсуне, Унге и Ризе. С 11 по 16 (24–29) июля четыре миноносца уничтожили возле Самсуна более 150 парусников, с 18 по 21 июля (31 июля – 4 августа) три миноносца в районе Самсуна, Чива, Фац, Орду, Вона и Керасунда потопили свыше 120 парусников. 18 июля (1 августа) в районе Хопа и Ризе эскадренные миноносцы «Живой» и «Живучий» отправили на дно 46 парусников, а с 15 (28) августа по 20 августа (3 сентября) миноносцы «Лейтенант Пушин», «Завидный», «Заветный» и «Зоркий» уничтожили в районе Керасунда, Вона и на берегу 319 парусников, в ряде пунктов обстреляв мосты и административные здания¹⁸. В июне – сентябре 1915 г. в Чёрное море вошли германские подводные лодки. В сентябре 1915 г. Болгария объявила войну странам Антанты и предоставила в Есинограде под Варной базу для германских лодок. На Черноморском флоте опасения подводной угрозы казались столь серьёзными, что эскадренные броненосцы в июне – сентябре прекратили выходы к берегам противника, и только с вводом в строй новых линейных кораблей «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая» и эскадренных миноносцев выходы основных сил флота возобновились. Во второй половине 1915 г. германские подводные лодки совершали в основном походы в районы Одессы и Крыма. В восточный район Чёрного моря в этот период было совершено только два похода – в сентябре и ноябре. Лодки потопили в районе Абуиса, Сочи и Туапсе четыре парусника и два транспорта и поставили минные заграждения¹⁹. Учитывая возросшую минную опасность, Батумскую партию траления к августу 1915 г. укомплектовали семью пароходами (1000–2000 т), полученными от РОПиТ и других обществ²⁰. 9 сентября директивной Ставки были определены задачи Черноморскому флоту – препятствовать подвозу угля и военной контрабанды в Босфорский район и оказывать содействие Кавказской армии, для чего выделить в распоряжение начальника Батумского района соответствующие силы²¹. Накануне наступления Кавказской армии на Эрзерум, 17 (30) января 1916 г. в распоряжение ге-

нерала Ляхова для поддержки отряда с моря были отправлены линкор «Ростислав», канонерская лодка «Кубанец», миноносцы «Лейтенант Пушин» и «Живой», которые присоединились к Батумскому отряду в составе канонерской лодки «Донец» и миноносцев «Строгий» и «Стремительный». Возглавил Батумский отряд капитан 1 ранга М.М. Римский-Корсаков.

23 января (5 февраля) 1916 г. при поддержке Батумского отряда судов началось наступление Приморского отряда в районе Архаве – Вице. Для поддержки наступления вдоль побережья и одновременно с целью пресечения возможного набега германо-турецких крейсеров, 24 января (6 февраля) в район наступления пришла 2-я маневренная группа Черноморского флота, и линкоры «Пантелеймон» и «Иоанн Златоуст» поддерживали огнём наступающие части. Через пять дней маневренная группа вернулась в Севастополь²². В ходе Эрзерумской операции турки мобилизовали все возможности флота для срыва наступления Приморского отряда. На быстроходных «Гёбене» и «Бреслау» в Трапезунд были доставлены пополнение и грузы²³. Активизировали деятельность германские подводные лодки в восточной части Чёрного моря. В марте 1916 г. в этом районе оперировали подводные лодки U-33 и UB-14. U-33 во время похода 30–31 марта утопила парусник, пароход и госпитальное судно «Португалия» и обстреляла Сухум²⁴. На госпитальном судне погибли уполномоченный Красного Креста граф Татищев, врач, 16 сестёр милосердия и 79 санитаров и членов команды. Эрзерум был взят Кавказской армией 3 (16) февраля 1916 г., успешно продвигались вперёд и части Приморского отряда, взяв 22 февраля (7 марта) Ризе. Успехам отряда способствовала высадка десантов в тылу неприятеля с мелководных азовских шхун. 28 февраля (13 марта) мичман Плеханов высадился с восемью матросами одного из морских батальонов в тылу турок, взял в плен десять солдат, устроил переправу через р. Колопотамус и этим «способствовал захвату наступающими частями неприятельских позиций». За свой подвиг лейтенант Плеханов был награждён орденом Св. Георгия IV степени²⁵. Отступающая турецкая армия нуждалась в резер-

¹⁸ Морской сборник. 1915. № 8. С. 217; Флот в Первой мировой войне. М., 1964. Т. 1. С. 391.

¹⁹ Боевая летопись русского флота. М., 1948. С. 405; Лорей Г. Операции Германо-турецких морских сил... С. 174–176.

²⁰ Климовский С.Д. Тральщики Черноморского флота... С. 68.

²¹ Флот в Первой мировой войне. С. 396.

²² Некрасов Г. У врат Царьграда... С. 124.

²³ Лорей Г. Операции Германо-турецких морских сил... С. 186, 188.

²⁴ Боевая летопись... С. 408; Лорей Г. Операции Германо-турецких морских сил... С. 66.

²⁵ Приказ командующего Черноморским флотом № 2209 от 30.05.1917.

вах, которые двигались к фронту по горным дорогам. Удобный путь доставки резервов и воинских грузов по морю был ненадёжен из-за отсутствия транспортов и надёжного конвоя. Крейсеру «Бреслау» удалось прийти в Трапезунд в этот период только два раза. Обстреляв позиции русских войск в заливе Сурмине, 21 марта (3 апреля) крейсер двинулся к Батуму, но, встретившись с маневренной группой во главе с линкором «Императрица Мария», ушёл в море, пользуясь преимуществом в скорости²⁶. Но и для успешного наступления Приморского отряда требовались свежие силы. По приказу Ставки для усиления отряда были направлены 1-я и 2-я пластунические бригады, снятые с Западного фронта. Посадку батальонов произвели в Одессе. Далее пластуны на транспортах под охраной гидрокрейсеров и миноносцев шли к Ризе. Мористее конвой прикрывали линкоры «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая» и миноносцы. Накануне высадки в Ризе пришли транспорты «Тревориан» и «Бурдейль» личным составом двух баз высадки с плавучими средствами. Сетевой заградитель «Аю-Даг» поставил противолодочные сети, ограждая стоянку транспортов²⁷. Германская подводная лодка пыталась помешать высадке, но была отогнана эскадренными миноносцами и гидросамолётом. 31 марта (13 апреля) для усиления Батумского отряда пришёл линкор «Пантелеймон». 1 (14) апреля части Приморского отряда заняли Сурмене, а 3 (16) апреля турки оставили Трапезунд, главную базу снабжения своей 3-й армии. В ходе боёв за Трапезунд флот высадил в период с 4 по 7 (17–20) марта в тылу противника три тактических десанта. Начальником Трапезундского укрепрайона был назначен генерал-майор А.В. Шварц, бывший до этого комендантом Карской крепости, начальником Трапезундского порта стал контр-адмирал В.И. Лукин (после решения задач в порту он вернулся на должность флагмана 2-й бригады линкоров). Для обороны Трапезунда и его района с моря в Батумский отряд вошли линкоры «Евстафий» и «Иоанн Златоуст». Эскадренные миноносцы продолжали бороться с военной контрабандой в этом районе, только 1 (14) апреля эскадренные миноносцы «Пронзительный» и «Беспокойный» уничтожили к западу от Трапезунда 58 парусников²⁸. Для усиления Приморского отряда по решению

Ставки из Мариуполя в Трапезунд флотом в мае 1916 г. были переброшены 127-я, а затем 123-я пехотные дивизии. Первая дивизия на 30 транспортах вышла из Мариуполя 3 (16) мая под конвоем двух крейсеров, двух гидрокрейсеров и эскадренных миноносцев. Линкор «Императрица Мария» в сопровождении миноносцев шёл мористее конвоя, а линкор «Императрица Екатерина Великая» держался у Босфора, блокируя возможный выход германо-турецких крейсеров. 6 (19) мая была высажена 127-я пехотная дивизия, 123-я пехотная дивизия высадилась 20 мая (2 июня).

Не имея возможности направлять постоянно в этот район крупные боевые суда, германо-турецкое командование постоянно держало здесь подводные лодки. В конце апреля – конце июля на позициях от Туапсе до Керасунда находились подводные лодки: UB-7 (4 раза), UB-14 (2 раза), U-38 (2 раза), U-33, UB-8 и UB-45 по одному разу²⁹. Лодка U-33 потопила три транспорта, пароход и три парусные шхуны, оказавшись самой результативной, UB-45 потопила два транспорта, UB-7 – транспорт и пароход. Подводные лодки потопили у Батума 25 июня (9 июля) 1916 г. ещё одно госпитальное судно – «Вперёд»³⁰.

Для борьбы с подводными лодками неприятеля командование Черноморского флота по примеру англичан пыталось с марта 1915 г. использовать суда-ловушки³¹. С этой целью были переоборудованы парусно-моторные шхуны «Елизавета Волонтиадио» и «Евангелистрия», зачислены в состав отрядов и средств борьбы с подводными лодками. Первое и единственное столкновение судна-ловушки произошло под Севастополем 19 апреля (2 мая) 1916 г. с германской подводной лодкой UB-7. Г. Лорей описывал эту встречу так: «После длительного преследования выстрелом и сигналом шхуне было предложено остановиться. Когда при дальнейшем преследовании дистанция начала уменьшаться, UB-7 открыла огонь. Шхуна спустила паруса, но мотор её продолжал работать, ввиду чего подводная лодка продолжала стрелять. С дистанции 20 гм (11 кабельтовых) парусник внезапно открыл орудийный и ружейный огонь, так что UB-7 была вынуждена быстро погрузиться. Противолодочное судно-ловушка, здесь впервые наблюдавшееся, работало чрезвычайно удачно»³². Однако при переоборудовании

²⁶ Операции на Чёрном море в мировую войну в освещении германской официальной морской истории // Морской сборник. М., 1934. № 10. С. 69.

²⁷ Новиков Н.В. Операции на Чёрном море... С. 158, 159.

²⁸ Там же. С. 130.

²⁹ Лорей Г. Операции Германско-турецких морских сил... С. 202.

³⁰ Там же.

³¹ Читтертон К. Суда-ловушки. М., 1940. С. 135.

³² Лорей Г. Операции Германско-турецких морских сил... С. 198.

были допущены досадные промахи – судам был придан боевой вид вытянутым рангоутом, а корпус окрашен в шаровый цвет, и поэтому они легко угадывались впоследствии противником. В дальнейшем суда-ловушки действовали в районе «турецких вод между Керасундом и Терибли», о чём сообщалось приказом по флоту³³, в августе 1917 г. обе шхуны были зачислены в состав отряда судов восточной части Чёрного моря³⁴. Приморский отряд продолжал с боями продвигаться вдоль побережья Анатолии. В июле 1916 г. был взят г. Фолу между Трапезундом и Киресуном. Кавказская армия вышла на линию фронта г. Фолу – южнее озера Ван – юго-западнее озера Урмия (в Иране). В боях 20 июня – 22 июля (4 июля – 8 августа) отличились матросы 1-го батальона Черноморского флота, награждённые Георгиевскими крестами и медалями³⁵. В июне Приморский отряд был преобразован в 5-й армейский корпус. В это время на Батум базировалась 2-я бригада линкоров («Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон»), крейсера «Память Меркурия» и «Алмаз» и 5-й дивизион эскадренных миноносцев. Кроме того, на Батум, Ризе и Трапезунд базировались четыре миноносца, две канонерские лодки, две подводные лодки («Налим» и «Скат»), два отделения тральщиков, отряд сторожевых катеров и два отряда гидросамолётов. В июле 1916 г. адмирала А.А. Эбергарда на посту командующего Черноморским флотом сменил вице-адмирал А.В. Колчак, проведший целый ряд операций по минированию пролива Босфор и портов Болгарии и Румынии. В результате после октября 1916 г. германо-турецкие надводные и подводные суда у берегов Восточной Анатолии не появлялись. В сентябре – октябре были усилены группировка морской авиации и береговая оборона. В Ризе, Трапезунде, Батуме, Сухуме и Платане базировались гидросамолёты 9-го и 12-го авиационных отрядов 2-й бригады Черноморской Воздушной дивизии³⁶. 15 августа у мыса Пицунда три гидросамолёта 9-го авиаотряда шестью бомбами атаковали подводную лодку U-33, находившуюся в надводном положении. Лодка после атаки, не исчерпав запаса автономии, возвратилась на базу в Варну³⁷.

В августе – сентябре 1916 г. на всех важнейших приморских пунктах были установлены береговые батареи:

Новороссийск № 3 – отдельная позиционная батарея Канэ (152 мм);

Туапсе № 6 – отдельная позиционная батарея Канэ (152 мм);

Хоста № 3 – прибрежная батарея 6-дюймовых пушек в 190 пуд.;

Сухум № 10 – отдельная позиционная батарея Канэ (152 мм);

Поти № 4 – прибрежная батарея 6-дюймовых пушек в 190 пуд.;

Ризе – две батареи пушек Канэ (152 мм);

Трапезунд – батарея Канэ (152 мм);

батарея 254-мм пушек³⁸.

В конце июля – августе 1916 г., в связи с вступлением 12 (25) августа Румынии в войну на стороне Антанты и открытием нового фронта, в Севастополь ушли канонерские лодки, линкоры и подводные лодки. В конце года 1-й и 2-й морские батальоны были сняты с фронта и отправлены в Севастополь на укомплектование формируемой Отдельной Черноморской морской дивизии. В середине августа была учреждена должность начальника Отряда судов и портов восточной части Чёрного моря, на которую был назначен контр-адмирал князь Н.С. Путятин. В отряд входили восемь эскадренных миноносцев, четыре тральщика, транспорта и вспомогательные суда. С 19 декабря 1916 г. по 13 апреля 1917 г. транспортом было перевезено в порты Кавказа и Лизистана около 62 тыс. человек, более 9 тыс. лошадей и голов скота и 145 тыс. т грузов³⁹.

Ввиду стабилизации фронта усилились разведывательно-диверсионные операции в тылу турецких войск. Десанты отвлекали значительные силы противника для обороны береговых объектов, заставляя держать в каждом прибрежном пункте не менее роты ополченцев и до 100 жандармов, а в наиболее крупных пунктах – целые воинские части. Успехи русской армии на Кавказе вызвали и активизацию борьбы армянского и греческого населения в восточных районах Турции. С 10 июля по 25 августа было высажено восемь партий разведчиков численностью 160 человек⁴⁰. В сентябре

³³ Приказ командующего Черноморским флотом № 103с от 24.03.1917.

³⁴ То же. № 194с от 05.08.1917.

³⁵ То же. № 2705 от 02.06.1917.

³⁶ Некрасов Г. У врат Царьграда... С. 163; Александров А.О. Победы, потери... СПб., 2000. С. 22.

³⁷ Козлов Д.Ю. Топить лодки... тараном // МСБ., 1994. № 8. С. 86.

³⁸ Боевое расписание Черноморского флота // Фонды ФГБУК ГМГООС. А-1131; Флот в Первой мировой войне... С. 433.

³⁹ История Первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1975. Т. 2. С. 390.

⁴⁰ Флот в Первой мировой войне... С. 434.

1916 г. одна из разведывательных партий, возвращаясь с задания на берег, захватила лодку и пошла на вёслах в Трапезунд. В море лодку атаковал турецкий катер, но, несмотря на пулемётный и ружейный огонь с катера, разведчики забросали его гранатами и дошли в пункт назначения. Эта группа высаживалась в тылу неприятеля более десяти раз⁴¹. 11 (24) октября группа разведчиков высадилась у р. Терме между турецкими постами, доставила оружие в горы и сформировала из соотечественников отряд в 150 человек. 20 октября (2 ноября) отряд подошёл к местечку Терме и напал на него. Одновременно с эскадренного миноносца «Капитан Сакен» были высажены ещё одна партия разведчиков и десант матросов. Совместным ударом местечко было захвачено и удерживалось сутки. Были уничтожены линии связи, склады и много фелюг с грузом⁴². 2 (15) декабря с того же миноносца был высажен десант у с. Бафра, 15 (28) января 1917 г. эскадренные миноносцы совершили набег на Самсун, где артиллерийским огнём уничтожили большое количество парусных судов. В задаче, поставленной Ставкой верховного главнокомандующего Черноморскому флоту, говорилось: «Прекратить каботажное плавание мелких судов противника вдоль побережья Анатолии периодическими внезапными набегами эскадренных миноносцев на пункты скопления судов (Самсун, Синоп, Эрегли и др.)»⁴³. Эта задача успешно выполнялась до сентября 1917 г., несмотря на революционные события в России. В начале апреля был высажен десант в устье р. Терме, который сжёг турецкий наблюдательный пост, были сожжены парусные суда, а десять судов с грузом отведены в Трапезунд⁴⁴. 23 марта (5 апреля) был снова высажен десант в том же районе с миноносца «Завидный», который, несмотря на ожесточённое сопротивление противника, уничтожил связь и парусные суда⁴⁵. 13 (26) мая разведгруппа, высаженная с миноносца «Стремительный» на мысе Чива,

разгромила жандармский пост, уничтожила склад и четыре парусные лодки⁴⁶. 4 (17) мая высаженный десант с подводной лодки «Кашалот» в районе Керемпе – Амастро уничтожил верфи и корпуса строящихся лодок на стапелях⁴⁷. В середине августа (начале сентября) с миноносцев был высажен десант в Орду. Миноносцы обстреляли порт, а десант разрушил казённые здания, взорвал одиннадцать моторных и семь парусных судов⁴⁸. Выполняя указание Ставки, в июле с Черноморского флота были отправлены несколько сот матросов на укомплектование флотилий на озёрах Ван и Урмия. 25 октября (7 ноября) 1917 г. произошло два события, которые стали поворотными в жизни государства. В этот день на Дону начался контрреволюционный мятеж генерала А.М. Каледина, а вечером в Петрограде открылся 11-й Всероссийский съезд Советов, провозгласивший советскую власть. В октябре германские подводные лодки вновь появились в районе Туапсе – Анакрия, потопив несколько судов и обстреляв береговую батарею в Туапсе⁴⁹. Созданный 15 (28) ноября Закавказский комиссариат (правительство Закавказья – Азербайджана, Армении и Грузии), проводивший политику отторжения Закавказья от России, 5 (18) декабря подписал соглашение с Турцией о прекращении военных действий, опередив заключение перемирия между Россией и Германией на десять дней. Кавказский фронт развалился, и перед Транспортной флотилией Черноморского флота стала задача – эвакуировать из кавказских портов десятки тысяч солдат, причём в обстановке развала фронта и недоверия к офицерам. В декабре 1917 г. в районе Трапезунд – Батум вспыхнула эпидемия чумы, и для борьбы с ней в район эпидемии были направлены санитарно-дезинфекционный и эвакуационный отряды во главе с флагманским врачом штаба начальника высадки в Чёрном море профессором Г.Д. Белановским. 24 февраля 1918 г. турецкие войска вошли в Трапезунд. Находившиеся там русские войска в количестве восьми тысяч человек ещё ожидали отправки на Родину.

⁴¹ Приказ командующего Черноморским флотом № 3598 от 26.08.1917.

⁴² То же. № 2905 от 10.07.1917.

⁴³ Ляхович А.А. Боевые действия Черноморского флота... С. 22.

⁴⁴ Морской сборник. 1917. № 5. С. 102.

⁴⁵ Приказ командующего Черноморским флотом № 3597 от 26.08.1917.

⁴⁶ Приказ командующего Черноморским флотом № 4941 от 01.12.1917.

⁴⁷ То же. № 3268 от 05.08.1917.

⁴⁸ Морской сборник. 1917. № 5. С. 121.

⁴⁹ Лорей Г. Операции Германо-турецких морских сил... С. 268, 269.

Демократизация Черноморского флота в 1917 г. и события 23 февраля 1918 г. в Севастополе

В первые дни после Февральской революции волна насилия захлестнула Кронштадт и Гельсингфорс. Однако в Севастополе – главной базе Черноморского флота – революция была принята с воодушевлением, но спокойно, без насильственных эксцессов, во многом благодаря действиям командующего флотом вице-адмирала А.В. Колчака. Уже 2 марта он издал приказ о событиях в Петрограде¹, а 4 марта – об отречении от престола Николая II². В городе и войсковых частях непрерывно шли митинги. 4 марта явочным порядком в казармах Севастопольского флотского полуэкипажа был сформирован временный военный исполнительный комитет, который не сразу, но был признан адмиралом Колчаком. 7 марта на собрании офицеров флота и гарнизона был образован Офицерский временный исполнительный комитет, утверждённый приказом командующего флотом³. 6 марта сформировали Городской исполнительный комитет и Центральный военно-исполнительный комитет, 7 марта – Совет солдатских депутатов и Совет рабочих депутатов, объединившиеся в Совет солдатских и рабочих депутатов. В конце марта все эти Советы объединились в единый Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов⁴.

По распоряжению Колчака были выпущены из тюрьмы политические заключённые⁵, распущена полиция и начала формироваться городская милиция, расформировано Севастопольское жандармское управление, проведён парад частей флота и гарнизона⁶. Был опубликован приказ Петроградского Совета № 1 и приказ военного и морского министра, отменявший звание «нижние чины», титулование офицеров, а также ограничения гражданских прав солдат и матросов⁷.

Эти меры в общем стабилизировали обстановку в зоне дислокации флота и сухопутных частей, подчинённых командующему Черноморским флотом (побережье от Сулина до Трапезунда), что дало право адмиралу Колчаку послать телеграмму начальнику Штаба верховного главнокомандующего, в которой он сообщал, что на кораблях и в частях пока «не было никаких внешних проявлений, только на некоторых кораблях существует движение против офицеров, носящих немецкие фамилии. Команда и население просили меня послать от лица Черноморского флота приветствие новому правительству, что мною и исполнено...»⁸. В целях демократизации общества и в соответствии с предыдущими приказами был опубликован приказ верховного главнокомандующего об отмене «отдания чести, становясь во фронт», достаточно было приложить руку к головному убору⁹, а 8 марта командующий флотом своим приказом освободил от наказания нижних чинов за дисциплинарные проступки, наложенные на них по суду на день издания приказа¹⁰. В марте адмирал Колчак подписал приказ о разграничении проступков и соответствующих им наказаний «до установления в законном порядке дисциплинарных взысканий»¹¹, а в начале апреля утвердил разработанные Центральным исполнительным комитетом Совета депутатов армии, флота и рабочих «Временные правила» о наложении дисциплинарных взысканий¹². Однако демократические новации в армии и на флоте несли не только положительные моменты, но и отрицательные, вылившиеся в марте в обвинения некоторых офицеров в грубости и оскорблении власти.

5 марта мичман С. Мертваго был обвинён командой линкора «Ростислав» в контрреволюционных высказываниях и только 22 января 1918 г. Революционный трибунал, рассмотрев обвинение,

¹ Приказ командующего Черноморским флотом № 771 от 02.03.1917. Музей КЧФ. Инв. № 4760.

² То же. № 801 от 04.03.1917. Там же.

³ То же. № 771 от 04.03.1917. Там же.

⁴ Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий. М., 1957. Т. 1. С. 28.

⁵ Крымский вестник. 1917. 6 марта.

⁶ Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. М., 1932. С. 13, 14.

⁷ Революция в Крыму. Симферополь, 1927. № 1 (7). С. 192.

⁸ Красный архив. М., 1927. Т. 3 (22). С. 57.

⁹ Приказ командующего Черноморским флотом № 1223 от 30.03.1917. Музей КЧФ. Инв. № 4760.

¹⁰ То же. № 851 от 08.03.1917. Там же.

¹¹ То же. № 1078 от 20.03.1917. Там же.

¹² То же. № 1279 от 08.04.1917. Там же.

посчитал его невиновным¹³. 8 марта солдаты Керченской крепостной артиллерийской роты обвинили своего командира полковника Н.М. Кондратовича в оскорблении Временного правительства, в июне Следственная комиссия Севастопольского Совета признала его невиновным и просила восстановить его в должности¹⁴. 10 марта начальник Западного района Службы связи, капитан 2 ранга Э.А. фон Берендс был обвинён соседкой, женой унтер-офицера, в том, что в 1916 г. сдал болгарам в Констанце ценное казённое имущество. В июле Следственная комиссия вынесла постановление: «Объявить ей в присутствии всей комиссии порицание за неосновательное оскорбление словами капитана Берендса, каковые опубликовать в печати»¹⁵. Но это не означало, что страдали только невинные офицеры. По требованию городского самоуправления был отстранён от должности комендант крепости и военный губернатор города контр-адмирал М.М. Весёлкин¹⁶. Как писал о нём видный политический деятель С.А. Никонов, «это был типичный самодур, точный сколок с знаменитого одесского градоначальника Зелёного. Такой же ругатель-матерщинник, ненавистник евреев, покровитель чёрной сотни и союза русского народа»¹⁷. Освобождён от должности и зачислен в резерв флота начальник тыла флота и главный командир Севастопольского порта вице-адмирал П.А. Новицкий, в должности начальника Минной дивизии в 1912 г. принявший участие в разгроме революционного подполья на флоте¹⁸. 17 марта отстранён от должности и предан суду (по представлению ЦВИК) помощник командира Севастопольского флотского полужкипажа полковник по адмиралтейству Н.П. Шперлинг «за грубое оскорбление матросов, превышение власти и оскорбление Родзянко и Гучкова». Полковник Шперлинг с января 1906 г. служил в Севастополе начальником военно-исправительной тюрьмы Морского ведомства и отличался исключи-

тельной жестокостью¹⁹. 18 марта приказом командующего объявлен выговор помощнику начальника охраны Севастопольских рейдов капитану 2 ранга Г.М. Добролюбову «за бестактное обращение к команде при выполнении возложенного на него поручения»²⁰.

В марте впервые на флоте команда эскадренного миноносца «Гневный» отказалась выполнить приказ командира. Расследование проводил летучий отряд ЦВИК, и дело было улажено мирным путём: команда через выборных извинилась перед командующим флотом и командиром «Гневно», просила командира вернуться, на что он дал согласие, и на этом инцидент был исчерпан²¹. Это было начало открытого неповиновения.

В апреле 1917 г. сверху продолжалась демократизация армии: телеграммой Морского министерства было отменено отдавание чести вне строя²², уволены матросы и солдаты старше 40 лет в отпуск до 20 мая домой для полевых работ²³.

17 апреля по флоту был отдан приказ, с объявлением телеграммы морского министра, об отмене наплечных погон «в соответствии с формой одежды, установленной во флотах всех республиканских стран», причём в конце стояло резюме: «Приказ привести в исполнение по возможности сегодня»²⁴.

Уводя от обвинения матросов, адмирал Колчак освободил от должности начальника Минной бригады контр-адмирала князя В.В. Трубецкого, начальника Штаба флота флигель-адъютанта контр-адмирала С.С. Погуляева, начальника Учебного отряда флота контр-адмирала Ф.А. Винтера 1-го. Но обвинения матросов офицеров продолжались. Лейтенант Н.В. Колубакин 3-й был обвинён матросом в оскорблении и продаже его койки – в июле Следственная комиссия даже отказалась рассматривать дело²⁵. По требованию рабочих отстранён от должности начальник Сулинского землечерпательного каравана подполковник корпуса гидрографии В.К. Потапов²⁶, команда се-

¹³ Таврическая правда. 1918. 24 января.

¹⁴ ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–49.

¹⁵ Там же. Д. 32. Л. 1.

¹⁶ Приказ командующего Черноморским флотом № 1068 от 20.03.1917. Музей КЧФ. Инв. № 4760.

¹⁷ Никонов С.А. Мои воспоминания. ФГБУК ГМГООС. К. 10009/2. С. 424.

¹⁸ Приказ командующего Черноморским флотом № 1017 от 18.03.1917. Музей КЧФ. Инв. № 4760.

¹⁹ Приказ командующего Черноморским флотом № 1017 от 18.03.1917. Музей КЧФ. Инв. № 4760.

²⁰ То же. № 1016 от 18.03.1917. Там же.

²¹ То же. № 1146 от 27.03.1917. Там же.

²² То же. № 1435 от 18.04.1917. Там же.

²³ То же. № 1393 от 12.04.1917. Там же.

²⁴ То же. № 1489 от 17.04.1917. Там же.

²⁵ ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–4.

²⁶ Приказ командующего Черноморским флотом № 1653 от 28.04.1917. Музей КЧФ. Инв. № 4760.

тевого заградителя «Аю-Даг» потребовала удаления старшего помощника капитана подпоручика И. Северина «как вредного элемента для нового строя»²⁷.

Катастрофически падала дисциплина в войсках, негативное отношение к офицерам проявлялось всё чаще и чаще. В начале мая новый военный и морской министр А.Ф. Керенский вынужден был издать приказ, в котором говорилось «что недоверие к командному составу подрывает мощь армии и флота»²⁸.

Пытаясь остановить катастрофу, А.Ф. Керенский приказом объявил «Положение об основных правах военнослужащих», которое значительно ограничивало права солдат, завоёванные в первые дни революции. Это вызвало в армии и на флоте сильные противодействия. Во второй половине мая в Севастополе стали получать приказы, в которых уже говорилось о невыполнении боевых приказов на фронте полками²⁹, с требованием разыскать и наказать дезертиров, не явившихся добровольно в свои части до 15 мая³⁰.

Пытаясь, с одной стороны, предотвратить катастрофу в армии и на флоте, с другой – Временное правительство продолжало «демократизацию», отдавая приказы, разрушающие основу армии. Так, на основании приказа армии и флота № 8 от 11 мая командующий флотом разрешил ношение вне службы всем военнослужащим во всех портах, кроме Дуная и Лезистана, штатского платья.

Результаты деятельности правительства вскоре сказались на обстановке в Севастополе. 1 мая, во время праздничных митингов, матросы требовали от офицеров снять погонь³¹. Вскоре ЦИК Севастопольского Совета предложил отстранить от должности помощника главного командира Севастопольского порта генерал-майора А.В. Петрова, уличённого якобы в хищении казённого имущества и спекуляции им. Адмирал Колчак отказался выполнять решение ЦИК. По решению Совета генерал Петров был арестован, и командующий сообщил об инциденте телеграммой Временному правительству. Для улаживания конфликта 17 июня в Севастополь прибыл военный и морской министр А.Ф. Керенский. Согласно «лично-

му приказанию морского министра, для производства предварительного следствия, приказом А.В. Колчака 18 мая была создана комиссия из четырёх офицеров и трёх депутатов Севастопольского Совета»³².

Результаты работы ни первой комиссии, ни второй (назначена 30 мая) не были опубликованы, но судя по тому, что генерал Петров продолжал службу до февраля 1918 г., можно сделать вывод – обвинение было совершенно необоснованно.

В день отъезда Керенского новое событие взбудоражило флот – командир эскадренного миноносца «Жаркий» лейтенант Г.М. Веселаго подал жалобу на возмутительное поведение команды. Поводом к такому заявлению послужил инцидент во время одного из съездов на берег командира, когда команда проводила его бранью, смехом и пожеланиями больше не возвращаться.

На следующий день ЦИК создал комиссию для расследования на «Жарком». Однако решение комиссии было не в пользу команды эскадренного миноносца, а созванное 28 мая делегатское собрание флота отменило постановление Совета по материалам комиссии и приняло компромиссное решение: «Поведение командира, вызвавшего возбуждение команды по отношению к себе, считать нетактичным и просить командующего флотом списать командира с эскадренного миноносца, наложив на него дисциплинарное взыскание; команду же не считать виновной, за исключением членов комитета, которые не предприняли мер для предотвращения этого конфликта: наложить на них дисциплинарное взыскание и списать с судна»³³.

Согласиться с таким решением командование флота не могло и запросило мнение морского министра. В ответ Керенский прислал телеграмму: «Пологал бы правильным миноносцу “Жаркий” окончить кампанию. Дело передать прокурорскому надзору для выяснения виновных и предания их суду. Решение, в силу представленной Вам власти, как командующему флотом, предоставляется Вам. Категорическое требование Временного правительства о неуклонном исполнении долга каждым чином во вверенном Вам флоте всем должно быть хорошо известно». Адмирал приказал окончить «Жаркому» кампанию в 0 ч 6 июня

²⁷ ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 40. Л. 7.

²⁸ Приказ командующего Черноморским флотом № 1918 от 13.05.1917. Музей КЧФ. Инв. № 4760.

²⁹ То же. № 2678 от 26.06.1917. Там же.

³⁰ То же. № 2538 от 18.06.1917. Там же.

³¹ *Королёв В.М.* Черноморская трагедия. Симферополь, 1998. С. 8.

³² Приказ командующего Черноморским флотом № 1986 от 18.05.1917. Музей КЧФ. Инв. № 4760.

³³ *Жуков В.К.* Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 52.

и назначил комиссию под руководством контр-адмирала В.К. Лукина из четырёх офицеров и четырёх выборных матросов, причём отмечалось, что «выборные от команд не должны состоять членами Центрального комитета или Делегатского собрания, так как оба эти учреждения вынесли суждение по этому делу»³⁴.

Эта же комиссия должна была расследовать аналогичный случай на эскадренном миноносце «Керчь». Однако последующие события на флоте показали ненужность этого расследования, никто не был наказан, 12 июня «Жаркий» вновь начал кампанию, а командир, кавалер Георгиевского оружия, был отправлен в отпуск на два месяца «внутри Российского государства по болезни»³⁵.

В этой связи интересно высказывание одного из севастопольских большевиков, А.П. Платонова. Он так описывал последствия неудачной операции по постановке мин у Босфора 13 мая, во время которой погибло 15 офицеров и матросов: «...Неудача породила ещё большее недовольство к командному составу и Колчаку. Матросы с недоверием стали относиться к его распоряжениям, и в особенности к намечаемым рискованным операциям. Руководителями же этого движения стали большевики-матросы через судовые комитеты. Начало этому положил миноносец «Жаркий», команда которого отказалась выйти в море для выполнения одной рискованной операции»³⁶.

Однако автор статьи далёк от мысли о пробольшевицки настроенном большинстве матросов и солдат гарнизонов и сколько-нибудь заметном влиянии городской организации РСДРП(б) на политическую жизнь флота, тем более что и факты противоречат этому.

Февральская революция всколыхнула город и флот. Сразу же стали возрождаться партийные организации, разгромленные и ушедшие в подполье перед войной, создаваться новые партийные организации и национальные общества. Самой крупной, быстро набравшей силу, была городская организация партии социалистов-революционеров, насчитывавшая к середине года до 30 тыс. человек³⁷. Второй по

величине была организация РСДРП (объединённая), в начале мая насчитывающая 1000 членов, седьмая по численности в России³⁸.

Немногочисленные большевики первоначально входили в объединённую организацию РСДРП и только в конце апреля выделились в самостоятельную организацию. Организация не имела своей газеты, союз печатников отказался печатать их листовки и литературу. «Большевицких ораторов нередко лишали слова на митингах и собраниях, не пускали на корабли. За революционное выступление был сброшен в море с эсминца «Гневный» большевик И. Финогенов. Одуманные соглашателями, моряки избили большевика Михайлова и несколько других агитаторов. Были попытки расправиться с членом городского комитета РСДРП(б), популярным оратором А.И. Каличем», – писал позже Ю. Гавен, один из руководителей городской организации³⁹. 10 июля толпой, подстрекаемой лидерами эсеров и меньшевиков, был разгромлен клуб организации РСДРП(б)⁴⁰. В конце июня 1917 г. ЦК РСДРП(б) зарегистрировала городскую организацию в количестве 50 человек членов и 100 сочувствующих⁴¹.

11 июня, выступая на I съезде моряков Балтийского флота, возвратившийся из Севастополя один из членов балтийской делегации рассказал, что «в Севастополе мало видел социалистических газет, большевицких же газет совершенно нет»⁴².

Связь с центром была спорадическая, связи с большевицкими организациями Украины были незначительными, в основном сводились к посылке в небольшом количестве и нерегулярно газет харьковских и екатеринославских большевиков через поездные бригады. В просмотренных многочисленных воспоминаниях харьковских большевиков не упоминаются какие-либо контакты с севастопольской организацией, в воспоминаниях ответственного секретаря газеты «Пролетарий» Д. Эрде (Д.И. Вайхштейна) прямо говорится, что «связь с югом Украины всё же была

³⁴ Приказ командующего Черноморским флотом № 1986 от 18.05.1917. Музей КЧФ. Инв. № 4760.

³⁵ То же. № 2678 от 26.06.1917. Там же.

³⁶ Платонов А.П. Февраль и октябрь в Черноморском флоте. Севастополь, 1932. С. 33.

³⁷ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М., 1971. С. 92.

³⁸ Всероссийская конференция меньшевицких и объединённых организаций РСДРП. Пг., 1917. С. 7.

³⁹ Гавен Ю. Возникновение Крымской организации РСДРП(б). Симферополь, 1923. № 2. С. 8.

⁴⁰ Южные ведомости. 1917. 16 июля.

⁴¹ Сапронов С. Севастополь в 1917 году // Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции. М., 1958. С. 489.

⁴² Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. С. 141.

в общем недостаточной»⁴³. В газете «Пролетарий» (выходила с 10/23 марта по конец сентября 1917 г.) не было опубликовано ни одной заметки о событиях в Севастополе или на Черноморском флоте, за исключением информации балтийцев об их приезде в Севастополь в июне 1917 г., в то же время эсеро-меньшевистские «Известия Харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов» регулярно освещали события в Севастополе и на флоте.

В июле был создан Юго-Западный областной комитет РСДРП(б), куда вошли организации Киевской, Одесской, Черниговской, Полтавской, Херсонской и Таврической губерний, однако в своём отчёте ЦК РСДРП(б) в сентябре комитет сообщал, что в Таврической губернии до сих пор нет организации партии. ЦК указал областному комитету адреса партийных организаций в Севастополе, Евпатории и Симферополе⁴⁴.

В дополнение следует отметить, что на выборах в июле в городскую Думу за список РСДРП(б) проголосовало 703 человека из 51 029 списочного состава⁴⁵, а во вновь избранном Совете военных и рабочих депутатов из 245 человек было только 11 большевиков⁴⁶.

Один из участников революционных событий в Севастополе и на Черноморском флоте, бывший матрос Г. Матвеев, писал: «Чего греха таить – весной 1917 г. севастопольцы в своём большинстве ещё очень плохо разбирались в политике. Бывало, начнётся митинг. Вылезет на трибуну кадет и вопит: “Война до победного конца”, “Без Дарданелл нам жить нельзя” – хлопают ладонями. Кадета сменяет эсер или меньшевик: “За революционную войну против кайзера!”, “Большевики – предатели” – тоже хлопают. Взойдёт на трибуну большевик: “Война войне!”, “Вся власть Советам!”, “Мир хижинам, война дворцам” – и опять хлопают. Вот такой политической малограмотностью и пользовались меньшевики и эсеры.

В своём большинстве мы тогда ещё были в политическом отношении малограмотны. Самое большое образование у большинства из нас было 4 класса начальной школы. Учащихся средних школ среди нас не было»⁴⁷.

В этой ситуации можно говорить не о влиянии большевиков на общественные процессы в Севастополе и на флоте, а об общем колебании масс и недоверии их к офицерству и Временному правительству, несмотря на то что к этому времени оно стало коалиционным.

Следует отметить, что случаи отказа идти на боевые операции в это время были характерны не только для Черноморского флота, на фронте полки и дивизии отказывались выполнять боевые приказы и оставляли позиции, не желали участвовать в боевых действиях. Временное правительство приказало зачинщиков наказывать, а части расформировывать⁴⁸.

Севастополь захлестнула волна митингов. Газета местной организации социалистов-революционеров «Революционный Севастополь», указывая на то, что последнее время в городе устраивается много митингов, через которые массы матросов и солдат пытаются непосредственно, минуя избранные органы, влиять на события, призывала крепче сомкнуться вокруг судовых и полковых комитетов и только через них выражать свою волю⁴⁹. 1 июня командир линкора «Три святителя» капитан 1 ранга М.М. Римский-Корсаков запретил выступать на корабле представителю Симферопольского Совета, и в тот же день комиссия Севастопольского Совета постановила, чтобы командир извинился перед командой, что он и вынужден был сделать⁵⁰.

5 июля события на флоте вышли из-под контроля командования. Вечером, после развода, толпой матросов был арестован помощник командира Черноморского флотского экипажа полковник по адмиралтейству Н.К. Грубер. Проведённое расследование оправдало его, а причину ареста установить так и не смогло, несмотря на большое количество свидетелей⁵¹.

Поздно ночью на общем собрании Севастопольского флотского полуэкипажа были арестованы командир полуэкипажа капитан 1 ранга Е.Е. Гестеско, адъютант полуэкипажа штабс-капитан С.Ф. Кузьмин и капитан Н.И. Плотников. У Гестеско был дважды произведён самочинный обыск на квартире, до собрания

⁴³ ГАХО. Ф. Р-10417. Оп. 4. Д. 160. Л. 45.

⁴⁴ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. М., 1957. Т. 1. С. 236–238.

⁴⁵ Южные ведомости. 1917. 19–20 июля.

⁴⁶ Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 11 июля.

⁴⁷ Матвеев Г.М. Воспоминания об Октябрьской революции в Севастополе. ФГБУК ГМГООС. Т. 60. С. 42.

⁴⁸ Приказ командующего Черноморским флотом № 2291 от 04.06.1917. Музей КЧФ. Инв. № 4760.

⁴⁹ Революция в Крыму. Симферополь, 1927. №1 (7). С. 20.

⁵⁰ Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 16 июня.

⁵¹ ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 46. Л. 1, 15–19.

и после, изъято личное оружие. Во время обысков пропали вещи, матросы пытались унести серебряную посуду и ордена. Обвинения «высказывались большей частью общими фразами, приводя некоторые факты». Капитана Плотникова обвинили в провокаторстве, в службе в охранке, в хранении разрывных пуль для стрельбы по матросам⁵². На этом собрании была принята резолюция, требующая немедленно произвести обыски у всех офицеров флота и гарнизона и арестовать политически неблагонадёжных.

6 июня в цирке Труцци состоялось делегатское собрание флота и гарнизона, которое вынесло резолюцию об отстранении адмирала Колчака вместе с и.о. начальника штаба капитаном 1 ранга М.И. Смирновым от должности, «как возбудивших своими действиями матросские массы... вопрос об их аресте передать на экстренное рассмотрение судовых и полковых комитетов». Их посты следовало передать заместителям, находившимся под контролем комиссии, избранной собранием. Решено было обыскать и обезоружить офицеров армии и флота⁵³. К утру все офицеры были обезоружены, адмирал А.В. Колчак выбросил свою Георгиевскую саблю за борт, однако собрания команд, в подавляющем большинстве, высказались против ареста Колчака и Смирнова.

Утром командующий получил телеграмму от Временного правительства, в которой ему предлагалось немедленно выехать в Петроград для доклада, сдав командование контр-адмиралу Лукину. В этот же день ЦИК Севастопольского Совета направил Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов и Черноморской делегации, присутствующей на 1-м Всероссийском съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов, телеграмму следующего содержания: «История бунта в Севастополе раздута. Вышло недоразумение с арестом трёх офицеров. Это недоразумение было раздута на митинге, где решили идти обыскивать всех офицеров. Желая этого избежать, экстренное делегатское собрание и ЦК просили Колчака издать приказ о сдаче офицерами оружия. Приказ был издан, оружие все офицеры сдали вчера. Этим предотвратили обыски и возможные эксцессы. Колчак об этом в резкой форме телеграфировал в Совет министров, и потому создался инцидент с Колчаком. Возбуждённый митинг потребовал ареста Кол-

чака. ЦК не считал это постановление обязательным и запросил полковые комитеты. Те высказывались против. Делегатское собрание и 15-тысячный митинг вынесли резолюцию, которая послана Керенскому»⁵⁴.

В день описываемых событий в Севастополь приехала американская военно-морская комиссия во главе с контр-адмиралом Гленноном Д. Она посетила некоторые корабли и делегатское собрание флота. В рапорте командованию руководитель миссии отвечал: «...комитет был ответственным за внутреннюю жизнь на корабле в любом деле, как, например, нормирование продуктов, наказание, предоставление увольнений на берег, назначение на вахты и др., но теоретически не мог контролировать военные действия корабля. Однако фактически офицеры не смели отдавать приказов своим подчинённым. Следовательно, вся подготовка к предстоящим военным действиям была прекращена, что, впрочем, соответствовало общему желанию матросов. Если же офицер не нравился команде, он разоружался и обязан был оставить корабль. Подобное состояние, выразившееся в глубоком недоверии между офицерами и матросами, согласно заявлениям многих офицеров, вынуждало первых уходить в отставку, последние же не отдавали себе отчёта в том, что без знаний и руководства офицеров им не обойтись. Многие классные офицеры, понимая ответственность, всё же покидали корабли, где они полностью лишались власти.

Члены комитетов, представляющие матросов и рабочих, в личном плане были уравновешенными, рассудительными людьми, а некоторые из них заверяли, что «беззаконие и убийства офицеров, подобных в Кронштадте и Гельсингфорсе, в Севастополе – не пройдут»⁵⁵.

Вечером 9 июня американская миссия выехала в Петроград, адмирал Колчак убыл тем же поездом. Вечером того же дня новый командующий флотом и ЦИК Севастопольского Совета получили телеграмму А.Ф. Керенского, где он выражал своё удовлетворение по поводу мирно разрешившихся событий и сообщил о выезде комиссии для расследования инцидента⁵⁶.

14 июня в Севастополь прибыла представительная комиссия Временного правительства для расследования происшедших событий, результатом работы которой явился приказ А.Ф. Керенского, в котором

⁵² ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 46. Л. 5–11, 22–22 об., 29.

⁵³ Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 16 июня.

⁵⁴ Владимирова В.В. Революция 1917 г. М., 1924. Т. 3. С. 36, 37.

⁵⁵ Отечественные архивы. 1993. № 4. С. 54.

⁵⁶ Владимирова В.В. Революция 1917 г. Т. 3. С. 50.

говорилось, что «подобные действия матросов и их выборных собраний [являются] совершенно недопустимыми и разрушающими боевую мощь флота, в высшей степени в настоящее время необходимую, но по ходатайству вновь назначенного командующего Черноморским флотом считаю возможным, ввиду выраженного командами Черноморского флота сожаления о допущении в их среде беспорядков, прекратить следствие об упомянутых делах без каких-либо взысканий в отношении виновных...»⁵⁷. Да и какие меры можно было принять, если разваливался фронт, крупные соединения отказывались выполнять боевые приказы. В июне были получены телеграмма военного и морского министра с требованиями прекратить безобразие в гарнизонах⁵⁸ и приказ о беспорядках в армии Юго-Западного фронта, в котором говорилось о доблестном поведении офицеров и требовании «восстановить в войсках дисциплину, проявляя революционную власть в полной мере, не останавливаясь при спасении армии перед применением вооружённой силы... всех виновных и согласных с ними в призыве во время войны офицеров и солдат и прочих воинских чинов к неисполнению действующих при новом демократическом строе армии законов и распоряжений военной власти, предавая суду, наказать как за государственную измену...»⁵⁹.

Вопиющий случай произошёл 30 июля на батарее острова Оланд на Балтийском флоте, куда прибыли управляющий Морским министерством и командующий Балтийским флотом. Батарея была завалена мусором и камнями, мешающими стрельбе орудий, приказ сыграть боевую тревогу выполнен не был, так как «с ними предварительно никто не переговорил». Через час на mine, поставленной немцами в районе, который должна была охранять батарея, подорвался эскадренный миноносец «Лейтенант Бураков» и затонул. Погибли 22 матроса и офицер⁶⁰.

Аналогичные приказы флот получал регулярно, их доводили до сведения матросов и солдат, но положение не менялось. 7 июля команда крейсера «Память Меркурия» отказалась выполнять приказ командира, 29 июля – команда эскадренного миноносца «Поспешный». Как всегда, виновных не наказали,

в приказе по делу команды «Поспешного» констатировалось, что «так как главная причина всего события лежала в неверном освещении перед командиром фактов... считаю возможным дело ликвидировать настоящим приказом»⁶¹. Командир, как во всех предыдущих конфликтах офицеров с командами, был переведён на другую должность.

События в армии и на флоте правительством не контролировались, и 14 июля был издан приказ о введении в армии смертной казни (в конце июля распространённый на флот). Однако введение смертной казни вызвало бурную реакцию в армии и на флоте.

Разложение продолжалось, и это выражалось даже, казалось бы, в мелочах по сравнению с боевой службой. Матросы, съезжающие на берег, ходили грязными, не соблюдая формы одежды (смесь форменной одежды и штатской)⁶², многие матросы и солдаты под видом покупки товаров для своих частей занимались спекуляцией⁶³, несмотря на сухой закон процветало пьянство. Были часты случаи отказа команд грузить снаряды на корабли, ссылаясь на то, что это должны делать матросы артиллерийской специальности⁶⁴.

Выступая 15 августа в Москве на Государственном совещании, делегат от Черноморского флота, командир эскадренного миноносца «Пронзительный» капитан 2 ранга Н.Д. Каллистов, охарактеризовал обстановку на флоте и заявил, что главная болезнь флота заключается «в приниженном бесправном положении офицеров» и «в понижении работоспособности» матросов, рабочих и части офицеров⁶⁵. Не правда ли, обстановка описана в очень «мягких» выражениях.

Во второй половине августа обострились взаимоотношения офицеров и матросов в связи с начавшимся 25 августа Корниловским мятежом. Офицеры флота оставались лояльны к Временному правительству, а новый командующий флотом контр-адмирал А.В. Немитц на экстренном заседании Исполкома Севастопольского Совета заявил, что для него обязательно распоряжение только Временного правительства и работа в полном контакте с Советом военных

⁶¹ Приказ командующего Черноморским флотом № 3440 от 16.08.1917. Музей КЧФ. Инв. № 6958.

⁶² То же. № 3338 от 11.08.1917. Там же.

⁶³ То же. № 3494 от 19.08.1917. Там же.

⁶⁴ То же. № 3496 от 19.08.1917. Там же.

⁶⁵ Государственное совещание: Сб. документов. М.-Л., 1930. С. 206–208.

⁵⁷ Приказ командующего Черноморским флотом № 3143 от 28.07.1917. Музей КЧФ. Инв. № 6958.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ То же. № 2947 от 14.07.1917. Там же.

⁶⁰ То же. № 3524 от 22.08.1917. Там же.

и рабочих депутатов⁶⁶. В тот же день, 27 августа, он издал приказ, в котором сказано, что «Черноморский флот был и остаётся верным Временному правительству – единственной верховной власти в России»⁶⁷.

Позже лидер партии эсеров В.М. Чернов в комментариях к протоколам ЦК ПСР писал, что подавление мятежа произошло «без особого труда ввиду единодушного массового настроения, возбуждённого повсюду известием о готовящемся перевороте в пользу единоличной диктатуры. Трудно было другое – удержать этот взрыв массовой ненависти и гнева в границах, помешать ему вылиться в оргию стихийных самосудов чуть не против всего командного состава, подозреваемого во внутренней солидарности с генералом Корниловым»⁶⁸.

Однако не помогли ни заверения командующего флотом о лояльности офицеров, ни приказы и телеграммы морского министра, что офицеры флота к Корниловскому мятежу отношения не имеют⁶⁹, что «офицерство доказало, что оно плоть от плоти народной»⁷⁰. В то же время в приказах Временного правительства указывалось, что комитеты по отношению к офицерам дисциплинарных прав не имеют, и требовалось прекращение политической борьбы в войсках, ограничение работы комиссаров, прекращение арестов и смещения офицеров⁷¹.

9 сентября Штаб Черноморского флота сообщал в Петроград, что «в связи с последними событиями очень обострилось недоверие и недоброжелательность команд к офицерам»⁷².

Флот уже практически не выходил на боевые операции, стали нормой погромы садов, огородов и виноградников, которые не могли остановить даже усиленные патрули⁷³, а внешний вид матросов

не поддавался никакому описанию⁷⁴. По решению команд и комитетов были отстранены от должности комендант Очаковских укреплений полковник Романуис⁷⁵, начальник баржевого отряда Дунайской флотилии старший лейтенант Бонди⁷⁶, подпоручик по адмиралтейству с гидрокрейсера «Авиатор» Б.Н. Лавриненко⁷⁷, старший механик госпитального судна «Император Пётр Великий»⁷⁸, начальник Службы связи Чёрного моря капитан 1 ранга В.Н. Кедрин⁷⁹ и другие.

Исполняющий обязанности Генерального комиссара Черноморского флота меньшевик Н.А. Борисов телеграфировал 24 августа в Морской генеральный штаб: «За короткое время моего отсутствия Севастополь стал городом большевиков. Большое возбуждение, непрерывные митинги, на которых дают говорить только большевикам...»⁸⁰ И хотя влияние большевиков, бесспорно, усилилось, однако причина была не в них.

Городские комитеты партии эсеров и РСДРП (объединённой) проводили политику, выработанную ЦК этих партий, входя всё более и более с августа 1917 г. в конфликт со своими рядовыми членами по основным вопросам. 25 мая в Москве открылся третий съезд партии эсеров, который определил политику партии на ближайшие месяцы, поддержал Временное правительство «в условиях, когда буржуазия не в силах справиться с проблемами современности, а социалистическая партия ещё не может взять власть» и одобрил первое коалиционное правительство, куда вошли два эсера – Керенский и Чернов. На съезде выявились и острые разногласия внутри партии, приведшие в конце года к образованию партии левых эсеров.

Первое серьёзное столкновение политики партии эсеров, меньшевиков и масс вызвало решение Временного правительства в июле о применении на фронте смертной казни и учреждении военно-революционных судов⁸¹. Введение этого закона вызвало

⁶⁶ ФГБУК ГМГООС. А-1139. С. 205.

⁶⁷ Свободный флот: Еженедельник Морского сборника. Пг., 1917. 9 сентября. С. 15.

⁶⁸ Чернов В.М. Комментарии к протоколам ЦК ПСР // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 11.

⁶⁹ Приказ командующего Черноморским флотом № 3883 от 14.09.1917. Музей КЧФ. Инв. №6958.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Свободный флот: Еженедельник Морского сборника. Пг., 1917. 9 сентября. С. 13.

⁷² Ерыкалов Е.Ф. Октябрьское вооружённое восстание в Петрограде. Л., 1966. С. 70.

⁷³ Приказ командующего Черноморским флотом № 3789 от 08.09.1917. Музей КЧФ. Инв. № 6958; То же. № 4067 от 26.09.1917. Там же.

⁷⁴ Приказ командующего Черноморским флотом № 4085 от 25.09.1917. Музей КЧФ. Инв. № 6958.

⁷⁵ То же. № 3742 от 04.09.1917. Там же.

⁷⁶ То же. № 3941 от 18.09.1917. Там же.

⁷⁷ ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 49. Л. 8–49.

⁷⁸ Приказ командующего Черноморским флотом № 3995 от 21.09.1917. Музей КЧФ. Инв. № 6958.

⁷⁹ ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 31. Л. 59.

⁸⁰ Борьба за Советскую власть в Крыму. Симферополь, 1957. Т. 1. С. 43.

⁸¹ Свободный флот: Еженедельник Морского сборника. Пг., 1917. 9 сентября. С. 10–12.

волну возмущения и протеста подавляющего большинства воинских частей, тем не менее, выполняя линию партии и правительства, делегатское собрание городской организации 3 августа принимает решение большинством голосов «о допустимости смертной казни на фронте ввиду опасности, грозящей революции»⁸². На собрании представителей 24 судовых комитетов 5 августа была принята половинчатая резолюция, в которой заявлялось, что собравшиеся не берутся оценивать обоснованность введения смертной казни на фронте, но на флоте эта мера «решительно не вызывается никакой необходимостью, посему о введении её на флоте не может быть и речи»⁸³. Но 19 августа под давлением масс после длительной дискуссии подавляющим большинством пленарного заседания Севастопольского Совета была принята резолюция Совета крестьянских депутатов, в которой говорилось, «что смертная казнь как орудие устрашения не есть оправдание, а может служить лишь средством борьбы контрреволюционных классов с трудовой революционной демократией, поэтому Совет военных, рабочих и крестьянских депутатов высказывается против смертной казни и требует отмены её навсегда»⁸⁴.

Даже газета социалистов-революционеров «Революционный Севастополь» признала 18 августа, что матросы обвиняют эсеров в поддержке контрреволюции, а матросы эскадренного миноносца «Гаджибей» приняли резолюцию, осуждающую партию эсеров⁸⁵.

В июне-июле в городской организации возникла группа левых эсеров (Баккал, Чесноков, Пыркин и др.), с конца августа выделившаяся в отдельную фракцию в составе Севастопольского Совета⁸⁶.

Важное значение придавалось вопросу о власти, тем более что во втором коалиционном правительстве Керенского из 15 министров 7 являлись представителями социалистических партий, а во Всероссийском и Петроградском Советах эсеры составляли подавляющее большинство.

Но тут случилось то, что не предусматривала генеральная линия ЦК партии эсеров – 31 августа пле-

нарное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов впервые одобрило политическую резолюцию «О власти», внесённую большевиками. Пытаясь помешать большевизации Совета, его эсеро-меньшевистский президиум подал в отставку 9 сентября. На новом собрании Совета большинство вновь голосовало за большевистскую резолюцию, а председателем Петроградского Совета был избран Л.Б. Троцкий.

Вновь эсеровское большинство Севастопольского Совета вошло в противоречие с матросами и солдатами, которые на большинстве митингов и собраний требовали передачи власти Советам депутатов⁸⁷.

Но Севастопольский Совет 7 сентября принял резолюцию, поддерживающую политику Временного правительства⁸⁸. В ответ на эти действия Совета на митинге матросов и солдат гарнизона 12 сентября была принята резолюция протеста против контрреволюционных действий Исполкома Севастопольского Совета⁸⁹. Накануне ЦК Черноморского флота выступил с требованием передать власть в руки Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Эсеровская газета «Революционный Севастополь» была вынуждена признать, что на собраниях и митингах, созываемых эсерами в Севастополе, «езде шум, недовольство, крик, призывы к бунту»⁹⁰. А на прошедших в Севастополе выборах в Совет в первой половине октября эсеры хотя и сохранили большинство, но потеряли 63 мандата (232 против 295 на предыдущих выборах)⁹¹ и количество членов партии сократилось вдвое⁹².

Действующие в блоке с эсерами, меньшевики так же выполняли решения своего Центрального комитета. 19 августа по инициативе депутатов-меньшевиков была принята на пленарном заседании Севастопольского Совета резолюция о полной поддержке

⁸⁷ Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 14 сентября; Борьба за Советскую власть в Крыму. Т. 1. С. 49, 50; Большевистские организации Украины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. К., 1967. С. 885, 886.

⁸⁸ Борьба за Советскую власть в Крыму. Т. 1. С. 276.

⁸⁹ Там же. С. 58, 59.

⁹⁰ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. С. 375.

⁹¹ Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции. М., 1958. С. 184.

⁹² Гавен Ю. Октябрь в Крыму // Революция в Крыму. Симферополь, 1922. № 4. С. 7.

⁸² Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 19–23 августа.

⁸³ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. С. 322.

⁸⁴ Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 22 августа.

⁸⁵ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. С. 314, 353.

⁸⁶ Никонов С.А. Мои воспоминания. С. 24.

декларации, оглашённой на Государственном совещании Чхеидзе, в которой обосновывалась необходимость укрепления власти буржуазии⁹³. На проходившем в Петрограде 19–26 августа Объединённом съезде социал-демократов (меньшевиков) севастопольская делегация представляла уже только 500 членов партии⁹⁴. Повсеместно происходило колебание настроений матросов и солдат, которые хотели решения проблем в кратчайшее время. Крестьяне, одетые в военную форму, требовали передачи помещичьих, монастырских и кабинетных земель крестьянским или волостным комитетам⁹⁵, однако коалиционное Временное правительство и ЦК ПСР откладывали решение земельного вопроса до Учредительного собрания, затягивая одновременно и выборы его.

Временное правительство затягивало и решение национального вопроса, то есть создание федерального государства, несмотря на активную позицию создаваемых повсеместно национальных комитетов. Это видно на примере взаимоотношений правительства и Украинской Центральной рады. И хотя Центральная рада вынашивала свои далеко идущие планы, связанные с украинизацией армии и флота, в армии сохранялись и другие национальные части. Временное правительство вело двойственную политику в вопросе формирования украинских частей. 2 сентября Штаб командующего Черноморским флотом получил телеграмму дежурного генерала при верховном главнокомандующем № 11740, в которой рекомендовано «производить постепенно обмен офицеров, переводя в украинизированные части офицеров украинцев из прочих частей с заменой их офицерами не украинцами»⁹⁶, и с этого времени на судах флота под влиянием агитации украинских общественных организаций, городской организации партии украинских эсеров расширилось движение по поднятию украинских флагов. И когда на некоторых судах уже развевались национальные флаги, морской министр 15 октября посылает телеграмму

в Киев с требованием разъяснить командам их неправильные действия⁹⁷.

24 октября по согласованию с Украинским войсковым генеральным комитетом Центральной рады при Штабе флота был официально аккредитован и поставлен на довольствие в качестве комиссара ЦР капитан 2 ранга Е.Н. Акимов⁹⁸. 1 ноября в Киеве была создана Морская генеральная рада, и по согласованию Петрограда и Киева 16 ноября приказом командующего флотом формируется комиссия по передаче крейсера «Память Меркурия» комиссару Украинской Центральной рады⁹⁹. Надо отметить, что командующий флотом контр-адмирал Немитц вёл через своего представителя, лейтенанта Спаде, переговоры с ЦР. Он предлагал организовать Черноморское правительство автономных областей, прилегающих к Чёрному морю, создать коммерческий украинский флот, реформировать Черноморский флот, уволив матросов старших возрастов. Адмирал предложил встретиться в Одессе с представителем ЦР. Этот вопрос был положительно рассмотрен 27 ноября на заседании Генерального секретариата, однако дальнейшие события, по всей видимости, помешали этой встрече¹⁰⁰.

Двойная политика Временного правительства и сепаратизм командующего флотом не способствовали стабилизации обстановки на флоте. В этот период в Совете образовались новые фракции – левых эсеров и украинских эсеров. Усилилось влияние на флоте анархистов. 16 сентября Н.И. Островская писала в ЦК РСДРП(б): «...Если не пришлётё двух работников, то разовьётся начинающий здесь уклон к анархизму, так как эсеры и меньшевики без авторитета»¹⁰¹. 30 сентября она докладывала в ЦК уже в более резкой форме: «...Итак, берите на себя всю ответственность: или двух работников – и Чёрное море большевистское и богатое, или опять ваше равнодушие и молчание – и тогда здесь керенщина и анархизм (который пойдёт на наш счёт), ибо считать, на основании последнего времени, что влияние наше, а анархисты выступают инкогнито, иной раз говоря с трибуны, что большевики и анархисты на всё

⁹³ Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 22 августа.

⁹⁴ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. С. 315.

⁹⁵ Борьба за Советскую власть в Крыму. Т. 1. С. 43; Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 27 августа.

⁹⁶ Приказ командующего Черноморским флотом № 3713 от 02.09.1917. Музей КЧФ. Инв. № 6958.

⁹⁷ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. С. 423.

⁹⁸ Приказ командующего Черноморским флотом № 4644 от 02.09.1917. Музей КЧФ. Инв. № 6972.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Украинская Центральная Рада: документы и материалы. К., 1996. Т. 1. С. 479.

¹⁰¹ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б)... С. 243.

смотрят одинаково. А им помогает в этом по мере сил Бунаков (со своей безграмотной кликой уверяя, что большевики – анархисты)»¹⁰². А уже 10 сентября констатировала, что «за последнее время анархисты развелись, и за отсутствием наших выступлений их принимают за нас. Наши не отходят, но масса “левеет” по-анархистски, при южном темпераменте и политической невоспитанности это может привести к хлопотам немалым и не вовремя, главное»¹⁰³.

30 августа в Севастополе состоялось первое заседание Центрального комитета Черноморского флота (ЦК ЧФ). В целом он был эсеро-меньшевистским, но тесно связанным с матросами, и отражал их настроения, по ряду вопросов занимал позиции более радикальные, чем Севастопольский Совет. Первым председателем ЦК ЧФ был избран председатель судебного комитета линкора «Воля» анархист Е.Н. Шелестун¹⁰⁴.

Захват на судах офицерских помещений получил такой размах, что этот вопрос рассматривался 20 сентября на заседании Временного правительства¹⁰⁵, продолжались отстранение офицеров от должностей и их аресты, в середине октября матросы на улице избили офицера, демонстративно заявившего о своих монархических убеждениях¹⁰⁶. 1 октября на митинге в Черноморском флотском экипаже было вынесено решение «об аресте некоторых судейских офицеров, соучастников целого ряда тяжких приговоров»¹⁰⁷. Это уже было не недовольство офицерским составом, а призыв к мщению.

Флот вышел из-под контроля командования. 19 октября в походе по перехвату германо-турецкого крейсера «Бреслау» команда линкора «Свободная Россия» отказалась идти к болгарским берегам и заставила офицеров вернуться в Севастополь. По возвращении эскадры контр-адмирал А.В. Немитц возбудил вопрос о немедленном суде над командой линкора, но, натолкнувшись на резкий протест матросов, отступил¹⁰⁸. 29 октября для ликвидации яко-

бы погромов, организованных контрреволюционным офицерством, в Мелитополь был отправлен отряд моряков. На следующий день вышел приказ по флоту за подписью командующего и председателя ЦК ЧФ с предписанием «флагманам на судах и частях сдать всё огнестрельное оружие в арсеналы под охрану часовых и под ответственность судовых комитетов»¹⁰⁹. Отряд был отправлен без ведома ЦК ЧФ и командующего флотом. В приказе по флоту об этом случае говорилось, что «в результате “Свободная Россия” вошла в док и в настоящее время производит срочные доковые работы с уменьшенным числом команды, это затянет её готовность и задержит док для других судов, что отразится в сильной степени на боеспособности флота. Из минной и машинной школы уехали в Мелитополь ученики, в числе около 130 человек, конечно, занятиям в школах нанесён большой удар, что целиком отразится на пополнении флота так необходимыми нам специалистами. Между тем, если бы требование о наряде прошло через Штаб, то все эти обстоятельства были бы приняты во внимание и посылка команд прошла бы для флота безболезненно. Кроме того, имело место требование высылки патрулей не через Штаб, а непосредственно на корабли, благодаря этому нарушались очередь и правильное распределение нарядов»¹¹⁰. Кстати, докладывая об экспедиции в Мелитополь на заседании Исполкома Севастопольского Совета, Пожаров сказал, что «там никаких начинаний к погромам не было и наш отряд был не карательный, а чисто осведомительно-убедительный»¹¹¹.

25 октября 1917 г. произошли два события, которые стали поворотными в жизни государства. В этот день на Дону начался контрреволюционный мятеж генерала А.М. Каледина, вечером в Петрограде открылся II Всероссийский съезд Советов, провозгласивший советскую власть.

На флоте вновь прокатилась волна недовольства политикой эсеров и меньшевиков, Севастопольского Совета, где они имели подавляющее большинство и в отличие от матросских масс были против перехода власти к Советам. Находившийся на более левых позициях Черноморский Центрофлот, выражая волю матросов, выступил с воззванием в поддержку советской

¹⁰² Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б)... С. 292.

¹⁰³ Там же. С. 343.

¹⁰⁴ Борьба за Советскую власть в Крыму. Т. 1. С. 45.

¹⁰⁵ Приказ командующего Черноморским флотом № 4058 от 26.09.1917. Музей КЧФ. Инв. № 6972.

¹⁰⁶ *Королёв В.И.* Черноморская трагедия. С. 13.

¹⁰⁷ Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 6 октября.

¹⁰⁸ *Гречанюк Н., Попов Н.* Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов. Симферополь, 1957. С. 83, 84.

¹⁰⁹ Приказ командующего Черноморским флотом № 4530 от 30.09.1917. Музей КЧФ. Инв. № 6972.

¹¹⁰ То же. № 4580 от 30.09.1917. Там же.

¹¹¹ ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 25. Л. 10.

власти¹¹². Был отстранён от должности главного комиссара флота правый эсер Бунаков-Фундаминский, а на митингах принимались резолюции с требованием удалить «соглашателей» и «объединенцев» из состава Севастопольского Совета¹¹³. Выступая на собрании линкора «Воля», один из лидеров анархистов, Мокроусов, грозил «штыками разобрать Совет, если таковой не примет анархистскую резолюцию», на что команда линкора выразила протест¹¹⁴.

Последней каплей, которая привела к падению в городе власти эсеро-меньшевистского Совета, было отношение его большинства к борьбе матросов против Каледина.

На проходившем 6–19 ноября I Общечерноморском съезде было принято решение о посылке в Киев отряда численностью 700 человек на помощь провозглашённой 7 ноября Украинской Народной Республике и на Дон для борьбы с Калединым отряд в 2500 человек. Категорически против посылки отрядов были командование Черноморским флотом и эсеро-меньшевистское большинство Севастопольского Совета. Однако мнение командования было проигнорировано, а Совет 182 голосами «за», 89 – «против» и 28 – «воздержавшихся» принял после ожесточённой полемики решение о посылке отрядов. Решение было принято благодаря альянсу большевиков и украинских эсеров¹¹⁵, каждая из фракций которых преследовала свои интересы – украинские эсеры поддерживали политику Центральной рады, а большевики – власть Советов на Дону. Причём, выражая волю Морской генеральной рады, созданной в Киеве 1 ноября, Делегатское собрание украинцев флота и гарнизона 9 ноября потребовало в резолюции от командующего флотом и ЦК ЧФ «в случае надобности послать один или несколько кораблей в каком-либо из портов для водворения порядка как на украинской, так и неукраинской территории... оповещать в таких случаях Черноморский украинский войсковой комитет, без ведома которого ни один корабль такого назначения иметь не должен»¹¹⁶. Команда эскадренного миноносца «Пылкий» заявила в резолюции, что вый-

дет в море «только тогда, когда потребуется охрана наших невооружённых судов» и потребовала через Совет объяснений от командующего флотом о цели посылки кораблей 19 октября¹¹⁷.

Позиция командования и офицеров в отношении посылки отряда на Дон была расценена как поддержка восстания генерала Каледина, тем более что было известно, что костяк отрядов Каледина состоял из офицеров. С 15 ноября вновь начались репрессии против офицеров. Были арестованы подполковник по адмиралтейству В. Муляров, бывший смотрителем арестного дома Морского ведомства с 1914 г.¹¹⁸, прапорщик А.Н. Ованесов, обвинённый «в участии в политическом сыске»¹¹⁹, отстранены от должностей по требованию матросов подполковник по адмиралтейству Ф.Г. Яновский и чиновник Чистяков¹²⁰. В трюм корабля был сброшен начальник отряда судов и портов Восточной части Чёрного моря капитан 1 ранга М.И. Федорович, получивший в результате тяжёлые ранения. Комиссия, созданная для расследования обстоятельств покушения на него¹²¹, виновных, конечно, не нашла. Аресты проводились матросами без санкции Следственной комиссии, о чём комиссия 1 декабря была вынуждена сообщить в Исполком Севастопольского Совета¹²², однако Совет уже не мог влиять на события.

С 23 ноября приказанием по флоту было указано, что с этого числа все приказы и приказания действительны только в том случае, если они подписаны командующим или начальником Штаба флота и главным комиссаром флота¹²³.

12 декабря в газетах был опубликован приказ № 5 Военной комиссии Севастопольского Совета о введении выборности командного состава¹²⁴, а 15 декабря ЦК ЧФ постановил предложить желающим младшим офицерам пяти категорий уволиться

¹¹² Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 2 ноября.

¹¹³ Борьба за Советскую власть в Крыму. Т. 1 С. 111.

¹¹⁴ Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 19 ноября.

¹¹⁵ Там же. 10 ноября.

¹¹⁶ Там же. 19 ноября.

¹¹⁷ Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 11 ноября.

¹¹⁸ ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.

¹¹⁹ Там же. Д. 30. Л. 770.

¹²⁰ Там же. Д. 28. Л. 21.

¹²¹ Приказ командующего Черноморским флотом № 4904 от 25.11.1917. Музей КЧФ. Инв. № 6972.

¹²² ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

¹²³ Приказ командующего Черноморским флотом № 4826 от 23.11.1917. Музей КЧФ. Инв. № 6972.

¹²⁴ Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 12 декабря.

в запас¹²⁵, правда, последнее постановление вскоре отменили. 13 декабря командующий Черноморским флотом контр-адмирал А.В. Немитц выехал в командировку в Петроград, и вскоре выяснилось, что по дороге он сбежал¹²⁶.

Дестабилизирующим фактором явился и сложившийся в ноябре политический союз украинского и крымско-татарского национальных движений. В начале месяца КМИК добился от властей передачи ему ханского дворца в Бахчисарае и по этому случаю организовал торжество, на котором с речами выступали муфтий Ч. Челебиев, председатель мусульманского военного комитета С. Идрисов и другие. Они говорили, что крымские татары готовы навести порядок в Крыму и настойчиво бороться с анархией, захлестнувшей страну по вине большевиков. Представитель губернской рады на этом митинге заявил, что «отныне судьба Крымского полуострова всецело в руках татар», обещал поддержку «украинского народа в восстановлении поправленного права татар на самоопределение»¹²⁷. Вскоре Совет народных представителей и Крымский штаб перешли от слов к делу и 12 декабря направили отряды в приморские города Крыма¹²⁸.

10 декабря в Севастополь были доставлены тела 18 красногвардейцев, павших в боях с контрреволюционными отрядами под Белгородом¹²⁹, а через день возвратились остатки первого Черноморского революционного отряда, разгромленного на Дону. Обвинив в неудачах лейтенанта А.М. Скаловского, одного из четырёх офицеров, бывших в отряде, матросы расстреляли его под Тихорецкой. 12 декабря на эскадренном миноносце «Фидониси» кочегар Коваленко выстрелом из машинного отделения тяжело ранил мичмана Н. Скородинского, за то что тот сделал ему замечание за нерадивую службу. Не приходя в сознание, мичман умер на следующий день в госпитале¹³⁰.

Скородинский в июле 1917 г. окончил училище и был направлен для службы на Черноморский флот¹³¹, был лояльным к новой власти и пользовался авторитетом и уважением среди команды.

Представители прибывшего из-под Белгорода красногвардейского отряда 12 декабря на заседании Севастопольского Совета заявили, что отряд не только не признаёт его авторитета и распоряжений, но требует в 24 часа очистить помещение Исполкома, в противном случае разгонят его силой¹³². В этот же день на митинге, созванном большевиками, приняли резолюцию о немедленном переизбрании Совета, а на заседании Исполкома фракция большевиков в официальной декларации заявила, что выходит из состава Исполкома и Совета, не желая больше сотрудничать с теми, кто окончательно скомпрометировал себя перед массами¹³³. На митинге матросов-украинцев эскадренных миноносцев «Жаркий» и «Зоркий» была принята резолюция, в которой не признавалась Центральная рада, а признавалась и поддерживалась только советская власть, на защиту которой они готовы выступить. Митинг постановил отозвать своего представителя из Морской генеральной рады¹³⁴.

Обстановка в городе накалилась до предела. 15 декабря команда плавучих средств севастопольского крепостного артиллерийского склада обратилась в Совет с требованием создать военно-революционный трибунал с неограниченными правами для борьбы со «спекулянтами, мародёрами, контрреволюционерами и другими преступниками революции»¹³⁵. Вечером на эскадренном миноносце «Гаджибей» после импровизированного митинга были арестованы 6 офицеров. Матросы привели их в тюрьму, но так как там отказались принять арестованных без санкций Следственной комиссии, офицеров отвели за Малахов курган и там расстреляли. Ночью было арестовано много офицеров, подозреваемых в «контрреволюционной» деятельности, 28 из них было убито

¹²⁵ Приказ командующего Черноморским флотом № 5195 от 21.12.1917. Музей КЧФ. Инв. № 6972.

¹²⁶ Приказ ЦК ЧФ. №143 от 16.01.1918. ФГБУК ГМГООС. К-997. С. 63.

¹²⁷ *Королёв В.И.* Таврическая губерния в революциях 1917 г. Симферополь, 1993. С. 32, 33.

¹²⁸ Там же. С. 23.

¹²⁹ Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 12 декабря.

¹³⁰ *Матвеев Г.М.* Воспоминания об Октябрьской революции в Севастополе. С. 73, 74.

¹³¹ Приказ командующего Черноморским флотом № 2713 от 28.06.1917. Музей КЧФ. Инв. № 6985.

¹³² *Жуков В.К.* Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 88.

¹³³ Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти. К., 1963. С. 644, 645.

¹³⁴ *Моряки в борьбе за власть Советов на Украине.* К., 1963. С. 57.

¹³⁵ Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 19 декабря.

в течение нескольких дней. 12 офицеров из числа убитых были с Минной бригады. Из 8 офицеров с эскадренного миноносца «Гаджибей» было убито 5, с «Пронзительного» – 4. Убиты председатель Севастопольского военно-морского суда генерал-лейтенант Ю.Э. Кетриц, бывший начальник тыла флота и главный командир Севастопольского порта вице-адмирал П.И. Новицкий, начальник школы юнг контр-адмирал А.И. Александров, начальник высадки контр-адмирал М.И. Каськов, начальник Минной бригады капитан 1 ранга И.С. Кузнецов, начальник Службы связи флота капитан 1 ранга А.Ю. Свиньин, начальник дивизиона сторожевых судов капитан 1 ранга Ф.Д. Климов и др.

Офицеров хватили без разбора и отводили в тюрьму и арестный дом Морского ведомства. Но в этой чрезвычайной ситуации матросы находили и освобождали из-под ареста своих офицеров. По требованию матросов были освобождены четыре офицера эскадренного миноносца «Беспокойный», во главе с командиром капитаном 2 ранга Я.В. Шрамченко, флагманский штурман Минной бригады лейтенант А.Ф. Ульянин, 2-й минный офицер Минной бригады лейтенант Б.М. Трейдлер и др.

В час ночи на экстренном заседании, созванном Центрофлотом, был организован временный Военно-революционный комитет под председательством большевика И.Л. Сюсюкалова. Экстренное заседание распустило Совет и назначило делегатское собрание флота и гарнизона на 11 ч дня в театре «Ренессанс»¹³⁶, Военно-политическая часть Штаба флота известила судовые комитеты о перевыборах Совета к 18 декабря.

Днём 16 декабря объединённое заседание представителей судовых и береговых частей, президиумов Исполкома Совета военных и рабочих депутатов, ЦК ЧФ, представителей социалистических партий и штаба революционного отряда избрало Военно-революционный комитет из 20 членов, представителей большевиков, левых эсеров и анархистов. В президиум ВРК были избраны только большевики – Гавен, Зедин, Пожаров, Драчук, Марченко и Сюсюкалов¹³⁷. ВРК, состоящий из представителей только леворадикальных партий, сумел в течение нескольких дней стабилизировать обстановку и прекратить кровавую вакханалию.

¹³⁶ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. С. 57.

¹³⁷ Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 19 декабря.

На организационном собрании Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов, состоявшемся 18 декабря, оказалось, что по партийной принадлежности депутаты распределились следующим образом: эсеры – 89, беспартийные – 50, большевики и сочувствующие – 35, меньшевики – 6, польские социалисты – 6. В Исполком были избраны 11 большевиков, 3 левых эсера и 5 беспартийных. Председателем избрали большевика Н.А. Пожарова¹³⁸. И хотя влияние большевиков в конце 1917 г. было бесспорно, однако процент депутатов их фракции был невысок. После выборов в Севастопольский Совет в октябре они имели 13% мест¹³⁹, на выборах в Учредительное собрание по Черноморскому избирательному округу (в этом округе к числу избирателей относились матросы и солдаты частей, подчинённых командующему Черноморским флотом, и рабочие предприятий Морского ведомства) большевики получили только 20%, тогда как эсеры – 40%, а украинские эсеры – 24%¹⁴⁰, а декабрьские выборы дали большевикам только 18,8% депутатских мест. Поэтому большевики могли прийти к власти только в коалиции с левыми партиями – левыми эсерами и анархистами. То, что большевики возглавляли Совет и ВРК в декабрьские дни, можно в какой-то степени объяснить тем, что наиболее авторитетные и влиятельные лидеры союзников по коалиции И.Ю. Баккал и А.В. Мокроусов находились в Петрограде.

Матросы и рабочие на митингах и собраниях требовали прекратить несанкционированные обыски и самосуды и выражали поддержку Ревкому и вновь избранному Совету. Поскольку больше всех «усердствовали» красногвардейцы отряда, вернувшегося с Дона, общее собрание представителей 1-й и 2-й бригад линейных кораблей потребовало от ВРК и нового Совета «разоружить отряд в экипаже»¹⁴¹. ВРК удалось к 21 декабря прекратить расстрелы, однако на флоте продолжались аресты офицеров по решению комитетов, и дела рассматривались Следственной комиссией Совета и Революционным трибуналом. Многие офицеры, арестованные комитетом, через несколько дней брались этими же комитетом под свою ответ-

¹³⁸ Вольный юг. 1917. 21 декабря.

¹³⁹ Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции. М., 1957. С. 184.

¹⁴⁰ Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 21 ноября.

¹⁴¹ Там же. 22 декабря.

ственность. 16 декабря по решению комитета был арестован главный артиллерист Севастопольского порта генерал-майор корпуса морской артиллерии Н.Д. Паршинцев, а 19 декабря общее собрание служащих артиллерийской части порта единогласно постановило, что «ничего против него не имеем» и просило о его освобождении¹⁴². В ночь на 17 декабря арестованы офицеры подводной лодки «Кашалот» «как почти контрреволюционеры» лейтенант В.Г. Пчельников и инженер-механик мичман В. Брискин, а 11 января 1918 г. комитет лодки ходатайствовал перед Революционным трибуналом о взятии офицеров на поруки и они были освобождены «под ответственность команды»¹⁴³. Были арестованы по решению комитета и освобождены по его же просьбе начальник отрядов судов и средств борьбы с подводными лодками капитан 1 ранга Л.П. Муравьев 1-й и его заместитель подполковник корпуса гидрографов В.К. Потапов¹⁴⁴.

Аресты проводились не только в Севастополе. Так, по требованию команды подводной лодки «Тюлень» был выдан ордер на арест в Сулине капитана 2 ранга П.С. Бачманова¹⁴⁵, в Симферополе – капитана 2 ранга В.Д. Брода¹⁴⁶. 21 декабря были арестованы в Новороссийске и срочно доставлены в Севастополь начальник 7-го отряда транспортов Транспортной флотилии контр-адмирал Н.Г. Львов, флаг-офицер того же отряда старший лейтенант Б.Н. Чернай и командир временно военного Новороссийского порта капитан 1 ранга П.В. Верховский¹⁴⁷, в Трапезунде арестован по «подозрению» в погроме прапорщик Л.С. Волосевич¹⁴⁸ и т.д.

В условиях всеобщей подозрительности и угрозы убийства или ареста многие офицеры бросали службу и уезжали из Севастополя.

Следует отдать должное работе членов Революционного трибунала и депутатов Совета, работающих в Следственной комиссии, которые старались объективно разбираться в делах, и многие офицеры освобождались из мест заключения, не всегда и выдавались ордера на аресты. Так, Севастопольский отдел Союза моряков торгового флота потребовал арестовать заведующего мобилизационной частью

Севастопольского порта капитана 1 ранга Н.В. Ратькова и агента РОПиТ А.И. Млинаруча, однако в аресте было отказано, «так как без достаточных улик они арестованы быть не могут»¹⁴⁹. В конце декабря 1917 г. – январе 1918 г. Революционный трибунал рассмотрел несколько дел офицеров и матросов, причастных к подавлению восстаний на Черноморском флоте в 1905 г. и в 1912 гг. К 10 годам лишения свободы был приговорён бывший в 1912 г. командиром крейсера «Память Меркурия» контр-адмирал Н.Г. Львов, к 3 годам лишения свободы приговорён капитан 2 ранга И.Г. Цвингман, в 1912 г. офицер линкора «Евстафий»¹⁵⁰. По требованию сына лейтенанта П.П. Шмидта был арестован и осуждён на 10 лет тюрьмы капитан 1 ранга в отставке Ф.Ф. Карказ, осуждены к разным срокам заключения матросы, бывшие в 1912 г. осведомителями охранного отделения.

Управление флотом 27 декабря, по решению I Всероссийского съезда военного флота, взял в свои руки Черноморский Центрофлот¹⁵¹, а 1 января по флоту, на основании декрета СНК, было объявлено, что звание офицера отменяется, отменяется и ношение орденов, крестов и прочих знаков отличия¹⁵².

Временное правительство, в которое с конца мая 1917 г. входили эсеры и меньшевики и которое впоследствии возглавлял эсер Керенский, не смогло выполнить чаяния народов России и потеряло всякое доверие поддерживающих его масс, что и привело к его падению. Это был вынужден констатировать прошедший 26 ноября – 5 декабря в Петрограде 4-й съезд партии социалистов-революционеров, который дал оценку работы ЦК партии за прошедший год, заявив, что ЦК не осуществлял в должной мере контроль над деятельностью членов партии, занимавших ответственные посты в правительстве и руководящих органах демократии, чем делал партию ответственной за политику Временного правительства, но не санкционированную партией, и невольно способствовал подрыву доверия масс к последней.

В эпоху революционного лихолетья Севастополю суждено было стать ареной столкновения человеческих страстей и политических прожектов, державных интересов и геополитических авантюр.

¹⁴² ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 24. Л. 64, 65.

¹⁴³ Там же. Д. 27. Л. 187, 190.

¹⁴⁴ Там же. Д. 30. Л. 899, 905.

¹⁴⁵ Там же. Д. 27. Л. 346.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же. Л. 39.

¹⁴⁸ Там же. Л. 256–260.

¹⁴⁹ ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 27. Л. 256–289.

¹⁵⁰ Вольный юг. 1917. 3 января.

¹⁵¹ РГА ВМФ. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 1а. Л. 32–32 об.

¹⁵² Приказ командующего Черноморским флотом № 5223 от 27.12.1917. Музей КЧФ. Инв. № 6972.

В третьей декаде декабря вновь обострился вопрос украинизации флота, когда на линкоре «Воля» был поднят украинский флаг и 300 русских и 400 матросов украинцев пригрозили покинуть корабль (команда 1220 человек). 23 декабря на заседании Черноморского Центрофлота экстренно рассматривался вопрос о событиях на линкоре и было принято решение о созыве судовых и береговых комитетов¹⁵³. На следующий день собрание приняло решение «спустить с линкора “Воля” украинский и поднять красный флаг»¹⁵⁴. Ещё до объявления украинской независимости от Советской России (11 (24) января 1918 г.) Центральная рада объявила через штаб Одесского военного округа демобилизацию всех неукраинских войсковых частей на Украине и немусульманских в Крыму. И это притом что Украина в ноябрьском Универсале объявляла своей территорией Таврическую губернию без Крыма. А уже 13 января была получена телеграмма от ЦР, которая предупреждала «организации и начальников украинского флота в Севастополе, что все сношения с представителями приграничных держав, как с Россией, так и с другими, будут преследоваться отныне как государственная измена»¹⁵⁵. Эта телеграмма вызвала протесты на флоте и в городе, и тема украинизации флота больше не поднималась, тем более что новые события в Крыму отвлекли внимание.

Как уже говорилось выше, Совет народных представителей и Крымский штаб направили свои отряды в приморские города Крыма, а в конце декабря разоружили красногвардейцев в Евпатории. 28 декабря Севастопольский ВРК предъявил ультиматум: в 24 часа вернуть отобранное у красногвардейцев оружие и прекратить в дальнейшем разоружение отрядов, посылаемых Ревкомом в другие города Крыма. Разоружение отрядов продолжалось, и тогда ВРК направил боевые корабли с десантом моряков в портовые города. В ночь с 10 на 11 января 1918 г. отряды Крымского штаба подошли к Камышловскому мосту, где произошёл бой с отрядами моряков, переброшенных из Севастополя, и к 17 января на всей территории Крымского полуострова была установлена советская власть. Вновь в Севастополе прокатилась волна арестов

офицеров и лиц, подозреваемых в выступлениях против советской власти: по заявлению братьев Тургаевых «о реакционном поведении» были арестованы члены Севастопольского мусульманского комитета Ш.А. Девятов, Умеров и военный мулла И.З. Замалетдинов, однако следствие доказало их невиновность и 22 марта дело было прекращено¹⁵⁶; на линкоре «Свободная Россия» арестованы на основании слухов мичманы Баранов и Гоц, но вскоре освобождены из тюрьмы «из-за недостаточности материалов для обвинения в контрреволюционной деятельности»¹⁵⁷; за неявку по тревоге в ночь с 10 на 11 января на эскадренном миноносце «Лейтенант Шестаков» были арестованы четыре офицера, мичман С. Аненский и Н.Н. Крестовоздвиженский были прощены, так как добровольцами ушли на фронт с красногвардейским отрядом, а капитан 2 ранга Г.Ф. Гильдебрант и лейтенант Э.И. Страутинг были уволены «с лишением содержания»¹⁵⁸. 17 января Следственная комиссия рассмотрела дело о трёх офицерах 33-го пехотного запасного полка по обвинению их в «контрреволюционном мусульманском движении» и признала их невиновными¹⁵⁹ и т.д.

Борьба за власть была далеко не бескровной. В ней погибло много офицеров в Евпатории, Ялте, Симферополе и других городах Крыма. Эта тема ещё ждёт своих исследователей. И поскольку победители руководствовались только «революционным сознанием», погибло много невинных людей. Как пример можно привести судьбу подполковника В.Н. Андреева. Фронтовик, находясь на излечении в Евпатории, был избран казначеем местного Союза инвалидов. 16 января, во время известных событий в Евпатории, был арестован и отправлен на вспомогательный крейсер «Трувор». Дальнейшая судьба неизвестна. По всей вероятности, он был расстрелян на крейсере, и тщетно жена пыталась выяснить его судьбу, обращаясь во все инстанции, в том числе и в Следственную комиссию Севастопольского Совета¹⁶⁰. Действия красногвардейских отрядов в Крыму показали, что в них находилось много случайных людей, которые руководствовались отнюдь не революционными идеями. Нередко возвращавшихся красногвардейцев арестовывали за ма-

¹⁵³ Приказ ЦК ЧФ. № 143 от 16.01.1918. ФГБУК ГМГООС. К-997. Л. 1 об. – 2.

¹⁵⁴ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. С. 63, 64.

¹⁵⁵ *Сирченко И.Т.* Выполняя приказ В.И. Ленина. М., 1969. С. 62.

¹⁵⁶ ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 30. Л. 715.

¹⁵⁷ Там же. Д. 27. Л. 210, 213.

¹⁵⁸ Там же. Л. 167, 173, 176, 178.

¹⁵⁹ Там же. Л. 262.

¹⁶⁰ Там же. Д. 30. Л. 333, 334 об.

родёрство. 18 января на совместном заседании ВРК, ВРШ и Комиссии по борьбе с контрреволюцией было принято постановление о том, что ввиду начавшегося разложения в революционных отрядах необходимо переформировать все находившиеся в ведении ВРШ отряды¹⁶¹. Во второй половине января ОВРК и ОВРШ отдали приказ об организации красногвардейских отрядов на территории Крыма и вооружении их. На это требовались деньги, однако кассы были пусты. Уже 20 января Следственная комиссия Севастопольского Совета, «рассмотрев дело о спекулянтах-домовладельцах (15 человек), постановила наложить арест на все имеющиеся у них в банках Севастополя и Симферополя капиталы, ценные бумаги и фонды»¹⁶². Финансовая комиссия Севастопольского Совета 12 января на объединённом заседании Исполкома Совета, Исполкома крестьянского Совета и ВРШ доложила, что «буржуазия вместо 10 млн руб. (контрибуции) даёт сейчас только 1 млн. Заседание постановило взыскать 1 млн наличными сразу, а остальные 9 млн надлежало собрать в самый кратчайший срок»¹⁶³. Взыскивались с имущих классов суммы от 60 до 10 тыс. руб.

В связи с установлением советской власти на большей части территории России, народный комиссар юстиции И.З. Штейнберг разослал телеграмму, которая была получена и в Севастополе 21 января, следующего содержания: «Ввиду упрочения советской власти, полагаем, наступил момент прекращения систематических репрессий против лиц, учреждений и печати. Подавление или пресечение активных контрреволюционных выступлений должно войти в русло революционного правопорядка. Политические аресты, обыски и выемки должны производиться только одной Следственной комиссией, состав которой должен опубликоваться. Целью её должно явиться только предание суду Революционного трибунала, то же в отношении печати, репрессии должны проводиться в трибунале...»¹⁶⁴

Во второй половине января – первой половине февраля жизнь в городе проходила спокойно, но на флоте произошли события, которые в корне изменили расстановку политических сил. В связи с демобилизацией старого флота на службе в Черноморском флоте (с береговыми частями) осталось 2294 офицера

и 25 028 матросов и солдат. Некомплект в команде на линкорах «Свободная Россия» и «Воля» составлял 450 человек, в Минной бригаде – 250 человек, в Бригаде подводного плавания – 250 человек. Крейсера и береговые части почти полностью были укомплектованы матросами 1917 г. призыва¹⁶⁵. Численность флота сократилась в два раза, к тому же многие матросы находились в красногвардейских отрядах. Тем самым сократилась политическая база большевиков и левых эсеров. В связи с подготовкой Брестского мирного договора наметился разлад между большевиками и левыми эсерами, которые отстаивали необходимость «революционной войны» как средства, способного подтолкнуть революцию на Западе, и анархистские отряды стали представлять угрозу для новой власти. В Сарабузе отряд Пискунова был готов взять местный ревком «на мушку», в Симферополе отряд севастопольских красногвардейцев под командованием Шмакова (член ОВРШ) занимался мародёрством, «экспроприацией буржуазии» и пытался захватить власть в городе.

В этой ситуации 16 февраля (по новому стилю) фракции эсеров (правых) и меньшевиков заявили о своём возвращении в состав Севастопольского Совета¹⁶⁶ (до этого фракции на заседании не являлись). На улицах города шли митинги, где выступали ораторы эсеров и меньшевиков, которые говорили о предательстве большевистских вождей, о полном провале их политики, предсказывая гибель революции под германским сапогом, если массы не сбросят господство большевиков.

Около 23 ч 20 февраля вооружённая группа меньшевиков и эсеров ворвалась в типографию газеты «Таврическая правда» и отпечатала в траурной рамке прокламацию «Бюллетень мира», направленную против заключения Брестского мира¹⁶⁷. На следующий день в Севастополе по радио было получено воззвание СНК «Социалистическое отечество в опасности» и приказ главноверха Н.В. Крыленко о всеобщей мобилизации для отпора начавшемуся наступлению германских войск. Эти документы были поставлены на обсуждение Совета. Лидеры правых эсеров и меньшевиков своими выступлениями вызвали

¹⁶¹ Революция в Крыму. № 1 (7). С. 263.

¹⁶² ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 13. Л. 143–143 об.

¹⁶³ Таврическая правда. 1918. 24 января.

¹⁶⁴ ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 7. Л. 176.

¹⁶⁵ Протоколы заседаний 2-го Общечерноморского съезда. ФГБУК ГМГОС. А-1157/15.

¹⁶⁶ Сирченко И.Т. Выполнив приказ В.И. Ленина. С. 73.

¹⁶⁷ Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 138, 139.

негативную реакцию большинства депутатов. В городе сложилась взрывоопасная ситуация. К этому следует добавить ещё целый ряд факторов, повлиявших на последующие события. Это отказ имущих классов под разными предлогами «платить» контрибуцию; военные действия на Дону, откуда поступали сведения о погибших красногвардейцах, и похороны их в Севастополе¹⁶⁸; ослабление большевистской организации в связи с уходом большинства её членов на борьбу с контрреволюцией и отсутствием в городе наиболее авторитетных её руководителей – Н.И. Островской и Ю.П. Гавена. К тому же нельзя забывать, что Совет был коалиционным и большевики в нём большинства не составляли, многие члены Совета компрометировали новую власть постоянным пьянством, и это при существующем сухом законе. 20 февраля рабочая охрана Графского тоннеля задержала автомобиль, в котором ехали члены Совета М. Баклан, Лаврентьев и Евсиков, «при осмотре автомобиля было обнаружено 55 бутылок вина, которые и были отображены»¹⁶⁹.

Прибывший в Севастополь в феврале представитель ВЦИКа Г.Ф. Коломин констатировал, что «мы знаем, что отчасти армия разлагалась, отчасти к ней призывались бандиты, но истинно советские работники борются с этим злом» и что, как и другие Советы края, в Севастопольский попали люди, скомпрометировавшие его. Во время инспектирования Г.Ф. Коломин увидел во дворе Совета массу пустых бутылок и услышал от поваров, что члены Совета напивались до безумия¹⁷⁰.

Около 21 ч 21 февраля на линкоре «Борец за Свободу» состоялось собрание судовых комитетов, которое решило заставить опустить голову буржуазии. Был намечен ряд действий, «вплоть до поголовного истребления буржуазии». Избрали комиссию из 25 человек, во главе с председателем ЦК ЧФ С.И. Романовским, Басовым и С.Г. Шамаковым – все анархисты. Узнав о готовящейся акции, руководители Совета, большевики Н.А. Пожаров и П.З. Марченко, отправились на Каменную пристань, пытаясь отговорить прибывших туда матросов от погромов. Ответ был короткий: «Не хотите – не надо. Мы сами это сделаем, а вас знать больше не хотим». Под воздействием агитации матросы были уверены, что идут защищать власть Советов¹⁷¹.

Около 2 ч ночи вооружённая толпа матросов вошла в город и начались массовые обыски, грабежи и убийства. По некоторым источникам, в течение нескольких ночей было убито около 250 человек¹⁷², хотя на самом деле эта цифра значительно занижена. Один из руководителей комиссии, С.Г. Шамаков, в ночь с 23 на 24 февраля аналогичную акцию провёл в Симферополе, в результате было убито до 170 человек¹⁷³.

24 февраля на заседании Исполкома Севастопольского Совета были осуждены действия матросов, Военная комиссия Совета издала приказ № 180, в котором говорилось: «...считать всех действующих низко и преступно... явными контрреволюционерами и всеми мерами подавлять подобные преступления, ведущие только к гибели революции»¹⁷⁴.

Вопрос о событиях в Севастополе в этот же день рассматривался на заседании II Общечерноморского съезда. В резолюции съезда говорилось: «Заклеймить самым энергичным образом позорное выступление, бывшее в Севастополе... Немедленно создать комиссию для установления степени виновности замешанных лиц и решить, как с ними быть и меры пресечения. Все судовые комитеты и товарищи матросы обязуются способствовать раскрытию этого гнусного дела, дабы показать пролетариату западных государств, что русские социалисты не палачи, подобно царским»¹⁷⁵.

Реакция матросов на происшедшие в городе события и резолюцию съезда была неоднозначна. Правда, большинство осудило «контрреволюционные выступления», однако команда линкора «Свободная Россия» в будущем обещала «выступить с оружием в руках только по зову своих высших демократических организаций», но заявила, что двух виновных в этих событиях не должно быть. А если их будут предавать суду, они выступят «им в защиту». Команда эскадренного миноносца «Громкий» считала, что нужно расследовать действия только председателя Центрофлота С.И. Романовского. А команда блокшива № 9 (база Минной бригады), считая действия моряков справедливыми, заявила: «Налагая на нас позорное

¹⁷² Революция в Крыму. № 1 (7). С. 269.

¹⁷³ Платонов А.П. Февраль и октябрь в Черноморском флоте. С. 92.

¹⁷⁴ Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 144, 145.

¹⁷⁵ Протоколы заседаний 2-го Общечерноморского съезда. ФГБУК ГМГООС. А-1157/10. С. 8.

¹⁶⁸ Революция в Крыму. № 1 (7). С. 268.

¹⁶⁹ ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 30. Л. 428.

¹⁷⁰ Королёв В.И. Черноморская трагедия. С. 27.

¹⁷¹ РГА ВМФ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 40. Л. 88.

пятно, вы так же ошибаетесь, как ошибались и мы, называя контрреволюционерами товарищей балтийцев, которые в первые дни революции вели решительную борьбу, уничтожая подспорье царизма»¹⁷⁶. В результате виновники к ответственности привлечены не были, только отстранили от должности председателя Центрфлота С.И. Романовского.

Севастопольский Совет, Ревком и ЦК ЧФ в течение нескольких дней сумели стабилизировать обстановку в городе, под угрозой применения оружия отряд Шмакова из Симферополя был в конце февраля переведён в Севастополь, затем отправлен на Румынский фронт¹⁷⁷.

В конце марта в Алупке ОВРШ была предотвращена попытка устроить «самосуды» представителями органов советской власти г. Ялты. По приказу Ю.П. Гавена были арестованы и доставлены под усиленный караул в арестный дом Морского ведомства в Севастополе комиссар по борьбе с контрреволюцией Горянский, комиссар Красной Армии Рябицкий, член комиссариата по борьбе с контрреволюцией Кидин, помощник комиссара Шевцов и председатель Революционного трибунала г. Ялты Пономаренко¹⁷⁸. Но эти меры были приняты слишком поздно.

Февральские расстрелы и безнаказанность виновников привели к тому, что на выборах в Севастопольский Совет в начале 1918 г. коалиция большеви-

ков и левых эсеров потеряла доверие жителей города и к власти пришли правые эсеры и меньшевики.

Леворадикальная коалиция оказалась у власти в Севастополе после того, как сумела подавить всплески бандитизма в декабре 1917 г., в начале апреля коалиция потеряла власть, не сумев предвидеть и предотвратить февральские события.

История нашего бывшего государства – это частица мировой истории. Практически во всех развитых демократических странах случались свои революции и гражданские войны, и все эти события были не менее кровавыми, чем в России, но ни один народ не отказывается от своей истории, понимая, что эти события были во многом поворотными для своей страны, что они являются закономерностью в борьбе старого с новым. Революцию совершил народ – рабочие, солдаты и матросы, т.е. в большинстве своём крестьяне, одетые в шинели. Их привели к революции копившаяся многими поколениями неудовлетворённость своим положением; бесправие и насилие со стороны имущих классов, переполнившие чашу терпения; стремление к созданию общества, в котором они стали бы хозяевами. И если насилие над простым народом длилось столетия, то насилие народа над бывшими властителями свершилось в небольшой промежуток времени, поэтому оно так впечатляет. Но наивно было бы полагать, что в каком-либо государстве революцию и гражданскую войну совершали люди в белых перчатках.

Нельзя оправдать жестокость, которая вылилась на улицы Севастополя в декабре 1917 г. и феврале 1918 г., но понять стоит, тем более что подобные события происходили не только в столице черноморских моряков и объясняются не потоком «анархо-большевизма» и красным террором.

В.В. Крестьянников

«Варфоломеевские» ночи в Севастополе в феврале 1918 г.

После событий в декабре 1917 г. в Севастополе к власти пришли большевики в коалиции с левыми партиями – левыми эсерами и анархистами. Им удалось в течение нескольких дней прекратить правовую вакханалию.

Однако во второй половине января – первой половине февраля в связи с демобилизацией численность Черноморского флота и его береговых частей сократи-

лась в два раза, к тому же многие матросы находились в красногвардейских отрядах, что изменило расстановку политических сил на флоте и в городе. Тем самым сократилась политическая база большевиков и левых эсеров. В связи с подготовкой Брестского мирного договора наметился разлад между большевиками и левыми эсерами, которые отстаивали необходимость «революционной войны».

В городе сложилась взрывоопасная ситуация, завершившаяся массовыми обысками, грабежами и убийствами, учинёнными матросами. Только в ночь с 23 на 24 февраля в Симферополе было убито до 170 человек¹.

Матрос Беляев так рассказывал о событиях этой трагической ночи: «Матросов было много, 3000 человек. Все они заняли улицы города, сам город был оцеплен так, чтобы никто не убежал. Я не знаю, как они, а я арестовывал и приводил в Совет, но Совет от арестованных отказывался, говорил, что это не нужно, т. Пожаров уговаривал, чтобы этого не было. Их увели обратно и привели человек 60 или 40, а может 50, в Морское собрание. Когда все люди были собраны в одной комнате, я посмотрел на них; там были и офицеры, и священник, а так, просто разные, кто попало. Там были старые совсем больные старики.

Половина матросов требовала уничтожить их. Была избрана комиссия, куда попал и я. Я старался, чтобы люди шли через эту комнату. Людей было много, были и доктора, была уже полная зала. Было много людей. Матросы не знали ничего. Никто не знал ни арестованных, ни того, за что их арестовали. Больше стоять было негде. Пришла шайка матросов и требовала отдачи. Я уговаривал, что это офицеры на выборах началах, доктора и старики. Ничего не слушали. Согласились вывести из зала, а около 12 ночи звонит телефон из городской больницы, меня спрашивают, что делать с 40 трупами, что возле больницы, и тогда я узнал, что всех поубивали. Я слышал, что в Стрелецкой бухте на пристани много убитых»².

Утром за Малаховым курганом было обнаружено 6 трупов мужчин, сброшенных в овраг. У всех лица были «разбиты до неузнаваемости». Личность ни одного из убитых установить не удалось³. Вдова капитана 1 ранга А.Г. фон Ризенкампф, заведующего Пристрелочной станцией и складом мин Уайтхеда, писала в ходатайстве о предоставлении пенсии: «Ночью 22/9 февраля с.г. ко мне в квартиру явилось несколько вооружённых в форме матросов и приказали моему мужу Анатолию Григорьевичу Ризенкампфу вместе с моим зятем Григорием Афанасьевичем Марковым (мичман с Подводной бригады) и племянником Ана-

толием Александровичем Ризенкампфом (армейский прапорщик) идти с ними в Совет военных и рабочих депутатов.

На следующий день я узнала, что мой муж, зять и племянник в Совет не приводились, а были расстреляны у ворот Исторического бульвара, причём муж и зять были убиты насмерть, а племянник тяжело ранен и на его выздоровление надежд очень мало (умер 7/20.03.1918)⁴. После этой ужасной ночи я осталась вдовой с тремя детьми, из них две дочери ещё в гимназии, а третья осталась вдовой, пробыв замужем за Георгием Ефимовичем Марковым только пять дней»⁵.

23 февраля в городскую больницу были доставлены тела убитых отставного контр-адмирала Н.А. Сакс, его жены Л.Н. Сакс, дочери Ольги (21 год) и сына Николая (15 лет)⁶.

«В ночь 22 февраля, в 2 ч ночи, во двор вошла группа матросов в 20–25 человек и велела мужу моему – отставному подполковнику Сергею Ивановичу Жирар идти с ними в Революционный комитет якобы для выяснения личности и затем повели его к Историческому бульвару, а 2 матроса остались с ружьями у калитки и, когда их спросил квартирант, можно ли жене дать успокоение, что это правда, они сказали – пускай не ждёт, их повели на расстрел – и тогда всей группе этот же квартирант говорил: зачем такого человека берёте, мы его знаем, он нигде не замешан, отвечали: всё равно все офицеры из одного теста...» – так писала в те дни вдова М. Жирар⁷. Вот ещё свидетельство тех дней, прошение вдовы генерала Г.Н. Милошевича: «Мой муж, казак Кубанского войска Григорий Никитич Милошевич, 63-х лет, участник Русско-турецкой и Русско-японской войны, прослужил 35 лет, с 1908 г. вышел в отставку, доживал свой век тихо на небольшую пенсию, заработанную за защиту своей Родины. Желая участвовать в войне с немцами, просился, но, по слабости сердца, не принят. В 2 ч ночи с 22-го на 23-е был взят вооружёнными людьми вместе с сыном хозяйки нашего дома отставным гусаром Жирар, причём заявили, что в Севастополе объявлена всеобщая мобилизация и всех мужчин забирают... Каков же был мой ужас, когда на другой день, утром, я узнала, что он убит возле ворот Исторического бульвара, вблизи от моей

¹ Платонов А.Л. Февраль и октябрь в Черноморском флоте. Севастополь, 1932. С. 92.

² Протоколы заседаний II Общечерноморского съезда. ФГБУК ГМГООС. А-1157/10. Л. 6–8.

³ ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 27. Л. 140–141.

⁴ ГКУ АГС. Ф. 30. Оп. 1. Д. 30. Л. 57 об. –58.

⁵ Там же. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 13. Л. 225–226.

⁶ Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 147. Л. 54 об. –55.

⁷ Там же. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 30. Л. 327 об.

квартиры, без всякого суда и следствия, и тело его выброшено в море...»⁸

Помощник комиссара Севастопольской уголовной милиции Пётр Козынец сообщал: «24 февраля 1918 г. я был дома. В гостях у меня сидел мой сосед по комнате, раненый офицер 12-го отдельного тяжёлого дивизиона Николай Алексеевич Шапкин. Неожиданно в комнату вошли 4 матроса с линейных кораблей “Свободная Россия” и “Воля” и потребовали у капитана Шапкина оружие.

Но такового не оказалось, и после безрезультатного обыска матросы забрали часть документов, арестовали Н. Шапкина и увезли его якобы в Морское собрание... о судьбе К. Шапкина мне и хозяйке дома до сих пор ничего не известно: ходят слухи, что он был расстрелян в ту же ночь...»⁹ Козынец помочь соседу не смог, несмотря на то что он был официальным лицом. Матросы ничего и никого не признавали. В этот же день они отобрали оружие у помощников комиссара Уголовной милиции Пильке и Закаганского, агентов Ленера и Кожина¹⁰.

В 2 ч ночи в городскую тюрьму пришли матросы и увели на расстрел группу арестованных, среди них – муфтий Челебиев, контр-адмирал Львов, капитан 1 ранга в отставке Карказ, бывший городской Синица и др. В 4 ч утра новая группа матросов увела на расстрел офицеров Шперлинга, Яновского, Прокофьева, Вахтина, Антонова, Целицо, Гаврилова, Кальбуса, купцов Шульмана и Шварцмана, инженера Шостака, матроса Блюмберга и др. (последним двум удалось бежать). Арестованных зверски избивали и расстреляли во дворе тюрьмы. События в тюрьме описал в воспоминаниях находившийся в заключении В. Л-р¹¹. Эту ночь не смог пережить 61-летний смотритель тюрьмы И.Г. Дудников, умерший от паралича сердца¹². После февральских событий подали прошение об отставке начальник тюрьмы Н.А. Сердюк, так как обстановка в тюрьме «особенно в последнее время так сильно отразилась на здоровье жены и моём»¹³, и надзиратель Г.М. Ленивцев¹⁴.

Убивали офицеров даже несмотря на то, что они были избраны своими командами. Опасаясь за жизнь своих командиров, матросы и солдаты направляли письма в ВРК, Севастопольский Совет и ЦК ЧФ. Так, Центральный комитет крепостной артиллерии потребовал «отдать распоряжение отрядам, производящим обыски и аресты, чтобы они не лишали свободы и жизни тех товарищей артиллеристов, которые избраны на демократических началах на командные должности, а только проверять документы»¹⁵.

Собрание учеников училища им. Менькова ходатайствовало о выдаче преподавателю отставному полковнику И.Д. Липовко-Половинец «удостоверения, могущего оградить его от всяких насильственных мероприятий со стороны лиц, производящих незаконные обыски, грабежи и убийства». В этом Исполкомом Совета было отказано, так как «таковое не может вполне оградить поименованное лицо от насилия тёмных личностей»¹⁶. Убийства в городе сопровождалось грабежами. У убитого купца и общественного деятеля Гидалевича была «похищена драгоценная коллекция старинных монет, имевших огромную археологическую ценность»¹⁷. 24 февраля в имении Шталя ограблена лавка Громова матросами, потребовавшими к 0 ч приготовить 1000 руб., «а если не приготовили то распрочи своей жизнью»¹⁸.

24 февраля на заседании Исполкома Севастопольского Совета были осуждены действия матросов, военная комиссия Совета издала приказ № 180, в котором говорилось: «...считать всех действующих низко и преступно... явными контрреволюционерами и всеми мерами подавлять подобные преступления, ведущие только к гибели революции»¹⁹.

Севастопольский Совет, Ревком и ЦК ЧФ в течение нескольких дней сумели стабилизировать обстановку в городе. Но эти события привели к тому, что на выборах в Севастопольский Совет в начале апреля 1918 г. коалиция большевиков и левых эсеров потеряла доверие жителей города и к власти пришли правые эсеры и меньшевики.

Уже 24 февраля Следственная комиссия Севастопольского Совета просила участки милиции

⁸ ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 3. Л. 998–999 об.

⁹ Там же. Д. 27. Л. 73.

¹⁰ Там же. Д. 14. Л. 209–209 об.

¹¹ Л-р В. Варфоломеевская ночь в Севастополе // Морской сборник. Бизерта, 1922. № 4.

¹² ГКУ АГС. Ф. 30. Оп. 1. Д. 147. Л. 55.

¹³ Там же. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 30. Л. 1025.

¹⁴ Там же. Д. 13. Л. 175.

¹⁵ ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 7. Л. 108.

¹⁶ Там же. Д. 12. Л. 114, 119, 120.

¹⁷ Там же. Л. 188.

¹⁸ Там же. Д. 30. Л. 168–170.

¹⁹ Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 144, 145.

представить списки убитых и без вести пропавших²⁰, вслед за этим II Общечерноморский съезд постановил создать комиссию для расследования событий.

22 марта в газете «Путь борьбы» был опубликован список жертв из 45 человек, правда, список оказался неточен, в него попали лица, спасшиеся от гибели, – инженер Шостак, матросы Блюмберг и Димитраш, старший лейтенант Яковлев, лейтенант Шукин (правильно Шука), искажены фамилии погибших (Пелица – правильно Целицо, Резенкат – правильно фон Ризенкамф)²¹.

23 апреля 1918 г. Следственная комиссия нового состава Севастопольского Совета вновь предприняла попытку составить списки погибших²², однако события не позволили это сделать.

23 октября 1918 г., в оккупированном германскими войсками городе, русские офицеры составили «Список убитых большевиками офицеров Черноморского флота», в который занесено 67 фамилий флотских и армейских офицеров, убитых в декабре 1917 – феврале 1918 г. (не только в Севастополе)²³. Но и этот список оказался далеко не полным.

В 1995 г. крымский историк А. Зарубин опубликовал два списка погибших, извлечённых из газет «Путь борьбы» и «Крымский вестник», а в 1997 г. в журнале «Родина» появилась статья «Еремеевские ночи», в конце которой дан мартиролог расстрелянных в Севастополе морских офицеров в декабре 1917 г. и феврале 1918 г.²⁴ Этот список тоже не полон (61 фамилия) и имеет много искажений и неточностей.

В распоряжении автора этой статьи, помимо указанных публикаций и документов, находятся документы из ГКУ АГС (фонд Р-266 – документы Следственной комиссии Севастопольского Совета, фонд 30 – метрические книги севастопольских церквей) и приказы Центрального комитета Черноморского флота, позволяющие составить более точный, но, увы, неполный, список жертв февральских событий в г. Севастополе.

²⁰ ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 30. Л. 130.

²¹ Зарубин А. Севастопольская трагедия. К событиям 22–24 февраля 1918 года // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. 1995. № 11. С. 58.

²² ГКУ АГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 52. Л. 2, 2 об.

²³ РГА ВМФ. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 78. Л. 14–15 об.

²⁴ Лобыщин В., Дядичев В. Еремеевские ночи // Родина. 1997. № 11.

1. Антонов А.А. (11.06.1868 – 23.02.1918), капитан 1 ранга.
2. Баль Е.Л. (13.12.1892 – 23.02.1918), мичман.
3. Богданов С.Н. (29.09.1890 – 23.02.1918), лейтенант.
4. Быкадоров Я.И. (– 23.02.1918), полковник пограничной стражи*.
5. Васильев П. (– 23.02.1918), инженер-технолог.
6. Васильковский С.Ф. (27.07.1860 – 23.02.1918), вице-адмирал.
7. Вахтин Б.В. (31.01.1882 – 23.02.1918), капитан 2 ранга.
8. Гестеско Е.Е. (31.12.1868 – 23.02.1918), капитан 1 ранга.
9. Гидалевич А.Я. (– 23.02.1918), купец 1-й гильдии.
10. Дефабр И.И. (04.07.1868 – 23.02.1918), генерал-майор корпуса гидрографов.
11. Долин Г.П. (– 23.02.1918), городской архитектор.
12. Доценко И.Н. (23.06.1870 – 23.02.1918), подпоручик по адмиралтейству.
13. Жирар С.И. (– 23.02.1918), отставной подполковник*.
14. Зиновьев А. (– 23.02.1913), подполковник*.
15. Иванович Н.А. (1878 – 23.02.1918), поручик, морской лётчик.
16. Ильяшенко В. (– 23.02.1918), штабс-капитан*.
17. Иофе (Июффе) (– 23.02.1918), купец.
18. Коган М.А. (– 23.02.1918), купец.
19. Казас А.С. (– 24.02.1918), купец.
20. Казас М.М. (– 23.02.1918), прапорщик, художник.
21. Кальбус (– 23.02.1918), прапорщик по адмиралтейству.
22. Карказ Ф.Ф. (05.03.1868 – 23.02.1918), отставной капитан 1 ранга.
23. Кессельман А.И. (– 23.02.1918), купец.
24. Кефели (– 23.02.1918), купец.
25. Книжников (– 25.02.1918), содержатель дома терпимости.
26. Ланге К.Х. (– 24.02.1918), отставной флота генерал-майор.
27. Литвинов Д.Ф. (14.08.1886 – 23.02.1918), лейтенант.
28. Львов Н.Г. (22.05.1869 – 23.02.1918), контр-адмирал.
29. Марков Г.Е. (– 23.02.1918), мичман.
30. Милашевич Н.И. (1857 – 23.02.1918), отставной генерал-майор*.
31. Мохонько (– 23.02.1918), булочник.

32. Неофит А.Х. (– 23.02.1918), купец.
33. Неофит И.Х. (– 23.02.1918), купец.
34. Новицкий Л.Ф. (20.10.1862 – 23.02.1918), коллежский регистратор, лекарский помощник.
35. Островерхов М.Е. (– 23.02.1918), купец.
36. Плотников Н.И. (09.12.1867 – 23.02.1918), капитан по адмиралтейству.
37. Побережный А. (– 23.02.1918), купец.
38. Пожаров П.С. (– 25.02.1918), купец.
39. Попов 2-й К.Н. (06.03.1867 – 24.02.1918), и[нженер]-м[еханик] капитан 1 ранга.
40. Прик И.Е. (– 23.02.1918), купец.
41. Прокофьев Г.К. (08.04.1892 – 23.02.1918), лейтенант.
42. фон Ризенкампф А.А. (– 23.02.1918), прапорщик*.
43. фон Ризенкампф А.Е. (14.04.1868 – 23.02.1918), капитан 1 ранга.
44. Робаков (Рыбаков) (– 23.02.1918), купец.
45. Сакс Н.А. (1861 – 23.02.1918), отставной контр-адмирал.
46. Сакс Л.И. (1869 – 23.02.1918), жена адмирала.
47. Сакс О.Н. (1897 – 23.02.1918), дочь адмирала.
48. Сакс Н.Н. (1903 – 23.02.1918), сын адмирала.
49. Савченко И.М. (– 23.02.1918), подполковник*.
50. Саница Л. (– 23.02.1918), бывший городской (палач).
51. Сухорепов А.М. (– 23.02.1918), бывший помощник полицмейстера.
52. Тихов И.П. (30.09.1891 – 23.02.1918), лейтенант.
53. Траутман И. (– 23.02.1918), полковник*.
54. Харченко Ф.И. (– 22.02.1918), купец.
55. Харченко (– 23.02.1918), купец.
56. Цвингман И.Г. (19.05.1865 – 23.02.1918), капитан 1 ранга.
57. Целицо Л. (– 23.02.1918), мичман.
58. Цинин (– 23.02.1918), мичман.
59. Челебиев Г. (1885 – 23.02.1918), муфтий.
60. Шапкин Н.А. (– 23.02.1918), капитан*.
61. Шварцман И.-И.А. (– 23.02.1918), купец.
62. Шепелев (– 23.02.1918), мичман.
63. Отец М. Шифранов (Чефранов) (– 23.02.1918), священник.
64. Шперлинг Н.А. (09.09.1866 – 23.02.1918), полковник по адмиралтейству.
65. Шульман Л.М. (– 25.02.1918), купец.
66. Эртель (Эргель) В.А. (– 23.02.1918), полковник*.
67. Юдковский (– 23.02.1918), мичман.
68. Юрьев (– 23.02.1918), домовладелец.
69. Юрьевич И.И. (– 23.02.1918), мичман.
70. Яковлев 4-й А.А. (30.11.1879 – 23.02.1918), капитан 2 ранга.
71. Яновский Ф.Г. (12.08.1857 – 23.02.1918), полковник по адмиралтейству.

* Армейские офицеры

В различных публикациях упоминается ещё 14 фамилий (офицеры Вышемирский, Гаврилов, князь Маврокордато, Мищенко, Насакин, Орлов П.С., Габовский Р.А., гражданские – Бронштейн Г.А., Квятковский А.Ф., Кефели, Китросер, Мясников, Фастовский, Харченко), однако документально не подтверждена их гибель.

Из 71 убитых в февральские дни 1918 г., представленных в этой статье, – 31 офицер флота и чиновник, 11 армейских офицеров, 1 священник и 28 гражданских лиц, в том числе две женщины и ребёнок.

В.В. Крестьянников

Черноморский флот в 1918 – марте 1920 г.

Накануне прихода в Севастополь германских войск, 29 и 30 апреля 1918 г., из города на Кавказ ушли линкоры «Свободная Россия», «Воля», эскадренные миноносцы «Дерзкий», «Фидониси», «Пронзительный», «Керчь», «Калиакрия», «Пылкий», «Поспешный», «Громкий», «Гаджибей», «Живой», «Жаркий», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов», «Сметливый», «Стремительный», несколько транспортов и быстроходных катеров.

Вошедшие в Севастополь германские войска захватили в бухте 6 старых линкоров, 2 крейсера, яхту, 14 подводных лодок (в том числе 4 учебные), 5 плавающих баз, 3 румынских крейсера и 12 эскадренных миноносцев¹.

¹ Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озёрных системах. Л., 1925. Т. 3. С. 27.

По приказу оккупантов 3 мая на всех оставшихся в Севастополе судах были спущены украинские флаги, поднятые в целях спасти флот и город от германской оккупации, и подняты германские.

10 июня из Новороссийска в Севастополь возвратилась часть судов во главе с линкором «Воля», поставленных сначала в Стрелецкой бухте, а затем переведённых в Южную бухту.

Германским командованием, которое воспользовалось создавшейся ситуацией, были введены в строй несколько судов под немецкими флагами и с немецкими командами: плавучая мастерская «Флейе» (транспорт «Кронштадт»), крейсер «Память Меркурия», эскадренный миноносец R-10 («Зоркий»), подводные лодки US-4 («Гагара») и US-3 («Утка»), пароходы F-20 (№ 410), F-21 (канонерская лодка K-15), F-22 («Олимпиада»), F-24 (№ 328), дивизион тральщиков, состоящий из 4 буксиров². Летом немцы ввели в строй ещё 2 эскадренных миноносца: «Счастливый» и «Капитан Сакен», а в начале августа на внешний рейд был выведен крейсер «Кагул» с целью иметь возможность произвести обстрел города и бухт.

Вскоре под захват флота была подведена юридическая база – 24 сентября 1919 г. Берлин вынудил представителя РСФСР А. Иоффе подписать документ, в котором говорилось, что бывший императорский Российский флот, являясь собственностью Республики, до заключения мира находится в управлении германского Адмиралтейства, он передаётся с возмещением потерь и вознаграждений Российской Республике после мирного договора³.

Однако военная и внутривластная ситуация сложилась не в пользу Германии, и, хотя немцы готовились защищать Севастополь, из Берлина 6 ноября была получена радиограмма с распоряжением – «кораблей не топить»⁴. А 23 ноября в севастопольские бухты вошла англо-французская эскадра.

Союзники не собирались восстанавливать боеспособность Черноморского флота, и в течение недели из Севастополя в порты Средиземного моря были уведены линкор «Воля», яхта «Алмаз» и эскадренные

миноносцы «Беспокойный», «Капитан Сакен», «Звонкий», «Зоркий»⁵.

Во второй половине 1918 г. на побережье Азовского моря, занятого войсками генерала А.П. Богаевского, по инициативе морских офицеров создавались Донская (в Ростове-на-Дону) и Азовская (в Таганроге) флотилии. Первой была создана Донская флотилия под командованием капитана 1 ранга Я.И. Подгорного и контр-адмирала И.А. Кононова. Речные пароходы вооружались 3-дюймовой артиллерией и пулемётами, а на болиндеры ставились 6-дюймовые пушки Канэ. Азовская флотилия под командованием капитана 2 ранга В.И. Собоцкого вооружала бывшие в порту пароходы. В мае – июне 1919 г. обе флотилии были расформированы. В конце августа 1918 г. белые войска заняли Новороссийск, где моряки под командованием капитана 1 ранга С.И. Медведева в декабре реквизировали пароход «Полезный» и вооружили его двумя 75-миллиметровыми пушками.

В течение января – марта 1919 г. пароход находился у северо-западного побережья Азовского моря от Мариуполя до Геническа, прикрывая операции белых войск и охраняя Арабатскую стрелку⁶.

24 января 1919 г. генерал А.И. Деникин утвердил проект боевого расписания Черноморского флота, представленный адмиралом В.А. Каниным, находящимся в Севастополе. В состав флота входили: сильно запущенный крейсер «Кагул», миноносец «Живой», подводная лодка «Тюлень» и вспомогательные суда «Георгий» и «Николай»⁷.

В начале марта штаб Черноморского флота находился на линкоре «Три Святителя», брандвахта – списанный в 1912 г. линкор «Георгий Победоносец», в составе флота числились подводная лодка «Тюлень», канонерские лодки «Донец» и «Кубанец», транспорты «Дунай», «Буг», «Италия». Однако действующий флот состоял из подводной лодки «Тюлень», не вполне исправного эсминца «Живой» и одной плавбатарей⁸.

Деятельность адмирала Канина была направлена на организацию работы транспортов. В феврале – марте 1919 г. на ремонт в Севастопольский портовый завод были поставлены транспорты «Италия»,

² Лорей Г. Операция германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. М., 1934. С. 300, 301.

³ Гражданская война... С. 23.

⁴ Лукин В. Верхи белого морского командования вооружённых сил Юга России и взаимоотношения с союзниками англичанами и французами 1918–1920 гг. // Морской сборник. 1927. № 7. С. 118.

⁵ Лукин В. Верхи белого морского командования... С. 120.

⁶ Кодесников Н.З. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 гг. Л., 1991. С. 31, 34.

⁷ Лукин В. Верхи белого морского командования... С. 120.

⁸ Гражданская война... С. 43.

«Превеза», «Поти», «Возрождение» и «Саратов», но к началу мая ремонт так и не был окончен⁹. В марте по приказу главнокомандующего ВСЮР был создан отряд судов, действующих на реках, сформированный из вооружённых катеров.

В апреле 1919 г. Красная Армия начала наступление на юге и войска ВСЮР были вынуждены после боёв эвакуироваться в спешном порядке из Одессы, Николаева и Херсона. 11 апреля части группы Крымского направления освободили Симферополь и Евпаторию и двинулись к Севастополю.

В апреле 1919 г. командующим Черноморским флотом был назначен М.П. Саблин, произведённый А.И. Деникиным в вице-адмиралы¹⁰. По дороге из Екатеринодара в Новороссийск Саблина догнал курьер с письмом о том, что Севастополь будет сдан дней через десять, поэтому флот надо срочно эвакуировать. Прибыв в Севастополь, М.П. Саблин, несмотря на заверения французского адмирала Амета, что ничего внезапного не произойдёт, всё-таки приступил к подготовке эвакуации.

Во второй половине апреля своим ходом в Константинополь ушло 31 судно, на внешний рейд на буксире было выведено 35 судов и 9 быстроходных катеров¹¹. Оставшиеся в Севастополе французы и англичане, по соглашению с командованием Красной Армии¹², подорвали орудия батарей крепости, испортили, уничтожили машины на судах флота, утопив 10 подводных лодок и выбросив оружие в море¹³.

В Севастополе остались старые линкоры 2-й бригады, эскадренные миноносцы «Быстрый», «Завидный» и «Жуткий», посыльное судно «Казарский», тральщики «Альбатрос», «Баклан», «Роза», «Амалия», транспорты «Надежда», «Березань» и «Поти».

В Крыму частям белой армии удалось закрепитьсь на Ак-Монайских позициях, где их поддерживали огнём своей артиллерии крейсер «Кагул», подводная лодка «Тюлень», канонерская лодка К-15, вооружённый пароход «Полезный». Эта корабельная группировка поддерживалась огнём английских, греческих, французских и итальянских судов¹⁴.

В мае 1919 г. вспомогательный крейсер «Цесаревич Георгий» и спасательный пароход «Черномор» привели с Тендеровской косы в Новороссийск канонерскую лодку «Кубанец» и пять пароходов, выведенных туда союзниками при эвакуации Одессы¹⁵. На косе остались пароход «Урания» с углём и материалами и три стоявшие на мели парохода – «Грегор», «Четырдаг» и «Константин». В связи с потерей большинства судов флота и частных владельцев огромную работу предстояло выполнить Мариинской партии. Как отмечалось в журнале заседаний совета по управлению делами Севастопольского портового завода № 9 от 20 августа 1919 г., «Мариинская партия обеспечена работой не менее чем на семь месяцев». Предстояли работы на линкоре «Императрица Мария», на миноносце № 270 и эсминце «Заветный», в Геническе на ледоколе № 4 и пароходах «Перикл» и «Коршун», на пароходе «Батум» в Балаклаве, подъём судов на Тендеровской косе, на пароходе «Эльбрус» в Новороссийске, исполнение заказов частных лиц на подъём судов. Начальник Морского управления в Екатеринодаре распорядился приступить к подъёму хотя бы двух из семи затопленных под Новороссийском эскадренных миноносцев¹⁶.

В июне 1919 г. приказом начальника Морского управления был сформирован (с 1 мая) отряд судов обороны Азовского моря в составе 11 вооружённых катеров и 4 вооружённых шлюпок (расформирован с 1 июля в связи с занятием Крыма и Азовского побережья белыми войсками ВСЮР¹⁷). В июне был расформирован отряд судов для действия на реках, а сформированный на его базе из 8 катеров 3-й дивизион катеров переброшен на Волгу, где шли бои за Царицын¹⁸.

Во второй половине июня 1919 г. войска генерала Деникина начали наступление на Крымском полуострове. 18 июня у Коктебеля (Планерское) с крейсера «Кагул» (с 5 июля – «Генерал Корнилов») и катера «Дельфин» был высажен десант под командованием генерала Я.А. Слащева, который двинулся вглубь Крыма.

Во второй половине июня 1919 г. войска генерала Деникина начали наступление на Крымском полуострове. 18 июня у Коктебеля (Планерское) с крейсера «Кагул» (с 5 июля – «Генерал Корнилов») и катера «Дельфин» был высажен десант под командованием генерала Я.А. Слащева, который двинулся вглубь Крыма.

⁹ ГКУ АГС. Ф. Р-253. Оп. 2. Д. 2. Л. 15, 16, 38, 45.

¹⁰ Приказ главкома ВСЮР от 14.04.1919 № 663.

¹¹ Севастополь: хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 /Сост. В.В. Крестьянников. Севастополь, 2007. С. 389.

¹² Прибой. 1919. 25 апреля. № 430.

¹³ Крестьянников В.В. Вице-адмирал М.П. Саблин // Тайна великой княжны. Полуденный альманах. Москва – Симферополь, 1998. С. 77.

¹⁴ Кодесников Н.З. Краткий очерк белой борьбы... С. 34.

¹⁵ ГКУ АГС. Ф. Р-567. Оп. 6. Д. 169. Л. 6; Приказ главкома ВСЮР от 21.05.1919 № 976.

¹⁶ ГКУ АГС. Ф. Р-253. Оп. 2. Д. 2. Л. 122.

¹⁷ Там же. Ф. Р-567. Оп. 6. Д. 169. Л. 7 об. – 9.

¹⁸ Там же. Л. 6.

21 июня при поддержке отряда судов под командованием капитана 2 ранга В.И. Собецкого (канонерские лодки К-10, К-12 и К-15, 3 болидера и 3 парохода) был высажен десант. При высадке погиб пароход «Перикл», а десант был частично уничтожен¹⁹.

В августе белая армия начала наступление в северо-восточной части Чёрного моря. Отрядом судов под командованием капитана 1 ранга П.П. Остелецкого (крейсер «Генерал Корнилов», эсминец «Живой», транспорт «Маргарита», тральщики «Роза», «Адольф», буксир «Доброволец», 3 катера и 3 баржи) был высажен десант в районе Одессы²⁰.

Почти одновременно с операциями под Одессой велись крупные операции под Херсоном и Николаевом Кинсбурнским отрядом под командованием капитана 1 ранга В.В. Бубнова, в который входили лодки «Терец» и «Грозный», К-10, эсминец «Живой», вооружённый пароход «Граф Игнатъев» и быстроходный катер № 405²¹. Поддержка флота была высоко оценена начальником 4-й дивизии генералом Слащевым и командиром 3-го корпуса генералом Шиллингом²². По приказу адмирала Саблина на буксире были уведены в Севастополь транспорты и тральщики «Добыча», «Туркестан», «Юлия», «София», «Веста», «Березань», «Скиф», «Язон» и «Чурубаш».

С захватом Николаева и Одессы флот белых получил господство на всём Чёрном море. В операциях против этих пунктов главная работа и даже, можно сказать, вся работа практически была выполнена русскими белыми судами, союзники выполняли лишь вспомогательную работу. В этих операциях доминировали белогвардейцы, тогда как в боях под Ак-Монаем в апреле – мае основную помощь оказал союзный флот.

Находясь в Новороссийске, адмирал М.П. Саблин заново сформировал штаб флота, флотскую инфраструктуру, утвердил временные штаты структурных подразделений²³. По состоянию на 14 августа, в состав Черноморского флота входили: крейсер, вспомогательный крейсер, 2 канонерские лодки, 3 эскадренных миноносца, 3 подводные лодки, 6 тральщиков, 13 транспортов, отряд судов особого

назначения, 4 дивизиона вооружённых катеров, портовые суда²⁴. Конечно, немалая заслуга в этом была и начальника Морского управления ВСЮР адмирала А.М. Герасимова.

В этот период в штаб генерала Деникина шли телеграммы адмирала Колчака, требовавшего отстранения от должности Саблина (Деникин в конце мая признал адмирала Колчака верховным правителем Русского государства и верховным главнокомандующим армии)²⁵. Узнав о закулисной борьбе, адмирал Саблин 2 (15) августа направил генералу Деникину докладную записку о положении дел на флоте и о своих действиях, в конце которой было написано: «Жду Вашего решения»²⁶.

Сам Деникин описывал эти события так: «Флотские дела не кончились Морским управлением. Тайные осведомители вовлекли в них и Омск, вызвав однажды вмешательство самого верховного правителя; от него получена телеграмма о недопустимости пребывания на командной должности генерала Саблина, который в это время состоял главным командиром портов Чёрного моря. Саблина, совершенно эмансипировавшего к тому времени от центра и не выполнявшего приказаний Морского управления, адмирал Герасимов заменил Ненюковым...»²⁷ 20 августа (3 сентября) генерал Деникин издал приказ об учреждении в должности командующего Черноморским флотом адмирала Д.В. Ненюкова, а М.П. Саблин был назначен главным командиром Севастопольского порта, с подчинением ему портов Чёрного и Азовского морей²⁸.

В августе – октябре 1919 г. союзники вернули линкор «Генерал Алексеев» («Воля», прибыл в Севастополь 17 октября), яхту «Алмаз» (8 сентября), эскадренные миноносцы «Беспокойный» (23 августа), «Капитан Сакен» (23 августа), «Звонкий» (7 сентября) и «Зоркий» (4 октября). Командир линкора в докладной записке писал: «Всё что можно разворовано, оба брашпиля не действуют... Люди раздеты и не обучены... очень всё плохо. Лучше всего было бы идти на Мальту, там привести корабль в порядок, и к 1 апреля 1920 г. он сможет вступить в строй»²⁹. Не в лучшем

¹⁹ Гражданская война... С. 70.

²⁰ Там же. С. 81.

²¹ Кодесников Н.З. Краткий очерк белой борьбы... С. 37.

²² ГКУ АГС. Ф. Р-567. Оп. 6. Д. 169. Л. 16.

²³ Там же. Д. 81. Л. 32; Д. 169. Л. 1–1 об., 2, 5 об., 6 об., 7.

²⁴ ГКУ АГС. Ф. Р-567. Оп. 6. Д. 169. Л. 10, 11 об.

²⁵ Там же. Д. 81. Л. 2.

²⁶ Лукин В. Верхи белого морского командования... С. 131.

²⁷ Деникин А.И. Поход на Москву. К., 1990. С. 20.

²⁸ ГКУ АГС. Ф. Р-567. Оп. 6. Д. 81. Л. 170.

²⁹ Гражданская война... С. 94, 95.

состоянии были и другие суда, находившиеся в Севастополе.

На крейсере «Генерал Корнилов» необходимо было отремонтировать освещение, «задраить» борта, открытые для снятия артиллерии, отремонтировать рефрижераторную машину, изолировать паропроводы, отремонтировать коллекторы и пр.

На яхте «Алмаз» – проконопатить верхнюю палубу, очистить и окрасить корпус, произвести ремонт кают и парового отопления. К 1 января 1920 г. было готово только 15 кают.

На эскадренном миноносце «Капитан Сакен» – ремонт ручных помп, водяного трубопровода, котлов, насосов, замена подшипников в машине и гребном валу и т.д.

На эскадренном миноносце «Беспокойный» – окраска корпуса, ремонт электропроводки и электрооборудования, приборов в котельной, отцементировать цистерны, ремонт левой турбины и турбодинамомашин и др.

Практически все суда нуждались в доковании, в очистке и окраске корпуса³⁰.

Отсутствие материалов, бензина, карбида, ацетилен, топлива вынуждало Севастопольский портовый завод постоянно переносить срок окончания ремонта судов. Но вместе с тем завод в течение июля – ноября 1919 г. выполнил заказы только Морского ведомства на 24 135 159 руб. 77 коп.³¹ Основную тяжесть ремонтных работ в 1919–1920 гг. взял на себя Севастопольский портовый завод, который ремонтировал не только суда, но и паровозы, подвижной состав, бронепоезда и т.д.

Осенью 1919 г. отряды Махно начали наступление на побережье Азовского моря, где находились малочисленные гарнизоны белой армии. 6 (19) октября махновцы ворвались в Мариуполь, и пришлось срочно эвакуировать гарнизон. Отряд В.В. Бубнова поддерживал гарнизон с моря. В этот же день эскадренный миноносец «Живой» огнём и высаженным десантом очистил деревни Горелое и Кирилловку от махновцев, и на другой день они отошли к Ефимовке. 14 (27) октября вспомогательный крейсер «Цесаревич Георгий» обстрелял Покровское, а на следующий день болиндеры без выстрелов заняли Бердянск.

25 сентября (8 октября) 1919 г. главком ВСЮР Деникин утвердил боевое расписание флота на период с 1 сентября 1919 г. по 1 сентября 1920 г. В составе флота находились: крейсер «Генерал Корнилов», вспомогательный крейсер «Цесаревич Георгий», эскадренные миноносцы «Поспешный», «Живой», «Жаркий», подводные лодки «Тюлень» и «Утка», вооружённые суда (канонерские лодки) К-12, К-11, К-3, К-17, «Днепровец», «Терец», «Грозный», два посыльных судна, 6 тральщиков, 6 транспортов и спасательный пароход «Черномор». Сравнительно исправными были только «Генерал Корнилов», посыльное судно «Буг», тральщики «Альбатрос» и «Роза», транспорты «Екатеринодар» и «Поти». В ремонте находились 2 эсминца, 2 подводные лодки, 5 тральщиков и 3 транспорта³².

В начале января 1920 г. части Красной Армии с боями освободили Бердянск и Таганрог, а в начале февраля вплотную подошли к Крыму.

Согласно директиве от 25.12.1919 (07.01.1920) флоту было приказано обеспечить поддержку правому фронту Перекопских позиций силами отряда капитана 2 ранга И.И. Машукова (канонерские лодки «Терец», «Грозный», и «Георгий», ледоколы «Гайдамак» и № 1). Поддержку левого фланга Перекопских позиций обеспечивал отряд капитана 1 ранга В.И. Собоцкого (болиндеры К-1 и К-2, тральщики «Альбатрос» и «Баклан, транспорты «Моряк» и «Харакс»). Этому отряду была поставлена задача воспрепятствовать переправе частей Красной Армии через Каркинитский и Перекопский заливы³³. У Тендеровской косы было установлено постоянное наблюдение за Одессой и Очаковом. Там находились крейсер «Генерал Корнилов» и другие суда. В портах стационарами стояли: в Одессе – эсминец «Капитан Сакен» и «Жаркий», в Батуме – яхта «Колхида», у берегов Кавказа – эсминцы «Беспокойный», «Поспешный», вспомогательные суда «Буг» и «Георгий». В конце января 1920 г. перешли в наступление грузинские части и на помощь Кавказскому отряду был послан крейсер «Генерал Корнилов»³⁴. В это же время на Кавказском побережье Чёрного моря активизировали свою деятельность отряды «зелёных». На борьбу с ними в район Кабардинки и Геленджика выходили эсминцы «Беспокойный», «Пылкий», «Капитан Сакен», посыльное судно «Лётчик» и подводная лодка «Буревестник».

³⁰ ГКУ АГС. Ф. Р-253. Оп. 2. Д. 2. Л. 139–148, 149–156, 176–182, 391, 392.

³¹ Там же. Л. 319–331 об.

³² Гражданская война... С. 95.

³³ Кодесников Н.З. Краткий очерк белой борьбы... С. 40, 41.

³⁴ Гражданская война... С. 230.

В феврале части 3-го корпуса генерала Я.А. Слащева предприняли контрудар на севере Крыма и отбросили Красную Армию в Северную Таврию. Но это не остановило общего наступления Красной Армии на юг.

3 февраля 1920 г. был освобождён Николаев, а 7 февраля – Одесса. В этот же день в Одессу были посланы эсминцы «Зоркий» и «Пылкий», но это не помогло. В январе – феврале Кавказский фронт начал наступление, в результате которого были разгромлены войска ВСЮР на Северном Кавказе.

3 (16) марта 1920 г. в районе Хорлы в тыл частей Красной Армии с вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий», посыльного судна «Веста»

и транспорта «Волга» был высажен десант. Но было уже поздно, из Анапы в Крым из более чем 400-тысячной армии было эвакуировано на судах Азовского отряда капитана 1 ранга Машукова около 20 тыс. человек и несколько тысяч лошадей.

27 марта командование ВСЮР объявило Крым на осадном положении, а 4 апреля генерал Деникин подписал приказ о назначении генерал-лейтенанта барона Врангеля главнокомандующим ВСЮР³⁵. Врангель вновь назначил командующим Черноморским флотом вице-адмирала М.П. Саблина.

³⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 14. Л. 66.

С.С. Войтуков

Брестский мир, Черноморский флот, Севастополь. Год 1918-й

В марте 1918 г. Советская Россия заключила с Германией сепаратный мир, который В.И. Ленин признал «позорным»¹. Помимо всего прочего Советское государство лишалось права на регулярную армию и флот.

В марте – апреле того же года отряды черноморцев участвовали в боях с австро-германскими интервентами под Одессой, Николаевом, Херсоном и на подступах к Крыму².

9 апреля 1918 г. был утверждён декрет Совета народных комиссаров (Совнарком, СНК) «О Чрезвычайном комиссариате Южного района», в соответствии с которым чрезвычайному комиссару СНК, видному большевистскому деятелю Г.К. Орджоникидзе поручалось «организовать под своим председательством временный Чрезвычайный комиссариат Южного района, объединяющий деятельность Крыма, Донской области, Терской области, Черноморской губернии, Черноморского флота и всего Северного Кавказа, до Баку»³. Комиссариат был призван решить следующие задачи: «неуклонное проведение директив центральной советской власти на суше и на море, концентрированная борьба с буржуазной контрреволюцией, упрочение советской власти в районе своей деятельности, поддерж[ание] прямой связи с Советом народных комиссаров»⁴. В состав комиссариата должны были войти председатель и по одному представителю от каждой из вышеуказанных областей и Черноморского флота. Специально оговаривалось:

«Чрезвычайный комиссариат имеет право контроля над деятельностью всех советских учреждений в районе. Совнаркомы, совдепы, ревкомы, рев[олюционные] штабы района, как и полномочный орган флота, действуют в полном контакте с Чрезвычайным комиссариатом как представителем центральной советской власти в районе»⁵. Однако организовать комиссариат не удалось: вся тяжесть работы легла на плечи чрезвычайного комиссара⁶. Тем не менее заметим, что изначально Черноморский флот попал в сферу влияния совнаркомовских уполномоченных на юге России.

В связи с угрозой захвата интервентами Черноморского флота 23 апреля Совнарком предписал ему перебазироваться в Новороссийск. 29–30 апреля из Севастополя вышло боевое ядро Черноморского флота (2 новых линкора, 14 эсминцев, 2 миноносца, 1 вспомогательный крейсер, 10 сторожевых катеров и других с 3500 человек личного состава) и 1–2 мая сосредоточилось в Новороссийске. В Севастополе интервенты захватили все старые линкоры, крейсера, подлодки, часть эсминцев и другие корабли и вспомогательные суда, многие из которых были неисправны и неуккомплектованы командами⁷.

11 мая главнокомандующий германскими войсками на Востоке ультимативно потребовал вернуть корабли в Севастополь⁸. Он угрожал оккупацией Кубани, если Черноморский флот немедленно не возвратится в Севастополь⁹. Ради сохранения мирной передышки Совнарком вынужденно дал своё формаль-

ное согласие – в нотах Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) от 13 мая и 9 июня, но, не желая отдавать врагу корабли, распорядился их уничтожить (резолюция В.И. Ленина от 24 мая и подписанные им директивы от 28 мая, правительственные радиogramмы от 9 и 13 июня)¹⁰. Однако флотские офицеры выполнять приказ главы советского правительства не спешили.

Во главе офицерской «группы давления» на Черноморском флоте стоял вице-адмирал М.П. Саблин¹¹. 4 июня, после получения приказа явиться для доклада в Москву, командующий флотом выступил со следующей речью на делегатском собрании военных моряков Чёрного моря, проходившем на вспомогательном крейсере «Император Траян»: «Я собрал настоящее делегатское собрание для того, чтобы переговорить с вами о моём отъезде в Москву. Несколько дней тому назад я получил от Совета народных комиссаров предписание выехать в Москву. Этот вызов явился следствием того, что я, вскоре по приходе в Новороссийск, начал писать Совету народных комиссаров, что мне необходимо самому выехать в Москву, чтобы там подробно осветить положение Черноморского флота и постараться лично приложить все усилия для снабжения с севера флота всем тем, без чего не можем существовать. Кроме того, здоровье моё в последнее время до того расшаталось, что я чувствую необходимость хоть немного отдохнуть и думаю, что поездка и новая обстановка мне помогут. Я еду с тем чтобы вернуться и продолжать службу с вами, как только мне удастся добиться всего того, что нам необходимо. Я не теряю надежды, что мне удастся это сделать и добиться результата. Прошу передать командам, что я благодарю их за службу. Переходом в Новороссийск флот наш написал светлую страницу истории. Я прошу флот довести начатое дело до конца (то есть Саблин допускал, что может не вернуться. – С.В.). Для этого надо с величайшей серьёзностью отнестись к своему долгу и к своей службе. Я передаю командование всем вам известному и уважаемому Александру Ивановичу Тихменёву. Наши взгляды на службу и флот совершенно одинаковы. Много и много мы плавали с ним на миноносцах в то время...»¹²

Опасаться выхода Черноморского флота из-под контроля у советского правительства были все основания. 13 июня нарком иностранных дел Г.В. Чичерин телеграфировал находившемуся в Царьцине наркому по делам национальностей, упол-

номоченному Совнаркома И.В. Сталину: «Я имею ещё вам сказать перевод вербальной ноты барона Кюльмана¹³ на имя Иоффе¹⁴, переданной нам также сюда. [В] распоряжении германского Министерства иностранных дел имеются следующие официальные сообщения. 1. С 10 июня германские войска около Батайска подвергаются нападениям. Нападения продолжаются до настоящего времени. 2. К северо-западу от Валуек германские укрепления подвергаются нападению. Бронированный поезд подверг обстрелу занятую германскими войсками деревню. 3. Таганрог, начиная с 4 ч утра 10 июня, обстреливается со стороны моря. Бомбардировка продолжается с перерывами до настоящего момента. 4. Вышедший из Новороссийска транспорт приблизительно из 30 судов замечен около Миусской бухты. Несколько тысяч русских войск у Таганрога высадилось в тылу у германских войск. Ввиду этих обстоятельств возникают сомнения в том, желает ли или может ли русское правительство лояльно исполнять условия, принятые [им] на себя в обмене нот относительно судов [в] Новороссийске. Нижеподписавшийся просит обратиться к русскому правительству, с тем чтобы оно приняло меры для устранения указанных явлений и для немедленного удаления обратно указанных войск. Германское командование будет принуждено принимать дальнейшие меры, исключительно руководствуясь военными соображениями, если до 15-го сего месяца не будут приняты вышеупомянутые мероприятия. Чичерин прибавляет: необходимо принять решительные меры против агрессивных действий со стороны наших войск и флота. Просим вас постараться выяснить действительные факты и передать войскам и морякам категорическое распоряжение советского правительства воздерживаться от нападений на германские суда и на занятую германцами территорию, причём нарушители должны подлежать строгой ответственности перед революционным трибуналом. Народный комиссар ино[странных] [дел] Чичерин. 13/VI.1918 г. Москва, Кремль»¹⁵. За этой телеграммой Г.В. Чичерина была ещё одна: «Прибавляю, что в центре всей дипломатической акции Германии относительно нас стоит теперь вопрос о флоте. Германская ставка или, может быть, император ставит все будущие переговоры и всякие будущие соглашения [в] какой бы то ни было области в зависимость от вопроса о флоте. Обещание нами дано. Неисполнение было бы крахом всей нашей

политики. Народный комиссар ино[странных] дел Чичерин. 13/VI.1918 г. Москва, Кремль»¹⁶.

13 июня, узнав, что командование Черноморского флота до сих пор не выполнило распоряжения Совнаркома о потоплении судов, отданное ввиду угрозы захвата порта германскими частями, В.И. Ленин отправил в Царицын телеграфное распоряжение чрезвычайным уполномоченным Совнаркома И.В. Сталину и А.Г. Шляпникову о немедленном выезде в Новороссийск для организации скорейшего выполнения решения советского правительства¹⁷ (Сталин остался на военно-политической работе в Царицыне, Шляпников выехал, однако вопрос о флоте был, по большому счёту, решён без него).

На делегатских собраниях и митингах на Черноморском флоте развернулась ожесточённая борьба между коммунистами и офицерами, эсерами и украинскими националистами по вопросу о потоплении судов. 16 июня на референдуме 450 человек высказалось за потопление, 500 – против и 1000 человек воздержалось. 17 июня «контрреволюционным офицерам»¹⁸ удалось увести линкор «Воля», вспомогательный крейсер и 7 эсминцев в Севастополь (из них 1 эсминец вечером 17 июня был затоплен своей командой около Мысхако) и сдать их там германским войскам. Линкор «Свободная Россия», 6 эсминцев и 2 миноносца затопили в Новороссийске 18 июня, а эсминец «Керчь» – 19 июня около Туапсе. 8 сторожевых катеров были перевезены по железной дороге в Царицын и с 220 черноморцами составили основу Военно-Волжской флотилии; 800 моряков влились в Волжскую военную флотилию (в Нижнем Новгороде), 200 человек направились в Москву, 200 – на Балтийский флот и 100 – на Север¹⁹.

Настоящую публикацию составляют телеграмма члена ЦК РКП(б) И.В. Сталина с опровержением ложных слухов об отходе Крыма к Украине (док. № 1) и документы о ходе непростых переговоров Советской России с Германией о судьбе Черноморского флота (док. № 2–4), отложившиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории, а также доклад военного руководителя Высшего военного совета, военного специалиста М.Д. Бонч-Бруевича²⁰, В.И. Ленину, Высшему военному совету и управляющему делами Совета народных комиссаров В.Д. Бонч-Бруевичу²¹ о том, что «если наш флот не в состоянии защищаться, то он должен быть взорван, но ни в коем случае не возвращён в Севастополь» (док. № 5).

№ 1. Текст телеграммы члена Центрального комитета РКП(б), наркома по делам национальностей И.В. Сталина в Севастопольский Совет депутатов о слухах о присоединении Крыма к Украине и высадке японского десанта во Владивостоке

Не ранее 5 апреля 1918 г.

Слухи об отходе Крыма к Украине не верны. Мы раз уже сообщали вам, что, по имеющемуся у нас документу германского правительства, ни немцы, ни Киев на Крым не претендуют, берут только материковую часть Таврической губернии. Во Владивостоке высажен японский десант с согласия так называемых союзников.

Сталин

*Помета: «Передана».**

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 955.
Подлинник. Автограф.

№ 2. Переговоры по прямому проводу полномочного представителя Советской России в Германии, кандидата в члены ЦК РКП(б) А.А. Иоффе с председателем Совета народных комиссаров В.И. Лениным и членом коллегии Наркома иностранных дел Л.М. Караханом²² о недопущении военных действий Черноморского флота против Германии в соответствии с условиями Брестского мирного договора

*Не ранее 11 – не позднее 15 мая 1918 г.***

– Там ли т. Ленин?
– Да.
– Здесь у аппарата т. Ленин?
– У аппарата Ленин и Карахан.
– Нет ли у Вас точных сведений о положении на фронте в связи со вчерашними жалобами немцев? Я вчера передавал о новом ультиматуме до 15-го, всякие недоразумения с нашей стороны только на

* Подпись неразборчива.

** Датируется по времени ультиматума Германии Советской России по поводу Черноморского флота.

руку тем, которые желают взять Новороссийск. Необходимо уничтожить всякий повод для этого. Дело серьёзное. Надо, чтобы наши вели себя тихо и до 15-го вернулись на прежние позиции, а новороссийские суда в Севастополь. Я вчера послал ноту, в которой указывал, что враждебные действия с нашей стороны являются результатом немецкого наступления²³, что можем и хотим выполнить взятые на себя обязательства, но решительно требую того же и от немцев. Последнее моё соглашение сводилось – послать до 15-го приказ судам возвращаться в Севастополь и комиссара в Новороссийск для приведения этого приказа в исполнение. Если фактически суда не успеют вернуться к 15-му, я надеюсь это уладить, но абсолютно невозможны какие бы то ни было враждебные действия с нашей стороны: этим непременно воспользуются как поводом. Сейчас послал Кюльману в связи с моим вчерашним разговором [с] Чичериным следующую ноту:

«Нижеподписавшийся имеет честь донести до сведения его превосходительства статс-секретаря, что 10-го сего месяца Рабоче-крестьянским правительством отдан приказ российским военным судам возвращаться в Севастополь для разоружения. Приказ кончается словами: "...предписывается вам немедленно предпринять меры к переводу судов из Новороссийского порта в Севастопольский с таким расчётом, чтобы кончить перевод всего флота не позже 19 июня". Подписано: Троцкий и Раскольников²⁴. Одновременно с отдачей этого приказа для наблюдения за приведением его в исполнение в Новороссийск послан член Морской коллегии Вахрамеев. Об отдаче приказа и отправке комиссара Вахрамеева было своевременно сообщено г.уполномоченному представителю Германии, императорскому посланнику графу Мирбаху²⁵. Таким образом, Рабоче-крестьянским правительством выполнено принятое им на себя обязательство касательно возвращения в Севастополь новороссийских судов, если самое исполнение этого приказа несколько затягивается, то это происходит не по вине Рабоче-крестьянского правительства, ибо постоянно продолжающееся продвижение германских войск, отсутствие перемирия на украинских фронтах, отказ представителей Украины установить такое перемирие, наконец, вытекающая из всего этого трудность сношения Рабоче-крестьянского правительства с Югом – создают атмосферу и порождают условия, в которых решения и приказы Рабоче-крестьянского правительства не могут проводиться в жизнь и осу-

ществляться столь быстро и решительно, как это было бы желательно и Рабоче-крестьянскому правительству, и верховному командованию германских армий, полагая, что всё это будет принято во внимание германским императорским правительством и особенно учтено будет то обстоятельство, что все затруднения на фронте являются результатом чрезмерно нервного поведения германских войск, постоянно нарушающих даваемые германским правительством обязательства, – нижеподписавшиеся выражают твёрдую уверенность, что теперь, с принятием Рабоче-крестьянским правительством всех условий, предъявленных германским императорским правительством, и самых решительных мер к приведению в исполнение этих условий, осуществлены будут наконец также и обязательства, взятые на себя германским императорским правительством, и в особенности прекращены будут враждебные против России действия на всех фронтах, что одно только даст возможность принятой германским императорским правительством комиссии приступить наконец к мирной деловой работе, совершенно невозможной под грохот пушек и треск пулемётов. Нижеподписавшийся имеет честь и т.д.»

Считаю очень желательным, чтобы подобные, столь важные, ноты печатались в нашей прессе. Только таким путём они могут дойти до германского общественного мнения. Я серьёзно говорю, Владимир Ильич, что всякое оплошное, даже и мелкое провоцирование с нашей стороны будет немедленно использовано с военной точки зрения. Необходимо ни в коем случае не допускать этого. Ультиматум до 15-го, несомненно, будет соблюден в точности. Если передача судов затянется, то при явной готовности с нашей стороны и при видимости возможного выполнения этой готовности, но никакие военные действия с нашей стороны до 15-го недопустимы, и обязательно возвращение наших войск на прежние позиции. Я повторяю, что Кюльман получил телеграмму из Ставки, что дипломатия, очевидно, ничего поделывать не может и военные должны применять свои меры, поэтому позже 15-го ждать не намерены. Я уверен, что Вы, Владимир Ильич, это уладите там, тогда я постараюсь уладить здесь – давайте мне материал для протестов против германских наступлений и продвижений. Жду ответа. Материал, который был мне прислан до сих пор, я использовал во вчерашней ответной ноте. Всё?

– Повторяю: всё несчастье, что военные не хотят спеться с дипломатией, но, наоборот, подчиняют её себе, а последняя настолько мягкотела, что не может

энергично противодействовать. Сегодня посылаю к Вам курьера. Пока, желаю Вам всего лучшего.

Иоффе: Всё.

Рукописная помета: «Шесть копий Троцкому, Карахану – две копии, [копию] Вл[адимиру] Ил[ьичу]».

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5958. Л. 1–5.
Телеграфная лента.

№ 3. Телеграмма председателя Высшего военного совета Л.Д. Троцкого А.А. Иоффе – об установлении демаркационной линии с Германией

*Не ранее 11 – не позднее 15 мая 1918 г.**

Сообщаю Вам, Адольф Абрамович, свою оценку положения с точки зрения перемирия или его действительных и мнимых нарушений. Я оставляю в стороне вопрос о революционном состоянии страны, ибо с этим немцы не обязаны считаться, но и независимо от этого нужно ясно и твёрдо заявить, что перемирие и демаркационная линия могут соблюдаться лишь при условии, если с обеих сторон есть минимальное доверие к тому, что перемирие действительно заключено *bonafide*²⁶, т.е. для установления мирных отношений. Нельзя устанавливать демаркационную линию на определённых участках фронта и оставлять себе руки развязанными на других участках. Искусственно неопределённое положение, создаваемое немецким командованием, вызывает чрезвычайное раздражение не только в красноармейских частях, но и в населении вообще, особенно в прифронтной полосе. Нынешнее положение с его частичными и провизорными демаркационными линиями представляет собой злостную провокацию. На всякую злостную провокацию и всякие эксцессы мы прилагаем все усилия к тому, чтобы добросовестно соблюдать всякое соглашение, но вся обстановка порождает и будет порождать чреватые всякими последствиями пограничные конфликты, до тех пор пока германские военные власти не спойются со своей дипломатией и не проявят на деле действительной готовности установить перемирие на всём фронте с точно установл[енной] демарк[ационной] линией. При этом условии я ручаюсь, что с нашей сторо-

* Датируется по времени ультиматума Германии Советской России по поводу Черноморского флота.

ны всякий, кто попытается нарушить условия перемирия, понесёт самую суровую кару.

Троцкий

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5958. Л. 6–8.
Телеграфная лента.

№ 4. Текст телеграммы В.И. Ленина А.А. Иоффе о принятии мер по переводу судов из Новороссийска в Севастополь

Не ранее 11 – не позднее 15 мая 1918 г.

У аппарата Ленин.

Мы принимаем с[о] своей стороны решительно все меры, чтобы добиться как перевода судов в Севастополь, так и прекращения военных действий или подобия [их] с нашей стороны. Повторяю: всё возможное делается. Продолжайте энергично, терпеливо и выдержанно Вашу политику.

Ленин

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5958. Л. 5 об.
Автограф чёрными чернилами.

№ 5. Доклад военного руководителя Высшего военного совета, военного специалиста М.Д. Бонч-Бруевича, в Высший военный совет – о невозможности и нецелесообразности передачи Германии городов Батайска и Ростова, возвращении в Севастополь Черноморского флота с его последующим разоружением и передаче Финляндии западной части Кольского полуострова

№ 2019

27 мая 1918 г.

*Секретно
Особая папка*

*Высшему военному совету**

По данным, сообщённым мне комиссаром по иностранным делам, существует предположение:

* Доклад был направлен М.Д. Бонч-Бруевичем трём адресам: председателю Совнаркома В.И. Ленину, Высшему военному совету и управляющему делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичу.

I. Провести демаркационную линию по Донской области так, чтобы Батайск остался у германцев. Докладываю, что сдача Батайска германцам закончила бы блокаду нас немцами со стороны Кавказа и поставила бы в критическое положение железнодорожную станцию Царицын – Тихорецкая, единственную линию, ещё соединяющую нас с хлебородным Северным Кавказом и с нефтяным Майкопским районом. Кроме того, по докладу т. Трифонова, вернувшегося из Кубани, Ростов прочно занят надёжными войсками, что делает крайне трудной переправу германцев на левый берег Дона для взятия ими Ростова и продвижения их дальше на Батайск.

Считаю, что ни Ростов, ни Батайск не могут быть ни в коем случае уступлены германцам.

II. Отвести Черноморский флот обратно в Севастополь из Новороссийска, с тем что он будет там разоружён и будто бы будет возвращён России после заключения всеобщего мира. Невзирая на тяжёлое положение Черноморского флота в Новороссийске, который не подготовлен для стоянки флота, считаю, что возвращение флота в Севастополь означало бы фактическую передачу его германцам, т.е. как бы умышленное с нашей стороны усиление германцев нашим флотом. Ясно, что германцы в нужную минуту найдут причины обойти все данные ими обещания и обратят весь Черноморский флот для решения боевых задач во вред России. Заявляю, что если наш флот не в состоянии защищаться, то он должен быть взорван, но ни в коем случае не возвращён в Севастополь. Никакого доверия к заверениям германцев о возвращении нам флота впоследствии, конечно, иметь невозможно.

III. Уступить Финляндии западную часть Мурмана²⁷. В военном отношении эта часть господствует над полуостровом Рыбачьим и перешейком, соединяющим этот полуостров с сушей; существующий здесь залив даёт господство над морскими путями. С отдачей Финляндии западного Мурмана с его водным пространством мы поставим в критическое положение Мурманскую железную дорогу и лишимся выхода в открытое море, являющегося ныне важной связью с Западной Европой.

Кроме того, при сложившейся в Финляндии обстановке, где в настоящее время появились группы населения, стремящиеся к передаче Финляндии во власть финнов, а не германцев, силы Финляндии настолько ничтожны, что ожидать с её стороны серьёзного наступления на Мурман невозможно; малая

вероятность такого наступления ещё усугубляется голодом, несомненно свирепствующим в Финляндии.

Захват Мурмана германцами потребовал бы от них серьёзной экспедиции в этот край, что, во всяком случае, явилось бы для них делом нелёгким и потребовало бы значительной подготовки; иначе говоря, такая экспедиция не может осуществиться в ближайшем будущем. Категорически заявляю, что западная часть Мурмана с его водным пространством не может быть уступлена белому правительству Финляндии²⁸.

Заключение. Все три предположения для России совершенно неприемлемы, и, на мой взгляд, все они являются следствием полупанического настроения с нашей стороны и крайней наглости со стороны германцев.

Ещё раз докладываю, что исполнение каждого из этих предположений поставило бы нас в ещё более, чем теперь, тяжёлое положение, и потому ни одно из них, безусловно, не подлежит осуществлению.

Военный руководитель

М. Бонч-Бруевич

Постановление Высшего военного совета: «Оп[еративно]. Все экземпляры отправить по назначению. М.Д. Бонч-Бруевич, Склянский²⁹, Антонов³⁰, Потапов³¹, Беренс³²».

Помета: «Опер[ативная]. Хранить в деле “докладов”. Н[иколай] С[улейман]³³. 28/V».

РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 99 об. – 100.

Подлинник. Машинопись на бланке «Военный руководитель Высшего военного совета».

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: Т. 37. М., 1969. С. 25.

² Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 652.

³ Цит. по: Комсомольская правда. 1937. 23 февраля. № 44.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Кириллов В.С., Свердлов А.Я. Григорий Константинович Орджоникидзе (Серго): Биография. 2-е изд., испр. и доп. М., 1986. С. 94.

⁷ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 652.

⁸ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 652.

⁹ См. подр.: Рабинович А. Досье Щастного // Отечественная история. 2001. № 1. С. 61–82.

¹⁰ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 652.

¹¹ Саблин Михаил Павлович (1869–1920) – вице-адмирал (1916), командующий Черноморским флотом. В июне 1918 г. был вызван в Москву, где арестован. С помощью моряков бежал в Великобританию, откуда прибыл на Юг России и стал видным флотоводцем Белого движения.

¹² Документы по истории Черноморского флота (в марте – июне 1918 г.) // Архив русской революции. Т. 14. М., 1992. С. 213.

¹³ Кюльман Рихард, фон (1873–1948) – немецкий дипломат и промышленник. Известен прежде всего как статс-секретарь (министр) иностранных дел Германской империи во время Первой мировой войны с августа 1917 г. по июль 1918 г. и руководитель германской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске, завершившихся подписанием мирного договора между Германией и Советской Россией в марте 1918 г.

¹⁴ Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927) – участник революционного движения в России, советский дипломат и партийный деятель. Ближайший соратник Л.Д. Троцкого. С 20 ноября 1917 г. до января 1918 г. председатель (затем член и консультант) советской делегации на переговорах о мире с Германией в Брест-Литовске. В апреле – декабре 1918 г. полпред Советской России в Германии.

¹⁵ Цит. по: Шляпников А.Г. За хлебом и нефтью // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 147.

¹⁶ Цит. по: Там же.

¹⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника: Т. 5. М., 1974. С. 538.

¹⁸ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 652.

¹⁹ Там же.

²⁰ Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870–1956) – русский и советский геодезист, военный теоретик, участник Первой мировой и Гражданской войн. Генерал-майор (1914) Русской императорской армии и генерал-лейтенант (1944) Красной Армии. Доктор военных и технических наук. Из дворян, брат управляющего делами ленинского Совета народных комиссаров, старого большевика Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича. В марте – августе 1918 г. военный руководитель Высшего военного совета.

²¹ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) – большевик, советский партийный и государственный деятель, этнограф, писатель. Ближайший помощник В.И. Ленина со времён «Искры». После прихода большевиков к власти – управляющий делами Совета народных комиссаров.

²² Карахан Лев Михайлович (1889–1937) – член РСДРП с 1904 г., член РСДРП(б) с 1917 г.; секретарь русской делегации на переговорах в Брест-Литовске; зам. наркома иностранных дел (1918–1920).

²³ Германские части постоянно нарушали демаркационную линию, установленную в соответствии с Брестским договором.

²⁴ Раскольников Фёдор Фёдорович (1892–1939), в 1918 г. комиссар Морского генерального штаба, зам. наркома по морским делам. Выполнял поручение Совнаркома по затоплению Черноморского флота в июне, с июля член Реввоенсовета Восточного фронта, с 23 августа командующий Волжской военной флотилией. Участвовал во взятии Казани 10 сентября 1918 г. и последующем походе флотилии по Каме; член РВСР.

²⁵ Мирбах-Харфф Вильгельм, фон (1871 – 6 июля 1918) – граф, германский дипломат, с апреля 1918 г. посол Германской империи при правительстве Советской России в Москве. Убит левыми эсерами – противниками Брестского мирного договора.

²⁶ В дословном переводе – добросовестный.

²⁷ Мурман (*устар.*) – название Кольского полуострова.

²⁸ Основная тяжесть борьбы со вторгнувшимися на российскую территорию финнами в апреле 1918 г. легла на отряды финской и кемской Красной гвардии. В мае сводный отряд британских и русских моряков при поддержке артиллерии крейсера «Кохрейн» отразил нападение финнов на Печенегу. Потерпев неудачу на сухопутном ТВД, германское командование с помощью подводных лодок развернуло настоящий террор против российских судов в прибрежных водах Мурмана. Опасность нового германо-финского наступления была устранена только в июне, когда в Мурманске высадились 1500 союзных пехотинцев (Тучков А.И. Гражданская война и интервенция на Мурмане [электрон. ресурс]. URL://http://lexicon.dobrohot.org).

²⁹ Склянский Эфраим Маркович (1892–1925). В социал-демократическом движении с 1913 г. В советском военном ведомстве с 1917 г. – товарищ наркома по военным делам, член коллегии Наркомвоена. Во время Гражданской войны принимал деятельное участие в организации и снабжении Красной Армии; при приближении фронта к Волге, когда все члены Наркомвоена выехали на фронт, вёл всю текущую работу наркомата; зам. председателя РВСР (сентябрь 1918 – 1924).

³⁰ Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883–1939) – советский партийный, государственный и военный деятель. Активный участник Октябрьского переворота: секретарь ВРК, руководил арестом Временного правительства. В старой армии – офицер 40-го Колыванского пехотного полка (с 1904). На советской работе: зам. председателя Главкомтруда, член коллегии Наркомтруда и НКВД, зам. председателя Малого СНК; уполномоченный ВЦИК по Пермской губ. (январь 1921); один из руководителей комиссии ВЦИК по ликвидации бандитизма в Тамбовской губ. (февраль – июль 1921); на борьбе с голодом в Самарской губ. (с октября 1921); нач. Политуправления РККА (с осени 1922); полпред РСФСР в Чехословацкой Республике (с февраля 1924), Литве, Польше (до апреля 1934). В советском военном ведомстве: член Комитета по делам военным и морским коллегии Наркомвоена (с ноября 1917), главнокомандующий войсками против Каледина (с 6 декабря); командующий Украинской советской армией. В межвоенный период поддерживал левую оппозицию по организационному вопросу (1923–1927) (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 665. Л. 1 и сл.).

³¹ Потапов Николай Михайлович (1871–1946) – генерал-лейтенант. Во время Октябрьского переворота генерал-квартирмейстер ГУГШ. Агент Военной организации при Петербургском комитете РСДРП(б) (с июля 1917); нач. ГУГШ и при коллегии по управлению Военным министерством на правах пом. управляющего Военным министерством (ноябрь 1917 – май 1918), пом. управделами Наркомвоен (с декабря 1917). В РККА с 1918 г. В советском военном ведомстве управляющий делами Наркомвоен (май – ноябрь 1918); член Высшего военного совета (с июня 1918); постоянный член (с лета 1918), председатель Военно-законодательного совета (июнь 1919 – апрель 1920) – Военно-законодательного совещания (апрель 1920 – ноябрь 1921) при РВСР, по совместительству член Главной военно-научной редакции (1920–1921), преподаватель Высшей школы по физическому образованию трудящихся (1920–1923); пом. главного инспектора Всевобуча (с сентября 1921) (РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 18. Л. 2–9, 10–13).

³² Беренс Евгений Андреевич (1876–1928) – офицер русского и советского флота, начальник Морского генераль-

ного штаба (1917–1919), член Высшего военного совета (1918); командующий Рабоче-крестьянским Красным флотом (апрель 1919 – февраль 1920).

³³ Сулейман Николай Александрович (1878–1942) – генерал-майор. В советском военном ведомстве – пом. военного руководителя (нач. штаба) Высшего военного совета (с марта 1918); нач. Оперативного управления Полевого штаба РВСР; преподаватель тактики и стратегии, по совместительству нештатный ст. руководитель Генерального штаба РККА (с августа 1918); вёл специальный лекционный курс военно-инженерной маскировки в Высшей школе военной маскировки (с января 1919), по совместительству ст. руководитель практических занятий по топографии Академии Генерального штаба РККА (с апреля 1920); штатный преподаватель (с ноября 1920), заведующий обучающимися слушателями (с апреля 1921), гл. руководитель групповыми лекциями (с января 1922) Академии Генерального штаба РККА. В межвоенный период ст. руководитель Академии Генерального штаба, по совместительству ст. руководитель Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского (с октября 1922 до января 1927).

В.В. Крестьянников

«...Оставляю флот с чувством исполненного долга»: вице-адмирал Михаил Павлович Саблин

Саблины – дворянский род, восходящий к концу XVI в. (род разделился на несколько ветвей, внесённых в родовые книги Вологодской, Олонецкой, Петербургской и Новгородской губерний).

Саблины дали России на протяжении двух веков многих морских офицеров. Участником Чесменского сражения был Фёдор Саблин, участником Гогландского, Эландского, Ревельского и Выборгского сражений – Алексей Саблин, впоследствии адмирал и сенатор. В сражениях в Керченском проливе, при Гаджибее и Калиакрии под командованием Ф.Ф. Ушакова участвовал Яков Саблин.

Имя Саблиных связано и с Севастополем, где на его бастионах в 1854–1855 гг. сражался Аполлон Саблин, дядя Михаила Павловича¹.

Михаил Павлович родился в семье морского офицера 17 июня 1869 г.² Выбор его был определён

с детства, и в 1884 г. он поступил в Морской кадетский корпус, который спустя шесть лет окончил с отличием. 29 октября 1890 г. вышел приказ о его производстве в мичманы, после чего молодой офицер отправился для прохождения службы на Чёрное море, где его отец тогда командовал крейсером «Память Меркурия». В 1894 г. окончил Минный офицерский класс, в 1896 г. стал лейтенантом и поучаствовал в заграничном плавании на канлодке «Кубанец», а в 1897 г. был зачислен в минные офицеры 1-го разряда.

В 1899 г. Михаил Павлович получил назначение на плававший на Дальнем Востоке новый крейсер 1-го ранга «Россия», но вскоре был переведён минным офицером на крейсер 1-го ранга «Дмитрий Донской», на котором и служил по возвращении корабля на Балтику в 1902 г. В сентябре 1904 г. он стал старшим минным офицером нового эскадренного броненосца «Ослябя», на котором в составе эскадры вице-адмирала З.П. Рождественского принял участие в Цусимском сражении.

В самом начале битвы корабль оказался под сосредоточенным огнём японских кораблей и, получив тяжёлые повреждения, перевернулся. Незадолго до этого момента капитан 1 ранга В.И. Бэр послал М.П. Саблина оценить повреждения. В своём рапорте Михаил

¹ Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг., М., 1932. С. 281.

² Крещён 27.07.1869 в Севастопольском Адмиралтейском соборе. Отец – Павел Фёдорович Саблин, мать – Елизавета Васильевна (урожд. Рюмина). Восприемники: отставной генерал-майор Василий Гаврилович Рюмин и Анна Васильевна Давыдова, жена подполковника 150-го Таманского полка (РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 6880. Л. 2). Общий морской список, СПб., 1897, ч. IX.

Павлович писал: «Видя, что гибель “Ослябы” неизбежна, я спустился в жилую палубу и скомандовал: “Из палубы всем выйти”. Сам же пошёл на верхний мостик, чтобы доложить командиру о всём виденном и о своём приказании. Только по этому приказанию команда начала уходить из жилой палубы. [...] Когда я поднялся на мостик, то застал в боевой рубке командира, старшего артиллерийского офицера [С.Э. Генке] и прапорщика [И.В.] Болдырева. Я доложил обо всём командиру, командир мне ответил: “Да, тонем, прощайте”. Мы все простились. В это время крен был настолько велик, что, чтобы не упасть, я схватился за тентовую стойку с правой стороны от рубки. Помню, как левый край мостика уходил в воду, уходили трубы. Я думаю, что палуба стояла тогда вертикально. Затем я, вероятно, на несколько мгновений лишился сознания, так как следующий момент помню, что я в воде, темно, и поднимаюсь вверх. Всплывал я долго, два раза ударялся головой, меня начинало тянуть вниз. Когда я вынырнул на поверхность, то “Осляби” уже не было, и только на поверхности была масса голов и плававших предметов»³.

Товарищ М.П. Саблина по Морскому училищу, контр-адмирал В.К. Пилкин, позднее записал рассказы друга о последующем спасении: «Недалеко от него всё пространство было покрыто головами тонущих. До него доносились вопли: “А... а... а... а... а...!!!” Какой-то миноносец шёл к нему. “Спасать”, – думал он, но миноносец остановился и полным задним ходом врезался в толпу погибавших. Подошёл другой миноносец (“Бравый”), заметил его, кинул ему конец, но Саблин сам не мог по нему подняться. Кто-то протянул ему руку. Он, держась за конец, подал ногу. За ногу его и вытащили. “Бравый” тоже задним ходом пошёл на место гибели “Ослябы”. И тут Мих[аил] Павл[ович] почувствовал страшный прилив сил. Он вытащил из воды собственноручно девять человек.

Но вот миноносец тронулся вперёд. Саблин спустился вниз, скинул с себя всё мокрое, кинулся в чью-то койку и заснул мёртвым сном. Ночью его кто-то тряс за плечо, кто-то кричал: “Атака! Атака!” Но он повернулся только на другой бок и очнулся вполне лишь в 9 ч утра.

И он признавался мне, что долго, долго спустя, когда входил на палубу корабля... чувствовал, что ноги у него отнимаются. Потом прошло»⁴.

³ Сборник донесений о Цусимском бое 14 марта 1905 г. СПб., 1907. С. 303, 304.

⁴ Пилкин В.К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920 гг., М., 2005. С. 37.

Миноносец «Бравый» (командир – лейтенант П.П. Дурново), на котором оказался спасённый М.П. Саблин, несмотря на полученные повреждения, сумел прорваться во Владивосток. За участие в сражении офицер был награждён орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом.

По возвращении на Балтику, в октябре того же 1905 г., он был назначен старшим офицером учебного судна «Хабаровск». С конца 1906 г. М.П. Саблин проходил службу на Черноморском флоте, командуя эскадренным миноносцем «Завидный» (назначен 4 ноября 1906 г.), канонерской лодкой «Донец» (с 19 ноября 1907 г.), был начальником 5-го резервного дивизиона миноносцев (с 16 марта 1909 г.), 3-го дивизиона миноносцев (с 29 марта 1911 г.) Черноморской минной дивизии.

Всем памятен Петербургский морской кружок, связанный с именами А.Н. Щеглова, А.В. Колчака, М.М. Римского-Корсакова и других энергичных молодых офицеров, но и в Севастополе (правда, чуть позже, уже в 1908 г.) была создана аналогичная организация – Черноморский морской кружок. В числе его учредителей встречаем капитана 2 ранга М.П. Саблина.

В сентябре 1909 г. Михаил Павлович в Троицкой церкви с. Кадыковка сочетался браком с дочерью священника Натальей Васильевной Белоусовой. На свадьбу приезжал его брат Александр, подпоручик гвардейской конной артиллерии⁵.

1 сентября 1912 г. М.П. Саблин вступил в командование своим первым и последним большим кораблём – линкором (бывшим эскадренным броненосцем) «Ростислав», а 6 декабря того же года был произведён в капитаны 1 ранга с утверждением в должности.

4 августа 1914 г. приказом командующего флотом Михаил Павлович был назначен и.д. начальника минной бригады и 12 августа поднял брейд-вымпел на одном из новейших турбинных эсминцев – «Гневном». С началом войны с Турцией этим судам пришлось продемонстрировать свою универсальность, сопровождая главные силы, а также выполняя крейсерские операции у берегов противника (за неимением в составе флота современных быстроходных крейсеров) и ставя минные заграждения. За боевые успехи последовала достойная награда. Дума Георгиевского оружия, собравшаяся на линкоре «Синоп»

⁵ ГКУ АГС. Ф. 30. Оп. 1. Д. 96. Л. 201 об. – 202.

27 ноября, сочла Саблина «за подвиг, совершённый им 23 октября 1914 г. при постановке с 1-го дивизиона миноносцев минного заграждения у входа в Босфор и большую для наших судов опасность» достойным награждения Георгиевским оружием⁶. А в феврале 1915 г. приказом командующего флотом А.А. Эбергарда М.П. Саблин был введён в Думу Георгиевского оружия – оценивать подвиги других.

18 апреля 1915 г. М.П. Саблин был произведён в контр-адмиралы «за отличную усердную службу и труды во время военных действий», причём адмиральские погоны ему вручал Николай II, находившийся в это время в Севастополе. Суда бригады вели активные боевые действия на всём черноморском театре военных действий: ставили мины в районе Босфора, обстреливали Анатолийское побережье, вели постоянно боевые операции в районе Зунгулдака, прикрывали крупные войсковые перевозки в Лизистан и т.д. За боевые отличия Михаил Павлович был награждён орденами Св. Станислава 1-й ст. с мечами (18 января 1916 г.), Почётного легиона (разрешено принять в марте 1916 г.) и Св. Анны 1-й ст. с мечами (30 июля 1916 г.).

В июне 1916 г. командующим Черноморским флотом был назначен адмирал А.В. Колчак. Он произвёл смену многих командиров соединений. Вскоре изменения коснулись и М.П. Саблина: 7 августа он принял 2-ю бригаду линейных кораблей и, временно, должность начальника линейной дивизии Чёрного моря. Стремительное повышение оказалось недолгим. На одном из совещаний после очередной неудачной охоты на «Гёбен» и «Бреслау» он выразил недовольство принятой импульсивным Колчаком системой отдачи приказаний командирам кораблей напрямую, минуя начальников дивизий и бригад. Другим поводом для противоречий стало массивное мини-рование Босфора, против которого выступали некоторые черноморцы (тогда Михаил Павлович якобы сказал Колчаку: «Проще все мины погрузить в вагон и отправить в Константинополь», – имея в виду вылавливание мин турками). В результате продолжавшихся трений Саблин был смёнён.

В декабре 1916 г. контр-адмирал М.П. Саблин был назначен начальником Або-Аландской шхерной позиции на Балтике, а после Февральской революции зачислен в резерв морского министра.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 4471. Л. 4 (награждён приказом командующего Черноморским флотом № 938 от 03.12.1914; высочайше утверждено 24.12.1914).

Наступил 1917 год. В июне с поста командующего флотом ушёл адмирал Колчак, в начале августа уехал в Петроград сменивший его адмирал Лукин. Новым командующим флотом Временное правительство назначило контр-адмирала Немитца, служившего в годы Первой мировой войны на миноносцах под командованием Саблина. Он пригласил Михаила Павловича на должность начальника штаба флота. Флот в этот период уже не вёл активных боевых действий: эскадренные миноносцы в одиночку или небольшими группами ходили для обстрела турецких портов, работала транспортная флотилия. На флоте катастрофически падала дисциплина, все вопросы командование вынуждено было решать только с Севастопольским Советом военных и рабочих депутатов, а затем с созданным Центральным комитетом Черноморского флота (Центрофлот).

Характерен такой пример. Штаб флота получил в августе разведсведения о выходе в Чёрное море крейсера «Мидили» («Бреслау»). Срочно к Босфору направили эскадру. У Босфора крейсера уже не было, и линкор «Свободная Россия» с двумя эсминцами был отправлен к болгарским берегам. Когда корабль пришёл в район минных полей у побережья, команда предложила командиру линкора прекратить крейсерство и идти в Севастополь, заявив, что матросы не желают рисковать жизнями ради буржуазии. Когда командир отказался удовлетворить требования команды, матросы связали командира и старшего офицера и заставили офицеров привести линкор в Севастополь. Адмирал Немитц возбудил вопрос о немедленном суде над командой линкора, однако натолкнулся на резкий протест матросов и отступил⁷.

После Октябрьской революции правительство Советской России заявило о желании начать мирные переговоры с Германией и её союзниками. В ночь с 15 на 16 декабря 1917 г. перемирие было заключено.

Сложная обстановка сложилась в Севастополе и вокруг него. На Дону бушевал мятеж, поднятый против новой власти генералом Калединым, и там матросские отряды оказывали помощь рабочим Ростова; на Украине образовалось двоевластие, украинское правительство усилило кампанию по «украинизации» флота, в Крыму образовалась Директория, создавшая объединённый «Крымский штаб». Офицеры массово бежали с флота или по «состоянию здоровья», или

⁷ Гречанюк Н.: Попов Н. Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов. Симферополь, 1957. С. 83, 84.

просто дезертируя, как это сделал по дороге в Москву в декабре командующий флотом адмирал Немитц⁸.

В этой беспокойной обстановке Саблин, оставаясь верным своему долгу, сохранил пост начальника штаба флота, а 14 (27) января 1918 г. был назначен ответственным оперативным членом Центрофлота⁹, участвовал в планировании операций на Черноморском побережье по установлению советской власти.

22 марта 1918 г. Центрофлот вновь ввёл должность командующего флотом, подконтрольную ему, и назначил на неё М.П. Саблина. Делегатское собрание флота утвердило это решение. В приказе о вступлении в командование Черноморским флотом Саблин писал: «...Будучи коренным черноморцем и любя Черноморский флот, я считаю себя не вправе в такую трудную минуту отойти в сторону и нахожу своим долгом служить флоту, пока на это хватит моих сил...»¹⁰

Германия и Украинская Народная Республика (УНР) постоянно нарушали условия Брестского мира, продвигаясь с боями на юг к Крыму и на восток, и СНК РСФСР поставил задачу перед командованием о перебазировании флота и его материальных запасов в Новороссийск. Эта задача осложнялась не столько неудобствами Новороссийска как порта, сколько политической нестабильностью в городе, обострением политической борьбы между партиями, прямым саботажем рабочих военного порта, отсутствием сил и средств обороны Крыма и единоначалия на флоте. 23 апреля СНК предоставил Саблину чрезвычайные полномочия для организации обороны Севастополя и эвакуации флота. Но было уже поздно, и в посланной в Москву телеграмме 25 апреля он заявил, что при современной организации флота и сложившейся на Крымском полуострове военной и политической обстановке чрезвычайные полномочия являются пустым звуком и было бы преступлением принять такие полномочия. Во второй телеграмме, посланной в тот же день, он сообщил: «Далее командовать флотом не могу и передаю окончательное командование Центрофлоту»¹¹.

⁸ Приказ ЦК Черноморского флота № 143 от 16.01.1918. Фонды ФГБУК ГМГООС. К-997. С. 63.

⁹ Приказ ЦК Черноморского флота № 87 от 14.01.1918. Фонды ФГБУК ГМГООС. К-997. С. 37.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 6. Л. 43.

¹¹ Сирченко И.Т. Выполняя приказ В.И. Ленина. М., 1979. С. 151, 161, 162.

29 апреля в обстановке полной неразберихи в городе, Совете и Центрофлоте М.П. Саблин принял командование флотом, но при условии единоначалия. 30 апреля, когда после переговоров делегации флота с германским командованием исчезли последние иллюзии о передаче флота УНР, Саблин под обстрелом немецких орудий вывел оставшуюся в Севастополе часть флота и под Андреевским флагом перевёл её в Новороссийск.

Перевод флота в Новороссийск не принёс спокойствия. Закавказская республика нарушала условия Брестского мира, а германская сторона возлагала ответственность за это на РСФСР. 16 мая начальник Морских сил Чёрного моря М.П. Саблин послал в Москву Троцкому и Чичерину радиogramму: «Сегодня мною послана следующая радио двоеточие кавычки Главнокомандующему Германскими Силами на Востоке Сухум бомбардируют два катера и тральщик бывшего кавказского отряда, несколько месяцев тому назад отколовшиеся от Черноморского флота. Условием соблюдения Брестского договора о невыходе из порта я лишён возможности пресечь такого рода отдельные выступления. Считаю подобное положение ненормальным и нахожу необходимым срочно выработать условия, дабы я мог принять соответствующие меры в подобных случаях»¹².

Не решён был вопрос о флаге для военных судов РСФСР, немцы не признавали не утверждённый никем красный флаг.

24 мая на Высшем военном совете РСФСР была рассмотрена докладная записка о положении в Новороссийске, в которой говорилось: «Положение с оставшейся частью нашего Черноморского флота становится всё более и более критическим. Обстановка, в которой он находится сейчас в Новороссийске, характеризуется следующими главными причинами:

Политическая.

Германия и Турция ведут явную охоту за нашими судами, нарушая для этого самым бесцеремонным и явным образом Брестский договор. Ими занят Севастополь, захвачена там часть судов, на которых подняты германские флаги. Они требуют возвращения судов из Новороссийска в занятый ими Севастополь, не мотивируя это абсолютно ничем и грозя захватить и Новороссийск, к чему ими уже фактически предприняты шаги в виде похода на Керчь. На все наши протесты ответы получают самые уклончивые или явно не-

¹² Фонды ФГБУК ГМГООС. А-1131. С. 8.

сообразные с договором. Вкратце – надо считать, что фактически никакого мирного договора по отношению к Черноморскому флоту у нас с Германией и Турцией нет. Последняя попытка наша остановить их продвижение и выяснить обстановку путём переговоров в специальной морской комиссии в Берлине, видимо, тоже не удаётся, судя по перехваченной радио гр. Мирбаху, в которой говорится, что “до выяснения положения на Чёрном море комиссию следует отложить”.

Политическая обстановка усложняется ещё Украиной, поползновения которой на Черноморский флот, видимо, тоже встречают со стороны Германии противодействия и такую же уклончивую политику.

Впечатление получается таковое, что Германия желает во что бы то ни стало завладеть нашим флотом и не согласна уступить его даже Украине, говоря уже о соглашении с нами по этому поводу...

Военная.

...В случае угрозы Новороссийска с суши уходить этим судам больше некуда, т.к. дальнейшие кавказские порты менее, чем Новороссийск, подходят для долговременной базы флота и, кроме того, частью находятся во власти закавказского правительства.

Опыт Севастополя показал, что настроение и состав наших судовых и береговых команд таково, что сопротивления с их стороны ожидать нельзя, уходить же в последний момент будет некуда. Однако и тут опыт показывает, что в последний момент это сделать не удастся: на военных судах команды подвергнутся панике и побоятся репрессий со стороны немцев, транспорты же не позволят топить их команды, считая, что этим они лишатся заработка, и не желая смотреть на это дело с более широкой стороны. Вопрос о Новороссийске осложняется ещё болезнью наморси и переменой командования, что создаёт в такое время ещё более неустойчивое состояние.

Все эти условия показывают, что уничтожение судов в Новороссийске надо произвести теперь же, иначе они, несомненно, и наверно полностью или в части, попадут в руки Германии и Турции»¹³.

СНК согласился с этим предложением, и в Новороссийск был послан член коллегии Наркомата по морским делам И.И. Вахрамеев. 2 июня, приехав в Новороссийск, он встретился с Саблиным, который согласился с мнением СНК о необходимости уничтожить Черноморский флот, но отказался лично исполнить это приказание, ссылаясь на свою тридцатилетнюю службу на флоте, на своё

расстроенное здоровье и главным образом на свой скорый отъезд для доклада в Москву¹⁴.

М.П. Саблин выехал в Москву 6 июня и 12 июня послал капитану 1 ранга Тихменёву, замещавшему его, телеграмму: «Внести по международной обстановке изменения в принятые решения не представляется возможным. Саблин»¹⁵.

Но думая о воссоздании флота в будущем, Саблин уже 15 июня подал в Морскую коллегию докладную записку. Позволю себе привести её почти полностью. «...Обстановка создалась такая, что в ближайшем будущем возрождение флота и возможность его выступления против наших противников может иметь место только на Чёрном море.

На основании этого считаю безусловно необходимым боевое снаряжение, снабжение, материалы, вспомогательные средства сосредоточить где-либо на Волге и привести их в такое состояние, что они могли бы быть в нужный момент переброшены по железной дороге в один из прочно занятых нами портов Чёрного моря.

Боевые суда, как то: подводные лодки, миноносцы и быстроходные катера, должны быть в самом срочном порядке, по водной системе, доставлены на Волгу, причём некоторые суда придётся перевести разобранными по частям.

На Волге части этих судов должны быть подготовлены для перевозки их по железным дорогам и для быстрой сборки на месте.

Если я встречу принципиальное согласие, то могу приступить к дальнейшей детальной разработке этого вопроса, а именно: какие именно суда из имеемых в Балтике должны быть взяты для этой цели и какое боевое снаряжение и материал необходимы для того, чтобы вести боевые действия на Чёрном море.

Время не ждёт, надо принять немедленно самые энергичные меры для проведения поставленного мною вопроса в жизнь. Люди найдутся. Материальные затраты возвратятся потом сторицей. Если же мы упустим настоящий момент, мы этим вычеркнем Россию из числа военных держав на многие годы, даже в том случае, если военное счастье на суше повернётся в нашу пользу. Саблин»¹⁶.

Эта докладная записка легла в дальнейшем в основу разработок по созданию Астраханско-Каспийской и Волжской флотилий.

¹⁴ Фонды ФГБУК ГМГООС. А-1131. С. 58.

¹⁵ Там же. С. 35.

¹⁶ Там же. С. 47, 47 об.

¹³ Фонды ФГБУК ГМГООС. А-1131. С. 10–13.

В конце сентября представителем РСФСР в Берлине было подписано соглашение, на основании которого 1 октября германская сторона (против которой он воевал с 1914 г.) приняла в своё пользование, с обязательством вернуть республике после заключения мира, все военные суда бывшего императорского Черноморского флота.

М.П. Саблин служил в Морском комиссариате республики, где занимался разработкой проектов по воссозданию Красного флота и других документов¹⁷. Был арестован в сентябре, но бежал и через Финляндию в ноябре 1918 г. прибыл в Англию.

Дальнейшие события Саблин описывает так: «В 1918 г., в ноябре месяце, я после бегства из России прибыл в Лондон. Узнав это, адмирал Колчак прислал поверенному в делах Набокову телеграмму с запрещением мне въезда в Россию и просил принять меры, чтобы англичане не давали мне возможности командовать Черноморским флотом. На телеграммы Колчаку от меня и от Набокова был получен ответ, что Колчак действовал на основании сообщений приезжих к нему офицеров, а что теперь он не препятствует Саблину ехать в Россию как частному лицу. Об этой переписке было осведомлено и английское Адмиралтейство.

В феврале 1919 г. я прибыл в Севастополь, куда был доставлен по распоряжению английского правительства, причём в пути мне было оказано исключительное внимание со стороны английских властей, как морских, так равно и военных. По прибытии в Севастополь я начал искать частного места, но узнав, что была послана в Лондон телеграмма о моём назначении в Париж консультантом от флота, я поехал в Екатеринодар, чтобы явиться и доложить о запрещении мне адмиралом Колчаком занимать какие-либо должности. В это время в Севастополе во флоте определённо царило убеждение, в особенности в штабе флота, что дело Добровольческой армии погибло, что не сегодня-завтра она перестанет существовать»¹⁸.

Начальник Морского управления при главнокомандующем вооружёнными силами Юга России адмирал Герасимов пригласил его на должность главного командира Севастопольского порта. После долгих ко-

лебаний М.П. Саблин согласился, но просил о расследовании его деятельности в особой следственной комиссии. Комиссия вынесла постановление, что Саблин может быть назначен в состав вооружённых сил Юга России, и постановление комиссии было утверждено А.И. Деникиным. М.П. Саблин был произведён в вице-адмиралы. По дороге из Екатеринодара в Новороссийск его догнал курьер с письмом о том, что Севастополь будет сдан дней через десять, поэтому его надо эвакуировать срочно.

В Севастополе находился начальник Морских сил Чёрного моря адмирал Канин и его штаб, однако власть в городе и на флоте принадлежала французскому адмиралу Амету. Прибыв в Севастополь, М.П. Саблин, несмотря на заверения адмирала, что ничего внезапного не произойдёт, все-таки приступил к спешной подготовке эвакуации.

В апреле 1919 г. адмирал Канин был снят с поста и адмирал Саблин приказом Деникина назначен главным командиром судов и портов Чёрного и Азовского морей¹⁹. Во второй половине апреля М.П. Саблин сумел вывести из Севастополя в Новороссийск и Константинополь небольшое число судов²⁰. Все оставшиеся в Севастополе французы и англичане, по соглашению с командованием частей Красной Армии²¹, испортили, уничтожили, подорвав орудия и крепости, машины на судах флота, утопив подводные лодки и выбросив оружие в воду. В мае удалось от Тендры в Новороссийск привести канонерскую лодку «Кубанец» и пять пароходов²².

Находясь в Новороссийске, адмирал Саблин заново создал штаб флота, флотскую инфраструктуру. и по состоянию на 14 августа 1919 г. в состав Черноморского флота белых входили: 1 крейсер, 1 вспомогательный крейсер, 2 канонерские лодки, 3 эскадренных миноносца, 3 подводные лодки, 6 тральщиков, 13 транспортов, отряд судов особого назначения, 4 дивизиона катеров и т.д.²³ Флот начал вести активные военные действия в северо-западной части Чёр-

¹⁷ Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 281.

¹⁸ Лукин В. Верхи белого морского командования Вооружённых сил Юга России и взаимоотношения с союзниками англичанами и французами в 1918–1920 гг. // МСб., 1924. № 7. С. 129.

¹⁹ Приказ главнокомандующего ВСЮР № 663 от 14.04.1919. Библиотека Музея КЧФ.

²⁰ Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озёрных системах, М., 1919. Т. 3. С. 47.

²¹ Прибой. 1919. 25 (№ 430).

²² Приказ главнокомандующего ВСЮР № 976 от 21.05.1919. Библиотека Музея КЧФ.

²³ Приказ главного командира судов и портов Чёрного и Азовского морей № 895 от 15.08.1919. Библиотека Музея КЧФ.

ного моря против Красной Армии. Конечно, немалая заслуга в этом была и адмирала Герасимова.

Однако в штаб Деникина шли телеграммы адмирала Колчака, требовавшего отстранения от должности Саблина (Деникин в конце мая признал адмирала Колчака верховным правителем Русского государства и верховным главнокомандующим русской армией)²⁴. Узнав о закулисной борьбе, адмирал Саблин подал 2 (15) августа генералу Деникину докладную записку о положении дел на флоте и о своих действиях, в конце которой было написано: «Жду Вашего решения»²⁵.

А.И. Деникин описывал эти события так: «Флотские дела не кончались морским управлением. Тайные осведомители вовлекли в них и Омск, вызвав однажды вмешательство самого верховного правителя; от него получена была телеграмма о недопустимости пребывания на командной должности генерала Саблина, который в то время состоял главным командиром портов Чёрного моря. Саблина, совершенно эмансипировавшего к тому времени от центра и не выполнявшего приказаний морского управления, адмирал Герасимов заменил Ненюковым...»²⁶

20 августа (3 сентября) генерал Деникин издал приказ об учреждении должности командующего Черноморским флотом, на которую был назначен адмирал Ненюков, а Саблин был назначен главным командиром Севастопольского порта, с подчинением ему военных портов Чёрного и Азовского морей²⁷. 28 августа Саблин сдал дела Ненюкову²⁸ и отдал прощальный приказ, в котором говорил: «...Сегодня я передал флот вице-адмиралу Ненюкову, назначенному на вновь утверждённую должность командующего Черноморском флотом. Я оставляю флот с чувством исполненного долга. Пять месяцев тому назад, когда я был призван к работе, не было ни судов, ни личного состава. Полтора месяца тому назад, со времени операций у Очакова,

Николаева, Херсона и Одессы, флот оказался готовым к бою; он не опоздал. При его могучей поддержке со сказочной быстротой перешла в наши руки вся северо-западная часть Чёрного моря. Как уже говорил, я горжусь Вами, мои дорогие сослуживцы. Только при той дружной работе, забывая все свои личные интересы, что имело в данном случае место, можно было достигнуть столь блестящих результатов. От всей души благодарю Вас, т.т. офицеры и матросы...»²⁹

После краткосрочного отпуска, 12 (25) сентября адмирал Саблин приступил к своим новым обязанностям. Ремонтная база для боевой техники армии и флота на Юге России была ограничена, и поэтому было уделено особое внимание портовому заводу в Севастополе. С сентября 1919 г. до конца января 1920 г. количество рабочих на заводе увеличилось с 1200 до 3000 человек³⁰. На заводе ремонтировали суда, паровозы, вагоны, бронепоезда, строили новые бронепоезда и бронеплощадки и т.д. В среднем в месяц выполнялось на заводе до 300 крупных заказов³¹. С рабочими крупных конфликтов не возникало, их экономические требования выполнялись, порт и его службы работали бесперебойно.

В конце 1919 г. началась борьба генерала Врангеля и его сторонников за военную и гражданскую власть в Крыму. На стороне Врангеля был адмирал Ненюков и его штаб, многие флотские офицеры. Врангеля поддерживал и адмирал Саблин. Генерал Деникин в начале февраля 1920 г. снял Ненюкова; командующим флотом был назначен адмирал Герасимов, а начальником штаба – капитан 1 ранга Рябинин.

Как писал генерал Деникин, «генерал Шиллинг, сместив Ненюкова, назначил временно командующим флотом прибывшего из Константинополя адмирала Саблина. Когда в Севастополь прибыл новый командующий флотом адмирал Герасимов, Саблин отказался сдать ему должность. Прошло несколько дней, пока сношениями с Феодосией, где пребывал Шиллинг, и со ставкой не ликвидировано было это новое выступление. Саблин перешёл на пароход “Александр Михайлович”, где имел место пребывания и барон Врангель»³².

²⁴ Приказ главнокомандующего ВСЮР №1045 от 30.05.1919. Библиотека Музея КЧФ.

²⁵ Лукин В. Верхи белого морского командования Вооружённых сил Юга России и взаимоотношения с союзниками англичанами и французами в 1918–1920 гг. // МСб., 1924. №7. С. 131.

²⁶ Деникин А.И. Поход на Москву («Очерки русской смуты»). К., 1990. С. 20.

²⁷ Приказ главнокомандующего ВСЮР №1930 от 20.08.1919. Библиотека Музея КЧФ.

²⁸ Приказ главного командира судов и портов Чёрного и Азовского морей № 1998 от 28.08.1919. Библиотека Музея КЧФ.

²⁹ Приказ главного командира судов и портов Чёрного и Азовского морей № 1997 от 28.08.1919. Библиотека Музея КЧФ.

³⁰ ГКУ АГС. Ф. Р-253. Оп. 2. Д. 165. Л. 7.

³¹ Там же. Д. 31. Л. 49–55; Д. 36. Л. 96–101 об., 103–108.

³² Деникин А.И. Поход на Москву («Очерки русской смуты»). С. 246.

Такие действия адмирала Саблина, по версии Н.А. Рябинина, были вызваны тем, что он ожидал ликвидации остатков армии Деникина на Кубани, полагая, что в этом случае Врангель объявит себя главнокомандующим и хозяином в Крыму³³. 17 февраля адмирал Герасимов вступил в командование Черноморским флотом, отправив в двухмесячный отпуск Саблина³⁴.

Он отправился на пароходе в Константинополь, и на переходе барон Врангель обещал, что если он заменит Деникина, то Саблин опять будет командующим флотом.

Поражение войск в Таврии и на Северном Кавказе, бегство армии из Новороссийска в конце марта (начало апреля) привели к падению Деникина, и 23 марта (4 апреля) он назначил генерал-лейтенанта барона Врангеля главнокомандующим ВСЮР.

Территория, занятая белыми, ограничивалась Крымским полуостровом. Не хватало ресурсов для поддержания флота в боевом состоянии, не хватало топлива. Личный состав флота всё в большей степени состоял из волонтёров, сухопутных офицеров, гимназистов, добровольцев и моряков торгового флота. Началась распродажа имущества флота и части старых кораблей.

В апреле 1920 г. адмирал Герасимов был смещён и командующим флотом 19 апреля назначен адмирал Саблин. На его долю выпали подготовка и проведение десантных операций генерала Врангеля в Северной Таврии, подготовка эвакуации из Крыма Белой армии. Позже, оценивая его деятельность, П.И. Врангель писал: «Энергичный и знающий адмирал Саблин, несмотря на необыкновенно тяжёлые условия,

полное расстройство материальной части, сборный, случайный, неподготовленный состав команд, сумел привести флот в порядок. Корабли подчистились, подкрасились, команды подтянулись. Материальная часть в значительной мере была исправлена, образованы были в портах неприкосновенные запасы... Военные суда эскадры успешно вели охранную службу побережья, прикрывая наши операции. Производившиеся нами десанты были всегда удачны³⁵.

В конце сентября 1920 г. болезнь М.П. Саблина обострилась (рак печени); 17 (30) октября он умер в Ялте³⁶ и через несколько дней был похоронен в одном из склепов нижнего храма собора Св. Владимира (на городском холме в Севастополе).

18 (31) октября командующим Черноморским флотом белых был назначен контр-адмирал Кедров³⁷, под командованием которого остатки флота ушли 14 ноября в Константинополь...

В конце 1927 г. по инициативе административного отдела Севастопольского горисполкома была создана комиссия «на предмет осмотра и изъятия замурованных гробов (генералов) в полу Владимирского собора на Пролетарской улице, на таковых имеются надписи буквами». С левой стороны храма под № 13 значилась в списке «Могила генерала Саблина без надписи»³⁸. Собор был освобождён от всех предметов, «оскорбляющих революционные чувства трудящихся масс», в том числе и останков адмиралов, покоившихся там.

³³Рябинин Н. Увод Черноморского флота белыми // МСБ., 1923. № 11. С. 40.

³⁴ГКУ АГС. Ф. Р-253. Оп. 2. Д. 98. Л. 13.

³⁵Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. М., 1992. Ч. 1. С. 356, 357.

³⁶Там же.

³⁷Рябинин Н. Увод Черноморского флота белыми. С. 40.

³⁸ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 114. Л. 204.

М.Г. Соловьёва

Некоторые аспекты реализации в Севастополе в 1922–1936 гг. Декрета Совета народных комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (по документам ГКУ «Архив города Севастополя»)

Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в РСФСР был принят Советом народных комиссаров 2 февраля 1918 г., вступил в силу в день его публикации в средствах массовой информации 5 февраля 1918 г.

Появление этого нормативного акта граждане РСФСР восприняли неоднозначно. Большая часть духовенства, верующих встретили декрет настороженно, ожидая, что на местах органы исполнительной власти будут применять его положения для подрыва влияния

церкви, полного её искоренения из жизни и сознания общества. Но были и те, кто в принятии декрета увидел возможность обретения долгожданной свободы церкви от государства, отказа от наследия феодальной традиции единства светской и духовной власти в лице одного самодержца, исполнился веры в то, что с его введением будут устранены неравенство в правах и положении в обществе всех конфессий, их разделение на так называемые «привилегированные» (православие), «терпимые» (католичество, лютеранство, мусульманство) и «гонимые» (иудаизм).

Для практической реализации 13 положений декрета, сформулированных предельно кратко, Всероссийский Центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов¹, созданная при его Президиуме Постоянная комиссия по делам культов регулярно разрабатывали различные постановления, инструкции, циркуляры, в которых органам власти на местах разъясняли детали и практические аспекты «решения церковного вопроса», исправляли и корректировали недостатки и ошибки в реализации декрета на практике.

В архивном фонде Государственного казённого учреждения «Архив города Севастополя» (далее – ГКУ АГС), в фондах «Севастопольский районный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов» (Р-420) и «Севастопольский городской Совет» (Р-79) имеется 130 дел, по документам которых можно чётко проследить основные этапы и методологию внедрения этого декрета в жизнь в Севастополе в 1920–1930-е гг., конкретные меры по его реализации, предпринятые представителями советской власти в Севастополе как по требованию центральных органов, так и по собственной инициативе.

Большая часть дел этого комплекса документов (104 дела) позволяет достаточно полно проследить создание, деятельность, окончательную ликвидацию или закрытие обществ и групп верующих всех религиозных конфессий и течений, имевшихся в Севастополе в 1920–1930-е гг.: православных (55 ед.), мусульманских (27 ед.), еврейских (7 ед.), католических (3 ед.), лютеранских (2 ед.), караимских (2 ед.), евангелистских (3 ед.) и других вероисповеданий.

Остальные дела (26 ед.) содержат документы общего характера: постановления, циркуляры, распоряжения, инструкции ВЦИК, СНК РСФСР, Центрального Административного управления и Управления НКВД

Крымской АССР, протоколы заседаний комиссии по делам культов при Севастопольском районном Совете, переписку с Центральной комиссией по делам культов о регистрации, ликвидации религиозных обществ, закрытии культовых зданий и другим вопросам реализации в Севастополе декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»².

Так как всё имущество религиозных обществ декретом объявлялось «народным достоянием», получить культовые здания, предметы, имущество, ещё недавно им принадлежавшее и по-прежнему необходимое для проведения богослужений, в «бесплатное и бессрочное» пользование верующие могли теперь только «по особым постановлениям местной или центральной государственной власти».

В делах каждого религиозного общества содержится стандартный пакет документов, которые верующие в обязательном порядке собирали или заполняли при прохождении регистрации религиозного общества³ или религиозной группы⁴ в Церковном столе⁵.

К типовому договору с исполкомом Севастопольского районного Совета религиозные общества или группы предоставляли (в 3 экземплярах) Устав, список всех членов «двадцатки» с указанием подробных сведений о рождении, проживании, роде занятий и т.д. на каждого прихожанина, протокол собрания, анкету общества, паспорт на культовое здание, списки имущества, особо ценных предметов и другие документы. Бланки договора, анкеты, паспорта, отпечатанные типографским способом, представитель общества обязан был приобрести только в Церковном столе. При прохождении этого сложного многоступенчатого и дорогостоящего процесса регистрации общества или группы, лишённые в результате «национализации» прежних

² ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1; Р-420. Оп. 1.

³ Религиозное общество – группа верующих в количестве 20 и более человек. В документах указывается также как «двадцатка», «20-ка». Религиозное общество имело право получить в пользование культовые здания и сооружения, специально построенные для проведения богослужения (храм, собор, церковь, мечеть, синагога, кенаса, кирха, костёл и др.).

⁴ Религиозная группа – группа верующих в количестве менее 20 человек. Религиозная группа имела право получить во временное пользование только приспособленные для проведения богослужбы дома или помещения – так называемые моленные дома.

⁵ Отдел исполкома, созданный для регулирования деятельности религиозных обществ и групп. В 1925 г. преобразован в Стол религиозных культов, затем в Церковно-административный отдел.

¹ С 1922 г. – Центральный исполнительный комитет СССР. Далее – ВЦИК, ЦИК.

стабильных источников финансирования своей деятельности (земельные участки, недвижимость, банковские вклады, пожертвования состоятельных прихожан и т.д.), на начальном этапе введения в практику регистрации пытались любыми способами обойти бюрократические препоны, сократить свои расходы.

Так, 27 августа 1923 г. в Церковный стол Севастопольского окружного комитета поступило заявление от религиозного общества при римско-католическом костёле с просьбой «разрешения купить анкету в Церковном столе только один экземпляр, а остальные напечатать на пишущей машинке и заполнить их, т.к. нам кажется, что важны не печатные бланки, а только ответы на них. Основание этой просьбы – отсутствие средств на уплату за бланки». 29 августа на заявление севастопольских католиков последовала резолюция: «Отказать»⁶.

Далеко не всегда после введения в 1922 г. в практику обязательной ежегодной регистрации представители исполнительной власти в Севастополе предоставляли верующим грамотные консультации и разъяснения по основным требованиям к заполнению типовых бланков, терпеливо и уважительно объясняя практические вопросы реализации декрета.

Об этом наглядно свидетельствует рапорт заведующего Церковным столом Севастопольского исполкома Канавина на имя заведующего административным отделением, составленный 23 августа 1923 г. (здесь и далее: стиль, орфография и пунктуация приведены по документу. – М.С.): «Сего числа ко мне явился председатель Приходского Совета Покровского Собора, по вызову о выборке анкет для заполнения лицами, подписавшими договор с Отделом Управления, на мой вопрос “в чём дело” – он ответил, что пришёл справиться, кто должен заполнить анкеты. Я ответил, лица подписавшие договор. Он в свою очередь возразил “на каком основании”. Я ответил согласно инструкции НКВД о регистрации, распоряжение центра. Он резко меня спросил, а покажите мне распоряжение. Чуть не послав его к чёрту я ответил ему, что показывать ничего не буду, для Вас основание отношение Отдела Управления. Тогда мы (исправлено чернилами фиолетового цвета на “я”) анкеты брать не будем (исправлено чернилами фиолетового цвета на “буду”). А отношение Отуправ считаю незаконным требованием. С тем и ушёл»⁷.

В 1923 г., когда советская власть на местах ещё не была так сильна и крепка, когда общее количество ве-

рующих в Севастополе по-прежнему составляло значительную часть населения и конфликты с ними не способствовали укреплению авторитета органов исполнительной власти, такие споры группы граждан с государством ещё решались в рамках действующего законодательства. Этот случай отказа одного из самых больших в городе по численности прихожан религиозного общества от прохождения регистрации рассматривался во всех вышестоящих городских инстанциях. В итоге, 12 октября 1923 г. заместитель председателя исполкома Севастопольского окружного комитета Богданов и заместитель заведующего оргинструкторским отделом Полячек направили в Управление НКВД Крымской АССР сообщение о том, что «отказ “ДВАДЦАТКИ” Покровского Собора от анкетирования вызван следующим: последние запросили основание на то Центра, в чём им было отказано. Севокрисполком находит нужным сообщить, что данный случай не связан с неправильным подходом со стороны лиц, проводящих регистрацию»⁸.

Собор Покрова Пресвятой Богородицы.
Севастополь. Начало XX в.

Репродукция В.В. Суржикова с фото М.П. Мазура.
ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 0-11246-ОЦ

⁶ ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 23. Л. 34.

⁷ Там же. Д. 14. Л. 45.

⁸ ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 14. Л. 69.

Религиозное общество при Покровском соборе регистрацию в 1923 г. прошло и продолжило свою деятельность. Однако выводы в исполкоме Севастопольского горсовета были сделаны, и на должность руководителя Церковного стола вместо Канавина был назначен А. Быков, в действиях и решениях которого по отдельным документам чётко прослеживается уважительное отношение к верующим, стремление оказывать содействие в выполнении ими всех требований, предъявлявшихся органами законодательной и исполнительной власти к религиозным обществам и группам всё чаще и всё жёстче⁹.

В итоге на первом этапе реализации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» при прохождении регистрации к концу 1924 г. в Севастополе и приданных сельских районах были закрыты и ликвидированы 16 православных храмов и церквей, 2 еврейские синагоги. В качестве причины ликвидации указывались «отказ верующих», «ходатайство» Военного ведомства, Отдела народного образования, Морского госпиталя, Исправдома, музея, рабочих евреев, крестьян, жителей посёлка Инкерман и т.д.¹⁰

Под предлогом оказания содействия в обеспечении сохранности переданного в пользование имущества, с 1922 г. религиозным обществам и группам было вменено в обязанность заключать договор на его страхование от пожара. Изначально это требование распространялось только на здания и сооружения. Церковный инвентарь, предметы культа верующим предлагали страховать на их собственное усмотрение, в добровольном порядке; позже и этот вид страхования стал обязательным¹¹.

14 декабря 1930 г. Севастопольский горфинотдел обратился в административный отдел исполкома Севастопольского горсовета с просьбой «на основании существующих законоположений немедленно принять меры к расторжению договора» из-за «неуплаты группой верующих, арендующих караимскую кенасу по ул. Карла Маркса... в г. Севастополе, недоимки по страхованию до 30 декабря 1931 г. ... Сумма недоимки выражается в размере 56 руб. 96 коп.»¹².

По «случайному стечению обстоятельств» ещё раньше, 1 мая 1930 г., отдел коммунального хозяйства исполкома Севастопольского горсовета обратился к заведующему Церковным столом с запросом

следующего содержания: «Вследствие ходатайства Реввоенсовета Морских Сил Чёр[ного] моря¹³ о предоставлении под спортбазу помещения быв[шей] караимской кенасы, ОКХ просит сообщить, предполагается ли и когда именно передача помещения караимской кенасы в наше ведение. Помещение это необходимо Главной Севморбазе для работ по физподготовке, имеющей огромное значение для боевой подготовки...»¹⁴

Севастопольская караимская кенаса.
Заложена 6 мая 1896 г., освящена 14 мая 1908 г.
Репродукция с фото до 1917 г.
ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 6901-ОЦ

5 февраля 1931 г. Президиум ЦИК Крымской АССР постановил: «...Караимскую кенасу в г. Севастополе ликвидировать ввиду требования трудящихся и отказа религиозного общества от пользования. Здание использовать под клуб караимов, татар и крымчаков»¹⁵.

Ещё одним инструментом ускорения радикального решения «церковного вопроса» в Севастополе стали обязательные для исполнения акты комиссий по пожарной безопасности, по обследованию состояния зданий и сооружений на предмет проведения ремонта. Так как по условиям договора верующие отвечали

⁹ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 113. Л. 96.

¹⁰ Там же. Д. 676. Л. 10, 11.

¹¹ Там же. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 223. Л. 2.

¹² Там же. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 112. Л. 125.

¹³ Морские Силы Чёрного моря – название Черноморского флота в период с 1921 по 1935 г.

¹⁴ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 112. Л. 114.

¹⁵ Там же. Л. 129.

за сохранность вверенного им в пользование «народного» имущества, на свои средства осуществляли все мероприятия по содержанию и ремонту зданий, благоустройству прилегающей территории, обеспечению пожарной безопасности; неукоснительное исполнение всех требований комиссий подрывало финансово-экономическое положение религиозных обществ и групп, саму материальную основу их деятельности.

Показательным в этом отношении является письмо заведующего административным отделом Административно-организационного управления ЦИК Крымского Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и военморских депутатов Мартынова, начальника административной части Васина, руководителя Стола религиозных культов Тавровского начальника Севастопольского административного милицейского отдела № 82 от 25 ноября 1928 г. Письмо было распечатано всего в 11 экземплярах и разослано всем городским, районным исполкомам с грифом «совершенно секретно» и отметкой «только лично». Текст этого примечательного документа приводим с небольшими сокращениями: «Представленные Вами акты пожарно-санитарной и технической комиссии по осмотру культовых зданий г. Севастополя крайне слабы и недостаточны. Факт оставления культовых организаций не оштрафованными за отсутствием контрольно-пожарных книг, тогда когда это является нарушением соответствующих постановлений; указание в акте “о желательности приобретения одного огнетушителя”, тогда когда по существующим положениям о пожарной охране мест общественного пользования требуется целый ряд пожарно-технических приспособлений вплоть до гидрантов; поверхностные требования ремонтов без одного случая составления смет – ничего общего не имеют ни с циркуляром № 9/СС, ни с циркуляром № 10/с-28 г. админ[истративный] отдел АОУ КрымЦИКа усматривает в этих фактах недопонимание задач админ[истративных] органов в области осуществления декрета об отделении церкви от

государства... Необходимо иметь в виду, что циркуляры АОУ № 9/СС и 10/с-28 о порядке предъявления ремонтов и др. открывают большие перспективы по части свёртывания культовых зданий. Использование этих циркуляров на деле бьёт по самому чувствительному месту религ[иозной] организации – по материальному и ведёт к их разложению...»¹⁶

Эффективность и действенность этих мер, предложенных административным отделом Административно-организационного управления КрымЦИКа, хорошо прослеживается по документам дела об организации деятельности и ликвидации религиозного общества при Петропавловской церкви.

Храм Святых апостолов Петра и Павла.
Севастополь, до 1917 г. *Репродукция с фото.*
ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 10857

Вопрос о её закрытии организации и отдельные граждане в середине 1930-х гг. поднимали перед органами власти в Севастополе неоднократно: 23 мая 1923 г. заведующему отделом Управления Севастопольского окружного исполкома поступило распоряжение заместителя народного комиссара внутренних дел Крымской АССР Ануфриева о том, что «НКВД Крыма предлагает срочно собрать материал к закрытию Петропавловской церкви в г. Севастопо-

¹⁶ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 139. Л. 312.

ле»¹⁷; 29 мая 1923 г. жители ул. Луначарского и коммунального дома Союза металлистов № 54 обратились в отдел Управления Севастопольского окружного исполкома с заявлением, в котором требовали закрыть Петропавловский собор и передать его под культуучреждения. Начальник Стола церковных культов Быков наложил на это заявление следующую резолюцию: «Срочно надобно подобрать материал и направить в НКВД Крыма на предмет расторжения договора и закрытия. Быков. 30 мая»¹⁸; рабочие и служащие Севастопольского судостроительного и судоремонтного завода на общезаводском митинге 23 декабря 1929 г. выступили с требованием закрытия церквей, «снятия колоколов по всему городу и передачи их в фонд индустриализации»¹⁹. На очередное требование жителей ул. Луначарского, учащихся учебных заведений, расположенных в непосредственной близости от церкви, о её закрытии и передаче под нужды ЖАКТов, организации в её помещении пролетарского клуба, начальник административного отдела Фокин, начальник административного отделения Меркулов и заведующий Столом религиозных культов Быков 6 ноября 1929 г. направили в исполком Севгорсовета следующее разъяснение с грифом «секретно»: «На Ваш материал, направленный в адм[инистративный] отдел по делу о ходатайстве ЖАКТов ул. Луначарского о ликвидации Петропавловской церкви, сообщаю следующее, что в данное время нами проводится работа по ликвидации Михайловской церк[ви], находящейся по ул. Ленина, из каковой все верующие перешли в Петропавловскую церк[овь], а поэтому в настоящий момент считаю нецелесообразным в политическом отношении ликвидировать Петропавловскую церковь»²⁰. Примечательна отметка на полях документа слева, сделанная чернилами фиолетового цвета: «Вопрос согласован. воздерж. до благоприят. случая. Быков». «Благоприятный случай» представился полгода спустя. 11 мая 1930 г. комиссия в составе заведующего Церковно-административным столом Быкова и техника отдела коммунального хозяйства Гребенюка произвела осмотр Петропавловской церкви и нашла, что в церкви необходимо произвести следующие работы:

- «1. На крыше сменить поржавевшие листы железа...
 2. Исправить кровлю крыши в разных местах латками железа...
 3. Исправленные места крыши окрасить за два раза немедленно и крышу за один раз в текущем строительном сезоне.
 4. Переложить 2 дымовых трубы сверх крыши... и ошпаровать все трубы.
 5. Исправить каменные украшения на фронтонах крыши под главным крестом.
 6. Исправить штукатурку потолков с наружной стороны в проходах между колоннами и архитрав между капителями колонн.
 7. Исправить капители колонн по фасадам, давшим трещины угрожающего характера.
 8. Привести в надлежащий вид двор, прилегающий [к] церкви, в смысле уборки камня от разрушенной ограды.
 9. Ввиду нецелесообразности реставрирования ограды, состоящей из точёных балясин, и дефицитности материала представить проект на восстановление каменной ограды в стиле, соответствующем церкви»²¹.
- 23 мая председатель приходского совета Петропавловской церкви В. Бренев обратился в Церковный стол с просьбой разрешить «отложить до более благоприятного времени» проведение всех работ, указанных в акте, «за неимением возможности в настоящий момент приобрести на рынке строительных материалов, кровельного железа и недостаток рабочих рук»²².
- 25 мая административный отдел направил группе верующих Петропавловской церкви распоряжение: «Настоящим препровождается акт о производстве ремонта Петропавловской церкви и предлагается в 3-дневный срок обратиться с таковым в Гостехбюро для составления сметы ремонта, каковая составляется за счёт "20-ки" церкви. После составления сметы – в одном экземпляре таковой представить в Стол религиозных культов и немедленно приступить к ремонту, после окончания какового сообщить в письменном виде»²³.
- 1 июня 1930 г. техник Севастопольского отделения Крымского государственного технического бюро составил смету (13 страниц) на ремонт Петропавловской церкви на сумму 2340 руб. 89 коп.²⁴

¹⁷ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 113. Л. 45.

¹⁸ Там же. Л. 46–46 об.

¹⁹ Там же. Л. 195, 196.

²⁰ Там же. Л. 194.

²¹ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 113. Л. 216.

²² Там же. Л. 217.

²³ Там же. Л. 215.

²⁴ Там же. Л. 218–223 об.

24 декабря 1930 г. на заседании членов религиозного общества при Петропавловской церкви было принято решение: «Ввиду того что материальное положение Петро-Павловского религиозного объединения крайне слабое и принимая во внимание, что в настоящее время при Петро-Павловской церкви нет священника, который обслуживал бы названный храм, перерегистрацию Петро-Павловского религиозного объединения не проводить, о чём и сообщить Севастопольскому административному отделу (Стол религиозных культов)»²⁵.

5 февраля 1931 г. на заседании Президиума ЦИК Крымской АССР было принято решение о ликвидации этого религиозного объединения «ввиду не прохождения перерегистрации... до 1/1 1931 г.» и использовании здания Петропавловской церкви под музей²⁶. 14 февраля 1931 г. Президиум Севастопольского городского совета постановил: «Бывшую Петропавловскую церковь передать под архив города и района»²⁷.

Основанием для принятия решения о ликвидации религиозного общества или группы, о закрытии переданного им в пользование культового учреждения при представлении документов на утверждение в вышестоящие инстанции служило также и наличие (обязательное условие) протоколов собраний трудовых коллективов, заявлений отдельных граждан, в которых трудящиеся требовали от советской власти принять меры, чтобы «прекратить», «закрыть», «разогнать», «ликвидировать» и т.д., а также официальных запросов от организаций и учреждений, «остро нуждающихся» в получении данных культовых зданий для решения своих насущных задач²⁸. В деле практически каждого религиозного общества или группы мы найдём эти яркие свидетельства проявления «народного гнева» и «торжества справедливости угнетённых масс над эксплуататорами и кровососами».

Предоставленный из центра органам исполнительной власти Крымской АССР и Севастополя инструментарий в виде различных нормативных актов к 1930 г. стал достаточно полным и совершенным для реализации главного необъявленного требования декрета – закрытия и полной ликвидации всех религиозных обществ и групп, формирования обстановки всеобщего одобрения этой политики государства подавляющим большинством гражданского общества.

В делах о деятельности лютеранской кирхи за 1930–1931 гг. имеется подтверждение того, что в решении «церковного вопроса» представители власти старались придерживаться норм действующего законодательства, не допуская произвола и самовольной трактовки закона, не оставляя верующим ни малейшего шанса на оспаривание принятых решений в судах.

Евангелическо-лютеранская кирха.
Севастополь, начало XX в.
ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 1488

7 сентября 1931 г. Организационный отдел КрымЦИК вернул исполкому Севастопольского горсовета переписку о ликвидации лютеранской церкви. Объяснения в отказе принятия к рассмотрению ходатайства о ликвидации кирхи были такие:

²⁵ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 113. Л. 225–225 об.

²⁶ Там же. Л. 242.

²⁷ Там же. Л. 241.

²⁸ Там же. Д. 575. Л. 21, 44.

«...ликвидация зданий религиозных культов может быть осуществлена при наличии следующих данных: если здание религиозного культа вследствие ветхости специальной технической комиссией признано подлежащим сносу или же если это здание необходимо для общественных надобностей и преобладающее большинство населения данной местности или данной национальности возбудит об этом ходатайство. Присланный Вами материал заключается собой единственный отказ от дальнейшего пользования зданием культа религиозным обществом, и только. Совершенно не отражено настроение религиозной массы, а также абсолютно отсутствует требование трудящихся масс о ликвидации кирхи и приспособлении кирхи под культурные нужды. ...Так как представленный Вами материал может быть основанием к расторжению договора, а не вынесения решения о ликвидации культового здания, предлагается немедленно оформить материал таким образом, чтобы последний при возвращении его на рассмотрение Президиума Кр[ым]ЦИКа мог отражать собой действительное настроение религиозного населения по отношению к ликвидации, решение общественности и населения о ликвидации здания культа, план использования здания, проект переустройства, сведения о необходимых и имеющихся суммах на переоборудование здания. В дальнейшем, дабы не повторялись подобные ненормальности, надлежит представить на рассмотрение Президиума Кр[ым]ЦИКа материал, предварительно проработанный в Постоянной комиссии по вопросам культов при Горсовете, с тем чтобы таковой удовлетворял требованиям существующих на этот счёт законоположений»²⁹. Понадобилось всего два месяца для исправления недочётов, и 5 декабря 1931 г. исполком Севастопольского горсовета направил в Центральную комиссию по делам культов при КрымЦИКе «материал о ликвидации лютеранской кирхи, находящейся в г. Севастополе по Советской ул. № 57», а именно: «4 заявления об отказе верующих данной кирхи от дальнейшей аренды здания, протокол постановления “20-ки” лютеранской кирхи, выписку из протокола № 12 заседания Президиума Горсовета с постановлением о ликвидации кирхи, заявление Польско-украинского клуба о передаче им данного здания под клуб, 10 выписок из протоколов разных предприятий с просьбой

передачи помещения кирхи Польско-украинскому клубу, смета переустройства под клуб помещения кирхи, докладная записка завклубом о имеющихся средствах в распоряжении клуба для переоборудования здания»³⁰.

Только после этого 15 декабря 1931 г. Президиум КрымЦИКа принял решение: «Лютеранскую кирху в г. Севастополе ЛИКВИДИРОВАТЬ вследствие отказа от дальнейшего использования со стороны религиозного объединения, а также требования трудящихся немцев и поляков г. Севастополя. Предложить Севгорсовету помещение кирхи передать под клуб Нацмензапада»³¹.

Кроме «законных» мер прямого ограничения деятельности религиозных обществ и групп, активно применялось и морально-психологическое воздействие на верующих: лишение избирательных прав и, как следствие этого, увольнение с работы, лишение продовольственного пайка и хлебной карточки, принудительное выселение из города, давление через атеистически настроенных членов семьи, добровольно-принудительное написание верующими заявлений о выходе из «двадцатки», что делало состав общества или группы не полным и автоматически становилось основанием для расторжения договора и т.д.³²

Темой для отдельного исследования являются репрессии по отношению к служителям культа независимо от их принадлежности к той или иной конфессии: принудительное написание заявлений об отречении от сана с обязательной публикацией развёрнутых «покаянных» писем в средствах массовой информации, физическая расправа, арест, осуждение к срокам тюремного заключения, расстрел³³.

В итоге на 1 декабря 1930 г. в Севастополе и приданных ему сельских районах прекратили свою деятельность ещё 15 православных храмов и церквей, 1 крымчатская синагога, 1 мусульманская мечеть, 1 армянская церковь, 1 караимская кенаса, все 3 православных монастыря, имевшиеся на территории Севастополя: Балаклавский Георгиевский, Херсонесский Св. Владимира, Инкерманский Св. Климента³⁴.

²⁹ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 111. Л. 126–126 об.

³⁰ Там же. Л. 141.

³¹ Там же. Д. 673. Л. 11; Д. 576. Л. 5, 63, 65.

³² Там же. Д. 317. Л. 2, 32; Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 23. Л. 61, 63; Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 576. Л. 71.

³³ Там же. Д. 676. Л. 10, 11.

²⁹ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 111. Л. 128.

Форм. № 4.

С П И С О К

Список ликвидированных культовых зданий в связи с изменением по состоянию на 1/ХІІ-1930г.

№ п/п	Наименование культового здания.	Улицы	Адресная часть.	Ког. введена в эксплуатацию и прочие сведения.	Кем ликвидировано и по какому основанию.
1.	Мечеть еврейская цагановъ.	Тихон.	Викторъ авт.	В 1924г. по ходатайству Военнад.	Осуществлена по решению Советов.
2.	Бедоскинская ц.	"	Викторъ авт.	В 1924 г. ходатайство Военнад.	Музей ист. доп. арх.
3.	Ивановская "	"	ул. Восстания, д. 12.	В 1924г. ходатайство Военнад.	Технический музей.
4.	Николаевская "	"	Брестская ул.	В 1924г. ходатайство Военнад.	Архитектурный музей Военнад.
5.	Святого Флора-берга.	Фредер.	Гоголевская ул.	В 1924г. ходатайство Военнад.	Земельный музей.
6.	Скопцовская ц.	"	Искра дом.	В 1924г. ходатайство Военнад.	Музей ист. доп. арх.
7.	Скопцовская "	Тихон.	Светская ул.	В 1924г. ходатайство Военнад.	Исторический музей.
8.	Искра дом, скв. 100.	"	Добровольная.	В 1925г. ходатайство Военнад.	Под крышей скв. 100.
9.	Тракторная с.	"	Харьковская.	В 1924г. ходатайство Военнад.	Исторический музей.
10.	Святого Флора, ц.	"	"	В 1924г. ходатайство Военнад.	Викторъ авт.
11.	Харьковская ц.	"	"	"	Брестская ул.
12.	Николаевский скв.	Особняк.	Минерная.	В 1924г. ходатайство Военнад.	Немол.
13.	Гоголевская ц.	"	"	В 1924г. ходатайство Военнад.	"
14.	Платоновская ц.	"	"	В 24г. ходатайство Военнад.	Рязанская.
15.	Дмитриевская ц.	"	"	В 24г. ходатайство Военнад.	"
16.	Бокс скв. 100, ц. Тихон.	"	"	В 1925г. ходатайство Военнад.	Музей ист. доп. арх.
17.	Викторъ авт. ц.	"	Брестская ул.	В 1925 г. ходатайство Военнад.	"
18.	Искра дом, скв. 100.	"	Особняк на Харьковской.	В 1925г. ходатайство Военнад.	Музей ист. доп. арх.

- 2 -

12.	Часовня Бедоскинская.	Тихон.	Кор. Остров.	В 1924г. отмена.	Рязанская.
13.	Архангельская церковь.	"	Светская ул. 12.	В 1920г. отмена.	Искра дом.
14.	Крестовская часовня.	Искра.	Харьковская ул. 90.	В 1930г. отмена.	Светская ул. 12.

Р А Й О Н

1.	Андреевская часовня.	Тихон.	д. Ал-Тодор.	В 1924г. отмена.	Крестовская ул.
2.	Георгиевская часовня.	Особняк.	Георгиевская ул.	В 1920г. отмена.	Не исполнена.
3.	Вознесенская церковь.	"	"	"	Святого Флора.
4.	Дмитриевская "	"	"	"	Искра дом.
5.	Гоголевская "	"	"	"	В деле не исполнена.
6.	Час. Гегер. Ц. Флора.	Тихон.	Искра дом.	"	Искра дом.
7.	Вознесенская ц.	"	Искра дом.	"	Искра дом.
8.	Троицкая церковь.	Особняк.	д. Чкаловская.	"	Искра дом.
9.	Искра дом.	Тихон.	Искра дом.	"	Искра дом.

35. Крестовская часовня
 12. Вознесенская церковь
 16. Гоголевская часовня

Список культовых зданий, ликвидированных в Севастополе как объекты богослужбы, по состоянию на 1 декабря 1930 г.¹

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 676. Л. 10, 11.

Документы архивного фонда ГКУ АГС, относящиеся к ликвидации религиозных обществ и групп в 1920–1930-е гг., наглядно иллюстрируют и «невмешательство» государства в дела церкви, и гарантированное «обеспечение» свободы совести, вероисповедания в ходе реализации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Декларируя законодательным актом обязательство государства не вмешиваться в дела церкви, защищать право каждого гражданина Советской Республики на свободу совести, вероисповедания, на практике органы исполнительной власти на местах год от года, на протяжении без малого двух десятилетий, проводили политику на подрыв экономических и социальных опор церкви, на полное её искоренение из жизни общества, вытравливание из общественного сознания самой потребности обращаться к духовным постулатам и замещение их новой верой – верой в построение нового общества, стремлением воспитать человека новой формации.

Изучая документы, вникая в казуистику текстов, написанных от руки, напечатанных на машинке, внимательный исследователь не может не ощутить обстановку нетерпимости к верующим, каждодневных унижений и притеснений, которую органы государственной власти в 1920–1930-е гг. формировали методично и последовательно, судорожное стремление верующих сохранить свои духовные устои и Веру.

Без знания и осмысления всех обстоятельств реализации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в 1920–1930-е гг. крайне проблематично добиться того, чтобы провозглашённые в 1918 г., по сути своей, прогрессивные принципы и положения декрета нашли истинное и реальное воплощение на практике, чтобы сохранялось и воспитывалось в обществе гуманное, бережное, уважительное отношение к чувствам верующих, к естественному праву каждого гражданина на свободу совести и вероисповедания.

Н.М. Терещук

Отношение органов советской власти к религиозным традициям на страницах местной газеты и в документах ГКУ «Архив города Севастополя» в 1920–1930-е гг.

Антирелигиозная политика, проводимая новой властью в стране и в Севастополе в 1920–1930-е гг., оказалась болезненным процессом. Изучение архивных документов с привлечением периодической печати позволяет увидеть в полной мере картину антирелигиозной работы советских органов власти в эти годы.

Наиболее яркую окраску антирелигиозная пропаганда получала накануне крупных религиозных праздников. Применительно к православной вере это в первую очередь Рождество Христово и Св. Пасха. 24 апреля 1924 г., пытаясь убедить читателей газеты в том, что день Святой Пасхи празднует весь религиозный отживающий мир, мир стариков и старушек, балаклавские комсомольские ячейки решили отпраздновать комсомольскую пасху. «И когда, – говорили они, – религиозные фанатики будут слушать сказки священника о смерти и воскресении Христа, то в противовес глупости и тупости толпы у них будет звучать смех»¹. И вече-

ром в субботу они решили отпраздновать в рыбацком клубе вечер с антирелигиозными докладами, инсценировками, концертами, а в заключение «Всенощный бал» до утра². Настроение балаклавских комсомольцев нашло своё отражение в стихах, опубликованных в воскресенье 27 апреля 1924 г. в «Маяке Коммуны»:

О вечном мире всего мира
Несутся возгласы попа.
Под дым кадильный, пеньё клира
Прилежно крестится толпа...³

Переход на новое исчисление времени повлёк за собой неувязку в отношениях органов власти и верующих. ЦАУ Крыма в своём секретном циркуляре в 1925 г., критикуя ненормальности в работе на местах, указало, что согласно декрету СНК и постановлению Синода религиозные праздники перенесены на новый стиль, но это не может служить поводом для

¹ Маяк Коммуны. 1924. 24 апреля. ГКУ АГС. Микроплёнка № 25.

² Маяк Коммуны. 1924. 24 апреля. ГКУ АГС. Микроплёнка № 25.

³ Там же. 27 апреля. ГКУ АГС. Микроплёнка № 25.

отказа о разрешении на крестный ход по случаю празднования крещения⁴. Было разъяснено местным органам власти, что постановление об исключении православных религиозных праздников по новому стилю имеет значение для государства в части, задевающей его интересы, но не воспрещается молиться тогда, когда верующие захотят, а также не воспрещается верующим назначать праздники и крестные ходы, лишь бы это не нарушало общественный порядок и не сопровождалось посягательством на граждан⁵.

С мусульманским населением в этот период у органов власти не было сложных отношений. После состоявшегося съезда крымских мусульман члену Крымского мусульманского народного религиозного управления Исмаилу Сулейманову было дано разрешение делать доклады в татарских деревнях. На одном из таких собраний религиозных общин в деревне Байдары в начале января 1925 г., на котором присутствовало 200 человек, он сделал доклад и предупредил мулл, чтобы они учили народ идти по советской линии, отсылали своих детей в советскую школу. Он довел до сведения мулл также то, что они не имеют права венчать и разводить, крестить и хоронить без разрешения местной власти⁶. Такой же доклад был сделан в деревне Чоргунь 14 января 1925 г., и ещё раз подчёркнуто, что священнослужители не имеют права совершать обряды браков на многожёнство, т.е. на вторую жену при наличии первой⁷. На всех собраниях оговаривалось, что верующие могут оказывать добровольную материальную поддержку управлению.

Открыть глаза шире тем, кто ещё не смог разобраться в религиозном вопросе, предлагала в газете «Маяк Коммуны» рубрика «Уголок безбожника». На волне антирелигиозной пропаганды родились и были опубликованы 4 апреля 1926 г. советские «Песенки безбожные»:

Под окошком на дороге
 Поп со свечкою стоял,
 Предлагал свою икону
 И кармашек подставлял.
 Но сколь бога ни хвалили
 Поп Кирюшка и дьячок,
 А за целую неделю
 Лишь набрали пятакоч.

⁴ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 139. Л. 12 об.

⁵ Там же. Л. 13, 14.

⁶ Там же. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 236. Л. 20.

⁷ Там же. Л. 15.

Церковь, храмы божию,
 До чего мы дожили,
 Дожили до осени,
 Богомольцы бросили.
 Двери церкви заплетались
 Паутиной глухо,
 Прихожанами остались
 Паучок да муха.

Я теперь по воскресеньям
 С комсомолкой Грушею
 В клубе красном комсомольском
 Радио всё слушаю.
 На Кавказе есть гора,
 Под горой дорога.
 Пионер не носит крест
 И не верит в бога.

Перестану верить в бога,
 Запишусь скорей в отряд.
 Будет шире мне дорога,
 Буду жить на новый лад⁸.

Тем не менее даже после публикации таких песенок газета «Маяк Коммуны» вынуждена была признать аполитичность масс в отношении религии⁹. Читались лекции о родословной Христа, о непорочном зачатии, о воскресении Христа и т.д., но все эти лекции и беседы не достигали своей цели¹⁰. По-видимому, сказывалось отсутствие подготовленных кадров, и лекторы, рассказывая всевозможные сказки и легенды о «поповском хламе», совершенно не увязывали антирелигиозную пропаганду с политическими задачами. Весной 1926 г. агитатор райкома ВКП(б) приступил к плановой работе по подготовке кадров антирелигиозников для пропаганды среди рабочих масс, т.к. выяснилось, что в Севастополе насчитывалось всего 2–3 антирелигиозника, могущих самостоятельно проводить пропаганду¹¹.

Газета не упускала случая подчеркнуть негативные моменты в церковной жизни. В номере от 4 апреля 1926 г. был поднят на смех вопрос об отношении двух православных церквей – Александро-Невской

⁸ Маяк Коммуны. 1926. 4 апреля. ГКУ АГС. Микроплёнка № 61.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. 1 марта. ГКУ АГС. Микроплёнка № 59.

и Митрофановской, а вернее, их пастырей. И приво-
дили пример о том, что когда на Корабельной стороне
умер торговец Колчанов, отдавший почему-то пред-
почтение Митрофановской церкви и поручивший ей
предать своё грешное тело земле, то по окончании об-
ряда к священнику совершенно неожиданно подошла
на вид смиренная женщина и, воинственно размахива-
вая перед лицом руками, затараторила о том, что «ты
этакий, растакой... почему не понёс мимо Алексан-
дро-Невской церкви покойника? Революцию среди
верующих думаешь устраивать?». После всех непри-
личных словоизлияний, иронично подчёркивает газе-
та, священник вынужден был, не вступая в «духовный
быт», быстро удалиться¹².

4 апреля 1927 г. была утверждена инструкция
ЦАУ Крымской АССР «О порядке проведения в жизнь
декрета об отделении церкви от государства, школы
от церкви, в части, касающейся административных
распоряжений и надзора», направленная админи-
стративным отделам райгорисполкомов¹³.

Чтобы не допустить перегибов на местах, в ин-
струкции давались разъяснения о том, что религи-
озные шествия и молебствия на улицах и площадях
населённых мест Крыма, а также устройство поминок
на могилах святых допускается лишь с письменного
разрешения административных отделов исполкомов
и сельсоветов в сельских местностях¹⁴. Разрешения
должны были выдаваться только зарегистрированным
группам верующих, ответ следовало давать в течение
48 часов, а если связано с похоронами, то в течение
дня, когда поступило заявление¹⁵. Отказ в разреше-
нии религиозного шествия должен был иметь понятное
объяснение, например, в случае эпидемии и т.п.¹⁶

И действительно, когда председатель Севасто-
польского епархиального управления Крымской
митрополии Российской православной церкви епи-
скоп Севастопольский и Ялтинский Николай напри-
вил письмо в административный отдел Севрайгор-
милиции, 7 сентября 1927 г., с просьбой разрешить
крестный ход из Михайловской церкви в с. Комары
10 сентября в 5 ч утра и обратно в воскресенье, то
уже 9 сентября он получил справку с разрешением.

Этот крестный ход совершался по обычаю прежних
лет в честь храмового праздника Усекновения Главы
Иоанна Предтечи¹⁷.

Поднимая в печати проблему татарского
30-дневного поста, «Маяк Коммуны» в своём номе-
ре от 14 марта 1928 г. опубликовал письмо селькора.
«Глухо в деревне Кучка Чоргуньского сельсовета. На-
чинается 30-дневный татарский пост, нельзя ни есть,
ни пить, ни курить с восхода до заката солнца, а ра-
ботать надо. Пора бы бросить эту вредную старинку.
Пришлите журнал “Безбожник”, если можно, по адре-
су: деревня Кучка, Чоргуньского сельсовета»¹⁸. И сра-
зу же школами был поднят вопрос о несознательности
татарских масс, которые ребятам не дают есть и пить,
а на ночь те наедаются мяса, фасоли и разной другой
тяжёлой пищи и приходят в школу с повышенной тем-
пературой и сильной желудочной болью¹⁹. Местными
органами власти постоянно отмечалось, что роль та-
тарского духовенства была даже к концу 1920-х гг.
ещё очень велика. В период сплошной коллективи-
зации в деревне Сахтик мулла Сейт Умер Сейт Аспы
завывал к себе в дом деревенскую бедноту и настраи-
вал её против советской власти, говорил, что в колхо-
зах будет одно общежитие, общий котёл, некому будет
хоронить умерших, землеустройство противоречит
законом шариата²⁰.

По старому обычаю в татарских деревнях на по-
хоронах полагалось отдать покров покойника мулле.
Но на смех в статье «Спектакль на кладбище в Байда-
рах» был поднят случай, когда на кладбище в деревне
Байдары оказалось «по случаю плохих заработков»
два муллы, каждый из которых стал тянуть покров
к себе, и в итоге получилась драка²¹.

Но случались и прямо противоположные случаи.
Газета, критикуя слабую антирелигиозную работу,
описала в своём номере от 14 марта 1928 г. случай
с похоронами старого рабочего кузнеца, прорабо-
тавшего 45 лет на производстве, члена профсою-
за с 1917 г. На 29 февраля 1928 г. были назначе-
ны похороны, пришли товарищи отдать последний
долг умершему. Профсоюз обещал музыку и знамя.
Час ждут, второй, мороз даёт о себе знать. Послали

¹² Маяк Коммуны. 1926. 4 апреля. ГКУ АГС. Микроплёнка № 61.

¹³ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 139. Л. 29–73.

¹⁴ Там же. Л. 60.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 62.

¹⁷ ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 909. Л. 18, 19.

¹⁸ Маяк Коммуны. 1928. 14 марта. ГКУ АГС. Микроплёнка № 69.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. 1930. 18 марта. ГКУ АГС. Микроплёнка № 105.

²¹ Там же. 1928. 14 марта. ГКУ АГС. Микроплёнка № 69.

узнать, в чём дело, а там всё закрыто. Один догадливый человек попросил священника кладбищенской церкви, чтобы вышел навстречу процессии и проводил покойника по-христиански до могилы (не хоронить же «по-собачьи»). Священник немедленно исполнил просьбу, и вместо музыки и знамён разлилось церковное пение²².

8 апреля 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР издали постановление «О религиозных объединениях», в соответствии с которым следовало провести перерегистрацию религиозных общин. Этим документом религиозные объединения были поставлены в жёсткие условия, многие из них вскоре прекратили своё существование.

Постановление 1929 г. вызвало у верующих растерянность и замешательство, в некоторых случаях и агрессию. И, по-видимому, не случайно в мае 1929 г., «пытаясь защитить свою паству», Священный синод разослал письма в епархиальные управления с призывом не принимать даже косвенного участия в поддержке антисоветских настроений, и особенно противоправительственной деятельности²³.

После издания постановления вся работа местных властей была направлена на его выполнение. На учёт брались не только религиозные организации, но также все места поклонения верующих.

В своём секретном письме от 11 июля 1929 г. НКВД Крыма предлагал сообщить обо всех находящихся в пределах данного района местах поклонения для лиц мусульманского вероисповедания: могилы святых, камни, святые скалы и т.п., сообщить точное местонахождение объектов поклонения, как часто выдаются разрешения на молебствия и процессии и сколько человек посещают эти места. Кроме того, все поступившие заявления о разрешении устройства молебствий и процессий следовало посылать в НКВД Крыма по согласованию с органами ОГПУ и с сообщением своего мнения о целесообразности и возможности разрешения, и до ответа из НКВД разрешения не выдавать²⁴.

Притчей во языцех стало опубликованное М. Горьким в прессе письмо монахов Соловецкого монастыря начальнику Соловецких лагерей после посещения им Соловков. Вот его текст: «Припадая к стопам Вашим,

мы, монахи б[ывшего] Соловецкого монастыря, ввиду приближения праздника Св. Троицы и так как двенадцатые праздники по старохристианскому обычаю не могут быть праздниками без виноизлияния, просим Вас разрешить выдать нам для распития и услаждения 20 л водки, в чём и расписываемся»²⁵. Оказалось, что сажать людей за веру в лагеря это закономерно, а просьба выдать водку на праздник называлась в газетной статье пьяным угаром и обжорством.

В апреле 1929 г., несмотря на изданное постановление, церкви ещё стояли на крепкой платформе в отношении посещений верующими. Организацией особо торжественного богослужения проповедники поднимали религиозные настроения масс и ещё более укрепляли благодаря этому своё влияние. 11 июня 1929 г. ЦАУ Крыма в своём секретном письме указывало, что, по имеющимся у них сведениям, постановление не получило практического применения²⁶. Религиозные собрания проводились открыто, служители культа осуществляли религиозную пропаганду, разъезжали по сёлам, не встречая противодействия со стороны участковых надзирателей и сельсоветов. в качестве дискредитации сплошной коллективизации шло заявление муллы с 25-летним стажем Мурадасила Халиля о том, что «из конфискованного у кулаков имущества будут шить большие одеяла, под которыми будут спать 40 мужчин и женщин в колхозе». За такие и тому подобные выражения его деятельность была признана контрреволюционной²⁷. А в Уппе мулла кулак Абибула Хайредин во время конфликта на КВЖД распространял слухи о том, что скоро власть переменится, и говорил о том, что мусульманская вера воспрещает присваивать себе чужую землю и имущество²⁸.

Органы власти уже не скрывали своего негативного отношения к верующим и открыто говорили о привлечении церковниками несознательной отсталой массы в лоно церкви, чтобы потом творить свои «гнусные контрреволюционные дела». В антирелигиозную работу были вовлечены все низовые организации. Накануне Рождества Христова, 23 декабря 1929 г., на общем собрании членов правления арте-

²² Маяк Коммуны. 1928. 14 марта. ГКУ АГС. Микроплёнка № 69.

²³ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 502. Л. 18.

²⁴ Там же. Л. 334.

²⁵ Маяк Коммуны. 1929. 19 декабря. ГКУ АГС. Микроплёнка № 99.

²⁶ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 139. Л. 342.

²⁷ Маяк Коммуны. 1930. 18 марта. ГКУ АГС. Микроплёнка № 105.

²⁸ Там же.

ли «Красный Октябрь», после заслушивания доклада о значении Рождества и религии, было вынесено постановление о том, что религия является дурманом для рабочих масс, что нужно сбросить с себя цепи религии и вступить с ней в борьбу, а так как религиозные праздники, в частности Рождество, являются рассадниками пьянства и других поступков, нарушающих общий порядок, «считаем необходимым закрытие пивных лавок спиртных напитков в предпраздничные и праздничные дни»²⁹. И невдомёк было собравшимся, что их инициатива не нова. Ещё в дореволюционном Севастополе, отнюдь не борясь с религией, полицмейстер отдавал приказы перед праздниками об ограниченном режиме работы пивных лавок и винных магазинов³⁰.

Антирелигиозная работа имела гораздо лучшие результаты среди военных. На общих собраниях краснофлотцев выносились следующие постановления: праздник Рождества не праздновать, для повышения боеспособности провести занятия 24 и 25 декабря 1930 г., все религиозные праздники изъять из календаря, звон колоколов несовместим с ударом социалистического молота, а потому колокола с церковью снять и передать в фонд индустрии³¹.

Ячейка Союза воинствующих безбожников (далее – СВБ) эсминца «Дзержинский», путаясь в правилах русского языка, писала: «Только тогда когда подыдем чижолою индустрию в нашей стране, мы выйдем из подыблияния капиталистического окружения. Безбожники э/с Дзержинского будут писать в деревню и города письма антирелигиозного характера». «Активно участвовать, – призывали они, – в колокольной кампании. Вести разъяснительную работу в шефов и подшефников»³².

И уже когда стих рождественский колокольный звон, в райкоме ВКП(б) был грамотно оформлен совершенно секретный протокол № 1 от 1 февраля 1930 г. по изъятию колоколов и закрытию зданий религиозного культа, ввиду того что вопрос считается решённым в массах и согласованным с центральными учреждениями Крыма. В протоколе значится: «Признать целесообразным освещение вопроса о снятии колоколов в “Маяке Коммуны” как результат работы

СВБ, текст материала согласовать с райкомом»³³. Так, вроде бы по желанию рабочих масс, снимались колокола, отрицались религиозные праздники.

Во время раскулачивания в сельских местностях, антирелигиозной работы среди населения, а также антирождественской кампании, когда начали снимать колокола, положение в церковной жизни резко изменилось. Верующие отошли от церкви, некоторые служители культа питали надежду на то, что советское правительство изменит свои директивы в отношении духовенства и даст им право поступления в государственные учреждения. Но этого не произошло. Многие служители культа озлобились, они ухватились за призыв римского папы Пия XI в защиту православных церквей, надеялись на помощь эмиграции³⁴. Но уже шла полным ходом сплошная коллективизация, все служители культа были лишены избирательных прав и высланы за пределы Севастополя и Крыма.

Опыт превращения религиозных праздников в дни ударного труда прижился основательно. Рабочие давали торжественные обещания усилить работу по выполнению промфинплана, досрочному выполнению пятилетки и т.д. Новое время рождало новые призывы и лозунги: «Против хоругвей – красные знамёна!», «Против Пасхи – за пятилетку в 4 года!», «Быть подлинно воинствующими безбожниками!», «Дадим 100%-ную явку на работу в дни Пасхи!», «На крестовый поход ответим пятилеткой!».

Последний лозунг был выдвинут в 1930 г. в ответ на призыв римского папы Пия XI накануне католической Пасхи организовать крестовый поход против СССР³⁵. Назвав эту акцию «антисоветской травлей, которую ведёт буржуазия и социал-фашизм под флагом защиты якобы «угнетаемой» в СССР религии, «Маяк Коммуны» красноречиво расписал, как провалились во Франции молебствия. «Кроме духовенства и монахов в католических церквях собрались лишь семинаристы, недовольные старушки и русская белогвардейщина в лице всяких бывших великих князей, княгинь, генералов и атаманов»³⁶. А 19 марта 1930 г. день католических пасхальных молебствий в Лондоне прошёл серо и почти незаметно для населения. Известный черносотенец митрополит Евлогий в церкви Св. Мартина выступил с проповедью, дышавшей

²⁹ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 502. Л. 287.

³⁰ Маяк Коммуны. 1912. 6 мая. ГКУ АГС. Микроплёнка № 717.

³¹ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 502. Л. 288, 289, 291, 298.

³² Там же. Л. 297.

³³ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 502. Л. 300.

³⁴ Там же. Л. 258.

³⁵ Маяк Коммуны. 1930. 22 марта. ГКУ АГС. Микроплёнка № 105.

³⁶ Там же.

ненавистью и злобой к СССР, на русском языке в защиту русской церкви. У нас же провели массовые демонстрации протеста и создали специальный фонд «Наш ответ – папе римскому!»³⁷.

На всём протяжении антирелигиозной кампании в 1920–1930-е гг. местные органы власти тесно сотрудничали с общественной организацией – СВБ. 14 апреля 1930 г. они устроили литературный суд над еврейской Пасхой, привлекая к работе юных безбожников из школ, поручили им устроить книжный поход по предприятиям и на окраины города³⁸. В период выступления римского папы СВБ было организовано 18 новых ячеек³⁹. Система социалистических договоров нашла своё применение и в антирелигиозной работе. Ячейки безбожников на железной дороге и в Водокате подписали соцдоговор на больший охват рабочих антирелигиозной пропагандой и на лучшее проведение антипасхальной кампании 1930 г.⁴⁰ Правда, критики в адрес СВБ тоже хватало, особенно первичных ячеек, за их пассивность и неорганизованность, за то, что они не умеют за попом и сектантским проповедником разглядеть врага⁴¹.

³⁷ Маяк Коммуны. 1930. 22 марта. ГКУ АГС. Микроплёнка № 105.

³⁸ Там же. 1930. 8 апреля. ГКУ АГС. Микроплёнка № 106.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. 1929. 21 декабря. ГКУ АГС. Микроплёнка № 99.

Неорганизованное население также усиленно привлекалось к антирелигиозной работе. На общем собрании еврейской советской группы неорганизованного населения 17 января 1932 г. заслушивали доклад о работе ОЗЕТ (Общество землеустройства еврейских трудящихся) и доклад о Биробиджане⁴², а 22 марта 1932 г. – об устройстве антирелигиозного вечера, увязав его с посевной кампанией и приурочив к еврейской Пасхе⁴³. На собрании 16 апреля 1932 г. окончательно укрепились во мнении о закрытии синагоги и создании в ней клуба⁴⁴. 25 сентября 1932 г. на очередном своём заседании кроме антирелигиозного вечера и постановки на еврейском языке решили послать вызов москвичам секционерам⁴⁵.

В 1935 г. «Маяк Коммуны» всё ещё призывал шире развернуть антирелигиозную работу, а антипасхальную работу увязывать с подготовкой к 1 Мая⁴⁶.

И в заключение хочется сказать, что если такие экономические преобразования в стране, как нэп или коллективизация, длились по времени недолго, то антирелигиозная политика заняла более десятилетия и проводилась параллельно с многими историческими процессами, которые происходили в это время в стране.

⁴² ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 703. Л. 1.

⁴³ Там же. Л. 9.

⁴⁴ Там же. Л. 13.

⁴⁵ Там же. Л. 19.

⁴⁶ Маяк Коммуны. 1935. 17 апреля. ГКУ АГС. Микроплёнка № 200.

А.С. Балакирев

Московские страницы биографии командующего ВВС Черноморского флота генерала авиации Н.А. Острякова

Имя Героя Советского Союза Николая Алексеевича Острякова (1911–1942) известно каждому севастопольцу. Оно увековечено в названии одной из главных магистралей города – проспекта Острякова. Командующий авиацией Черноморского флота, знаменитый «летающий генерал», он погиб, защищая Севастополь от немецко-фашистских захватчиков в апреле 1942 г., и похоронен в центре города, на кладбище Коммунаров.

Многим со школьных лет известны страницы яркой, наполненной множеством событий и выдающихся достижений, но такой короткой жизни героя: в про-

межутке между датами рождения и смерти уместился всего 31 год! Скромный московский паренёк из рабочей семьи, слесарь, затем водитель автобуса, в начале 1930-х гг. он оказывается в числе первых советских парашютистов. Когда через несколько лет правительство взяло курс на развитие массового парашютного спорта и объявило парашютистов «лучшей частью нашей героической молодёжи», Остряков был уже известным рекордсменом, экспериментатором, испытателем новых моделей парашютов, наставником сотен парашютистов-спортсменов и бойцов частей специального назначения. Не имея полноценной подготов-

Н. Остряков с собранным им фотоаппаратом. 1924 г. Музей школы № 704. Москва

Мать Н.А. Острякова – Мария Тимофеевна (1890–1940). Снимок 1930-х гг. Музей школы № 704. Москва

ки военного лётчика (в 1933 г. он окончил девятимесячную лётную школу гражданской авиации в Тушине, а позже сдал экзамен на звание военного лётчика), Остряков показал себя во время гражданской войны в Испании в 1937 г. первоклассным лётчиком-бомбардировщиком. Его подвиги были отмечены двумя орденами Боевого Красного Знамени. По возвращении на родину Остряков раскрылся как блестящий авиационный командир. Путь от рядового лётчика, старшего лейтенанта, до заместителя командующего ВВС Тихоокеанского флота он прошёл всего за 4 года, став самым молодым генералом РККА. В ноябре 41-го началась последняя, севастопольская, глава его биографии. Она продолжалась всего полгода, превосходя все прежние насыщенностью драматическими событиями, степенью напряжения всех духовных и физических сил – вплоть до той минуты, как его жизнь оборвал разрыв немецкой бомбы. За заслуги по руководству авиацией Черноморского флота и проявленные при этом мужество и героизм в июне 1942 г. Н.А. Остряков был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Все, кто знал Острякова по службе, отмечают в своих воспоминаниях его исключительную разностороннюю одарённость, присущее ему неповторимое сочетание воинской отваги и острого аналитического ума, выдающихся организаторских способностей и редкой чуткости и деликатности.

Судьба Острякова – одна из множества нитей, прочно связывающих Севастополь и Москву. Именно Москва 1920 – начала 1930-х гг. сформировала Острякова как человека и как лётчика, наставника, новатора. Именно к московскому периоду его жизни следует обратиться, размышляя об истоках его уникальной личности.

К сожалению, наши знания о жизни героя, особенно о его детстве и юности, остаются до сих пор весьма неполными, поскольку мы сегодня располагаем лишь небольшим количеством подлинных документов о нём.

В 1948 г. Институт истории партии при МГК ВКП(б) начал собирать материалы для книги о москвичах – Героях Советского Союза. По просьбе института

документы о Н.А. Острякове предоставили отдел кадров авиации ВМС и вдова лётчика – А.В. Острякова. Сведения о жизни героя содержат его служебная автобиография 1940 г. и краткие биографические заметки, написанные А.В. Остряковой. Эти документы находятся сегодня в Отделе хранения документов общественно-политической истории (до 1990 г.– Партийный архив Института истории партии МГК и МК КПСС)¹ Центрального государственного архива города Москвы. Не сохранилось семейного архива: у Острякова не было детей, никого из его родных давно нет в живых. О сохранившихся немногочисленных фотографиях раннего периода его жизни будет сказано далее. Возможно, какие-то документы ещё станут доступными, в том числе находящиеся на Украине, где он работал в 1934–1936 гг. тренером спортсменов-парашютистов и инструктором по парашютной подготовке в школе войск специально назначения НКВД.

Небольшое собрание документов о прохождении Остряковым службы в морской авиации хранит Российский государственный военный архив в Санкт-Петербурге².

Яркие эпизоды жизни Н.А. Острякова, характеристики его личности встречаются в мемуарной литературе. Об Острякове – командующем авиацией Черноморского флота, одном из руководителей Севастопольского оборонительного района (СОР) повествуют опубликованные воспоминания лётчиков, сражавшихся под его командованием в небе Севастополя, – М.В. Авдеева, К.Д. Денисова, В.И. Коваленко, В.И. Ракова и др. Особо нужно отметить в этом ряду упоминания имени Острякова в книге Адмирала флота СССР Н.Г. Кузнецова, наркома ВМФ СССР в 1940–1945 гг., знавшего выдающегося лётчика с испанского периода³. Уже после гибели генерала великий флотоводец сказал о нём так: «Если бы меня попросили назвать самого лучшего командира и человека среди лётного состава Военно-морского флота, я назвал бы Острякова. Я убеждён, что ни один лётчик Военно-морского флота не будет оспаривать этого. Героизм, скромность, умение, хладнокровие и беззаветная преданность Родине – вот это Остряков!»⁴

Для данной публикации чрезвычайно важно и то, что имя Острякова встречается в воспоминаниях московских осоавиахимовцев первой половины 1930-х гг. – парашютистов, планеристов и лётчиков⁵. Кроме того, существуют три беллетризованных биографических очерка, написанных на основе воспоминаний его близких и изданных в виде небольших книжек⁶. Эти книги остаются для массового читателя главным

источником информации о детстве, юности и начале лётной карьеры Острякова.

Работая над книгой о Н.А. Острякове⁷ и задавшись целью восстановить как можно полнее именно начальный, московский период его жизни, автор настоящей публикации обратился в московскую среднюю школу № 704, которая носила его имя и где в 1970–1980 гг. существовал его музей. Часть материалов была передана в фонд школьного музея вдовой Острякова Анной Владимировной. К сожалению, выяснилось, что некоторые из них – ряд фотографий и написанные ею воспоминания о жизни Острякова в Москве безвозвратно утрачены⁸, другие на момент работы над книгой хранились в школе без всякого учёта. Но всё же удалось переснять наиболее интересные из фотографий, часть из них была опубликована в книге. Кроме того, в ходе работы автором были обнаружены новые документы о Н.А. Острякове. Это журналы приказов по Центральной лётной школе Осоавиахим за 1932–1933 гг. Они хранятся в ведомственном архиве Центрального Совета ДОСААФ России в Тушине. Эти документы, составленные в Тушинской школе во время учёбы там Острякова, не меняли с тех пор своего местонахождения. Они только были перенесены из деревянного одноэтажного здания школы, ныне уже не существующего, в один из кирпичных корпусов осоавиахимовского городка, построенных в 1933–1934 гг. Здесь жили курсанты и преподаватели лётной и парашютной школ, в том числе, одно время, и сам Остряков. Хранятся на полках архива и номера журнала «Самолёт» за 1930-е гг. На его страницах встречаются фотографии тушинского аэродрома, его лётчиков, планеристов, парашютистов, в том числе Н.А. Острякова, его будущей жены А.В. Салтыковой, его наставников, первых советских парашютистов Л.Г. Минова и Я.Д. Мошковского.

Неизвестно в подробностях, что привело Николая Острякова в Центральную лётную школу Осоавиахима, существовавшую в Москве с 1929 г. В 1931 г. начальник школы, лётчик и авиаконструктор Владислав Константинович Грибовский подыскал ей новое место на окраине с. Тушино близ Москвы (ныне в черте города), что и стало началом знаменитого аэродрома. Скорее всего, Острякова, который работал в это время в Москве шофёром автобуса, направили в тушинскую школу как активного комсомольца (он успел поработать и на строительстве Турксиба) и увлечённого техникой водителя-рационализатора. В своей автобиографии он указывает, что «работал шофёром по февраль 1932 г.»⁹.

Н. Остряков. 1929 г. Музей школы № 704. Москва

Следовательно, тогда же, в феврале или в марте, он был зачислен в состав кандидатов в курсантов (тогда они ещё назывались учлётными) Центральной лётной школы Осоавиахима. Таким образом Остряков оказался в числе нескольких десятков первопроходцев парашютного дела в стране.

В текущем архиве ЦС ДОСААФ сохранился приказ от 13 мая 1932 г. о зачислении Николая Острякова среди других кандидатов «в списки переменного состава школы», то есть в состав учащихся (в отличие от состава постоянного – преподавательского и технического), и обеспечении всеми видами довольствия. Тем же приказом Остряков был назначен старшиной группы¹⁰. Другой приказ разъясняет, что «старшина группы обязан: 1) поддерживать общеармейскую дисциплину, тем самым обеспечивая качество учёбы; 2) следить за правильностью прохождения программы, являясь в отсутствие руководителя его заместителем»¹¹.

Центральная лётная школа считалась гражданской, но вся её жизнь строилась по военному уставу, начальник и преподаватели были военными лётчиками. Окончивший школу не призывался на срочную военную службу, а числился в запасе ВВС РККА, откуда мог быть отозван в любое время, как это и произошло с Остряковым в 1934 г. Судя по расписанию выпускных экзаменов, программа занятий включала в себя такие предметы, как уставы РККА, наставления по аэродромной и полётной службе, теория и техника полёта, аэронавигация, самолёты и приборы, инструкции по осмотру матчасти и инструкция по эксплуатации аэродрома, политподготовка и, разумеется, практические полёты¹².

Картину того, чем изо дня в день была заполнена жизнь учлётки Острякова, можно воссоздать по хранящимся в текущем архиве Центрального совета ДОСААФ приказам: распорядок дня школы¹³, записи о ходе классных теоретических и практических занятий, полётов, дежурств, летних лагерей (Остряков получил благодарность за их организацию)¹⁴, дисциплинарные проступки и взыскания (в сведениях о последних Остряков не упоминается). И наконец, приказом от 1.01.1933 г. ряд курсантов, – теперь они называются так и в официальном тексте, – «окончивших обучение по нормальной программе пилотов», «переводятся на обучение по программе инструкторов»¹⁵. В приказе не разъясняется, что часть из них будут готовить как инструкторов не по лётному, а по парашютному делу. Двое из этого списка – Николай Остряков и Пётр Балашов после этих курсов станут преподавателями Высшей парашютной школы и знаменитыми на всю страну рекордсменами-парашютистами.

Весной 1933 г., после нескольких месяцев подготовки под руководством Л.Г. Минова и Я.Д. Мошковского, совершив несколько десятков прыжков, Остряков сдал экзамен на звание инструктора по парашютному делу. К этому времени возможности парашюта, который только начали осваивать в советской авиации, серьёзно заинтересовали высшее руководство страны (не в последнюю очередь благодаря усилиям того же Минова). В Постановлении Реввоенсовета СССР, принятом 11 декабря 1932 г., указывалось, что «развитие авиационной техники, а также достигнутые результаты в конструировании и строительстве средств по транспортировке и сбрасыванию с самолётов бойцов, грузов и боевых машин требуют организации новых боевых подразделений и соединений Красной Армии»¹⁶. Была поставлена задача вневойсковой подготовки большого числа десантников – парашютистов и планеристов.

Для этого требовались опытные инструкторы, солидная материальная база, организационные структуры. С начала 1933 г. ответственными за эту работу стали Осоавиахим и комсомол¹⁷.

Для подготовки инструкторов парашютного спорта при Осоавиахиме была создана Высшая парашютная школа во главе с Я.Д. Мошковским. Его заместителем – старшим лётчиком-инструктором был назначен Н. Остряков¹⁸.

В обязанности лётчика-инструктора входило не только подготовить новичка к прыжку на земле, но и, как тогда говорилось, «вывести» его, то есть поднять его на самолёте в воздух и обеспечить заданные условия выполнения прыжка (обычно это осуществлялось на самолёте У-2). Одновременно Остряков разрабатывал и саму методику прыжков с парашютом, для чего «сделал около ста экспериментальных прыжков – из штопора и глубокого виража, из мёртвой петли и из пике, на землю и в воду, днём и ночью»¹⁹. Логическим продолжением этих экспериментальных прыжков стали испытания новых конструкций парашютов, которые разрабатывались на парашютном заводе здесь же, в Тушине²⁰. При участии Острякова конструктором Н. Лобановым был создан славящийся своей надёжностью парашют СК-4, ставший в годы войны основным эвакуационным парашютом лётчиков Красной Армии и спасшим тысячи жизней.

В Высшей парашютной школе за год Остряков подготовил 40 инструкторов, 23 руководителя кружков, 350 спортсменов. Некоторые из них – Нина Камнева в 1934 г., Галина Пясецкая в 1935 г. – установили мировые рекорды²¹.

В 1934 г. Остряков был отозван из запаса и назначен на должность старшего лётчика-инструктора парашютно-десантной службы в специальной школе войск НКВД Украинского округа в Киеве. Одновременно он начал работать тренером парашютной секции спортивного общества «Динамо»²². Именно в Киеве он совершит свой знаменитый прыжок с рекордно малой высоты – 80 м – с приземлением на футбольном поле. Здесь он станет по-настоящему знаменитым парашютистом, орденоносцем. Отсюда отправится воевать в Испанию в качестве лётчика-бомбардировщика, что определит его дальнейшую судьбу авиационного военачальника, которая и приведёт его в Севастополь...

Призыв в армию означал и расставание с Москвой. С тех пор в родном городе, где оставались мать и сестра, Остряков бывал лишь наездами – для получения

очередного назначения по службе, в качестве делегата съезда партии и депутата Верховного Совета СССР.

Но всё это стало возможным только потому, что однажды он впервые поднялся в небо – здесь, под Москвой, в Тушине.

№ 1. Автобиография генерал-майора Н.А. Острякова

26 ноября 1940 г.

Родился в г. Москве в 1911 г. в рабочей семье. Отец с девятилетнего возраста работал на конном заводе и только перед уходом в царскую армию в 1914 г., короткое время работал на железной дороге и на машиностроительном заводе. С империалистической войны отец домой не вернулся. Мать в 1921 г. вышла второй раз замуж за служившего в то время в Красной Армии Моторина Алексея Матвеевича, который и по настоящее время является мне отчимом. Работает он сейчас в Москве мастером-литографом. Мать до революции работала на фабрике швей-мотористкой, после революции до 1926 г. служила в Красной Армии на хозяйственной работе, в настоящее время нетрудоспособна, живёт в г. Москве на улице Старая Башиловка, д. 23/2, кв. 6.

Я до 1926 г. учился в школе-семилетке, в 1924 г. вступил в члены комсомола, по окончании семилетки поступил на завод «Красный Металлист», где работал сначала учеником слесаря, а затем слесарем.

В конце 1928 г. ЦК комсомола по моей просьбе направляет меня в Казахстан на строительство «ТУРКСИБ»²³, где работал на южном участке на строительстве моста через реку Или²⁴ сначала мотористом, а затем механиком буксирного катера, одновременно работал секретарём комсомольской организации.

По окончании строительства, в 1930 г. вернулся в Москву, работал слесарем по автоделу в грузовом автопарке МКХ и гараже Мосздравотдела. С ноября 1930 г. по февраль 1932 г. работал шофёром 2-го Московского автобусного парка.

В 1932 г. поступил и окончил гражданскую Московскую школу лётчиков, где был оставлен после выпуска инструктором-лётчиком, в этом же году начал заниматься парашютным делом. С 1933 г. до ухода в Красную Армию работал в Высшей парашютной школе старшим лётчиком, инструктором парашютного дела, одновременно выполняя задания парашютного завода № 1 по испытанию парашютов новых конструкций.

Водитель автобуса Н. Остряков во дворе автопарка. Одет в спецодежду водителей: тулуп, шофёрские краги. 1931 г. Музей школы № 704. Москва

В июне 1934 г. ушёл в Красную Армию, после короткой переподготовки сдал экстерном на военного лётчика. Служил в специальной школе войск НКВД Украинского округа в должности старшего лётчика и инструктора парашютно-десантной службы. В этом же году мне было присвоено в числе первой группы советских парашютистов звание «Мастер парашютного спорта СССР». В октябре 1935 г. был награждён орденом «Красная Звезда».

В ноябре 1936 г. уехал в специальную командировку, где работал сначала рядовым лётчиком, а затем командиром отдельного отряда и АЭ.

За выполнение специального задания правительства в 1937 г. был награждён двумя орденами «Красное Знамя».

По возвращении из командировки был переведён из авиации войск НКВД в ВВС Красной Армии. Приказом наркома обороны от 22.12.1937 г. был назначен командиром 7-й авиабригады ЧФ (по новой организации 40-й полк СБ).

В апреле 1939 г. приказом наркома ВМФ переведён на ТОФ командиром 29-й авиабригады, с 1939 г. назначен заместителем командующего Военно-Воздушных Сил Тихоокеанского флота.

В кандидаты ВКП(б) был принят в 1932 г., в члены ВКП(б) был принят в 1938 г. партийной организацией 40-го полка ЧФ.

В 1936 г. был избран делегатом на X съезд комсомола, а в 1939 г. делегатом XVIII съезда ВКП большевиков.

12 декабря 1937 г. был избран депутатом Верховного Совета СССР от Северо-Осетинской АССР.

Остряков

Верно: старший офицер 4-го отделения ОК Ав ВМС майор *Акимов*

ЦГА Москвы. П-8682. Оп. 1. Д. 841 Л. 4–6.

Заверенная копия.

№ 2. Из журнала приказов Центральной лётной школы Осоавиахима СССР – приказ № 77 о зачислении Н.А. Острякова в состав школы и на довольствие

с. Тушино

13 мая 1932 г.

Наряд на 14 мая 1932 г.

1) Деж[урному] по школе.

§ 1

Перечисленных ниже кандидатов зачислить в список переменного состава школы и на все виды довольствия:

а) с 8 мая с.г.:

- 1) Балин А.М.
- 2) Гризан К.Ц.
- 3) Елизаров Н.И.
- 4) Тимофеев Б.К.
- 5) Остряков Н.М.²⁵
- [...]

Группа № 2 инструктор т. Рейхенбах Р.Г.

1. Гризан	учлёт
2. Тимофеев	[учлёт]
3. Новицкий	[учлёт]
4. Красильщикова	[учлёт]
5. Вишневская	[учлёт]
6. Табакаева	[учлёт]
7. Шубина	[учлёт]
8. Тюренков	[учлёт]
9. Кочетков	[учлёт]
10. Остряков	старшина

Самолёт группы У-2 № 2821.

Ст[арший] моторист т. Парашин

Архив ЦС ДОСААФ РФ. Оп. 1 Д. 3 Л. 59, 60.

Подлинник.

№ 3. Из журнала приказов Центральной лётной школы Осоавиахима СССР – приказ № 97 о переходе школы на лагерное положение

с. Тушино

5 июня 1932 г.

Наряд на 6 и 7 июня 1932 г.

1) Дежурный по школе по 06.06 инструктор [Седыкин]

2) [Дежурный по школе по] 07.06 учлёт Кушинов

§ 1

О переходе школы на лагерное положение

Центральной лётной школе Осоавиахима 7 июня с.г. в 18 часов перейти в систему лагерного расположения.

[...]

Лётчик-инструктор Н. Остряков готовит к прыжку курсанта парашютной школы А. Салтыкову, свою будущую жену. Тушино. 1933 г.
Музей школы № 704. Москва

№	Наименование	Перем[енный] состав		Постоян[ный] состав	
		в дни теории	в дни полётов	в дни теории	в дни полётов
1	Подъём	06.00	04.00	В дни теории постоянного состава или в дни практической самоподготовки (полётов) подъём последних производить по первой графе – дни теории переменного состава	04.15
2	Зарядка	06.05–06.20	04.00–04.15		04.25–04.40
3	Туалет, уборка	06.20–07.00	04.15–04.45		04.25–04.40
4	Завтрак	07.05–08.05	04.50–05.30		06.00–12.00
5	Занятия полётн[ые]	08.15–13.20	06.00–12.00		13.30
6	Уборка, заправка	–	12.00–13.30		
7	Обед	13.30–15.00	13.30–15.30		
8	Мёртвый час	15.00–16.00	16.00–17.30		
9	Занятия	16.00–17.35	–		
10	Часов[ая] работа	18.00–19.00	17.30–19.00		
11	Ужин	19.00–19.30	19.00–20.00		
12	Поверка	19.40	21.00		
13	Отбой	20.00	22.00		

- Примечание:
- 1) В дни отдыха подъём делать на 1 час позднее.
 - 2) Зарядка в дни отдыха не обязательна.
 - 3) Зарядку с постоянным составом проводит инструктор, назначенный командиром 1-го отряда.

Начальник школы, военный лётчик*

Архив ЦС ДОСААФ РФ. Оп.1 Д. 3. Л. 84–84 об.
Подлинник.

* Подпись неразборчива.

Н. Остряков в форме старшего лётчика-инструктора Осоавиахима. 1933 г.
На груди – значок «Парашютист-инструктор». Музей школы № 704. Москва

Н. Остряков после приземления на стадионе «Динамо» в Киеве 12 мая 1935 г.
Музей школы № 704. Москва

№ 4. Из журнала приказов Центральной лётной школы Осоавиахима СССР – из приказа № 127 об объявлении благодарности курсантам за работу по оборудованию летних лагерей

с. Тушино

14 июля 1932 г.

§ 3

За примерную и добросовестную работу по оборудованию лагерей перечисленным ниже курсантам 1-го отряда объявляю благодарность.

- 1) Сурикову;
- 2) Перцуленко;
- 3) Острякову;
- 4) Неручеву;
- 5) Злотникову;
- 6) Андрееву.

Справка: рапорт командира 1-го отряда от 11.07. [19]32 г.

Архив ЦС ДОСААФ РФ. Оп.1 Д. 3. Л. 119.
Подлинник.

№ 5. Из журнала приказов Центральной лётной школы Осоавиахима СССР – из приказа № 159 о проведении курсантами самостоятельных полётов

с. Тушино

21 августа 1932 г.

§ 3

Полагать вылетевшими самостоятельно на самол[ёте] У-2 учлётов группы № 2 (инстр[уктор] Рейхенбах):
19/VIII – Остряков на 89-м пров[едённом] полёте;
[19/VIII] – Тимофеев на 78-м [проведённом полёте];
20/VIII – Новицкий на 89-м [проведённом полёте];
[20/VIII] – Суриков на 94-м [проведённом полёте].

Справка: рапорт командира 1-го отряда от 20.08. [19]32 г.

Начальник штаба*

Утверждаю: начальник школы, военный лётчик**

Архив ЦС ДОСААФ РФ. Оп. 1. Д. 3. Л. 161.

Подлинник.

* Подпись неразборчива.

** Подпись отсутствует.

Генерал-майор авиации Н.А. Остряков. 1941 г.

№ 6. Из журнала приказов Центральной лётно-технической школы Осоавиахима СССР – из приказа № 1 о переводе курсантов, получивших звания пилотов, на обучение по программе подготовки инструкторов

с. Тушино

1 января 1933 г.

§ 11

Окончивших обучение по нормальной программе пилотов, поименованных ниже курсантов перевести на обучение по программе инструкторов с сего числа.

1. Мусин А.З.	8. Чертенин К.П.
2. Балашов П.П.	9. Казарин А.В.
3. Костыгов А.П.	10. Андреев В.В.
4. Кобзев В.В.	11. Перцуленко В.А.
5. Самаргина Н.П..	12. Лобачёв Н.С.
6. Ронин С.Б.	13. Ботов Б.А.
7. Неручев А.Г.	14. Копылов И.А.

15. Новицкий Е.Г.	18. Калашкин В.П.
16. Рябчук П.М.	19. Кит Л.И.
17. Остряков Н.М.	20. Вишневская И.Н.
[...]	

Начальник штаба*

Утверждаю: начальник школы, военный лётчик**

Архив ЦС ДОСААФ РФ. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
Подлинник.

¹ ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1 Д. 841.

Серия книг о москвичах – Героях Советского Союза начала выходить много позже. В первом выпуске был тогда помещён и биографический очерк о Н.А.Острякове, написанный на основе документов архива. См.: Герои огненных лет. Очерки о москвичах – Героях Советского Союза. Книга первая. М., 1975. С. 183–190. Эти же документы использованы и в биографии Острякова в энциклопедии «Герои Советского Союза». М., 1988. Т. 2. С. 213, 214.

² РГВА. Ф. 37837. Оп. 4. Д. 147.

³ Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1969. С. 158, 202–208; Он же. На далёком меридиане. М., 1971. С. 164–166.

⁴ Впервые эти слова появляются в виде эпитафии к книге: Сорокин Г.Э. Генерал Остряков. М., 1944.

⁵ Шелест И. С крыла на крыло. М., 1969. С. 346; В километре от планеты Земля / Сост. Б.С. Васин, А.М. Хоробрых. М., 1980. С. 26; Кайтанов. К. Под куполом парашюта. М., 1984.

⁶ Сорокин. Г.Э. Генерал Остряков.; Салуцкий. А.С. Улетая – возвращайся. М., 1969; Губанов. Н. Крылатый генерал. М., 1971.

⁷ Николай Остряков. Документы. Воспоминания. Материалы / Сост.: А.С. Балакирев, А.А. Логинов. М., 2012.

⁸ Возможно, воспоминания А.В. Остряковой всё же сохранились в Крыму. На них ссылается сайт посёлка Гвардейское, где находится музей Н.А. Острякова, служившего там в 1937–1939 гг. См.: Воспоминания А.В. Остряковой 27.01.1969. Цит. по: Бобровникова Т.М., Лискун К.Я.. Герой неба – Н.А. Остряков. URL: <http://gvardeyskoe.org>.

⁹ ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп.1. Д. 841. Л.5.

¹⁰ Архив ЦС ДОСААФ РФ. Оп. 1. Д. 3. Л. 59, 60.

¹¹ Там же. Л. 121.

¹² Там же. Оп. 1 Д. 4. Л. 78.

¹³ Там же. Д. 3. Л. 84.

¹⁴ Там же. Л. 159.

¹⁵ Там же. Д. 5. Л. 2.

¹⁶ Цит по: Ненахов Ю. Воздушно-десантные войска во Второй мировой войне. Минск, 1998. С. 138, 139.

* Подпись неразборчива.

** Подпись неразборчива.

¹⁷ От второго к третьему съезду Осоавиахима. Отчёт ЦК Осоавиахима СССР и РСФСР третьему всесоюзному съезду Осоавиахима. М., 1936. С. 43–45.

¹⁸ ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 841. Л. 5.

¹⁹ Салуцкий А.С. Указ. соч. С. 20.

²⁰ ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 841. Л. 5.

²¹ Салуцкий А.С. Указ. соч. С. 47.

²² ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 841. Л. 5.

²³ Турксиб (Туркестано-Сибирская магистраль) – железная дорога, построенная в 1927–1930 гг., соединившая Среднюю Азию с Сибирью. Одна из главных строек первой пятилетки СССР.

²⁴ Или – река в Китае и Казахстане (Алматинская обл.), впадает в западную часть озера Балхаш.

²⁵ С 1934 г. Остряков стал указывать в документах отчество «Алексеевич», по имени своего отчима. Имя родного отца Острякова (он погиб на фронте во время Первой мировой войны) установить пока не удалось.

Грамота о присвоении Н.А. Острякову звания Героя Советского Союза (посмертно). 1943 г.

ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 841. Л. 10

Е.Д. Алексеева, С.С. Войтиков

Очерки военного корреспондента Евгения Петровича Петрова об обороне Севастополя в июне 1942 г. и его защитниках

Исполнился год войны.

О ней будут написаны томы¹. Пройдут годы, и наш талантливый народ даст миру нового Льва Толстого, который осилит необъятную тему Отечественной войны 1941–1942 годов².

Покуда же всё, что издаётся и печатается о войне, представляется мне лишь материалами для будущих сочинений. И мне хотелось бы приложить к этим материалам и свои военные корреспонденции.

Июнь 1942 г., Евгений Петров³

В Российской государственной библиотеке хранятся экземпляры двух сборников фронтовых очерков, принадлежащих перу Евгения Петровича Петрова (Катаева) – советского писателя, лауреата Ленинской премии, военного корреспондента: «На войне» (М.: «Правда», 1942. 96 с.; дата каталогизации в ГБЛ – 18 декабря 1942 г.) и «Фронтвой дневник» (М.: «Советский писатель», 1942. 132 с.; дата каталогизации – 23 октября 1942 г.). Оба издания увидели свет уже после гибели автора⁴. «Фронтвые записки»

подписаны к печати 21 августа 1942 г., «На войне» – 12 октября 1942 г. Тираж «Фронтвых записок» – 40 тыс. экз., «Фронтвого дневника» – 25 тыс. экз.

Обе книги открывает краткая заметка-посвящение И. Эренбурга «Писатель-борец». Далее следует написанный в июне 1942 г. вступительный очерк самого Е. Петрова «Накануне войны»⁵ / «Вместо предисловия»⁶ и серия фронтовых очерков, опубликованных ещё при жизни военкора в газетах. Вначале две из трёх публикаций вышли в газете «Красная звезда»

(1942. № 147. 25 июня; № 159. 9 июля), третий – в американской прессе⁷.

В более полном «Фронтовом дневнике» было опубликовано 25 очерков, написанных Е.П. Петровым на разных участках фронта: на Западном фронте, во время битвы за столицу (раздел «Под Москвой»), в Мурманске (раздел «Записки из Заполярья»). Три очерка – «Севастополь» / «Двадцать дней»⁸, «На левом фланге»⁹, «Прорыв блокады»¹⁰ – посвящены Севастополю и составили во «Фронтовом дневнике» одноимённый раздел. При этом очерк «На левом фланге» впервые появился только во второй книге, поскольку в Советский Союз из США он поступил лишь после гибели писателя.

В настоящей публикации представлены очерки о Севастополе. Их ценность несомненна: это не только мало известная широкому читателю грань творческого наследия Е.П. Петрова в качестве военкора, но и источник по истории героической обороны Севастополя в период Великой Отечественной войны, являющийся библиографической редкостью.

Остановимся на ключевых моментах, характеризующих контекст появления публикуемых корреспонденций, связанный с творческой и личной биографией Е.П. Петрова.

Военным корреспондентом Евгений Петров стал в конце июня 1941 г., т.е. практически с первых дней войны¹¹. При этом он сотрудничал не только в Совинформбюро и в ведущих советских газетах – партийной «Правде» и военной «Красной звезде»¹², но и, прежде всего, работал на американское агентство «Нана»¹³. По свидетельству В. Ардова, Петров «писал и для советской, и для зарубежной печати. Американские читатели узнавали о том, что происходит в Советском Союзе в первые месяцы войны, именно из очерков Петрова, печатавшихся в заокеанских газетах. [...] Петров часто и подолгу бывал на фронтах, но судьба сперва оберегала его. Увиделись мы с ним в Куйбышеве (в октябре 1941 г. – *Авт.*), куда ненадолго эвакуировались некоторые правительственные учреждения, в т.ч. и Совинформбюро. В тесном зале куйбышевского ресторана “Гранд-Отель” я встретил Евгения Петровича. Передал ему привет от его жены¹⁴ и детей, с которыми незадолго перед тем виделся в Чистополе и Казани. Евгений Петрович был очень нервным и возбуждённым, но панических настроений, которые – теперь можно сказать об этом – охватили некоторых ретивых любителей мажорного искусства и военно-наступательной беллетристики, в нём не

было и в помине. Он носил знаки различия старшего батальонного комиссара. И в военной форме был всё такой же – подтянутый, щеголеватый, аккуратный»¹⁵.

О встрече с Петровым в первую зиму войны вспоминал И. Эренбург: «Мы жили в гостинице “Москва” [...]. Как раз в ту ночь привезли из-под Малоярославца Евгения Петровича, контуженного воздушной волной. Он скрыл от попутчиков своё состояние, едва дополз по лестнице до десятого этажа и свалился. Вызвали врача. А только ему полегчало, он сразу начал писать про бои за Малоярославец»¹⁶. По свидетельству Е. Кригера, в гостинице, оправляясь после контузии, Е.П. Петров «жадно расспрашивал о положении на фронте и, едва поднявшись с постели, тут же укатил в дивизию»¹⁷.

Г. Мунблит также рассказал о своей последней встрече с писателем-военкором: «В комнате было сильно накурено, на письменном столе лежала машинка с вложенным в неё листом бумаги, рядом на стуле лежал трофейный немецкий автомат. [...] Он сел за стол и, громко кряхтя, что было у него признаком напряжения, с длинными остановками после каждой фразы, дописал до конца корреспонденцию в американскую газету. Потом прочёл мне её.

Это был короткий рассказ о виденном на фронте в последние дни, с отчётливо выраженным стремлением описать всё как можно более точно. В рассказе были зимний лес, дымящиеся развалины оставленных немцами деревьев и непоколебимая уверенность в победе.

Рассказ мне понравился. Говорить об этом мне было не нужно, он и так меня понял, и мы помолчали. Потом он порывлся в ящике стола и протянул мне продолговатый кусок картона с маленькой фотографической карточкой в правом углу. Это было удостоверение члена фашистской партии, закончившего свою жизнь где-то в районе Ржева. С фотографии на меня глядело худосочное, наглое, прыщавое личико с белыми глазками. Такое лицо могло бы быть у блохи, если бы она мечтала о мировом господстве.

– Гегемоны! Поработители! – проворчал Петров, бросая карточку в ящик стола. – Те из них, с которыми я говорил, не годятся даже на роли околоточных надзирателей. Ну да чёрт с ними! Что сегодня в опере?

Но в оперу мы не пошли, а отправились ко мне и всю ночь продежурили на чердаке, застигнутые воздушной тревогой. Вместе с нами дежурил мой сосед по квартире – дирижёр симфонического оркестра.

К середине ночи Петров очень с ним подружился и, размахивая руками, прочёл ему целый доклад

о том, как следует исполнять Четвёртую симфонию Чайковского, а потом спел чуть ли не с начала до конца оперу Верди “Отелло”.

Под утро, когда Петров ушёл к себе в гостиницу, мой сосед, проводив меня до моей двери, сказал:

– Знаете, он очень интересно говорил о Четвёртой симфонии. А “Отелло” он знает гораздо лучше меня»¹⁸.

О месяце, который они вместе с Е.П. Петровым и другими военными корреспондентами провели на Севере, в Архангельске, оставил воспоминания К.М. Симонов: «Война занимала все его мысли. И он любил говорить о ней. Но о лично пережитом, о всяческих военных событиях и эпизодах, свидетелем которых он был, он говорил всегда с удивительным тактом. Он хорошо понимал, что все, с кем ему приходится разговаривать, тоже бывали в переделках, видели и кровь, и опасности, что им знакомы чувства риска и страха, и поэтому, рассказывая, никогда не останавливался на своих переживаниях, не говорил “я пошёл”, или “мы лежали под огнём”, или “в то время, как ударит рядом мина”, – нет, он говорил о виденном только то, что могло быть интересно всем, то, что казалось ему любопытным, забавным, смешным. И когда один из наших попутчиков, человек храбрый и хороший, но имевший привычку злоупотреблять рассуждениями о том, как они лежали, как шли и как по ним стреляли, начинал разговор на эти темы, Петров с комическим ужасом поднимал руки и со своей милой, лукавой улыбкой говорил:

– Опять боевые эпизоды!

Это было нисколько не обидно, но забавно и убедительно, и рассказчик тотчас же смолкал. Вообще же Петров был очень внимателен и чуток к людям»¹⁹.

Об обстоятельствах, предшествовавших последней командировке писателя в Крым и Севастополь, вспоминает И. Эренбург. «Летом 1942 г., в очень скверное время, мы сидели в той же гостинице, в номере К.А. Уманского. Пришёл адмирал И.С. Исаков. Петров начал просить помочь ему пробраться в осаждённый Севастополь. Иван Степанович его отговаривал. Петров настаивал. Несколько дней спустя он пробрался в Севастополь»²⁰.

Сам И.С. Исаков оставил о последнем месяце жизни Е.П. Петрова очень точные и правдивые свидетельства – как опубликованные, так и не опубликованные.

В РГАЛИ отложились материалы к очеркам И.С. Исакова о Евгении Петрове.

Приводим карандашные фрагменты, по всей видимости не вошедшие в очерки, а потому наиболее интересные читателю:

«Гамбург[ский] счёт

3 или 4 раза вызываемые в Москву на самые жаркие часы – встречались в Москве, тоже на часы, иногда – на минуты, 4 – 5 человек: или у Эренбурга, или у Катаева (брата Евгения Петрова. – *Авт.*).

Формально – военные корреспонденты, по существу – друзья.

Конденсировали спрессованный [материал] – рассказы, нет – фабулы, реплики, лаконичные замечания [...] завтрашние очерки, рассказы, которые так жадно читали фронты, флоты.

Среди них самый экспансивный, рамольный²¹, потрясённый войной, такой неожиданной, грандиозной масштабами, но и теми новыми раскрытиями глубин духа многих героев или отдельных предателей и того общенародного напряжения.

Делились накипевшим»²².

Как указал И.С. Исаков, «тогда установилась традиция: за столом, т.е. за едой, никогда не говорить о делах фронта. И не только потому, что за столом прислуживала проводница из вагона комфронта, его вестовые или даже повар в белом клобуке – хотя эти люди были давно известны и проверены.

Бывали и гости – хотя очень редко. Из числа прибывших с участков и задержанных командфлотом.

Возможно, что командующий имел и педагогическую цель – заставить переключиться на полчаса или на час, отдохнуть, для того чтобы ещё более целеустремлённо заниматься делами после еды.

Если во время сидения в столовой надо было отозваться на звонок Москвы или доложить особо срочно, то в чуть приоткрытую дверь просовывался нос дежурного комиссара, и тогда генерал-адъютант П.П. Зеленский почти незаметно исчезал за дверь, стараясь не нарушить повествования устных новелл, на которые был таким мастером С.М. Будённый.

Так было и вечером 1 июля, когда все немного засиделись, т.к. было решено, что гость – ЕПП (Е.П. Петров. – *Авт.*) с рассветом на “Дугласе” вылетит в Москву, причём ужин автоматически перешёл в прощальный ужин.

Механизм управления фронтом работал бесперебойно.

Несколько раз выходил по сигналу из-за двери Зеленский, раза два пришлось выходить в кабинет,

чтобы прочесть телеграммы из Севастополя и проверить, что даёт из Туапсе ККИС²³.

Не знаю, понимал ли Е.П. (Е.П. Петров. – *Авт.*) то, что происходило в Севастополе.

Полагаю, что неизбежный конец обороны он предвидел и, может быть, потому и заторопился в Москву. Но безусловно одно – что он не подозревал, что уже есть решение Ставки.

А [мыс] Херс[онес] уже подготовил всё для эвакуации.

Он с жадным вниманием слушал рассказ С[емёна] М[ихайловича] (Будённого. – *Авт.*) о том, как он с горсткой всадников прорубался, форсировал намётотом²⁴ мост [...] и прорубался, когда шли попытки переговоров белого командования, с тем чтобы выиграть время²⁵.

Внесли бланк Совинформбюро.

Не помню, сколько ещё длились рассказы и П[етров впитывал], как губка. Он устр[ои]лся на веранде, [которая была] вся в дик[ом] винограде»²⁶.

Мемуары И.С. Исакова об Илье Ильфе и Евгении Петрове вышли в 1963 г., когда цензурная завеса над деятельностью советского Военно-Морского Флота в годы Великой Отечественной войны была приоткрыта. Адмирал констатировал, что «военные корреспонденты стремились лично видеть самые острые моменты борьбы, побывать там, где шла боевая работа, страда пехотинцев, лётчиков и моряков, «побывать в их шкуре», с тем чтобы лучше понять их психологию, настроения, их волю к победе, мечты...»²⁷. На общем фоне Евгений Петров «казался только более порывистым и нетерпеливым. Услышав несколько кратких рассказов об удивительных делах защитников Севастополя и об условиях, в которых приходится перебрасывать для них пополнения и вывозить раненых на миноносцах, самолётах и подводных кораблях, Петров мгновенно загорелся желанием сейчас же, немедленно лететь в Краснодар. И, конечно, с тем, чтобы потом пробираться дальше, в Севастополь. Несмотря на то что записные книжки его были полны нереализованными замыслами в связи с последней поездкой на Северный фронт, он решил бросить всё. С этого момента ему все и всё мешало, и он чуть не насильно увлёк меня двумя этажами выше, в свой номер. Здесь, с почти мальчишеской гордостью показав трофейный автомат, подаренный ему на фронте (он лежал у него в среднем ящике письменного стола), Евгений Петров снова стал горячо убеждать взять его утром в самолёт. При этом он хватал меня за плечи, обнимал, пытал-

ся угощать, клялся выполнить все ограничительные требования и, ещё не добившись согласия, стал укладывать бельё в маленький чемоданчик. Наконец, условились, что без командировочного предписания от Главполитуправления Петрову лететь нельзя. Насчёт же поездки в Севастополь решили добиваться согласия командующего фронтом, на месте»²⁸.

Б. Ефимов вспоминал впоследствии: «Последний раз я видел Женю незадолго до его гибели. Мы столкнулись в коридоре гостиницы “Москва”, которая в первые годы Великой Отечественной войны перестала быть гостиницей в обычном понимании этого слова и превратилась в огромное общежитие, где месяцами жили писатели, журналисты, художники, общественные деятели, оставившие свои опустевшие, нетопленые квартиры. На одном этаже с Петровым жил и я. Евгений Петрович зазвал меня к себе в номер. Здесь он извинился, лёг на диван и прикрылся пледом (очевидно, давали о себе знать последствия контузии. – *Авт.*).

– Что с вами, Женя? – спросил я. – Вы нездоровы?

– Ломит немного, – неохотно ответил он. – А послезавтра вылетаю в Севастополь.

– Севастополь... Севастополь... А помните, Женя, голубой крейсер, старпома...

– Всем с левого борта! – засмеялся Петров.

Через полчаса я встал и начал прощаться,

– Ну, Женя, – сказал я, – счастливо!

И мы обменялись рукопожатием»²⁹.

И.С. Исаков рассказал в своих воспоминаниях, как «преодолев или обойдя несколько препятствий, Евгений Петрович появился через сутки на аэродроме, притащив какую-то бумагу со штампом, которую он успел достать только потому, что Генеральный штаб задержал мой вылет на сутки. Летели мы в Краснодар, через Сталинград, но о вылете я ничего не помню, т.к. отсыпался после Москвы и, в предвидении черноморских дел, так крепко, что даже необыкновенно оживлённый спутник не мог мне помешать. В Краснодаре, ещё не осмотревшись, Евгений Петрович начал с просьбы (если не требования!) разрешить ему отправиться [на] осаждённую Главную базу Черноморского флота»³⁰. В связи с крайне тяжёлой обстановкой и добытыми разведкой данными о намерении южной группы армий вермахта ещё раз прорваться к Ростову и форсировать Дон И.С. Исакову пришлось «очень скупое» поведать Е.П. Петрову «об общем положении в Крыму, на Тамани и в Азовском море после падения Керчи», о котором, «по понятным соображениям,

Совинформбюро не делало никаких сообщений»³¹. Адмирал предложил военкору «на выбор очень интересные участки фронта, однако он настаивал на своём, пока не согласился съездить в Новороссийск, очевидно рассчитывая проскочить в Севастополь без разрешения начальства»³².

Предположение флотского начальства о том, что Е.П. Петров недостаточно хорошо представлял себе, куда он просился, не подтвердилось: писатель «возвратился в Краснодар из Новороссийска, где он сам видел “благополучно прорывавшиеся” корабли и подводные лодки, говорил с матросами и офицерами, настойчиво выпытывая у них все детали операций, и где, наконец, член Военного совета ЧФ И.И. Азаров разъяснил ему обстановку в самом Севастополе, предположение о недостаточной осведомлённости Петрова отпало»³³. И.С. Исаков с уважением писал о том, как именно тогда для него «полностью раскрылся не только характер Петрова, но и его понимание своего профессионального долга. Информация от уцелевших людей, полученная на палубе корабля, трубы и надстройки которого были продырявлены осколками, а стволы покрыты обгоревшей краской, – эти живые и образные рассказы, которые отбили бы охоту у многих поглядеть своими глазами на “прорыв блокады”, ещё больше укрепили желание Евгения Петровича во что бы то ни стало попасть в Севастополь»³⁴.

Адмирал вспоминал свой последний разговор с Е.П. Петровым перед выходом в море, в котором ему запомнилось следующее обещание, данное военкору: «Всего два или три часа в Севастополе, но вы увидите всё!»³⁵ По словам Исакова, Петров лишь потом осознал «значение этого малоубедительного посула»³⁶. В Краснодаре было нельзя решить вопрос о том, на какой корабль следует направить Е.П. Петрова для следования в Севастополь. Адмиралы И.Д. Елисеев и И.И. Азаров, руководившие операциями по прорыву блокады и обеспечению города продовольствием, познакомили Е.П. Петрова с капитаном 3 ранга В.Н. Ерошенко и проводили писателя на лидер «Ташкент», который вышел из Новороссийска 26 июня 1942 г. в 14 ч, имея на борту свыше тысячи бойцов Сибирской стрелковой бригады и до предела загруженный боезапасом и продовольствием³⁷.

Лидер «Ташкент» и эсминец «Безупречный», прорывавшись 21 июня с боем в Севастополь и вернувшись утром 23 июня, на следующий день опять были отправлены в осаждённый город, из которого вернулись в Новороссийск к утру 25 июня. Адмирал

И.С. Исаков свидетельствовал, что «прорыв 26 июня корабли начинали в третий раз в течение недели. Начинали не отдохнув, т.к. всё время с утра 25-го до выхода [из гавани] на следующий день ушло на приёмку топлива и зенитных патронов и лент, а также на размещение сибиряков и погрузку ящиков с боезапасом и продовольствием для осаждённых. Немало усилий и часов потребовал также ремонт корпусов и механизмов, пострадавших от близких разрывов крупных бомб, от осколков, и рулевых устройств при многократном уклонении от фашистских атак»³⁸.

С сожалением адмирал писал о том, как «около 19 ч впереди по курсу, там, где, по расчётам, должен был находиться прорывающийся первым “Безупречный”, Петров и его боевые товарищи заметили необычный по высоте столб дыма и пара, взметнувшийся к небу. В момент подхода к месту [катастрофы] эсминца уже не было на воде. В озёрах мазута, среди деревянных обломков плавали немногие уцелевшие моряки и армейцы. Естественное стремление остановиться, спустить шлюпки и попытаться спасти товарищей с “Безупречного” сразу же было парализовано новыми атаками “юнкеров”. Верные своим традициям, фашистские лётчики расстреливали беспомощных людей из пулемётов. Остановка лидера создавала крайне выгодное для немцев положение. Оставаться на месте – значило спасти десять-двадцать товарищей, но почти наверняка погубить корабль, на котором было полторы тысячи человек, а также пополнение, боезапас и продовольствие для Севастополя. [...] Ерошенко, с болью в сердце, выходит из мазутного пятна, предварительно выбросив спасательные круги и пояса и увлекая за собой часть немецких асов. Одновременно он даёт радио о происшедшем, прося разрешения вернуться к месту гибели “Безупречного” с наступлением темноты. Разумеется, ему это запрещают»³⁹. Иначе поступить было попросту нельзя: «именно потому, что погиб “Безупречный”, а с ним пополнение и боезапас, не достигшие Севастополя, приход туда “Ташкента” был вдвойне необходим. Позднее Евгений Петрович говорил мне, что всё это стало ему понятно после разговора с командиром лидера, который переживал происшедшее так же тяжело, как и он. Но самые логичные и убедительные доводы не могли помочь им обоим освободиться от горького ощущения и мрачных мыслей о судьбе советских людей, расстреливаемых в воде фашистскими убийцами»⁴⁰. К счастью, часть их была спасена подводной лодкой «М-112», также прорывавшейся в Севастополь с боезапасом и бензином»⁴¹.

В Севастополе командир лидера взял на борт около 2100 раненых, а также ожидавших эвакуации женщин и детей и во 2-м часу ночи 27 июля взял курс на Новороссийск. «Это число было выше всяких норм и возможностей, к тому же ещё предстоял неизбежный бой при обратном прорыве, – писал И.С. Исаков. – [...] Петров всё время был с ранеными. Особенно много приходилось поить этих беспомощных людей, которым в условиях осаждённой крепости нельзя было давать воды вдоволь. При этом Евгений Петров узнал от раненых и эвакуируемых о Севастополе больше, чем мог бы увидеть сам. Обратный прорыв протекал “по расписанию” и, к сожалению, опять при ясной погоде. Обозлённые фашисты, увидя невредимый “Ташкент”, в 4 ч утра бросили против него несколько эскадрилий, которые, последовательно сменяясь, непрерывно атаковали его с 5 до 8 ч 30 мин, сбросив за это время 336 крупных бомб»⁴².

Действия капитана и команды Е.И. Петров описал в своих очерках (см. приложение), о его же собственной деятельности оставил воспоминания адмирал И.С. Исаков: «Обязанности санитаря мешали Евгению Петровичу следить за обстановкой, но он видел, что прибавляется не только число новых раненых, но есть уже и убитые осколками и близкими взрывами. Он знал, что сбито два двухмоторных самолёта врага, но в то же время заметил, что “Ташкент” постепенно теряет скорость хода. Мощные взрывы вплотную к корпусу корабля разорвали несколько швов и сделали пробоины. Ещё хуже было то, что от сильных потрясений были повреждены фундаменты котлов и машин»⁴³. Из Новороссийска пришло подкрепление: торпедные катера, эсминец «Сообразительный», спасательное судно «Юпитер» и др. Когда лидер оказался в радиусе действий советских истребителей, появление наших самолётов решило судьбу корабля, хотя лидер был повреждён и после выгрузки раненых и эвакуированных на подошедшие суда полузатопленный корабль двинулся в Новороссийск малым ходом. По свидетельству Исакова, «после перевода раненых Евгению Петровичу было предложено перейти с аварийного лидера, однако он не захотел оставить своих друзей, с которыми вместе пережил так много, и наотрез отказался уйти, хотя риск налёта фашистской авиации на повреждённый корабль был весьма реален. И, может быть, главную роль в этом решении сыграло то, что в одном из нижних отсеков корабля, внезапно затопленного через пробоину от близкого разрыва, осталось несколько тяжелораненых севастопольцев, спасти которых не было никакой возможности. Пе-

тров не только дошёл с ними до Новороссийска, но и проводил их на кладбище»⁴⁴.

В Севастополе Евгений Петров «попал под отчаянную бомбёжку. Он возвращался на эсминце “Ташкент”, и немецкая бомба попала в судно, было много жертв. Петров добрался до Новороссийска. Там он ехал в машине; произошла авария, и снова Евгений Петров остался невредимым»⁴⁵.

В свой последний рейс военный корреспондент отправился 2 июля 1942 г. Как указал И.С. Исаков в мемуарном очерке «Последние часы», «ночью, накануне его (Петрова. – *Авт.*) отлёта в Москву, мы несколько часов провели вместе. Разошлись поздно. Но когда за два часа до назначенного отлёта я вышел на залитую солнцем веранду, всю увитую виноградными лозами, оказалось, что Евгений Петрович, не раздеваясь, спит на тахте, а кругом – на перилах, на лестнице, на стульях – лежат листки его записей. Каждый листок придавлен камушком, принесённым из сада, а рядом с изголовьем висит полевая сумка, ещё тёмная от впитавшейся воды»⁴⁶.

Перед отлётом «Дугласа» Петров и Исаков обнялись⁴⁷. Самолёт с военкором на борту разбился в Ростовской области, близ села Маньково. Когда Евгения Петровича вытащили из-под обломков, он был ещё жив и несколько раз повторил: «Пить... Пить... Пить!» Когда принесли воду, он сделал глоток – и умер. Похороны состоялись неподалёку от места катастрофы, позднее там был установлен обелиск⁴⁸.

Как раз «в те часы, когда Петров летел в Москву, фашистская авиация произвела внезапный и мощный налёт бомбардировщиков на Новороссийскую военно-морскую базу. Наиболее серьёзным следствием этого налёта была гибель лидера “Ташкент”, затонувшего у пирса, где он стоял после возвращения из Севастополя. А ещё через сутки советские граждане, бойцы на всех фронтах, наши союзники, а также враги узнали из специального сообщения “250 дней героической обороны Севастополя” о том, как пал Севастополь и как высоко партия, народ и Верховное Главнокомандование оценили небывалый подвиг защитников города-героя. Не многим дано пройти через испытания, какие выпали на долю Петрова, и до конца остаться самим собой»⁴⁹.

Фронтным очеркам Евгения Петровича Петрова, которому не суждено было стать свидетелем освобождения Севастополя и Великой Победы, присущи не только блестящая литературная форма, ясность и живость изложения, отточенная публицистичность, но

и предельно чётко очерченная гражданская и личная позиция: понимание общенационального, освободительного характера войны, уверенность в грядущей победе советского народа над врагом, беззаветная преданность Родине. Конечно, военный корреспондент потому и «военный», что не имеет права писать абсолютно объективно – собственно, на войне иначе нельзя. В этом отношении чрезвычайно характерным свидетельством профессионального и гражданского кредо Е.П. Петрова-военкора являются его слова, приведённые Р. Бершадским, который привёз в Москву свой очерк о блокадном Ленинграде: «Лично мне представляется неоспоримым, что есть какие-то темы, которые сегодня вообще не надо трогать. Ни за что, будь ты хоть семи пядей во лбу! И дело тут не в таланте. Литературе не может быть безразлична своевременность или несвоевременность выбора темы. Не может! Это как выбор направления главного удара!»⁵⁰ Тем не менее особенности жанра, сходного, скорее, с репортажной фотографией, чем с документальной кинохроникой, очерковая лаконичность формы, специфическая тематика и совершенно определённое – прежде всего, пропагандистское – предназначение военных корреспонденций не мешали их автору давать меткие, исторически точные оценки виденному и пережитому. Так, очерки, посвящённые боям на Западном фронте и битве за Москву, прекрасно отображают эволюцию восприятия советскими людьми нависшей угрозы. В очерке, датированном 25 ноября 1941 г., Е. Петров пишет: «Бои идут очень серьёзные. Но на фронте, от переднего края до штабов, люди полны уверенности. Тогда на Западном фронте, в августе и сентябре, тоже была уверенность. Но то была уверенность гордой нации, сопряжённая с известным добродушием. Звучит это несколько странно, но это именно так: с добродушием мирных людей, для которых убийство, даже на войне, даже самое справедливое из справедливых, – занятие малопривлекательное. [...] Сейчас люди озлобились до такой степени, что не могут слышать слова “немец”. Ненависть к захватчикам сделала каждого бойца крепким как оледеневшая почва, на которой он стоит. Сейчас люди черпают уверенность в своей ненависти»⁵¹.

Сквозной нитью сквозь корреспонденции писателя-военкора проходит параллель: Отечественная война 1812 года – Великая Отечественная война. Так, описывая 29 декабря 1941 г. боевые действия на Малоарслановском направлении, он отмечал: «Наша Отечественная война с немцами всё время наводит на воспомина-

ния о первой Отечественной войне 1812 года»⁵². Вневременный, обобщающий оттенок присущ рассуждению-монологу «Что такое счастье?» (написан 5 января 1942 г.): «Мы хорошо жили на нашей советской земле. Но все ли мы понимаем это? И не было разве среди нас людей, которые не только понимали это, но, напротив, твёрдо считали, что они недостаточно счастливы, что для их счастья чего-то не хватает?»⁵³; «...Люди многое поняли. Женщина из Волоколамска, у которой при советской власти было довольно большое хозяйство, думала, что она недостаточно счастлива при советской власти.

А на самом деле она была очень счастлива! Ей очень хорошо жилось в чистеньком волоколамском домике, в тепле и довольстве, но она не ощущала своего счастья.

Она ощущает его сейчас, когда у неё в доме ничего не осталось. Она счастлива лишь тем, что не будут больше висеть под окнами восемь повешенных»⁵⁴, что никогда больше не услышит она грохота немецких сапог.

Нет счастья без Родины, свободной, сильной Родины. Нет и не может быть.

Люди, которые не понимали этого, поняли это сейчас. Жизнь научила их»⁵⁵.

№ 1 – 3. Очерки Евгения Петрова

№ 1 «Севастополь»

Прошло двадцать дней, как немцы начали наступать на Севастополь. Все эти дни напряжение не уменьшалось ни на час. Оно увеличивается. 86 лет* назад каждый месяц обороны Севастополя был приравнен к году. Теперь к году должен быть приравнен каждый день.

Сила и густота огня, который обрушивает на город неприятель, превосходят всё, что знала до сих пор военная история. Территория, обороняемая нашими моряками и пехотинцами, невелика. Каждый метр её простреливается всеми видами оружия. Здесь нет тыла, здесь есть только фронт. Ежедневно немецкая авиация сбрасывает на эту территорию огромное количество бомб, и каждый день неприятельская пехота идёт в атаку в надежде, что всё впереди снесено

* В 1856 г.

авиацией и артиллерией, что не будет больше сопротивления. И каждый день жёлтая, скалистая сева­стопольская земля снова и снова оживает и атакующих немцев встречает ответный огонь.

Города почти нет. Нет больше Севастополя с его акациями и каштанами, чистенькими тенистыми ули­цами, парками, небольшими светлыми домами и же­лезными балкончиками, которые каждую весну кра­сили голубой или зелёной краской. Он разрушен. Но есть другой, главный Севастополь, город адмирала На­химова и матроса Кошки, хирурга Пирогова и матрос­ской дочери Даши. Сейчас это город моряков и крас­ноармейцев, из которых просто невозможно кого-ни­будь выделить, поскольку все они герои. И если мне хочется привести несколько случаев героизма людей, то потому лишь, что эти случаи типичны.

В одной части морской пехоты командиры взво­дов лейтенант Евтихеев и техник-интендант 2 ранга Глушенко получили серьёзные ранения. Они отказа­лись уйти с поля сражения и продолжали руководить бойцами. Им просто некогда было уйти, потому что враг продолжал свои атаки. Они отмахнулись от сани­таров, как поглощённый работой человек отмахивает­ся, когда его зачем-нибудь зовут.

Пятьдесят немецких автоматчиков окружили наш взвод, где засела горсточка людей. Но эти люди не сда­лись: они уничтожили своим огнём тридцать четыре немца и стали пробиваться к своим только тогда, ког­да у них не осталось ни одного патрона. Удивитель­ный подвиг совершил тут краснофлотец Полещук. Ра­ненный в ногу, не имея ни одного патрона, он пополз прямо на врага и заколол штыком двух автоматчиков.

Краснофлотец Сергейчук был ранен. Он знал, что положение на участке критическое, и продолжал сра­жаться с атакующими немцами. Не знаю, хотел ли он оставить по себе память или же просто подбодрить себя, но он быстро вырвал из записной книжки листок бумаги и написал на нём: «Идя в бой, не буду щадить сил и самой жизни для уничтожения фашистов, за лю­бимый город моряков – Севастополь».

Вообще в эти торжественные и страшные дни лю­дей охватила потребность написать хоть две-три стро­ки. Это началось на одной батарее. Там кто-то взял пор­трет Сталина и написал на нём, что готов умереть, но не пустить немцев в Севастополь. Он подписал под этими строками свою фамилию, за ним то же самое стали де­лать другие. Они снова давали Родине клятву верности, чтобы сейчас же, тут же сдержать её. Они повторяли присягу под таким огнём, которого никто никогда не

испытал. У них не брали присягу, как это бывает обыч­но: они давали её сами, желая показать пример всему фронту и оставить память своим внукам и правнукам.

В сочетании мужества с умением заключена вся сила сева­стопольской обороны лета 1942 г. Сева­стопольцы умеют воевать. Какой знаток военно-морско­го дела поверил бы до войны, что боевой корабль в состоянии подвезти к берегу груз, людей и снаряды, разгрузиться, погрузить раненых бойцов и эвакуи­рованных женщин и детей, сделав всё это в течение двух часов, и вести ещё интенсивный огонь из всех орудий, поддерживая действия пехоты! Кто поверил бы, что в результате одного из сотен короткого ави­ационного налёта, когда немцы сбросили 800 бомб, в городе был всего один раненый! А ведь это факт. Се­ва­стопольцы так хорошо зарылись в землю, так умело воюют, что их не может взять никакая бомба.

Только за первые восемь дней июня на город было сброшено около 9 тысяч авиационных бомб, не считая снарядов и мин. Передний край обороны немцы бомби­ли с ещё большей силой. Не знаю точно, сколько было сброшено бомб и сделано выстрелов по Севастополю и переднему краю за все двадцать дней штурма. Извест­но только, что огонь непрерывно возрастает, и каждый новый день штурма ожесточённее предыдущего.

Немцы вынужденно пишут сейчас, что Сева­стополь – неприступная крепость. Это – не восхищение мужеством противника. Гитлеровцы не способны на проявление таких чувств. Это примитивный приём фашистской пропаганды. Если им удалось бы взять Севастополь, они заорали бы на весь мир: «Мы взя­ли неприступную крепость!» Если они захлебнутся, не смогут войти в город, они скажут: «Мы говорили, что эта крепость неприступна».

На самом деле Севастополь никогда не был кре­постью со стороны суши. Он укрепился с волшебной быстротой уже во время обороны. Восьмой месяц немцы терпят под Севастополем поражение за по­ражением. Они теряют людей втрое, впятеро больше, чем мы. Они обеспокоены и обозлены – Севастополь уже давно обошёл­ся им дороже самой высокой цены, которую они сочли бы разумным за него заплатить. Теперь каждый новый день штурма усугубляет пора­жение немцев, потому что потери, которые они несут, невозможны и рано или поздно должны сказаться.

Двадцать дней длится штурм Севастополя, и каж­дый день может быть приравнен к году. Город дер­жится наперекор всему – теории, опыту, наперекор бешеному напору немцев, бросивших сюда около ты-

сячи самолётов, около десяти лучших своих дивизий и даже сверхтяжёлую, 615-миллиметровую, артиллерию, которая никогда ещё не применялась,

Самый тот факт, что город выдержал последние двадцать дней штурма, есть уже величайшее военное достижение всех веков и народов. А он продолжает держаться, хотя держаться стало ещё труднее.

Когда моряков-черноморцев спрашивают, может ли удержаться Севастополь, они хмуро отвечают:

– Ничего, держимся.

Они не говорят: «Пока держимся». И они не говорят: «Мы удержимся». Здесь слов на ветер не кидают и не любят испытывать судьбу. Это моряки, которые во время предельно сильного шторма на море никогда не говорят о том, погибнут они или спасутся. Они просто отстаивают корабль всей силой своего умения и мужества.

25 июня 1942 г.

Петров Евг. На войне. М., 1942. С. 83–88.

№ 2

«На левом фланге»*

В сравнительно короткий срок я проделал путь от правого фланга великого фронта до его левого фланга – от Баренцева моря до Чёрного.

Даже быстрый полёт на аэроплане не может уменьшить впечатление от географической грандиозности этого расстояния. Организм не может сразу примириться с переменной климата. Совсем недавно я с трудом выскочил на американском вездеходе из майской мурманской вьюги, способной засыпать человека с головой, а также со всеми его записными книжками и пишущей машинкой. Теперь я пишу «где-то на Чёрном море», обливаясь горячим потом, хотя я родился в Одессе и имею некоторый иммунитет по части черноморской жары. Впрочем, июнь выдался здесь исключительно жаркий – в прямом и переносном смысле этого слова. Что касается жары в прямом смысле, я не буду описывать вам ни солнца, которое, в отличие от мурманского, имеет всё же привычку до утра опускаться

в море, ни душных чёрных ночей с большими южными звёздами. Вообразите себе, что я нахожусь «где-то в Калифорнии», и вам сразу всё станет ясно. Что же до жары в переносном смысле, то такое человечество не знало за всю историю своего существования. Я заявляю это с полной ответственностью. Речь идёт о сверхгероической обороне Севастополя, который защищается уже восьмой месяц с нечеловеческим упорством.

Сегодня пошёл двадцать первый день последнего штурма, который предприняли немцы. И двадцать один день на город и передний край обороны, находящийся в непосредственной близости от города, немцы сбрасывают ежедневно столько бомб, сколько англичане сбросили однажды на Кёльн, превратив его в развалины. Всего, следовательно, на Севастополь сброшено в двадцать раз больше бомб, чем на Кёльн. При этом надо помнить, что Севастополь меньше Кёльна раз в пятнадцать и что, кроме бомб, каждый метр обороняемой земли днём и ночью обстреливается из орудий, миномётов и пулемётов. Это был очень красивый, чистенький белый город с военно-морской базой, весь в акациях и каштанах, с памятниками старины, с прекрасным институтом водолечения, с одним из лучших в мире аквариумов, где были собраны представители всех подводных обитателей Чёрного и Средиземного морей. Я пишу «был», потому что его нет больше. Он уничтожен, превращён в пыль. Каким-то чудом уцелели пока старинные белые колонны Графской пристани и большой бронзовый памятник Ленину.

Здесь нет тыла. Здесь есть только фронт, так как простреливается вся территория.

И город всё-таки держится. Он держится наперекор всему – теории, опыту, бешеному желанию немцев взять Севастополь любой ценой. Немцы атакуют его ежедневно со всех сторон. Они сосредоточили вокруг города на небольшом фронте двенадцать лучших своих дивизий и с упорством самоубийц посылают на гибель своих солдат. Потери немцев грандиозны. Они во много раз превышают потери защитников города. Сейчас немцы пустились на хитрость. Они объявили во всеуслышание, что Севастополь – неприступная крепость. Цель их пропаганды ясна – если бы им удалось взять Севастополь, они сказали бы: «Мы взяли неприступную крепость», если они не смогут взять Севастополь, они скажут: «Мы говорили, что крепость неприступна».

Пора внести ясность в этот вопрос. Морская база Севастополь никогда, к сожалению, не была сухопутной крепостью. В этом смысле Севастополь ничем не отличается, скажем, от Сингапура. Полевые укрепления

* Евгений Петров с первых дней нападения Германии на СССР был приглашён американским агентством «Нана» в качестве специального военного корреспондента. Публикуемый здесь очерк «На левом фланге» – последний из написанных им для Америки. В Москву доставлен после смерти автора. (Прим. док.)

создавались вокруг города уже во время его обороны. Немцы пишут о каких-то взятых ими «железобетонных фортах». Для большей правдоподобности они даже дали им какие-то названия. Но никаких фортов они не взяли, так как их не было. В одном месте они блокировали тяжёлую морскую батарею, предназначенную для стрельбы по кораблям; но и её они не взяли. Моряки отказались капитулировать. Они решились умереть, но не поднять белого флага. Быть может, когда пишутся эти строки, немцы подкладывают под казематы аммонал, и жизни патриотов остались считанные минуты. А может быть, их выручат ещё товарищи отчаянной атакой. Хорошо, если бы это было так. Но вот, собственно, и всё, чем могут похвастать немцы.

Вообще же сражение за Севастополь уже давно немцами проиграно. Это звучит несколько парадоксально, но это так. Ещё не взяв города, немцы заплатили за него гораздо больше, чем могли заплатить, если бы действовали разумно. После взятия Керчи они обрушили на город всю освободившуюся авиацию – около тысячи самолётов. Они подготовили штурм, который теоретически невозможно отбить. Штурм начался 2 июня. Пленные в один голос рассказывают, что на 10 июня германское командование назначило в Севастополе парад войск. В то время немцы ещё не писали, что Севастополь «неприступная крепость».

И вот пошел двадцать первый день сплошного штурма, а город всё держится и держится, как тростинка во время урагана, когда вокруг рушатся вековые дубы.

В чём секрет защитников Севастополя? Как невозможное они сделали возможным? Мне кажется, что дело тут не только в безупречном мужестве и готовности умереть, без которых вообще невозможна никакая оборона, но и в удивительном умении воевать, в замечательно верном понимании современной войны, которое проявили защитники Севастополя.

Здесь воюют не только зарывшиеся в жёлтую скалистую землю пехотинцы и перешедшие со своих кораблей моряки (они перенесли в блиндажи весь свой корабельный быт и стараются жить так, как будто они всё ещё находятся на миноносце или крейсере), не только артиллеристы, миномётчики и разведчики, но и жители города. Не подумайте, что жители воюют в полном смысле слова – т.е. стреляют. Нет. Они помогают воевать. Они живут под землёй. Под землёй рабочие ремонтируют подбитые орудия или пулемёты, под землёй пекут хлеб, укачивают детей, выпускают газету. Председатель горисполкома Борисов⁵⁶ (человек, ставший легендарным) руководит жизнью этого подземного города, хирурги про-

изводят операции и выступают артисты. По ночам люди собирают урожай с огородов (редиска растёт здесь прямо на блиндажах) и достают воду из колодцев.

Города нет, но есть люди. Их героизм удивителен. Но ещё удивительнее понимание современной войны, которое проявили руководители города, а за ними и всё население. Секрет в том, что для людей, хорошо закопавшихся в землю, не страшны никакие бомбы. И вся, так сказать, тактика обороны населения заключается в умении использовать каждый час, каждую минуту передышки. И вот этой тактикой сопротивления жители города овладели в полной мере. И именно поэтому количество жертв среди населения сравнительно невелико.

Пошёл двадцать первый день штурма. Держаться становится всё труднее. Возможно, что город всё-таки удержится. Я уже привык верить в чудеса, потому что семь с лишним месяцев обороны Севастополя – военное чудо. Но что бы ни произошло, ясно одно: поражение немцев под Севастополем – совершившийся факт. Если Севастополь будет взят, немцы не найдут там ни одного живого солдата, офицера или моряка. Но потеряют они в три-четыре раза больше людей, как это было до сих пор. И всё равно – поражение немцев под Севастополем останется фактом.

Черноморский флот. 25 июня 1942 г.

Петров Евг. Фронтовой дневник.
М., 1942. С. 123–126.

№ 3 «Прорыв блокады»*

Лидер «Ташкент» совершил операцию, которая войдёт в учебники военно-морского дела как образец дерзкого прорыва блокады. Но не только в учебники войдёт эта операция – она навеки войдёт в народную память о славных защитниках Севастополя как один из удивительных примеров воинской доблести, величия и красоты человеческого духа.

* За несколько дней до своей безвременной гибели Евгений Петров отправился в Севастополь на лидере «Ташкент», который прорвался сквозь кольцо вражеской блокады к осаждённому городу. Вернувшись на этом же корабле на побережье, Евгений Петров начал этот очерк о походе, – последний свой очерк, так и оставшийся недописанным. Он вскоре погиб на посту. Неоконченная рукопись была доставлена в Москву. (Прим. док.)

Люди точно знали, на что они идут, и не строили себе никаких иллюзий. «Ташкент» должен был прорваться сквозь немецкую блокаду в Севастополь, выгрузить боеприпасы, принять на борт женщин, детей и раненых бойцов и, снова прорвав блокаду, вернуться на свою базу.

26 июня, в два часа дня, узкий и длинный голубоватый корабль вышел в поход. Погода была убийственная – совершенно гладкое, надраенное до глянца море, чистейшее небо, и в этом небе занимающее полмира горячее солнце. Худшей погоды для прорыва блокады невозможно было придумать.

Я услышал, как кто-то на мостике сказал: «Они будут заходить по солнцу».

Но ещё долгое время была над нами тишина, и ничто не нарушало ослепительного голубого спокойствия воды и неба.

«Ташкент» выглядел очень странно. Если бы год назад морякам, влюблённым в свой элегантный корабль, как бывает кавалерист влюблен в своего коня, сказали, что им предстоит подобный рейс, они, вероятно, очень удивились бы. Палубы, коридоры и кубрики были заставлены ящиками и мешками, как будто это был не лидер «Ташкент», красивейший, быстрейший корабль Черноморского флота, а какой-нибудь пыхтящий грузовой пароход. Повсюду сидели и лежали пассажиры. Пассажир на военном корабле! Что может быть более странного! Но люди уже давно перестали удивляться особенностям войны, которую они ведут на Чёрном море. Они знали, что ящики и мешки нужны сейчас защитникам Севастополя, а пассажиры, которых они везут, – красноармейцы, которые должны хоть немного облегчить их положение.

Красноармейцы, разместившись на палубах, сразу же повели себя очень самостоятельно. Командир и комиссар батальона посовещались, отдали приказание, и моряки увидели, как красноармейцы-сибиряки, никогда в жизни не видевшие моря, потащили на нос и корму по станковому пулемёту, расставили по бортам лёгкие пулеметы и расположились так, чтобы им было удобно стрелять во все стороны. Войдя на корабль, они сразу же стали рассматривать его как занятую ими территорию, а море вокруг – как территорию, занятую противником. Поэтому они по всем правилам военного искусства подготовили круговую оборону. Это понравилось морякам. «Вот каких орлов везём!» – говорили они.

И между моряками и красноармейцами сразу же установились приятельские отношения.

В четыре часа сыграли боевую тревогу. В небе появился немецкий разведчик. Раздался длинный, тонкий

звоночек, как будто сквозь сердце быстро продёрнули звенящую медную проволочку. Захлопали зенитки. Разведчик растаял в небе. Теперь сотни глаз через дальномеры, стереотрубы и бинокли ещё внимательнее следили за небом и морем. Корабль мчался вперёд в полной тишине навстречу неизбежному бою. Бой начался через час. Ожидали атаки торпедоносцев, но прилетели дальние бомбардировщики «хейнкели». Их было тринадцать штук. Они заходили со стороны солнца и, очутившись над кораблём, сбрасывали бомбы крупного калибра (мне показалось, как-то неторопливо сбрасывали).

Теперь успех похода, судьба корабля и судьба людей на корабле – всё сосредоточилось в одном человеке. Командир «Ташкента», капитан 2 ранга Василий Николаевич Ерошенко, человек среднего роста, широкоплечий, смуглый, с угольного цвета усами, не покидал мостика. Он быстро, но не суетливо переходил с правого крыла мостика на левое, щурясь, смотрел вверх и вдруг, в какую-то долю секунды приняв решение, кричал силным сорванным голосом:

– Лево на борт!

– Есть лево на борт! – повторял рулевой.

С той минуты, когда началось сражение, рулевой, высокий голубоглазый красавец, стал выполнять свои обязанности с особенным шиком. Он быстро поворачивал рулевое колесо. Корабль, содрогаясь всем корпусом, отворачивал, проходила та самая секунда, которая, как положено в банальных романах, кажется людям вечностью, и справа или слева, или впереди по носу, или за кормой в нашей струе поднимался из моря грязновато-белый столб воды и осколков.

– Слева по борту разрыв! – докладывал сигнальщик.

– Хорошо, – отвечал командир.

Бой продолжался три часа почти без перерывов. Пока одни «хейнкели» бомбили, заходя на корабль по очереди, другие улетали за новым грузом бомб. Мы жаждали темноты, как жаждет человек в пустыне глотка воды. Ерошенко неумоимо переходил с правого крыла на левое и, прищурившись, смотрел в небо. И за ним поворачивались сотни глаз. Он казался всемогущим, как бог. И вот один раз, проходя мимо меня между падением двух бомб, бог 2 ранга вдруг подмигнул чёрным глазом, усмехнулся, показав белые зубы, и крикнул: «Ни черта! Я их всё равно обману!»

Он выразился более сильно, но не всё, что говорится в море во время боя, может быть опубликовано в печати.

Всего немцы сбросили сорок крупных бомб, примерно по одной бомбе в четыре минуты. Сбрасывали они очень точно, потому что, по крайней мере, десять

бомб упали в то место, где бы мы были, если бы Ерошенко вовремя не отворачивал. Последняя бомба упала далеко по левому борту уже в сумерках, при свете луны. А за десять-пятнадцать минут до этого мы с наслаждением наблюдали, как один «хейнкель», весь в розовом дыму, повалился вслед за солнцем в море.

Бомбардировка окончилась, но напряжение не уменьшилось. Мы приближались к Севастополю. Уже была ночь, и в небе стояла громадная луна. Силуэт нашего корабля отлично рисовался на фоне лунной дорожки. Когда он был примерно на траверзе Балаклавы, сигнальщик крикнул:

– Справа по борту торпедные катера!

Орудия открыли огонь. Трудность положения заключалась в том, что ночью нельзя увидеть торпеду и отвернуть от неё. Мы ждали, но взрыва не было. Очевидно, торпеды прошли мимо. Корабль продолжал идти полным ходом. Катеров больше не стало видно. Вероятно, они отстали.

И вот мы увидели в лунном свете кусок скалистой земли, о котором с гордостью и состраданием думает сейчас вся наша советская земля. Я знал, как невелик севастопольский участок фронта, но у меня сжалось сердце, когда я увидел его с моря. Таким он казался маленьким. Он был очень чётко обрисован непрерывными вспышками орудийных залпов. Огненная дуга. Её можно было охватить глазом, не поворачивая головы. По небу непрерывно двигались прожектора, и вдоль них медленно текли вверх огоньки трассирующих пуль. Когда мы пришвартовались к пристани и прекратился громкий шум машины, сразу стала слышна почти непрерывная канонада. Севастопольская канонада июня 1942 года!

Командир всё ещё не уходил с мостика, потому что бой, в сущности, продолжался. Был только новый этап его. Нужно было войти туда и пришвартоваться там, куда до войны никто не решался бы войти на таком корабле, как «Ташкент», и где ни один капитан в мире не решился бы пришвартоваться. Нужно было выгрузить груз и людей. Нужно было успеть взять раненых и эвакуируемых женщин и детей. И нужно было сделать это с такой быстротой, чтобы можно было уйти ещё затемно. Командир знал, что немцы будут ждать нас утром, что уже готовятся самолёты, подвешиваются бомбы. Хорошо, если это будут «хейнкели». А если пикирующие бомбардировщики? Командир знал, что каким курсом он ни пойдёт из Севастополя, он всё равно будет обнаружен. Встречи избежать нельзя, и немцы сделают всё, чтобы уничтожить нас на обратном пути. Я видел, как стоял командир

на мостике и следил за разгрузкой. Его напряжённое лицо было освещено луной. Двигались скулы. О чём он думал, глядя, как по сходням, поддерживая друг друга, всходили на корабль легкораненые, как несли на носилках тяжелораненых, как шли матери, прижимая к груди спящих детей? Всё это происходило почти в полном молчании. Разговаривали вполголоса. Корабль был разгружен и погружен в течение двух часов. Командир взял на борт две тысячи человек. И каждый из них, проходя на корабль, поднимал голову, ища глазами мостик и командира на нём.

Василий Николаевич Ерошенко отлично знал, что такое гибель корабля в море. В своё время он командовал небольшим кораблём, который затонул от прямого попадания неприятельской бомбы. Тогда Ерошенко отстаивал свой корабль до конца, но не смог отстоять. Он к тому же был серьёзно ранен. Корабль пошёл ко дну. Ерошенко спас команду, а пассажиров тогда не было. Он последним остался на мостике и прыгнул в море только тогда, когда мостик стал погружаться. Он зажал тогда в одной руке партийный билет, а в другой револьвер, так как решил застрелиться, если выбьется из сил и станет тонуть. Тогда его спасли. Но что делать теперь? Теперь у него пассажиры – женщины, дети, раненые. Теперь надо будет спасать корабль или идти вместе с ним на дно.

Корабль вышел из Севастополя около двух часов...

Петров Евг. На войне. М., 1942. С. 89–96.

¹ Так в тексте.

² Так в тексте.

³ *Петров Е.* Накануне войны // *Петров Е.* На войне. М., 1942. С. 25.

⁴ *Он же.* На войне. М., 1942.

⁵ *Он же.* Накануне войны // *Петров Е.* На войне. С. 6–25; *Он же.* Вместо предисловия // *Петров Е.* Фронтной дневник. М., 1942. С. 5–17.

⁶ В очерке содержится интересное сравнение Германии 1928 г. с Германией образца ранней весны 1942 г.: «Уже в вагоне немецкого поезда стало ясно, что Германия совсем не похожа на ту, которую я видел и знал до прихода гитлеровцев к власти... Сколько понадобилось Гитлеру издевательств и поборов, как превосходно удалось отрегулировать систематическое многолетнее недоедание (на грани голода), как сильно завинтить пресс духовного удушья, чтобы превратить весёлую, общительную берлинскую толпу в этих безмолвных одиночек, уныло бредущих по улицам. Вы никогда не увидите в Берлине не то что толпы, но даже трёх-четырёх оживлённо разговаривающих людей. Исчезли компании. Исчезла видимая связь между людьми.

Людей нет. Есть человеки. И каждый замкнут в самом себе. По улицам идут несгораемые шкафы мыслей и чувств. И кажется, что шифр от этих шкафов и ключи к ним утеряны навеки. К счастью, я ошибался. Ключи не были утеряны. Люди, оказывается, не только общались, но даже красноречиво высказывали своё мнение. В один из первых же вечеров я попал в кинотеатр. Шла документальная картина – разгром Франции – «Победа на Западе». [...] Я не услышал не только оваций, но и аплодисментов, я не услышал ни одного хлопка» (Петров Е. Вместо предисловия // Петров Е. Фронтовой дневник. С. 6, 8).

⁷ Вулис А. Комментарии // Ильф И., Петров Е. Собр. соч. Т. 5. М., 2003. С. 645.

⁸ Петров Е. Севастополь // Петров Е. На войне. С. 83–88; Он же. Двадцать дней // Петров Е. Фронтовой дневник. С. 120–123.

⁹ Он же. На левом фланге // Петров Е. Фронтовой дневник. С. 123–126.

¹⁰ Он же. Прорыв блокады // Петров Е. На войне. С. 89–96; Он же. Прорыв блокады // Петров Е. Фронтовой дневник. С. 127–131.

¹¹ Ардов В. Чудодеи // Об Илье Ильфе и Евгении Петрове: Сб. М., 1963. С. 215.

¹² Галанов Б. Илье Ильф и Евгений Петров. М., 1961. С. 277.

¹³ Петров Е. Фронтовой дневник. С. 123 (подстрочное примечание). Во времена холодной войны об этом факте упоминалось, но очень вскользь (см., напр.: Галанов Б. Указ. соч. С. 278). В конце 1935 г. И. Ильф и Е. Петров совершили совместную поездку в США. За два месяца они проехали «десять тысяч миль, побывали в 25 штатах и в нескольких сотнях городов, перевалили через Скалистые горы». 9 августа 1935 г. высшее большевистское руководство СССР разрешило заграничную командировку трёх советских писателей. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело пункт «О заграничной командировке писателям Ильфу, Петрову и Никулину» и постановило: «Не возражать против заграничной командировки по литературным заданиям писателям И. Ильфу, Е. Петрову и Л. Никулину, выдав им 2400 руб. в валюте» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 970. Л. 63). По итогам полученных впечатлений от поездок и, в частности, общения с Эрнестом Хемингуэем, Генри Фордом, Эптоном Синклером, Линкольном Стеффенсом и Альбертом Р. Вильямсом была написана «Одноэтажная Америка», принёсшая творческому тандему Ильфа и Петрова всесоюзную известность (Галанов Б. Указ. соч. С. 235).

¹⁴ В.Л. Катаева-Петрова.

¹⁵ Ардов В. Указ. соч. С. 216.

¹⁶ Эренбург И. Из книги // Об Илье Ильфе и Евгении Петрове: Сб. М., 1963. С. 185.

¹⁷ Кригер Е. В дни войны // Об Илье Ильфе и Евгении Петрове: Сб. М., 1963. С. 276.

¹⁸ Мунблит Е. Илье Ильф. Евгений Петров // Об Илье Ильфе и Евгении Петрове: Сб. М., 1963. С. 242, 243.

¹⁹ Симонов К. Военный корреспондент // Об Илье Ильфе и Евгении Петрове: Сб. М., 1963. С. 301.

²⁰ Эренбург И. Из книги. С. 185.

²¹ В значении *прил.* немощный (от *фр.* *gamolli* – расслабленный, немощный человек).

²² РГАЛИ. Ф. 2559. Оп. 1. Д. 3. Л. 17. Автограф простым карандашом.

²³ Имеется в виду СНИС – служба наблюдения и связи.

²⁴ В значении *нареч.* галопом (у казаков: название конского галопа – намет).

²⁵ Речь идёт о событиях Гражданской войны.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 2559. Оп. 1. Д. 3. Л. 18–20.

²⁷ Исаков И. Последние часы // Об Илье Ильфе и Евгении Петрове: Сб. М., 1963. С. 308.

²⁸ Там же. С. 309.

²⁹ Ефимов Бор. Москва, Париж, кратер Везувия // Об Илье Ильфе и Евгении Петрове: Сб. М., 1963. С. 177, 178.

³⁰ Исаков И. Последние часы. С. 310.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. С. 311.

³⁴ Там же. С. 311, 312.

³⁵ Там же. С. 312.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 313.

³⁸ Там же. С. 316.

³⁹ Там же. С. 318.

⁴⁰ Там же. С. 319.

⁴¹ Там же. С. 319, примеч.

⁴² Там же. С. 322.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 323, 324.

⁴⁵ Эренбург И. Из книги. С. 185.

⁴⁶ Исаков И.С. Последние часы // На страже Родины. 1962. 14 октября.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 2559. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

⁴⁸ Галанов Б. Указ. соч. С. 283, 284.

⁴⁹ Исаков И. Последние часы. С. 327.

⁵⁰ Бершадский Р. Редактор // Об Илье Ильфе и Евгении Петрове: Сб. М., 1963. С. 288.

⁵¹ Петров Е. За нами Москва // Петров Е. Фронтовой дневник. С. 39.

⁵² Он же. Ответ огнём? // Петров Е. Фронтовой дневник. С. 56.

⁵³ Там же. С. 58.

⁵⁴ Имеются в виду восемь советских патриотов, которых гитлеровцы повесили и 45 дней не снимали с виселицы.

⁵⁵ Петров Е. Что такое счастье? // Петров Е. Фронтовой дневник. С. 63.

⁵⁶ Созданный по указанию ЦК ВКП(б) городской комитет обороны под председательством секретаря горкома партии Б.А. Борисова обратился к защитникам и трудящимся Севастополя с призывом проявить стойкость в защите родного города, драться упорно, до последней капли крови. Командование флотом и городской комитет обороны предприняли энергичные меры к отражению наступающего противника.

В.А. Арцыбашев

«Сломив сопротивление немецких захватчиков...»: Герои Советского Союза – участники боевых действий в Крыму

После окончания Великой Отечественной войны Институт истории партии МГК ВКП(б) проводил анкетирование Героев Советского Союза, проживавших на территории столицы и входивших в Московскую организацию ВКП(б). В настоящей подборке публикуются документы о четырёх гражданах СССР, принимавших участие в десантировании на Керченский полуостров, в боях за Крым и Севастополь. Все документы выявлены в отделе хранения документов общественно-политической истории Москвы Центрального государственного архива города Москвы.

№ 1. Учётная карточка Института истории партии МГК ВКП(б) на Героя Советского Союза, участника Великой Отечественной войны А.Т. Айриева¹ с приложением автобиографии

6 октября 1947 г.

1. Фамилия, имя и отчество: Айриев Армен Теванович.
2. Год и место рождения: 1910 г., Автономная обл. Нагорный Карабах, с. Туг, Карягинский р-н.
3. Национальность: армянин.
4. Образование: 7 классов.
5. Партийность: член ВКП(б), с какого года: 1932 г. № партбилета: 0291792. В какой парторганизации состоит на партучёте и адрес: политотдел ВЛТК*.
6. Были ли колебания в проведении линии партии и участвовали ли в оппозициях (каких, когда): нет.
7. Имели ли партвызыскания (когда, за что): нет.
8. В какой части и в качестве кого принимали участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: 232-й шап**, в качестве ком[андира] звена и впоследствии помощника командира 503-го шап.
9. Какие имеются награды и за что: 1. Орден Красного Знамени за Москву; 2. Орден Красного Знамен[ени] за Сталингр[ад]; 3. Орден Ленина и [медаль] «Золотая Звезда» за Севастополь; 4. Орден

Александра Невского за руководство в бою; 5. Орден Красной Звезды за выслугу лет.

10. Где и в качестве кого Вы работали до Великой Отечественной войны 1941 г.***: 232-й шап, в качестве рядового лётчика, г. Кировоград².

11. На какую тему можете написать работу о Великой Отечественной войне: Боевые действия штурмовой авиации под Москвой и в Сталинграде.

12. Семейное положение: женат.

13. Адрес местожительства, номер телефона: г. Липецк Воронеж[ской] обл., п/п 75316.

Подпись: Айриев

Приложение

Автобиография

Я родился в 1910 г. в семье крестьянина-бедняка, автономная обл. Нагорный Карабах, с. Туг, Карягинский р-н. Родители мои умерли в 1914 г., остались мы с младшим братом на иждивении бабушки. Бабушка не в состоянии была [меня] воспитать***, [и] я вынужден был работать батраком по 1923 г. В 1924 г. меня тётя забрала к себе в г. Самарканд, где начал учиться по 1928 г. В 1928 г. поступил в з[а-во]д «Дехканин» учеником по слесарному делу, где работал и учился в вечернем рабфаке по 1931 г.; с 1931 г. добровольно ушёл в Красную Армию, служил в Ташкенте в авиачасти и при авиачасти окончил ШМАС**** В 1932 г. работал мотористом и одновременно окончил курсы авиамехаников и авиамехаником работал по октябрь 1938 г. С 1938 г. учился в лётной школе г. Энгельс³, окончил школу [в] 1940 г. и осенью 1940 г. получил назначение в г. Кировоград, в 232-й шап, где работал рядовым лётчиком по май 1942 г. С 5 мая 1942 г. получил назначение в 503-й шап, зам[естителем] ком[андира] эскадрильи, [с] сентября 1942 г. – командиром эскадрильи по 1944 г.,

*** Так в тексте в этой и остальных публикуемых анкетах.

**** Так в тексте, следует – поднять.

***** ШМАС – школа младших авиационных специалистов.

* ВЛТК – Высшие лётные технические курсы.

** Шап – штурмовой авиационный полк.

и [с] 1944 г. – помощником ком[андира] полка. Июнь 1946 г. – зам[еститель] ком[андира] 954-го шап. С октября 1946 г. был назначен на курсы усовершенствования, где нахожусь и по сей день.

Участник Отечественной войны с 22 июня 1941 г. по май 1945 г.

На фронтах: Юго-Западный, Западный, Брянский, Воронежский, Сталинградский, Южный, Северо-Кавказский, Южный, Прибалтийский⁴.

Боевых вылетов имею 216.

В плену не был.

Имею семью: жена Айриева Анна Васильевна, сын Айриев Олег Арменович, 6 лет.

Родители жены: отец погиб в Великой Отечественной войне в 1942 г. Мать и две сестры работают в колхозе Саратовской обл.

Мой брат, Айриев Андроник Теванович, 1911 г. [рождения]. Проживает в г. Баку, работает на нефтяных промыслах.

Брат на фронте не участвовал*.

Родственников за границей нет.

Связей с заграничной не имею.

Репресси[рован]ных и подсудимых нет.

6 октября 1947 г.

Айриев

ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 9.

Л. 1–1 об., 2–2 об.

Подлинник. Автобиография – автограф.

ции состоит на партучёте и адрес: Железнодорожный РВК**, Краснопрудная ул., д. 4.

6. Были ли колебания в проведении линии партии и участвовали ли в оппозициях (каких, когда): не участвовал.

7. Имели ли партвызыскания (когда, за что): не имел.

8. В какой части и в качестве кого принимали участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: 1-й гв[ардейский] стр[елковый] полк 2-й гв[ардейской] стр[елковой] див[изии], от командира взвода до зам[естителя] ком[андира] батальона по строевой части.

9. Какие имеются награды и за что: «Красная Звезда» за взятие г. Новороссийска, «Отечественная война» II ст[епени] за взятие г. Анапы, медали «За оборону Кавказа», «За победу над Герман[ией]».

10. Где и в качестве кого Вы работали до Великой Отечественной войны 1941 г.: г. Москва, городское строительство мостов, слесарь.

11. На какую тему можете написать работу о Великой Отечественной войне: О героических подвигах в борьбе с немецкими захватчиками.

12. Семейное положение: женат.

13. Адрес местожительства, номер телефона: [...]***

Подпись: Воронков

9 февраля 1948 г.

Приложение 1

№ 2. Учётная карточка Института истории партии МГК ВКП(б) на Героя Советского Союза, участника Великой Отечественной войны И.С. Воронкова⁵ с приложением автобиографии и наградного листа

Автобиография

30 мая 1947 г.

9 февраля 1948 г.

1. Фамилия, имя и отчество: Воронков Иван Семёнович.

2. Год и место рождения: 1918, Пензенская обл., Салтыковский р-н, с. Песчанка.

3. Национальность: русский.

4. Образование: 7 кл[ассов].

5. Партийность: член ВКП(б), с какого года: 1943 г. № партбилета: 8999017. В какой парторганизации

Воронков Иван Семёнович, родился 15 мая 1918 г. в семье крестьянина Тамбовской губернии, Шацкого уезда, Чернопосельской волости, с. Песчанка.

Отец – Воронков Семён Иванович, до революции 1917 г. и после занимался сельским хозяйством. В настоящее время в колхозе.

Я в 1925 г. поступил учиться в начальную школу, окончил её и перешёл в неполную среднюю школу. В 1934 г. окончил 7 классов.

** РВК – районный военный комиссариат.

*** Здесь и далее сведения личного характера не публикуются.

* Так в тексте, следует – не был.

В 1935 г. выехал в г. Москву и поступил работать в Управление «Мосгорстрой», где работал в качестве землекопа, моториста и слесаря по 1938 г.

В 1936 г. поступил в члены ВЛКСМ.

В 1938 г. был призван в Красную Армию и зачислен в пограничные войска НКВД.

С 1938 г. по 1941 г. служил красноармейцем в 38-м Ахалцихском погранотряде⁶.

В 1940 г. был переведён из членов ВЛКСМ в кандидаты в члены ВКП(б).

За время службы на границе имел ряд благодарностей.

В 1941 г. [меня], как лучшего бойца-пограничника, направили в Пограничное училище им. С.М. Кирова, г. Орджоникидзе⁷, где был курсантом до 1942 г.

В 1942 г. окончил пограничное училище, где [мне] присвоили звание младший лейтенант и направили в 275-й стрелковый полк 11-й сд* войск НКВД на должность командира стрелкового взвода в г. Краснодар.

С 1942 г. по 1944 г. принимал участие в Отечественной войне с немецкими захватчиками, в обороне Крыма и Кавказа.

В 1943 г. был принят в члены ВКП(б).

За участие в Отечественной войне отмечен правительственными наградами: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1943 г. присвоено звание Героя Советского союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией».

В боях за Советскую Родину имею одно лёгкое ранение, две контузии.

С 1944 г. по май м[еся]ц 1944 г. находился на излечении в госпиталях. В мае м[еся]це 1944 г. по выздоровлении был направлен на курсы «Выстрел»⁸, где учился по декабрь м[еся]ц 1944 г.

С декабря 1944 г. по январь 1945 г. находился на излечении в Главном военном коммунистическом госпитале г. Москвы. С января м[еся]ца с.г. по февраль м[еся]ц находился в распоряжении отдела кадров Московского военного округа.

По предписанию Московского военного округа от 17 февраля 1945 г. назначен на должность начальника 4-й части Кировского райвоенкомата г. Москвы.

В настоящее время работаю в Железнодорожном райвоенкомате г. Москвы начальником 2-й части.

Герой Советского Союза
гвардии капитан

И. Воронков

30 мая 1947 г.

Под автобиографией: «Подпись руки Героя Советского Союза гвардии капитана Воронкова Ивана Семёновича заверяю.

Пом[ощник] военного комиссара полковник Чибисов. 3.6.1947 г.».

Приложение 2

Наградной лист

Не позднее 17 ноября 1943 г.

1. Фамилия, имя и отчество – Воронков Иван Семёнович.

2. Воинское звание – гвардии старший лейтенант.

3. Должность, часть – командир стрелковой роты гвардейского стрелкового полка.

Представляется к званию Героя Советского Союза.

4. Год рождения – 1918.

5. Национальность – русский.

6. Партийность – член ВКП(б) с 1943 г.

7. Участие в Гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) – в Гражданской войне не участвовал; в Отечественной войне – с июля 1942 г. по август 1942 г. – Южный фронт⁹, с августа 1942 г. – Северо-Кавказский фронт.

8. Имеет ли ранения и контузии – ранен 10.11.1942 г., находится в строю.

9. С какого времени в Красной Армии – с 1938 г., НКВД.

10. Чем ранее награждён (за какие отличия) – орденом Отечественной войны II степени – 27.10.1943 г., орденом Красной Звезды – от 29.10.1943 г. за успешное выполнение боевой задачи за города.

11. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи: [...].

1. Краткое и конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

*Сд – стрелковая дивизия.

В наступательном бою за овладение «Голубой линией» обороны противника¹⁰ на [Таманском] полуострове с 16 сентября 1943 г. по 9 октября 1943 г. т. Воронков показал образцы мужества, храбрости и героизм в уничтожении фашистских захватчиков.

18 сентября 1943 г. в бою за станицу Новороссийского района Краснодарского края т. Воронков, командуя ротой, взаимодействуя с танками, штурмом преодолел сопротивление немецкой обороны на подступах к станице, сломив сопротивление немецких захватчиков, ворвался в станицу, уничтожил 80 немецких солдат и офицеров, 10 гитлеровцев взял в плен.

В бою за город [Анапу] 22 сентября 1943 г. т. Воронков со своей ротой, преследуя врага по пятам, ворвался в город и, ведя уличные бои, очищая квартал за кварталом, уничтожил 45 немецких захватчиков, захватил 2 орудия ПТ*, 3 станковых пулемёта, склад с продовольствием и фуражом.

В ночь на 3 ноября 1943 г. т. Воронков, возглавляя штурмовую группу в условиях штормовой погоды в проливе, преодолевая минированные водные участки, под сильным огнём противника форсировал Керченский пролив и, высадившись на восточном берегу Керченского полуострова, преодолев крутые выступы берега, стремительным броском вперёд, огнём своего оружия сломил упорное сопротивление немецкой обороны в районе высоты на подступах к селу, уничтожив 40 гитлеровцев.

При форсировании пролива катер, на котором находилось командование батальона, подорвался на немецких минах, в результате чего батальон остался без руководства. Тов. Воронков, проявляя свою инициативу и находчивость, принял на себя командование батальоном, возглавил руководство штурмовыми группами и быстро повёл их в атаку на врага.

3, 4 и 5 ноября 1943 г. батальон под руководством т. Воронкова отразил более 10 контратак пехоты и танков противника и стремительным броском сломил сопротивление немцев, вместе с другими подразделениями полка овладел важным стратегическим пунктом – высотой 175,0 и селением, истребил 120 немецких захватчиков, захватил в плен 9 немцев, взял трофеи: орудий зенитных – 2, прожекторов – 1, 3 станковых пулемёта и 5 ручных пулемётов.

* Так в тексте. Имеется в виду 2 противотанковых орудия противника.

За проявленный личный героизм и мужество, а также умелое руководство штурмовыми группами по овладению восточным берегом Керченского полуострова т. Воронков достоин представления к званию Героя Советского Союза.

Дело № 97/68, с. 16.

Указ от 17.XI.1943 г.

Сверка произведена правильно:
машинистка МВС**

Артамонова.

С подлинным верно:
научный сотрудник Ин[ститу]та
истории партии МГК ВКП(б)
10.IX.1948 г.

Хромов.

ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 206.

Л. 1–2 об., 5, 6.

Учётная карточка – подлинник.

Автобиография и наградной лист – заверенные копии.

№ 3. Наградной лист Героя Советского Союза, участника Великой Отечественной войны И.Г. Похлебаева¹¹

17 ноября 1944 г.

Фамилия, имя и отчество – Похлебаев Иван Григорьевич.

Военное звание – гвардии старший лейтенант.

Должность, часть – заместитель командира авиаэскадрильи 101-го гвардейского истребительного авиационного полка.

Представляется к присвоению звания Герой Советского Союза.

1. Год рождения – 1917.

2. Национальность – русский.

3. С какого времени состоит в Красной Армии – с декабря 1940 г.

4. Партийность – член ВКП(б) с 1944 г.

5. Участие в боях (где и когда) – в Отечественной войне с 04.09.1942 г., Северо-Кавказский фронт – Отдельная Приморская армия.

** МВС – Министерство Вооружённых сил.

6. Имеет ли ранения и контузии – подбит в воздушном бою 11.03.1943 г. В результате получил ожог лица, рук.

7. Чем ранее награждён (за какие отличия) – орденом Красной Звезды в марте 1943 г. прик[азом] 4-й ВА* № 019/н, орденом Красного Знамени, прик[азом] 4-й ВА № 06/н от 16.02.1944 г.

8. Каким РВК призван – кадровый.

9. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению или его семьи – [...]. Мать – Похлебаева Анна Даниловна.

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Гвардии старший лейтенант Похлебаев участвует на фронте Отечественной войны с 04.09.1942 г. Всего произвёл 138 боевых успешных вылетов на самолётах: И-16 – 39, «Аэрокобра»¹² – 99, из них: на штурмовку войск аэродромов и техники противника – 10, участвовал в 42 воздушных боях, в которых лично сбил 18 самолётов противника: Ме-109 – 5, Ю-87 – 1, Фв-190 – 12.

За образцовое выполнение боевых заданий командования в Отечественной войне в период с 04.09.1942 г. по 24.04.1943 г. произвёл 39 боевых вылетов на самолёте И-16, за что награждён орденом Красной Звезды.

В боях за Крым на самолёте «Аэрокобра» с 20.11.1943 г. по 28.01.1944 г. произвёл 49 успешных боевых вылетов, участвовал в 13 воздушных боях, в которых лично сбил 6 самолётов противника, из них: Ю-87 – 1, Ме-109 – 1, Фв-190 – 4, за что награждён орденом Красного Знамени.

После представления к последней правительственной награде, т.е. с 01.02.1944 г. по 26.04.1944 г., на самолёте «Аэрокобра» произвёл 50 успешных боевых вылетов, участвовал в 29 воздушных боях, в которых лично сбил 12 самолётов противника, из них: Ме-109 – 4, Фв-190 – 8.

09.01.1944 г., прикрывая плавсредства в Керченском проливе, две «Аэрокобры» встретили четыре Ме-109; в завязавшемся воздушном бою Похлебаев лично сбил один Ме-109, который упал в районе южнее Керчь. Подтверждает 1344-й полк ПВО**:

* ВА – воздушная армия.

** ПВО – противовоздушная оборона.

25.01.1944 г. в 16.00, прикрывая свои войска в районе Керчь, группа в составе четырёх самолётов «Аэрокобра», возглавляемая Похлебаевым, встретила десять Ю-87, пытавшихся бомбить боевые порядки наших войск. Четыре «Аэрокобры» решительным ударом опрокинули противника; в этом бою Похлебаев лично сбил один Ю-87. Самолёт упал в с. Катерлез. Подтверждают лётчики – гвардии лейтенант Иванов, гвардии мл[адшие] лейтенанты Степанов, Дементьев.

В 16.05 два Фв-190 вошли в пикирование по нашим войскам восточнее Булганак, в это время группа Похлебаева вошла им в хвост, и в момент выхода Фв-190 из пикирования Похлебаев в упор расстрелял одного Фв-190, который упал в районе ж.д., западнее Керчь. Подтверждают лётчики – гв[ардии] лейтенант Иванов, гвардии мл[адшие] лейтенанты Степанов, Дементьев.

28.01.1944 г., прикрывая четвёркой свои войска в районе Керчь, четыре Фв-190 пытались уйти на запад бреющим полётом. Похлебаев пикированием снизился с 3000 м, настиг фашистских стервятников и меткой очередью расстрелял один Фв-190, который врезался в землю в районе Катерлез. Продолжая преследовать врага, Похлебаев догнал второго, который после двух атак загорелся и развалился в воздухе.

Во втором вылете группа Похлебаева встретила два Фв-190, которые после сбрасывания бомб пытались уйти бреющим полётом в западном направлении. Одному Фв-190 удалось уйти за линию фронта, но Похлебаев решил: «Не уйдёшь!» и, презируя опасность сильного зенитного огня противника, на высоте 200 м догнал его за линией фронта и в упор расстрелял Фв-190, который упал южнее ст. Ташлы-Яр.

Этот бой происходил на глазах наших войск, которые восхищались отличной работой сталинских соколов. Командующий Отдельной Приморской армией и командующий 4-й воздушной армией наблюдали лично за этим боем и прислали т. Похлебаеву поздравительную телеграмму. В этот день в двух воздушных боях гвардии старший лейтенант Похлебаев сбил три самолёта противника типа Фв-190, из них падение двух самолётов подтверждает станция наведения¹³ и падение третьего подтверждают лётчики – гвардии лейтенант Иванов, гвардии мл[адшие] лейтенанты Степанов, Дементьев.

05.02.1944 г. при выполнении задания по разведке в районе Керчь двумя самолётами «Аэрокобра»

были атакованы два Ме-109. Похлебаев на пикировании догнал одного Ме-109 и с короткой дистанции сбил его. Самолёт упал в районе восточнее Багерovo. Подтверждает станция наведения.

06.02.1944 г., прикрывая свои войска в районе Керчь, группа Похлебаева встретила два Ме-109, и в завязавшемся с ними воздушном бою Похлебаев сбил один Ме-109, последний упал в районе Александровка. Подтверждает станция наведения.

07.02.1944 г., прикрывая свои войска в районе Керчь, в составе четырёх «Аэрокобр» Похлебаев, находясь на высоте 3500 м, заметил, что на высоте 1500 м находится Фв-190. Похлебаев с пикированием начал догонять Фв-190, который, заметив группу Похлебаева, начал уходить со снижением на юго-запад. Похлебаев, догнав Фв-190, с дистанции 50–30 м сбил его, [последний] упал в районе Александровка. Подтверждает станция наведения.

08.02.1944 г. четыре самолёта «Аэрокобра», ведомые Похлебаевым, вели воздушный бой с шестью Фв-190 в 4 км южнее Мама Русская. Догнав противника на бреющем полёте, Похлебаев сбил одного Фв-190, который упал в районе Мама Русская. Подтверждают лётчики – гвардии лейтенант Иванов, гвард[ии] мл[адший] лейтенант Чуприн.

В этот же день в другом вылете Похлебаев, будучи ведущим, встретил четыре Фв-190, которые, заметив группу Похлебаева, с левым разворотом, снижаясь, начали уходить на запад. Похлебаев, зайдя в хвост одному Фв-190, с дистанции 50–30 м расстрелял его. Самолёт противника упал восточнее высоты 106,8. Подтверждает станция наведения.

13.02.1944 г., ведя воздушную разведку двумя самолётами «Аэрокобра» в районе ж.-д. [ст.] Владиславовка, будучи ведущим, Похлебаев встретил четыре Фв-190, которые шли на перехват пары Похлебаева. Похлебаев развернулся в западном направлении, догнал одного Фв-190 и с короткой дистанции сбил его, [последний] упал в 3 км восточнее Шубино-Байгоджа. Подтверждает гвардии лейтенант Иванов.

14.02.1944 г., прикрывая свои войска в районе Керчь, будучи ведущим четырёх самолётов «Аэрокобра», [Похлебаев] заметил два Ме-109, которые шли с курсом на запад. Похлебаев сверху сзади атаковал одного Ме-109, который, пытаясь выйти из-под удара, подставил свой «живот»; Похлебаев в это время в упор расстрелял Ме-109, последний упал в районе Чурбаш. Подтверждают гвардии лейтенант Иванов, гв[ардии] мл[адшие] лейтенанты Степанов, Дементьев.

15.02.1944 г., прикрывая свои войска в районе Керчь, будучи ведущим четырёх самолётов «Аэрокобра», [Похлебаев] встретил четыре Ме-109, которые пытались набрать высоту для атаки на группу Похлебаева. Похлебаев со своим ведомым также стал набирать высоту, а ведущему второй пары приказал уйти ниже; после того как Похлебаев набрал высоту и ушёл в облачность, в окно [в] облачности увидел, что на вторую пару лётчика Иванова пикируют два Ме-109. Похлебаев, выйдя из облачности, сверху сзади атаковал один Ме-109 и с дистанции 100–150 м сбил его, Ме-109 упал западнее Керчь. Подтверждает станция наведения.

18.04.1944 г. при выполнении боевого задания по расчистке воздуха в районе Севастополь, 6-я Верста, Новые Шули Похлебаев заметил одного Фв-190, который пытался снизу, с 1000–1500 м, зайти в хвост паре лётчика Степанова. Тов. Похлебаев, будучи выше противника на 800 м, атаковал Фв-190 сзади сверху под ракурсом 1/4 и с дистанции 30–40 м сбил одного Фв-190, который упал на аэродром северо-западнее 6-й Версты. Подтверждают лётчики – гвардии мл[адшие] лейтенанты Чуприн, Степанов, Березовик.

В 16.25 в районе Балаклава в воздушном бою Похлебаев, воспользовавшись своим преимуществом в высоте, атаковал второго Фв-190 и сзади сверху с дистанции от 150–50 м сбил его, самолёт упал в море [в] 3 км южнее мыса Фиолент. Подтверждают лётчики – гвардии мл[адшие] лейтенанты Дементьев, Березовик.

19.04.1944 г. в составе четырёх самолётов «Аэрокобра» Похлебаев, будучи ведущим, сопровождал [л] самолёты Ил-2 на обратном пути следования в районе Севастополь, 6-я Верста. Похлебаев, находясь на высоте 1500 м, заметил, что ниже его сверху сзади [противник], и с дистанции 30–50 м сбил его, который упал в районе Севастополя, высота 44. Подтверждают лётчики – мл[адшие] лейтенанты Березовик, Дементьев, Герасимов.

23.04.1944 г., прикрывая свои войска в районе восточнее Севастополя, Похлебаев встретил два Фв-190, из которых одного атаковал на высоте 1800 м сверху сзади и, сблизившись с ним до дистанции 50 м, сбил одного Фв-190, последний упал в районе Севастополь, 6-я Верста. Подтверждает станция наведения.

Гвардии старший лейтенант Похлебаев в воздушных боях показывает образцы смелости, отваги

и героизма, первым атакует противника, ищет его и уничтожает. В короткий промежуток времени, благодаря своей отваге и героизму, лично сбил 18 самолётов противника. В неравных боях всегда выходил победителем.

За отличное выполнение боевого задания, за умелое руководство своими подчинёнными, за проявленный героизм в воздушных боях против немецко-фашистских захватчиков по освобождению Крыма – достоин присвоения звания Герой Советского Союза.

Командир 101-го гиап*
гв[ардии] майор Павликов¹⁴
30 апреля 1944 г.

В проведённых 99 боевых вылетах на самолетах «Аэрокобра» провёл 42 воздушных боя, в которых лично сбил 18 самолётов противника.

Достоин высшей степени отличия – звания Герой Советского Союза.

Командир 329-й истребительной авиационной Керченской дивизии гвардии подполковник Осипов¹⁵
2 мая 1944 г.

Заклучение командующего Воздушной армией
Достоин высшей правительственной награды – звания Герой Советского Союза.

Командующий 4-й воздушной армией генерал-полковник авиации Вершинин
4 ноября 1944 г.

Заклучение Военсовета 2-го Белорусского фронта
Достоин присвоения звания Герой Советского Союза

Комвойсками 2-го Белор[усского] фронта генерал армии Захаров¹⁶
Член Военного совета 2-го Белор[усского] фронта гв[ардии] генерал-лейтенант Субботин¹⁷
17 ноября 1944 г.

Произвёл 138 боевых вылетов на самолётах И-16 и «Аэрокобра», провёл 42 воздушных боя, лично сбил 18 самолётов противника, из них: 5 Ме-109, 12 0613-190**, 1 Ю-87.

Подполковник***

Дело № 10/5. Лист 174.

Указ от 16.05.1944 г.

Сверка произведена правильно:
машинистка МВС

Лейкина.

С подлинным верно:
научный сотрудник
Института истории партии
МГК ВКП(б)
24.X.1946 г.

Хромов.

ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 927. Л. 4–7.
Заверенная копия****.

№ 4. Учётная карточка Института истории партии МГК ВКП(б) на Героя Советского Союза, участника Великой Отечественной войны П.Л. Цикоридзе¹⁸ с приложением автобиографии и описания боевого подвига

20 апреля 1948 г.

1. Фамилия, имя и отчество: Цикоридзе Платон Лукич.

2. Год и место рождения: 1918, Груз[инская] ССР, Чахатаурский р-н, Чайсубанский с[ель]с[овет].

3. Национальность: грузин.

4. Образование: среднее.

5. Партийность: чл[ен] ВКП(б), с какого года: с 1940 [г.]

№ партбилета: 3978355. В какой парторганизации состоит на партучёте и адрес: Москва 255, п/я 47.

6. Были ли колебания в проведении линии партии и участвовали ли в оппозициях (каких, когда): нет.

7. Имели ли партвызыскания (когда, за что): нет.

** Так в документе. Правильно – Фв-190.

*** Подпись отсутствует.

**** Электронный образ подлинника документа см. на сайте «Память народа».

* Гиап – гвардейский истребительный авиационный полк.

8. В какой части и в качестве кого принимали участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: 1339-й [г]сп* в качестве командира роты.

9. Какие имеются награды и за что: орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» за участие в десанте через Керченский пролив и захват плацдарма.

10. Где и в качестве кого Вы работали до Великой Отечественной войны 1941 г.: в Могилёвском пех[отном] училище¹⁹ в качестве командира стрелкового взвода курсантов.

11. На какую тему можете написать работу о Великой Отечественной войне: в настоящее время не имею возможности работать в этом направлении.

12. Семейное положение: женат.

13. Адрес местожительства, номер телефона: [...].

Подпись: *Цикоридзе*

20 апреля 1948 г.

Приложение 1

Автобиография

Героя Советского Союза Цикоридзе Платона Лукича

Я, Цикоридзе Платон Лукич, родился в 1918 г. в с. Интабуети Чахатаурского р-на Грузинской ССР в семье рабочего. Отец работал наборщиком в типографии, мать – домохозяйка.

Среднее образование получил в Чахатаурском р-не Грузинской ССР. Окончил Хидаставскую среднюю школу им. Л.П. Берия в 193[1] г. После окончания школы добровольно подал заявление в райком комсомола, чтобы меня направили в ряды РККА, после чего по решению райкома был направлен в Тбилисское военное училище²⁰, где, проучившись 6 месяцев, в июле 1938 г. был переведён в Минское пехотное училище им. Калинина, которое окончил в 1939 г., получив звание лейтенант, и был направлен в войсковую часть в г. Новозыбков, откуда вместе с этой частью поехал в Западную Белоруссию. Принимал участие в освобождении Западной Белоруссии и Западной Украины.

После этого был переведён в Могилёвское пехотное училище в качестве курсового командира,

где [прослужил] до 1942 г. в должности командира взвода курсантов и последнее время командир роты курсантов. В 1943 г. был переведён в Орджоникидзевское пехотное училище²¹ на должность командира миномётной роты курсантов и в том же году был направлен на Северо-Кавказский фронт.

За период 1939–1943 гг. лично подготовил и выпустил 50 офицеров РККА.

После освобождения Таманского полуострова от немецко-фашистских захватчиков²² принял участие в десанте на Керченский полуостров в районе Эльтиген²³.

Переправился я со своими бойцами на мотоботе под прикрытием огня нашей артиллерии и самолётов. Выпрыгнув на берег, я вместе со своими бойцами завязал бой на берегу, а затем в населённом пункте.

Немцы не ожидали такого внезапного удара и были выбиты из населённого пункта. Немцы яростно атаковали нас, стараясь [с]бросить в море, они подвезли на машинах своих автоматчиков, надеясь, что у нас нет артиллерии, но я со своих миномётов открыл огонь по скопившимся машинам и автоматчикам. Пехота была частично уничтожена и рассеяна, а машины подожены. На берег высаживались всё больше наших подразделений, после чего мы успели укрепить плацдарм для высадки главных сил.

За проявленную храбрость и стойкость при захвате и удержании плацдарма Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1943 г. мне присвоено звание Героя Советского Союза.

Участвовал в освобождении Крыма с начала до конца. За взятие Севастополя и участие в боях на мыс[е] Херсонес был награждён орденом Отечественной войны II степени, имею медаль «За оборону Кавказа». Был один раз ранен. Один раз легко контужен.

В 1945 г. был направлен в Военную академию им. М.В. Фрунзе, где был зачислен, и сейчас учусь на втором курсе.

Семья моя состоит из жены и ребёнка.

Брат работает управляющим Кубанским отделением Госбанка. Две сестры (одна замужем, другая нет), мать – все они родились, росли и находятся в настоящее время в Грузии. Жена и ребёнок находятся со мной.

Герой Советского] Союза

Цикоридзе

* Гсп – горнострелковый полк.

Приложение 2

**Описание боевого подвига, за который присвоено
звание Героя Советского Союза капитану
Цикоридзе Платону Лукичу
(по указу от 17.11.1943 г.)**

19 ноября 1943 г.

Рота под командованием т. Цикоридзе в ночь на 1 ноября 1943 г. форсировала Керченский пролив, произвела высадку десантом в район Эльтиген.

Непосредственно после высадки т. Цикоридзе организовал огневое преследование противника и вместе с наступающей пехотой наших подразделений наносил сокрушительные удары по живой силе противника.

В течение шестидневных боёв рота т. Цикоридзе принимала участие в отражении всех контратак противника, находясь непосредственно в боевых порядках пехоты.

Тов. Цикоридзе смелыми и решительными действиями правильно руководил боем и личным примером показывал образцы мужества, отваги и героизма.

За проявленную храбрость и отвагу т. Цикоридзе достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Зам[еститель] командира
318-й Новороссийской [г]сд*
полковник
17 ноября 1943 г.

Корсун²⁴

Командир 20-го дес[антного]
стр[елкового] корпуса²⁵
генерал-майор
18 ноября 1943 г.

Шварев²⁶

Командующий 18-й армией
генерал-полковник

Леселидзе²⁷

Член Военного совета
генерал-майор

Колонин²⁸

Командующий войсками СКФ**
генерал армии

Ив[ан] Петров

Член Военного совета
генерал-майор
и[нтендантской] с[лужбы]
19 ноября 1943 г.

Баюков²⁹

ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 1238. Л. 1–3, 5.
Учётная карточка и автобиография – подлинники.
Описание боевого подвига – копия.

¹ Айриев Армен Теванович (1910–1966) – майор, Герой Советского Союза (1944). В период Великой Отечественной войны – командир авиаэскадрильи 503-го штурмового авиационного полка 206-й штурмовой авиационной дивизии 7-го штурмового авиационного корпуса 8-й воздушной армии Южного фронта. Совершил более ста боевых вылетов на штурмовку аэродромов, переправ, скоплений живой силы и техники противника; особенно отличился при разгроме таганрогской группировки врага и освобождении Донбасса. Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 апреля 1944 г. (подробнее см.: Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: в 2 т. М., 1987–1988. Т. 1. С. 32; URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=7193).

² Первоначально 232-й авиаполк был сформирован как скоростной бомбардировочный и входил в состав 45-й смешанной авиационной дивизии. В штурмовой этот авиаполк официально был переформирован только летом 1942 г.

³ Приказом НКО СССР № 067 от 13 мая 1938 г. 14-я военная школа лётчиков, располагавшаяся в г. Энгельсе, была переименована в Энгельское военное авиационное училище.

⁴ В годы Великой Отечественной войны Прибалтийский фронт существовал на северо-западном направлении советско-германского фронта с 10 по 20 октября 1943 г. 20 октября 1943 г. он был переименован во 2-й Прибалтийский фронт. В тот же день 1-м Прибалтийским фронтом стал Калининский фронт. Кроме того, 21 апреля 1944 г., путём разделения Ленинградского фронта, был образован 3-й Прибалтийский фронт.

⁵ Воронков Иван Семёнович (1918–1975) – майор, Герой Советского Союза (1943). В период Великой Отечественной войны – командир роты 1-го гвардейского стрелкового полка 2-й гвардейской стрелковой дивизии 56-й армии Северо-Кавказского фронта. В ноябре 1943 г. участвовал в форсировании Керченского пролива; после гибели командира батальона принял командование на себя; вместе с боевыми товарищами захватил и удерживал плацдарм на Керченском полуострове до подхода подкреплений. Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1943 г. (подробнее см.: Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: в 2 т. М., 1987–1988. Т. 1. С. 290; URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=6681).

* Гсд – горнострелковая дивизия.

** СКФ – Северо-Кавказский фронт.

⁶ К началу Великой Отечественной войны 38-й Ахалцихский пограничный отряд (численность – 1771 человек) входил в состав Грузинского пограничного округа.

⁷ Имеется в виду Орджоникидзево военное училище пограничных и внутренних войск НКВД им. С.М. Кирова, которое готовило кадры пехотного профиля.

⁸ Речь идёт о Высших стрелково-тактических курсах усовершенствования офицерского состава пехоты «Выстрел» им. Б.М. Шапошникова – военно-учебном заведении, созданном приказом РВСР от 21 ноября 1918 г. на базе Ораниенбаумской офицерской стрелковой школы русской армии. За годы Великой Отечественной войны состоялось более 40 выпусков, было подготовлено свыше 20 тыс. командиров тактического звена.

⁹ Южный фронт (1-го формирования) был расформирован 28 июля 1942 г. на основании директивы Ставки ВГК, в связи с чем его войска были объединены с войсками Северо-Кавказского фронта.

¹⁰ «Голубая линия» – условное наименование оборонительного рубежа, созданного немцами в 1943 г. между Азовским и Чёрным морями на подступах к Таманскому полуострову (протяжённость рубежа по фронту – 113 км, глубина – 20–25 км). «Голубая линия», которая оборонялась 17-й немецкой армией, была успешно прорвана войсками Северо-Кавказского фронта при поддержке сил Черноморского флота в ходе Новороссийско-Таманской наступательной операции (9 сентября – 9 октября 1943 г.).

¹¹ *Похлебаев Иван Григорьевич* (1917–2000) – полковник, Герой Советского Союза (1945). В период Великой Отечественной войны – заместитель командира авиаэскадрильи 101-го гвардейского истребительного авиационного полка 329-й истребительной авиационной дивизии 4-й воздушной армии 2-го Белорусского фронта. К маю 1944 г. принял участие в 42 воздушных боях, лично сбив 18 вражеских самолётов. Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 февраля 1945 г. (подробнее см.: Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: в 2 т. М., 1987–1988. Т. 2. С. 316; URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2154).

¹² Речь идёт об американском истребителе P-39 «Аэрокобра». В Советский Союз эти самолёты, отличавшиеся высокой боевой живучестью и обладавшие надёжным двигателем и мощным вооружением, поступали по ленд-лизу.

¹³ Имеется в виду радиолокационная станция, которая предназначена для обнаружения воздушных целей, наведения истребителей на самолёты противника и выдачи целеуказаний зенитным средствам.

¹⁴ *Павликов Алексей Николаевич* (1910–?) – подполковник. В период Великой Отечественной войны – командир 3-й отдельной истребительной авиаэскадрильи; командир 101-го гвардейского истребительного авиационного полка (март 1943 – декабрь 1945).

¹⁵ *Осипов Александр Алексеевич* (1908–1972) – генерал-майор авиации (1953). В период Великой Отечественной войны – командир 36-го истребительного авиационного полка (с марта 1941), 57-го гвардейского истребительного авиационного полка (с февраля 1943),

329-й истребительной авиационной дивизии (с октября 1943).

¹⁶ *Захаров Георгий Фёдорович* (1897–1957) – генерал армии (1944). В период Великой Отечественной войны – начальник штаба 22-й армии; начальник штаба (с августа 1941), командующий войсками (с октября 1941) Брянского фронта; заместитель командующего войсками Западного фронта (с декабря 1941); начальник штаба Северо-Кавказского направления (с мая 1942), затем Северо-Кавказского фронта; начальник штаба Юго-Восточного фронта (с августа 1942); заместитель командующего войсками Сталинградского фронта (с октября 1942), затем Южного фронта; командующий 51-й армией (с февраля 1943), 2-й гвардейской армией (с июля 1943), войсками 2-го Белорусского фронта (с июня 1944), 4-й гвардейской армией (с ноября 1944); заместитель командующего войсками 4-го Украинского фронта (с апреля 1945).

¹⁷ *Субботин Никита Егорович* (1904–1968) – генерал-лейтенант (1944). В период Великой Отечественной войны – начальник политотдела, военком стрелковой дивизии, начальник политотдела 23-й армии, член военного совета 8-й армии (1941–1942); член военного совета 57-й армии (август 1942 – январь 1943), 2-й гвардейской армии (с февраля 1943), 4-го Украинского фронта (январь – май 1944), 2-го Белорусского фронта (июль 1944 – июнь 1945).

¹⁸ *Цикоридзе Платон Лукич* (1918–1994) – полковник, Герой Советского Союза (1943). В период Великой Отечественной войны – командир миномётной роты 1339-го горнострелкового полка 318-й горнострелковой дивизии 18-й армии Северо-Кавказского фронта. В начале ноября 1943 г. в составе десанта высадился в районе посёлка Эльтиген и в течение шести суток поддерживал огнём стрелковые подразделения, отражавшие контратаки противника с целью удержания захваченного рубежа. Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1943 г. (подробнее см.: Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: в 2 т. М., 1987–1988. Т. 2. С. 702, 703; URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=5913).

¹⁹ Могилёвское пехотное училище было сформировано в декабре 1939 г.

²⁰ Тбилисское военное училище (до весны 1937 г. Закавказская объединённая военная школа) носило имя 26 Бакинских комиссаров.

²¹ В годы Великой Отечественной войны в г. Орджоникидзе функционировали три пехотных училища НКО СССР, а также пехотное училище НКВД им. С.М. Кирова.

²² Советские войска полностью овладели Таманским полуостровом в первой декаде октября 1943 г. в результате успешно проведённой Новороссийско-Таманской наступательной операции, которая, завершив битву за Кавказ, создала условия для нанесения ударов по крымской группировке немецко-фашистских войск со стороны моря и Керченского пролива.

²³ Имеется в виду Керченско-Эльтигенская десантная операция, которая была проведена с 31 октября по 11 декабря 1943 г. войсками Северо-Кавказского фронта (Отдельной Приморской армии), силами Черноморского флота и Азовской военной флотилии с целью овладения восточной

частью Керченского полуострова и создания условий для освобождения Крыма.

²⁴ *Корсун Григорий Михайлович* (1897–?) – полковник. В период Великой Отечественной войны – заместитель командира 318-й горнострелковой дивизии по тылу.

²⁵ 20-й стрелковый корпус являлся высшим тактическим соединением сухопутных войск. Слово «десантный» употребляется в документе, очевидно, потому, что входившая в состав этого корпуса 318-я горнострелковая дивизия принимала участие в Керченско-Эльтигенской десантной операции.

²⁶ *Шварев Николай Александрович* (1896–1960) – генерал-майор (1943). В период Великой Отечественной войны – командир 355-го стрелкового полка 100-й стрелковой дивизии (с декабря 1939); находился на излечении после ранения (с августа 1941); заместитель командира 79-й отдельной стрелковой бригады (с ноября 1941); и.д. командира 388-й стрелковой дивизии (с апреля 1942); в распоряжении Военного совета Северо-Кавказского фронта (с июля 1942); и.д. командира (с августа 1942), командир (с октября 1942) 317-й стрелковой дивизии; заместитель командующего 18-й армией (с июня 1943); командир 20-го стрелкового корпуса (с ноября 1943); врид командира 3-го

горнострелкового корпуса (с марта 1944); командир 20-го стрелкового корпуса (с апреля 1944).

²⁷ *Леселидзе Константин Николаевич* (1903–1944) – генерал-полковник (1943), Герой Советского Союза (1971, посмертно). В период Великой Отечественной войны – начальник артиллерии 2-го стрелкового корпуса (с февраля 1941); заместитель командующего и начальник артиллерии 50-й армии (с августа 1941); командир 3-го стрелкового корпуса (с июня 1942); командующий 46-й армией (с августа 1942), 47-й армией (с января 1943), 18-й армией (с марта 1943). Умер 21 февраля 1944 г. в московском госпитале.

²⁸ *Колонин Семён Ефимович* (1900–1972) – генерал-лейтенант (1945). В период Великой Отечественной войны – член военного совета 21-й армии (июнь – сентябрь 1941), 11-й армии (декабрь 1941 – июль 1942), 9-й армии (август – ноябрь 1942), 18-й армии (апрель 1943 – июль 1945).

²⁹ *Баюков Владимир Антонович* (1901–1953) – генерал-лейтенант интендантской службы (1945). В период Великой Отечественной войны – военком Главного управления Тыла Красной Армии; член военного совета Северо-Кавказского фронта, Отдельной Приморской армии; заместитель начальника Тыла Красной Армии.

Е.С. Поплавская, И.Е. Шпакова

Адресные листки немецкой ортскомендатуры как исторический источник по изучению оккупационного режима в городе Севастополе 1942–1944 гг.

2016 г. ознаменован 75-летием начала Великой Отечественной войны (1941–1945). Именно на территории Советского Союза произошли решающие военные сражения, предопределившие сокрушительное поражение германского нацизма и исход войны.

Одну из самых героических и трагических страниц в летопись Великой Отечественной войны вписала 250-дневная оборона Севастополя, продолжавшаяся с октября 1941 г. по июль 1942 г. Она имела важное военно-политическое значение, надолго сохранив крупные силы немецко-румынских войск, нанеся им большой урон (до 300 тыс. убитыми и ранеными); нарушила планы гитлеровского командования на его южном стратегическом направлении и в значительной степени способствовала задержке вражеского наступления к Волге и на Кавказ.

Однако, несмотря на мужество защитников города, в результате третьего наступления, начавшегося 7 июня 1942 г., противник, используя численное превосходство в технике и живой силе, сломил упорное сопротивление воинов Севастопольского оборонительного района.

В первых числах июля 1942 г. в Севастополь вместе с регулярными войсками 11-й немецкой армии

вошли представители карательных и разведывательных органов. В задачу этих органов входило установление «нового порядка». Под «новым порядком» подразумевалось освобождение советского народа из «коммунистического плена». Но эта «свобода» по своей жестокости превзошла многие ранее существовавшие виды рабства. Формирование этих органов началось ещё в мае – июне 1942 г. в Бахчисарае и Симферополе, а доукомплектовывались они уже в Севастополе в июле – августе в процессе регистрации населения.

К августу 1942 г., в Севастополе в том числе, была сформирована ортскомендатура (местная военная комендатура) во главе с майором Купершлягером, а с августа 1942 г. – подполковником Ганшем. Размещалась на ул. Хирша (ул. Ленина), выполняла две задачи: охранную и управленческую. К первой относились «обеспечение покоя» в оккупированном городе и охрана тылов действующей армии. Ко второй – создание, руководство и контроль над органами местного управления, а также «мобилизация резервов» для ведения войны. В целом деятельность ортскомендатуры сводилась к борьбе с партизанами,

подпольщиками, охране коммуникаций, военных объектов и лагерей военнопленных, разведке и контрразведке, ведению пропаганды¹.

Штат ортскомендатуры состоял из 5–7 человек, в подчинении ортскоменданта находилось городское управление (городская управа) во главе с бургомистром Н. Мадатовым, а с августа 1942 г. – П. Сурягиным и шуцполиция (полиция охраны), прибывшая в Севастополь в октябре 1942 г. Основная задача восьми отделов горуправы заключалась в организации работы по обеспечению немецких воинских частей и военных учреждений продовольствием и материальными ресурсами. Без указания и разрешения ортскоменданта ни горуправа, ни шуцполиция не могли проводить никакие мероприятия.

В распоряжении ортскомендатуры находилась русская гражданская вспомогательная полиция во главе с главным полицмейстером Б.В. Корчиновым-Некрасовым. Её главное управление размещалось на ул. Пушкинской, 2, а с лета 1943 г. – на ул. Пирогова, 6. Были также созданы три отделения:

первое (Центральное);

второе (Корабельное);

третье (Северное).

Личный состав – 120 человек, возросший к 1944 г. до 300 человек. Главная функция этого карательного органа – поддержание установленного порядка в Севастополе.

При Главном управлении вспомогательной полиции была создана следственно-розыскная часть, или криминальная полиция, переданная в декабре 1942 г. в ведение службы безопасности (СД). После переименования её во вспомогательную полицию безопасности она подразделялась на два отдела: политический и криминальный.

В распоряжении главного полицмейстера Управления гражданской полиции находились пожарная команда и паспортные столы трёх отделений:

паспортный стол 1-го отделения (нач. Куприянов В.П.);

паспортный стол 2-го отделения (нач. Фок К.А.);

паспортный стол 3-го отделения (нач. Пьеро В.П.).

9 июля 1942 г. была объявлена регистрация населения, а 15 июля вышел приказ коменданта о её про-

ведении². Главная задача, преследуемая этим приказом, – выявление госаппарата, партийного и советского актива, сотрудников госбезопасности, милиции, участников обороны Севастополя, еврейского населения, учёт трудоспособного населения, лиц призывного возраста. Регистрация населения позволяла выявить и лиц, согласных сотрудничать с германскими властями. В городе был установлен жесточайший режим прописки.

Каждый житель, начиная с 16-летнего возраста, после регистрации на бирже труда обязан был в течение 48 часов, а с марта 1944 г. – 24 часов оформить прописку в отделении полиции. Для этого необходимо было предъявить паспорт, явочную карточку, выданную на бирже труда, квитанцию об оплате взноса за регистрацию паспорта и прописки в размере 5 руб., свидетельства о рождении несовершеннолетних детей и другие документы, удостоверяющие личность (трудовая книжка, больничный лист и т.п.). Лицам, не имевшим паспортов, выдавался вид на жительство.

Разрешение на постоянное местожительство выдавалось ортскомендантом, на кратковременное пребывание в городе, до трёх дней, – начальниками паспортных столов. Люди, находившиеся в городе без разрешения или прописки, а также жители, укрывавшие их, при обнаружении фашистскими органами расстреливались.

Выехать из Севастополя в другие оккупированные районы можно было только с разрешения ортскоменданта, бургомистра или старост районов. Наряду с паспортом или удостоверением выезжавший из города обязан был представить полиции направление или разрешение на выезд, затем в паспортном столе оформлялся листок выбытия.

В августе 1942 г. каждому жителю Севастополя вменялась в обязанность трудовая повинность. Согласно указу рейхминистра А. Розенберга от 19 декабря 1941 г. трудовую повинность должно было отработать всё трудоспособное население в возрасте от 14 до 65 лет в течение 28 дней в году на расчистке улиц, строительстве и ремонте дорог и других тяжёлых работах³.

А месяцем ранее, в июле 1942 г., в городе состоялась первичная регистрация населения, затем через каждые шесть, а в 1944 г. – через три месяца –

¹ *Задорожная Н.Ф.* Севастополь в период оккупации немецко-фашистскими войсками (01.07.1942–09.05.1944) // Севастополь. Энциклопедический справочник. Севастополь, 2000. С. 451.

² *Задорожная Н.Ф.* Севастополь в период оккупации немецко-фашистскими войсками... С. 451.

³ *Она же.* Дом-музей севастопольских подпольщиков. 1942–1944. Севастополь, 2007. С. 16, 17.

ЛИСТОК ПРИБЫТИЯ Заполнить разборчиво, с аккуратностью и полным указанием по всем графам

1. Фамилия Усеин
Имя Османи Отчество _____

2. Рождение: год 1924 м-ц и число _____ в области, крае, зоне (деревне)
А. Курма Вал. р-на

3. Пол М.

4. Национальность тат

5. Вероисповедание мусул (беринка, католик, лютеран, еврей, мусульман, карма и т. д.)

6. Партийность б/п. (число ВКПб, ВЛКСМ и т. д. с какого времени с _____ года)

7. Проживает по адресу города (рай. пос.) село (деревня) _____ район _____ уезда Ишерилин кв. № _____ * отдаленный пункт

8. Прибыл из области, края Визин р. города (рай. пос.) М. Курма села (деревня) _____

9. Имя переселенца в том же населенном пункте с улицей _____ дом № _____ кв. № _____

Примечание. Если адресный листок составляется по архивным документам, имена или достижения 16-летнего возраста не записываются.

перерегистрация. Цель их проведения – не только выявить вышеназванные категории населения, но и установить резервы трудоспособного населения.

Спустя полгода после начала оккупации была проведена перерегистрация населения.

Регистрация населения, а также прибывающих и выбывающих из города жителей велась систематически в течение всего периода оккупации Севастополя.

К сожалению, сохранились не все адресные листки жителей Севастополя в период оккупации города. На данный момент на хранении в Государственном казённом учреждении «Архив города Севастополя» (далее – ГКУ АГС) имеется лишь 12 343 адресных листка.

По имеющимся адресным листкам можно провести анализ количественного, полового, возрастного, этнического, религиозного состава, естественного и механического движения, занятости населения Севастополя в 1942–1944 гг. Документы дают представление о действовавших в период оккупации предприятиях, учреждениях, учебных заведениях, названиях улиц, населённых пунктов города и района (в том числе установленных немецкой властью), позволяют выявить лиц, состоявших на службе у немецко-фашистского командования, работавших и занимавшихся частным промыслом.

В состав фонда входят как листки прибытия, так и листки выбытия.

Листок прибытия представляет собой типографский бланк, заполненный рукописным текстом, некоторые имеют отрывной учётный талон. На листке и талоне имеются следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество регистрируемого;
- год, место рождения;
- пол;
- национальность;
- вероисповедание;
- партийность, с какого времени;
- адрес, по которому прописывается;
- адрес, откуда прибыл;
- изменение адреса при переезде в этом же населённом пункте;
- цель приезда;
- должность, название предприятия, на котором работает;
- серия, номер паспорта;
- имя (иногда фамилия и отчество), пол и дата рождения несовершеннолетних детей (при отсутствии

1. Прозвона из м. во

2. Фамилия Валиев
Имя Валиев Отчество Валерий

3. Рождение: год 1920 м-ц и число 24/11 в области, крае, зоне (деревне) М. Курма

4. Пол М.

5. Национальность тат

6. Вероисповедание мусул

7. Партийность б/п.

8. Проживает по адресу города (рай. пос.) село (деревня) _____ район _____ уезда Сев РП кв. № _____ * отдаленный пункт

9. Имя переселенца в том же населенном пункте с улицей _____ дом № _____ кв. № _____

10. Прибыл из области, края М. Курма города (рай. пос.) _____ села (деревня) _____

11. Имя переселенца в том же населенном пункте с улицей _____ дом № _____ кв. № _____

12. Листок составляется по архивным документам

Имя	Пол	Год и место рождения
Валиев Валерий	М.	1920 г.
Валиев Валерий	М.	1920 г.
Валиев Валерий	М.	1920 г.
Валиев Валерий	М.	1920 г.
Валиев Валерий	М.	1920 г.

13. Листок составляется _____

14. Листок составляется _____

15. Листок составляется _____

Примечание. Без отрывного талона листки прибытия составляются при прописке прибывающих: а) на действительную службу; б) на работу или обучение в аграрные институты, для отдаленных пунктов; в) в отпуски или на командировки; г) в командировки на срок более 2 мес.; д) на совхозы, колхозы, совхозостанки; е) на кружковые пункты до 2 мес.; курсы; ж) в санатории и туркестаны; з) больницы, врачебные пункты и больницы для других лечебных учреждений, в течение трех месяцев; и) переисполнения обязанностей в том же городе, рай. пос. или селе; л) переисполнения обязанностей в отдаленных пунктах; м) получение листка паспорт с актуальным 16-летним возрастом.

Валиев

Листок прибытия, составленный на Усеина Османа (лицевая и оборотная стороны).
ГКУ АГС. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 446. Л. 15–15 об.

отца данные вписывались в листок матери, могли вписываться в листок бабушки, дедушки, тётки, дяди, старших братьев и сестёр);

подпись лица, ответственного за прописку, дата заполнения листка;

дата и подпись начальника паспортного стола или лица, оформляющего прописку.

В листке выбытия и, соответственно, учётом отрывном талоне содержатся аналогичные сведения, изменён адрес, откуда прибыл, на адрес, по которому выбывает, а цель приезда – на цель выезда.

ЛИСТОК ВЫБЫТИЯ Заполнять разборчиво, в прямых и косых ответах по всем графам.

1. Фамилия Рафтопуло
Имя Елизаветы Ивановна

2. Родился в 1886 году 5 м-ца в области, крае
городе Музыка районе _____
село (деревня) _____

3. Пол жен.
муж., жен.

4. Национальность грек.

5. Вероисповедание прав. (правосл., католич., лютеран, баптист, магомет., караимск. и т. д.)

6. Партийность _____ (член ВКП(б), ВЛКСМ и т. д. и с какого времени с _____ года).

7. Прибыл в данную местность из области, края _____ города (раб. поселка) _____ р-на _____ села (деревня) _____ и когда прибыл _____

8. Был прописан по адресу: город (раб. пос.) _____ село деревня _____ район _____ по улице Д. Никольская _____ * отделение Полиции _____

9. Выбыл в область, край _____ (город раб. пос.) _____ район _____ (село деревню) _____

10. Или переехал в этом же населённом пункте на улицу _____ дом № _____ кв. № _____

Примечание. Если адресный листок составляется по причине переноса фамилии, обмена паспорта, за смертью, то указывается эта причина _____

Листок выбытия, составленный на Рафтопуло Елизавету Ивановну (лицевая сторона).
ГКУ АГС. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 326. Л. 5

Статистические данные выглядят следующим образом. В городе проживало, по меньшей мере, 16 687 человек: 12 343 взрослых (именно столько адресных листков хранится в архиве) и 4 344 ребёнка.

Далеко не в каждой семье были дети. Но были семьи, в которых имелось по двое, трое, пятеро и даже семеро детей. Встречаются семьи, в которых 10 детей. Так, например, в листе прописки *Курбедина Али*⁴, в графе «Вместе с ним проживают дети моложе 16 лет», значатся:

	Имя	Пол	Год и месяц рождения
1	Урие	жен.	1936, октябрь
2	Зжафер	муж.	1936, октябрь
3	Мамет	муж.	2 июля 1927
4	Сание	жен.	28 сентября 1929
5	Синар	муж.	4 ноября 1938
6	Селим	муж.	18 сентября 1940
7	Шемсупур	жен.	26 марта 1932
8	Сабрие	жен.	22 октября 1925
9	Замир	муж.	6 мая 1937
10	Рустем	муж.	18 ноября 1935

Не все дети жили с родителями, некоторые жили с бабушкой или дедушкой⁵, тёткой или дядей⁶. Есть и прописанные со старшими братьями или сёстрами. Хотя иногда встречаются регистрационные карточки, составленные и на несовершеннолетних детей 10–15 лет, которые по каким-либо причинам жили одни. Всего на лиц, рождённых после 1927 г., выявлено 34 карточки⁷.

Данные адресных листков позволяют уточнить, что в Севастополе в период оккупации, как, впрочем, за весь период существования города, преобладала численность русского населения (табл. 1)⁸:

Таблица 1
Национальный состав населения Севастополя в период оккупации немецко-фашистскими войсками (1942–1944)

Национальность	Всего (в %)
Русские	74,92
Украинцы	12,72
Татары	6,73
Армяне	0,8
Греки	1,23
Немцы (имеются в виду этнические немцы)	0,25
Прочие (эстонцы, поляки, латыши и др.)	3,27

⁴ ГКУ АГС. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 309. Л. 3.

⁵ Там же. Д. 312. Л. 10.

⁶ Там же. Д. 311. Л. 7.

⁷ Там же. Д. 4. Л. 9; Д. 138. Л. 12; Д. 237. Л. 16; Д. 412. Л. 20 и др.

⁸ Там же. Д. 1–510. Здесь и далее при приведении статистических данных проанализированы все документы фонда.

Несмотря на то что с приходом советской власти на территории Севастополя, как и на других советских территориях, стали яростно бороться против церкви и той веры, которую она проповедовала, почти в каждой листке регистрации стоит то или иное вероисповедание (табл. 2). Объяснить это можно только тем, что большинство взрослых людей того времени рождены были ещё при царской власти и в трудные минуты вспоминали ту веру, которую исповедовали их отцы и деды.

Таблица 2

Вероисповедание населения Севастополя в период оккупации немецко-фашистскими войсками (1942–1944)

<i>Вероисповедание</i>	<i>%</i>
Православное	90,42
Магометанское	6,71
Григорианское	0,15
Католическое	1,33
Лютеранское	0,36
Прочие вероисповедания	0,53
Отсутствуют сведения или прочерк	0,15

Относительно возрастного состава населения, проанализировав даты рождения, удалось установить, что в городе преобладало население в возрасте 40–45 лет. Наиболее полные данные о возрастном составе населения приведены в табл. 3.

Таблица 3

Возрастной состав населения Севастополя в период оккупации немецко-фашистскими войсками (1942–1944)

<i>Годы рождения (примерный возраст на начало оккупации)</i>	<i>%</i>
1842–1882 (от 60 до 100 лет)	12,27
1883–1902 (от 40 до 60 лет)	40,96
1903–1922 (от 20 до 40 лет)	37,77
1923–1927 (от 15 до 20 лет)	8,46

За 23 года, прошедшие с установления советской власти, многие, особенно люди среднего воз-

раста и молодое поколение, успели перестроиться и привыкнуть к новой власти. Молодые люди считали за честь вступить в ряды ВЛКСМ, люди постарше вступали в ряды ВКП(б), числились кандидатами на вступление в члены компартии.

Известно также, что во многих директивах и указаниях об обращении с местным населением на оккупированных территориях немецким властям предписывалось немедленно арестовывать и без предварительного следствия расстреливать «комиссаров и коммунистов». Несмотря на это, из сохранившихся карточек установлено, что в городе было зарегистрировано минимум 86 членов ВКП(б)⁹, 11 кандидатов в члены партии, 34 комсомолец¹⁰. Правда, у некоторых зарегистрированных граждан в графе «партийность», напротив букв ВКП(б) значится надпись: «Исключён в 1934 г. в связи с чисткой»¹¹. Были и такие, у кого помимо сведений о принадлежности к партии добавлено: «с 1926 г. по 1 июля 1942»¹². Очевидным является то, что 1 июля из числа тех, кто находился в это время в Севастополе, исключить из партии никого уже не могли, так как органы, занимающиеся подобными вопросами, уже были эвакуированы, а следовательно, человек сам, своим собственным решением исключил себя из рядов ВКП(б), основываясь на собственных чувствах и на обстановке, сложившейся в городе.

Ещё одной отличительной чертой при исследовании карточек регистрации является наличие среди населения «бывших военнопленных»¹³, которых отпускали «на поруки» родственникам, если боец был родом из Севастополя. Для этого следовало только обратиться к начальству лагеря, в котором содержался военнопленный, предъявив официальные документы о родственных связях.

Что касается социального состава, то об этом судить очень трудно. Были достаточно зажиточные люди, имеющие возможность не только самим жить почти без проблем, но ещё и продавать на рынке излишки. Но были и такие, которым нечем было даже прокормить собственных детей.

⁹ ГКУ АГС. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 16. Л. 18; Д. 30. Л. 9; Д. 260. Л. 3 и др.

¹⁰ Там же. Д. 1. Л. 25; Д. 46. Л. 32; Д. 260. Л. 11; Д. 371. Л. 16 и др.

¹¹ Там же. Д. 170. Л. 27; Д. 214. Л. 12.

¹² Там же. Д. 270. Л. 17 и др.

¹³ Там же. Д. 87. Л. 13; Д. 96. Л. 20; Д. 128. Л. 8; Д. 212. Л. 18 и др.

Места работы также были самые разные. Многие люди работали на государственных предприятиях, находящихся в основном в ведении городской управы, а также непосредственно в отделах городской управы (из сохранившихся регистрационных листов выявлено около 750 человек), кроме того, на наиболее крупных предприятиях работали: на железной дороге – 477 человек, в морской комендатуре – 444 человека. Были и такие, кто занимался кустарным ремеслом, на что немецкими властями в лице городской управы выдавался специальный патент на строго определённый род деятельности, например, пекарь-кустарь, портной-кустарь и др. Патенты выдавались на год. И стоили по-разному, в зависимости от вида деятельности, престижности профессии и размера прибыли, которую можно было получить, занимаясь тем или иным делом.

Так, например, патент портного стоил 500 руб. в год, патент на продажу овощей и фруктов – 600 руб., патент для жестянщиков и точильщиков – 200 руб. и т.д.¹⁴

Всего выявлено 66 карточек на лиц, официально занимавшихся частным промыслом. Среди них были как портные и сапожники, так и часовщики, оптики, точильщики, жестянщики, мыловары и др.

Кроме того, в городе было много неработающих – около 34% зарегистрированного населения

(4146 лиц), из которых 75% – домохозяйки, 4% – инвалиды, 2% – пенсионеры.

Необходимо отметить, что адресные листки позволяют также изучить проблему коллаборационизма в оккупированном Севастополе. Анализируя национальный состав лиц, работавших на немецкие органы власти, можно сделать вывод, что количество, например, русских и татар, работавших на немцев, примерно одинаково: на 36 русских, работавших в полиции города Севастополя, приходится 35 татар. При этом если сравнить национальный состав всех жителей оккупированного Севастополя, то получим следующее соотношение: количество лиц русской национальности, сотрудничавших с властями, не превышало 0,4% от числа жителей города, количество украинцев – 0,5%, количество татарского населения – 4,5%. Эту цифру превышают только этнические немцы – около 7% (на 31 этнического немца – 2 полицейских) и черкесы – 100% (все в Севастополе зарегистрировано 10 человек, и ВСЕ работали полицейскими).

Адресные листки являются не только историческим источником для исследования периода немецко-фашистской оккупации, но одновременно имеют и практическую ценность. В настоящее время по адресным листкам исполняются социально-правовые запросы, выдаются архивные справки, позволяющие подтвердить проживание граждан в осаждённом и оккупированном Севастополе (1941–1944) для оформления статуса участника Великой Отечественной войны и соответствующих льгот детям военного Севастополя.

¹⁴ Окупаційний режим в Криму: 1941–1944 рр. За матеріалами преси окупаційних властей: Пер. з рос. / Упор. В.Н. Гуркович. Симферополь, 1996. С. 62, 63.

Е.В. Коротун

Многотиражные газеты Черноморского флота периода обороны Севастополя 1941–1942 гг. (по документам фонда М.А. Любчикова)

В Государственном казённом учреждении «Архив города Севастополя» хранится фонд Михаила Андреевича Любчикова – члена Союза журналистов СССР, участника обороны и освобождения Севастополя. В годы Великой Отечественной войны М. Любчиков – старший инструктор по комсомольской работе в Военно-морском училище им. ЛКСМУ, с апреля 1942 г. – помощник начальника Дома Военно-морского флота Новороссийской военно-морской базы, с марта 1943 г. – редактор многотиражной газеты 2-й бригады торпедных катеров «На страже рубежей».

После войны Михаил Андреевич занимал различные должности в Политуправлении Черноморского флота, вышел в отставку в 1974 г. в звании капитана 1 ранга.

В фонде М.А. Любчикова значительную часть составляют документы периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Это листовки и брошюры с описанием подвигов и биографиями Героев Советского Союза, получивших это звание в боях за Севастополь, Керчь, Малую землю, плакаты военных лет. К особо ценным документам отнесены подлинные: клятвы воинов-черноморцев, идущих в бой, за 1943 г., боевые

листки кораблей ЧФ за 1941–1942 гг., воспоминания участников героической обороны Севастополя 1941–1942 гг., написанные в 1944–1945 гг.¹

Большая группа документов за 1941–1945 гг. – подшивки газет «Красный черноморец» и «Красный Крым», а также многотиражных краснофлотских газет, которые не только представляют источниковедческую базу по изучению советской военной журналистики, но и содержат богатейший фактический материал по истории обороны и освобождения Севастополя в Великой Отечественной войне.

В условиях начавшейся войны вся агитационно-пропагандистская и организаторская деятельность прессы была направлена на то, чтобы каждый советский человек осознал личную ответственность за судьбу Родины и внёс максимальный вклад в общую борьбу против немецко-фашистских захватчиков.

Новые задачи, вставшие перед прессой, потребовали перестроить её работу, реорганизовать её структуру, строго подчинив требованиям войны. Необходимо было создать на фронте массовую печать, широкая сеть которой позволила бы осуществить влияние на каждого воина; пополнить фронтовую прессу журналистскими кадрами; создать новые органы печати.

В начале войны ЦК ВКП(б) принял ряд постановлений по работе советских средств массовой информации. К числу важнейших относились постановления «О работе на фронте специальных корреспондентов» от 9 августа 1941 г. и «О работе военных корреспондентов на фронте» от 9 августа 1942 г. Оба документа обязывали командующих создавать условия для нормальной работы военных корреспондентов. Партия приняла ряд решений в интересах и самой фронтовой печати. Среди важнейших директив выделяются такие, как «О мобилизации журналистских кадров в военную печать», «Об организации партийно-политической работы в условиях войны».

В период оборонительных боёв за Севастополь, вплоть до июня 1942 г., в городе издавались местная газета «Маяк Коммуны» и газета Черноморского флота «Красный черноморец». Огромную мобилизующую роль играли краснофлотские газеты соединений и кораблей Черноморского флота. На флоте выходили 16 печатных газет, из них три в бригадах морской пехоты, одна в ОВРе («За Родину»), одна в частях Береговой обороны Главной базы («Защитник Севастополя»), на линкорах и крейсерах («На страже Родины»

на линкоре «Парижская коммуна», «Тревога» на крейсере «Красный Кавказ»), в авиационных соединениях («Атака» у истребителей, «За победу» у бомбардировщиков). Кроме них практически в каждой части выходили стенные газеты и боевые листки.

Печатные газеты публиковали и пропагандировали приказы и распоряжения Верховного Главнокомандования, освещали героическую работу тыла, распространяли передовой опыт, воспитывали стойкость, отвагу, мастерство и самоотверженность, пропагандировали подвиги бойцов и офицеров, боевые традиции флота, боролись за железную воинскую дисциплину.

Политуправление Черноморского флота ежедневно получало все выпуски флотских газет и центральные издания, и редакторы многотиражек имели возможность знакомиться с опытом лучших газет. Это значительно облегчало их работу.

О наиболее интересных фактах и примерах героизма редакторам сообщалось по телефону.

Все печатные газеты отправлялись в Москву, в Главполитуправление ВМФ, в военно-морской музей и Книжную палату.

Доставлялась газета бойцам обычно вечером, так как днём пробраться к окопам было почти невозможно. На передовой газеты раздавались парторгам, агитаторам, командирам отделений. Читки проводились утром и днём.

Формат многотиражных газет был небольшим: половина или даже четверть стандартного печатного листа газеты. Рядом с названием всегда помещался призыв быть бдительными и не допустить, чтобы газета попала в руки врага: «С корабля не выносить!», «Прочти и передай товарищу! Из части не выносить!», «По прочтении уничтожить».

Практически с первых дней формирования 7, 8, 9-й бригад морской пехоты начинают выходить газеты этих воинских соединений.

В 8-й бригаде морской пехоты издавалась газета «Во славу Родины». Первый её номер датирован 25 октября 1941 г., с этого времени экземпляры свежих номеров бойцы получали на передовой почти каждый день. Редакция газеты располагалась вблизи фронта, в домике у дороги на Качу. Её коллектив вначале состоял из редактора старшего политрука А. Романова и молодых краснофлотцев: наборщика Сергея Сесина и печатника Бориса Ильина. Для оперативной переброски типографии в случае угрозы со стороны противника Политуправление Черноморского флота выделило редакции трёхтонную автомашину. Водил её краснофло-

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 34, 170, 171, 174–180.

тец Константин Кузьменко. Он же по совместительству был и наборщиком. В ноябре 1941 г. удалось забрать в редакцию активного военкора старшего краснофлотца А. Бабынина, чьи заметки с передовой были полны живых впечатлений. Автомат, пистолет, гранаты наряду с карандашом и верстаткой были у каждого работника редакции и типографии с первого до последнего дня. «Сейчас даже не верится, – вспоминал Сергей Сесин годы спустя, – что мы в таких условиях небольшим коллективом ежедневно выпускали газету. Да нередко по боевой тревоге брались ещё и за автоматы»².

Почти в каждом номере газеты публиковались стихи поэта П.М. Панченко. Павел Михайлович Панченко (1907–1994) – поэт и переводчик, до войны вышли его поэтические сборники «Отцовское солнце» (1935), ««Amiño contrañeros!»: Стихи об Испании» (1936). Он писал о рядовых бойцах, мужественных защитниках Севастополя. Вслед за корреспонденциями Александра Бабынина, буквально «по горячим следам» слагались стихи: «Разведчики» (посвящается краснофлотцу Дорофееву), «Снайпер Машуков», «Санитар», «Сержант Николай Кузнецов». Простые и искренние строки его произведений были близки и понятны каждому моряку, легко запоминались и часто звучали в окопах, как, например, «Черноморская песня»:

Сколько гадов – не спрашивай,
Крой их в нос и корму!
Севастополя нашего –
Никогда! Никому!³

С февраля 1942 г. выпускается газета 9-й бригады морской пехоты «Защитник Родины». Постоянные рубрики «В последний час», «На фронте Отечественной войны» информировали пехотинцев о ходе боевых действий, «Памятка краснофлотца» учила оказывать первую медицинскую помощь, ориентироваться на местности, пользоваться трофейным оружием. В «Уголке краснофлотского юмора», который назывался «Прикладом по черепу», печатались басни, частушки, юморески. Острые, порой жестокие по содержанию, они были проникнуты твёрдой верой в победу:

«Выпрямляю фронт восточный» –
Гитлер врёт, не уставая.
Но не вывезет бандита
Ни прямая, ни кривая⁴.

В 7-й бригаде морской пехоты под командованием полковника Е.И. Жидилова издавалась газета «В бой за Родину». Первый номер газеты вышел 6 сентября 1941 г.

Штат редакции был небольшим: редактор политрук В. Кузьмин (с 1 декабря 1941 г.), секретарь редакции старшина 1 статьи М. Марфин, литсотрудники – старшина 2 статьи А. Корнеев и старшина 2 статьи Юрин, все не только хорошие журналисты, но и отважные бойцы. В типографии работали старшина 1 статьи С. Черников, который числился начальником типографии и в то же время наборщиком, второй наборщик – старшина 1 статьи А. Манусенко и печатник – матрос К. Козлов. Все они были вооружены автоматами и гранатами. Шофёр Демиденко, пожилой краснофлотец из запаса, не расставался с винтовкой, штык от которой всегда носил на поясном ремне.

Оборудование типографии было более чем скромное: несколько наборных касс с небольшим количеством шрифтов и печатный станок «американка», который приводился в движение ногами⁵.

В первые дни наступления немцев на Севастополь редакция находилась на Корабельной стороне, затем в одной из штолен Инкермана, а ко второму штурму Севастополя располагалась в подвале на Максимовой даче.

Сотрудники газеты постоянно находились на передовых позициях бригады, благодаря чему корреспонденции были актуальны, газета оперативно информировала о прошедших сражениях, рассказывала о подвигах защитников города и обстоятельно освещала фронтовые будни⁶.

Неизменным успехом пользовался уголок юмора газеты под названием «На штык». Особенно ждали бойцы публикаций с подписью «мичман Мартын Гик». Под этим псевдонимом писал А.А. Луначарский, работавший в газете до начала 1942 г. Анатолий Анатольевич Луначарский (сын первого наркома просвещения А.В. Луначарского) родился в 1911 г. в Париже, где его родители находились в эмиграции. Анатолий получил превосходное домашнее образование и свободно владел французским и английским языками. Занимался журналистикой, литературой и переводческой деятельностью. Спустя месяц после начала Великой Отечественной войны, 20 июля 1941 г., вместе

² ГКУ АГС. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 34. Л. 15–16.

³ Там же. Д. 137. Л. 4 об.

⁴ Там же.

⁵ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 12. Д. 3. Л. 212.

⁶ Жидилов Е.И. Мы отстаивали Севастополь. М., 1960. С. 112, 113.

с группой московских писателей и журналистов Анатолий прибывает в Севастополь в распоряжение Политуправления Черноморского флота. Вскоре его направляют корреспондентом в газету «Бдительная вахта» – печатный орган соединения охраны водного района ЧФ в Севастополе.

Через два с половиной месяца А. Луначарский добивается перевода в газету «В бой за Родину». В номере газеты за 7 октября 1941 г. напечатано его стихотворение «Песня гнева»⁷:

Песня гнева!
Греми канонадой,
Алым вымпелом взвейся в бою!
Черноморец! Громи без пощады
Гадов, топчущих землю твою!

В составе 7-й бригады морской пехоты, начиная с 29 октября 1941 г., лейтенант А. Луначарский принимал участие в боях на севере Крыма, в обороне Симферополя, в начале ноября 1941 г. – в прорыве частей Приморской армии, в которую входила бригада, в Севастополь через горно-лесные районы юго-западного Крыма. Затем он участвовал в рядах морских пехотинцев в ноябре – декабре 1941 г. в боях по отражению первого и второго штурмов Севастополя войсками 11-й немецкой армии⁸.

Всё это время в газете постоянно публикуются проникнутые ненавистью и гневом его стихи, басни, статьи.

10 сентября 1943 г. А.А. Луначарский, который был одновременно и писателем, и бойцом, и политработником, погиб под Новороссийском, оставив нам очерки и рассказы, стихи и поэмы о героях-черноморцах. Посмертно награждён орденом Отечественной войны II степени и медалью «За оборону Севастополя».

В декабре 1941 г. в газете «Красный черноморец» был помещён обзор газеты «В бой за Родину» под заголовком «Боевая краснофлотская», в котором газета получила высокую оценку⁹.

В период сравнительного затишья на севастопольском фронте, всю зиму 1942 г., газета широко пропагандировала боевой опыт морских пехотинцев, особенно в области разведки, использования боевой техники, снайперского движения, которое впервые зародилось в батальоне капитана Подчашинского.

В начале лета 1942 г. подвал, где помещалась редакция газеты, пришлось покинуть, так как его целиком

занял военно-морской госпиталь. Редакция переселилась в верхний этаж здания. Здесь выпускать газету пришлось буквально под градом бомб и снарядов противника. Линия фронта приблизилась к Максимовой даче настолько, что в районе её уже действовали немецкие автоматчики. Тем не менее газета регулярно выходила строго по установленной периодичности – через день. Последний номер газеты удалось выпустить 27 июня 1942 г. и раздать читателям прямо в бою, который шёл уже на Сапун-горе. Номер от 29 июня был свёрстан, но напечатать его так и не удалось – был получен приказ комиссара бригады немедленно покинуть Максимову дачу. Работники редакции направились в Севастополь, потом на мыс Херсонес. Возобновить выпуск газеты уже не смогли. Так как типографию спасти было невозможно, моряки уничтожили её.

Из всего коллектива газеты удалось вырваться лишь секретарю Михаилу Марфину и печатнику Константину Козлову. Коллектив газеты севастопольских морских пехотинцев «В бой за Родину» до конца выполнил свой долг перед Родиной¹⁰.

В третий период наступления на Севастополь в июне 1942 г. фронтовые газеты мобилизовали личный состав на «отличное» выполнение первомайского приказа Сталина. «Бить врага по-севастопольски», «Умрём, но не отступим», «Ни шагу назад», «Кровь за кровь, смерть за смерть» – эти лозунги реально выражали настроение защитников Севастополя и призывали их к новым подвигам.

В ходе третьего наступления, помимо выходивших в Севастополе трёх многотиражных газет бригад морской пехоты, был организован выпуск ещё четырёх печатных газет: Береговой обороны Главной базы «Защитник Севастополя» (редактор политрук Журавлёв), ОВРа «За Родину» (редактор политрук Яцкин), ПВО авиагруппы «Зенитчик» (редактор А. Баренгольц). Краснофлотская газета БО ГБ «Защитник Севастополя» (вышло 7 номеров газеты) в номере первом от 10 июня 1942 г. поместила клятву коммунистов батареи капитана Никитенко. Клятву, принятую коммунистами на партийном собрании, газета донесла до личного состава батареи, её приняли многие бойцы частей БО ГБ. Так газета конкретно помогала в передаче опыта фронтовой работы партийной организации, поднимала дух бойцов, вселяла уверенность в победе над врагом¹¹.

⁷ ГКУ АГС. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 132. Л. 9.

⁸ URL: <http://www.ballion.ru/content/view/538/>

⁹ ГКУ АГС. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 153. Л. 2.

¹⁰ ГКУ АГС. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 153. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 6–7.

В особо тяжёлых условиях приходилось выпускать газету «За Родину». Типография этой газеты помещалась под небольшим навесом скалы, в маленькой пристройке (место расположения выяснить не удалось). Эта территория подвергалась многочисленным налётам вражеской авиации, артиллерийскому и миномётному обстрелам. От разрывов бомб и снарядов рассыпался набор, перемешивался шрифт в кассах. Но наборщики Петров и Ерёмин продолжали набирать свою газету, хорошо понимая её значение.

19 июня вышел первый номер газеты. В ней было опубликовано обращение Военного совета Черноморского флота, призывающее защитников Севастополя оправдать доверие советского народа и не отступать ни шагу назад. Во втором номере, вышедшем 20 июня, газета рассказала читателям о подвиге Героя Советского Союза Ивана Карповича Голубца. Третий номер газеты не вышел. 22 июня типография была уничтожена взрывом вражеской бомбы¹².

В Музее детской книги Центральной детской библиотеки им. Гайдара хранится изданный на

серой газетной бумаге, пожелтевшей от времени, сборник «Газета в бою», который вышел в свет в 1942 г. и явился некоторым обобщением опыта работы фронтовой печати. Сборник содержит статьи и очерки о работе нескольких армейских и флотских газет, среди которых – газеты, выходившие в осаждённом Севастополе. Обращаясь к бойцам в самые тяжёлые, последние дни обороны города, газета «За Родину» писала: «Скажите: “Я из Севастополя”, и каждый житель Большой Земли... взглянет на вас восхищёнными глазами, крепко пожмёт вашу руку и воскликнет искренно, горячо: “Спасибо, товарищ!..” И суровые, бывалые воины... воздадут вам высокую воинскую честь. Это признание твоей доблести и геройства ты заслужил, севастополец, за июньские дни 1942 года».

Сегодня, когда открываются новые факты, рассекречиваются архивные фонды, переосмысливаются и объективно оцениваются исторические события, фронтовые многотиражные газеты остаются ценнейшими документами, свидетельством мужества и героизма военных корреспондентов, уже в 1941–1942 гг. много сделавших для Великой Победы.

¹² ГКУ АГС. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 34. Л. 9–10.

Н.С. Калинина

История семьи Апошанских в фондах ГКУ «Архив города Севастополя»

Каждый из нас хранит дома свой небольшой семейный архив. Просматривая документы и старые фотографии, мы возвращаемся в прошлое, грустим и улыбаемся, разглядывая страницы истории.

Один из таких семейных архивов в 2007 г. был передан на государственное хранение и получил своё новое, уже архивное название – фонд Р-613 «Коллекция документальных материалов семьи Апошанских».

Семейная династия Апошанских – представители дореволюционной и советской интеллигенции, творчески одарённые люди. Центральной фигурой архивной коллекции является Владимир Михайлович Апошанский (1910–1943) – поэт, военный корреспондент газеты «Красный черноморец» в годы Великой Отечественной войны, участник обороны Одессы, Севастополя, Новороссийска, Кавказа.

В.М. Апошанский.
1930-е гг.
ГКУ АГС. Ф. Р-613.
Оп. 1. Д. 19. Л. 7

Дорогами войны прошли многие журналисты, судьбы которых были связаны с Крымом: Константин Симонов, Евгений Петров, Леонид Соболев, Василий Кучер, Анатолий Луначарский, Александр Жаров, Александр Хамадан, Лазарь Лагин. «Мы те, кто росли под грохот орудий...» – так говорил о себе и своих сверстниках Владимир Апошанский, журналист, поэт, воин. Рукописи, довоенные сборники стихов, письма с фронта, статьи, вырезки из газет военного времени, фотографии, воспоминания – все эти подлинные, уже архивные документы дают нам возможность понять и ещё раз вспомнить, каким человеком был Владимир Михайлович Апошанский.

В.М. Апошанский (слева) с журналистом, спецкором ТАСС и Радиокомитета СССР в Севастополе А.М. Хамаданом (Файнгар). Не позднее июля 1942 г. ГКУ АГС. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 19. Л. 1

Родился Владимир Апошанский 1 мая 1910 г. в с. Погромца Курской области. Его отец, Михаил Емельянович, был учителем, мать Варвара Ивановна – бухгалтером¹. Как и отец, стал писать стихи, печатал их в уездных и губернских изданиях. В 1930 г. стал студентом Симферопольского педагогического института². Вступил в Крымское объединение поэтов и писателей. В 1933 г. были изданы две его книги – «Поэма о хлебе»³ и сборник лирических стихотворений «Стихи»⁴. О творчестве Владимира Апошанского

положительно отзывался советский писатель-прозаик А.С. Новиков-Прибой⁵.

После окончания института Владимир был призван в армию, зачислен на курсы командного состава в Севастопольском военно-морском училище им. Ленинского Коммунистического Союза молодёжи Украины⁶. Службу молодой лейтенант начал в Батуми в должности минёра. Командир базы в аттестационном листе, в графе «Недостатки», писал про Апошанского: «Занимается писательством, ходит в литкружок и на разные литературные вечера»⁷.

В 1940 г. Владимир Апошанский – корреспондент газеты «Красный черноморец». С первых дней Великой Отечественной войны всегда находился там, где шли ожесточённые бои. Боевое крещение получил на Дунайской флотилии⁸.

Защищал Одессу. Высадившись с морским десантом в сентябре 1941 г. в районе Григорьевки, заменил вышедшего во время боя командира роты, повёл моряков в атаку. А когда принёс очерк о бое, выслушал выговор редактора за то, что не указал фамилию офицера, принявшего на себя командование отрядом. Позже редактору стало известно, что Апошанский не забыл фамилию, а не захотел писать о себе⁹. За отвагу и мужество 22 декабря 1942 г. Владимира Апошанского наградили медалью «За оборону Одессы»¹⁰.

Участвовал в боях за Крым, был среди защитников перекопских позиций, участников Судакской десантной операции. С пистолетом и гранатами за поясом, он меньше всего был похож на журналиста. Рослый, атлетического телосложения, Апошанский прекрасно владел всеми видами стрелкового оружия, приёмами самбо, бокса, прекрасно бегал и плавал¹¹. Он покорял своей жизнерадостностью, юмором, мог песней или интересным рассказом поднять настроение бойцам на передовой¹².

«Красный черноморец» регулярно печатал любившиеся морякам очерки, репортажи, стихи Владимира Апошанского¹³. Его корреспонденции были интересны

⁵ ГКУ АГС. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 17. Л. 39.

⁶ Там же. Д. 14. Л. 2.

⁷ Там же. Д. 17. Л. 25.

⁸ Там же. Д. 11. Л. 6.

⁹ Там же. Д. 17. Л. 38.

¹⁰ Там же. Д. 15. Л. 2.

¹¹ Там же. Д. 17. Л. 38, 39.

¹² Там же. Д. 12. Л. 26.

¹³ Там же. Д. 4. Л. 1–5; Д. 5. Л. 1–56; Д. 6. Л. 1–12; Д. 7. Л. 1–11; Д. 8. Л. 1–3.

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 20.

² Там же. Д. 14. Л. 1.

³ Там же. Д. 1. Л. 44.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 24.

и правдивы. «Чтобы писать о героях, надо быть рядом с ними», – говорил Владимир Апошанский. В редакции его видели только тогда, когда он приносил готовый материал и получал новое задание. Он стремился всё увидеть своими глазами – в окопах и на подводных лодках, на катерах, эсминцах и боевых аэродромах. Чтобы написать о снайперах, отправлялся с винтовкой с ними в поиск, писал о бронейщиках, лёжа на нейтральной полосе с противотанковым ружьём. Его знали и уважали за смелость и решительность, он был надёжным товарищем и опытным бойцом¹⁴.

Когда редакция «Красного черноморца» эвакуировалась в Сочи, Апошанский остался в Севастополе, писал статьи о последних днях обороны города: «Семь героев-черноморцев», «Героический Севастополь», «Моряки лидера “Ташкент”», «Подвиг краснофлотца Чекаренко», «Испытание огнём»¹⁵. Издаваемый в Сочи «Красный черноморец» приходил в Севастополь ещё месяц, а ещё позже его сбрасывали с самолётов, как листовки. Владимир Апошанский был награждён медалью «За оборону Севастополя»¹⁶. «...Севастополь! Твой светлый образ неотступно стоит перед нами. Доблестно выполнив свой долг, приняв на себя главный удар немцев и этим сорвав весеннее наступление Гитлера, ты пал в неравном бою, как витязь, покрытый знамёнами бессмертной славы. Севастополь пал... Да здравствует Севастополь!» – писал Владимир Апошанский в очерке «Севастополь в июне»¹⁷. В 1943 г. Военное издательство Наркомата обороны СССР выпустило его книгу о последних днях обороны Севастополя – «Это было в июне».

В боях за Кавказ Владимир Михайлович был ранен. Выздоровев, вернулся в строй, писал о защитниках Малой земли¹⁸.

Одним из первых корреспондентов был удостоен двух правительственных наград – ордена Отечественной войны I степени и ордена Красного Знамени. Его приглашали на службу в Москву, в редакцию центральной газеты «Красный флот», но он отказался. «Настолько привык воевать, что боюсь, зачахну у вас», – писал Апошанский редактору.

В сентябре 1943 г. генерал И.Е. Петров, командующий Северо-Кавказским фронтом, поставил Азов-

ской военной флотилии задачу – подготовить десантную операцию в районе Темрюка, помешать эвакуации немецких войск с Таманского полуострова.

За несколько часов до выхода в море Владимир Апошанский узнал, что задача десантной группы – произвести отвлекающий манёвр. Его пытались отговорить от участия в операции – ведь это конец. Он отказался. «Переиначивать поздно. Ребята заранее знали, что я иду с ними. Отказаться – значит струсить. Как после этого я смогу жить и смотреть в глаза морякам?»¹⁹

Командир десантной группы погиб ещё при высадке, на мелководье Апошанский привычно принял на себя командование. Бежал в атаку в морском кителе, на котором блестили ордена, в то время как остальные командиры были в ватниках. Это может показаться непонятным – зачем так рисковать? Но таким был характер Апошанского, его жизненная позиция офицера, коммуниста. Таким остался Апошанский и в этом последнем бою. Пули попали в руку и глаз. Тяжело раненный, он был захвачен немцами и изрублен штыками на глазах жителей д. Чайкино. Позже на теле флотского корреспондента насчитали 119 ран²⁰.

Владимир Михайлович Апошанский был посмертно награждён медалью «За оборону Кавказа»²¹.

В некрологе, опубликованном 12 декабря 1943 г. в газете «Красный черноморец», были такие строки: «Большой любовью он любил флот, военно-морскую службу, романтику моря, он жил и работал в среде бойцов и офицеров, настойчиво изучал их быт и жизнь, тепло писал о моряках»²².

В память о Владимире Михайловиче Апошанском редакция флотской газеты «Флаг Родины» учредила переходящий приз его имени, имени Апошанского. Этот приз и в наши дни ежегодно присуждается лучшему корреспонденту.

В Темрюке на мемориале воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, значится и его имя²³.

Международный планетный центр в 1986 г. присвоил астероиду № 3190, открытому учёными крымской группы Института теоретической астрономии АН СССР, имя военного журналиста и поэта Владимира Апошанского²⁴.

¹⁴ ГКУ АГС. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 17. Л. 39; Д. 12. Л. 6.

¹⁵ Там же. Д. 5. Л. 1, 3, 7, 12.

¹⁶ Там же. Д. 15. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 5. Л. 16.

¹⁸ Там же. Д. 7. Л. 1, 3, 5, 8, 10.

¹⁹ ГКУ АГС. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 15. Л. 38.

²⁰ Там же. Д. 17. Л. 16, 38.

²¹ Там же. Д. 15. Л. 3.

²² Там же. Д. 16. Л. 7.

²³ Там же. Д. 18. Л. 5.

²⁴ Там же. Л. 1, 9.

В 1992 г. исполнительный комитет Севастопольского городского совета народных депутатов назвал улицу в районе 7-го километра Балаклавского ш. именем Владимира Апошанского²⁵.

В.М. Апошанский с женой и сыном.
ГКУ АГС. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 19. Л. 4

Война разрушила короткое семейное счастье Апошанских. Евгения Михайловна, вдова В.М. Апошанского, воспитала сына Константина так, как просил его отец, – «хорошим, честным, мужественным»²⁶. Константин Апошанский тоже стал журналистом – работал в газетах «Флаг Родины», «Слава Севастополя», «Крымская правда», был редактором газеты «Труженик моря», заместителем главного редактора издательства «Таврия», корреспондентом ТАСС-ПАТАУ²⁷.

²⁵ ГКУ АГС. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

²⁶ Там же. Д. 13. Л. 1.

²⁷ Там же. Д. 53.

Газета «Флаг Родины» присудила ему приз имени его отца – Владимира Апошанского²⁸.

К.В. Апошанский (слева) на палубе рыболовецкого траулера. 1960-е гг.
ГКУ АГС. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 60. Л. 8

Всюду, где бы ни работал Константин Апошанский, его знали как способного, инициативного журналиста, оперативно и квалифицированно освещающего любые вопросы. Став журналистом по призванию и долгу, он продолжил дело своего отца. Умер он в 1990 г.²⁹, Евгении Михайловне Михеевой было суждено пережить и сына.

Не только женой, но и коллегой Константина Владимировича Апошанского стала Майя Петровна Апошанская. Глубокие знания географии, истории, ботаники, зоологии, гидробиологии, геологии позволили ей, редактору издательства «Таврия», выпустить в свет более 50 книг, почти все из которых готовились

²⁸ ГКУ АГС. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 55. Л. 11.

²⁹ Там же. Д. 57. Л. 22.

М.П. Апошанская – младший редактор издательства «Таврия». 1970-е гг. ГКУ АГС. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 74. Л. 2

В.К. Апошанский. 1989–1990 гг. ГКУ АГС. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 77. Л. 7

к публикации впервые³⁰. В Музее героической обороны и освобождения Севастополя она возглавила сектор «Книга Памяти». Благодаря этой работе севастопольцы смогли узнать имена героев, погибших при обороне и освобождении Севастополя, имена захваченных в плен, угнанных в Германию, расстрелянных в оккупированном Севастополе. Под редакцией Майи Петровны Апошанской вышли многие справочники, путеводители по истории Севастополя и Крыма, учебные пособия и другие книги севастопольских историков и краеведов³¹.

Сын Майи Петровны и Константина Владимировича Апошанских получил своё имя в честь дедушки – Владимира Михайловича. Он тоже стал военным, офицером Черноморского флота Российской Федерации.

Имя Владимира Михайловича Апошанского навечно сохранено в архивных документах. Порядоч-

ность, благородство, самоотверженность в трудное для страны время – эти вечные моральные ценности навсегда внесли его имя в историю. Его помнят, он оставил достойных потомков. Архив города Севастополя хранит каждую страницу истории, которую создаём мы с вами.

³⁰ ГКУ АГС. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 68. Л. 1–8.

³¹ Там же. Д. 70.

И.Е. Шпакова

Историческая память: Севастополь в период обороны и немецко-румынской оккупации (1941–1944 гг.) в воспоминаниях детей

На современном этапе перед историками стоит задача не только всестороннего изучения глобальных аспектов событий периода Великой Отечественной войны, но и исследования так называемой «устной истории». Рассматривая историографию по данной теме, следует отметить, что подобные источники не

использовались в научных публикациях, а лишь отражались в отдельных краеведческих изданиях.

Известно, что человеческая память способна прочно удерживать и долго хранить важные события прошлого. При этом детская память гораздо ярче фиксирует события. Поэтому дети, пережившие войну,

спустя годы достаточно отчётливо помнят своё военное прошлое, и их рассказы об увиденном и пережитом в годы Великой Отечественной войны отличаются особенной эмоциональной окраской. В этой перспективе воспоминания, безусловно, являются одним из косвенных исторических источников.

При написании данной статьи использовались хранящиеся в ГКУ «Архив города Севастополя», в составе фонда Р-434 «Коллекция документальных материалов о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», воспоминания севастопольских детей, переживших оборону города и немецко-румынскую оккупацию.

Хронологические рамки данного исследования охватывают период с 1941 по 1944 гг.

Документы носят характер мемуаров и, несмотря на субъективность представленной в них информации, содержат ценные факты из истории Севастополя.

Основным показателем отбора воспоминаний для исследования являлся возраст их авторов. Так, по состоянию на 22 июня 1941 г. самому младшему исполнилось 10 (Струнина Жанна Викторовна), старшему – 16 лет (Хаустова Лидия Николаевна).

Анализ источников свидетельствует не только об их информативности, но также о высокой степени достоверности. Использование их в комплексе историографической и источниковедческой базы даёт возможность с большей точностью реконструировать и осветить основные события жизни Севастополя в указанный период.

Война началась для нашего города, как и для всего Советского Союза, внезапно. Севастополь – главная база Черноморского флота, подвергся нападению вражеской авиации уже в первую ночь войны. 22 июня 1941 г. в 3 ч 15 мин гитлеровские бомбардировщики сбросили на парашютах морские мины новейшего образца с целью заблокировать корабли ЧФ в бухте, а затем уничтожить их¹. Однако вражеская авиация, встреченная огнём противовоздушных сил флота, вынуждена была сбросить мины беспорядочно. Две из них упали на жилые кварталы. Свыше 150 человек гражданского населения было убито и ранено в Севастополе в первый день войны. С этой ужасной ночи начинаются практически все воспоминания жителей Севастополя. Жанна Викторовна Струнина написала о том, что накануне перешла в 4-й класс школы

¹ Ванеев Г.И. Севастополь. Страницы истории. 1783–1983 // Справочник. Симферополь: Таврия, 1983. С. 103, 104.

№ 12 (здание сохранилось, ныне это интернат № 4) и учительница Л. Шкиптан вывезла своих учеников на прогулку в Инкерманскую долину. Дети радовались морю, солнцу, строили планы на лето. Но этим планам не суждено было сбыться. «В ночь с 21 на 22 июня, – вспоминает Жанна Викторовна, – меня разбудила стрельба. Открыла окно и смотрела, как прожекторы разрезали небо, видела, как над морем кружили самолёты и от них отделялись парашюты. Мы с мамой не понимали, что произошло. Накануне были учения, и мы предположили, что они продолжаются. Но это началась война»². Ирина Ильинична Петрова в первый день войны находилась в центре города. «На всю жизнь, – пишет она, – я запомнила эту ночь, взрывы и звон выбитых стёкол. Запомнила и тишину потом, и молчаливую толпу. Все вышли из своих домов, собравшись кучками, никто не решался произнести роковое слово: “Война!”»³.

С первых же дней войны началась подготовка Севастополя к обороне. В начале июля жители города вместе с частями гарнизона вышли на строительство оборонительных рубежей: в тяжёлом каменистом грунте пробивали противотанковые рвы и окопы, сооружали доты и дзоты, блиндажи и командные пункты, устанавливали противотанковые заграждения⁴. Не отставали от взрослых и дети. «Я с мамой поехала на Мекензиевы горы, – вспоминает И.И. Петрова, – там рыли длинный и довольно глубокий противотанковый ров. Я тоже взяла лопату, но добросить глину с камнями до верха не смогла, как ни старалась. Пошла искать другую работу. И вдруг увидела, что за рвом краснофлотцы укладывают куски дёрна на какие-то холмики. Оказывается, так маскировали доты и дзоты. Видя, как тяжело они ступают по склону, я вызвалась укладывать дёрн на макушку. У меня хорошо получалось, и старшина одобрил»⁵.

В сентябре 1941 г. на севере Крыма разгорелись ожесточённые бои. Слабо оснащённые боевой техникой войска 51-й Отдельной армии противостояли 11-й немецкой армии и румынскому горному кор-

² ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп.2. Д. 73. Л. 38.

³ Там же. Л. 31.

⁴ Смутьская Л.М. Оборона Севастополя, главной базы Черноморского флота (30.10.1941–04.07.1942) // Севастополь. Энциклопедический справочник, 2-е изд. Севастополь, 2008. С. 567.

⁵ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 73. Л. 31, 32.

пусу⁶. Лидия Николаевна Хаустова работала в медико-санитарной команде железнодорожной станции Севастополь, которой руководил врач Михаил Михайлович Скулари. Лидия Николаевна вспоминает, что в период боёв за Перекоп оттуда в Севастополь шли эшелоны с ранеными. «И мы, тоненькие, хрупкие девчонки, которым было по 16–17 лет, выносили из вагонов раненых на носилках и несли их в здание вокзала и на привокзальную площадь. Эшелоны шли один за другим, и у нас от тяжести на руках были кровавые мозоли. “Что ж вы, дядечки, такие тяжёлые?” – говорили мы, когда уж очень уставали. А они смотрели на нас с такой жалостью, что слёзы наворачивались на глаза. В районе паровозного депо в скале было сделано убежище: там находились школа и штаб санчасти. А на самой горе был пост. С него вели наблюдение и сообщали в штаб, где взорвались бомбы или снаряды, чтобы можно было оказать жителям медицинскую помощь. Как правило, успевали вовремя: делали перевязки, доставляли в санчасть. Но был случай, когда в районе завода “Молот” взорвалась бомба. Мы поспешили на помощь, но она не понадобилась – человека разорвало на кусочки. Мы стали собирать их на брезент, эти кусочки были как живые, ещё шевелились»⁷.

Немецкая артиллерия вела огонь по Севастополю, а авиация беспрестанно бомбила. Документы Севастопольского ГКО свидетельствуют, что в июне 1941 г. количество дней с сигналом «воздушная тревога» составляло 7, а самих сигналов было поднято 12; в ноябре 1941 г. таких дней было уже 16, сигналов – 62. В апреле 1942 г. зафиксировано 26 дней вражеских налётов, т.е. город бомбили практически ежедневно⁸. Л.Н. Хаустова пишет, что на город сбрасывали не только бомбы, но и пустые железные бочки и рельсы, которые в полёте издавали жуткий свист. А из воспоминаний Анны Флавиановны Гнеломской можно узнать, что немцы сбрасывали ещё и мины в виде детских игрушек – мячей, кукол. Достаточно было взять в руки такую игрушку, и она сразу же взрывалась⁹. Но детям в те дни было не до игрушек. Они, как могли, помогали защитникам города. По всему Севастополю вчераш-

ние школьники собирали пустые бутылки из-под шампанского, которые впоследствии заполнялись горючей смесью. «Теперь понимаю, – написала И.И. Петрова, – не от хорошей жизни, а из-за отсутствия необходимого количества гранат и противотанковых орудий брали их будущие герои»¹⁰.

Евгения Александровна Корнеева, Галина Васильевна Кутузова, Евгения Флавиановна Мергасова и другие вспоминают, как помогали своим мамам, работавшим в госпиталях. Девочки ухаживали за ранеными, стирали бельё, бинты. Мария Васильевна Самойлова вспоминает, что её мама сутками дежурила в госпитале и бабушка приносила оттуда сумки с окровавленными бинтами. Мария Васильевна с сестрой их стирали, сушили, а во время налётов вражеской авиации скатывали сухие бинты, сидя на корточках в убежище, которое устроил отец перед уходом на фронт. А убежище это было – простая щель в скале, в которой можно было находиться только согнувшись. «Когда мыло закончилось, бабушка приносила глину из Ушаковой балки, и стирка бинтов не останавливалась ни на один день».

Город и фронт в те дни жили как единая боевая семья. Воспоминания Валентины Павловны Кутузовой (Кияшко) дают представление о жизни и быте жителей Севастополя, которые находились в Инкерманских штольнях (Спецкомбинат № 2). Именно шампанское, которое там хранилось, спасало людей в те тяжёлые дни¹¹. Сначала шампанское хотели вылить, а пустые бутылки использовать для наполнения горючей смесью. Но когда из-за обстрелов невозможно стало ходить за водой, на шампанском готовили пищу и чай. В штольнях образовался рабочий городок, в котором были школа, детский сад, ясли, хлебозавод, швейная и сапожная мастерские, госпиталь, клуб и общежитие. Каждая семья отгораживалась четырьмя простынями, проходы между импровизированными квартирами назывались «улицами», которые имели названия¹². Дети учились в подземной школе, а в свободное от занятий время шили сумки для корма лошадей, вышивали кисеты и выступали с концертами перед ранеными. В конце обороны Севастополя в госпитале

⁶ *Стогний Д.Ю.* 11-я армия вермахта // Севастополь. Энциклопедический справочник, 2-е изд. Севастополь, 2008. С. 578.

⁷ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 73. Л. 43, 44.

⁸ *Терецук Н.М.* Севастополь в период обороны 1941–1942 гг. // История в подробностях. 2010. Август (№ 2). С. 79.

⁹ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 73. Л. 13 об.

¹⁰ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 73. Л. 32.

¹¹ *Терецук Н.М.* Севастополь в период обороны 1941–1942 гг. С. 78.

¹² *Костюченко С.В.* Спецкомбинат № 2 // Севастополь. Энциклопедический справочник, 2-е изд. Севастополь, 2008. С. 839.

(ВМГ-41, рассчитанный на 500 коек), расположенном в Инкерманских штольнях, скопилось более 2000 раненых¹³. Их было настолько много, что тех, кому не хватило кроватей, клали на цементный пол, имеющий наклон, и в образовавшуюся канавку стекала кровь. Не каждый мог вынести вид большого количества крови, и часто те, кто приходил помочь в уходе за ранеными, теряли сознание. «Однажды, – пишет В.П. Кутузова (Кияшко), – когда я дежурила у постели раненого, прибежала медсестра и сказала, что у капитана, который привёз раненых и ожидал их выгрузки, во время внезапно начавшегося артобстрела оторвало голову. Он без головы пробежал несколько метров и только потом упал замертво». Вспоминает Валентина Павловна и факт подрыва штолен нашими войсками: «Знакомые краснофлотцы-взрывники предупреждали о готовящемся взрыве, но никто не верил, в это, т.к. в штольнях было очень большое количество раненых, которые не могли самостоятельно передвигаться. Тем не менее взрыв прогремел неожиданно, в соседних штольнях воздушной волной всё снесло, перевернуло, сорвало перегородки, помещение наполнилось ядовитым запахом угарного газа. Те, кто не мог двигаться, остались на кроватях; горящие люди вскакивали и тут же падали...»¹⁴.

Несмотря на мужество защитников города, в результате третьего наступления, начавшегося 7 июня 1942 г., противник, используя численное превосходство в технике и живой силе, сломил упорное сопротивление воинов Севастопольского оборонительного района¹⁵. Из воспоминаний Анны Флавиановны Гнеломской: «1 июля 1942 г. наступила непривычная тишина. По радио выступил И.В. Сталин и сказал, что идёт подкрепление, держитесь. Но уже через какое-то время по Нахимовскому проспекту ехали немецкие мотоциклисты, а на куполе Владимирского собора развевался немецкий флаг»¹⁶.

В первых числах июля 1942 г. в Севастополь вместе с регулярными войсками 11-й немецкой армии вошли представители карательных и разведывательных органов, оккупационной гражданской власти. В задачу этих органов входило установление «нового поряд-

ка»¹⁷. Под «новым порядком» подразумевалось освобождение советского народа из «коммунистического плена», но эта «свобода» по своей жестокости превзошла многие ранее существовавшие виды рабства.

Все воспоминания о периоде оккупации начинаются с рассказов о мародёрстве и жестокости захватчиков.

Евгения Алексеевна Корнеева (Лялина), жительница Лабораторного шоссе (ныне ул. Ревякина), в воспоминаниях пишет: «Первыми по Лабораторному шоссе в город вошли румыны, так говорили взрослые. Они вошли в наш дом, всё что-то искали и забирали всё, что им приглянулось. Моя сестра и два двоюродных брата стояли на улице около дома. Один солдат подошёл к сестре, погладил её по голове и сказал: “Пленный, пленный”. После этого она долго болела и у неё выпали все волосы».

В июле 1942 г. захватчики гнали по Лабораторному шоссе пленных защитников Севастополя. Они шли израненные, измождённые. «Мы, дети, вместе со взрослыми набирали в бутылки воду, закрывали их бумажными пробками и старались как-то передать их пленным, – продолжает в своих воспоминаниях Евгения Алексеевна Корнеева (Лялина). – На лошадях ехал немецкий конвой, и если замечали, что пленным дают воду, били людей плётками. Плётками также подгоняли пленных, а если кто падал и не мог больше идти – пристреливали на месте. Некоторым пленным удавалось бежать, и они прятались у жителей, переходя из одного дома в другой»¹⁸.

Из воспоминаний сестёр Елены Флавиановны Мергасовой и Анны Флавиановны Гнеломской: «Немцы пришли к нам в дом, поставили нас к стенке, стали рыться в вещах. Папу арестовали и держали в застенках 6 месяцев. Остальным членам семьи чудом удалось избежать отправки в Германию»¹⁹.

Семья Людмилы Дмитриевны Солошенко (Чертовой) пряталась в люке на Корабельной стороне. Когда вошли гитлеровцы, всех выгнали из убежища, а само помещение прошли автоматной очередью. «Один из фашистов заметил на руке моей мамы красивые дорогие часы и потребовал их отдать ему. Мама от-

¹³ Веренкина Т.Н. Здравоохранение Севастополя. Севастополь: Ахтиар, 1996. С. 107, 108.

¹⁴ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 73. Л. 24, 25.

¹⁵ Смутьская Л.М. Оборона Севастополя, главной базы Черноморского флота (30.10.1941–04.07.1942). С. 567.

¹⁶ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 73. Л. 13–13 об.

¹⁷ Задорожная Н.Ф. Севастополь в период оккупации немецко-фашистскими войсками (01.07.1942–09.05.1944) // Севастополь. Энциклопедический справочник, 2-е изд. Севастополь, 2008. С. 720, 721.

¹⁸ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 73. Л. 19 об.

¹⁹ Там же. Л. 14, 18–18 об.

казалась, он тут же приставил автомат к моему виску. Бабуля и сестрёнка упали на колени и стали просить не убивать меня. Мама сняла с руки часы и отдала немцу. Он забрал их, потрепал меня по щеке, сказал: “Гут-гут” и ушёл посмеиваясь. А у меня с этого времени на виске появилась седая прядь»²⁰.

15 июля 1942 г. вышел приказ коменданта о проведении регистрации населения. Главная задача, преследуемая этим приказом, – выявление госаппарата, партийного и советского актива, сотрудников госбезопасности, милиции, участников обороны Севастополя, еврейского населения, а также учёт трудоспособного населения, лиц призывного возраста. Регистрация населения позволяла выявить и лиц, согласных сотрудничать с германскими властями. В городе был установлен жесточайший режим прописки²¹.

В августе 1942 г. каждому жителю Севастополя вменялась в обязанность трудовая повинность. Согласно указу рейхминистра А. Розенберга от 19 декабря 1941 г., трудовую повинность должно было отработать всё трудоспособное население в возрасте от 14 до 65 лет в течение 28 дней в году на расчистке улиц, строительстве и ремонте дорог и других тяжёлых работах²².

Жителей на работу полиция сгоняла насильно. Для уклонявшихся применялась мера наказания – повешение или расстрел²³. 1 сентября 1942 г. во дворе школы № 25 на ул. Пушкина (ныне на этом месте находится сквер им. В.И. Бузина) были повешены трое ребят: Николай Лялин, Анатолий Власов и Владимир Мацук. У каждого из них на груди была табличка с надписью: «За саботаж». Об этом с болью пишет Е.А. Корнеева (Лялина). Ведь один из повешенных, Коля Лялин, её двоюродный брат²⁴.

Вспоминают очевидцы и о полуголодном существовании в оккупированном Севастополе.

Мария Васильевна Самойлова пишет, что бабушка приносила со свалки, куда немцы выбрасывали

отходы камбуза, рыбы головы, хвосты и пр. Всё это бабушка мыла, варила и кормила свою семью²⁵.

Евгения Алексеевна Корнеева вспоминает: «Наши, уходя, облили все припасы склада макаронно-мучной продукции (находился на ул. Портовой, напротив здания холодильника) керосином и подожгли, чтобы немцам не досталось. Местные жители тушили огонь и уносили с собой то, что удавалось спасти»²⁶. Хотя прошло уже много лет, тем не менее многие помнят не только рецепт, но и дымно-керосиновый вкус лепёшек, приготовленных из той муки.

Несмотря на то что жители Севастополя голодали, они находили возможность каким-либо образом передать еду узникам лагерей для военнопленных, устроенных в городе. На территории школы № 28 по ул. Лазаревской находился такой лагерь. «Каждый день военнопленных гнали на работу, а мы в это время шли в школу, – пишет В.П. Кутузова (Кияшко), – они были плохо одеты и обуты, в основном в самоделки. По дороге пленные падали в голодные обмороки, немцы тут же их добивали дубинками и закапывали на обрыве над железной дорогой, за стеной, где сейчас памятник матросу П. Кошке. Передать пленным еду было невозможно, т.к. немцы избивали всех, кто пытался приблизиться к колонне»²⁷. После освобождения Севастополя учителя, родители и дети стали приводить школу в порядок. Со слезами на глазах читали они предсмертные записи на стенах классов. А в одном из них пол был пропитан кровью. Как выяснилось, там пытали и казнили пленных. «Очень жаль, – пишет Е.А. Корнеева (Лялина), – что школу разрушили, а место, где фашисты зверски издевались над нашими соотечественниками, не обозначили памятной доской»²⁸.

22 месяца властвовали немецко-румынские захватчики в Севастополе, но час расплаты приближался. Вспоминает Евгения Алексеевна Корнеева (Лялина): «Когда немцы почувствовали, что приближаются наши войска, стали выгонять из домов жителей Лабораторного шоссе, оцепленного поверху гитлеровскими автоматчиками. Наша мама, вернувшись из города, рассказала, что видела, как немцы загружают баржи своими войсками. А на верхней палубе размещают

²⁰ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 73. Л. 35 об., 36.

²¹ *Задорожная Н.Ф.* Севастополь в период оккупации немецко-фашистскими войсками (01.07.1942–09.05.1944). С. 722.

²² *Она же.* Дом-музей севастопольских подпольщиков. 1942–1944 // Севастополь, 2007. С. 15, 16.

²³ *Она же.* Севастополь в период оккупации немецко-фашистскими войсками (01.07.1942–09.05.1944). С. 722.

²⁴ Там же; ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 73. Л. 20.

²⁵ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 73. Л. 34 об.

²⁶ Там же. Л. 10.

²⁷ Там же. Л. 26.

²⁸ Там же. Л. 20.

женщин и детей»²⁹. В.П. Кутузова (Кияшко): «1 мая 1944 г. гитлеровцы, погрузив гражданское население на грузовые машины, вывезли нас в Стрелецкую бухту и загнали нас на транспортное судно, в трюме которого сидели немцы и румыны. Началась бомбёжка. Женщины стояли на палубе и, подняв детей над головами, плакали и кричали. Наше судно было повреждено. Волной смыло за борт несколько человек, молодой женщине с грудным ребёнком оторвало обе ноги. Корабль стал тонуть, многие стояли на коленях и молились, мы с мамой попрощались и стали ждать смерти. Вода в бухте была красной от крови, раненые громко кричали. Командование транспорта приняло решение вернуться в город. Пришвартовались около госпиталя. Люди в панике бежали с корабля, но гитлеровцы пытались препятствовать нам. С трудом удалось прорваться, прибежали к своему дому (ул. Комсомольская, 12) и спрятавшись в развалках, стали ждать освобождения»³⁰.

Когда советские войска были совсем близко, многие привязывали красный материал на палку и выставляли такой импровизированный флаг на улицу³¹.

Галина Васильевна Кутузова (Папуш) в период оккупации временно проживала с мамой в уцелевшей

²⁹ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 73. Л. 20.

³⁰ Там же. Л. 27.

³¹ Там же. Л. 20 об.

комнате разрушенного дома в Балаклаве. Она вспоминает, с какой радостью они встречали первых советских разведчиков. Их было всего 7 человек, но это были предвестники долгожданного освобождения. Видела она и как летели снаряды на Сапун-гору во время артподготовки перед штурмом³².

7 мая 1944 г. Сапун-гора была взята советскими войсками, а к вечеру 9 мая освобождён Севастополь³³. Закончились мучения, страдания и унижения, принесённые жителям нашего города гитлеровскими оккупантами. Но память об этом осталась в сердцах не только взрослых, но и детей.

Эти воспоминания не имеют срока давности. Особенно в современных условиях, когда лжеисторики и западные идеологи, стремясь оправдать агрессию гитлеровской Германии и нивелировать победу советского народа в Великой Отечественной и Второй мировой войнах, фальсифицируют историю нашего государства.

Воспоминания свидетелей тех трагических дней необходимы прежде всего, нам, потомкам. Потому что, предавая забвению прошлое, мы утрачиваем нашу историческую память.

³² ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 73. Л. 30.

³³ Агишева И.Ю. Крымская наступательная операция и освобождение Севастополя в 1944 году // Севастополь. Энциклопедический справочник, 2-е изд. Севастополь, 2008. С. 438.

В.А. Арцыбашев

«Все дрались героически, не отходя со своих позиций...»: Из воспоминаний участников боевых действий в Крыму в период Великой Отечественной войны

С конца XVIII в. Крымский полуостров, присоединённый к России, традиционно играл исключительно важную роль в обороне юга нашей страны. Великая Отечественная война 1941–1945 г. ещё раз подтвердила это. Борьба за Крым между СССР и Германией продолжалась в течение двух с половиной лет и носила особо ожесточённый характер. Как отмечал в своих мемуарах Маршал Советского Союза А.М. Василевский, «враг цеплялся за Крым до последней возможности. Владея им, гитлеровцы могли держать под постоянной угрозой всё Черноморское побережье и оказывать давление на политику Румынии, Болгарии и Турции. Крым служил фашистам также плацдармом для вторжения на территорию советского Кавка-

за и стабилизации южного крыла всего [Восточного] фронта»*.

Осенью 1941 г. в борьбе за Крымский полуостров немецко-фашистские войска смогли добиться существенных успехов, захватив значительную его часть. В то же время защитники Севастополя – главной базы Черноморского флота – выстояли под натиском врага и ещё несколько месяцев (до июля 1942 г.) продолжали сковывать в Крыму большую группировку противника, нарушив тем самым планы немецкого командования. Севастопольская оборона 1941–1942 гг. вошла в историю Великой Отечественной войны как одна из

* *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 2002. С. 371.

самых героических её страниц. В этой связи, вспоминая о напряжённых боях за Севастополь, известный советский флотоводец адмирал Н.Г. Кузнецов дал такую оценку событиям тех лет: «История войн знает немало случаев упорной обороны приморских городов и военно-морских баз, но найти что-либо равное обороне Севастополя трудно. Где и когда так стойко, самоотверженно и в таком неразрывном единстве армия, флот и население столь долгое время защищали город, взятый врагом в кольцо? Где и когда осаждённые были так непоколебимы в решимости держаться до последней возможности? Подвиг Севастополя можно, пожалуй, сравнить с подвигом Ленинграда»*.

В июле 1942 г. войска Красной Армии вынуждены были оставить Севастополь, и это закрепило выгодное положение немцев в Крыму и осложнило обстановку на южном крыле советско-германского фронта. Чтобы в корне изменить её, Вооружённым силам СССР понадобилось более двенадцати месяцев. В итоге к началу 1944 г. командование вермахта рассматривало Крымский полуостров как краеугольный камень стратегической обороны на всём Восточном фронте, а советское Верховное Главнокомандование, в свою очередь, уделяло большое внимание созданию необходимых условий для полного изгнания немецко-фашистских захватчиков с этого полуострова. Активные боевые действия по освобождению Крыма и Севастополя начались весной 1944 г. и вылились в стратегическую наступательную операцию, успешно проведённую в относительно короткие сроки**. Благодаря победе в Крыму стране был возвращён важный и богатый экономический район, а силы советского Военно-морского флота стали полностью контролировать северную часть Чёрного моря***.

После окончания Великой Отечественной войны многие её участники опубликовали свои воспоминания, основанные на личных впечатлениях, дневниках и архивных документах. Авторами мемуаров о войне были представители всех родов войск, при этом наибольшую известность получили письменные воспоминания выдающихся советских полководцев. Все эти мемуары являются ценным историческим источником, так как помогают воссоздать полную картину событий военных лет. Не меньшую ценность имеют

также и устные воспоминания участников Великой Отечественной войны, сохранившиеся для потомков благодаря работе историков и архивистов. В частности, в Центральном государственном архиве города Москвы в настоящее время хранятся аудиозаписи воспоминаний участников боевых действий в Крыму в 1941–1944 гг.

Тексты этих уникальных записей, которые после небольшой литературной обработки представляются вниманию читателей альманаха «Москва – Севастополь», в известной степени дополняют документальные свидетельства героической борьбы советского народа во время обороны и освобождения Крымского полуострова от немецко-фашистских захватчиков.

Пётр Алексеевич Моргунов¹

[...] Война застала меня в должности командующего Береговой обороной Черноморского флота и начальника гарнизона Севастополя. Помню, как сейчас, было летнее время. Мы готовились к проведению большого учения по высадке десанта в северо-западном районе, в районе Одесса – Очаков. В нём принимали участие весь Черноморский флот и его главная база.

Помню, к нам прибыл заместитель народного комиссара Военно-морского флота адмирал Исаков², который выступил перед флагманами³ и прямо поставил задачу: «Мы будем проводить учения, но я указываю вам и требую, чтобы все участвующие, все соединения Черноморского флота были в полной боевой готовности, ибо у нас нет гарантии, что немцы не пойдут на провокацию и не нападут в каком-либо районе на нас. Хотя, – повторил он, – высшее начальство в Москве считает, что немцы не должны напасть на нас».

Что такое Севастополь как главная база флота? Это место, где базируется весь Черноморский флот. Там он получает снабжение, обеспечение, ремонт и все другие необходимые мероприятия, которые требуются для полной боевой готовности всего флота. Севастопольская база очень крепко была вооружена с моря. Она имела крупные башенные батареи, которые могли вести бой с любым морским противником. Эти башенные батареи в последующем принимали активное участие и в обороне Севастополя. С суши главная база была не защищена. Не было ни сухопутных рубежей, ни соответствующего количества войск, которые бы потребовались на случай обороны города с суши. Противовоздушная оборона была довольно сильная, имелись зенитные части, истребительная

* Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М., 2003. С. 199.

** Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М., 2012. Т. 4. С. 213, 215.

*** Там же. С. 230, 233.

авиация, поэтому главная база была практически неуязвима ни с моря, ни с воздуха.

Перед войной был такой приказ народного комиссара Военно-морского флота Николая Герасимовича Кузнецова⁴, в котором предписывалось заняться рекогносцировкой сухопутной обороны главных военно-морских баз⁵. На Черноморском флоте это было возложено на меня, и до войны под моим руководством была проведена рекогносцировочная разведка и сделаны намётки главного рубежа обороны.

Перехожу к тому учению, которое мы проводили. Стоит сказать, несмотря на предупреждение адмирала Исакова, что нужно быть начеку, учение прошло довольно гладко, хотя отдельные провокационные вылазки со стороны румынских кораблей всё же были. Но всё обошлось хорошо.

21-го вечером* в Севастополь вернулись корабли флота после учения. С Севастополя было снято также боевое положение, ибо город принимал активное участие во всех наших учениях, и мне, как начальнику гарнизона, приходилось вплотную заниматься в том числе и вопросами подготовки населения к обороне. В Севастополе был замечательный человек – секретарь городского комитета партии Борисов Борис Алексеевич⁶, с которым мы очень дружно работали во время обороны города. Когда был создан городской комитет обороны, его председателем Москва назначила товарища Борисова. В комитет также вошли председатель исполкома Ефремов⁷, заместитель Борисова Сарина⁸ и я, как начальник гарнизона. Вместе мы работали по подготовке местной ПВО** к обороне: к борьбе с налётами, с последствиями налётов, к оказанию медицинской помощи, к обеспечению войск и населения водой. Городскому комитету обороны приходилось решать и многие другие вопросы.

Ввиду того что только кончилось учение, 21-го было снято высшее положение, но оставлено положение боевое номер 2⁹. Мной было также снято с города затемнение.

21-го числа празднично настроенные массы вышли на улицу. Вечером с кораблей стали сходить на берег во всём белом матросы после хорошо проведённого учения. Поскольку я устал за время учения, я не пошёл в Дом Черноморского флота, а предпочёл пораньше лечь и отдохнуть. Но около одиннадцати – половины двенадцатого решил всё-таки проехать по

городу, посмотреть, всё ли в порядке, нет ли чего... Заехал за комендантом города, подполковником Старушкиным. Это был очень боевой, хороший командир, всю оборону он пробыл в Севастополе и умер уже после неё¹⁰. Старушкин проехал со мной, доложил о положении в городе, всё было в порядке, и тогда я спокойно отправился на квартиру. Лёг, чтобы до утра поспать и отдохнуть.

Но около часа ночи раздаётся звонок. Поднимает меня оперативный дежурный и докладывает, что командующим флотом приказано перейти на оперативную готовность номер 1. Я быстро оделся. Штаб мой находился напротив дома, где я жил. Сразу перебрался в штаб, позвонил, доложил командующему, что принимаю соответствующие меры: окружаю город, усиливаю патрулирование, дал городу угрожаемое положение, затемняю город и так далее. Командующий всё выслушал, одобрил и говорит: «Как освободишься, зайди ко мне». Позвонил секретарю городского комитета партии, сказал, что «имей в виду, флот переходит на оперативную готовность, но пойми – не учебную». «Есть, – говорит (как он всегда любил говорить, “приму щас все меры”). – Развернём все наши районы, дружины, отряды и будем действовать». «Что будет новое, – сказал я ему, – будет сразу тебе сообщено. Видимо, тебя тоже вызовет командующий флотом».

Около двух часов ночи, когда все наши соединения и части гарнизона доложили о переходе на боевую готовность, проверяя их, мы обнаружили, что входной фарватер у нас не затемнён. Не затемнён и Херсонесский маяк, хотя распоряжения все были даны: у нас общие приказания, угрожаемое положение, готовность номер 1, и все должны знать, кому что делать. При проверке выяснилось, что связь с этими объектами не работает. Помню, как на другой день мне мой начальник связи доложил, что было вырезано 25–50 м линии связи, поэтому не были выключены огни. Он доложил, что сразу же дал приказание, послал мотоциклистов везде, и уже к трём часам было полное затемнение. В три часа получили донесение (Евпатория доносила, мыс Сарыч доносил и так далее), что в море слышат шум самолётов, приближающихся к главной базе.

Приблизительно через 10 минут появились самолёты, идущие прямо с моря на базу. Я поднялся на свою вышку на здании штаба, с которой очень хорошо был виден весь подход к Севастополю. И в лучах наших прожекторов были обнаружены вражеские са-

* 21 июня 1941 г.

** ПВО – противовоздушная оборона.

молёты. Вскоре стали поступать донесения, что немцы сбрасывают парашютистов, да и сам я увидел, что самолёты сбрасывают в море парашютистов. Естественно, подумал, какая же цель была сбрасывать в море? Могла быть, конечно, ошибка в вычислении. Потом мы открыли по самолётам ураганный огонь, сбили их с курса, и они стали сбрасывать как попало. Вскоре выяснилось, что они сбрасывали новые магнитно-акустические мины, чтобы закрыть выход кораблям из главной базы. Но эта задача была сорвана. Два самолёта были сбиты, остальные отвернули, побросав где попало свои мины, и ушли. Таким образом, внезапности у немцев не получилось. Севастополь был подготовлен к обороне, но всё-таки вероятность сброса диверсантов беспокоила нас.

Утром стало ясно, что началось внезапное нападение немцев на Советский Союз. Севастополь начал готовиться к боевым действиям, а главным образом к обороне с суши, ибо первые дни показали: пользуясь внезапностью, несоответствием развёртывания всех наших частей на границе, немецким войскам удалось сильно вклиниться на нашу территорию и продолжить движение на восток.

Подготовка Севастополя к обороне была возложена на меня. Я, как начальник гарнизона, вместе с начальником инженерного отдела флота начал заниматься строительством рубежей. Строили пулемётные, артиллерийские доты, проволочные заграждения, рвы и так далее.

В период с начала войны до подхода немцев к Севастополю мы построили три линии обороны. Но, конечно, всё полностью, как бы нам хотелось, не было закончено. Однако несмотря на это, возведённые сооружения послужили основным костяком в обороне и сыграли большую роль в отражении первого штурма немцев.

Хочу кратко остановиться на обстановке, которая к сентябрю [1941 г.] сложилась на Черноморском флоте. 31 августа немцы подошли к Днепру и начали форсировать реку в районе Берислав – Каховка. В это время Черноморский флот, Одесская его база, вёл борьбу с немецкими и румынскими войсками, обороняя город Одессу¹¹. Командовал там адмирал Жуков¹². Там же находилась и Приморская армия, которой командовал генерал Софронов¹³. Совместно база и флот героически сражались и отстаивали Одессу. Они бы могли ещё её отстаивать, но условия сложились такие, что 11-я армия Манштейна¹⁴, которая форсировала Днепр, направилась к Перекопу и Чонгару с целью

ворваться в Крым. В Крыму к этому времени была произведена реорганизация и формировалась 51-я армия¹⁵. Но сил её было недостаточно, поэтому командование флотом просило Ставку и Сталина о том, чтобы эвакуировать Приморскую армию с Одессы и бросить её на Перекопские и Ишуньские позиции. Что вскоре и было сделано. Вся армия блестяще была эвакуирована, практически без потерь в море. Прибыв в Севастополь 15 октября¹⁶, она была направлена на Перекопские и Ишуньские позиции.

Нужно сказать, ещё в августе месяце я выезжал на Перекоп, чтобы помочь армейским товарищам своей артиллерией. Установил там 31 морское орудие, которые героически дрались с немцами при входе их в Крым.

В середине сентября [1941 г.] армия Манштейна продолжала наступление на Перекоп и 23 сентября захватила город Армянск. Контратака группы Батова¹⁷ результатов не дала. Наши войска вынуждены были отойти на Ишуньские позиции¹⁸.

Однако наши войска, во главе которых в октябре месяце уже стоял адмирал Левченко¹⁹ (ему подчинялась и Приморская армия, и 51-я армия)²⁰, какие бы меры ни предпринимали, чтобы удержать противника на Ишуньских позициях, результатов не добились. Ибо 11-я армия имела три сильных корпуса, большое количество танков, превосходство в авиации. Поэтому наши войска, как ни дрались героически на Ишуньских позициях, не выдержали и вынуждены были откатываться на юг Крыма. 51-я армия – в направлении на Керченский полуостров, а Приморская армия – в направлении Севастополя. Но прямо к городу ей не удалось выйти. Шоссе, соединяющее Симферополь с Севастополем, до отхода Приморской армии было перерезано, и Приморской армии пришлось прорываться к городу окружным путём, через Ялтинское шоссе.

Манштейн наметил себе план – с ходу взять Севастополь. Для этого он направил в него 54-й корпус и сформировал отдельную мотомехбригаду с танками Циглера. И они ринулись в атаку на Севастополь.

Должен сказать, первый, кто их встретил 30 октября [1941 г.], это у меня был на побережье моря (по направлению от Севастополя к Евпатории в 30 км) сделан небольшой форт, где находилась 100-мм батарея с небольшим гарнизоном. И вот 30 октября в 16 ч 35 мин к этому форту подошла колонна Циглера. Батарея открыла огонь. Наши наблюдатели докладывали, что наши снаряды рвутся в колонне, летят немецкие машины, летят немецкие танки и другие

передвижные средства. Немец несёт большие потери. Эта батарея в течение трёх дней сражалась с немцами и за три дня уничтожила большое количество живой силы, много (до 25) танков, сотни машин. Но батарея в составе 100–150 человек уже имела потери более 67% личного состава. Батарее бомбила авиация, обстреливала тяжёлая артиллерия, а люди всё держались и уничтожали врага.

Нужно сказать, на батарею дрались не только бойцы, но и женщины – жёны командиров и старшин. Можно привести такой пример: жена Заики²¹ – командира батареи, жена Портова (фамилия фельдшера), жена старшины Заруцкого с винтовками в руках отражали немцев и уничтожали противника, одновременно с этим оказывая санитарную помощь раненым бойцам. Но сила, как говорят, есть сила.

В ночь на 2 [ноября 1941 г.] батарею было приказано отойти. Туда были посланы катера и тральщик, и нам удалось снять оставшихся в живых 28 человек, которые были переведены в Севастополь. Начало боя этой батарее является началом обороны Севастополя.

Для нас было совершенно ясно, что день-два – и враг будет у Севастополя. В это время Октябрьский²², командующий флотом и одновременно Севастопольским оборонительным районом, находился на Кавказе²³.

Мы ждали подхода немцев. 1-го числа* они стали подходить. Какие же силы были в Севастополе, скажу кратко. У нас было всего 23 тыс. моряков. На сухопутье – отдельные батальоны, бригады, полки, на которые мы рассчитывали, но это при длине фронта более 50 км представляло ничтожную величину. Требования наших старых уставов было такое: при нахождении в обороне дивизии участок максимум 10 км²⁴. Значит, при нашем фронте должно быть минимум 5 полнокровных дивизий. А мы 2 дивизии, грубо говоря, имели.

Но наши герои-моряки смело вступили в бой. В это время за командующего был начальник штаба флота Елисеев²⁵, который принял меры: в течение двух дней сформировал ещё пять-шесть батальонов. Мы их бросили в бой.

Командование сухопутным направлением возлагалось на меня. Был там ещё и заместитель командующего по всем вопросам обороны базы – контр-адмирал Жуков, который принимал активное участие в отражении наступления врага.

* 1 ноября 1941 г.

1–2-го числа** немцы появились в районе Бахчисарая, вступили в бой с нашим передовым батальоном, сформированным из командного училища береговой обороны, который героически дрался в течение трёх дней. Помню, был там один старшина – Мальцев. Пошёл он в разведку с тремя бойцами, обнаружил немцев, но и их группу обнаружили. Стали они отстреливаться. Немцы ранили двух бойцов, один тут же вскоре скончался. Второму Мальцев приказал отходить, а сам остался, чтобы оказать сопротивление. Он бросал в немцев гранаты, стрелял из автомата. Много положил немцев, но они прорвались к нему. И тогда Мальцев, чтобы не сдаваться живым в плен, последнюю гранату бросил себе и немцам под ноги, и все они погибли²⁶.

Враг подошёл к Севастополю и начал окружать город. Все его попытки прорваться к Севастополю, взять его с ходу, как планировал Манштейн, не увенчались успехом. Поэтому он стал постепенно, начиная с севера, обходить, окружать. Впереди там шла 132-я дивизия, потом 50-я дивизия подошла. Батареи береговой обороны вели в это время ураганный огонь. Даже 30-я батарея (это 305-мм батарея, которая представляет собой целый завод: вся находится под землёй, более 700 человек личного состава) тяжёлыми снарядами, часто поставленными на шрапнель, уничтожала большие группы противника. Мы почувствовали, что наш личный состав, хотя и мало был подготовлен к боевым действиям, дерётся хорошо.

Вскоре к Севастополю стала подходить Приморская армия (отдельные части), прибыл командующий армией Иван Ефимович Петров²⁷. Явился он к командующему флотом, туда вызвали и меня. Командующий флотом поставил задачу командующему армией: «Давайте скорее форсируйте подход вашей армии, а сами вот вместе с генералом Моргуновым начинайте включаться. Будете моим помощником и заместителем по отражению сухопутного противника». Мы с Петровым объехали всё, я его ознакомил с обстановкой, затем опять явились к командующему. После этого Петров решил остановиться на моём командном пункте (бетонный, солидный командный пункт), где мы с ним вместе продолжали отражать наступление противника.

Помню, 7 ноября [1941 г.] немцы рвались по Дуванкойской долине. Их задачей было обойти слева наши 3-й морской полк и 18-й отдельный батальон,

** 1–2 ноября 1941 г.

стоявшие в обороне, прорваться в тыл и там их разгромить. Для того чтобы предотвратить это, на возвышенность была выслана очень маленькая группа бойцов – 5 человек с гранатами, бутылками и пулемётом.

7-го рано утром бойцы приготовились к отражению атаки. Появились танки в небольшом количестве – 7 штук. Наши герои – Красносельский, Цибулько, Одинцов, Паршин и возглавлявший их Фильченков²⁸ – открыли огонь по танкам и десанту, который был на танках. Загорелся первый танк, вскоре загорелся второй. В это время Красносельский (он был пулемётчиком²⁹) открывает огонь по третьему танку, попадает в смотровую амбразуру³⁰, убивает их водителя, и танк начинает крутиться на месте. Скоро Паршин подполз, бросил ещё пару бутылок, и – три танка полыхают. Вскоре и четвёртый танк запылал. Видя такое положение, немцы повернулись и стали отходить.

После этого Фильченков скомандовал: «Давайте, сегодня праздник, покушаем». Сели, покушали, выпили, как говорят, по 100 положенных грамм и стали ждать следующей атаки.

Проходит некоторое время, появляется 15 танков. Идут с большим количеством автоматчиков. Опять наши герои стали отражать атаку врага. Подбили один танк, вскоре второй, третий танк, уже кончаются патроны, остаётся несколько бутылок и гранат. Был убит Красносельский, ранен Цибулько, осталось три бойца. Ранен в руку Фильченков. Видя, что делать нечего, он берёт, привязывает к своему поясу гранаты, встаёт и движется на впереди идущий танк. Танк наезжает на него, гибнет, конечно, он, но большой взрыв – и танк загорается и начинает пылать. Видя это, остальные два бойца последовали его примеру – взорвали по танку. Немцы опять были вынуждены повернуть и отойти. В это время подошло подкрепление, и погнались немецких автоматчиков. Все эти пять человек были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

До 10-го числа* дрались севастопольцы, главным образом моряки, потому что армии ещё не было, и отражали атаки врага. Задача немцев взять Севастополь с ходу не вышла. Перерезать Ялтинское шоссе, чтобы не пропустить подходящие части Приморской армии, тоже не вышло.

9-го числа** вечером прибыли части Приморской армии, которые поставлены были на рубежи. Петров

отдал соответствующий приказ по секторам, третий сектор мы разделили теперь на два самостоятельных сектора. Везде поставили опытных в обороне командиров, имевших опытные штабы, включая и штабы полков³¹.

Личного состава, должен сказать, прибыло недостаточно. Почему? Потому что в боях на Ишуне при отходе, нанося врагу большие потери, приморцы сами многих потеряли. Поэтому прибыли в малочисленном составе. Но командующим флотом, когда мы были с Петровым, было принято решение – Приморскую армию привести в боевое состояние немедленно. Для этого всю морскую пехоту мы передали в её подчинение, влили наши батальоны в их полки, и получился сильный, крепкий организм, с опытными боевыми командирами, среди которых были генералы Новиков³², Ласкин³³, Коломиец³⁴, Воробьёв³⁵, хорошо дравшимися в районе Одессы и на Перекопе. Им предстояло так же героически драться и в Севастополе.

Таким образом, немцы, не выполнив задачу Манштейна с ходу взять Севастополь, стали пробовать прорваться в город с востока, то есть, когда отошла Приморская армия, они вышли на Ялтинское шоссе и стали с востока атаковать Севастополь. В течение 10 дней шли сильные бои, но прорвать наши позиции противнику не удалось. Что ему удалось сделать, бросив 105-й пехотный полк 72-й дивизии, это захватить наш форт – бетонное сооружение на правом фланге в районе города Балаклавы. Большого немцы сделать не смогли, понесли большие потери и вынуждены были отказаться от дальнейшего штурма.

Не могу не отметить роль авиации, которая помогла нам, хотя было всего около сотни самолётов. Приведу только один пример. Был такой лётчик-истребитель Яков Иванов³⁶. Он часто поднимался в воздух, вступал в бой с немецкими самолётами, сбивал их, самому доставалось, но всегда он благополучно садился. 14 ноября в бою с немцами, сбив один самолёт, он израсходовал все патроны, а немцы стали отходить. Он решил преследовать их, нажимает на гашетку раз, два, три... Нет выстрела. Тогда он решает таранить врага, заходит с хвоста, ударяет пропеллером по хвосту немецкого самолёта, и тот, рухнув на землю с лётчиками, взрывается³⁷. 17-го числа*** Яков Иванов опять летит, опять бой, опять сбивает один самолёт, начинает преследовать другой, тот уходит в море низко очень, и он пошёл туда за ним. То же самое – кончаются патроны,

* До 10 ноября 1941 г.

** 9 ноября 1941 г.

*** 17 ноября 1941 г.

и он опять решил таранить. Но тут получилось, что он протаранил, сбил, но и его самолёт стал также падать в море, и Якова Иванова не стало. Погиб. Ему потом посмертно дали звание Героя Советского Союза.

В общем, первый штурм герои Севастополя отбили³⁸. После этого перед защитниками города встала задача: готовиться к отражению следующего штурма, ибо немцы (мы имели разведданные) усиленно готовятся, чтобы взять всё-таки Севастополь. И приблизительно в середине декабря [1941 г.] они были готовы, подтянув к Севастополю 72, 50, 24 и 132-ю дивизии и 1-ю горнострелковую бригаду румын. И ещё ряд частей. Подтянув артиллерию, стали обстреливать и наши боевые порядки, и город, и батареи береговой обороны, которые особенно они не любили. Нужно сказать, наши дивизии к этому времени укомплектованы были недостаточно, порядка 60%. Были ещё две морские бригады – это 8-я и 7-я – и два полка, которые были укомплектованы на 100%. А армейские части, несмотря на наши просьбы, не получили достаточного маршевого пополнения. Часть была получена, но этого оказалось мало. Но опять все наши силы были подготовлены, причём заранее правильно, это заслуга и командования СОРа*, и генерала Петрова, который знал, получив разведданные, откуда будет атаковать противник, где он будет наносить главный удар: опять северо-восточное направление.

В Севастополь к этому времени была переброшена ещё 388-я стрелковая дивизия. Эта дивизия формировалась в Азербайджане. Но нужно отметить, что она оказалась недостаточно подготовленной. Собрав все силы, мы готовы были в любой момент, как пойдёт противник, его отражать. И вот наступило, помню, 17 декабря 1941 г. Как ни странно для Севастополя, в котором я прожил почти 30 лет, в это время стоял мороз, особенно в горах. Люди начали мерзнуть, ну их стали снабжать обмундированием. Но беда была у нас в это время в чём? Не оказалось у нас ни водки, ни спирта. Зато был у нас миллионный запас бутылок шампанского. Поэтому мы вынуждены были давать бойцам по бутылке шампанского. Они выпивали. По-едешь, бывало, в дивизию, на передовую. «Товарищ генерал, дайте лучше водочки. А это шипучка, от неё только мёрзнешь». Счастье наше, что мы отыскивали на складах флота несколько тонн спирта-сырца. Сделали анализ, оказался очень хорошим, и мы стали давать бойцам этот спирт.

* СОР – Севастопольский оборонительный район.

17-го числа, на рассвете, немец открыл ураганный огонь по нашим боевым порядкам, по КП** и в районе Мекензиевых гор, в районе Камышловского оврага перешёл в наступление по направлению Северной бухты, имея задачу выйти в Инкерман, разъединить нашу северную группировку и уничтожить её. Несколько дней шёл кровопролитный бой на северной стороне, но наши боевые защитники – армейцы и моряки, взаимно поддерживая друг друга, отражали натиск врага. Но противник рвался к Севастополю, подтягивал новые резервы, подвозил крупнокалиберную артиллерию (до 450 мм) и вёл огонь по нашим боевым порядкам. Наши резервы были все израсходованы. Брошен был в бой прибывший последний резерв – 388-я дивизия, которая попала под удары противника, рассеялась и вынуждена была отойти. Резервов больше нет, враг рвётся.

Помню, 19-го вечером*** адмирал Жуков собрал флагманов, а там были главным образом кто? Командующий в это время – Октябрьский – был на Кавказе, готовил десантную операцию в Керчь³⁹, а за него остался Жуков. Пригласил Петрова, меня, мы всегда бывали на военном совете, все вопросы решались всегда в нашем присутствии. Решили найти резервы в своих частях. Я предложил, что несколько батальонов я найду, батальонов шесть наскрести можно. Петров говорит, с наших артиллерийских частей... В общем, за ночь мы подготовили несколько батальонов, бросили на Мекензиевы горы и несколько задержали противника. Но враг всё рвётся к Севастополю. Нам усиленно подвозят боезапас, а расход его был колоссальный, но благодаря тому, что время тёмное было, то есть дни короткие, а ночи длинные, поэтому боевые корабли и даже транспорты за тёмное время суток могли подойти до Севастополя и благополучно доставить боезапас. Таким образом, бой шёл всюду.

Хочу здесь отметить героический бой, который вёл пулемётный взвод № 11. В нём было 8 человек матросов. Старшина их – Сергей Раенко⁴⁰ – командовал взводом. Как только начался второй штурм 17-го числа****, он сразу вступил в бой в районе Камышловского оврага и отражал противника. Вскоре он получил ранение, но продолжал действовать. Немцы наступали уже около этого взвода, около 100 немецких захватчиков было уничтожено. Ведут артиллерийский

** КП – командный пункт.

*** 19 декабря 1941 г.

**** 17 декабря 1941 г.

огонь, бомбят этот дзот, уже он весь изуродован, стенки его разрушены, часть открыта. Бойцы продолжают вести бой. Ещё два человека убиты во второй день. Положение создаётся очень тяжёлое, но бойцы этого дзота перед началом штурма дали клятву никуда не отходить, драться до последнего, погибнуть, уничтожая немцев. Нужно сказать, в течение трёх дней они дрались, проявив невиданный героизм. Отбивали врага, уничтожали его. Вскоре к ним была послана подмога – 3 человека, которые тоже вступили в бой. И так в течение трёх дней они отражали немцев. Все погибли там. Вскоре, когда мы контратаковали немцев, заняли этот дзот, нашли одного краснофлотца, раненого Еремко, который лежал под кустами (немцы его не заметили). Он рассказал о героических подвигах своих боевых товарищей. Нужно сказать, что они действительно отдали всё. И вот тогда же мы нашли у Калюжного, который замещал командира отделения⁴¹, в противогазе его записку, написанную кровью: «Клятву сдержал. Погибаю. Не пускайте немцев к Севастополю». Так героически дрался этот дзот.

Это я привёл пример, что все здесь дрались героически. И 25-я Чапаевская дивизия, и 95-я дивизия, и 345-я дивизия, которая прибыла.

К 19–20-му числу* создалось такое положение, что нечем нам уже драться. Жуков с Кулаковым⁴² (членом военного совета) дали телеграмму Сталину: «Окажите помощь, иначе немец прорвётся». Уже через день, 21-го числа, в Севастополь прорвалась эскадра кораблей с частями 79-й бригады моряков и тут же вскоре с частями 345-й дивизии. Это значительно помогло нам организовать оборону, отразить наступление немцев, сдержать их, но они до последнего дня дрались. Попала в тяжёлое, критическое положение батарея, одна наша башенная батарея № 30. Её окружили немцы, хотели подорвать. Пришлось что сделать? Приказал я одному из дивизионов открыть огонь по ней. Командиру батареи передал – убрать личный состав, пока авиация будет налетать и артиллерия будет стрелять, а пехота приготовилась контратаковать. 28-го числа** нанесли удар сначала артиллерией, тут же по договорённости Николай Алексеевич (это друг мой был, командующий воздушными силами⁴³) сообщил мне: «10 самолётов-штурмовиков стоят в готовности к вылету. Даю им переадресовку, сейчас ударят по батарее». Таким образом уничтожили немцев и батарея была спасена.

* К 19–20 декабря 1941 г.

** 28 декабря 1941 г.

Прибывшие части все включились в бой, и бой продолжался не только на севере и востоке – 79-я бригада, 109-я дивизия⁴⁴ отлично дрались, и 388-я, остатки которой бросили туда, отражала противника. В это время началась высадка десанта на Керченский полуостров, который вскоре был захвачен. Немец, почувствовав, что взять Севастополь ему не удастся, так как сил у него нет и надо бросать часть сил уже на Керченское направление, начал отводить их именно туда.

Таким образом, враг и во время второго штурма не смог взять Севастополь. Я должен сказать, что в течение 17 дней непрерывных боёв, без отдыха, героизм проявляли все – и моряки, и приморцы, и артиллеристы, и авиаторы, и минёры, и сапёры. Все дрались героически, не отходя со своих позиций, массово уничтожая немцев. Характерно, что в это время наша газета «Правда» писала про оборону Севастополя в своей передовице. Хочу привести небольшую выдержку: «Несокрушимой скалой стоит Севастополь. Беззаветная отвага его защитников, их железная решимость и стойкость явились той несокрушимой стеной, о которую разбились бесчисленные яростные атаки врага. Привет севастопольцам! Родина знает ваши подвиги, Родина ценит их, Родина никогда их не забудет!»⁴⁵

Нельзя промолчать о роли женщин в обороне Севастополя. Я приведу тут два-три маленьких примера.

Была у нас пулемётчица Нина Онилова⁴⁶, текстильщица с одной из одесских фабрик. Она героически дралась в Одессе, была ранена, поправилась и прибыла в Севастополь, опять в ту же Чапаевскую дивизию, и героически дралась. Я её видел, была она у нас на командном пункте, когда ей Петров вручал орден Красного Знамени и попросил меня присутствовать при этом, ибо ей, говорит, будет приятно. Я смотрю: пришла девушка, маленького роста, на лице у неё большой шрам, блестящая кожа такая. Спрашиваю: «Ну как ты дерёшься?» «Как... – говорит. – Дерусь. Привыкла уже. Пулемёт знаю я в совершенстве». «А как вот ты, командир отделения, как же тебя слушают бойцы? Матросы, красноармейцы и так далее?» «А что, они знают, что я отлично знаю пулемёт, готовлю его. Он никогда у меня не отказывает. И относятся ко мне с уважением. Вы говорите, как они слушаются... Меня даже матрос один слушается и работает со мной вторым номером». Нужно сказать, эта героиня отлично сражалась и во время первого, и во время второго штурма, и потом. Досадно было то, что в перерыве между боями, который получился с января по май месяц, она

была тяжело ранена в живот и скончалась, её похоронили на кладбище в Севастополе. Впоследствии ей присвоили звание Героя Советского Союза.

Были и ещё девушки. Людмила Павличенко – знаменитый снайпер⁴⁷, она и сейчас в Москве живёт. Мария Байда, разведчица⁴⁸. Они обе тоже Герои Советского Союза. Мария Байда сейчас живёт в Севастополе, ведает ЗАГСом*. Был случай, кратенько скажу, пошла она с матросами в разведку и захватила в плен офицера. Два матроса были ранены, она и их вытащила, и притащила этого пленного офицера. Когда его допрашивали, он говорит: «Скажите, кто меня взял в плен?» Ему отвечают: «Сейчас позовём». Входит Мария Байда. Она действительно такая полная здоровая женщина. «Вот, – говорят, – кто». Офицер махнул рукой: «До чего я дожил, что даже женщины уже берут нас в плен». Нужно сказать, женщины города много работали, приносили пользу нашим защитникам.

Таким образом, второй штурм кончился, настал период относительного затишья, как мы говорим. То есть были мелкие бои местного значения. На Керченском направлении стояло три армии⁴⁹. И вот 8 мая [1942 г.] немец ударил по этой группировке, прорвал её оборону, и наши войска покатались. Три армии отошли, много погибло людей, часть войск перевезли на кавказское побережье, но потеряли много техники. Для нас это было решающим. Мы почувствовали, что сейчас, когда отошли три армии, нам с одной армией будет очень тяжело.

Немцы с 20-го числа** начали вести подготовку. Мы уже имели копию приказа Манштейна о начале третьего штурма. Вспоминаю, что собой представлял в этот подготовительный период город. Ночью – сплошной костёр, всё пылает, всё горит. «Ну, – думаешь, – в городе все погибли, никого нет». На другой день поедешь, смотришь, люди живут. Все в подземельях, в ущельях всяких, знаете ли, рыли норы всякие, живут и работают даже, работают на оборону. Изготавливали и снаряды, и мины, и ручные гранаты, и телефонный кабель, и много что ещё.

Хочу остановиться кратко на соотношении сил. Возьмём личный состав войск. У противника было 205 тыс., у нас около 100 тыс. человек. Орудий у противника 1325, у нас 600 штук. Танков у противника 450, у нас 38, то есть в 12 раз меньше. Авиации в 9 раз меньше. Кроме того, враг имел семь немецких

дивизий, три румынских и ещё подтягивал туда много полков и других специальных частей. Но мы были готовы, несмотря на тяжёлое положение, отразить и этот штурм⁵⁰.

Что самое тяжёлое было в этот период? Было лето, а на юге очень продолжительное время суток – светлое. Следовательно, переход кораблей морем очень затруднён, а тем более транспортов, теплоходов и так далее. Поэтому, чтобы подвезти войскам боезапас в Севастополь, многим рисковали, ибо авиация у немцев господствовала и в воздухе, и на подходах к Севастополю и топила корабли. Кроме того, немцы имели маленькие подводные лодки, торпедные катера, а также специальные катера по борьбе с нашими кораблями. Всё это усложняло снабжение Севастополя.

Настало время штурма. Немец 7-го числа*** рано утром открыл ураганный огонь по Севастополю, по боевым порядкам, по артиллерийским позициям береговой обороны и армии, стремясь их уничтожить, не допустить того, чтобы они уничтожали группы противника, готового перейти в атаку на наши войска. Противник после этой артиллерийской и авиационной подготовки, опять-таки с северо-востока, перешёл в наступление четырьмя своими дивизиями – 24, 50, 132, 22-й, при поддержке больших групп танков. Врага встретили 172-я дивизия, которой командовал полковник Ласкин, и 79-я бригада морской пехоты, которой командовал полковник Потапов⁵¹. С места в течение трёх дней они не сходили, дрались. За три дня от этой группировки, то есть от дивизии и бригады, почти ничего не осталось. Помню, в своих воспоминаниях «Утерянные победы» Манштейн пишет, как немцы стремились прорваться через Дуванкойскую долину. Но хорошо расположенная береговая артиллерия уничтожала их и препятствовала продвижению. Но не только береговая: армейская артиллерия тоже отлично действовала. Командовал ею тогда боевой полковник (к концу войны он стал генералом), очень опытный артиллерист, я к нему всегда относился и отношусь с уважением⁵². И береговая артиллерия, взаимодействуя с ним, отлично помогала ему, уничтожала врага.

Штурм начался не только в северной части, на востоке враг тоже пробовал наступать. И 8, и 9, и 10-го****, но везде его отражали. Там, на востоке, он не мог продвинуться, а на северной стороне он по-

* ЗАГС – орган записи актов гражданского состояния.

** С 20 мая 1942 г.

*** 7 июня 1942 г.

**** 8–10 июня 1942 г.

дошёл опять к Мекензиевым горам. И нужно сказать, врезался клином в районе Сухарной балки и грозил выйти к Сухарной балке, отрезать опять IV сектор с его силами. Снова окружили 30-ю батарею. Почему её всё время окружали? А потому что она – стационарная бетонная батарея, вся находится под землёй, её перенести никак нельзя. Опять батарея была окружена, героически дралась, расстреляла весь боезапас, но спасти её нам не удалось. Оттуда прорвался один офицер, помню, доложил мне обстановку, но у нас не было достаточных сил, чтобы контролировать, подорвать её, и остатки (а там оставалось около 300 человек) вывести не удалось. Отдельные группы пробовали прорываться – погибали. Командир батареи капитан Александр⁵³ (потом майором он стал) решил подорвать батарею (правильно, такие указания ему были даны) и прорваться в тыл к партизанам.

Какие драматические там эпизоды были! Немцы, когда ворвались внутрь, в одном каземате человек 40–50 раненых лежало. И никак они их не могли взять, потому что бронированные двери. Но что они сделали? Просверлили отверстие и стали туда пускать химические вещества. И, конечно, весь личный состав, все раненые погибли. Александр с группой бойцов через подземные ходы, канализационные, вылез, но его в районе Бахчисарая встретил татарин один. Узнал. «А! – кричит. – Это Александр!» (немцам). И они его забрали. Ему предлагали службу, как опытному артиллеристу, он от всего отказался и был ими там уничтожен.

Нужно сказать, что в разгар боёв, 12-го числа*, мы получили телеграмму Верховного Главнокомандующего Сталина с приветствием, где он писал: «Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа. Уверен, что славные защитники Севастополя с достоинством и честью выполнят свой долг перед Родиной».

Бои продолжались. Вскоре нам пришлось отойти с Северной стороны, оставить там только отдельные опорные пункты. 27-го числа** в Севастополь всё-таки прорвались корабли. Два было послано – «Ташкент» (лидер эсминцев) и «Безупречный». Но «Безупречному» не удалось дойти – он попал под налёт в море, маневрировал, уходил от них, а они волнами налетали...

В конце концов было два прямых попадания, корабль раскололся и пошёл ко дну, и весь личный состав погиб. Когда к этому месту подошёл, направляясь в Севастополь, «Ташкент» и хотел спасти людей, кто плавает, то люди, гибнущие в воде, кричали: «Проходите, идите в Севастополь, а то вас разбомбят». А «Ташкент» вёз примерно полторы тысячи, даже больше, личного состава. Налетели самолёты, стали опять бомбить и тонущих, и «Ташкент». «Ташкент» тогда взял курс на Севастополь и благополучно прорвался.

В ночь на 29 [июня 1942 г.] Петров, я помню, обратился ко мне: «Пётр Алексеевич, давай сегодня вечером вызовем командиров дивизий, бригад. Заслушаем, что же у нас есть». Вызвали в ночь их, доложили они, что в наших дивизиях по 400 человек, в бригадах по 200 человек осталось личного состава. Драться почти что нечем. Но беда в том, что у нас не было боезапаса. Особенно в армейской артиллерии. Береговая в лучшем положении была. Почему? Потому что к началу штурма армия имела до 2–3 БК***. А мы у себя в переводе на армейский имели по 10, а некоторые – боезапас и по 12 БК. И сэкономили мы наши морские снаряды, били, где действительно необходимо.

Доложили о том, что людей мало, но все готовы выполнить боевую задачу и будут драться до конца. Угостил Петров в последний раз людей ужином, и они разошлись. А с утра начался опять бой.

Немцы в ту ночь решили переправиться с Северной стороны на Угольную пристань, к району электростанции и так далее. Переправа эта им удалась. Они стали высаживать суда с людьми, подвозить, распространяться и опять наступать. Одновременно немцы пробовали отрезать наш тыл. Они бросили небольшой десант, на 9–10 шхунах, и хотели высадить его в районе Херсонесского маяка, где был наш главный аэродром, отрезать его и тем самым отрезать все наши тылы. Но батарея № 18, береговой обороны, своевременно обнаружила противника, открыла огонь, потопила 9 шхун, и десант этот был сорван, задачу он не выполнил.

Последние дни, нужно сказать, люди дрались героически, но всё время сокращали линию фронта, отходили вглубь. Перешёл в ночь на 30 [июня 1942 г.] и военный совет СОРа из Севастополя на Херсонесский полуостров. Бои всё время продолжались, но уже драться было некому. Немцы опять нанесли сильный удар по Севастополю, по городу, и стали его атаковать.

* 12 июня 1942 г.

** 27 июня 1942 г.

*** БК – боекомплект.

Встал вопрос: что дальше делать? Донесено было в Москву. Москва приказала приступить к эвакуации. Но нужно сказать, эвакуировать на боевых кораблях, на транспортах, как это было сделано в Одессе, когда 56 тыс. одним залпом перебросили, тут уже было невозможно. Часть эвакуировалась на малых кораблях, на подводных лодках, на тральщиках (небольшие такие корабли), которым удавалось прорваться, и они часть людей эвакуировали, часть ушла к партизанам. Многие погибли. Тяжело то, что много осталось раненых. Но выхода никакого не было.

Самое тяжёлое – это последние дни, когда мы уходили из Севастополя. Особенно для меня было тяжело. Прослужил я всего 30 лет, из которых 20 лет – в Севастополе. Уходить, бросать людей, бросать технику, бросать город, который настолько был родным, было трудно. Но приказ есть приказ. Мы вынуждены были уйти.

3 июля [1942 г.] был оставлен Севастополь. Последние 25 дней противник непрерывно штурмовал город. Советские пехотинцы, моряки, командиры и политработники совершали чудеса воинской доблести и героизма в деле обороны Севастополя. За этот короткий период немцы потеряли под Севастополем до 150 тыс. солдат и офицеров. Из них не менее 60 тыс. убитыми и много боевой техники. За 250 дней фашисты потеряли около 300 тыс. убитыми и ранеными. Военно-политическое значение Севастопольской обороны в Отечественной войне советского народа огромно. Сковывая большое количество немецко-румынских войск, защитники города спутали и расстроили планы немецкого командования. Железная стойкость севастопольцев явилась одной из важнейших причин, сорвавших пресловутое весеннее наступление немцев⁵⁴.

Но недолго немцам пришлось господствовать в Севастополе. В 44-м году, в мае месяце, войска под командованием Толбухина⁵⁵ атаковали Крым, ворвались в Севастополь. Одновременно и Приморская армия наступала на Севастополь, и в течение трёх-четырёх дней Севастополь пал – взят был нашими победоносными войсками⁵⁶.

В 41-м и 42-м годах немцы потратили, чтобы взять весь Крым, 285 дней. И только на Севастополь – 250 дней. Наши же войска, наступая в 44-м году, в апреле – мае, взяли весь Крым за 35 дней, а Севастополь они, немцы, смогли удержать только четыре-пять дней, а потом город был уже в наших руках.

Сейчас немцы объясняют это тем, что было превосходство советских войск. Но нужно сказать от-

кровенно, что аналогичное превосходство у немцев было в 41-м и 42-м годах, но они взять Крым и Севастополь так быстро не смогли. Почему? Потому что политико-моральное состояние, преданность наших войск своему государству, своей Родине, своей партии были настолько велики, что люди дрались до последнего, не отходили, этим и объясняется и героическая 250-дневная оборона Севастополя, и 3–4-дневное его освобождение. Всё это ясно.

И последнее, на чём я хочу остановиться. В 1945 г. в Ялте состоялась конференция глав государств, куда прибыли Сталин, Черчилль и Рузвельт. С ними были и руководители вооружённых сил Америки и Англии. Помню, особенно английская группа очень заинтересовалась обороной Севастополя. Мне командованием флота предложено было встретить англичан, сделать им доклад об обороне и освобождении Севастополя (а в группе были маршал Вильсон, маршал Александер, Монтгомери⁵⁷, адмирал Каннингхэм и др.). Вильсон и Каннингхэм задали вопрос: «Скажите, генерал, чем объяснить, что русские солдаты, моряки дрались до последней капли крови, не отходили?» Что я мог им сказать? То, что было действительно: преданностью советской власти, преданностью нашей Родине, преданностью партии. Вопрос стоял – быть или не быть советской власти. Люди понимали, дрались, погибали, но выполняли боевые задачи.

Владислав Владиславович Микоша⁵⁸

Первый день войны застал меня дома, в Москве, на Ленинградском проспекте, недалеко от Белорусского вокзала. Ночью, вернее, не ночью, а на рассвете, меня разбудили воробьи на балконе, которых я всегда кормил. Я проснулся и уже не мог уснуть. Воробьи там чирикали всю ночь. Наконец я их шуганул, пробовал ещё раз заснуть, но ничего не получилось. Тогда я начал крутить ручку приёмника (у меня был приёмник очень хороший – СВД-9, тогда он считался одним из лучших), короткие волны ловить. Шла какая-то музыка джазовая. Вдруг музыка прервалась и взволнованный голос на английском языке начал говорить. Я немножко соображал по-английски. И он сказал, что только что произошло нападение на Советский Союз. И назвал все города⁵⁹. Я даже не поверил, я думал, что это какая-то провокация. Не может быть! Как это так: нападение на Советский Союз? Тогда я стал крутить ручку дальше. Где-то ещё играла музыка, а где-то уже на французском, на испанском и других языках повторялись те же города. Тогда я начал уже страшно

беспокоиться и решил, что неужели началась война? Разбудил маму, жену (это была моя первая жена). Стал им говорить – они не поверили, сказали, что этого не может быть, как же так?

И мы стали ждать. Включили радио – здесь как ни в чём не бывало передавали последние известия. Всё шло нормально. Так мы сидели в недоумении, и мне уже ни мама, ни жена не верили: «Ты что-то плохо спал, наверное, или что-то напутал. Не может этого быть!» Так мы сидели до 12 часов. Ровно в 12:00 по радио выступил Молотов и сообщил то, что мы теперь уже хорошо знаем. Вот так началась для меня война.

Через три дня меня мобилизовали, и поскольку я был оформлен в военкомате по военно-морской линии, меня сразу же отправили в Севастополь. До этого я в Севастополе несколько раз, года три подряд, наверное, снимал военно-морские манёвры. И когда я прибыл в Севастополь, в форме, с наганом на боку, висящем по-морскому, на улице меня встретил наряд⁶⁰. Начальник сначала спросил: «Товарищ офицер, почему вы не отдаёте честь?» (Я ещё плохим был офицером.) И вдруг он узнал меня (это был командир линкора «Парижская коммуна» Чинчарадзе⁶¹), обнял, расцеловал и сказал: «Микоша! Ты моряк по всем статьям! Ну, теперь ты имей в виду, что мы тебя никуда не отпустим. Ты будешь снимать у нас». В общем, через некоторое время я получил приказ командования Черноморского флота, военного совета, о том, что меня зачисляю военно-морским кинооператором Черноморского флота. С тех пор я стал снимать оборону Севастополя.

Сначала, конечно, была оборона Одессы. И на теплоходе «Абхазия», на котором мы ездили на курорт из Одессы в Батуми (если вы помните, был такой теплоход праздничный), на нём, с десантом, меня отправили в Одессу. И всю оборону Одессы мне пришлось снимать. Главным образом вокруг порта и на подходах румынских фашистов к Одессе.

Вот там я снимал. В Одессе мне пришлось даже снять эпизод, я был на торпедном катере, проходил мимо «Ташкента», который вёл огонь по немцам, и в это время был налёт и одна из бомб попала ему в корму. Как раз этот момент мне пришлось снять. Он не погиб, пошёл в порт и отремонтировался. Он не сильно пострадал: бомба попала в корму и не задела никаких механизмов.

После Одессы я попал в 1-й Перекопский батальон морской пехоты, под Перекоп, и там снимал, как морская пехота отбивала атаки немцев. С этим

Перекопским батальоном мне пришлось выходить из окружения по пояс в воде через Гнилое озеро, через Сиваш. Потом мне уже пришлось вместе с отступающими попасть в Севастополь. Севастополь был окружён со всех сторон. И всю оборону Севастополя мне пришлось пробить там, почти до самого конца.

13 июня 1942 г. я снимал нападение на «Абхазию», которая стояла у Сухарной балки. Две бомбы попали в «Абхазию», и она стала тонуть. В то время, когда я с пристани снимал Сухарную балку, был налёт большой, и я видел, как пикировали на Минную пристань Ю-87. Они переворачивались колёсами кверху и шли в пике. И вот я увидел, как один из них пикировал как раз в нашу сторону, с моим приятелем, который был начальником нашей группы и моим ассистентом. Был такой Левинсон. И вот мы видим, что самолёт летит прямо на нас, две бомбы оторвались и идут прямо на нас. Мы легли и руками сцепились, и в это время бомбы взорвались где-то очень близко. Наверное, получилось так: меня подбросило сильно вверх, ударило о землю, и я на какое-то время потерял сознание. Но это было очень недолго. Потом меня стал тормозить Левинсон: «Ты что, ранен?» Я говорю: «Не знаю». Я поднялся, у меня был расстёгнут китель, я был в тельняшке. Китель на спине был порван – наверно, осколки задели. И когда он стал меня осматривать, то я оказался в полном порядке. Он говорит: «Ну, ты в рубашке родился». А я ему говорю: «Наверно, не в рубашке, а в тельняшке». Тельняшка оказалась целой.

Я вскочил на ноги. В это время шёл второй заход на «Абхазию», а она уже тонула. Я отснял целый кусок, увидел, как бомба попала в буксир, который шёл рядом с «Абхазией». От него оторвалась мачта, и мне казалось, что эта мачта повисла в воздухе и никак не хочет падать. Я хотел переместиться, шагнул в сторону и почувствовал, что у меня ноги нет. Я упал и ударился лбом о землю, но камеру сохранил. Никак не могу понять, в чём дело. Я опять вскочил и хотел идти, но чувствую, что у меня правая нога не работает. Левинсон взял меня под руку и отвёл в штольню, которая была рядом, где делали снаряды и мины.

В этой штольне я отлежался дня три, и после этого нога у меня стала действовать. Она болела, но я мог, хромяя, снимать. У нас был маленький «газик» открытый, на котором мы всё время работали. Вот на этом «газике» я продолжал работать до конца. Я, правда, не сходил с него, а если и сходил, то очень хромал. Снимал прямо с «газика».

Где-то уже перед самым концом в Севастополе меня ещё разочек приложило. Ночью Левинсон меня засунул в подводную лодку, и меня отправили на Большую землю. В Туапсе меня вытащили на носилках из подводной лодки, и, как ни странно, я с этих носилок спрыгнул и пошёл, правда, хромяя. Я пошёл. Через некоторое время меня оттуда отправили в Москву на военном самолёте, который летал регулярно с Кавказа с документами. Меня отправили в Москву, и здесь, на аэродроме им. Фрунзе в центре Москвы⁶² (сейчас там идёт подготовка к Параду Победы), меня встречали со студии кинохроники, и я попал опять в свою же компанию студии кинохроники. [...]

*Самуил Борисович Цинципер*⁶³

Я родился в городе Севастополе. Там учился, окончил школу ФЗУ* Крымэнерго. Работал на военном судоремонте в Севастополе. Уехал в Москву, где в июне 1941 г., в первые дни Великой Отечественной войны, защитил диплом инженера. Несколько позже попал в Севастополь, на ускоренные курсы Военно-морского училища им. Ленинского комсомола Украины⁶⁴. Со мной туда попало 106 молодых инженеров, окончивших разные вузы страны, но нашу учёбу в училище прервал прорыв вражеских войск к Севастополю. Пять дней курсанты мужественно отражали яростные атаки сильного, коварного и отличного обученного врага.

Мы сражались в 4 км южнее Бахчисарая, там, где через р. Качу проходят почти рядом шоссе и железная дорога, идущие на Севастополь. Командование флота доверило курсантам и двум соседним малочисленным батальонам морской пехоты направление главного удара немецко-фашистских войск. Курсанты, будущие офицеры, сражались храбро, с умом, и в то же время с неприменной флотской лихостью и презрением к смерти. Особенно азартно бросались на врага юные первокурсники, которых ещё в училище мы, 22–28-летние «ускоренники», любовно называли пацанами. В одном бою немцы окружили 17-летнего первокурсника Сашу Мальцева. В критический момент, не желая попасть в плен, Саша последней гранатой подорвал себя и группу вражеских солдат⁶⁵. За это он посмертно был награждён орденом Отечественной войны I степени.

3 ноября [1941 г.] на левом фланге нашей обороны сложилась исключительно тяжёлая обстановка.

* ФЗУ – фабрично-заводское ученичество.

В бой были брошены даже пулемётчики-«ускоренники». Недалеко от меня бежит Володя Яковлев, выпускник МВТУ им. Баумана⁶⁶, коренной москвич, выходец из рабочей семьи, отличный спортсмен. Вот он сразил штыком одного врага, бросился к другому и тут же упал, сражённый насмерть пулей.

За успешное отражение атак немецких мотоциклистов и броневиков нашему пулемётному расчёту была объявлена благодарность. Всего 3,5 месяца сражались курсанты под Севастополем. В середине февраля [1942 г.] значительно поредевший курсантский батальон был снят с фронта и отозван в тыл для продолжения учёбы.

Курсанты выполнили свой боевой долг до конца и сдали на «отлично», как мы говорили, свою вынужденную боевую практику под Севастополем.

За доблесть и мужество, проявленные на фронте борьбы с немецкими захватчиками, Военно-морское училище им. Ленинского комсомола Украины было награждено орденом Красного Знамени.

*Илья Львович Койфман*⁶⁷

В конце октября [19]43 г. нас выбросили под Керчь десантом⁶⁸. Погрузили на понтоны по одной боевой машине, подцепили катера (катера их взяли на буксир) и потащили в бухту Еникале через Керченский пролив (там километра 3–4, не больше).

А там усилиями «раз, два, взяли!» вытаскивали установки совсем уже на сушу. Причём прибрежная полоса, где высаживались, была достаточно хорошо обеспечена прикрытием. Правда, мы потеряли 8 человек сразу, только-только достигнув бухты Еникале. В том числе Сашу Теплова, старшего лейтенанта⁶⁹. Он уже был тогда начальником разведки нашего дивизиона.

А второй десант высаживался чуть-чуть левее. Я забыл название этого населённого пункта, но об этом была какая-то книга. Там случилась такая история. Противник смял этот десант. Что они сделали? Они рванулись вперёд, прошли через передний край противника, вошли в Керчь и вышли к нам, на наш плацдарм. Почти без потерь. В основном там были моряки, сухопутные моряки⁷⁰. И была 249-я стрелковая дивизия под Керчью⁷¹, наша дивизия, и там были девочки-снайперы. Помню, видел, как они тащили свою убитую девочку на плащ-палатке. Тащили и плакали. Наше счастье на этом плацдарме – он был по фронту 6 километров и в глубину километров 5. Такой участок земли, на котором был один горнострелковый

корпус, которым командовал Аршинцев (генерал-майор)⁷². Потом этот Булганак – татарское селение – был переименован в Аршинцево как будто бы⁷³. Нас прикрыла 4-я воздушная армия Вершинина⁷⁴. Это наше счастье.

Мы несли урон только от артиллерийского, ружейного и стрелкового огня, а с воздуха Вершинин нас прикрыл. Там дрался Покрышкин⁷⁵, братья Глинки – два Героя Советского Союза⁷⁶. Они хорошо нас прикрыли. Более того, нам туда передислоцировали полк девушек-прожектористок. Что намечалось тогда, я не знаю. А 19 января [19]44 года...⁷⁷ Если вы помните, совсем недавно в СССР генеральным секретарем Союза писателей был ещё Карпов, Герой Советского Союза⁷⁸. Этот Карпов написал роман «Жизнь полководца» или «Полководец» про Ивана Ефимовича Петрова, а тот командовал Отдельной Приморской армией... Я был на этом командном пункте (высота Темирова, 153,2... я не помню уже), страшный был ветер, ураган, волнение на Азовском море... Видел, как гибли маленькие кораблики, несшие наших воинов, задача которых была высадиться только на 5–6 км за передний край противника, с тем чтобы обрубить как-то, заблокировать этот плацдарм, помочь нам тронуться вперёд, забрать Керчь и двинуться дальше.

Колоссальные потери! Я был свидетелем того, что пишет Карпов. Там отдельные места. Как пришли Ю-52 – одномоторные бомбардировщики⁷⁹, как они работали по этим... – это было 9 часов с чем-то. Уже рассвело, всё видно. Это такой ужас был, страшный! А кто это сделал? Это сделал прибывший туда Климент Ефремович Ворошилов⁸⁰, тот ещё маршал, вместе с Будённым⁸¹. Наших же маршалов всех постреляли до войны. Блюхера, Егорова, Тухачевского... Остались эти два...⁸² Он, минуя командующего Отдельной Приморской армией, договорился с Азовской флотилией провести эту операцию. И погубил огромное количество людей. Погубил всё и погубил Ивана Ефимовича⁸³. Сталин его из генерала армии произвёл в генерал-полковники. И пришёл Ерёмченко⁸⁴ командовать Отдельной Приморской армией.

Сидели мы на этом плацдарме до 10 апреля 1944 г., а 11-го с утра вдруг противник открыл бешеный артиллерийский, оружейно-стрелковый огонь в нашу сторону. Не столько прицельный, сколько, видимо, чтобы освободиться от груза, и начал отступление. Вслед Отдельная Приморская поднялась и погналась за ним⁸⁵. В районе Карасубазара (есть такой там перевал Карасубазар, а дальше уже пойдут Алупка,

Алушта), вышли мы к Алуште или к Алушке (я не помню) и увидели огромное количество убитых лошадей, румынских... И вот Гурзуф. Мы без разведки въехали и вдруг увидели: стоят полиспасты (тали, блоки), на них танковые башни подвешенные – противник ремонтирует свои танки. Они увидели нас – и враспыленную. Бросили всё это дело, бросились к берегу и по берегу побежали в сторону Ялты. Я приказал преследовать и открыть огонь, но ничего не получилось, они сбежали.

В Гурзуфе к нам спустились партизаны. В рядах этих партизан были румынские солдаты! Комиссар дивизиона Саша Осокин организовал общее собрание жителей, они выбирали там советскую власть (горсовет, не знаю чего...). Потом мы пошли на Ялту, а потом на Севастополь. А 9 мая 1944 г. Верховный издал приказ⁸⁶. Здесь, в Москве, прогремели салюты по поводу взятия, освобождения Севастополя, базы Черноморского флота. Но мы ещё дрались два дня. Мыс Херсонес ещё держался два дня. Там было взято в плен около 110 тыс. войск противника. Как только освободили Севастополь – все мы сразу оказались в глубочайшем тылу. Нам нечего было делать. Более того, нас сразу перевели на третью норму по питанию, а это ощутимо для солдата, потому что харч – главное в обороне и в бою.

¹ *Моргунов Пётр Алексеевич* (1902–1985), генерал-лейтенант береговой службы (1944). В период Великой Отечественной войны комендант береговой обороны Крыма и Главной базы Черноморского флота (с августа 1940) и заместитель командующего Севастопольским оборонительным районом по береговой обороне (ноябрь 1941 – июнь 1942); заместитель командующего Черноморским флотом по сухопутным войскам (июль 1942 – январь 1943); начальник береговой обороны Черноморского флота (январь 1943 – июль 1950). Автор книги «Героический Севастополь» (М., 1979).

² *Исаков Иван Степанович* (1894–1967), Адмирал флота Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1965). В период Великой Отечественной войны первый заместитель наркома ВМФ СССР (апрель 1939 – февраль 1946) и начальник Главного морского штаба ВМФ (октябрь 1940 – июнь 1942), одновременно заместитель главнокомандующего войсками Северо-Кавказского направления (апрель – октябрь 1942).

³ Слово «флагман» имеет несколько значений. В данном случае речь идёт о командирах соединений кораблей.

⁴ *Кузнецов Николай Герасимович* (1904–1974), Адмирал Флота (1955), Герой Советского Союза (1945). В период Великой Отечественной войны народный комиссар Военно-морско-

го флота СССР (апрель 1939 – февраль 1946), одновременно член Ставки ГК (июнь – июль 1941) и Ставки ВГК (февраль – сентябрь 1945).

⁵ Накануне Великой Отечественной войны Главный морской штаб ВМФ дал указания разработать специальные инструкции и поручить инженерным отделам флотов произвести соответствующие рекогносцировки, с тем чтобы в дальнейшем укрепить военно-морские базы ВМФ СССР с суши. План строительства главного рубежа сухопутной обороны Севастополя был рассмотрен и утверждён в феврале 1941 г. (Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1989. С. 339).

⁶ *Борисов Борис Алексеевич* (1903–1981), советский партийный деятель. В период обороны Севастополя первый секретарь Севастопольского городского комитета ВКП(б), председатель городского комитета обороны и комиссар местной ПВО.

⁷ *Ефремов Василий Петрович* (1906–1965), советский партийный деятель. В период обороны Севастополя председатель Севастопольского совета депутатов трудящихся, заместитель председателя городского комитета обороны.

⁸ *Сарина Антонина Алексеевна* (1903–1997), советский партийный деятель. В период обороны Севастополя секретарь Севастопольского городского комитета ВКП(б) по промышленности.

⁹ Накануне нападения Германии и её сателлитов на Советский Союз в ВМФ СССР существовала система оперативных готовностей флотов и флотилий, которая позволила им более организованно, чем сухопутным войскам, встретить начало войны. 19 июня 1941 г. адмирал Н.Г. Кузнецов приказал объявить оперативную готовность номер 2 (она являлась более высокой, чем обычная номер 3), а в ночь на 22 июня по его приказу флоты и флотилии были приведены в полную боевую готовность номер 1.

¹⁰ *Старушкин Андрей Парамонович* (1904–1956), комендант Севастополя с 1939 по 1956 г.

¹¹ Оборонительная операция с целью удержать Одессу, длившаяся с 5 августа по 16 октября 1941 г., проводилась войсками Приморской армии и силами Черноморского флота.

¹² *Жуков Гавриил Васильевич* (1899–1957), вице-адмирал (1944). В период Великой Отечественной войны командир Одесской военно-морской базы (с марта 1940), одновременно начальник гарнизона Одессы и командующий Одесским оборонительным районом (с августа 1941); заместитель командующего Черноморским флотом по обороне Главной базы (октябрь 1941 – апрель 1942) и одновременно командир Главной базы (с ноября 1941); командир Туапсинской военно-морской базы (апрель 1942 – март 1943), одновременно командующий Туапсинским оборонительным районом (с августа 1942); в распоряжении Командного управления ВМФ (март – май 1943); командир Островной военно-морской базы (май 1943 – январь 1945); командир Одесской военно-морской базы (январь – февраль 1945); командующий Северо-Западным морским оборонительным районом Черноморского флота (с февраля 1945).

¹³ *Софронов Георгий Павлович* (1893–1973), генерал-лейтенант (1940). В период Великой Отечественной войны заместитель (с января 1941) и врид (июнь 1941) коман-

дующего войсками ПриБОВО; командующий Приморской армией (июль – октябрь 1941); находился в госпитале (с октября 1941), затем в распоряжении ГУК НКО СССР (январь – апрель 1942); руководил боевой подготовкой войск фронтовых резервов; находился в госпитале (май – сентябрь 1944); помощник командующего войсками 3-го Белорусского фронта по формированиям (с сентября 1944).

¹⁴ Немецкий генерал Э. фон Манштейн (1887–1973) принял командование 11-й полевой армией 12 сентября 1941 г., после гибели её прежнего командующего – генерала О. фон Шоберта (1883–1941).

¹⁵ 51-я армия была сформирована на базе 9-го стрелкового корпуса 20 августа 1941 г. с непосредственным подчинением Ставке ВГК (на правах фронта). В состав этой армии, созданной для обороны Крыма, вошли 1 стрелковый корпус, 2 стрелковые и 3 кавалерийские дивизии, 4 крымские дивизии народного ополчения, а также несколько отдельных частей. Черноморский флот в оперативном отношении подчинялся командующему 51-й армией.

¹⁶ Эвакуация Приморской армии из района Одессы в Крым была проведена в период с 1 по 16 октября 1941 г.

¹⁷ *Батов Павел Иванович* (1897–1985), генерал армии (1955), дважды Герой Советского Союза (1943, 1945). В период Великой Отечественной войны командир 9-го особого стрелкового корпуса; заместитель командующего (с августа 1941), командующий (ноябрь – декабрь 1941) 51-й армией; командующий 3-й армией (январь – февраль 1942); и.д. помощника командующего Брянским фронтом (февраль – сентябрь 1942); командующий 4-й танковой армией (октябрь 1942), затем 65-й армией (с октября 1942).

¹⁸ 11-я армия генерала Манштейна начала наступление на Перекоп 24 сентября 1941 г. 26 сентября враг захватил Армянск, который до 28 сентября трижды переходил из рук в руки. С 29 сентября по 4 октября, предприняв ряд безуспешных попыток прорвать Ишуньские позиции, на которые после потери Армянска вынуждены были отойти советские войска, немецкое командование временно прекратило наступление в Крыму.

¹⁹ *Левченко Гордей Иванович* (1897–1981), адмирал (1944). В период Великой Отечественной войны заместитель наркома ВМФ СССР (с апреля 1939), одновременно представитель Наркомата ВМФ СССР, затем командующий войсками Крыма (октябрь – ноябрь 1941); командир Ленинградской (март – июнь 1942) и Кронштадтской (июнь 1942 – апрель 1944) военно-морских баз; заместитель наркома ВМФ СССР (с апреля 1944) и одновременно командир отряда кораблей ВМФ.

²⁰ 22 октября 1941 г. по решению Ставки ВГК было создано командование войск Крыма во главе с вице-адмиралом Г.И. Левченко, которому в вопросах обороны Крымского полуострова подчинялись 51-я, Приморская армии и Черноморский флот.

²¹ *Заика Иван Иванович* (1918–2009), лейтенант (1940). В период Великой Отечественной войны командир береговой батареи № 54 (Черноморский флот); затем боец, начальник штаба и командир 10-го отряда 2-й бригады Восточного соединения крымских партизан.

²² *Октябрьский Филипп Сергеевич* (1899–1969), адмирал (1944), Герой Советского Союза (1958). В период Великой Отечественной войны командующий Черноморским флотом (с марта 1939); находился в распоряжении наркома ВМФ СССР (с апреля 1943); командующий Амурской Краснознамённой военной флотилией (июнь 1943 – март 1944); командующий Черноморским флотом (с марта 1944).

²³ Вице-адмирал Ф.С. Октябрьский находился на Кавказе с 28 октября по 2 ноября 1941 г. с целью проверки военно-морских баз к приёмке кораблей, поскольку их дальнейшее базирование в Главной базе представляло большую опасность. Сухопутные войска и силы Черноморского флота, защищавшие Севастополь, были объединены в Севастопольский оборонительный район (СОР) 4 ноября 1941 г. Его командующим Ф.С. Октябрьский стал 9 ноября 1941 г.

²⁴ Согласно Временному полевому уставу РККА 1936 г. и Полевому уставу РККА 1939 г., дивизия могла оборонять полосу по фронту 8–12 км и в глубину 4–6 км.

²⁵ *Елисеев Иван Дмитриевич* (1901–1974), вице-адмирал (1951). В период Великой Отечественной войны начальник штаба Черноморского флота (с апреля 1941) и одновременно заместитель командующего Черноморским флотом (с мая 1942); находился в распоряжении Командного управления ВМФ (апрель – май 1943); начальник штаба Черноморского флота (с мая 1943); находился в распоряжении Управления кадров ВМФ (с января 1944); начальник 2-го отдела и помощник начальника Управления боевой подготовки (с апреля 1944), заместитель начальника Оперативного управления (с августа 1944) Главного морского штаба ВМФ.

²⁶ Курсант Севастопольского военно-морского училища береговой обороны им. ЛКСМУ А.И. Мальцев (1921–1941) погиб под Бахчисараем 1 ноября 1941 г., находясь в роте боевого охранения.

²⁷ *Петров Иван Ефимович* (1896–1958), генерал армии (1944), Герой Советского Союза (1945). В период Великой Отечественной войны командир 27-го механизированного корпуса (с марта 1941), 25-й стрелковой дивизии (с июля 1941); командующий Отдельной Приморской армией (с октября 1941), 44-й армией (с августа 1942), Черноморской группой войск (с октября 1942); и.д. начальника штаба (с марта 1943), командующий войсками (с мая 1943) Северо-Кавказского фронта; командующий Отдельной Приморской армией (ноябрь 1943 – февраль 1944), 33-й армией (с марта 1944), войсками 2-го Белорусского фронта (апрель – июнь 1944), войсками 4-го Украинского фронта (август 1944 – март 1945); начальник штаба 1-го Украинского фронта (с апреля 1945).

²⁸ Краснофлотцы И.М. Красносельский (1913–1941), В.Ф. Цибулько (1920–1941), Д.С. Одинцов (1918–1941), Ю.К. Паршин (1924–1941) и политрук Н.Д. Фильченков (1907–1941) воевали в составе 18-го отдельного батальона морской пехоты Черноморского флота. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 октября 1942 г. всем им посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

²⁹ Пулемётчиком в этой группе был краснофлотец Цибулько, который меткой очередью уничтожил механика-водителя вражеского танка.

³⁰ Точнее – в смотровую щель.

³¹ Первоначально оборона Севастополя с суши делилась на три сектора и два отдельных боевых участка. К 11 ноября 1941 г. для удобства управления войсками Севастопольский оборонительный район был разделён на четыре сектора во главе с комендантами (командирами дивизий).

³² *Новиков Пётр Георгиевич* (1907–1944), генерал-майор (1941). В период Великой Отечественной войны командир 241-го стрелкового полка 95-й стрелковой дивизии; командир 2-й кавалерийской дивизии (с сентября 1941), 2-й стрелковой дивизии (с ноября 1941), 109-й стрелковой дивизии (с января 1942); командующий Севастопольским оборонительным районом (июль 1942); затем находился в плену (с июля 1942). Погиб в лагере для военнопленных в ноябре 1944 г.

³³ *Ласкин Иван Андреевич* (1901–1988), генерал-лейтенант (1943). В период Великой Отечественной войны начальник штаба 15-й мотострелковой дивизии (с мая 1940); находился в плену (август – сентябрь 1941); затем состоял в распоряжении отдела кадров Юго-Западного фронта и ГУК НКО СССР; командир 172-й стрелковой дивизии (с октября 1941); находился в распоряжении ГУК НКО СССР (с июля 1942); заместитель начальника штаба Юго-Восточного фронта (с августа 1942); начальник штаба 64-й армии (с сентября 1942), 7-й гвардейской армии (с апреля 1943), Северо-Кавказского фронта (с мая 1943), Отдельной Приморской армии (ноябрь – декабрь 1943); затем арестован и находился под следствием (с декабря 1943).

³⁴ *Коломиец Трофим Калинович* (1894–1971), генерал-лейтенант (1943). В период Великой Отечественной войны командир 32-го стрелкового корпуса (с ноября 1939); слушатель особой группы Академии Генштаба Красной Армии им. К.Е. Ворошилова (с августа 1941); командир 25-й стрелковой дивизии (с октября 1941); и.д. командующего 51-й армией (с июля 1942); находился в госпитале (сентябрь 1942); командующий (с сентября 1942), заместитель командующего (с октября 1942) 51-й армией; командир 54-го стрелкового корпуса (с июня 1943); находился в госпитале (август – октябрь 1944); заместитель командующего 2-й гвардейской армией (с октября 1944); врид командира 60-го стрелкового корпуса (апрель – май 1945).

³⁵ *Воробьёв Василий Фролович* (1899–1966), генерал-лейтенант (1944). В период Великой Отечественной войны начальник оперативного отдела штаба Южного фронта (с июня 1941), оперативного отдела штаба Приморской группы войск (Приморской армии) (с июля 1941); командир 95-й стрелковой дивизии (с августа 1941); начальник оперативного отдела и заместитель начальника штаба Приморской армии (с февраля 1942); помощник командующего войсками Северо-Кавказского фронта (с мая 1942), Черноморской группы войск (с сентября 1942), Закавказского фронта (с марта 1943); находился в распоряжении ГУК НКО СССР (с ноября 1943); затем заместитель командующего 18-й армией; начальник штаба 38-й армии (с апреля 1944).

³⁶ *Иванов Яков Матвеевич* (1916–1941), младший лейтенант, Герой Советского Союза (1942, посмертно). В период Великой Отечественной войны лётчик 32-го истребительного

авиационного полка 62-й истребительной авиационной бригады ВВС Черноморского флота. Погиб в воздушном бою 17 ноября 1941 г., совершив таран вражеского самолёта.

³⁷ Это произошло не 14, а 12 ноября 1941 г.

³⁸ В 1941 г. защитники Севастополя отразили два крупных наступления немецко-фашистских войск на город (первое продолжалось с 11 по 21 ноября 1941 г., второе – с 17 по 31 декабря 1941 г.).

³⁹ Речь идёт о Керченско-Феодосийской десантной операции. Результатом этой стратегической операции, проведённой 25 декабря 1941 г. – 2 января 1942 г., стало освобождение Керченского полуострова, городов Керчь и Феодосия, что позднее позволило развернуть здесь войска Крымского фронта, в задачу которых входило создание угрозы тылам противника, блокировавшего Севастополь.

⁴⁰ *Раенко Сергей Семёнович* (1920–1941), старшина 2-й статьи. В период Великой Отечественной войны командир взвода № 11. Геройски погиб 18 декабря 1941 г.

⁴¹ Краснофлотец А.В. Калужный (1920–1941), пулемётчик взвода № 11, принял командование отделением после гибели С.С. Раенко.

⁴² *Кулаков Николай Михайлович* (1908–1976), вице-адмирал (1945), Герой Советского Союза (1965). В период Великой Отечественной войны член Военного совета Черноморского флота (с апреля 1940); находился в распоряжении Главного политуправления ВМФ (с января 1944); начальник Высших военно-политических курсов ВМФ (с марта 1944); начальник Управления пропаганды и агитации Главного политуправления ВМФ (июнь 1944 – июнь 1945) и одновременно и.д. начальника Главного политуправления ВМФ (декабрь 1944 – март 1945).

⁴³ Речь идёт о Н.А. Острякове. *Остряков Николай Алексеевич* (1911–1942), генерал-майор авиации (1940), Герой Советского Союза (1942, посмертно). В период Великой Отечественной войны заместитель командующего ВВС Тихоокеанского флота (август 1939 – октябрь 1941); командующий ВВС Черноморского флота (с ноября 1941). Погиб 24 апреля 1942 г. во время налёта вражеской авиации на Севастополь.

⁴⁴ В декабре 1941 г. в Крыму оборонялась 2-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора П.Г. Новикова. В ходе тяжёлых боёв эта дивизия понесла большие потери и в конце января 1942 г. была расформирована. Оставшийся личный состав был обращён на комплектование формируемой 109-й стрелковой дивизии, командиром которой стал П.Г. Новиков.

⁴⁵ Здесь приводится не совсем точная цитата из газеты «Правда» от 31 декабря 1941 г.

⁴⁶ *Онилова Нина Андреевна* (1921–1942), старший сержант, Герой Советского Союза (1965, посмертно). В период Великой Отечественной войны командир пулемётного расчёта 54-го стрелкового полка 25-й Чапаевской стрелковой дивизии. Умерла от ран в ночь на 8 марта 1942 г., похоронена на кладбище Коммунаров в Севастополе.

⁴⁷ В 1941–1942 гг. снайпер Людмила Михайловна Павличенко (1916–1974) воевала в составе 54-го стрелкового полка 25-й Чапаевской стрелковой дивизии. К июлю 1942 г. Л.М. Павличенко уничтожила из снайперской винтовки 309 вражеских солдат и офицеров.

⁴⁸ Байда Мария Карповна (1922–2002) была санитарным инструктором 2-го батальона 514-го стрелкового полка 172-й стрелковой дивизии. В июле 1942 г. М.К. Байда раненой попала в плен, содержалась в немецких концентрационных лагерях, освобождена американскими войсками 8 мая 1945 г.

⁴⁹ Имеются в виду 44, 47 и 51-я армии, которые входили в состав Крымского фронта.

⁵⁰ Третий штурм Севастополя немецко-фашистские войска начали утром 7 июня 1942 г.

⁵¹ *Потапов Алексей Степанович* (1904–1966), полковник. В период Великой Отечественной войны командир 1-го Добровольческого отряда морской пехоты (с 1941), 79-й морской стрелковой бригады (1941–1942), 255-й бригады морской пехоты (1943–1944), 254-й бригады морской пехоты (1944–1945).

⁵² Имеется в виду начальник артиллерии Приморской армии Николай Кирьякович Рыжи (1896–1972). Воинское звание «генерал-майор артиллерии» ему было присвоено 11 февраля 1942 г.

⁵³ *Александр Георгий Александрович* (1909–1942), гвардии майор (1942). В период Великой Отечественной войны командир береговой батареи № 30 (Черноморский флот). Был взят немцами в плен 27 июня 1942 г. и после допроса расстрелян.

⁵⁴ Здесь П.А. Моргунов фактически пересказывает специальное сообщение Совинформбюро «250 дней героической обороны Севастополя. Наши войска оставили Севастополь» от 4 июля 1942 г. (см.: Сообщения Советского информбюро. Т. 3. М., 1944. С. 9, 10).

⁵⁵ *Толбухин Фёдор Иванович* (1894–1949), Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1965, посмертно). В период Великой Отечественной войны начальник штаба Закавказского фронта (с июля 1938); начальник штаба Закавказского (с августа 1941), Кавказского (с декабря 1941) и Крымского (январь – март 1942) фронтов; заместитель командующего войсками Сталинградского ВО (с мая 1942); командующий 57-й армией (с июля 1942); командующий войсками Южного (с марта 1943), 4-го Украинского (с октября 1943) и 3-го Украинского (с мая 1944) фронтов.

⁵⁶ С 8 апреля по 12 мая 1944 г. войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала Ф.И. Толбухина и Отдельная Приморская армия (18 апреля включена в состав фронта), взаимодействуя с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией, провели Крымскую стратегическую наступательную операцию, в результате которой была разгромлена 17-я немецкая армия, освобождены Севастополь (9 мая) и весь Крым, а также созданы благоприятные условия для дальнейшего наступления на Балканы.

⁵⁷ С 1736 г. в Великобритании существует высшее воинское звание «фельдмаршал». Именно это звание в 1944 г. было присвоено Г. Александеру, Г. Вильсону и Б. Монтгомери. Последний из перечисленных не входил в состав английской делегации, приехавшей в Крым, и не участвовал в работе Ялтинской конференции.

⁵⁸ *Микоша Владислав Владиславович* (1909–2004), режиссёр-документалист, народный артист СССР (1990). В период Великой Отечественной войны фронтовой кинооператор.

Автор книг «С киноаппаратом в бою» (М., 1964) и «Рядом с солдатом: Записки фронтового кинооператора» (М., 1983).

⁵⁹ Утром 22 июня 1941 г. германские ВВС нанесли удары по многим городам Советского Союза, в том числе по Мурманску, Риге, Каунасу, Минску, Смоленску, Киеву. Воздушным налётам также подверглись советские военно-морские базы Кронштадт, Измаил и Севастополь.

⁶⁰ Очевидно, речь идёт о гарнизонном патруле.

⁶¹ Летом 1941 г. М.З. Чинчарадзе эту должность не занимал. *Чинчарадзе Михаил Захарович* (1904–1981), контр-адмирал (1949). В период Великой Отечественной войны старший помощник командира линкоров «Парижская коммуна» (октябрь 1939 – май 1943), «Севастополь» (май 1943 – апрель 1944), «Архангельск» (апрель 1944 – июль 1945).

⁶² Центральный аэродром им. М.В. Фрунзе, располагавшийся на Ходынском поле, был закрыт в 2003 г.

⁶³ *Цинципер Самуил Борисович* (1915–?), участник Великой Отечественной войны.

⁶⁴ Имеется в виду Севастопольское военно-морское училище береговой обороны им. ЛКСМУ, созданное решением Реввоенсовета СССР от 18 апреля 1931 г.

⁶⁵ См. комментарий № 26. С. 219.

⁶⁶ В 1930–1943 гг. – Московский механико-машиностроительный институт им. Н.Э. Баумана.

⁶⁷ *Койфман Илья Львович* (1922–2010), гвардии капитан. В период Великой Отечественной войны командир взвода 1-го гвардейского миномётного дивизиона (с лета 1941); заместитель командира 44-го отдельного гвардейского миномётного дивизиона (с декабря 1941); командир батареи (с марта 1942), начальник штаба дивизиона (с октября 1942) 49-го гвардейского миномётного полка.

⁶⁸ 31 октября – 11 декабря 1943 г. с целью овладеть восточной частью Керченского полуострова и создать условия для освобождения всего полуострова войска Северо-Кавказского фронта (с 20 ноября – Отдельная Приморская армия), силы Черноморского флота и Азовской военной флотилии провели Керченско-Эльтигенскую десантную операцию. В результате этой операции был захвачен важный оперативный плацдарм от Азовского моря до предместья Керчи, который впоследствии, весной 1944 г., сыграл большую роль при освобождении Крыма.

⁶⁹ Гвардии лейтенант А.А. Теплов (1915–1943), командир батареи 49-го гвардейского миномётного полка Отдельной Приморской армии, погиб 26 ноября 1943 г.

⁷⁰ Точнее – морские пехотинцы.

⁷¹ В описываемый период 249-я Эстонская стрелковая дивизия входила в состав 8-го Эстонского стрелкового корпуса 2-го Прибалтийского фронта и поэтому не могла находиться в районе Керчи.

⁷² В период Керченско-Эльтигенской десантной операции Б.Н. Аршинцев занимал другую должность. *Аршинцев Борис Никитович* (1903–1944), генерал-майор (1943), Герой Советского Союза (1944, посмертно). В период Великой Отечественной войны преподаватель кафедры службы штабов Военной академии им. М.В. Фрунзе (с мая 1941); начальник штаба 211-й стрелковой дивизии (с июля 1941); начальник оперативного отдела штаба (с ноября 1941), началь-

ник штаба 1-й оперативной группы (с декабря 1941) 56-й армии; командир 16-й стрелковой бригады (с марта 1942), 30-й стрелковой дивизии (с июня 1942), 55-й гвардейской стрелковой дивизии (с декабря 1942), 11-го гвардейского стрелкового корпуса (с декабря 1943). Погиб в бою 15 января 1944 г.

⁷³ В честь Б.Н. Аршинцева, погибшего в районе Керчи, были переименованы объединённые в один населённый пункт сёла Горком и Камыш-Бурун (указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 мая 1948 г.).

⁷⁴ *Вершинин Константин Андреевич* (1900–1973), Главный маршал авиации (1959), Герой Советского Союза (1944). В период Великой Отечественной войны начальник Высших авиационных курсов усовершенствования лётного состава (с мая 1941); командующий ВВС Южного фронта (с сентября 1941), 4-й воздушной армией (с мая 1942), ВВС Закавказского фронта (с сентября 1942), 4-й воздушной армией (с мая 1943).

⁷⁵ С ноября 1943 г. А.И. Покрышкин (1913–1985) был заместителем командира 16-го гвардейского истребительного авиаполка 9-й гвардейской истребительной авиадивизии 8-й воздушной армии 4-го Украинского фронта, войска которого к концу года вышли к низовьям Днепра и с суши блокировали крымскую группировку противника.

⁷⁶ Братья Б.Б. Глинка (1914–1967) и Д.Б. Глинка (1917–1979) служили в 100-м гвардейском истребительном авиаполку, входившем, так же как и авиаполк А.И. Покрышкина, в состав 9-й гвардейской истребительной авиадивизии.

⁷⁷ Здесь, скорее всего, имеется в виду утро 10 января 1944 г. – время начала частной наступательной операции, которая предусматривала высадку тактического морского десанта на севере Керченского полуострова, у мыса Тархан, с целью содействовать частям Отдельной Приморской армии в прорыве вражеской обороны на этом направлении. Основу десанта составили специально подобранные военнослужащие 166-го гвардейского стрелкового полка под командованием Героя Советского Союза гвардии подполковника Г.К. Главацкого (1907–1990).

⁷⁸ Писатель-фронтовик В.В. Карпов (1922–2010) был первым секретарём правления Союза писателей СССР в 1986–1991 гг. За документальную повесть «Полководец» (о генерале И.Е. Петрове) В.В. Карпов в 1986 г. получил Государственную премию СССР.

⁷⁹ Немские Ю-52 были пассажирскими и военно-транспортными самолётами. Как бомбардировщики они применялись немцами во время гражданской войны в Испании (1936–1939). Однако по мере поступления на вооружение германских ВВС современных бомбардировщиков самолёты Ю-52 вновь стали использоваться по своему прямому назначению, то есть для перевозок войск и грузов.

⁸⁰ В конце 1943 г. Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов (1881–1969), как представитель Ставки ВГК, был направлен к генералу И.Е. Петрову для координации действий Отдельной Приморской армии, Черноморского флота и Азовской военной флотилии.

⁸¹ С января 1943 г. Маршал Советского Союза С.М. Будённый (1883–1973) командовал кавалерией Красной Армии. После Великой Отечественной войны Будённый оставался на

прежней должности, одновременно (с февраля 1947 по май 1953) являясь заместителем министра сельского хозяйства СССР по коневодству.

⁸² В 1937–1939 гг. трое из пяти Маршалов Советского Союза стали жертвами репрессий: В.К. Блюхер (арестован 22 октября 1938 г., умер в Лефортовской тюрьме 9 ноября 1938 г.), А.И. Егоров (арестован 27 марта 1938 г., расстрелян 23 февраля 1939 г.) и М.Н. Тухачевский (арестован 22 мая 1937 г., расстрелян 12 июня 1937 г.). Впоследствии все они были реабилитированы. Маршалы С.М. Будённый и К.Е. Ворошилов репрессиям не подвергались.

⁸³ Приказом Ставки ВГК И.Е. Петров был освобождён от должности командующего армией, понижен в звании до генерал-полковника и срочно вызван в Москву. В Москве между И.В. Сталиным и И.Е. Петровым состоялся непростой разговор, подробности которого см.: *Карпов В.В.* Полководец. Война генерала Петрова. М., 2014. С. 468, 469. Повторно воинское звание «генерал армии» было присвоено И.Е. Петрову в октябре 1944 г., а в мае 1945 г. он стал Героем Советского Союза.

⁸⁴ *Ерёменко Андрей Иванович* (1892–1970), Маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1944). В период Великой Отечественной войны командующий (30 июня –

2 июля 1941) и заместитель командующего (с июля 1941) войсками Западного фронта; командующий войсками Брянского фронта (с августа 1941); находился в госпитале (октябрь – декабрь 1941); командующий 4-й ударной армией (с декабря 1941); находился в госпитале (февраль – август 1942); командующий войсками Юго-Восточного (с августа 1942), Сталинградского (с сентября 1942), Южного (январь – февраль 1943), Калининского (с апреля 1943) фронтов; находился в резерве Ставки ВГК (с ноября 1943); командующий Отдельной Приморской армией (с февраля 1944); командующий войсками 2-го Прибалтийского (с апреля 1944) и 4-го Украинского (с марта 1945) фронтов.

⁸⁵ В ходе Крымской стратегической наступательной операции (началась 8 апреля 1944 г.) войска 4-го Украинского фронта, прорвав оборону противника, создали угрозу отсечения 5-го немецкого армейского корпуса на Керченском полуострове. Поэтому в ночь на 11 апреля немцы начали поспешный отход на запад. В тот же день в наступление перешла Отдельная Приморская армия, которая в считанные часы овладела г. Керчь.

⁸⁶ Речь идёт о приказе Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина № 111 от 10 мая 1944 г. в связи с освобождением г. Севастополя.

Е.В. Коротун

Севастополь в первые дни после освобождения (май 1944 г.)

Двадцать четыре артиллерийских залпа из трёхсот двадцати четырёх орудий, которыми Москва салютовала доблестным войскам 4-го Украинского фронта, черноморским морякам и лётчикам, возвестили о том, что над Севастополем гордо развевается победное знамя. Победа под Севастополем знаменовала полный разгром немецких войск в Крыму.

С Херсонесского мыса ещё доносились глухие залпы продолжающегося боя. Но военно-морской флаг, развевающийся над водной станцией недалеко от Графской пристани, красные полотнища знамён на здании горкома и на вышке Панорамы, бодрость бойцов, спешивших к месту заканчивающейся битвы, – всё говорило о том, что Севастополь – победитель, раны которого – живое свидетельство его ратных подвигов и славных побед.

Перед взорами освободителей предстала страшная картина: город лежал в руинах, среди которых высились уродливые коробки разрушенных зданий, объятые огнём, окутанные высоко поднимавшимися столбами чёрного дыма.

В докладной записке «О состоянии городского хозяйства г. Севастополя после немецко-фашистской оккупации и мероприятиях по восстановлению города» приводились следующие цифры: жилищно-коммунальное хозяйство разрушено на 90%, из 492 000 кв. м жилой площади сохранилось и может быть восстановлено 55 500 кв. м, водопровод разрушен на 40%, канализация – на 30%, электросети – на 90%, трамвай, водный транспорт – на 100%, бани и прачечные – на 25%, дорожное хозяйство и благоустройство – на 80%. Школьная сеть разрушена на 95%, из 28 школ осталось только 3, из 33 детских садов могут быть восстановлены только 4. Из всех учреждений здравоохранения частично уцелели только три здания 1-й горбольницы. Полностью уничтожены библиотеки, клубы, театры и кинотеатры, торговая сеть, местная промышленность. Разграблены музеи, варварски разрушены памятники. Материальный ущерб, нанесённый городу и порту, составил около 2,5 млрд руб.¹

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

Вид на разрушенные дома на ул. Ленина. 1944 г. ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 1627

В город, лишённый людских и материальных ресурсов, предстояло вдохнуть новую душу, возродить его к полнокровной жизни, воодушевить и организовать население на новый, теперь уже трудовой подвиг. Эта нелёгкая задача легла на плечи органов власти, которые приступили к работе в первый день освобождения Севастополя. Меры по подбору и подготовке кадров, способных восстановить город, осуществить уже намеченные мероприятия по его восстановлению и строительству, были предприняты задолго до его освобождения. Каждый направляющийся в Севастополь знал свои конкретные задачи и функции. Это имело исключительно большое значение и придавало работе по восстановлению Севастополя с первого же часа необходимую организованность и целеустремлённость. Непосредственное руководство было сосредоточено в руках созданной Крымским обкомом оперативной группы, в которую входили В.П. Ефремов, А.А. Сарина и другие севастопольские работники.

В фондах ГКУ «Архив города Севастополя» сохранились решения, протоколы, отчёты, докладные записки, датированные маем 1944 г. и позволяющие восстановить хронику первых мирных дней в Севастополе.

Оперативная группа, партийные и советские работники, прибывшие в город 9 и 10 мая, разместились

в полуразрушенном доме № 60 по ул. Ленина. На улице Энгельса, 19, в сохранившемся доме, развернул работу райсовет и райком ВКП(б) Северного района. Горисполком принял своё первое решение, ставшее первым документом освобождённого Севастополя и отнесённое ГКУ «Архив города Севастополя» к особо ценным документам того периода. Отпечатанный на половине листа бумаги, очень лаконичный, он обращён

к севастопольцам: «Исполком горсовета извещает граждан города Севастополя о том, что с 10 мая сего года установлена советская власть. Гор- и райисполкомы приступили к своей работе».

В этот же день было принято обращение к населению, напечатанное в специальной листовке и расклеенное в наиболее видных местах разрушенных зданий. Оно призывало соблюдать строгий революционный порядок, дисциплину и самоотверженным трудом помочь скорейшему восстановлению Севастополя. Выпустил листовку с обращением к севастопольцам и политотдел Севастопольской военно-морской базы. Заканчивалась листовка такими словами: «Севастопольцы! Мы оружием, а вы трудом будем громить ненавистного врага!» В этот же день вышел первый номер городской газеты «Слава Севастополя», набранный в Симферополе. Его подготовили главный редактор газеты П.Я. Сарин, П. Тюрин и др. Номер небольшого формата нарзахват читался и перечитывался гражданами и воинами. В нём были напечатаны: приказ Верховного Главнокомандующего о взятии нашими войсками Севастополя, оперативная сводка Совинформбюро от 9 мая 1944 г., обращение горкома и горисполкома к жителям Севастополя. В разделе «По Советскому Союзу» напечатаны корреспонденции, освещающие жизнь освобождённых районов Крыма, статьи майоров Д. Раздольского

и Я. Тумаркина «Железное кольцо» о штурме Сапун-горы, статья П. Тюрина «Наш Севастополь, наш!» и стихотворение О. Дамбита, посвящённое освобождению города-героя.

Горисполком вынес обязательное постановление, касающееся сдачи взятого во временное пользование имущества, радиоприёмников и радиопередатчиков, порядка занятия помещений. Постановление предписывало всем предприятиям продолжать нормальную работу и обязывало начальников райжилуправлений и домоуправлений привлекать на работы по ликвидации завалов, расчистке улиц и очистке города неработающее городское население в возрасте от 16 до 55 лет².

Обстоятельства требовали от севастопольцев проявления высокой бдительности, железной дисциплины. Сотрудница райкома Е.С. Смирнова организовала расклейку по всему городу многочисленных листовок, лозунгов, плакатов, звавших к борьбе и труду, у которых уже через несколько часов толпились пережившие оккупацию горожане.

Прежде всего в городе была восстановлена радиотелефонная связь с Москвой и Симферополем. На площади Коммуны (ныне Ушакова) 10 мая в 18 ч заработала походная радиотрансляционная станция политуправления ЧФ, вокруг которой сразу стали собираться люди³, а в 19 ч был установлен мощный динамик на здании почты. Население города могло вновь слышать голос Родины⁴. На следующий день в 12 ч усилиями связистов – инженера Лунева, техника Малюк, монтажников Абрамова, Конюх и других – была восстановлена спецсвязь с городами Крыма, начала работу почта по приёму простой корреспонденции⁵. 12 мая установлены телефоны НКВД, горисполкому, штабу разминирования, Северному райкому ВКП(б), райисполкому. 18 мая севастопольский телеграф начал приём служебных телеграмм, и многие жители города получили телеграммы от родных и близких. К 20 мая ёмкость телефонной станции увеличилась на 20 номеров. В основном здании почтамта по ул. Большой Морской был открыт операционный зал, организована доставка писем и газет по городу, открыта подписка на все лимитированные издания газет и журналов для госучреждений, установлены три витрины для газет⁶.

² ГКУ АГС. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

³ Красный черноморец. 1944. 13 мая.

⁴ ГКУ АГС. Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 7. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 3. Л. 1.

Восстановление связи после освобождения. 1944 г. ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 11296

В первый же день после освобождения начали свою работу предприятия и организации города. Работники хлебокомбината из спрятанных запасов муки к вечеру выпекли первую партию хлеба, приступили к уборке территории от мусора, восстановлению помещений.

Одним из первых возобновило свою работу рыболовецкое хозяйство. Накануне туда прибыли тт. Котко, Евтушенко, Щербина, собрали старых рыбаков, организовали работу по сбору людей и орудий лова. 10 мая состоялось собрание колхоза «Рыбацкая коммуна», и уже 12 мая колхоз начал давать первые, правда ещё незначительные уловы⁷. 14 мая приступил к работе цех колхозного рыбзавода, население стало получать рыбу.

По приказу наркома мясной и молочной промышленности СССР от 13 мая 1944 г. возобновилась деятельность Крымской республиканской конторы Главмясомолсбыта с оптово-сбытовыми базами в Симферополе и Севастополе. 19 мая в приспособленном

⁷ ГКУ АГС. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 6.

помещении по ул. Мясной начал выпуск первой продукции Севастопольский гормолзавод.

11 мая приступил к работе отдел здравоохранения. Из 11 зданий 1-й горбольницы осталось только три, да и те были полуразрушены. В них лежало до 250 человек, в основном раненые и брошенные старики и старухи. Медперсонал больницы приступил к оказанию поликлинической помощи всему населению⁸. Небольшой группе медработников в составе 24 врачей и 40 человек среднего медперсонала предстояло начать восстанавливать сеть медучреждений. Они своими руками расчищали, штукатурили, белили и приспособливали дома для сколько-нибудь сносных условий приёма пациентов. Уже 11 мая в Инкермане и на Северной стороне начали работу 4 поликлиники, амбулатории⁹, и к концу года в Севастополе, кроме них, было 4 больницы на 375 коек, 5 амбулаторий, обслуживающих самые отдалённые участки, 2 диспансера и скорая помощь.

Санитарное состояние города вызывало серьёзную обеспокоенность руководителей города: лишённые крова севастопольцы жили в антисанитарных условиях на лестничных клетках, в подвалах, местах бывших убежищ. На улицах лежали неубранные трупы людей и лошадей, завалы были превращены в кучи гниющего мусора. Не работали водопровод, бани, канализация. Поэтому горисполком 10 мая принимает решение о санитарных мероприятиях, обязательных в г. Севастополе, опубликованное в газете «Слава Севастополя», а санэпидстанция в составе госсанинспекции, эпидгруппы и дезостанции приступает к работе по устранению санитарных нарушений и подворному обследованию всех населённых мест. К 18 мая по Центральному району было осмотрено 958 дворов, по Корабельному – 497, по Северному – 70. Всего выявлено 1525 заселённых дворов. Одновременно принимались меры по захоронению неубранных трупов людей и животных, сжигали и закапывали мусор, выявляли наличие и отсутствие уборных.

12 мая начальником санэпидстанции вместе с городским инженером и представителями инженеров Приморской армии были обследованы все водопроводы города – Бельбекский, Шульский, Инкерманский, их резервуары. Установлены степень их повреждения, необходимость ремонта и проведения их очистки. Секретарь райкома Елисеев лично, рискуя подорваться на mine, обследовал балки, чтобы установить места повреждений

водопроводной линии, организовал очистку загрязнённых колодцев, которые до пуска водопровода являлись единственными источниками снабжения города водой.

18 мая были пущены в действие три самотёчных водопровода мощностью 400 куб. м в сутки. Жители улиц Ленина, Луначарского и других получили долгожданную воду. Но первыми, кто воспользовался коммунальными услугами в Севастополе, стали его освободители. 11 мая около 1200 моряков и красноармейцев вышли «чистыми как слеза», как писала газета «Красный черноморец», помывшись в единственной полуразрушенной бане, где чудом сохранилась котельная¹⁰. Сами севастопольцы мылись с 13-го числа в дезостанции, там проводилась санобработка населения, можно было постирать бельё, принять гигиенический душ.

Не менее остро стоял вопрос обеспечения города электроэнергией. Перед отступлением немцы намеревались уничтожить ЮжГЭС, пустив вразнос дизель-динамо и заминировав локомотивную установку. В разгар боя небольшой группе наших бойцов удалось проникнуть на электростанцию, остановить дизель и воспрепятствовать взрыву. Южная ГЭС была сохранена, но с большими повреждениями. 15 мая локомотивная установка начала производить электроэнергию¹¹. 19 мая в Центральный район города поступил электрический ток, а на следующий день электропитание получили Корабельный и Северный районы.

Колонна военнопленных немцев на спуске к вокзалу. 1944 г.
ГКУ АГС. Фонд Р-434. Оп. 1. Д. 69. Л. 1

⁸ ГКУ АГС. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 52. Л. 1.

¹⁰ Красный черноморец. 1944. 10 мая.

¹¹ ГКУ АГС. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 об.-4.

12 мая около 10 ч утра неожиданно и сразу наступила непривычная тишина. Закончилось последнее сражение Крымской операции, остатки вражеской армии сдались. По улицам Севастополя в сторону Лабораторного шоссе двигалась бесконечная колонна военнопленных, численностью до 25 тыс. человек.

Город мог жить в нормальных условиях, залечивая раны войны. Но чтобы взрывы вновь не нарушили этой тишины, предстояло разминировать город. 14 мая Севгорисполком принял решение о формировании и подготовке районных команд по разминированию и сбору трофейного и отечественного имущества на территории города. Предусматривалось создать 3 команды в составе 60 человек на добровольных началах, преимущественно из комсомольцев и беспартийной молодёжи не моложе 15 лет. Почти одновременно приступили к очистке пристаней и причалов от вражеских мин и снарядов воинские части. За 10 дней бойцы только одной части обезвредили 1012 мин и снарядов. Водолазы развернули работы по подъёму затопленных катеров, барж и баркасов. Перед коллективом работников треста «Госпароходство», собравшимся 12 мая, стояла тяжёлая задача: срочно восстановить пристани и причалы, отремонтировать катера, обеспечить связь города с Северной стороной, установить регулярное пассажирское сообщение и перевозку грузов для населения и войсковых частей, перевозку строительных рабочих на восстанавливаемые объекты. Из-за отсутствия стройматериалов приходилось вылавливать брёвна и доски из бухты, собирать болты, гвозди и всё, что могло пригодиться для ремонта в разрушенных зданиях. Свою работу коллектив начал с расчистки территории пристаней и засыпки воронок от бомб¹².

Полным ходом шло восстановление железнодорожной линии. Насыпается полотно, к 15 мая восстановили первые 500 м железнодорожного пути, с него убрали свыше 100 т угля, взорванные немецкие паровозы и вагоны. Для этих работ был отремонтирован кран, его ввели в действие начальник восстановительного поезда Бутенко и механик Терещенко. Ввод железнодорожной магистрали Севастополь – Симферополь пока задерживали взорванные немцами Камышловский мост и несколько тоннелей. Восстановлению железнодорожного узла был посвящён воскресник, в котором приняла участие молодёжь города и флота, всего 840 человек. На митинге, состоявшемся после воскресника, получила официальное признание как общественное движение

¹² ГКУ АГС. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.

инициатива женщин по восстановлению Севастополя. Формирование и работа добровольческих бригад по расчистке завалов и восстановлению зданий, в дальнейшем получивших название «черкасовских», сыграли немалую роль в возрождении города, его жилых и административных зданий, зелёной зоны и всех отраслей народного хозяйства, в том числе образования.

Перепись детского населения началась 11 мая. Около 865 детей школьного возраста, изнурённых и обессиленных после оккупации, собрались у разбитых школ¹³. 14 мая была открыта столовая для ослабленных детей. А 15 мая возобновивший свою работу городской отдел народного образования провёл более точный учёт работников образования и детей. На этот день в городе насчитывалось 55 учителей, 18 воспитателей детсадов и 2163 ребёнка, из них 1103 – дети до 7 лет и 1060 – от 7 до 15 лет. С помощью общественности было собрано 4011 учебников, которые многие учащиеся закапывали в землю, чтобы сохранить от немецких оккупантов. 17 мая начались занятия в школе № 9, а 20 мая – в приспособленных помещениях школ № 10, 14 и 28.

В середине мая приступили к восстановительным работам работники предприятий горпромкомбината. 13 мая состоялось общее собрание членов завода-артели «Молот», на котором было принято решение открыть жестяной цех к 20 мая и мастерскую по ремонту часов к 15 мая. Кроме того, в артели реставрировали чугунные плиты, кровати, утюги, грабли и другие изделия из металла. 18 мая жестяной цех дал первую продукцию: ведра, тазы, посуду¹⁴. 14 мая артель «Красный швейник» выполнила первый заказ по пошиву одежды. Сразу после освобождения города работницы артели Стрельникова и Бизюкова начали очистку помещения, нашли в завалах старые швейные машины, которые отремонтировал механик Шостак. До конца мая работницы артели выпустили 15 штук верхнего платья, 38 пар брюк, 29 платьев, выполняли мелкий ремонт одежды¹⁵. Артель «Химик» полностью восстановила мыловаренный и винокуренный цеха. Из имеющегося сырья было выпущено 30 кг мыла и 50 л 80-градусного спирта¹⁶. Артель «Парижская коммуна» вела организационную работу по подготовке помещения, инвентаря, инструментов и набор рабочей силы по обувному делу и для

¹³ ГКУ АГС. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

¹⁴ Там же. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 2.

¹⁵ Там же. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 6. Л. 47.

¹⁶ Там же. Д. 4. Л. 2.

открытия кожзавода¹⁷. 18 мая артель «Согласие» начала производство газированной воды.

11 мая стало работать Жилуправление, первоочередной задачей которого являлся учёт уцелевших домов, а 15 мая Ремстройконтора Севгорисполкома приступила к подрядно-строительным работам по восстановлению жилищного фонда. Исключительное внимание уделялось заготовке материалов. Собранные стройматериалы сортировались, подвергались обработке. В результате контора имела кровельное железо, черепицу, лес, бывший в употреблении, камень, песок, известь, гвозди, производимые из проволоки¹⁸. 17 мая во исполнение приказа наркома по строительству были организованы стройучастки на заводе № 201, в Северном доке, Сухарной балке, Стрелецкой бухте и городской участок.

В городе необходимо было наладить торговлю, и 15 мая Севгорисполком принял решение о свободной колхозной торговле, которым разрешалось открыть 4 рынка в разных районах города с продажей всех видов продуктов, овощей за исключением зерна, муки и крупы. На следующий день 9 человек начали работу по подготовке к открытию Центрального рынка на ул. Гоголевской: расчистили площадь, установили столы, в том числе крытые под молочные продукты, и 17 мая Центральный рынок начал работу, правда, продукты для торговли пока поставлялись только отдельными лицами¹⁹. Кроме рынка к 20 мая в городе работало 6 магазинов горторга.

Восстанавливались и культурно-просветительные учреждения. 16 мая была открыта городская библиотека, основу фонда которой составили книги, сохранённые библиотекарем Максимовой. Кроме того, в Севастополь специальным самолётом доставили 20 посылок из Москвы с политической и художественной литературой, географическими картами. На каждой из них красной краской было написано: «Городу-герою от Союзпечати и Наркомсвязи»²⁰. Севастопольцы спешили к нескольким чудом уцелевшим газетным киоскам, продырявленным осколками, с сорванными крышами. Сюда поступали газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Слава Севастополя». Количество газет было ограничено, каждый номер переходил из рук в руки и читался с особой бережностью²¹.

Знаменательно, что в городе с развитыми культурными традициями соприкосновение жителей с искусством театра произошло уже в первые дни освобождения. 13 мая в расчищенном и наскоро приспособленном моряками здании флотского кинотеатра состоялся спектакль артистов фронтового филиала Малого театра – радостное и памятное событие в жизни освобождённого города. Шла пьеса А.Н. Островского «Без вины виноватые»²². А на следующий день переполнившие зал кинотеатра «Красный луч» зрители увидели фильм «Два бойца», встретив его аплодисментами и криками «ура». Под кинотеатр был приспособлен подвал по ул. Ленина, 48, расчищать который уже в первый день после освобождения начала одна из первых «черкасовских» бригад в количестве трёх человек²³.

Город оживал на глазах. И если 10 мая в милиции зарегистрировались 1905 человек гражданского населения, то на 20 мая 1944 г. в Севастополе числилось уже 10 787 человек.

В эти дни Севастополь посетили военные корреспонденты Англии, США, Канады, Австралии, Китая, Чехословакии и других союзных и дружественных стран. Всего прибыло 50 корреспондентов. Журналисты объехали места героических сражений за Севастополь и район окончательного разгрома гитлеровской армии: Херсонесский маяк, Казачью и Камышовую бухты. Гости были приняты председателем Севастопольского горисполкома Ефремовым и вместе с ним осмотрели город. Многие из них бывали в Севастополе до войны и были поражены разрушениями, которые произвели здесь фашистские варвары. Но ещё больше их поразило то, что в городе уже действовал водопровод, работали почта, телеграф, скоро должен был быть дан ток. На прощанье корреспондент лондонской газеты «Таймс» Ральф Паркер просил председателя горсовета принять в фонд восстановления Севастополя 5000 руб. – свой гонорар за перевод книги о Севастополе²⁴.

Действительно, за первые мирные дни севастопольцами была проделана колоссальная работа. Но предстояло сделать во сто крат больше, предстояло совершить рекордное по срокам и небывалое по масштабам дело – возродить Севастополь.

¹⁷ ГКУ АГС. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

¹⁸ Там же. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–2 об.

¹⁹ Там же. Ф. Р-257. Оп. 2. Д. 13. Л. 13.

²⁰ Красный черноморец. 1944. 17 мая.

²¹ Там же. 18 мая.

²² За Родину! 1944. 17 мая.

²³ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 2. Д. 19. Л. 9.

²⁴ Красный черноморец. 1944. 20 мая.

М.Г. Соловьёва, И.В. Краснонос

**«Бессмертная слава... возродит эти груды камней».
Восстановление Севастополя в 1944–1954 гг.
(по документам ГКУ «Архив города Севастополя»)**

Город-герой Севастополь был освобождён от немецко-фашистских захватчиков войсками 4-го Украинского фронта во взаимодействии с частями Черноморского флота 9 мая 1944 г. Ожесточённые бои на подступах к городу, варварские фашистские бомбардировки в ходе 250-дневной бессмертной героической обороны, пребывание в Севастополе в течение 22 месяцев оккупантов, казалось, навеки стёрли с лица земли город, превратив его в безмолвную обезлюдевшую груду развалин.

такие данные: «Всё городское хозяйство гор. Севастополя разрушено и уничтожено. По предварительному обследованию установлено, что сохранившаяся и могущая быть восстановленной часть городского хозяйства приблизительно составляет 5–7% от общего объёма...» Из 980 жилых зданий, имевшихся в муниципальном подчинении до войны, восстановлению подлежало только 183; из 320 зданий хозяйственного назначения – 15; из 5080 жилых частновладельческих домов – 820¹.

Разрушенные дома на ул. Ленина. 1944 г.
Репродукция.
ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 1622

20 мая 1944 г. председатель исполкома Севастопольского городского совета В.П. Ефремов и первый секретарь горкома ВКП(б) П.И. Лесик в докладной записке «О состоянии городского хозяйства г. Севастополя после немецко-фашистской оккупации и план первоочередных мероприятий на 1944 г.» привели

Последующие исследования и подсчёты ущерба, нанесённого Севастополю немецко-фашистскими захватчиками, показали, что в городе были разрушены или разграблены все промышленные предприятия, система водо- и электроснабжения, очистные сооружения, объекты социально-бытового назначения, все исторические памятники, лечебные, научные, культурно-просветительные, образовательные учреждения. Практически полностью был уничтожен жилой фонд: из 6402 имевшихся в городе в довоенный период жилых домов 5379 было разрушено. Общий материальный ущерб, причинённый городу и порту, составил 2,5 млрд руб.²

Сухие цифры и статистические данные дополняют свидетельства очевидцев этих разрушений. Один из них, военный корреспондент газеты «Правда», Совинформбюро и Главного политического управления ВМФ, выдающийся советский писатель-маринист Леонид Сергеевич Соболев, вошёл в Севастополь вместе с военными корреспондентами газеты «Красный

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 157. Л. 1.

² Севастополь. Энциклопедический справочник. Севастополь, 2008. С. 190.

черноморец»³, вслед за частями 51-й и Приморской армий, 9 мая 1944 г., 10 мая наблюдал великолепный салют в честь освобождения Севастополя, 11 мая утром покинул город, а спустя несколько дней опубликовал очерк «Севастополь». Вот как описал он увиденное в городе в эти первые после освобождения дни: «...С жадностью я всматривался в медленно раскрывающуюся передо мной картину великого города. Раннее солнце сияло на небе, по-утреннему бесцветном, и вода бухты, не отражая ещё яркой синевы, блестела светлой гладью. Справа, на скалах, лепились крохотные домики Корабельной стороны, зияющие тёмными пятнами сгоревших кварталов, лишь изредка радовали глаз целые крыши и садики. Слева, на зелёной высоте Исторического бульвара, виднелось здание панорамы Севастопольской обороны. Издали оно казалось целым, но обугленный каркас купола чернел на небе острыми прутьями, торчащими как иглы тернового венца – знака страдания и мук. [...]

Советские воины ведут бой в районе панорамы «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.». Исторический бульвар. 9 мая 1944 г. ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 2591

На высоких развалинах адели флаги, поставленные ворвавшимися ночью в город первыми нашими бойцами. Всё это навсегда запомнилось на медленном шаге. Торжественное раздумье волновало сердце. Каждый камень передо мной был дважды полит русской кровью его защитников. Если бы я поддался чувству, я стал бы на колени и земным русским

поклоном поклонился бы великому городу двух оборон, мученику двух осад, огромной могиле тысяч героев, братьев моих по морю, по чести, по оружию. [...] Вокзал открылся перед нами грудой камней, дыбом вставшими рельсами, длинными рядами вагонов с фашистским гербом: холодильники, пассажирские, товарные, платформы... Знакомой дорогой над бухтой мы поднялись от вокзала к улице Ленина. Совинформбюро два года назад сообщало: “За восемь месяцев обороны Севастополя враг потерял до 300 000 своих солдат убитыми и ранеными. В боях за Севастополь немецкие войска понесли огромные потери, приобрели же – руины”.

Да, это так. Одни руины. Город разрушен десятками тысяч бомб, сброшенных на него за время осады. Мы прошли все главные улицы города – и не видели ни одного целого дома. Только два – водная станция “Динамо” и санаторий возле неё – похожи на дома. Все остальные разрушены.

Здание железнодорожного вокзала Севастополя. Май 1944 г. ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 0-10053

Дом Красного флота, библиотека, театр, Исторический музей⁴, кинотеатр, гостиницы “Интурист”, “Франция”, “Приморская”, штаб флота, чудесный дворец на горе – филиал Дома Красного флота, огромный Дом подводников, Сеченовский институт, Дом

³ С 1947 г. – газета «Флаг Родины», основной печатный орган Черноморского флота.

⁴ Исторический музей – одно из бытовавших в Севастополе в 1930–1940-е гг. названий Военно-исторического музея Черноморского флота (в 1940–1948 гг. – Военно-исторический музей).

специалистов на улице Карла Маркса⁵ – всё это или торчащие стены, или просто высокие груды камней.

С волнением подходили мы к Приморскому бульвару. Я искал глазами вздымающуюся из воды белую колонну, с которой орёл осеняет широкими крылами бухту, – памятник погибшим кораблям, затопленным черноморцами в первой Севастопольской обороне. За деревьями бульвара вздымался... огромный столб дыма... – у берега горел танкер, подорванный нашей авиацией и прибившийся к бульвару. Памятника не было видно, и горькое чувство кольнуло меня. Но внезапный порыв ветра сильно качнул облако дыма – и на мрачном его фоне великолепно и празднично просияла стройная белая колонна. Она прорезала зловещий чёрный дым светлым видением несокрушимой, неуничтожаемой силы.

Советские воины ведут бой на Приморском бульваре. 9 мая 1944 г.
ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 10741

И на миг мне показалось, будто я вижу, как из руин и дымов, из развалин и пожарищ вновь встал над бухтой прекрасный город – целый, великолепный, в зелени и в цветах, живой и счастливый город-герой, воспитавший два поколения верных сынов отчизны –

⁵ До 1921 г. – ул. Большая Морская, в 1921–1947 гг. – ул. Карла Маркса, с 1947 г. по настоящее время (2016) ул. Большая Морская.

севастопольцев. Так будет. Кончится война – и родина восстановит Севастополь, колыбель мужества, верности и славы, во всей его величавой красоте, и памятники героям второй обороны встанут на высоких скалах над Чёрным морем, и здание панорамы второй Севастопольской обороны займёт другую высокую гору, перекликаясь с первой, и венец двойной славы осенит Севастополь [...]»

Но в тот день писатель всюду наблюдал, как «отвратительные следы фашистского сапога оскорбляют великие могилы». Его поразили вид «Сеченовского института физических методов лечения – изуродованного, разрушенного, взывающего к мести печальным видением обезглавленных снарядами статуи...». Утро 11 мая Леонид Соболев описывал так: «Перед отъездом я поднялся на холм в центре города – к собору, на разрушенных стенах которого уцелели мраморные доски с именами черноморских адмиралов и защитников Севастополя в первой осаде: Нахимов, Истомин, Лазарев, Корнилов [...] В благородном молчании доблестной воинской смерти лежал передо мной великий город Черноморского флота, уничтоженный мрачной силой гитлеровского фашизма, но не сдавшийся.

Я смотрел на его руины и думал о том, что дивная слава Севастополя будет вечно жить в сердцах людей. Город на скалах – он сам стоял в двух оборонах, как скала. Город у моря – он сам несёт в себе душу моря, бессмертную, гордую и отважную. Город южного солнца – он сам сияет в веках ослепительным блеском военной доблести. И вот что осталось нынче от него: скалы, море да солнце. Да бессмертная слава, которая возродит эти груды камней. Торжественная могучая тишина истории плывёт над развалинами – истории, созданной моими прадедами и творимой моими современниками. Дыхание веков проносится над городом, унося в будущее двойную славу Севастополя, славу двух оборон. И в отблеске этой славы я вдруг ощутил собственное бессмертие. Оно лежало на моей

грудь круглой пластинкой бронзы на светло-зелёной ленте. Здесь, на горе, я был один: я снял с груди своё бессмертие и поцеловал его – севастопольскую медаль, которой родина приобщила меня к бессмертной славе бессмертного города. Никогда с такой силой не ощущал я счастья и гордости принадлежать к великому народу, жить в великой эпохе и быть свидетелем великих дел. На высоком холме разрушенного Севастополя в час его освобождения, в день возрождения его к жизни я с необычайной ясностью понял это. Из-за одного такого мгновения стоит жить...»⁶

Вчитываясь в эти строки, написанные свидетелем тех событий, понимаешь, что с такой гордостью, как Леонид Сергеевич Соболев, воспринимала Севастополь, его значимость, свою причастность к его судьбе вся страна, понимаешь, почему 10 мая 1944 г. в сообщении газеты «Правда» об освобождении города были и такие восторженные слова: «Здравствуй, родной Севастополь! Любимый город советского народа, город-герой, город-богатырь! Радостно приветствует тебя вся страна».

Действительно, тогда, весной 1944-го, за год до Великой Победы, для всего советского народа Севастополь был не просто очередным населённым пунктом, освобождённым советскими войсками от немецко-фашистских захватчиков. Символом воинской славы, доблести и отваги, верности Родине стал этот город за 250 дней героической обороны в 1941–1942 гг., в дни стремительного наступления в апреле – мае 1944 г. В боях за город в период обороны отличились сыны и дочери разных национальностей Советского Союза, воины 44 национальностей проявили небывалый по размаху героизм, освобождая родной для всех город.

Поэтому восстановление Севастополя из руин и пепла, возрождение к жизни его промышленности, коммунального хозяйства, всемирно известных памятников истории, архитектуры стало делом чести для нашей страны, проявлением преклонения перед вкладом города, его защитников и освободителей в приближение долгожданного Дня Победы.

В планах советского командования в ходе продолжающейся войны с фашистской Германией и её сателлитами огромное стратегическое значение придавалось Севастополю и как главной базе Черноморского флота. Поэтому была поставлена задача госу-

дарственной важности – восстановление в первую очередь и в кратчайшие сроки разрушенных причалов для швартовки кораблей, портовых сооружений, заводских цехов для их ремонта.

Вот почему, когда ещё шли бои на подступах к городу, 17 апреля 1944 г. для строительных и ремонтных работ гидротехнических сооружений было создано Особое строительное-монтажное управление № 12, а 26 апреля – Особая строительное-монтажная часть «Севастопольстрой»⁷. Строительные работы в Севастополе лично возглавил народный комиссар строительства Н.В. Бехтин.

Параллельно с восстановлением инфраструктуры военно-морской базы были организованы работы и по восстановлению, строительству объектов городского хозяйства, жилого фонда, объектов коммунально-бытового и культурного назначения.

Для этого на основании постановления Совета народных комиссаров СССР от 19 ноября 1944 г. № 1605 «О мероприятиях по восстановлению Севастополя» был создан городской строительное-монтажный трест «Севастопольгражданстрой» с непосредственным подчинением Севастопольскому городскому совету депутатов трудящихся⁸.

Новый посёлок для рабочих Севастопольского Морского завода. Северная сторона. [1946 г.]
Фото Н. Щеглова.

ГКУ АГС. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 288. Л. 56

⁶ Соболев Л.С. Севастополь. 1944 г. Публицистика Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. Сборник статей. М.: Советская Россия, 1985.

⁷ ГКУ АГС. Ф. Р-182. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

⁸ Там же. Д. 6. Л. 1.

На первом этапе восстановительных работ наряду с первоочередными задачами по разминированию города, очистке его улиц и строений от мин, снарядов, взрывоопасных предметов, разборке завалов, обеспечению элементарных социально-бытовых потребностей гражданского населения и военноразрушающих приходилось одновременно решать и такие проблемы, как нехватка людей, острый дефицит профессиональных рабочих строительных специальностей, машин, оборудования, строительных материалов, жилья, питьевой воды, продуктов питания и многое другое⁹.

Учащиеся школы ФЗО на разборке завалов на месте жилого дома на ул. Большая Морская. 1948 г. ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 6405

Из 112 000 жителей довоенного Севастополя к 9 мая 1944 г. в городе осталось примерно 3000 человек¹⁰. Спустя неделю в городе было свыше 10 000 человек, а к концу 1944 г. в Севастополе проживало уже 47 000 человек¹¹. Это были и моряки Черноморского флота, и воины Приморской армии, и коренные жители Севастополя, вернувшиеся в родной город из эвакуации, из партизанских отрядов, и добровольцы, приехавшие из разных регионов страны на помощь в восстановлении города.

⁹ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 2. Д. 7. Л. 53–56, 57, 58.

¹⁰ Севастополь. Энциклопедический справочник. Севастополь, 2008. С. 26.

¹¹ Там же. С. 190.

После завершения основных работ по разминированию, в ходе которых силами специально подготовленных из жителей Севастополя команд за короткое время было обезврежено свыше 260 000 мин, севастопольцы приступили к расчистке улиц, дорог, заводских территорий, зданий, дворов. Эта работа проводилась в основном на многочисленных субботниках, воскресниках за счёт безвозмездного труда жителей города.

Одновременно велись ремонтные работы, направленные на приспособление под жильё, коммунально-бытовые, медицинские учреждения хотя бы частично сохранившихся помещений, ввод в строй предприятий, обслуживающих неотложные нужды населения.

Огромную роль в выполнении в кратчайшие сроки этих задач сыграло черкасовское движение. Это гражданское движение получило своё название по имени инициатора – жительницы г. Сталинграда Александры Максимовны Черкасовой, которая создала добровольную бригаду и после трудовой смены на основном месте работы выходила с товарищами на восстановление разрушенных домов. После публикации 27 октября 1944 г. в газете «Слава Севастополя» письма-обращения А.М. Черкасовой, подписанного членами её бригады, движение за создание так называемых черкасовских бригад приобрело массовый размах, охватило практически все районы, организации, предприятия и учреждения города. Результатом ударной работы севастопольцев во внеурочное время, в выходные дни становились восстановленные больницы, фабрики, жилые дома, детские сады, школы. Черкасовская бригада службы движения железнодорожной станции Севастополь в декабре 1944 г. начала строительство зала ожидания для пассажиров и уже 15 февраля 1945 г. сдала его в эксплуатацию. Черкасовская бригада П.И. Велиховской, состоящая из 50 домохозяек, особенно отличилась на строительстве кинотеатра «Победа» и троллейбусной линии.

Весь город превратился в единую гигантскую строительную площадку. Остро ощущалась нехватка не только руководителей инженерно-технического персонала, но и грамотных, подготовленных специалистов: каменщиков, бетонщиков, штукатуров, маляров и др. Лозунгом тех дней в Севастополе стал призыв: «Каждому севастопольцу – вторую строительную профессию». Для обучения новым строительным специальностям были организованы специальные курсы.

Благоустройство территории Малахова кургана. Конец 1940-х гг. Фото М.Б. Покатило.
ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 14880

Однако далеко не все севастьяпольцы, вышедшие на строительство и восстановление разрушенного города, имели возможность осваивать строительные специальности в тиши аудитории, на курсах и лекциях. Отсутствие опыта, навыков и знаний, инженерно-технического руководства и контроля за работой бригад приводило к тому, что нередко объекты, восстановленные черкасовскими бригадами, приёмные комиссии оценивали как «не соответствующие строительным нормам» ввиду низкого качества проведённых работ, нарушения технологий и т.д. Большую роль в повышении общего уровня знаний, устранении широко распространённых ошибок в работе строительных бригад сыграли публикации в газете «Слава Севастополя» в рубрике «В помощь черкасовским бригадам». Статьи, написанные доходчиво и детально специалистами, в совершенстве владевшими строительными специальностями, стали настоящим «строительным ликбезом».

Например, 29 сентября 1944 г. в статье «Каменная кладка» инженер-капитан П. Ракчеев очень подробно описал технологию кладки инкерманского камня или ракушечника, состав различных растворов,

правила их замеса, организации рабочего места при кладке камня; 4 октября в статье «Штукатурные работы» ознакомил с особенностями штукатурных работ внутри помещения¹².

На страницах газеты, в рубрике «Из опыта восстановления», сами участники восстановления делились опытом, удачными находками в решении возникающих трудностей. Показательна в этом отношении статья А. Петровской «Как покрыть кровлю» о том, как черкасовская бригада А. Тараненко предложила настилать кровлю крыши восстановленного ими дома в условиях абсолютного отсутствия черепицы: «В разрушенных и сожжённых домах под горами строительного мусора выбирались куски черепицы, пригодные для кровли. Наиболее крупные из них употреблялись для покрытия верхней части крыши, мелкие – для нижней. Вниз под черепицу была подложена сухая морская трава. Щели между отдельными черепицами заливались расплавленным асфальтом, куски которого Тараненко собрал в развалинах. Для заливки с успехом можно использовать также смолу.

¹² ГКУ АГС. КМФ-4. Ед. хр. № 303.

Восстановление сквера у здания Института физических методов лечения им. Сеченова. Конец 1940-х гг.
Фото М.Б. Покатило. ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 1948

Своевременный настил кровли имеет большое значение. Приближаются осенние дожди, и дома, где уже возведены стены, но нет крыши, могут подвергнуться разрушению. Поэтому задача черкасовских бригад – употребить все возможности, проявить инициативу, чтобы быстро соорудить кровлю над такими домами»¹³.

Всего за два с половиной года черкасовские бригады во внеурочное время отработали на восстановлении и благоустройстве города 1 900 000 часов. Лучшие черкасовцы регулярно заносились на городскую Доску почёта¹⁴. Имена передовиков черкасовского движения постоянно публиковались на страницах газеты «Слава Севастополя» в рубрике «Городская Доска почёта».

¹³ ГКУ АГС. КМФ-4. Ед. хр. № 303.

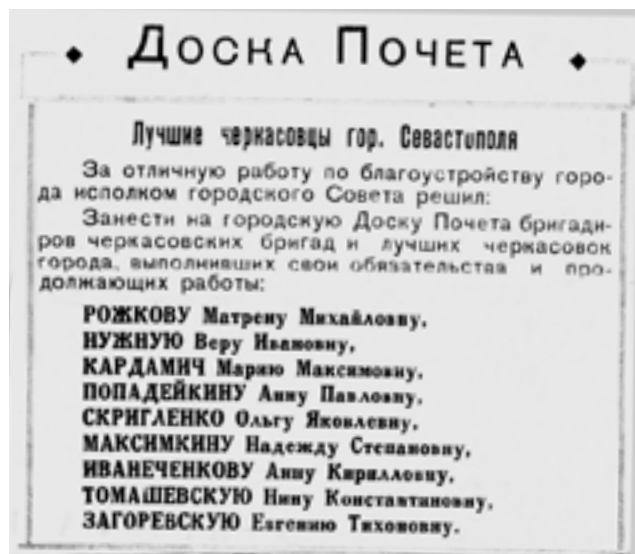
¹⁴ Там же. Ф. Р-79. Оп. 2. Д. 85. Л. 28.

Хроника тех дней тщательно фиксировала маленькие ежедневные победы в этой «трудовой битве» за Севастополь: 10 мая 1944 г. вышел первый номер газеты «Слава Севастополя», в этот же день восстановили радиовещание и в 18 ч севастопольцы вновь услышали голос Москвы; 28 мая восстановили телефонную связь со всеми городами страны; 25 июня в 17 ч в Севастополь по расчищенным железнодорожным путям через восстановленные тоннели прибыл первый поезд из Москвы; 5 ноября Черноморская эскадра вошла в Севастопольскую бухту¹⁵.

Праздничным и торжественным запомнился севастопольцам воскресный день 15 октября 1944 г. На Сапун-горе и на мысе Херсонес прошли общегородские митинги, посвящённые торжественному

¹⁵ Севастополю 200 лет. Сборник документов и материалов. Киев: Наукова думка, 1983. С. 267.

открытию двух величественных памятников героям освобождения в апреле – мае 1944 г. Обелиск Славы на Сапун-горе и памятник Победы на месте, где 12 мая 1944 г. разгромом немецкой группировки в Крыму войска 4-го Украинского фронта завершили Крымскую наступательную операцию, возвели воины Приморской армии и во время митингов 15 октября 1944 г. торжественно передали их трудящимся Севастополя¹⁶.

Вырезка из газеты «Слава Севастополя». «Доска почёта. Лучшие черкасовцы г. Севастополя». 18 июня 1949 г. ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 2. Д. 163. Л. 48

В январе 1945 г. севастопольцы обратились к трудящимся городов Крымской АССР с призывом «встать в почётные ряды восстановителей городов и организовать социалистическое соревнование по быстрейшему восстановлению разрушенных городов Крыма». В обращении к крымчанам, принятом на общегородском собрании представителей трудовых коллективов города, севастопольцы писали: «На митинге трудящихся города, над братской могилой героев, павших в борьбе за любимый город, мы дали клятву – упорным трудом восстановить город, разрушенный фашистскими варварами... Севастопольцы знают, что трудности в созидательной работе по восстановлению разрушенного города огромны. Потребуется много сил и умения, воли и знаний, чтобы снова

расцвёл наш Крым и его славный город Севастополь. В ответ на славные победы Красной Армии, громящей немецко-фашистских захватчиков на их территории... трудящиеся города Севастополя в трудовом соревновании будут повседневно строить русскую твердыню. Мы даём наше крепкое слово восстановить Севастополь, ещё краше, ещё могучее построить крепость защиты и славы нашей Родины...»¹⁷

Восстановление Севастополя стало поистине всенародным делом. Через две недели после освобождения в город прибыла первая группа комсомольцев из Иркутска, затем бригады из Ленинграда, Средней Азии, с Украины, Кубани.

Ещё в дни боёв за освобождение Севастополя председатель колхоза им. Карла Маркса Лакского района Дагестанской АССР Магомед Абакаров внёс 30 000 руб. своих личных сбережений на строительство Севастополя. На призыв земляка оказать посильную помощь Севастополю откликнулись тысячи трудящихся Дагестана, в течение нескольких месяцев они собрали свыше 4,5 млн руб., 12 вагонов с оборудованием, строительными материалами и продуктами. 17 сентября 1944 г. в газете «Слава Севастополя» было опубликовано письмо трудящихся Лакского района Дагестанской АССР, в котором они рассказывали о сборе средств и обратились с призывом: «...Товарищи севастопольцы! В боях за свой родной Севастополь вы проявили чудеса мужества и героизма. Проявите же такой героизм и участием в восстановлении дорогого нам, прославленного навеки города-воина Севастополя...»¹⁸ По примеру дагестанцев по всей стране начался массовый сбор средств на восстановление Севастополя¹⁹.

В том же номере, в статье «Братская помощь», газета рассказала севастопольцам о работниках детских дошкольных учреждений, которые проводили сбор средств, учебных пособий, игрушек, инвентаря для организации работы детских садов в Севастополе: «Дошкольные учреждения г. Фрунзе Киргизской ССР устроили вечер самодеятельности в пользу детских садов Севастополя. Весь сбор в размере 5 тыс. руб. переведён детскому саду № 1²⁰. Кроме

¹⁷ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 2. Д. 19. Л. 896.

¹⁸ Там же. КМФ-4. Ед. хр. № 303.

¹⁹ Севастополю 200 лет. Сборник документов и материалов. Киев: Наукова думка, 1983. С. 269, 270.

²⁰ Детский сад № 1 располагался на ул. Сафронова, был рассчитан на 100 детей. Для текущего ремонта сада необходимо было около 80 000 руб.

¹⁶ ГКУ АГС. КМФ-4. Оп. 2. Ед. хр. № 303.

того, дошкольные работники собрали много книг и игрушек, которые также отправили в Севастополь. Общегородское собрание работников дошкольных учреждений г. Уфы приняло решение в течение одного месяца собрать полное оборудование для одного детского сада на 100 детей и доставить его в Севастополь. Работники дошкольных учреждений Свердловска прислали детским садам нашего города шесть посылок с литературой, Новосибирск – четыре посылки»²¹. Эта помощь имела огромное значение. Ведь из имевшихся до войны 32 детских садов на 2400 мест в мае 1944 г. в категорию «подлежащих восстановлению» исполком Севастопольского городского совета смог включить только 5 на 350 мест; на проведение ремонтных работ для ввода их в эксплуатацию требовалось 280 000 руб. Остальные детские сады восстановлению не подлежали, и поэтому решили восстанавливать «эти здания из зданий, сохранившихся и могущих быть приспособленными для детсадов»²².

Постановлением СНК СССР от 1 ноября 1945 г. № 2722 Севастополь был включён в число 15 старинных городов, подлежащих немедленному восстановлению в первую очередь. По указанию правительства в город направлялось оборудование, инструменты, строительные материалы, через Коммунальный банк выделялись ссуды на индивидуальное строительство. К концу 1946 г. работали уже почти все довоенные предприятия и строились новые, было восстановлено 20 школ, 14 детских садов и яслей, 83 медицинских учреждения, 180 магазинов и столовых. В 1948 г. вступила в строй автоматическая телефонная станция, были восстановлены здание Морской библиотеки, Музея Черноморского флота, Биологической станции Академии наук СССР и другие объекты. Строители восстановили и вновь построили 250 000 кв. м жилья. Таков был итог первого этапа восстановительных работ в Севастополе.

25 октября 1948 г. Совет Министров СССР принял специальное постановление «О мероприятиях по ускорению восстановления Севастополя», давшее старт второму этапу восстановления города. Для решения новой ключевой задачи – возродить город за 3–4 года – были созданы два управления: Управление по восстановлению города Севастополя при Совете Министров СССР под руководством И.В. Комзина (координационный центр всех строительных работ) и Управление по восстановлению Севастополя при Совете Министров РСФСР под руководством Н.К. Прокуракова (жилищное, культурно-бытовое и коммунальное строительство)²³.

Дополнительно городу выделили специальные средства, установили денежную премию и учредили Переходящее Красное Знамя Совета Министров СССР для награждения победителей соцсоревнования. Севастополь получил статус самостоятельного административно-хозяйственного центра с особым бюджетом и был отнесён к категории городов республиканского подчинения.

В 1949 г. Комитет по делам архитектуры при Совете Министров СССР утвердил генеральный план восстановления и реконструкции Севастополя на период до 1970 г., разработанный сотрудниками Севастопольского горпроект и Управления глав-

Улица Большая Морская. Вид со стороны Главпочтамта. 1950-е гг.
ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 11043

²¹ ГКУ АГС. КМФ-4. Ед. хр. № 303.

²² Там же. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 157. Л. 2–2 об.

²³ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 2. Д. 108. Л. 1, 2.

ного архитектора под руководством архитекторов В.М. Артюхова, Ю.А. Траутмана, инженера И.К. Жилко.

Со всех концов страны на восстановление города прибывала молодёжь. Для подготовки квалифицированных кадров было организовано 43 школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), на базе треста «Севастопольстрой» основаны вечерний строительный техникум и учебный пункт, создавались школы передового опыта.

К решению вопроса о воспитании собственных строительных кадров в Севастополе приступили сразу же после освобождения города в 1944 г. В статье А. Ячменевой «Призыв молодёжи в ремесленные училища», опубликованной в газете «Слава Севастополя» 4 октября 1944 г., говорилось: «С этой целью по всей стране периодически проводится призыв (мобилизация) определённого количества молодёжи в школы и училища Главного управления трудовых резервов. Подготовка рабочих массовых профессий в школах ФЗО и квалифицированных рабочих в ремесленных и железнодорожных училищах имеет в нынешних условиях особо важное, военно-хозяйственное значение. Севастополь, разрушенный немецкими оккупантами, как никогда нуждается в квалифицированных рабочих. Черноморская база должна быть восстановлена в кратчайший срок. Здесь же должны коваться новые кадры [...] Севастопольское ремесленное училище № 3 уже проводит набор учеников. Училище в основном будет обучать строительным специальностям. Практические работы будут развёртываться на базе восстановительных работ города и черноморской крепости. Севастопольское ремесленное училище примет в этом году 400 человек, из них 50 юношей и 30 девушек должен дать Севастополь. Обучение рассчитано на два года. Обучение, питание и обмундирование – бесплатные. При горисполкоме создана призывная комиссия [...] На эти комиссии возлагается большая ответственность. В ремесленные училища необходимо отобрать физически здоровую молодёжь соответствующего призыву возраста»²⁴.

Наряду с задачами по восстановлению Севастополя, каждая из которых была первоочередной, в городе уделялось большое внимание развитию физической культуры, созданию условий для формирования гармонично развитого, духовно и физически, гражданина. Закономерно, что одними из первых объектов, восстановленных после освобождения Севастополя,

стали водноспортивная станция и стадион КЧФ, спортивные, футбольные, волейбольные площадки в разных районах города.

8 октября 1944 г., спустя пять месяцев после освобождения, в Севастополе прошла первая послевоенная спартакиада. В воскресный день, впервые после трёхлетнего перерыва, севастопольцы вновь спешили на стадион КЧФ принять участие в спортивных соревнованиях, поддержать любимых спортсменов, довоенных чемпионов города и флота. Военный корреспондент О. Домбит в статье «Праздник на стадионе», опубликованной в газете «Слава Севастополя» 11 октября 1944 г., описал это событие так: «После митинга раздаётся дружное “ура” в честь Верховного Главнокомандующего т. Сталина. Торжественно звучит гимн Советского Союза в исполнении краснофлотского оркестра. [...] 160 физкультурников-динамовцев отправляются на старт кросса имени т. Берия. 60 спортсменов записалось участвовать в беге на 100 м... Интересно прошли состязания по метанию гранаты... прыжки в длину и в высоту... Волейбольный розыгрыш перенесли на более подготовленную площадку Дома Военно-Морского Флота. Оспаривали первенство 10 флотских команд...» И хотя технические результаты той первой послевоенной спартакиады оценили как «удовлетворительные»,

Встреча сборных команд по футболу моряков Черноморского флота и польских моряков. Стадион КЧФ. [1954 г.]

Фото В. Докина.

ГКУ АГС. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 228. Л. 85

²⁴ ГКУ АГС. КМФ-4. Ед. хр. № 303.

Торжественный митинг, посвящённый 100-летию обороны Севастополя 1854 – 1855 гг. Графская пристань. 16 октября 1954 г. Фото М.Б. Покатило. ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 14878

главное значение таких соревнований заключалось в том, что было положено «уверенное начало восстановлению спортивных традиций Севастополя... Есть кому защищать спортивную славу Севастополя...»²⁵.

В 1954 г., когда по всей стране проходили торжества, посвящённые 100-летию первой обороны Севастополя 1854–1855 гг., севастопольцы рапортовали о восстановлении жилого фонда и городского хозяйства в объёмах, превышающих довоенный уровень. Так, в течение 10 лет свершался новый подвиг Севастополя, вошедший в историю страны как «третий», «трудоной».

Герои этой «трудоной битвы» за Севастополь – среди Почётных граждан города-героя Севастополя; имена участников восстановления Севастополя были присвоены улицам, школам, кораблям. Лучшим памятником всем гражданам советской страны, восстановившей общими усилиями из руин и пепла город-герой, стал сам Севастополь, его просторные широкие белокаменные улицы и проспекты, зелёные бульвары, памятники исторического и культурного наследия.

²⁵ ГКУ АГС. КМФ-4. Оп. 1. Ед. хр. 303.

Д.Г. Давиденко

Деятельность Н.К. Проскурякова по восстановлению г. Севастополя в 1948–1952 гг. (по материалам личного фонда в ЦГА Москвы)

Севастополь относится к числу городов, исключительно сильно пострадавших в годы Великой Отечественной войны. Как отмечает один из организаторов восстановления Севастополя Г.И. Комзин, город был разрушен на 94% и отстроен заново за 10 лет¹. До войны население Севастополя составляло 112–114 тыс. человек. За время военных действий в городе было истреблено 27 306 мирных граждан и военнопленных, а на каторгу в Германию угнано 24 600 человек. На момент освобождения в Севастополе насчитывалось всего 1905 жителей², из 6402 жилых домов было

разрушено 5379³. Финансовый ущерб, причинённый фашистами городу, оценивался в 2,5 млрд руб.⁴

В конце войны Севастополь оставался «последним очагом сопротивления немцев в Крыму» и был освобождён войсками 4-го Украинского фронта ровно за год до подписания акта о капитуляции Германии, 9 мая 1944 г.⁵ Севастополь как важнейший объект – база Черноморского флота – требовал полного и скорейшего восстановления, поэтому оно началось

¹ Комзин Г.И. Предисловие // Моторин Д.К. Возрождённый Севастополь. М., 1984. С. 3.

² Моторин Д.К. Возрождённый Севастополь... С. 51, 125, 133, 144. Автор, сам участник восстановления города, излагает хронику событий как по собственным воспоминаниям, так и ссылаясь на городскую периодику 1940-х гг.

³ История города-героя Севастополя. 1917–1957 / Отв. ред. С.Ф. Найда. Киев, 1958. С. 289.

⁴ Артюхов В.М., Баглей А.И. Лицом к морю // Возрождение Севастополя. Сборник / Сост. В.Г. Кузьмина. Симферополь, 1982. С. 44.

⁵ 12 мая район мыса Херсонес был очищен от остатков немецко-фашистских войск (Севастополю 200 лет. 1783–1983. Сборник документов и материалов. Киев, 1983. С. 256–259. № 238–240).

сразу после освобождения города. Всего к этим работам было привлечено 32 тыс. специалистов-строителей и рабочих со всей страны⁶.

Важную роль в восстановлении города играл Николай Константинович Проскуряков, организатор строительства и хозяйственный деятель, личный фонд которого находится на постоянном хранении в Центральном государственном архиве г. Москвы, в отделе хранения документов личных собраний⁷. Жизненный путь Николая Проскурякова подробно зафиксирован в автобиографической справке, датированной 12 мая 1994 г., ксерокопия которой хранится в составе его личного архивного фонда⁸. Н.К. Проскуряков – личность, безусловно, незаурядная, он прожил сто лет, и символично, что его жизнь совпала с XX веком – Николай Константинович родился 29 декабря 1900 г. в Вологде, а скончался 20 октября 2001 г. в г. Москве.

В 1918 г. Николай Проскуряков с золотой медалью окончил Вологодскую гимназию им. Александра I, в которой преподавал его отец. По конкурсу аттестатов Николай был зачислен студентом Петроградского института путей сообщения. Однако вскоре оказался в тюрьме, куда попал вместо тяжело больного отца, которого большевики хотели арестовать из-за проживавшего в их доме иностранного подданного, подозревавшегося в связях с вражеской разведкой. Николай Проскуряков вместе с группой арестованных молодых земляков-вологоджан отбывал заключение в Таганской и Бутырской тюрьмах в Москве, а в 1919 г. был освобождён⁹.

В 1919–1920 гг. Николай Константинович проходил службу в Красной Армии, а с 1921 по 1928 г. учился в Петроградском институте путей сообщения. Затем в течение пяти лет работал на Днепрострое, а с 1933 по 1936 г. принимал активное участие в строительстве ГЭС на Каме, у г. Пермь. С 1936 по 1938 г. Николай Константинович Проскуряков работал в столичном тресте «Гормост», в частности, был начальником строительства Большого и Малого Краснохолмских мостов, а затем, до 1941 г., руководил строительством шести мостов на р. Язуе. Во второй половине 1941 г., в разгар войны, участвовал в строительстве оборонительных рубежей на Западном направлении, а в 1942 г. – в эвакуации промышленных предприятий, в частности автомобильного завода им. Сталина («ЗИС»)¹⁰, на Волгу, Урал и в Западную Сибирь. В 1943 г. Н.К. Проскуряков был направлен на 1-й Украинский фронт для участия в строительстве мостов, в том числе и высоководного моста в Киеве. Возможно, в этот период он сблизился с председателем СНК УССР Н.С. Хрущёвым, и, как видно из материалов личного архива Н.К. Проскурякова, частично публикуемых здесь, с ним он тесно сотрудничал в течение почти 20 лет. В своей автобиографической справке Николай Константинович Проскуряков пишет, что «в феврале 1944 г., находясь в Москве в командировке, получил предписание начальника Главдорупра [Красной Армии] следующего содержания: “с получением сего предлагаю убыть (самолётом) в г. Киев в распоряжение председателя Совета народных комиссаров УССР т. Хрущёва Н.С. Основание: личная просьба председателя Совнаркома УССР. Генерал-лейтенант Кондратьев”¹¹. В 1944 г. Н.К. Проскуряков возглавлял управление по восстановлению главной улицы г. Киева – Крещатики, а в течение последующих двух лет занимался восстановлением жилищно-коммунального хозяйства города. В 1947 г. Николай Константинович вернулся в Москву, получив должность замминистра коммунального хозяйства РСФСР. С конца 1948 г. по первые месяцы 1952 г. он возглавлял Управление по восстановлению г. Севастополя при СМ РСФСР («Россевавтопострой»), после чего снова оказался в Москве, где возглавил Управление промышленности строительных материалов и строительных

⁶ Комзин Г.И. Предисловие... С. 7. На работах по восстановлению города задействовали и пленных немцев, что отражалось в публикациях того времени: «Пленные немцы вяло тащат носилки с цементом, возятся на лесах в главном зале музея [имеется в виду Музей Севастопольской обороны. – Д.Д.]» (Левин К. Севастополь возрождается // Знамя. 1948. № 2. С. 105).

⁷ ЦГА Москвы. Ф. Л-263. 74 ед. хр. 1937–1997 гг. Краткую аннотацию фонда см.: Центральный Московский архив-музей личных собраний: Путеводитель / Сост. М.В. Добренская. М., 2008. С. 204, 205.

⁸ ЦГА Москвы. Ф. Л-263. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–4.

⁹ При составлении биографической справки использованы материалы Предисловия к описи его личного фонда (ЦГА Москвы. Ф. Л-263), составленного Н.А. Апанасенко. Кроме того, сохранился рассказ самого Н.К. Проскурякова о его пребывании в московских тюрьмах в 1918 г., записанный 16 февраля 1995 г. (Москвичи вспоминают: аудиокнига рассказов о столице. Вып. 1. Я расскажу вам, как было... / Сост. Н.Д. Курносов. ГБУ ЦГА Москвы, 2013. С. 20–27).

¹⁰ С 1956 г. – завод им. Лихачёва (ЗИЛ).

¹¹ ЦГА Москвы. Ф. Л-263. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.

деталей Мосгорисполкома¹². В 1955 г. Н.К. Проскуряков вошёл в состав Госстроя СССР, был назначен начальником отдела бетонных и железобетонных конструкций, главным редактором журнала «Бетон и железобетон», учреждённого как раз в этом году. В 1961 г. Николай Константинович вышел на пенсию, однако должность главного редактора журнала продолжал исполнять ещё в течение 10 лет – до 1971 г. С этого времени выполнял в основном консультационные функции. Работая в Севастополе и Москве, избирался депутатом местных городских советов. Во второй половине 1950-х гг. неоднократно выезжал за границу, главным образом для обмена опытом по использованию железобетонных конструкций. Имел государственные награды. Документы личного фонда были переданы Н.К. Проскуряковым в объединение «Мосгорархив» в 1995 г.; их научное описание было завершено к 2006 г.¹³

Для лучшего понимания роли Н.К. Проскурякова в восстановлении Севастополя напомним основные эпизоды этой огромной работы.

За две недели до освобождения города, 26 апреля 1944 г., Наркомат строительства СССР создал особую строительно-монтажную часть, получившую наименование «Севастопольстрой»¹⁴. Основной её задачей было восстановление порта, судостроительных, судоремонтных и промышленных предприятий¹⁵.

Как вспоминал сам Н.К. Проскуряков, «9 мая вслед за боевыми частями в город вошло три строительных батальона, снятых с фронта и переданных в распоряжение “Севастопольстроя”»¹⁶.

10 мая 1944 г. вышел первый номер газеты «Слава Севастополя»¹⁷. В этот же день в городе начали работать хлебозавод и радиоузел. 11 мая

наладили телефонную сеть, 13 мая город получил электроэнергию, а ещё через неделю – воду, разумеется, ещё в недостаточном количестве. 14 мая в подвале одного из домов города организовали кинотеатр, и в этот день там демонстрировался фильм «Два бойца»¹⁸.

19 мая 1944 г. в городе было зарегистрировано уже 11 тыс. жителей¹⁹.

25 июня 1944 г. восстановили регулярное железнодорожное сообщение Севастополя с Москвой и пустили первый поезд²⁰.

Осенью 1944 г., к 27-й годовщине Октябрьской революции, восстановили городской порт, и 5 ноября в него стали возвращаться корабли Черноморского флота²¹.

В феврале 1945 г. возрождающийся Севастополь был показан главам союзных держав – Уинстону Черчиллю и Франклину Рузвельту, прибывшим в Крым для участия в Ялтинской конференции, проходившей с 4 по 11 февраля 1945 г.²²

Накануне майских праздников 1945 г. в городе были открыты Херсонесский музей, художественная студия, детская спортивная школа. В Доме офицеров прошла декада классической музыки, а Севастопольский театр им. А.В. Луначарского показал первый спектакль²³.

3 октября 1946 г. в городе открылся первый детский сад²⁴.

В очерке о восстановлении города, напечатанном в февральском номере журнала «Знамя» за 1948 г., сообщалось, что в Севастополе уже «свыше двадцати школ, в которых учатся восемь тысяч детей; открыто пятнадцать детских садов, двенадцать яслей, три станции скорой медицинской помощи; работают бани, больницы... Водопровод уже достиг довоенной мощи и даёт городу ежедневно свыше 15 тыс. кубометров воды»²⁵. По данным Д.К. Моторина, за четыре

¹² С 24 мая по 1 августа 1952 г.; с 23 октября 1952 г. по 24 мая 1955 г. возглавлял Управление промышленности строительных материалов и строительных деталей Мосгорисполкома (*Гарнюк С.Д.* Московская власть. Советские органы управления. М., 2011. С. 799, 801).

¹³ ЦГА Москвы. Ф. Л-263. Оп. 1. Д. 30. Л. 3; Краткие биографические сведения о Н.К. Проскурякове см. также: *Моторин Д.К., Проскуряков Н.К.* На индустриальные рельсы... // Возрождение Севастополя... С. 63, 64; Центральный Московский архив-музей личных собраний... С. 204.

¹⁴ *Моторин Д.К.* Возрождённый Севастополь... С. 22.

¹⁵ Там же. С. 46, 50.

¹⁶ *Проскуряков Н.К.* Трижды рождённый Севастополь // Коммунист. 1983. № 9. С. 99.

¹⁷ *Баглей А.И., Артюхов В.М.* Город-герой Севастополь. М., 1975. С. 60.

¹⁸ *Моторин Д.К.* Возрождённый Севастополь... С. 34; История города-героя Севастополя... С. 293, 294.

¹⁹ *Сарина А.А.* Назавтра после освобождения // Возрождение Севастополя... С. 7.

²⁰ История города-героя Севастополя... С. 295.

²¹ *Моторин Д.К.* Возрождённый Севастополь... С. 70 и др.; *Сарина А.А.* // Возрождение Севастополя... С. 16.

²² *Моторин Д.К.* Возрождённый Севастополь... С. 78, 79.

²³ Там же. С. 80, 81.

²⁴ Там же. С. 120.

²⁵ *Левин К.* Севастополь возрождается... С. 111.

года (т.е., вероятно, к лету 1948 г. – Д.Д.) севастопольцами было восстановлено и вновь построено 242 тыс. кв. м жилья, открыто 86 медпунктов и 22 школы²⁶. Однако Н.К. Проскуряков приводит иные цифры: «На первом этапе восстановления города (1944–1948) было введено в эксплуатацию домов жилой площадью 180,5 тыс. кв. м, восстановлено 8 школ и 6 детских садов, больница на 80 коек»²⁷. За пять лет после освобождения города (1944–1948) «было выполнено около 20% объёма работ довоенного уровня хозяйства Севастополя»²⁸.

В августе 1948 г. Севастополь посетили руководители партии и правительства: И.В. Сталин, А.Н. Косыгин, Н.А. Вознесенский и др. В результате было принято решение об ускорении восстановления города²⁹. Начался новый этап работ³⁰.

Постановлением Совета Министров СССР от 25 октября 1948 г. за № 403 было создано Управление по восстановлению Севастополя при Совмине СССР, которое возглавил И.В. Комзин. Оно размещалось в Москве, и на него возложили обязанности по координации действий министерств и ведомств, привлечённых к восстановлению города.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 г. № 761/2 г. Севастополь получил статус «самостоятельного административно-хозяйственного центра со своим особым бюджетом» и перешёл в республиканское подчинение. Восстановительные работы на местах должны были вести три крупные строительные организации:

– Управление по восстановлению Севастополя при СМ РСФСР («Россевастопольстрой»)³¹, которое возглавил Н.К. Проскуряков, как раз тогда приехавший для руководства работами в городе. Эта организация отвечала за строительство всего комплекса городского хозяйства («возведение жилых домов, школ, больниц, детских учреждений, городского театра, кинотеатров, административных зданий, коммунальных предприятий, организация троллейбусного транспорта, приведение в порядок дорожного хозяйства, благоустройство и озеленение города»);

– Управление военно-морского строительства МО СССР, которое возглавил генерал-майор А.П. Колеров;

– Трест № 38 Министерства строительства СССР под руководством А.И. Кудинова, которому поручалось восстановление промышленных и жилых объектов. «Он восстанавливал разрушенные и соорудил новые предприятия, подземные коммуникации, энергосети, вёл жилищное и культурно-бытовое строительство. Кроме того, трест обеспечивал строительными материалами не только свои объекты, но и стройки других ведомств и организаций. Трест этот был создан на базе «Севастопольстроя». Жилищное строительство возлагалось на все три организации³². По-видимому, строгого разделения полномочий между «Россевастопольстроем» и трестом № 38 Министерства строительства СССР всё же не было.

С этого времени в городе активно развивалась жилая застройка; продолжалась и работа по восстановлению и строительству общественных сооружений и коммуникаций.

Вопрос, каким должен быть восстанавливаемый город, постоянно обсуждался. Предлагалось сделать его похожим на довоенный. Поступали предложения «построить город на Северной стороне, свободной от застройки, а руины Севастополя сохранить как музейную реликвию». В 1949 г. Комитетом по делам архитектуры при СМ СССР был принят генеральный план восстановления и реконструкции города, который предполагал возрождение города на прежнем месте с учётом новых архитектурных и технологических достижений³³. Разработка новых методов строительства в Севастополе во многом заслуга Николая Константиновича Проскурякова.

6 ноября 1950 г. в городе открыли троллейбусное сообщение, а к концу следующего года протяжённость троллейбусных линий составила 17 км³⁴.

В конце 1950 г. в связи с выполнением основных организационных задач, поставленных перед

²⁶ Моторин Д.К. Возрождённый Севастополь... С. 125.

²⁷ Проскуряков Н.К. Трижды рождённый Севастополь... С. 99.

²⁸ Моторин Д.К. Возрождённый Севастополь... С. 164.

²⁹ Там же. С. 145.

³⁰ Комзин Г.И. Предисловие... С. 6.

³¹ Образовано постановлением СМ РСФСР от 20 ноября 1948 г. (Севастополю 200 лет... С. 281).

³² Моторин Д.К., Проскуряков Н.К. На индустриальные рельсы // Возрождение Севастополя... С. 57, 58, 63, 74; Моторин Д.К. Возрождённый Севастополь... С. 148.

³³ Баглей А.И., Артюхов В.М. Город-герой... С. 61, 70; Веникеев Е.В. Севастополь и его окрестности. М., 1986. С. 118, 119.

³⁴ Моторин Д.К., Проскуряков Н.К. На индустриальные рельсы... С. 72; Моторин Д.К. Возрождённый Севастополь... С. 208.

Управлением по восстановлению Севастополя при СМ СССР, последнее было расформировано³⁵.

16 октября 1954 г. открылась экспозиция Панорамы «Оборона Севастополя»³⁶. Это событие традиционно считается завершающим моментом восстановления города. Как отмечали Д.К. Моторин и Н.К. Проскуряков, «территория города увеличилась в полтора раза. Его жилая площадь составила 654 тыс. кв. м, на 70 тыс. кв. м больше, чем до войны. В 31 школе обучалось 20 тыс. детей. Были открыты филиал Кораблестроительного института и Строительный техникум. Работали 8 больниц, 10 поликлиник, 2 родильных дома»³⁷.

Николай Константинович писал: «...Планировка центра города в основном сохранила её исторически сложившиеся черты, но была значительно улучшена. Ширина улиц в меру возможного была увеличена на 8–12 м. Прилегающие к приморским бухтам берега были расчищены от мелкой застройки и превращены в благоустроенные зелёные набережные»³⁸. В 1952–1954 гг. Севастополь по основным показателям превзошёл довоенный уровень³⁹.

Символично, что именно в 1954 г. указом Президиума ВС СССР от 19 февраля Крым передали из состава РСФСР в состав УССР⁴⁰.

По данным Всесоюзной переписи населения, в 1959 г. в городе было зарегистрировано 148 033 жителя⁴¹.

Н.К. Проскуряков и его коллеги – Д.К. Моторин, В.А. Захарьевский, С.М. Жак и др., ввели ряд технологических инноваций, которые позволили существенно ускорить и удешевить строительные работы⁴².

Так, при восстановлении зданий в Севастополе поначалу часто использовался местный известняк, не очень удобный в обработке и монтаже⁴³. Позднее в качестве основного строительного материала начали применять железобетонные блоки, которые производились промышленным способом⁴⁴. По новым технологиям жилые дома стали возводить преимущественно из сборных деталей и конструкций заводского производства⁴⁵.

Как отмечали сами новаторы ещё в 1952 г., «были унифицированы конструкции зданий... сразу же был взят курс на заводское изготовление обезличенных деталей и конструкций – “на склад”... Построенные в течение года производственные предприятия освоили выпуск изделий и полуфабрикатов 55 наименований»⁴⁶. Фактически был создан единый каталог типовых строительных деталей, обязательных для строительных организаций.

Распространённым материалом стал двухпустотный балочный железобетонный настил для перекрытий. Размер типовой балки составлял 600 x 40 x 19 см. Внутри балка имела два цилиндрических отверстия, по 15 см каждое. Вес балки – 550 кг. Такими балками можно было перекрывать пролёты до 6 м. Применение двухпустотного балочного настила позволило одновременно использовать пустоты для центрального отопления здания.

Для кладки дымоходов и вертикальных вентиляционных каналов применялись двухпустотные блоки размером 39 x 19 x 19 см с двумя отверстиями 11 x 11 см⁴⁷.

Также была разработана конструкция сборного железобетонного каркаса⁴⁸.

Как отмечал Н.К. Проскуряков, «в числе первых в стране строители Севастополя внедрили сборные конструкции, организовали их производство на предприятиях собственной строительной базы и последующий их монтаж на стройплощадке»⁴⁹.

³⁵ Моторин Д.К., Проскуряков Н.К. На промышленные рельсы... С. 63.

³⁶ История города-героя Севастополя... С. 311.

³⁷ Моторин Д.К., Проскуряков Н.К. На промышленные рельсы... С. 77.

³⁸ Проскуряков Н.К. Трижды рождённый Севастополь... С. 101.

³⁹ Баглей А.И., Артюхов В.М. Город-герой... С. 125 и др.

⁴⁰ Севастополю 200 лет... С. 284. № 263.

⁴¹ Предыдущие официальные данные были 20-летней давности, за 1939 г. (111,9 тыс. жителей), после этого город претерпел настоящие демографические потрясения (Энциклопедический словарь / гл. ред. Б.А. Введенский. Т. 3. М., [1955]. С. 183).

⁴² Моторин Д.К., Проскуряков Н.К. На промышленные рельсы... С. 64, 65.

⁴³ Моторин Д.К. Возрождённый Севастополь... С. 89–98.

⁴⁴ Там же. С. 180–182.

⁴⁵ Там же. С. 189.

⁴⁶ Инж. Н. Проскуряков, инж. Д. Моторин, канд. техн. наук. С. Жак. Из опыта крымских строителей // Московский строитель. 1952. 17 мая.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Моторин Д.К. Возрождённый Севастополь... С. 184, 185, 188.

⁴⁹ Проскуряков Н.К. Трижды рождённый Севастополь... С. 102.

Осенью 1949 г. Николай Константинович Проскуряков лично курировал строительство городского кинотеатра «Победа». Согласно опубликованным воспоминаниям непосредственного участника работ про-раба С.Д. Алмазовой, здание кинотеатра отделали за 2 месяца (сентябрь – октябрь) к годовщине Октябрьской революции⁵⁰.

По возвращении из Севастополя в Москву в 1952 г. Н.К. Проскуряков совместно со своими непосредственными коллегами по восстановлению Севастополя опубликовал статью в газете «Московский строитель»⁵¹.

Деятельность по восстановлению Севастополя – яркая страница биографии Николая Константиновича Проскурякова, навсегда вписанная в общую историю подъёма страны после Великой Отечественной войны.

Николай Проскуряков щедро делился профессиональным и жизненным опытом⁵². Документы из личного архива Н.К. Проскурякова, хранящиеся в ЦГА Москвы, как использованные при составлении биографического очерка, так и приводимые здесь в выдержках, во многом перекликаются с его мемуарами, публиковавшимися в первой половине 1980-х гг. В то же время они содержат некоторые интересные эпизоды, не нашедшие отражения в известных автору настоящей статьи публикациях.

В этих документах более подробно отражены этапы многолетней профессиональной деятельности Николая Константиновича. В частности, в них содержатся факты, свидетельствующие о тесном сотрудничестве Н.К. Проскурякова с Н.С. Хрущёвым и роли последнего при переводе Н.К. Проскурякова из Севастополя в Москву в 1952 г., что в связи с политико-идеологическими обстоятельствами не могло отразиться в публикациях «застойного», «доперестроечного» периода. Однако эти личные связи, о которых умалчивали публикации 1980-х гг., как нам представляется, сыграли важную роль и в служебной биографии Н.К. Проскурякова, и в утверждении и внедрении в жизнь его профессиональных идей и рационализа-

торских предложений, в частности касающихся железобетонного строительства.

Наконец, некоторые издания, в которых были напечатаны прижизненные мемуары Н.К. Проскурякова, в силу ряда причин в настоящее время почти забыты или, во всяком случае, не пользуются вниманием историков-краеведов (например, журнал «Коммунист»).

Изложенные обстоятельства, на наш взгляд, делают целесообразной публикацию в этой книге некоторых фрагментов из работ Н.К. Проскурякова, а также отзыва и поздравления в его адрес, направленных Главкомандующим ВМФ СССР адмиралом С.Г. Горшковым.

№ 1. Из докладной записки Управления по восстановлению г. Севастополя при Совете Министров РСФСР – об организации жилищно-гражданского строительства индустриальными методами (мероприятия, разработанные и проведённые Управлением по восстановлению г. Севастополя при Совете Министров РСФСР в 1949–1951 гг., в результате которых достигнуто усовершенствование методов строительства)

г. Севастополь

Ноябрь 1951 г.

I. Введение

Совет Министров Союза ССР 25 октября 1948 г. принял постановление об ускорении восстановления г. Севастополя.

Одним из мероприятий, предусмотренных этим постановлением, было создание Управления по восстановлению г. Севастополя при Совете Министров РСФСР и поручение ему выполнения работ по жилищному, культурно-бытовому и коммунальному строительству.

Этим же постановлением был утверждён объектный план работ на 4 года.

Управление начало свою деятельность с 1 января 1949 г.

Жилищно-гражданское строительство в г. Севастополе до 1949 г. осуществлялось кустарными методами, стены зданий в основном возводились из бута⁵³,

⁵⁰ Алмазова С.Д. Этжи и люди // Восстановление Севастополя... С. 93–96; Моторин Д.К. Возрождённый Севастополь... С. 213; рис. на С. 215; Моторин Д.К., Проскуряков Н.К. На индустриальные рельсы... С. 70, 71.

⁵¹ Инж. Н. Проскуряков, инж. Д. Моторин, канд. техн. наук. С. Жак. Из опыта крымских строителей... Один из фрагментарно публикуемых ниже документов как раз повествует об обстоятельствах перевода Н.К. Проскурякова из Севастополя в Москву.

⁵² См., напр.: Моторин Д.К., Проскуряков Н.К. На индустриальные рельсы...; Проскуряков Н.К. Трижды рождённый Севастополь...

⁵³ Бут (бутовый, или ломовой, камень) – куски камня (доломита, известняка или песчаника) неправильной формы, размером не более 50 см по наибольшему измерению и массой до 50 кг. Добывается главным образом путём разработки местных пород.

перекрытия и перегородки – из дерева, отопление в большинстве случаев применялось печное. Строительство велось по случайным, не унифицированным проектам, механизация строительства почти отсутствовала.

Задачи по восстановлению города, возложенные на управление постановлением Совета Министров СССР от 25 октября 1948 г., не могли быть решены в установленные сроки без коренного изменения методов строительства, что в современных условиях могло быть достигнуто только путём индустриализации.

Задача «Организации жилищно-гражданского строительства в г. Севастополе индустриальными методами» была разрешена управлением в определённой последовательности, а разработанные мероприятия были внедрены в производство отдельными этапами на протяжении 1949–1951 гг.

II. Создание производственной базы

В первой половине 1949 г. управлением были унифицированы пролёты и конструкции зданий, выбраны рациональные и эффективные детали зданий с учётом наличных местных строительных материалов, определены потребные объёмы их производства, выбраны средства механизации строительства и запроектирован весь комплекс предприятий собственной производственной базы, обеспечивающей стройки управления необходимым ассортиментом готовых изделий и деталей, а также всеми видами обслуживания строительства, в том числе жильём для рабочих, транспортом, складским хозяйством и средствами ремонта механизмов.

При переработке поименованного выше комплекса вопросов управлением были учтены работы Академии архитектуры СССР по организации восстановительного строительства в гг. Сталинграде, Минске и Украинской ССР, выполненные академией в 1945–1947 гг., а также работа Института строительной техники Академии архитектуры СССР «Конструкции каменных жилых зданий при индустриальных методах возведения», выполненная в 1947–1948 гг., и работа лаборатории института в части организации стендового производства железобетонных конструкций.

Результаты работы управления, проделанной в 1-м полугодии 1949 г., изложены в записке «Основные материалы по организации жилищно-гражданского строительства в Севастополе индустриальными методами», г. Севастополь, 1949 г.

Строительство предприятий собственной производственной базы управления и жилья для рабочих было развёрнуто с половины⁵⁴ 1949 г. и в основном закончено к июлю 1950 г., когда продукция предприятий стала поступать на производство.

В 1950 г. были введены в эксплуатацию:

1. Лесопильный и деревообрабатывающий завод с сушильными камерами на Портовой ул. и плотничьим цехом на г. Матюшенко⁵⁵.

2. Завод строительных деталей на Гоголевской ул., в составе цехов: железобетонных изделий, гипсоопилочных плит, пустотелых блоков для дымовых и вентиляционных каналов, цеха архитектурных деталей из гипса и литого инкермана⁵⁶ и др.

3. Автобаза с авторемонтными мастерскими и стоянкой на 175 автомашин.

4. Ремонтно-механические мастерские и машинопрокатная база.

5. Складское хозяйство.

6. Штольневая разработка инкерманского камня с мастерской по механической его обработке.

В настоящее время производственные предприятия управления выпускают продукцию (изделия и полуфабрикаты) по номенклатуре из 55 наименований (см. таблицу 1)⁵⁷ [...]⁵⁸

Заключение

Повышение уровня индустриализации жилищно-гражданского строительства в г. Севастополе являлось важнейшей задачей управления по восстановлению города.

⁵⁴ Так в документе.

⁵⁵ Так в документе.

⁵⁶ Инкерман (инкерманский камень) – известняк, названный по месторождению близ одноимённого города, входящего в состав Балаклавского района Севастополя. Характеризуется прочностью, мягкостью, лёгкостью в обработке и теплоизоляционными свойствами.

⁵⁷ Таблица 1. Номенклатура изделий, выпускаемых предприятиями управления (л. 5–9). Не публикуется.

⁵⁸ Далее документ содержит следующие пункты: А. Производство двухпустотного балочного настила (л. 9–17); Б. Производство гипсоопилочных плит для перегородок (л. 17–18); В. Производство пустотелых блоков для дымоходов и каналов (л. 18–19); Г. Добыча и обработка инкерманского камня и использование отходов камнепиления (л. 20–25); разработка и внедрение индустриальных и экономичных конструкций зданий для южных сейсмических районов (л. 26–45); выводы (л. 46–47). Не публикуется.

Эта задача на протяжении 1949–1951 гг. нашла своё последовательное и комплексное разрешение на основе учёта местных особенностей строительства, наличия местных строительных материалов, создания централизованного производства строительных деталей и конструкций и осуществления необходимой механизации процессов строительства.

Трёхлетний опыт управления свидетельствует о том, что можно добиться значительного повышения уровня индустриализации гражданского строительства без больших капитальных затрат и применения сложных механизмов, т.е. средствами, доступными большинству строительных организаций.

Правильный выбор типов сборных деталей и разработка простейших технологических схем по их изготовлению обеспечивают возможность организации в короткий срок массового изготовления деталей «на склад» и снижения их стоимости.

Решение конструктивной схемы здания с продольным расположением несущих опор и гладкими перекрытиями из балочного настила, допускающими произвольное расположение перегородок («свободный план»), создаёт предпосылки для унификации конструкций жилых и гражданских зданий, а разработка и освоение сборного железобетонного каркаса без поперечных рам намечает пути индустриального возведения гражданских зданий разного назначения из одних и тех же сборных деталей.

Приложение принципов индустриального строительства жилых и гражданских зданий, основанных на единой номенклатуре деталей, единой конструктивной схеме зданий и централизованном изготовлении отдельных деталей «на склад», к многообразным местным условиям является основной задачей строительных организаций, работающих в области массового гражданского строительства, и этим путём можно реально достигнуть сокращения сроков строительства и снижения его стоимости.

Начальник управления	<i>Проскураков</i>
Главный инженер управления	Д. Моторин
Начальник технического отдела управления	С. Жак

ЦГА Москвы. Ф. Л-263. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–5, 47, 48.
Отпуск. Машинопись.

№ 2. Из воспоминаний Н.К. Проскуракова «На рубежах строительства. Записки инженера»

1952 г.⁵⁹

Снова в Москве.

17 апреля 1952 г. я позвонил по «вертушке»⁶⁰ Н.С. Хрущёву и напомнил о его желании познакомиться с некоторыми итогами восстановления г. Севастополя. Никита Сергеевич назначил мне быть у него в 12 ч и спросил, куда направить за мной машину. Я звонил из Совмина РСФСР на Делегатской ул., но, т.к. мне нужно было захватить с собой материалы и для этого заехать домой на ул. Горького, я попросил направить машину на мою квартиру. Ровно в 12 ч я был в приёмной секретаря МК КПСС на Старой площади. Н.С. Хрущёв принял меня сразу же и в течение следующих двух часов я подробно доложил ему о тех мероприятиях по индустриализации жилищно-гражданского строительства, которые целеустремлённо проводились в 1949–1952 гг. Управлением по восстановлению г. Севастополя при Совете Министров РСФСР. По-видимому, в день своего рождения Н.С. Хрущёв не был сильно загружен текущими делами и смог уделить значительное время и внимание моему докладу, а также беседе по всегда ему близким вопросам строительства, в особенности если дело касалось каких-либо новшеств. Производство сборных железобетонных конструкций тогда ещё только пробивало себе дорогу, и мероприятия по изготовлению двухпустотных железобетонных балочных настилов для междуэтажных перекрытий жилых домов, сборный железобетонный каркас для зданий в сейсмических районах страны и конструкции облегчённых стен, применённые в Севастополе, а также меры по созданию производственной базы для индустриального строительства в полностью разрушенном городе, каким был Севастополь, вызвали со стороны Н.С. Хрущёва большой интерес и много вопросов.

Я оставил ему чертежи, фотографии и записки по заинтересовавшим его деталям.

Все эти материалы Н.С. Хрущёв направил в дальнейшем заведующему отделом строительства и стройматериалов МК КПСС т. Артемьеву В.Ф. и посоветовал ему организовать мой доклад для строителей г. Москвы. Такой доклад об опыте организации

⁵⁹ Датировано по содержанию.

⁶⁰ Разговорное название закрытой системы правительственной телефонной связи в СССР.

индустриального строительства в Севастополе в 1949–1952 г. вскоре состоялся в помещении отдела на ул. Куйбышева. Основные положения этого доклада были опубликованы в газете «Московский строитель» 17 мая 1952 г. под рубрикой «За новое, передовое, прогрессивное» в статье «Из опыта крымских строителей» за подписью тт. Н.К. Проскурякова, Д.К. Моторина и С.М. Жака⁶¹.

Статья заканчивалась таким выводом:

«Трёхлетний опыт строительства в Крыму свидетельствует, что задача повышения уровня индустриализации жилищно-гражданского строительства в городах может быть успешно решена при соблюдении следующих [принципов]⁶²:

- унификации конструкций зданий и выработки единой номенклатуры сборных деталей и изделий на основе учёта местных особенностей строительства и наличных средств механизации;

- разработки технологических схем по изготовлению деталей и изделий в зависимости от масштабов производства;

- создания централизованной производственной базы, обеспечивающей изготовление в заводских условиях “на склад” обезличенных строительных деталей и изделий по установленной номенклатуре».

Доклад получил одобрение присутствующих строителей, о чём В.Ф. Артемьев, очевидно, сообщил и т. Н.С. Хрущёву.

В начале мая 1952 г., почти сразу после майских праздников, меня пригласил к себе заведующий МГК КПСС по строительству и строительным материалам Н.П. Дудоров и сделал мне предложение занять должность начальника Управления промышленности строительных материалов и строительных деталей Мосгорисполкома, сославшись при этом на рекомендацию моей кандидатуры Н.С. Хрущёвым.

Моё назначение на эту должность состоялось решением Исполкома Моссовета 24 мая 1952 г. Опубликование статьи в газете «Московский строитель», совпавшее по времени с моим вступлением в должность начальника управления, явилось как бы изложе-

нием моего «кредо» по вопросам технической политики в области индустриализации строительства и путёвкой в жизнь для проведения основных принципов этой политики в нашей столице. Москва в это время переживала поворотный момент в организации жилищного строительства.

Началом этого нового периода в строительстве следует считать 1950 г., когда Московский городской комитет партии по инициативе Н.С. Хрущёва резко поставил вопрос о переводе строительства в Москве на индустриальные рельсы.

Не без волнения, с чувством личной ответственности и вместе с тем с большой энергией я приступил к работе. Радовали широкие перспективы и возможность на деле осуществить в больших масштабах созревшие, проверенные на практике и ставшие убеждением основные принципы организации индустриального строительства в городе.

Последующие три года стали годами кипучей, творческой работы, проверкой большого строительного эксперимента, который по своей значимости выходил за рамки г. Москвы и который стал в большой степени этапом для организации жилищно-гражданского строительства в стране.

ЦГА Москвы. Ф. Л-263. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–4.
Подлинник.

№ 3. Отзыв первого заместителя министра обороны СССР и Главнокомандующего Военно-морским флотом СССР Адмирала Флота СССР С.Г. Горшкова о деятельности Н.К. Проскурякова по восстановлению г. Севастополя

№ 1/401

12 декабря 1956 г.

Тов. Проскуряков Николай Константинович на протяжении трёх лет, с ноября 1948 г. по декабрь 1951 г., будучи начальником Управления по восстановлению г. Севастополя при Совете Министров РСФСР, успешно руководил работами по восстановлению и строительству всего комплекса городского хозяйства г. Севастополя.

Тов. Проскуряков Н.К. принимал активное участие в решении многочисленных вопросов планировки, архитектурного оформления и строительства г. Севастополя. Как руководитель одной из самых крупных строительных организаций, призванной восстанавливать городское хозяйство, жилые дома и культур-

⁶¹ Н.К. Проскуряков – начальник Управления по восстановлению г. Севастополя при Совете Министров РСФСР, Д.К. Моторин – главный инженер и С.М. Жак – начальник технического отдела этого управления. В статье излагается опыт восстановления г. Севастополя. (Прим. док.)

⁶² В документе пропуск. Слово восстановлено по смыслу.

но-бытовые учреждения и предприятия, т. Проскуряков Н.К. показал себя хорошим организатором, глубоко и всесторонне знающим строительное дело.

Тов. Проскуряков Н.К. на восстановлении г. Севастополя был одним из выразителей самой передовой мысли в области строительства.

Под руководством и при активном творческом участии т. Проскурякова Н.К. был разработан и внедрён в г. Севастополе стендовый метод массового изготовления двухпустотного балочного настила и сборного железобетонного каркаса поперечных рам, а также практически решён вопрос об индустриализации работ по устройству центрального отопления зданий. Всё это явилось новшеством в строительном деле.

Благодаря широкому внедрению т. Проскуряковым Н.К. в строительное дело новых методов работы в г. Севастополе было восстановлено и построено в сравнительно короткий срок большое количество жилых домов, школ, больниц, коммунальных предприятий и других сооружений.

Тов. Проскуряков Н.К. не жалея сил вкладывал в дело восстановления г. Севастополя свой многолетний опыт и знания, чем заслужил большой авторитет и уважение у трудящихся г. Севастополя и военных моряков.

Тов. Проскуряков Н.К. принимал активное участие в общественной работе, был членом пленума Севастопольского горкома КПСС и депутатом городского совета.

Адмирал

С. Горшков

ЦГА Москвы. Ф. Л-263. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–2.
Копия.

№ 4. Поздравление Главнокомандующего Военно-морским флотом СССР Адмирала Флота СССР С.Г. Горшкова Н.К. Проскурякову в связи с 200-летием г. Севастополя

13 июля 1983 г.

Уважаемый Николай Константинович!

Благодарю Вас за тёплые поздравления в свой адрес в связи с двухсотлетием города Севастополя.

С большим вниманием ознакомился с Вашей статьёй, опубликованной в журнале «Коммунист»⁶³.

Почти сорок лет отделяют нас от начала возрождения города-героя. События, непосредственным участником которых Вы были, памяты и мне. Они нашли в статье достаточно полное и аргументированное отражение. В целом статья понравилась.

Примите мои сердечные поздравления со славным юбилеем города и самые добрые пожелания здоровья, творческих успехов и благополучия в жизни.

Главнокомандующий
Военно-морским
флотом Адмирал Флота
Советского Союза

С. Горшков

ЦГА Москвы. Ф. Л-263. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.
Копия.

⁶³ Имеется в виду статья: *Проскуряков Н.К.* Трижды рождённый Севастополь // *Коммунист.* 1983. № 9.

А.А. Войткова

**Возрождение Севастополя после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
и восприятие городским партийным руководством роли И.В. Сталина
в восстановлении города-героя**

В воспоминаниях ответственного партийного работника Севастополя А.А. Саринной отмечается, что в конце 1944 г. Совет народных комиссаров (СНК) СССР принял «специальное постановление о первоочередных мероприятиях по восстановлению Севастополя. Соответствующим наркоматам было

поручено поставить значительное количество материалов и оборудования для реставрации и строительства объектов и сооружений городского хозяйства, жилых домов и культурно-бытовых учреждений. Наркомхоз РСФСР утвердил план восстановления жилищно-коммунального хозяйства

Севастополя. Для ведения этих работ в городе была создана ещё одна строительная организация – трест «Севастопольгражданстрой». С радостной вестью встретили севастопольцы весть о том, что советское правительство выделило на коммунально-жилищное строительство 26,5 млн руб. В эту сумму не входили кредиты на ведомственное и индивидуальное строительство. Было трудно, непостижимо трудно, люди уставали. И всё же никто не упускал возможности послушать лекцию, встретиться с поэтом или писателем, принять участие в интересной беседе»¹.

Помимо Севастопольгражданстроя в городе трудились и военные строители. В частности, именно они занимались установкой на берегу створных знаков, необходимых для разминирования акватории у побережья Крыма и Севастополя, безопасного прохода судов. Как указал в своей статье бывший главный инженер Севастопольвоенморстроя С.И. Кангун, «большая работа по разминированию выполнялась не только на водных просторах Крымского побережья. И земля была начинена минами, снарядами, бомбами, а кроме того, то здесь, то там обнаруживали склады боеприпасов. В разминировании города участвовали многие армейские инженерно-сапёрные части, а также отдельная инженерная рота инженерного отдела флота. О масштабах смертоносной начинки свидетельствуют цифры. Только в течение 1944–1945 гг. было извлечено в Севастополе и его окрестностях 337 630 взрывоопасных предметов. Работа сапёров продолжалась, и эта цифра к началу 1964 г. почти удвоилась, а к 1975 г. выросла до одного миллиона. Но и ныне (в 1980-е гг. – А.В.) у нас раздаются порой взрывы извлечённых сапёрами и обезвреженных снарядов»².

В 1944–1945 г. возрождение Севастополя происходило в основном за счёт реставрации наиболее сохранившихся зданий. В первую очередь восстанавливали жилые дома с наименьшим процентом разрушений – независимо от их расположения, что позволило заметно сократить сроки работ, уменьшить их стоимость и снизить потребность в материальных ресурсах. Естественно, «значительная часть всей восстановленной площади приходилась на индивидуальный сектор»³. Разрушения по всей стране были настолько масштабны, что катастрофически не хватало квалифицированных строителей. Как водится, многое дал энтузиазм советских людей, горевших желанием вернуться к мирной жизни. Как пишет А.А. Сарина, если «учесть, что среди строителей в то время было мало

профессиональных каменщиков, плотников и штукатуров, то станет ясно, что восстановление разрушенных зданий – пример небывалого трудового энтузиазма севастопольцев»⁴. Огромную помощь в восстановлении города оказали патриоты-добровольцы. По данным А.А. Сариной, «со дня освобождения по август 1948 г. они отработали на восстановлении Севастополя более 3 млн часов, привели в порядок улицы и площади Севастополя. Их руками были восстановлены Приморский, Матросский, Исторический бульвары, посажено на улицах, бульварах и во дворах около 70 тыс. деревьев и кустарников»⁵.

1 ноября 1945 г. СНК СССР принял историческое решение о восстановлении 15 старейших русских городов, в число которых попал и Севастополь⁶. С этого момента восстановительные и строительные работы стали вести планомерно. Партийные органы руководства и советско-хозяйственный аппарат управления, «обсудив»⁷ решение правительства на пленуме горкома, а точнее – приняв постановление вышестоящего органа к исполнению, предприняли необходимые меры по упорядочению работ и поднятию их на принципиально новый уровень, в числе которых: обеспечение строительства квалифицированными кадрами рабочих и инженерно-технических работников, материальными ресурсами и механизмами. Сделано это было за счёт направления в Севастополь молодых строителей из бывших фронтовиков.

В марте 1946 г. Верховный Совет СССР принял Закон о четвёртом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг. Его основная хозяйственно-политическая задача состояла в восстановлении пострадавших районов страны, достижении довоенного уровня развития промышленности и сельского хозяйства с последующем превышением этого уровня⁸. В Севастополе за пять лет планировалось «восстановить и построить 270 тыс. кв. м жилой площади, провести работы по дальнейшему восстановлению и развитию энергетического и водопроводного хозяйства»; ввести в строй заводы молочный и виноградных соков; восстановить и построить 10 средних, шесть неполных средних и две начальные школы, а также шесть больниц, три поликлиники, ряд других лечебных учреждений. Севастопольские горком ВКП(б) и исполком городского совета определили «конкретные задания по каждой стройке, каждому предприятию и учреждению»⁹.

В 1946 г. СНК СССР утвердил, внося ряд замечаний, представленный на его рассмотрение проект

Генерального плана восстановления и реконструкции Севастополя. Главный архитектор города А.И. Баглей и заместитель главного архитектора города В.М. Артюхов отмечали в своих воспоминаниях, что «в план были заложены прогрессивные идеи, учитывающие его развитие на далёкую перспективу. В процессе подготовительных проектных разработок, произведённых проектировщиками на месте, выяснилось, что десятки и даже сотни общественных и жилых зданий, в том числе построенных ещё до Крымской войны, несмотря на значительные повреждения, представляют большую историческую, материальную и архитектурную ценность. Частично сохранились подземные инженерные сети и сооружения – магистральные водопроводы и система канализационных коллекторов, проложенных ввиду сложного рельефа глубоко под землёй. Внимательное изучение всех этих вопросов позволило прийти к выводу, что, не копируя ранее существовавшего города, генеральный план должен сохранить и усовершенствовать положительные градостроительные тенденции в планировочной структуре и застройке, учесть возможность восстановления ряда исторических и архитектурных ценностей»¹⁰.

Главный инженер Севастопольвоеномстроя С.И. Кангун указал в своей статье, что в 1947 г. «все виды капитального строительства для флота стали выполняться только нашими (Севастопольвоеномстроя. – А.В.) силами, без участия Севастополь[граждан]строя. И хотя дел прибавилось, военные строители не ослабляли своих усилий на объектах и в самом городе: интенсивно вели работы по расширению водной станции, жилых зданий, главного госпиталя, развернули строительство жилья для рабочих на Второй Бастионной улице. В 1945–1946 гг. были восстановлены и вновь построены нашими силами многие жилые дома на улицах Ленина, Пролетарской (ныне Суворова), Луначарского, Щербака, Пирогова, на Корабельной стороне, в районе Мартыновой бухты и других местах. Общая полезная площадь их составила около 50 тыс. кв. м. Тогда же были восстановлены Графская пристань и памятник Казарскому на Матросском бульваре. Много это или мало? По нынешним меркам, конечно же, маловато. Но следует иметь в виду сложность условий и большую трудоёмкость восстановительных работ, требовавших огромного физического напряжения и сноровки. Нужно было надёжно укреплять сохранившиеся стены и вручную заводить деревянные балки перекрытий, не повредив при этом стен. Основным строительным материалом

были бутовый камень и ракушечник, кровельным – черепица со старых крыш. А если учесть низкий коэффициент сборности конструкций и такой же уровень механизации, при котором подъёмными средствами были кран “Укосина” и маломощный кран “Пионер”, то легко представить, как велики были трудозатраты при выполнении объёмов работ»¹¹.

В августе 1948 г. Севастополь посетили руководители ВКП(б) и СНК СССР – глава правительства и фактический руководитель партии И.В. Сталин, выдающийся деятель нашего народного хозяйства А.Н. Косыгин и председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский, пока ещё считавшийся одним из двух потенциальных преемников вождя народов. Прибытие трёх указанных лиц было знаком особого внимания партии и правительства к решению задач по восстановлению Севастополя. Они ознакомились с состоянием восстановительных работ, выслушали просьбы командования Черноморского флота, партийных и советских органов о помощи по ускорению сроков возрождения города. Следствием этой командировки сталинского руководящего ядра в город-герой стала подготовка Госпланом СССР, Советом Министров РСФСР, соответствующими министерствами и ведомствами предложений по ускорению восстановления Севастополя.

В октябре 1948 г. для участия в подготовке указанных мероприятий Крымский обком ВКП(б) и командование Черноморского флота направили в Москву совместную делегацию под руководством секретаря Севастопольского городского комитета ВКП(б) П.И. Лесика – автора публикуемого документа¹². Как вспоминал позднее один из командированных – Ф.Н. Усков, «через несколько дней (после прилёта в Москву. – А.В.) нас пригласили в Кремль на заседание Политбюро ЦК партии. Когда мы пришли в назначенное время в приёмную, мы встретились с Маршалом Советского Союза А.М. Василевским, адмиралом А.Г. Головкин, министром строительства Н.А. Дыгаем, зам. председателя Госплана СССР Е.Ф. Кожевниковым и другими руководителями министерств и ведомств. Вскоре всех нас пригласили в просторный зал. Товарищи Головкин, Кожевников и Лесик коротко доложили о состоянии восстановительных работ в Севастополе, о мероприятиях и ресурсах, необходимых для того, чтобы завершить возрождение города в ближайшие три-четыре года. Сообщения, сделанные на заседании, были выслушаны с большим вниманием. В доброжелательном тоне присутствующими уточнялись

некоторые детали, касавшиеся главным образом восстановления и развития городского хозяйства Севастополя. После выступлений Н.А. Вознесенского, Н.А. Дыгая было поручено группе товарищей внести коррективы в выработанный проект предложений с учётом высказанных критических замечаний и дополнительных предложений и представить его для утверждения руководящим органам»¹³.

25 октября 1948 г. было решено завершить восстановительные работы в г. Севастополе в три-четыре года. Между строк монографии бывшего начальника оперативной группы Управления по восстановлению Севастополя при Совете Министров СССР Д.К. Моторина прекрасно читается, что срок этот заведомо не был реальным: «...если при первоначальных темпах Севастополь практически мог быть поднят из руин и пепла только в 15 лет, тоже в исключительно короткий срок, то теперь после перестройки [работы] и новой дополнительной помощи возрождение города в три-четыре года, а в общем за 10 лет (срок был также невероятно сжатым), становилось реальным»¹⁴.

Как указал Д.К. Моторин в своей монографии, Советское государство не только поставило задачу ускоренного возрождения Севастополя, но и предоставило необходимые для восстановления ресурсы и средства, подкрепило их определёнными организационными мероприятиями. В Москве, при Совете Министров СССР, было организовано Управление по восстановлению Севастополя, на которое возлагались обязанности по координации действий министерств и ведомств, привлечённых к участию в деле возрождения Севастополя, оперативное руководство и принятие окончательных решений по общим организационным вопросам строительства, а также контроль за ходом градостроительных работ в городе. В самом Севастополе для повседневного непосредственного руководства был создан отдел оперативного руководства¹⁵. На последний были возложены функции по организации и объединению усилий всех строительных организаций, принимавших участие в возрождении города-героя¹⁶. Из них выделяются три наиболее крупные строительные организации, осуществлявшие комплексное строительство объектов городского хозяйства, промышленности и обороны: Управление по восстановлению г. Севастополя при Совете Министров РСФСР, Управление военно-морского строительства Министерства обороны СССР и трест «Севастопольстрой» Министерства строительства СССР. Специально был реорганизован в свя-

зи с новыми задачами трест № 38 «Севастопольпромстрой». Теперь он должен был решать следующие задачи – строительство энергетических предприятий, создание материально-технической базы таких отраслей, как судостроение, холодильная, пищевая, лёгкая промышленность, жилищное строительство и т.п. Три указанные строительные организации вели и жилищное строительство в городе¹⁷.

Проектирование строящихся в городе объектов вели 27 проектных и архитектурных организаций разных городов СССР¹⁸.

В ноябре 1948 г. на собрании партийного актива Севастопольского городского комитета ВКП(б) и Черноморского флота, как писали в своих воспоминаниях начальник оперативной группы Управления по восстановлению Севастополя при Совете Министров СССР Д.К. Моторин и начальник Управления по восстановлению Севастополя при Совете Министров РСФСР Н.К. Проскураков, «состоялся большой и важный разговор об ускорении темпов восстановительных работ и первоочередных задачах коммунистов и комсомольцев. Планировалось в течение нескольких лет построить 332 тыс. кв. м жилой площади, зданий культурно-бытовых и медицинских учреждений, школ, детских садов»¹⁹.

22 декабря 1948 г. вышло в свет постановление ЦК ВЛКСМ «Об участии комсомольских организаций в восстановлении города Севастополя», в котором говорилось: «Считать первоочередной задачей Севастопольской комсомольской организации мобилизацию всей молодёжи на успешное выполнение заданий правительства по восстановлению Севастополя»²⁰. Первый секретарь Севастопольского горкома ВЛКСМ П.М. Рогачёв писал в своих воспоминаниях: «ЦК ВЛКСМ потребовал от комсомольской организации промышленных предприятий, строек, ж.-д. и водного транспорта страны, участвовавших в изготовлении и доставке заказов Севастополю, установить контроль за своевременным и качественным выполнением этих заказов...»²¹ По словам Рогачёва, «Севастополь тех лет был по-настоящему молодёжным городом: комсомольцы и молодёжь составляли около 80% работающего населения. Самоотверженно трудились комсомольско-молодёжные бригады. На стройках было создано более ста таких бригад, они выполняли производственные нормы на 150–200%. Их фронтом стали рубежи возвращаемых к жизни улиц и площадей. Комсомольско-молодёжными объектами становились строящиеся цеха предприятий, здания школ,

детских садов, больниц, многие жилые дома. Рабочий день на строительных площадках измерялся не затраченным временем, а объёмом заданных и обязательно выполненных работ. Такие условия труда диктовала сама жизнь. По графику, разработанному горкомом комсомола, сотни юношей и девушек после окончания рабочего дня на предприятиях и в учреждениях ежедневно трудились в бригадах восстановителей. Комсомольцы являлись инициаторами воскресников по расчистке завалов, озеленению улиц, бульваров и скверов. Особенно много сил и времени [...] отдали восстановлению школ и детских садов. Каждый вкладывал в строительство частицу своего сердца, своей души»²².

Естественно, не обошлось без военно-морской помощи. В конце декабря 1948 г. в Севастопольвоенморстрой прибыло серьёзное пополнение из различных родов войск – артиллерии, танковых войск, авиации. Однако, поскольку строительного опыта у вчерашних бойцов и командиров было мало, им предстояли «годы обучения на строительных лесах» под руководством «старых, опытных строителей»²³.

10 февраля 1949 г. генеральный план и основные положения к нему, проект размещения первой очереди строительства и проект планировки и застройки центра города были одобрены Комитетом по делам архитектуры при СМ СССР. Как пишут В.М. Артюхов и А.И. Баглей, «Севастополь должен был стать не копией довоенного города с населением 112 тыс. человек и не новым городом на новом месте, а воссозданным городом на основе лучших градостроительных тенденций. Намечалось провести широкий круг мероприятий, обеспечивающих его перспективное развитие. В генплане были заложены положения: Севастополь восстанавливается и развивается как крупный промышленный и научный центр юга страны, как город-музей революционных, ратных и трудовых подвигов. Расчётная численность его населения до 1970 г. предполагалась в 200 тыс. человек.

Характеризуя в основных чертах схему генплана, следует отметить, что территориальное расширение города планировалось незначительное, в основном в юго-западном направлении вдоль моря и бухт. Учитывая наличие старых и создание новых промышленных предприятий, жилищно-гражданское строительство планировалось также в районе Куликова поля, на Корабельной стороне за Малаховым курганом, на Северной бухте, в районах Балаклавы и Инкермана (Белокаменска).

Городской центр сохранялся на исторически сложившемся месте: от Приморского бульвара до площади Ушакова и от Южной бухты до Одесского оврага. Только теперь его территория увеличивалась в три раза за счёт продвижения на запад вдоль бухт Хрустальной, Александровской, Мартыновой и до улицы Шестой Бастионной (Загородная балка), на юг по улице Гоголя до бывшей Сенной площади, включая Исторический бульвар и площадь железнодорожного вокзала.

Весь город был разделён на 13 жилых районов по принципу тяготения к промышленным предприятиям. Уже тогда было определено место будущих промышленных и складских зон, главной из которых стала зона, расположенная между Балаклавским шоссе и Карантинной балкой»²⁴.

Генеральный план предусматривал объединение мелких кварталов в крупные, ликвидацию отдельных улиц и создание вместо них внутриквартальных въездов и проездов, более просторных дворов – уменьшение плотности застройки, упорядочение организации транспортного и пешеходного движения. Мероприятия по восстановлению и реконструкции были сконцентрированы в полном комплексе по группам кварталов, образующих главные улицы, и прежде всего центральную часть Севастополя.

В.М. Артюхов и А.И. Баглей отметили, что «с самого начала основания города в нём начала складываться радиальная схема магистралей, ведущих от центрального городского кольца на периферию. Генпланом было намечено создание внутригородской широтной магистрали, соединяющей все планировочные районы города, и на удалении 2–2,5 км от неё внешней широтной магистрали, ограничивающей черту городской застройки от района Камышовой бухты до Инкермана (Белокаменска). Такая схема позволяла обеспечить удобную кратчайшую транспортную связь между всеми жилыми и промышленными районами и разгрузить центральные улицы и площади города. Все радиальные магистрали подлежали реконструкции и расширению (ул. Генерала Петрова, Адмирала Октябрьского, Лабораторное ш., ул. Горпищенко и др.). Шире на 8–12 м должны были стать и центральные улицы: Ленина, Большая Морская, проспект Нахимова. Планировалось увеличить территорию главных площадей центра – Революции, Нахимова, Ушакова. Особую сложность представляла реконструкция улицы Ленина, где по обе стороны находились здания, реставрация которых была необходима в связи с их

исторической и архитектурной ценностью и техническим состоянием. Осложняли работы по расширению магистралей высокие подпорные стены с нагорной стороны кольцевых улиц. Проектировщикам приходилось выгадывать буквально по сантиметрам, чтобы центр возрождённого Севастополя стал просторнее и светлее»²⁵.

Центр «рассматривался как крупный градостроительный комплекс общественных и жилых зданий, улиц и площадей, бульваров и скверов. Продолжением и развитием лучших градостроительных традиций являлось стремление к максимальному раскрытию застройки в сторону моря и бухт, особенно общественных зданий, созданию неповторимой индивидуальности приморского города. Это обеспечивалось системой террасирования застройки по склонам холмов и односторонней застройкой главных улиц города, прилегающих к бухтам (просп. Нахимова, наб. Корнилова, ул. Ленина), сносом разрушенных строений со стороны акватории и разбивкой на этих местах новых скверов и бульваров. По такому же принципу реконструировались и главные площади – Нагорная (ныне Ленина), Нахимова, Ушакова. Там, где это было необходимо, производилось преобразование рельефа города для улучшения планировочной структуры»²⁶.

В конце 1950 г. в связи с выполнением основных организационных задач, поставленных в 1948 г., Управление по восстановлению Севастополя при СМ СССР было расформировано, кадры его, работавшие в городе, направлены в другие города²⁷. Основные работы по реконструкции города были проведены в 1949–1954 гг., однако решить все задачи, естественно, не удалось, тем более в связи с ростом населения. В начале 1965 г. утвердили «генеральный план дальнейшего строительства Севастополя»²⁸, рассчитанный до 1980 г.

В настоящей публикации представлены два документа.

Первый представляет собой интервью секретаря Севастопольского городского комитета ВКП(б) П.И. Лесика корреспонденту газеты «Красный флот». В декабре 1948 г. первый заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д.Т. Шепилов запросил мнение заведующего Особым сектором Секретариата ЦК, заведующего канцелярией Генерального секретаря ЦК А.Н. Поскрёбышева относительно целесообразности публикации присланного в ЦК ВКП(б) интервью П.И. Лесика о посещении

Севастополя председателем Совета Министров СССР, секретарём ЦК ВКП(б) И.В. Сталиным и плане восстановления Севастополя. Д.Т. Шепилов предложил публикацию запретить «в связи с тем, что беседа составлена неудовлетворительно. О посещении т. Сталиным Севастополя в беседе говорится глухо, мимоходом – в одном лишь абзаце. Значительная часть беседы посвящена изложению постановления СМ СССР о восстановлении Севастополя, которое в печати не публиковалось»²⁹. 14 декабря А.Н. Поскрёбышев одобрил предложение Д.Т. Шепилова и поручил последнему «сообщить им»³⁰ (редакции. – А.В.). Несмотря на то что И.В. Сталину действительно уделено крайне мало места, интервью публикуется нами, потому что оно является интересным источником о первоначальных, второй половины 1940-х гг., представлениях высшего большевистского руководства СССР о необходимости реконструкции после завершения Великой Отечественной войны страны в целом и Севастополя в частности.

Второй документ – доклад на состоявшемся 25 октября 1973 г. торжественном заседании Учёного совета Музея обороны и освобождения г. Севастополя инженера-энергетика И.В. Комзина (1905–1983). Иван Васильевич работал на строительстве промышленных объектов в Турции, затем – начальником Главного управления строительной промышленности Наркомтяжмаша СССР, начальником Главного управления Северо-Западного Наркомстроя СССР. Во время Великой Отечественной войны И.В. Комзин руководил строительством и восстановлением оборонительных рубежей и военно-морских баз Балтийского бассейна, занимал пост заместителя министра строительства объектов военного назначения. В послевоенный период И.В. Комзин – начальник Управления по восстановлению и строительству г. Севастополя при Совете Министров СССР, начальник Главгидроэнергостроя, руководитель строительства Волжской ГЭС им. В.И. Ленина, главный советский эксперт на строительстве Асуанской плотины в Объединённой Арабской Республике (ОАР), профессор кафедры экономики и организации строительства Московского инженерно-строительного института, директор Научно-исследовательского института организации и управления строительством, Герой Социалистического Труда. Награждён орденами Ленина, Октябрьской революции, высшими орденами ОАР «Бриллиантовая звезда» и Туниса «Командор I степени»³¹. Его доклад на торжественном заседании, посвящённом 25-летию со дня выхода постановления

ЦК ВКП(б) и СМ СССР «Об ускорении восстановления г. Севастополя», выявлен в материалах личного фонда И.В. Комзина (Центральный государственный архив Московской области, ф. 2607).

№ 1. «Возродим родной Севастополь» – беседа корреспондента газеты «Красный флот» с секретарём Севастопольского городского комитета ВКП(б) П.И. Лесиком

Севастополь

*Не позднее 25 ноября 1948 г.*³²

Город русской морской славы – Севастополь – издавна пользовался любовью народа. Ещё больше выросла эта народная любовь в годы советской власти. Партия, правительство и лично т. Сталин проявляют исключительную заботу о Севастополе – главной базе Черноморского флота. За годы сталинских пятилеток город стал неприступной крепостью, форпостом наших южных морских рубежей. И когда в грозные дни Великой Отечественной войны вся наша страна превратилась в единый военный лагерь³³, Севастополь принял суровый облик города-бойца. Его отважные защитники, воины Советской³⁴ армии и моряки-черноморцы, вписали яркие страницы в историю борьбы советского народа с гитлеровскими захватчиками.

Уже в начале 1944 г., когда враг ещё не был добит, а Севастополь ещё не был освобождён от немецко-фашистских оккупантов, Государственный комитет обороны по инициативе т. Сталина принял решение о восстановлении Севастополя³⁵. И как только доблестные советские войска сбросили гитлеровцев в море, сразу же начались работы по возрождению города-героя, зверски разрушенного врагами. Немецкие захватчики превратили Севастополь в груды развалин, в городе почти не осталось неповреждённых зданий. Но советские люди – жители города и моряки Черноморского флота – взялись за дело с горячим стремлением выполнить указание партии и правительства о восстановлении Севастополя.

За истекшие годы проделана некоторая работа по восстановлению жилого фонда города, но это всё же ещё не совсем недостаточно* по сравнению с потребностями Севастополя, с нуждами его возросшего населения, с его значением как главной базы на Чёрном море. Советский народ хочет видеть свой родной Се-

вастополь ещё более красивым и благоустроенным, чем он был до войны.

19 августа 1947 г., во время своего исторического посещения крейсера «Молотов», т. Сталин проявил исключительную заботу о моряках Черноморского флота и о жителях города-героя. Эту отеческую заботу ощутил каждый черноморец, каждый севастополец. И вот в этом году т. Сталин вновь посетил крымские берега. День 8 октября 1948 г. навсегда войдёт в историю города-героя как один из самых знаменательных. В этот день т. Сталин был в Севастополе, объехал его улицы и площади, осмотрел построенные и строящиеся здания и дал ценнейшие указания о том, по какому пути должно идти восстановление города. Трудно описать тот небывалый подъём, который охватил всех севастопольцев и моряков Черноморского флота, когда они узнали об этом новом проявлении заботы великого Сталина.

– Здесь был т. Сталин! – с гордостью говорят теперь черноморцы и севастопольцы о своём любимом городе.

В октябре по инициативе т. Сталина Совет Министров СССР принял решение о том, чтобы Севастополь был восстановлен в три-четыре года. Севастополь, главная база Черноморского флота, будет восстановлен в течение 1949–1952 гг. Для этого выделены значительные средства, созданы строительные организации, которым предоставляются необходимые механизмы, оборудование, материалы. В Севастополь направляется нужное количество рабочих-строителей.

Сталинская программа работ по возрождению Севастополя составлена с большим размахом, опирающимся на точные расчёты. Будет построено 322 тыс. кв. м жилой площади. Это значит, что в Севастополе к концу 1952 г. жилой площади будет больше, чем было до войны. Уже в будущем году должно быть построено 90 тыс. кв. м – в шесть раз больше, чем построено в 1948 г.

В городе вырастут новые, красивые и удобные здания: две гостиницы, городской театр, Дом офицера, три кинотеатра, библиотека, дом пионеров, восемь новых школ, новые детские сады и ясли. Будет полностью восстановлена 1-я городская больница и построена новая. В городе будут построены новый родильный дом, диспансер, инфекционная больница и т.д.

Большие работы предусмотрены по благоустройству и заселению Севастополя. Уже в 1949–1950 гг. будет заасфальтировано 300 тыс. и замощено 200 тыс. кв. м дорог, площадей и тротуаров. Будет

* Так в документе.

восстановлен водопровод, мощностью вдвое больше довоенной, пущена первая очередь троллейбуса протяжением 10 км. Запланировано восстановление ж.-д. вокзала и знаменитой панорамы первой обороны Севастополя.

Возрастут производственные мощности города. Расширение ГРЭС-1 позволит удвоить её производительность. Закончится восстановление Морского завода им. Серго Орджоникидзе и развернётся строительство нового завода. Будет полностью восстановлен холодильник, построены мельничный комбинат с элеватором и крупозаводом, мясокомбинат, швейная, трикотажная, мебельная и макаронная фабрики, авторемонтная база и другие предприятия.

Подобных темпов ещё не знает история строительства заводов.

Таков замечательный сталинский план реконструкции города-героя, вдохновляющий каждого севастопольца и моряка-черноморца своими масштабами, заставляющий сердце каждого советского человека учащённо биться от любви и благодарности к великому инициатору и создателю этого плана.

Для выполнения программы работ по восстановлению Севастополя Совет Министров СССР постановил создать новые и реорганизовать старые строительные организации. Так, на базе треста «Гражданстрой» создано Управление по восстановлению города, непосредственно подчинённое Совету Министров РСФСР. На это управление возложено строительство жилого фонда городского совета, а также строительство школ, культурных учреждений, больниц и всех предприятий коммунального хозяйства. Созданы и другие строительные управления. Для руководства всеми строительными организациями города образовано Управление при Совете Министров СССР.

До сих пор строительство в Севастополе велось главным образом на окраинах. Руководствуясь сталинскими указаниями, Совет Министров обязал городской совет, флотские организации и все ведомства в первую очередь строить центр Севастополя. Этим же решением определены характер и структура построек: красивые, удобные двух-трёхэтажные здания.

Чтобы дать представление о внимании правительства, лично т. Сталина к возрождению Севастополя, достаточно привести лишь некоторые данные. Для строительных работ выделено большое количество механизмов, оборудования и материалов. В город вскоре начнут поступать экскаваторы, автокраны, автомашины, паровозы и вагоны, буксиры и баржи, лес,

металл, цемент и т.д. Для транспортировки местных строительных материалов (а мы обязаны максимально использовать их) будут построены канатные дороги. Для размещения рабочих-строителей выделено значительное количество деревянных стандартных домов.

Севастополю уже оказана неотложная помощь. Строятся несколько домов, выделены грузовые машины, автобусы. Ещё 30 автобусов будут даны городу в будущем году. Вся страна помогает возрождению славного города. Моссовет, например, выделяет для нас в 1949 г. несколько поливочных машин, машин-мусоровозов и др.

Сталинская программа восстановления города-героя обязывает нас – севастопольцев и моряков Черноморского флота – сделать всё от нас зависящее, чтобы с честью оправдать заботу т. Сталина. С максимальной инициативой, энергией коммунисты, комсомольцы и все непартийные большевики флота и города должны включиться в общее дело возрождения Севастополя. Большую роль в выполнении стоящих перед нами задач призвана сыграть агитационно-пропагандистская работа. К нам приедут тысячи строителей, и мы обязаны воспитывать их на славных традициях севастопольцев и моряков-черноморцев, прививать им любовь к городу русской морской славы. В лекциях, беседах, докладах красной нитью должно проходить историческое прошлое Севастополя, героические традиции его защитников в дни Отечественной войны. Вся наглядная агитация на улицах и площадях города, в театрах, кино, клубах, на строительных площадках будет отражать историческое указание т. Сталина – восстановить Севастополь в три-четыре года.

Работа по восстановлению города-героя потребует от каждого из нас немалого напряжения сил, упорства и настойчивости в борьбе за преодоление трудностей. Большим* энтузиазмом, вызванным великой сталинской заботой, уже охвачены сегодня тысячи жителей. Достаточно упомянуть о замечательной инициативе, проявленной матросами, старшинами и офицерами подразделений Н-ского соединения Черноморского флота. Моряки регулярно выходят на массовые воскресники по расчистке города от завалов и строительного мусора, готовят площадки под новое строительство. Партийные организации подразделений выделяют большое количество докладчи-

* Первоначально в тексте – «Этим».

ков и агитаторов для разъяснения трудящимся задач быстрого восстановления города-героя.

Партия и правительство, великий Сталин дали нам всё, чтобы в три-четыре года восстановить родной Севастополь, главную базу Черноморского флота, чтобы сделать город-герой лучше и краше, чем он был до войны. Теперь дело за севастопольцами и черноморцами, за их умением и энергией. И каждый житель города, каждый моряк кораблей и частей главной базы готов отдать все свои силы и знания, чтобы помочь возрождению Севастополя, делом ответить на доверие и заботу т. Сталина, с честью выполнить эту почётную и ответственную задачу.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1520. Л. 89–94.
Подлинник. Машинопись.

№ 2. Доклад начальника Управления по восстановлению и строительству г. Севастополя при Совете Министров СССР И.В. Комзина на заседании Учёного совета Музея обороны и освобождения г. Севастополя, посвящённый 25-летию со дня выхода 25 октября 1948 г. постановления ЦК КПСС и СМ СССР «Об ускорении восстановления г. Севастополя»

*25 октября 1973 г.**

Вчера мы с трепетом вступили на севастопольскую землю. Причин для душевных переживаний у нас, как и других приехавших товарищей, более чем достаточно.

Близок и дорог нам Севастополь:

- трудной своей судьбой, печалью давней, рубцами ран, тяжёлым грузом утрат;
- доблестью славной, твёрдостью воли, несокрушимостью духа, оптимизмом, верой в Родину, народ, партию, верностью священным идеалам борьбы за свободу;
- памятью и заботой о погибших героях, о тех, кто сознанием своего долга, ценой своей жизни защищал и освобождал город;
- жизненной активностью, пафосом создания, верой в мечту;
- многообразием духовного мира, духовных ценностей, которыми город обогатил Родину;

* Датируется по содержанию.

– близок и дорог нам Севастополь ещё и тем, что мы здесь изрядно потрудились, жар своего сердца отдали большому благородному делу восстановления города. Перед нами сегодня предстала новая, облагороженная трудом красота земли, благоустроенный быт горожан...

Находясь в течение многих лет в составе Севастопольской партийной организации, здесь мы прошли хорошую школу партийного воспитания, идейной закалки и научились:

- строить взаимоотношения с людьми;
- руководить смежными участками работ;
- трудиться на совесть с высоким сознанием патриотического долга;
- находить правильные решения, чтобы не ошибаться в оценке обстановки, настроении людей, причин того или иного явления.

На строительстве города было занято около 2 тыс. коммунистов и 4 тыс. комсомольцев – могучая, сплывающая коллективы строителей сила.

Севастополь не только прекрасная легенда, давно сложившийся и ни на кого не похожий город, но и большая материальная и художественная ценность.

Одухотворённо нахлынувшие чувства нас вернули к тем далёким временам, когда мы впервые сошли на истерзанную войной севастопольскую землю и увидели руины города, зияющие раны, потрясающую неустроенность жизни и быта горожан и военных моряков.

Строители, находясь в рядах восстановителей, вместе с трудящимися и воинами Черноморского Краснознамённого флота внесли значительный вклад в дело возрождения города, восстановление главной военно-морской базы Черноморского флота.

За истекшие 29 лет с начала возрождения и 25 лет со дня выхода постановления ЦК КПСС и СМ СССР об ускоренном восстановлении Севастополя в городе побывало множество гостей. Никто не остался равнодушным к его судьбе. Многие из них оставили для наших современников и будущего потомства свои отзывы об увиденном. Вот один из них: «Теплоход ночью стал на рейде севастопольской бухты. Рано утром медленно рассеялся туман, и перед нашими глазами возник чудо-город, сказочное видение, о котором словами не расскажешь. Первое впечатление было такое, что этот красивейший архитектурный комплекс поднялся из морской глади, органично слился с природой, среди которой он и возник мощью таланта градостроителей. В самом же

городе всё выглядело светло, легко и молодо. Много было зелени и цветов. Во всём сказывался труд умельцев, кудесников строительного производства».

Можно привести множество других откликов, высоко оценивающих то, что здесь создано после Великой Отечественной войны упорным трудом на месте руин и развалин.

Истекшее с момента сдачи города государственной комиссии время (около 20 лет) предоставило нам возможность научно и практически осмыслить всё то, что делалось в 1944–[19]54 гг. в этом небольшом участке нашей Родины, на Гераклитском полуострове. Сегодня на данном совещании Учёного совета Музея обороны и освобождения Севастополя нам приятно будет поделиться некоторыми обобщающими мыслями о восстановительных работах.

Известно, что свершившиеся события по восстановлению города нашли также за этот промежуток времени высокую оценку в литературе, как грандиозная эпопея, в которой участвовала вся страна, как героический подвиг в истории Севастополя (третий по счёту). Нравственная сила нашего народа, так ярко проявившаяся в обороне и освобождении Севастополя, убедительно сказалась и на восстановительных работах.

О том, что восстановление г. Севастополя в 1944–[19]54 гг. было всенародной эпопеей, героическим подвигом в истории города, говорит многое:

1. Особое внимание и повседневная помощь, оказывавшиеся Севастополю ЦК КПСС и СМ СССР.

2. Активное участие в восстановительных работах всех министерств и ведомств, краёв, областей союзных и автономных республик.

3. Решение строителями задач в сравнительно короткие сроки.

4. Организация труда и управления строительством, позволившие достигнуть высоких рубежей в производительности труда.

5. Умение использовать в огромных масштабах местных сырьевых ресурсов, в частности инкерманского камня.

6. Систематическое освещение хода восстановительных работ в центральной и местной печати и радио.

7. Посещение города и строящихся объектов бесчисленными отечественными и зарубежными делегациями, руководителями братских компартий.

8. Широкий размах, разносторонность партийно-политической работы по воспитанию и идейной закалке кадров и по обеспечению основных строительных и монтажных работ.

Мы не сомневаемся в том, что восстановление Севастополя в 1944–[19]54 гг. в настоящем и будущем предстанет перед историками как всенародная эпопея, как героический подвиг в истории Севастополя.

Как всегда в таких случаях, естественным становится вопрос о том, где же истоки этого всенародного подвига, той нравственности, которая проявилась в эпопее восстановления Севастополя? Думаем, что не ошибёмся, если скажем – в советском образе жизни: дружбе и сотрудничестве всех классов и социальных групп, всех наций и народностей, всех поколений, в равенстве, коллективной и товарищеской взаимопомощи, в отношениях между людьми, демократии, активном участии народных масс в решении общественных дел и подлинном гуманизме, выраженном в высшем принципе социализма: всё во имя человека, для блага человека. Советские люди всюду живут по законам благородства и справедливости, отдавая друг другу всю доброту своих душ. Мы справедливо гордимся нашим жизненным укладом, который воплотил лучшие помыслы человечества и ныне всё полнее проявляет свои исторические преимущества, великую притягательную силу для народов мира.

Истоки горячего общественного темперамента, глубоко понимаемой ответственности за порученное дело, проявленные восстановителями города, – в истории и самого Севастополя. Все мы ехали сюда как к животворному ключу, где не раз рождались великолепные человеческие качества: мужество, доблесть, героизм, самоотверженность, без которых трудно идти по жизни, стать человеком своего времени. Существует связь времён, преемственность традиций. Время, конечно, меняет многое в облике людей, в мире их представлений, в особенности их труда, но необходимо видеть за всем этим единство нравственного фундамента, общность идейных устремлений. Восстановители Севастополя страстно хотели быть и стали достойными продолжателями правого дела героических защитников и освободителей Севастополя.

Строители города Севастополя отлично сознавали, что лучшим памятником героям явится возрождённый город, за который они так самоотверженно боролись и который мечтали в будущем увидеть ещё более красивым и величественным. В нашей трудной работе постоянно вдохновляли образы славных защитников и освободителей города, их пример самоотверженного служения Родине, народу, партии.

Этой роли, какую придаёт боевая и революционная история Севастополя в формировании наших

современников, говорит следующий косвенный факт: сын лётчика-космонавта СССР дважды Героя Советского Союза Владимира Николаевича Волкова, Володя, дал отцу в дальний путь – просторы космоса – кораблю с землёй с Мамаева кургана.

И так мы трудились и занимались творчеством в 1944–[19]54 гг. в г. Севастополе.

Эпопею восстановления г. Севастополя, героический подвиг, совершённый строителями города, следует рассматривать в тесной связи с революционным временем нашего века, традициями и советским образом жизни. Проектированием города занимались 30 организаций.

Архитектурное проектирование возглавлялось главнейшими архитекторами города (т.т. Троутман Ю.А., Арактев Т.В., Артюхов В.Т.) и Управления по восстановлению города Севастополя при СМ СССР (т. Поляков Л.М.).

Проекты рассматривались и утверждались специальными советами, возглавлявшимися заместителем председателя Комитета по делам архитектуры СССР. К подготовке архитектурных решений были привлечены лучшие силы страны.

Оценивая архитектурные и композиционные решения, следует отметить:

- бережное отношение к прошлому наследию, составляющему большую ценность, использование всего того, что сохранилось в городе;

- оформление центра архитектурно выразительными ансамблями с использованием классики и советской архитектурной науки. Вынужденное «однообразие», явившееся результатом первых итогов индустриального строительства, коснулось также окраин города;

- правильный выбор площадок и проектных решений для общественных зданий и сооружений, во многом определяющих современный облик города. Сочетание ансамблей с опорными зданиями, утопающими в зелени, близость моря придают городу особое очарование;

- освоение новых территорий, приведшее к дальнейшему развитию ансамбля города, с застройкой склонов центрального холма. Активная роль...* усилила ансамблевые возможности;

- оставление резервных территорий для возможного роста и увеличения зон, не пересекаясь с соседями;

- улучшение санитарно-гигиенических условий жизни населения и сохранение связи с природой;

- неординарность облика города объясняется отсутствием времянок, наличием смешанной по этажности застройки, облицовкой стен, зданий, деталей из инкерманского камня;

- создание типовых секций № 238 (автор – архитектор Капиш) обеспечило разнообразие в планировочных решениях;

- решение с учётом перспективы развития города на 20–25 лет транспортных связей, водо- и электроснабжения, канализации и очистных сооружений;

- при всём этом в архитектурных решениях нет эклектической подражательности, всё решено оригинально, самобытно, с учётом южного климата. Встречающиеся отголоски от прежней архитектуры не уменьшают, а облагораживают труд советских зодчих, перед взором современников и будущих потомков предстал Севастополь в новой архитектуре, с новыми, ещё не изученными явлениями и новой самостоятельностью, новыми открытиями творчества.

Реализацией строительной программы в г. Севастополе занимались:

- в 1944–[19]48 гг. Севастопольстрой и Строительное управление Черноморского флота вместе с субподрядчиками;

- в 1948–[19]54 гг. – трест № 38 (промышленное строительство), Россевастопольстрой (городское строительство) и Севастопольмостстрой (специальное строительство) совместно с многочисленными субподрядными организациями;

- объединило и координировало деятельность различных ведомств по восстановлению города Севастополя на втором этапе, в 1949–[19]52 гг., Управление по восстановлению г. Севастополя при Совете Министров СССР.

Число людей, занятых на восстановительных работах, составляло на первом этапе, в 1944–[19]45 гг., 7 тыс. человек, а на втором этапе, в 1949–[19]54 гг., – 32 тыс. человек. Из общего объёма выполненных работ приходится на первый период, 1944–[19]48 гг., – 20% и на второй период, 1949–[19]54 гг., – 80%.

В 1949–[19]54 гг. выпало на долю треста № 38 – 40%, Россевастопольстрой – 25%, Севастопольмостстрой – 35% от полного объёма капитальных вложений.

Вернёмся к организаторам и руководителям восстановительных работ: умельцам, кудесникам строительного дела, коллективный разум и талант которых совместно с архитекторами создал неповторимый по своей красоте город.

* Пропуск в тексте.

Восстанавливали город, утверждали новое люди, и от того, какие они были, зависело многое.

Общими характерными чертами их были:

– любовь и уважение к труду, самоотверженность, высокая гражданственная и политическая сознательность;

– вера в успех предпринятого дела, несмотря на большие проблемы и колоссальные трудности, которые приходилось решать и преодолевать;

– творческое вдохновение (для большинства), нашедшее своё выражение в новаторстве, в поисках правильных технических и экономических решений, в движении рационализаторов и изобретателей;

– чуждость какого бы то ни было преувеличения собственной роли, стремление утверждать не свою и не для себя, а славу Отчизны.

Остановимся сначала на характеристике рабочих-строителей. Это были не сезонники с мелкособственнической психологией, а рабочие индустриального строительства, их объединяли нравственные ценности, приобретённые в процессе сознательного труда.

Этот рабочий коллектив организовался из:

– профессиональных строителей уральских гидроэлектростанций и демобилизованных из рядов Советской армии солдат и младших офицеров, прибывших в г. Севастополь в 1944–[19]45 гг.;

– допризывников, поступивших в 1948–[19]49 гг. из 48 областей, краёв и республик страны.

Второй поток – допризывники прошли в г. Севастополе в 36 школах, ФЗУ кратковременную профессиональную практику. В процессе созидательного труда, общественной работы с флотом [помогала] дружба с ветеранами обороны и освободителями г. Севастополя, под руководством партийных и комсомольских организаций они брали уроки мужества и стойкости, верности своему долгу и призванию, творческому, активному отношению к делу. На конкретных примерах им показывали, куда ведёт людей ползучая обывательская мораль. Абсолютное большинство молодых рабочих прошли солидную школу воспитания, приобрели качества, присущие представителям рабочего класса, сознательную активность, новую коммунистическую мораль, при которой нет места безразличию. Сомнения были преодолены, не спрятаны, не зажаты вовнутрь, а побеждены даром человека мыслить, искать, действовать.

ЦГАМО. Ф. 2607. Оп. 1. Д. 154. Л. 1–10.
Неправленая стенограмма.

¹ Сарина А.А. Назавтра после освобождения // Возрождение Севастополя: Сб. / Сост. В.Г. Кузьмина. Симферополь, 1982. С. 16.

² Кангун С.И. Труд военных строителей // Возрождение Севастополя: Сб. / Сост. В.Г. Кузьмина. Симферополь, 1982. С. 26.

³ Сарина А.А. Указ. соч. С. 18.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Артюхов В.М., Баглей А.И. Лицом к морю // Возрождение Севастополя: Сб. / Сост. В.Г. Кузьмина. Симферополь, 1982. С. 44.

¹¹ Кангун С.И. Указ. соч. С. 29.

¹² Моторин Д.К. Возрождённый Севастополь. М., 1984. С. 145.

¹³ Цит. по: Там же. С. 146.

¹⁴ Там же. С. 147.

¹⁵ Там же. С. 148, 151.

¹⁶ Там же. С. 150.

¹⁷ Там же. С. 148.

¹⁸ Там же. С. 160.

¹⁹ Моторин Д.К., Проскуряков Н.К. На индустриальные рельсы // Возрождение Севастополя: Сб. / Сост. В.Г. Кузьмина. Симферополь, 1982. С. 58.

²⁰ Цит. по: Рогачёв П.М. По зову Родины // Возрождение Севастополя: Сб. / Сост. В.Г. Кузьмина. Симферополь, 1982. С. 85.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 86.

²³ Кангун С.И. Указ. соч. С. 31.

²⁴ Артюхов В.М., Баглей А.И. Указ. соч. С. 47, 48.

²⁵ Там же. С. 48.

²⁶ Там же. С. 49.

²⁷ Моторин Д.К., Проскуряков Н.К. Указ. соч. С. 63.

²⁸ Баглей А.И. Город смотрит в будущее // Возрождение Севастополя: Сб. / Сост. В.Г. Кузьмина. Симферополь, 1982. С. 128.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1520. Л. 87.

³⁰ Там же.

³¹ Подробную биографию см.: Герой Социалистического Труда Комзин Иван Васильевич [электрон. ресурс] URL: http://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=12849

³² Датируется по времени отправки интервью в ЦК ВКП(б) (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1520. Л. 88).

³³ Калька с постановления ВЦИК об объявлении массового красного террора и создании Революционного военного совета Республики от 2 сентября 1918 г., в соответствии с которым Советское государство превращалось в «единный военный лагерь» впервые.

³⁴ До 1946 г. – Красной.

³⁵ Ошибка: решение было принято не в начале, а в конце 1944 г. (Моторин Д.К. Указ. соч. С. 145).

С.В. Ушаков

Археологические памятники Херсонеса Таврического: история изучения и современное состояние

Одна из главных проблем существования человеческой цивилизации – поддержание культурной традиции, и не только в рамках одного этноса, государства, общества, а в глобальном смысле. В этом отношении существование и, добавим, развитие крупных историко-культурных, историко-археологических музеев-заповедников приобретает особое значение. В этом ряду – один из первых – Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», который сейчас приобрёл федеральный статус.

Заповедник был создан, точнее постепенно складывался, для исследования, сохранения и пропаганды культурного наследия Херсонеса Таврического – Византийского Херсона как крупнейшего центра античной, а затем и византийской культуры в Юго-Западном Крыму (основан более двух с половиной тысяч лет назад). В настоящее время является уникальным комплексным памятником, так как включает античное и средневековое городища с великолепно (по крайней мере, для Причерноморья) сохранившимися оборонительными стенами, жилыми и производственными комплексами, культовыми зданиями (христианскими храмами – базиликами, крестообразными и крестовокупольными церквями, небольшими часовнями). Кроме того, необходимо назвать древнее кладбище – некрополь, располагающийся за пределами крепостных стен, а также земельные наделы и остатки сельскохозяйственных усадеб в округе (на хоре) Херсонеса.

Сам Херсонес Таврический расположился на небольшом полуострове между двумя бухтами, носящими сейчас названия Карантинной и Песочной. Эта местность представляет собой невысокое плато, сложенное известняками сарматского яруса, понижающееся от его

центра природными террасами в направлении на северо-запад (к берегу открытого моря) и к Карантинной и Песочным бухтам. В древности местность была покрыта зарослями кустарника и невысокими деревьями. В настоящее время материковая скала – не очень прочная и слоистая, покрыта тонким слоем наскальной глины, наносной землёй и насыпным грунтом общей мощностью от нескольких сантиметров до метра и более. Культурный слой достигает местами мощности 3–3,5 м.

Схематический план Херсонеса (по А.Л. Якобсону) с указанием основных памятников. А – башня Зенона; Б – «древнегреческие ворота»; В – «Казарма»; Г – галечная вымостка; Д – Теменос; Е – «подземный храм»; Ж – эллинистический дом во II квартале; И – «монетный двор»; К – античный театр; Л – «дом винодела»; М – «базилика 1935 г.»; Н – базилика «Крузе»

Что же сейчас представляет это место? Для начала бросим взгляд на сам древний город, или, как его именуют археологи, городище. Его площадь в пределах оборонительных стен с учётом водной эрозии и трансгрессии береговой черты достаточно велика – около 36 га, внутри крепостных стен – до 30 га. Когда идёшь по улицам древнего города, можно легко заметить, что раскопками открыт далеко не весь город. Действительно, хотя раскопки в Херсонесе и ведутся с 1827 г., до настоящего времени исследовано всего до одной трети площади, или немного больше, всего городища¹. И хотя история и археология античного Херсонеса известна отнюдь не во всех деталях и научные дискуссии и исследования продолжают, основные её контуры нашли адекватное отражение в научной и научно-популярной литературе². Здесь же мы обратим внимание на основные памятники центра этого полиса, превратившегося со временем в обширное территориальное государство.

Вначале впечатляют оборонительные стены – они протянулись на расстоянии около 3,5 км, правда, сохранились далеко не везде. Хорошо видно несколько сохранившихся ярусов – стены обновлялись и достраивались на протяжении всей своей истории, начиная с IV в. до н.э. В эпоху эллинизма появляется дополнительная, вторая (передовая) стена – протейхизма; отныне образуется смертельный коридор (пространство между стенами) – перибол, прорвавшись в который, вражеский воин – скиф, боспорец, гунн или гот – вынужден был бы обернуться к главной стене своим правым (незащищённым) боком. Меньше

чем на расстоянии полёта стрелы участки стен (куртины) связывались башнями³, самая мощная из которых (так называемая Зенонова) прикрывала одни из городских ворот и угол оборонительной «цитадели». В воротном проёме других («древнегреческих») ворот сохранились желоба, по которым поднималась и опускалась катаракта – дополнительная железная решётка. Была устроена и «вылазная» калитка. В некоторых местах стен можно заметить заложенные камнем проломы.

Оборонительные сооружения Херсонеса.

1 – перибол; 2, 5 – «древнегреческие» ворота; 3 – фрагмент оборонительной стены с хорошо сохранившимися ярусами; 4 – Зенонова башня; 6 – «вылазная» калитка

¹ История его исследования изложена достаточно подробно, см.: *Зубарь В.М.* *Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа (1914–2005 г.)*. Т. I. – Т. II // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 6. Симферополь, 2009.

² Античные государства Северного Причерноморья / Археология СССР. М.: Наука, 1984. С. 10, 15–22; *Золотарёв М.И.* *Херсонес Таврический: основание и становление полиса* // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 13–44; *Зубарь В.М.* *Ещё раз о времени основания Херсонеса Таврического* // БИ. 2010. Вып. XXIII. С. 63–84; *Зубарь В.М., Буйских А.В., Кравченко Э.А., Русяева М.В.* *Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н.э. Очерки истории и культуры*. Киев: Академперіодика, 2005; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* *Жизнь и гибель Херсонеса*. Харьков: Майдан, 2001; *Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры*. Харьков: Майдан, 2004.

³ На чертежах башни обозначены римскими цифрами, участки стен – арабскими.

Галечная мозаика в андроне дома
в Северном районе

Сразу за воротами расположен комплекс построек, который со времён К.К. Косцюшко-Валюжинича, возглавлявшего здесь на рубеже XIX–XX вв. археологические работы Императорской археологической комиссии, получил название «Казарма», – на самом деле это так называемый дом большой площади, построенный также в середине IV в. до н.э. От него сохранились рустованные блоки стен, обломки колонн, дверные и оконные проёмы и ведущая вверх каменная лестница. Судя по этим деталям, здание было двухэтажное с внутренним двором. Таких домов в Херсонесе было немного – ещё четыре из них открыты в Северо-восточном и Северном районах города. Другие дома – малой площади – располагались на северном берегу Херсонеса.

При раскопках остатков одного из помещений такого большого дома в XV квартале⁴ на северном берегу был найден уникальный памятник – мозаика, выложенная из природной гальки, подобранной по цвету и форме⁵. Она принадлежала полу андрона – помещения для приёма гостей и дружеских пиров, в которых участвовали только мужчины (и женщины-гетеры). Мозаичная картина представляла двух обнажённых женщин, которые дружески беседовали

за киликом (специальный двуручный сосуд для питья) вина, разбавленным, вероятно, на три части водой. По мысли О.И. Домбровского, это были Афродита-Пандемос (простонародная) и Афродита-Урания (небесная)⁶. Теперь на этом месте находится невыразительная копия, а подлинник ждёт своего времени в готовящейся новой античной экспозиции.

Гражданская присяга
Херсонеса

⁴ Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 5. Симферополь, 2008. С. 124–128.

⁵ Белов Г.Д. Эллинистическая мозаика // МИА. 1953. № 34. С. 279–295.

⁶ Домбровский О.И. Херсонесская галечная мозаика и некоторые аспекты истории античного искусства // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Материалы по археологии Крыма. Киев: Академия Евробизнеса, 1994. С. 159–208.

Эскизная
реконструкция
Теменоса
(по И.А. Снитко)

Сам город был застроен по Гипподамовой системе – с пересекающимися прямыми продольными и поперечными улицами⁷. Четыре продольные магистрали шли (в соответствии с рельефом местности) с юго-запада на северо-восток Херсонесского плато, пять поперечных, соответственно, с юго-востока на северо-запад. В центре города было оставлено место для агоры – общественной и торговой площади. Там в конце XIX в. обнаружили знаменитую присягу – мраморную прямоугольную плиту с текстом гражданской клятвы жителей города на верность полису – государству-общине равных (за исключением, естественно, несовершеннолетних, женщин, прислуги и рабов). Присяга была принята в конце IV в. до н.э. вследствие экстраординарных событий, похоже, мятежа и прощения аристократов.

На этом месте в средние века были выстроены христианские храмы – прямоугольные базилики и один – крестообразной формы, над которым в XIX в. был построен величественный собор Святого Владимира.

Ещё одна площадь – античная храмовая, Священная, или по-гречески – Теменос, располагалась на крайнем северо-востоке городища. Размеры Священной площади – примерно 75 x 75 м. Она была ограждена и вымощена плитами, которые частично сохранились до сегодняшнего дня, как и основание стилобата одного из античных храмов. Найденные архитектурные детали и мраморное основание статуи в честь Афины работы скульптора Поликрата позволили реконструировать общий облик Теменоса⁸.

На этой площади справа располагались массивный мраморный алтарь, два храма – крупный дорического (прямо) и небольшой ионического (слева) ордера, массивный алтарь, статуя Афины-Сотейры, установленная на мраморном постаменте с надписью, взор которой был обращён на устье Херсонесской бухты. Сама статуя была отлита из бронзы и по размерам стоп богини – сохранились углубления в мраморе, где они крепились, можно судить о её размерах вместе с постаментом – до 7,5 м высоты.

Примерно посредине между площадями находится знаковый памятник Херсонеса – «подземный храм» вытянутой формы со ступеньками, ведущими вниз. Скорее всего, это подземная часть христианского храмового комплекса, построенного после начала VI в. Тогда прекратил своё существование расположенный рядом винодельческий комплекс⁹ – от него сохранились ямы под глиняные бочки-пифосы и место для давяльной площадки – тарапана. Ранее, в дохристианские времена, здесь, как предполагают, был греческий языческий храм Артемиды-охотницы или Митреум в честь персидского солнечного бога Митры¹⁰. Ближе к Теменосу располагалось большое здание с обширным полуподвалом, стены которого были выложены рустованными блоками, и внутренним двором.

⁷ Буйских А.В., Золотарёв М.И. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. 2001. № 1; Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 5. Симферополь, 2008. С. 99–105.

⁸ Золотарёв М.И., Буйских А.В. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. 1994. С. 78–101.

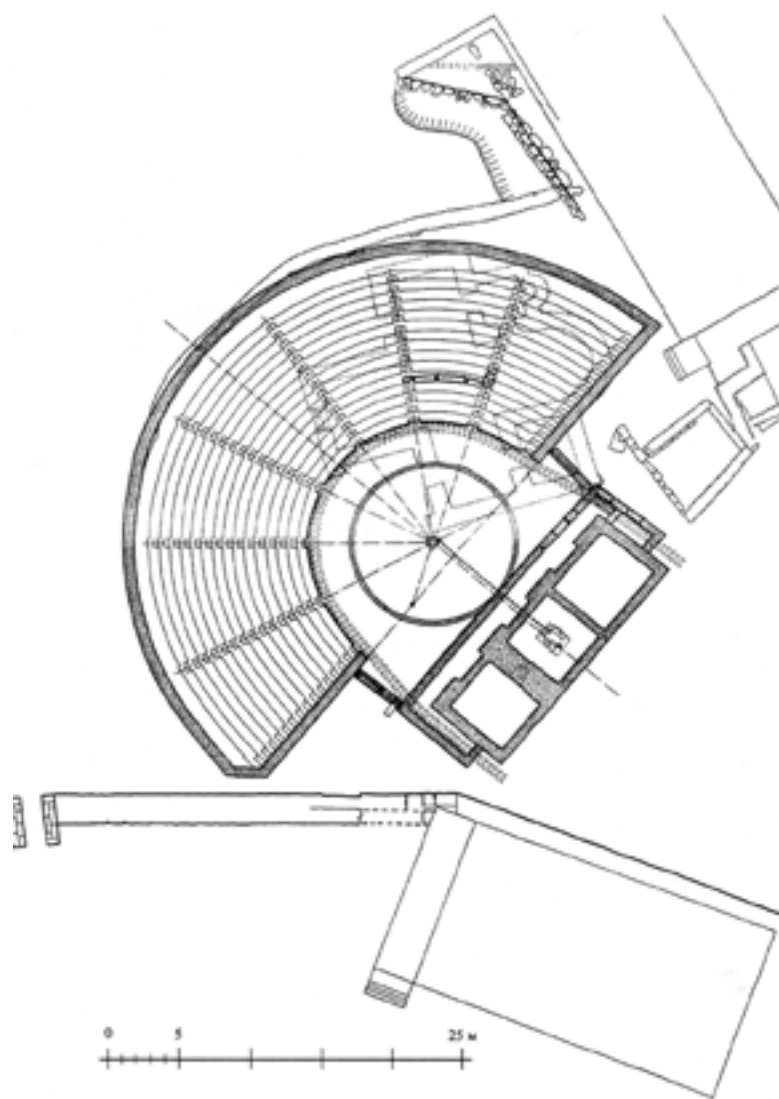
⁹ Ушаков С.В., Струкова Е.В. Позднеантичный винодельческий комплекс в Северо-восточном районе Херсонеса (III квартал) // «Кондаковские чтения – II». Проблемы культурно-исторических эпох. Материалы II Международной научной конференции. Белгород: БГУ, 2008. С. 151–157.

¹⁰ Щеглов А.Н. Раннехристианский митреум или Митреум? // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск VIII (III). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общ. ред. В.И. Кузищина. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2011. С. 6–11.

Сохранившаяся (реконструированная) высота кладок – до 3,5 м, площадь дома – более 500 кв. м. Таких домов в этом II квартале должно быть три¹¹. На одном из камней при входе сохранилась метка каменотёсной бригады, которая строила это здание (вторая половина IV в. до н.э.). Внутри замощённого двора обнаружена большая водосборная цистерна колоколовидной формы. После раскопок здесь были проведены необходимые консервационно-реставрационные мероприятия и здание стало доступным для осмотра туристами.

Ещё одно здание большой площади было открыто К.К. Косцюшко-Валюжиничем в центральной части Херсонеса¹². Стены его также сложены из массивных прямоугольных блоков известняка, на наружной поверхности которых оставлен руст. Частично сохранились (и реконструированы) ступени, ведущие в подвал. В одном из помещений были найдены бронзовые заготовки для монет, что позволило предположить, что это – монетный двор Херсонеса.

Ещё в 1954 г. О.И. Домбровским было сделано важное археологическое открытие – обнаружены остатки античного театра¹³. Он был устроен близко от центра города и недалеко от одних из городских ворот в конце IV в. до н.э. – у XIII башни и 15 куртины оборонительной стены. До постройки театра здесь была неглубокая балка. Реконструируемая площадь театра 60 x 70 м. От него сохранились каменные сиденья театрона и фундамент сkene – помещения, ограничивающего оркестру, – площадь, где располагался хор. Судя по масштабам и площади постройки, мест для сидений было устроено примерно на восемьсот – тысячу зрителей, граждан Херсонеса. В римское время театр был расширен, как минимум, в два раза. Возможно, там проводились и гладиаторские бои – в ходе раскопок найдены каменный алтарь с посвящением богине Немесиде и небольшой каменный рельеф с изображением сражающихся гладиаторов. Античный театр Херсонеса Таврического – единственный из сохранившихся такого рода памятников в Северном Причерноморье.

План античного театра (по Н.П. Андрущенко, Т.И. Бажановой, А.В. Буйских)

Всё это было неслучайным – в первые века н.э. Херсонес становится центром римского военного присутствия, хотя в состав Римской империи он так и не был включён. Здесь находились воинские соединения V Македонского, XI Клавдиевого, I Итальянского легионов, в бухте стал базироваться военный флот с подразделениями морской пехоты. Римляне заняли *Цитадель* (длина – 92 м, ширина 40 м – 0,4 га), где они построили здание *принципии* (резиденция военачальника или жилые помещения, где располагались высшие должностные

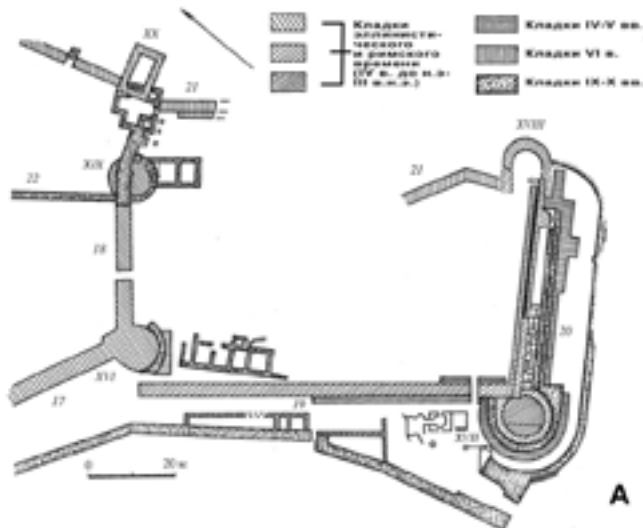
¹¹ Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. С. 106–113. Рис. 24–27.

¹² Там же. С. 120–124. Рис. 41–43.

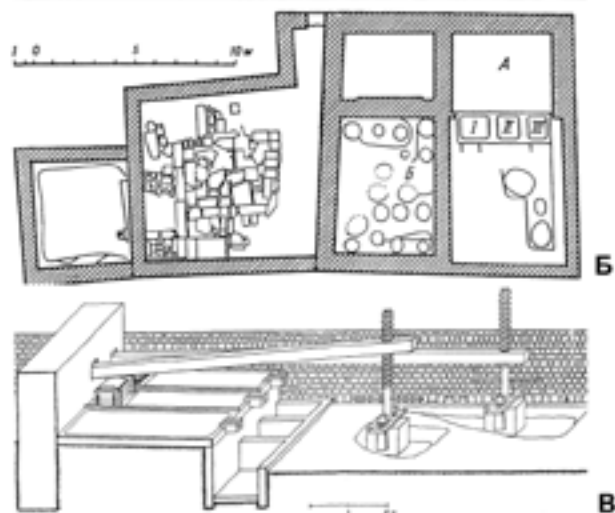
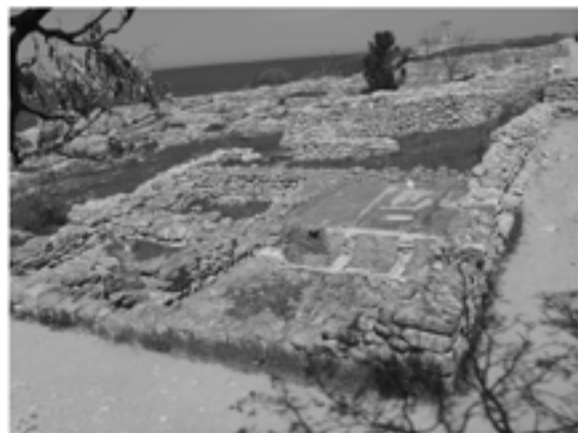
¹³ Домбровский О.И. Античный театр в Херсонесе (раскопки 1954–1958) // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 29–36.

лица)¹⁴, казармы легионеров, термы (бани)¹⁵. Добавим, что римские военные посты и гарнизоны были размещены по всему Юго-Западному Крыму, в том числе на городище Алма-Кермен, на мысу Ай-Тодор (крепость Харакс), на высотах Казацкая, Безымянная, в Балаклаве (Кадыковка). Там, в частности, раскопаны 9 помещений казарм и военное святилище римских богов Юпитера Долихена, Геркулеса и Вулкана.

При этом экономика Херсонеса по-прежнему в значительной степени базировалась на виноделии. На территории самого города открыто несколько винодельческих комплексов¹⁶. Один из них – в Северном районе, он был обнаружен в ходе раскопок Г.Д. Белова и сохранился лучше всего. Во дворе здания располагался склад пифосов. Обращают на себя внимание три реконструированные давяльные площадки, на одной из которых виноград давили ногами, на двух прочих – с помощью специальных прессов. Сок стекал в квадратные ёмкости, а затем дображивал в пифосах и потом разливался в амфоры. Памятник интересен ещё и тем, что его сохранность позволяет провести графическую и, частично, натурную реконструкцию.

«Цитадель» Херсонеса.
А – план; Б – термы в цитадели

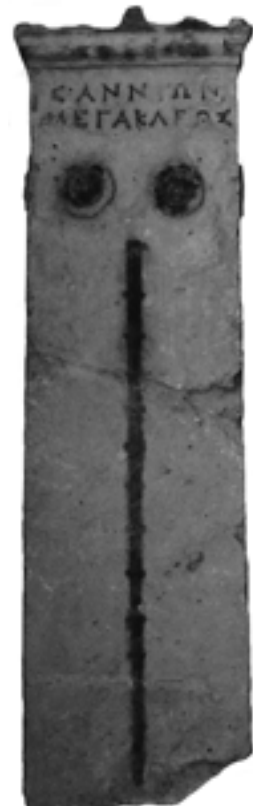
¹⁴ Антонова И.А., Зубарь В.М. Некоторые итоги археологических исследований римской цитадели Херсонеса // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 51.

¹⁵ Там же. С. 53–60.

¹⁶ Белов Г.Д. Херсонесские винодельни // ВДИ. 1952. № 2. С. 225–237.

Вернёмся к херсонесскому некрополю. Он исследуется уже около 150 лет. За это время раскопано в общей сложности более трёх тысяч погребальных сооружений¹⁷. Получен громадный по объёму материал. Он позволяет охарактеризовать типологию могил и склепов, хронологию и типологию погребального инвентаря, половозрастной, социальной и имущественный состав населения. Он является ценным источником по экономической, политической, религиозной жизни Херсонеса, его отношений с окружающим варварским миром и центрами античной цивилизации. Городской некрополь общей площадью около 10 га протянулся широкой полосой в основном вдоль крепостных стен, в Карантинной балке и у Карантинной бухты. К сожалению, осмотреть сами погребальные комплексы, за некоторым исключением, не представляется возможным. Типология как самих сооружений, так и погребальных памятников крайне разнообразна¹⁸. Отметим лишь самые интересные из них и общую характеристику находок. Так, под оборонительной стеной у «древнегреческих ворот» при раскопках в периферии в 1899 г. был обнаружен знаменитый склеп Т-образной формы в плане, в нишах, устроенных в стенах этого склепа, стояли керамические и бронзовые погребальные урны (гидрии) с прахом умерших и многочисленными драгоценными украшениями (ожерелья, перстни, серьги, браслеты, бляшки)¹⁹. В литературе этот склеп (№ 1012) получил название подстенного. Считается, что он принадлежал знатной и богатой семье, членом которой мог быть знаменитый Агасикл, под руководством которого были размежёваны участки ближней хоры и построены оборонительные стены. В знак его заслуг благодарные горожане разрешили построить склеп прямо под недавно возведёнными (перестроенными) стенами города для самого Агасикла и членов его семьи²⁰.

Надгробные памятники

«Дом винодела» в Северном районе.

← А – общий вид; Б – план;

В – реконструкция винодельческих прессов (по Н.П. Андрущенко)

¹⁷ См.: Зубарь В.М., 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев: Наукова думка. Приложение.

¹⁸ Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического. С. 180–203.

¹⁹ Гриневиц К.Э. Стены Херсонеса Таврического // ХСб. 1926. Вып. 1. С. 12–40.

²⁰ Там же. С. 12.

Над могилами за пределами оборонительных стен ставились надгробные памятники трёх типов: 1) антропоморфные²¹; 2) с нишей на передней стене, с фронтоном и акротериями; 3) высокие прямоугольные стелы с фронтоном и акротериями сверху, с рельефными розетками, надписями (именами умерших) и изображениями атрибутов на верхней части лицевой поверхности плиты²². Атрибуты эти были достаточно разнообразны (арибаллы, алабастры, стригиля, виноградные ножи, оружие, посох), выполнены в рельефе и раскрашены красками.

Большая часть таких надгробных стел сделана из мягкого местного известняка. Почти все они найдены использованными вторично – в забутовке оборонительной башни XVII (Зенона) (146 фрагментов надгробных стел, 31 база стел, 5 антемиев, более сотни архитектурных деталей надгробных памятников)²³. На многих из них имеется полихромная роспись, вырезаны или написаны краской (*dipinti*) имена погребённых (стела Поликасты, дочери Гиппократы, жены Дельфа, стела Кинолиса, сына Пасиха, с изображением виноградного ножа, стела Гермодора, сына Алкима, стела Саниона, сына Мегакла, и др.)²⁴. Две стелы связаны с врачебным делом²⁵.

Обряды захоронения меняются в римское время. На некрополе теперь, кроме простых могил, начинают хоронить и в семейных (родовых) склепах, вырубленных в материковой скале. Внутри, с трёх сторон, устраивались локулы (ниши-лежанки). Стены склепов расписывались как помещения античных домов. Захоронения совершались и на полу склепов. В погребения часто помещали многочисленную посуду с напутственной едой и питьём (керамические и стеклянные кувшины, кубки, миски, блюда), светильники, монеты. В качестве надгробных памятников стали использовать рельефы с изображением «загробных трапез». Два прямоугольных, выложенных из тёсаного камня склепа (толщина

Пристенные склепы римского времени

стен до 1 м) появились прямо у оборонительных стен. Там в нишах стояли урны с прахом умерших, а в центре одного из них – мраморный саркофаг. Погребальный инвентарь в таких склепах был вовсе не рядовым – туда были положены золотые и серебряные украшения²⁶.

В римское время в Херсонесе, кроме греков, живут представители разных этносов и религий. На северном берегу Г.Д. Беловым открыт так называемый комплекс «базилики 1935 г.»²⁷. Здесь первоначально (в III–IV вв.) существовала иудейская синагога – об этом можно

²¹ Колесникова Л.Г. Хронология антропоморфных надгробий Херсонеса // *Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э.* Киев: Наукова думка, 1986. С. 86, 87; *Античная скульптура Херсонеса.* Каталог. Киев: Наукова думка, 1976. № 223 и след.

²² *Античная скульптура Херсонеса.* № 163–222.

²³ Стржелецкий С.Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // *СХМ.* 1969. Вып. 4. С. 12; описание и общую характеристику стел см.: Даниленко В.Н. Надгробные стелы // *СХМ.* 1969. Вып. 4. С. 29–44.

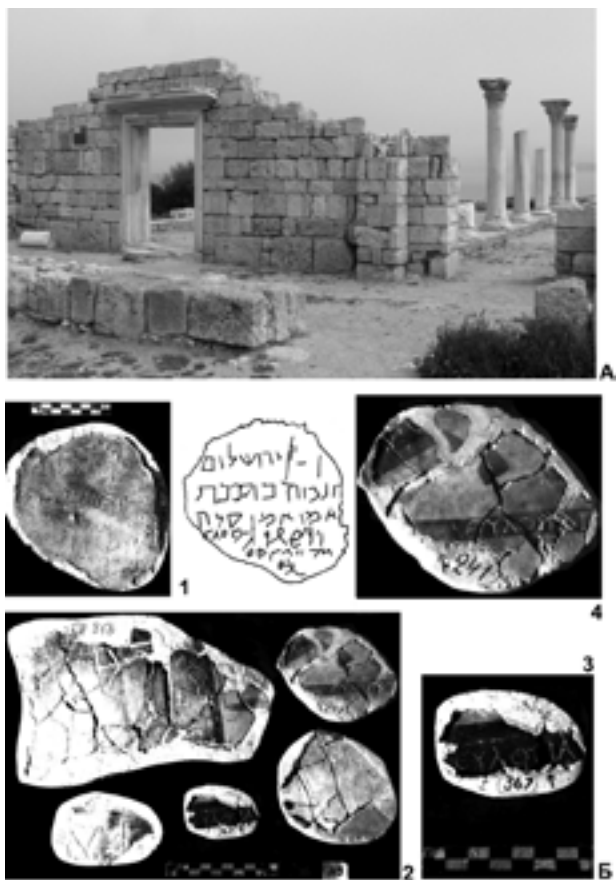
²⁴ Подр. см.: Соломоник Э.И. Древние надписи Крыма. Киев: Наукова думка, 1988. С. 77–84.

²⁵ Там же. С. 51–60.

²⁶ Подр.: Белов Г.Д. Римские приставные склепы № 1013 и 1014 в Херсонесе // *ХСб.* 1927. Вып. 2. С. 105–146.

²⁷ Он же. Отчёт о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. Симферополь: Гос. издательство Крым. АССР, 1938. С. 137.

говорить несомненно, так как при раскопках были обнаружены фрагменты надписей-граффити на иврите и греческом с иудейскими именами, гипсовые детали украшения здания, а в кладке античной базилики, перестроенной V в. из синагоги, – каменный блок с вырезанным изображением иудейского семисвечника-меноры²⁸. В VI в. здесь строится ещё одна базилика – с полукруглой апсидой, мраморными колоннами, разделяющими нефы, и тремя дверными проёмами, выполненными также из белого проконесского мрамора. Теперь этот храм – один из известнейших символов Херсонеса.

«Базилика 1935 г.» в Северном районе. А – общий вид; Б – граффити на иврите и греческом языке

Ещё одно неординарное храмовое раннехристианское здание обнаружено в Северо-восточном районе Херсонеса. В 1827 г. по распоряжению адмирала А.В. Грейга К. Крузе провёл первые раскопки в Херсонесе и обнаружил три здания. Одно из них и получило своё наименование по имени возможного первооткрывателя – базилика «Крузе». Эта базилика отличается от всех, открытых в Херсонесе: ширина оказалась почти равной её длине. Восточная часть, где размещался алтарь, была устроена в виде трёхлепестковой апсиды (конхи) – также уникальный случай для Херсонеса. Попасть в храм можно было из небольшого тесного дворика через широкий центральный или левый боковой входы. Правый вход отсутствовал, так как с этой стороны храм примыкал к скале. Нартекс (преддверие) базилики был достаточно узкий (внутренняя ширина – около 2 м). При строительстве храма, как показали раскопки, в нём было устроено восемь могил, вырубленных в материковой скале или вырытых уже в насыпном грунте. Узки были и боковые нефы храма, зато центральный неф просторный: длина 10,7 м, ширина 8,1 м. Боковые нефы отделены от центрального колоннадами, состоящими из двух или трёх колонн каждая. Значительной по размерам была и восточная часть храма: диаметр центральной апсиды (без учёта ширины синтрона) составлял 9,2 м, боковых – по 4 м. Для строительства базилики использовались разнообразные блоки местного известняка. Пол был вымощен мраморными плитами – к моменту современных раскопок от них сохранились многочисленные обломки. К северо-восточной стороне было пристроено квадратное помещение. Многочисленные археологические и нумизматические находки из-под полов храма и из засыпанных цистерн позволяют однозначно утверждать, что он был построен в правление императора Юстиниана Великого (527–565)²⁹. К этому времени Херсонес меняет имя на Херсон и становится вместе с округой важной составной частью Восточно-Римской (Византийской) империи.

²⁸ Золотарёв М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., Макленнан Р., Оверман А., Оливье Дж., Эдвардс Д., Линстром Г. при участии Е. Олениной. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: Материалы и исследования Причерноморского проекта 1994–1998 гг. М., Севастополь: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 17–27, 248–255, 266–272.

²⁹ Из последних публикаций об исследованиях базилики «Крузе»: Ушаков С.В. Базилика «Крузе» в Херсонесе: основные итоги исследований // Причерноморье в Средние века. СПб.: Алетейя, 2011. С. 198–212; Базилика «Крузе» в Херсонесе: о времени сооружения храмового комплекса // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия: тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов / Под ред. М.В. Грацианского, П.В. Кузенкова. М., Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. С. 198–200.

Базилика «Крузе» в Северо-восточном районе.
А – общий вид; Б – сводный план раскопок

Однако ещё не все открытия сделаны... До настоящего времени раскопано всего до одной трети площади всего городища, значительная часть объектов – до материковой скалы. В городском некрополе раскопки проведены почти на всей его площади.

А ещё есть ближняя хора (сельская территория) на Гераклеюмском полуострове – около 12 тыс. га. Ещё большую площадь занимали владения Херсонеса в Северо-Западном Крыму. Там до сих пор проводятся масштабные раскопки. Исследования продолжаются и на ближней округе Херсонеса. Там на открытых и исследованных объектах проведены частичные консервационно-реставрационные работы. Некоторые памятники выделены в археологический парк.

Многочисленные находки хранятся в основном в фондах музея-заповедника (более 200 000 ед. хр.)³⁰, а также в Археологическом музее г. Одессы, ГИМе (Москва) и Государственном Эрмитаже (СПб.). Архивные и графические материалы хранятся в архиве музея (документальные материалы – более 4000 ед. хр.; фонд чертежей – 7500 ед. хр.; фотонегативы – более 7500 ед. хр.)³¹.

Учитывая значение Херсонеса и уникальную сохранность его памятников, 37-я сессия Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО на своём заседании 21 июня 2013 г. приняла решение о включении древнего города Херсонес и его хоры (округи) в **Список всемирного наследия**.

И это только начало. С приобретением Херсонесом в составе России нового федерального статуса начинается новый этап изучения и сохранения его памятников.

³⁰ Жесткова Г.И. Фонды национального Заповедника «Херсонес Таврический» // ХСб. 1997. Вып. VIII. С. 102, 103.

³¹ Красовская Н.В. Научный архив национального Заповедника «Херсонес Таврический» // ХСб. 1997. Вып. VIII. С. 104–108.

Письмо П.С. Уваровой императору Николаю II с предложениями по поводу охраны и изучения памятников Херсонеса

Предметом настоящей публикации является документ, сохранившийся в ЦГА Москвы в фонде Императорского Московского археологического общества. Он представляет собой рукописное неподписанное письмо, адресованное Его Императорскому Величеству, содержащее личную оценку и предложения по охране и изучению памятников Херсонеса. Это черновик, с многочисленными исправлениями. Судя по помете, документ был послан из Константинополя 6 октября 1902 г.¹ Определение автора письма не составляет труда, поскольку аналогичный текст был опубликован ещё в 1927 г. по документу, хранящемуся в архиве Херсонесского музея и содержащему указание на авторство Уваровой².

Графиня Прасковья Сергеевна Уварова (урожд. Щербатова) родилась в 1840 г. В 1859 г. она вышла замуж за графа А.С. Уварова – известного археолога, исследователя древностей, основавшего в 1864 г. Московское археологическое общество. П.С. Уварова была сподвижницей и единомышленницей супруга и после его смерти в 1885 г. стала председателем Московского археологического общества, которое возглавляла до эмиграции в 1918 г. Скончалась в 1924 г. в Югославии³.

Для лучшего понимания содержания и информационной ценности письма кратко изложим исторический контекст его создания. Херсонес как один из важнейших историко-археологических памятников России входил в круг научных интересов П.С. Уваровой. Уместно вспомнить, что её супруг А.С. Уваров проводил там раскопки в 1853 г.⁴ В 1861 г. там же возникает монастырь, который тогда же начинает строительство храма Св. кн. Владимира на предполагаемом месте его крещения. С тех пор отношения

между археологами и монастырём складываются не просто⁵.

Обитель со своими постройками расположилась в центре древнего городища, существенно затруднив тем самым его археологическое исследование⁶.

Однако её роль в изучении и охране Херсонеса не была только негативной. В частности, в отчёте Одесского общества истории и древностей за 1875–76 гг. указывалось, «что Синод постановил ежегодно из хозяйственных сумм выдавать Одесскому обществу истории и древностей по 1000 руб. на раскопки древнего Херсонеса»⁷.

С 1876 г., когда начались систематические (а не эпизодические, как ранее) раскопки древнего городища, за них отвечало как раз Одесское общество истории и древностей⁸. Параллельно раскопки вёл и местный монастырь, причём с 1884 г. именно ему были подчинены исследования и тем самым ликвидировано двоевластие.

Это не сказалось положительно на состоянии древних памятников. В частности, колонны от древних сооружений предполагалось распилить и использовать для вымостки пола в новых храмах⁹.

Такая ситуация побудила П.С. Уварову, как председателя Московского археологического общества, 2 июня 1887 г. написать письмо Государю Императору с выражением озабоченности состоянием древнего Херсонеса. В нём также содержалось предложение возложить изучение Херсонеса на «одно из научных обществ» и упразднить монастырь, с условием сохранения богослужений в действующем храме¹⁰.

В изучении Херсонеса не было единогласия не только между учёной общественностью и местным

¹ ЦГА Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 282. Л. 2–3.

² *Гриневич К.Э.* Сто лет Херсонесских раскопок. Севастополь, 1927. С. 33–35; развёрнутое цитирование см.: *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 2. Византийский город. Тюмень, 2008. С. 521.

³ *Соболевский А.И.* П.С. Уварова. Некролог // Известия РАН. VI серия. Т. XIX. 1925. № 6–8. С. 141–144.

⁴ *Гриневич К.Э.* Сто лет Херсонесских раскопок. С. 16–18.

⁵ *Мусин А.Е.* Церковная старина в современной России. СПб., 2010. С. 86.

⁶ Из письма А.А. Бобринского от 2 ноября 1902 г. // *Гриневич К.Э.* Сто лет Херсонесских раскопок. С. 36.

⁷ *Гриневич К.Э.* Сто лет Херсонесских раскопок. С. 19, 21.

⁸ Там же. С. 18–23.

⁹ Из письма председателя Московского архитектурного общества Н.В. Никитина в МАО от 1887 г. (*Мусин А.Е.* Церковная старина... С. 87).

¹⁰ *Мусин А.Е.* Церковная старина... С. 87.

духовенством, но и между научными организациями, представлявшими археологию в России. Одновременно с П.С. Уваровой памятником заинтересовывается и Императорская археологическая комиссия. Как отмечает К.Э. Гриневич, «было решено, что Одесское общество будет вести раскопки совместно с Археологической комиссией, причём Общество выделило для этой цели ответственное лицо, А.Л. Бертье-Делагарда, а в виде производителя работ – К.К. Костюшко-Валюжанича». С 1888 г. раскопки в Херсонесе перешли в ведение Археологической комиссии, которая проводила их вплоть до 1914 г. Фактически Московское археологическое общество не смогло получить возможность работать на Херсонесском городище¹¹.

Основным производителем работ с 1888 по 1907 г., как было сказано, выступал К.К. Косцюшко-Валюжинич (1847–1907), по образованию инженер, самостоятельно освоивший археологию. До 1895 г. он работал бесплатно, а с этого времени стал получать скромное вознаграждение из раскопочных сумм¹².

Как отмечал К.Э. Гриневич в 1927 г., «с именем Косцюшко связаны самые интересные работы в Херсонесе»¹³. Вот некоторые его достижения:

1888 г. – обнаружена мастерская художника эпохи позднего эллинизма с моделями для терракотовых фигур¹⁴.

1889 г. – обнаружен большой храм с остатками мозаичного пола («базилика в базилике»)¹⁵.

1894 – 1895 гг. – выявлены стены линии обороны Херсонеса¹⁶.

1897 г. – найден крестообразный «храм с ковчегом»¹⁷.

1902 г. – обнаружен загородный кладбищенский храм VI в. с сохранившейся мозаикой¹⁸.

¹¹ Гриневич К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок. С. 22, 32; Мусин А.Е. Церковная старина... С. 87. О конфликтных отношениях между местным духовенством и Археологической комиссией см.: Там же. С. 88–90.

¹² Гриневич К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок. С. 27.

¹³ Там же. С. 24. Похожего мнения придерживается и современный исследователь истории изучения Херсонеса И.А. Антонова. См.: Антонова И.А. Основатель Херсонесского музея // Крымский архив. 1997. № 3. С. 59.

¹⁴ Гриневич К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок. С. 24, 47.

¹⁵ Там же. С. 26.

¹⁶ Там же. С. 28.

¹⁷ Херсонес. Путеводитель. Симферополь, 1985. С. 75, 76.

¹⁸ Гриневич К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок. С. 29.

В литературе отмечалось, что К.К. Косцюшко-Валюжинич неоднократно общался с государями во время их визитов в Херсонес: в 1893 г. с Александром III¹⁹; в 1902 г. – с Николаем II²⁰.

К.К. Косцюшко-Валюжинич скончался в декабре 1907 г. в Херсонесе, где и похоронен²¹.

Его отношения с местным монастырём не были благополучными.

Монастырь, вопреки Высочайшему повелению, возводил постройки без согласования с Археологической комиссией, что видно хотя бы из публикуемого здесь документа. Монахов обвиняли в том, что они «не стесняясь производят раскопки на своей земле и продают посетителям найденные вещи и монеты»²². К.К. Косцюшко-Валюжинич (как и П.С. Уварова) хотели объединить монастырский музей с археологическим «Складом древностей»²³, что не встречало содействия со стороны монастыря.

Однако местное духовенство, в свою очередь, также имело претензии к археологам. Выбрасывание костей из могил, производимое при археологических работах, рассматривалось монахами как святотатство²⁴. Еп. Николай (Зиоров) в 1899 г. жаловался в Св. Синод, что извлекаемые археологами находки отсылаются в Эрмитаж и Москву, т.е. уходят за пределы епархии²⁵. Местное духовенство возмущало и то, что производитель работ К.К. Косцюшко-Валюжинич

¹⁹ Тихонов И.Л. «Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров»: Российские императоры и археология // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2008. Вып. 4. Ч. 1. Декабрь. С. 157.

²⁰ Косцюшко-Валюжинич К.К. Посещение Их Императорскими Величествами музея и раскопок в Херсонесе 18 сентября 1902 г. Севастополь, 1904. Августейшая семья часто отдыхала летом в Крыму и неоднократно посещала Херсонес. На сайте Московского Сретенского монастыря без ссылки на источник упоминается, что Николай II посещал монастырь четыре раза: два раза в качестве наследника и два раза в качестве императора: в 1886, 1893, 1898 и 1902 гг. Эта информация находит косвенное подтверждение (см.: Тихонов И.Л. Указ. соч. С. 157, 158).

²¹ Гриневич К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок. С. 29.

²² Из письма А.А. Бобринского от 2 ноября 1902 г. // Гриневич К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок. С. 36.

²³ Гриневич К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок. С. 32; «Склад древностей» был создан в 1888 г., а отдельное здание было выстроено для него в 1892 г. (Антонова И.А. Основатель Херсонесского музея... С. 63).

²⁴ Гриневич К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок. С. 30.

²⁵ Мусин А.Е. Церковная старина... С. 89.

продавал обычный камень для экспедиционных нужд, в то время как продажа строительных материалов была монополией монастыря²⁶. Инославное вероисповедание К.К. Косцюшко-Валюжинича также вызвало недовольство у духовенства²⁷.

У К.К. Косцюшко-Валюжинича также были некоторые разногласия с Археологической комиссией; в частности, он хотел оставлять находки на месте их обнаружения, в то время как Археологическая комиссия организовывала их вывоз в Эрмитаж²⁸.

Такая ситуация не могла не беспокоить П.С. Уварову, которая в 1902 г. написала письмо лично императору Николаю II (публикуемое здесь) вскоре после посещения последним Херсонеса, состоявшегося 18 сентября 1902 г.²⁹ Возможно, повышение интереса императора к памятникам Херсонеса, проявившееся в личном их осмотре, П.С. Уварова рассматривала как шанс получить права на раскопки вверенному ей учреждению.

Кратко изложим содержание публикуемого письма. П.С. Уварова констатирует нежелательность соседства действующего монастыря и археологического памятника, говорит о расширении монастырских построек и отсутствии должного противодействия этому со стороны Археологической комиссии, на которую были возложены обязанности по организации раскопок. Предложения П.С. Уваровой, изложенные в письме, сводятся к следующему: распределение монастырской братии по соседним монастырям и организация служб в главном храме белым духовенством; слияние монастырского музея с главным музеем и отведение под таковой монастырских помещений, демонтаж ряда монастырских зданий и передача всей площади в черте древнего города в ведение того учреждения, которому будут поручены раскопки; организация контроля за деятельностью К.К. Косцюшко-Валюжинича; восстановление и охрана находимых памятников, в том числе и за счёт устройства сторожек; приведение в порядок музея. Также говорится о нежелательности строительных работ, предпринятых Военным министерством, и предлагается проведение таковых на запад от Херсонеса. П.С. Уварова выражает сожа-

ление по поводу почти полного разрушения древних сооружений, открытых её покойным супругом, и в заключение просит повеления спасти «для чести и славы России древний Херсонес».

Сведения об отправке письма зафиксировала сама П.С. Уварова в своём дневнике. Так, в 1902 г. она писала: «Из Константинополя подала записку Императору о переводе из Херсонеса монастыря и неудовлетворительности работ в Херсонесе». Записка, как видно из того же дневника, обсуждалась в профессиональном сообществе. В 1903 г. П.С. Уварова делает следующую запись: «Археологическая комиссия негодует на меня за записку, поданную Государю. Ведутся переговоры с деятелями и в Эрмитаже, в каком духе отвечать (сообщил Смирнов), иногда признаётся правильность критики»³⁰.

Действительно, письмо П.С. Уваровой не осталось без ответа. Менее чем через месяц, 2 ноября 1902 г., председатель Императорской археологической комиссии граф А.А. Бобринский написал оправдательное письмо на имя министра Императорского Двора. Дело в том, что Археологическая комиссия, которую возглавлял А.А. Бобринский, находилась в подчинении как раз этого министерства; фактически А.А. Бобринский писал объяснительную записку вышестоящей инстанции. В этом письме он отстаивал профессионализм и порядочность тогдашнего руководителя раскопок Херсонеса К.К. Косцюшко-Валюжинича, а также правомочность деятельности Археологической комиссии.

А.А. Бобринский также писал о нежелательности присутствия монастыря, однако указывал на сложности, которые могли бы возникнуть при его раскассировании и передаче службы белому духовенству. А.А. Бобринский сомневался и в возможности восстановления памятников Херсонеса без учёта нежелательных произвольных гипотез. Приведём некоторые выдержки из его ответа: «Желание же, высказанное графиней Уваровой Государю Императору, чтобы раскопки велись в более систематическом порядке, чем ныне, является только отголоском зависти к чужому успеху, так как если и можно в чём-либо упрекнуть г. Косцюшко, то, во всяком случае, не в отсутствии порядка. Графиня желает, чтобы были восстановлены на месте древние памятники. Дело это трудное и не

²⁶ Из отношения обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева министру народного просвещения 1889 г. См.: *Мусин А.Е. Церковная старина...* С. 88.

²⁷ *Гриневич К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок.* С. 30.

²⁸ Там же. С. 30–32.

²⁹ *Косцюшко-Валюжинич К.К. Посещение...*

³⁰ Цит. по: *Романчук А.И. Создание серии «Памятники христианского Херсонеса» // Античная древность и средние века.* Вып. 34. Екатеринбург, 2003. С. 427.

всегда выполнимое. Восстанавливать вообще памятники старины возможно, нелегко только оберечь восстановителя от фантазии». Разбирая каждый из аргументов П.С. Уваровой, А.А. Бобринский выносит свои предложения в семи пунктах:

«1. Уничтожить монастырскую стену.

2. Подчинить ведению Императорской археологической комиссии всю площадь Херсонесского городища, кроме частей, занятых военным ведомством, с правом производить раскопки по всей этой местности.

3. Упразднить монастырский музей и хранящиеся в нём предметы передать Археологической комиссии.

4. Воспретить монахам производить раскопки и обязать их доставлять все случайные находки древностей в музей Археологической комиссии.

5. Просить военное ведомство, предварительно возведения каких-либо сооружений, уведомить о сём каждый раз заведующего раскопками Археологической комиссии для предварительного исследования местности.

6. Вопросы об упразднении монастыря не касаются, так как он находится в связи с соображениями, выходящими из круга археологических забот.

7. Всякие посторонние указания относительно упорядочения способа ведения раскопок или музея я считал бы нежелательными, так как они являлись бы незаслуженным укором таким лицам, которые в течение многих лет влагали душу в дело правильного ведения раскопок в Херсонесе и достигли таких успешных результатов, которых, вероятно, не станет отрицать даже графиня П.С. Уварова»³¹.

Фактически А.А. Бобринский указал на неправомерность претензий П.С. Уваровой к Императорской археологической комиссии. Ему удалось отстоять право последней на проведение археологических работ в Херсонесе. Сведений о том, что Московское археологическое общество получило право на археологическое исследование этого объекта, у нас нет. Иными словами, П.С. Уварова своей цели не добилась.

По мнению некоторых современных исследователей, предложения П.С. Уваровой не были реалистичными. Как писала И.А. Антонова, «предложенная Московским обществом разборка монастырских зданий не возродила бы древние памятники, погибшие при их строительстве, а содержание раскопок и музея

на средства от монастырской земли не укладывались ни в какие действовавшие нормы финансовых отношений»³².

К.К. Косцюшко-Валюжинич, к деятельности которого П.С. Уварова относилась скептически, проводил раскопки в Херсонесе вплоть до своей смерти в 1907 г.³³ И после него они остались в ведении Археологической комиссии, отношения которой с монастырём складывались непросто³⁴.

Решение о ликвидации монастыря последовало в январе 1924 г.³⁵

Поскольку на момент составления публикуемого письма П.С. Уварова была председателем Императорского Московского археологического общества, вполне естественно, что его черновик отложился среди бумаг вверенной ей организации. Чистовой документ, очевидно, был отправлен по адресу.

Даже беглый осмотр почерка не оставляет никаких сомнений в том, что публикуемый документ является собственноручным автографом.

Письмо П.С. Уваровой от 6 октября 1902 г. представляет несомненный интерес как источник по истории изучения памятников Херсонеса, истории конфликта интересов между монастырём и археологической общественностью, непростых отношений внутри археологических учреждений России и вообще проблем, связанных с охраной важнейшего русского церковно-археологического памятника.

Как отмечено в начале настоящего предисловия, текст письма был опубликован ещё в 1927 г., однако эта публикация на сегодняшний день является библиографической редкостью. Кроме того, то обстоятельство, что аналогичный документ в собрании ЦГА Москвы представляет собой автограф, делает уместным его повторную публикацию.

Письмо графини П.С. Уваровой публикуется в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Текст приводится в современной орфографии, исправление очевидных ошибок специально не оговаривается. Сокращённые и пропущенные слова восстановлены по смыслу в квадратных скобках.

³¹ Гриневич К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок. С. 35–38.

³² Антонова И.А. Основатель крымского музея... С. 58.

³³ Гриневич К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок. С. 29.

³⁴ См.: Мусин А.Е. Церковная старина... С. 90–92.

³⁵ Романчук А.И. Исследования... Т. 2. С. 527.

Письмо П.С. Уваровой³⁶ императору Николаю II с предложениями по поводу охраны и изучения памятников Херсонеса.

6 октября 1902 г.

Константинополь

Ваше Императорское Величество.

Прошу всеподданнейше извинения, что позволяю себе беспокоить Ваше Величество сим письмом, но выражаю надежду, что Вам благоугодно будет милостиво к нему отнестись ввиду недавнего осмотра Вашим Величеством Херсонеса и Всемилолюбивейшим повелением производителю работ, Косцюшко-Валюжиничу, подать Вашему Императорскому Величеству записку о нуждах многострадального Херсонеса.

Вашему Императорскому Величеству известно, что более правильные раскопки нашей русской Помпеи были предприняты благодаря ходатайству Императорского Московского археологического общества, но так как заботы и ведение этих раскопок были возложены Высочайшею Волею на Императорскую археологическую комиссию, то Императорское Московское археологическое общество держалось в стороне от производимых исследований и, по возможности, избегало даже частое посещение Херсонеса. Но узнав, что Ваше Императорское Величество направляетесь на юг и предполагая, что Вам угодно будет воочию проверить то, что делается в этом, в высшей степени важном для русской истории пункте, я поспешила приехать в Херсонес дня через два после приезда Вашего Величества и на основании проведенных там дней позволяю себе занять внимание Вашего Величества нуждами Херсонеса, так как уверена, что предложения Косцюшко-Валюжинича по независимым от него причинам будут состоять из паллиативных мер, которые не в состоянии будут повлиять на сохранение Херсонеса и только на весьма короткое время отодвинут полнейшее его разграбление и уничтожение.

Главное несчастье Херсонеса – это существование на его развалинах монастыря, состоящего по обыкновению из подбора грубых, неграмотных, ничего не делающих и ни к чему не пригодных людей. По Высочай-

шему повелению монастырь этот был обречён на постепенное и правильное вымирание, так как ему запрещалось без разрешения Археологической комиссии возводить какие-либо постройки, но Археологическая комиссия отнеслась к этому делу с обыкновенным ей равнодушием, и Ваше Величество могли убедиться при обзоре Херсонеса, насколько монастырь распространил и раздвинул свои постройки: возведены несколько жилых помещений, вторая церковь – совершенно ненужная, так как и главный храм большею частью пустует, гостиница – ненужная по близости Севастополя и монастырская стена, окружающая не монастырь, так как все его здания находятся вне её, а огромный пустырь, заключающий акрополь древнего Херсонеса, что совершенно уничтожает возможность дальнейших исследований и работ. Таким образом, благодаря монастырю, расположенному среди древнего города и имеющему многочисленную братию, бродящую по всем развалинам, позволяющую себе по праздности и корыстолюбию производить тайные раскопки и расхищать находки Косцюшко-Валюжинича, совершенно невозможно производить систематические раскопки, сохранять и восстанавливать находимые памятники, как то делается в более просвещённых государствах, и принимать меры к ограждению древнего города от расхищения как монастырскою братией, так и вообще непрошеными посетителями. Для того чтобы Россия могла гордиться своей Помпеей, необходимо поспешить спасти то, что ещё осталось, и принять серьёзные меры для охраны всего находимого, но цель эта может быть достигнута только при следующих условиях: а) расскассирования монастырской братии по соседним монастырям; б) передачи служения при главном храме белому духовенству; в) слияния монастырского музея с главным музеем; г) отдачи главного жилого монастырского помещения под Херсонесский музей, чем избегнется расход в 40 000 р[уб]., испрашиваемых на постройку музея; д) уничтожения всех остальных зданий монастыря, и в особенности гостиницы, стоящей над древней стеной города, что препятствует дальнейшей её расчистке; е) сношения монастырских стен; ж) передачи всей земли в черте древнего города и вне его стен в полное распоряжение того учреждения, которому будет поручено заведование раскопками; з) обязательства для этого учреждения не оставлять Косцюшко-Валюжинича, как это делается до сих пор, без помощи, совета и содействия и ведения раскопки в более систематическом порядке, чем ныне; и) обязательства по возможности восстанавливать находимые

³⁶ Документ не подписан. Авторство установлено на основании публикации аналогичного текста: *Гриневиц К.Э.* Сто лет Херсонесских раскопок. 1927. С. 33 – 35.

памятники, и, во всяком случае, сохранять находимые памятники так, чтобы они давали более ясное понятие о том, что эти находки представляли в древности, и, таким образом, служили бы к развитию среди посетителей понимания и любви к родной старине; к) возведения вокруг всего разрабатываемого пространства стены, которая ограждала бы раскопки от непрошенных посетителей и расхищения; л) устройства в некоторых пунктах сторожек и содержания при них смотрителей, ответственных за сохранность памятников и обязанных напутствовать посетителей и не пропускать в ограду никого без себя; м) приведения в порядок музея и описания составляющих его предметов.

Всепогоднейше просила бы также Ваше Императорское Величество обратить внимание Военного министерства на нежелательность продолжения работ на восточной стороне Херсонеса, где рядом с существующим музеем выстроен уже корпус для локомотива с проводниками, возведена огромная насыпь над ним и предпринимаются какие-то новые работы. Необходимо для цельности впечатления, производимого древним городом, и его сохранности, чтобы все принадлежности и работы Военного министерства были сосредоточены на запад от Херсонеса, в той его части, которая отведена под батареи.

Повергая пред Вашим Императорским Величеством мои соображения касательно Херсонеса, осме-

ливаюсь высказать мнение, что разрушение древнего Херсонеса дошло до таких крайних пределов, что спасти его можно только крайними и решительными мерами, иначе весьма близко время, когда от него ничего не останется, как не осталось почти ни камня от трёх первых базилик и крещальни, открытых покойным мужем по повелению Императора Николая I, как не осталось ничего и от тех гробниц-катакомб, разрушенных фресками, которые в разное время были вскрыты вокруг города и обследованы, которых занимался с мужем Его Императорское Высочество великий князь Сергей Александрович. Повелите, Государь, и спасите для чести и славы России древний Херсонес, которым могла бы Россия гордиться и пользоваться для образования народа, как гордится и пользуется Помпеей Италия, государство во сто раз меньше и беднее нашего обширного Отечества.

Повелите, Государь, и, простив мне моё откровенное заявление, порадуйте новою милостью и вниманием к родной старине.

Всей душою и сердцем преданную.

На 1-м листе документа в верхнем правом углу помета: «Послано из Константинополя 6 окт. 1902 г.».

ЦГА Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 282. Л. 2–3.

Черновик.

Автограф П.С. Уваровой.

Д.Г. Давиденко

Документы по охране и изучению памятников Херсонеса в 1920-е гг. (по материалам фонда ЦГРМ ЦГА Москвы)

История Херсонеса Таврического как выдающегося историко-археологического памятника насчитывает уже почти двести лет. Первые раскопки были предприняты здесь в 1827 г., а с 1876 г. началось его систематическое археологическое исследование¹, продолжающееся по сей день. Статус древнего городища, заключающего многочисленные памятники античной и средневековой эпох, сделал его одной из важнейших достопримечательностей России.

Интерес к памятнику, проявлявшийся в 1920-е гг., явился естественным продолжением его изучения и популяризации, начавшихся в XIX в. Выдающийся исследователь К.Э. Гриневиц в 1927 г. писал, что «в прошлом отчётном году» Херсонес посетило

20 000 человек². Историко-художественная значимость памятника осознавалась в те годы как местными, так и столичными специалистами, уделявшими заметное внимание его изучению и охране. Об этом свидетельствуют и публикуемые в данной статье документы из фонда Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ)³.

В ноябре 1918 г. была создана Комиссия по архитектурной реставрации Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Музейного отдела) Наркомпроса РСФСР, позднее функционировавшая как архитектурная секция ЦГРМ. Центральные государственные реставрационные мастерские, в свою очередь, были созданы в 1924 г.,

когда под этим названием объединилось несколько реставрационных учреждений. Они, по замечанию исследователей, «не были реставрационной организацией в том значении, которое это понятие приобретает позже, то есть учреждением, выполняющим заказ на реставрацию конкретного объекта, выбранного заказчиком. ЦГРМ были органом учёта, регистрации и систематизации, консервации и реставрации памятников»⁴. Это был головной орган, отвечавший за охрану и реставрацию памятников старины⁵. Фактически он стал правопреемником (функций, архива и здания) Московского археологического общества (документы которого также хранятся в ЦГА Москвы⁶) и функционировал до 1934 г.

После закрытия ЦГРМ документы хранились в Академии архитектуры СССР, а в 1960-е гг. были переданы в ЦГА г. Москвы⁷. В то же время архив фотографий и негативов памятников остался в Академии архитектуры⁸. Возможно, этим объясняется и тот факт, что в деле, в котором находятся публикуемые документы, почти полностью отсутствует изобразительный материал. Фонд ЦГРМ, хранящийся в ЦГА Москвы, насчитывает 517 ед. хр. В него входят протоколы заседаний Комиссии по архитектурной реставрации Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины НКП с 1918 по 1934 г. (17 дел), общие материалы, касающиеся деятельности всего учреждения или отдельных его подразделений (дневники работ, установочные материалы по вопросам охраны и реставрации, переписка по финансовым вопросам, акты о передаче памятников, списки памятников архитектуры на территории РСФСР и др.), а также материалы (переписка, акты осмотра, докладные записки, исторические справки, описания ремонта и реставрации и др.) по отдельным наиболее выдающимся памятникам (или комплексу нескольких близко расположенных памятников). Дела сгруппированы по географическому принципу и расположены в алфавитном порядке по названиям губерний РСФСР. Затем идут дела по памятникам Бурят-Монгольской, Татарской АССР, Крыма, Азербайджана-Дагестана, Белоруссии, Украины и Средней Азии⁹.

Так, ед. хр. 519 включает Материалы по охране и реставрации памятников архитектуры Херсонеса и относится к группе дел, посвящённых памятникам Крыма. Включает 52 листа; датированные документы охватывают период с 1922 по 1927 г. Некоторые из них приводятся здесь.

Первый из пяти публикуемых документов свидетельствует о нехватке площадей и средств для охраны Херсонесского городища и функционирования местного

музея. В нём также говорится о стремлении Херсонесской дирекции музеев и раскопок получить в своё владение всю усадьбу монастыря, находившегося в центре городища, и некоторые иные объекты, расположенные на его территории, о желании иметь большее финансирование и возможность непосредственного сношения с Главным управлением научных, научно-художественных и музейных учреждений Наркомпроса. Во втором документе речь идёт о том, что учёное сообщество в 1920-е гг. ещё не осознавало историческую значимость предметов, отстоящих от них на несколько десятилетий. Так, автор его, зав. дирекцией Херсонесских раскопок Л.А. Моисеев, демонстрирует пренебрежительное отношение к памятникам эпохи Оборона Севастополя в 1854–1855 гг. и заявляет о готовности пустить чугунные пушки, относящиеся к этой эпохе, на металлический лом.

Третий, четвёртый и пятый документы представляют собой акты и протокол группового осмотра и обследования памятников зодчества и монументального искусства (главным образом мозаик), характеризуют их конструктивные особенности, сохранность, причины повреждений и степень изученности на тот момент, а также заключают рекомендации по охране и реставрации. Они также содержат научно-исследовательские наблюдения, сделанные в 1920-е гг., а в наши дни представляют интерес как источник по истории археологической и архитектурно-реставрационной мысли первой трети XX в.

№ 1. Письмо директора Херсонесского и Севастопольского музеев Л.А. Моисеева¹⁰ заведующему Главнаукой¹¹ Наркомпроса РСФСР профессору И.И. Гливенко с просьбой принять меры по охране памятников Херсонеса Таврического

№ 521

22 сентября 1922 г.

В дополнение к докладу своему от 18 ноября 1921 г. № 75* о положении памятников Херсонеса Таврического и учреждении им ведущего ещё раз считаю своим долгом перед Наукой и Родиной обратить Ваше внимание на необходимость безотлагательной помощи учреждению, единственному по значению и масштабу производившихся им с 1888 г. археологических изысканий в России¹², иначе к 35-летию юбилею его, имеющему быть 18 мая 1923 г., от

* Доклад в деле отсутствует.

открытых в течение этих лет памятников, оставленных на месте их находок и собранных в т[ак] н[азываемом] Херсонесском музее останутся вновь одни лишь беспризорные и расхищаемые стихией и человеком, потерявшие всякое научное значение руины.

В настоящее время на план Херсонесского городища занесено 55 церковных сооружений (монастырей, храмов, усыпальниц), 15 городских кварталов, вся линия городских оборонительных стен, более 2000 раскрытых гробниц, а в т[ак] н[азываемых] музейных помещениях хранится более 200 000 разного рода антикварных предметов.

Между тем до сих пор Херсонесское городище не изолировано, вместо музейного здания здесь имеется лишь разваливающийся сарай, уже со дня его сооружения именованный «складом древностей».

Как и в прежнее время, центральная часть городища, занятая монастырской усадьбой со всеми имеющимися там многочисленными, первоклассного значения античными сооружениями, находится вне ведения Херсонесской дирекции, несмотря на декрет Крымревкома № 450¹³.

Дирекции до сих пор никем не возмещены незаконно присвоенные местным коммунхозом и ЧК разного рода вещи из её имущества, в частности – экипаж, телефон, фотографические аппараты, ввиду чего она не может выполнять и части своих научных заданий, а её служащие совершенно изолированы от города.

Возвращаясь к существу своего доклада от 18 ноября 1921 г. за № 75, прошу Вас о нижеследующем:

1. На основании прямого смысла, недавно подтверждённого декрет[ом] Крымревкома № 450, настоять на безотлагательной передаче всей монастырской усадьбы со всем её инвентарём во владение Херсонесской дирекции музеев и раскопок.

2. Войти в соглашение с Военно-инженерным ведомством о полном упразднении никогда не действовавших и давно признанных военными авторитетами непригодными в современной боевой обстановке расположенных на территории Херсонесского городища (его Акрополиса) бывших батарей (без вооружения) № 12 и 13 и передачи места их расположения вновь в ведение Херсонесской дирекции.

3. Войти в соглашение с Военно-инженерным ведомством о передаче Херсонесской дирекции имеющейся возле батар[ей] № 12, 13 решётки для переноса её в нужные для изоляции городища места.

4. Испросить у Совнаркома разрешения на внесение в общую смету расходов Наркомпроса особого

по отделу музеев § «на благоустройство Херсонесского городища».

5. Предоставить на 1923 г., по означенному § в распоряжение Херсонесской дирекции 2 500 000 руб. на ремонт главного монастырского здания для использования его под Музей древностей Херсонеса Таврического, с отделениями античных, христианских и средневековых древностей, подготовительных работ по устройству ограждения Херсонесского городища, а также на издание к 35-летию юбилею плана городища и путеводителя к нему.

6. Установить непосредственное сношение Херсонесской дирекции с отделами музеев и научным Главнауки, предоставив ей все права самостоятельного учреждения Главнауки РСФСР в Крыму.

7. Открыть Херсонесской дирекции теперь же в Севастопольском финотделе двухсоттысячный кредит (200 000 руб.) на самые п[е]ред предстоящей зимой неотложные ремонты, заготовку топлива и хотя бы частичное восстановление утраченного ею за истекшее время имущества.

Директор Херсонесского
и Севастопольского музеев

Л. Моисеев

ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 519. Л. 1–1 об.
Подлинник. Машинопись.

№ 2. Письмо заведующего Севастопольским комитетом по делам музеев, охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы Л.А. Моисеева заведующему отделом музеев и охраны памятников искусства и старины Главнауки Н.И. Троцкой с просьбой вызвать его в Москву для обсуждения состояния памятников Херсонеса

№ 599
г. Севастополь

6 декабря 1922 г.

Неся двойную ответственность перед Вами за доверенные мне Вашим распоряжением памятники Херсонеса и Севастополя, я послал Вам письмо в Гурзуф, в котором выражал надежду на заезд Ваш в Севастополь для устройства херсонесских дел. Разрушения Херсонеса, отсутствие до сих пор каких-либо ремонтных сумм заставило меня подать докладную записку зав. Главнаукой пр[офессору] Гливенко, бывшему здесь в сентябре, о Херсонесе с исчерпываю-

щим материалом, которую он, вероятно, передаст Вам на разрешение*. Тем не менее я полагаю, что дело может сдвинуться лишь при личном докладе моём Вам, т.к. всех могущих возникнуть вопросов ни в каком докладе исчерпать невозможно.

Вот почему, посылая Вам дополнительный доклад о состоянии находящихся на моём попечении памятников** (доклад написан и согласно желанию, выраженному завотделом реставраций т. Марковым), прошу Вас, в случае постановки его на обсуждение Коллегии, поскольку вопрос касается памятников, за которыми признано общегосударственное значение, вызвать меня в Москву для принятия участия в обсуждении затрагиваемых мною вопросов.

Кроме того, Севмузохрис¹⁴, согласно предложению Металлторга, мог бы реализовать кое-какой чугунный лом, имеющийся у него в виде оставшихся неиспользованными при восстановлении линии обороны чугунных пушек эпохи 50-х гг.¹⁵ Это дало бы нам возможность произвести неотложные ремонты крыш и восстановить хотя бы часть утраченного инвентаря.

Если на это последует Ваше согласие, прошу Вас теперь же телеграфировать мне соответствующее полномочие.

Зав. Севохрисом и Дирекцией
Херсонесских раскопок

Моисеев

ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 519. Л. 2–2 об.
Подлинник. Машинопись.

№ 3. Акт осмотра древних сооружений Херсонеса представителем Центральных государственных реставрационных мастерских архитектором Б.Н. Засыпкиным, директором Херсонесского музея Е.Э. Гриневичем¹⁶ и заместителем директора Г.Д. Беловым

Херсонес 31 августа – 2 сентября 1926 г.***

Херсонес 31 августа, 1 и 2 сентября 1926 г. мы, нижеподписавшиеся, представитель Центр[альных] государств[венных] реставр[ационных] мастерских

Главнауки архитектор Б.Н. Засыпкин, директор Херсонесского музея Е.Э. Гриневич и заместитель директора того же музея Г.Д. Белов произвели осмотр руин древних сооружений Херсонеса с целью выяснения их технического состояния и принятия мер по их охране и поддержанию:

I. По часовне Лаврентия, что на Забрале¹⁷

Стены часовни, имевшие внутренний размер в длину 4,36 м и в ширину 3,71 м были впритык пристроены к крепостной стене, так что одной стены по существу у здания не было. Основаны эти стены на бутовой кладке¹⁸ на известковом растворе, довольно неаккуратной и неря[ш]ливой работы. В момент осмотра низы бутовой кладки отчасти уходили в землю, с южной же стороны в 1910 г. случился обвал всего юго-восточного угла и землёй завалена выкопанная здесь траншея. Эти обстоятельства не позволили проследить основание фундамента, для чего требуется произвести небольшие раскопки. Абсида¹⁹ с самого основания фундамента, вплоть до облицовки гранёной части тёсаным камнем, приложена к основным стенам впритык, без всякой перевязки. Вследствие появления трещины, указующей на отход всей абсиды от стен здания, шириной в верхней части 0,04 м, прикладка абсиды ясно видна. Это говорит о разном времени построения этих частей. Стены самой часовни и абсиды, в сохранившихся частях, снаружи были облицованы тёсаным камнем, внутри же сложены бутовой неровной кладкой. Толщина стен 0,62–0,58 [м], стены абсиды 0,53 [м].

Стены прямоугольника сохранили на месте северо-восточный угол, подобный упавшему юго-восточному. В обоих кусках мы имеем в боковых стенах конец, обработанный для проёма правильной кладки, но никаких следов притвора для дверей не наблюдается. В северной стене грань проёма проходит ниже бутовой закладки. В восточной стене мы имеем как бы аналогичный проём, пролётом 1,60 м (размер определён по радиусу абсиды и в натуре не существует, поэтому является приблизительным). Под этим пролётом имеется бутовая кладка, как и под другими двумя. Внутри сохранился плитный пол, большей частью засыпанный землёю.

В настоящее время здание находится в разрушенном состоянии, юго-восточный угол упал и лежит в наклонном положении на земле. При этом же очевидно обвалилось больше половины абсиды, бутовая кладка южной стены и часть плитного пола.

* Вероятно, имеется в виду документ № 1.

** Доклад в деле отсутствует.

*** Датировано по содержанию документа.

Северо-восточный угол сохранился на высоту от пола 1,69 м и состоит из шести рядов кладки тёсаным камнем, от седьмого верхнего ряда сохранился камень высотой 0,34 м. С северной стороны обнажена бутовая кладка на 2,20 м высоты.

Пятигранная абсида сохранила целыми две грани, в одной из них остаток прямоугольной нишки шириной 0,33 м и глубиной 0,05 м. Абсида имеет высоту на 0,07 м ниже шестого ряда с[еверо]-в[осточного] угла и первый ряд выше основания первого ряда с[еверо]-в[осточного] угла на 0,055 м. Нижний ряд имеет форму в плане полукруга, шесть вышележащих рядов – пятигранную. Кладка рядов абсиды и их число не соответствуют числу рядов в основных частях здания, что также говорит за то, что абсида пристроена к зданию позднее и, следовательно, первоначальное назначение здания могло быть другое. Под абсидой имеется проём, перекрытый большой плитой. Внутри произведены частичные раскопки помещения в виде склепа, сплошь засыпанного культурной землёй с наслоениями. Отсюда надо заключить, что вся часовня построена, когда культурный слой достигал более 3 м.

Для выяснения всех возникающих при осмотре вопросов, непосредственно связанных с научно-техническим обследованием, необходимо здание очистить от земли и произвести дополнительные раскопки.

Причиной падения юго-восточного угла нужно считать произведённые здесь раскопки, обнажившие бутовую кладку, бывшую в земле, а возможно и под коп под основание фундамента, т.к. судя по месту и положению обвалившейся части она первоначально съехала вниз в вертикальном положении, а затем уже наклонилась и упёрлась в откос земли. Упавшая часть дала трещину в южной стене и потеряла несколько камней двух верхних рядов. Снизу массива уцелела бутовая кладка на высоту 1,90 м. Размеры угла следующие: толщина 0,57 [м], короткая сторона – восточная, внутренний размер 1,54 [м], и длинная – южная, внутр[енний] размер 1,93 м, высота пяти рядов кладки 1,55 м.

Техническое состояние уцелевших частей на месте требует укрепления: сильно обвалилась бутовая кладка сев[е]ро-вост[очного] угла – необходимо подложить кладкой на известковом растворе с соблюдением вертикального направления; бутовую кладку северной стороны укрепить заливом извест[кового] раствора, пол очистить от земли; с южной стороны произвести очистку от обвала земли и камней и проследить бутовую кладку стены и основания.

Упавшую часть оставить на месте, подведя под неё фундамент, т.к. в настоящее время по техническим и архитектурно-археологическим условиям разборка и выкладка вновь на старом месте не представляются возможными, т.к. памятник и его изучение ещё не опубликованы, считать необходимым производство архитектурно-археологических обмеров до производства ремонтных работ.

II. По крепостным башням и стенам

Монументальные руины крепостных стен всех наслоений, сохранившиеся более или менее, в техническом отношении находятся в одинаковом положении; процесс разрушения медленно, но происходит. В особенности разрушаются обломы стен и бутовая кладка в тех местах, где они свободно могут пропитываться водой. Кроме этого заметны процессы выветривания и разрушения массы камня от влияния температур.

1. Башня № XIV (нумерация башен стен принята по плану А.Л. Бертье-Делагард. Известия А[рхеологической] к[омиссии]. Выпуск 21. 1907 г.).

Башня четырёхгранная, а под ней остатки древнегреческой полукруглой; в настоящее время с одной стороны засыпаны сплошь землёй, а одна сторона выходит в ров между первой наружной стеной (протейхизма²⁰) и внутренней. Сохранность удовлетворительна. Поверх башни около стен необходима планировка земли с целью отвода дождевых вод.

2. Наружная стена юго-восточного участка (протейхизма).

Стена находилась вся под землёй. Раскопками очищена внутренняя её сторона, таким образом, стена служит в настоящее время подпорной стенкой для земляной насыпи, по которой проходит дорога. Стена толщиной 2,25 м, сложена из больших (0,70 до 1,50 м) камней на известковом растворе. Заметных и угрожающих отклонений в стене не наблюдается. Музеем произведена починка стены около башни Зенона, заключающаяся в том, что нижняя часть от земли на высоту до 0,70–0,50 м подложена мелким бутом на известковом растворе, причём новой кладке придана форма небольшого откоса, производящего нежелательное впечатление и технически не вызванного. При больших вертикальных плоскостях все подкладки цоколя должны быть сделаны в пределах этих плоскостей, плотной хорошей кладкой, желательно из плитняка²¹, причём следует избегать сплошной замазки швов, а ограничиваться лёгкой углублённой расшивкой. Это относится и ко всем другим починкам, произведённым в этом году музеем.

3. Древнегреческие ворота²².

Позднейшая капитальная кладка над воротами поддерживается пятою* жел[езными] двутавр[овыми] балками. Между балками замечаются выпадывания мелкого бута. Следует снизу промазать бутовую кладку алебастровым раствором. С внутренней стороны ворот, во втором ряду над жел[езной] балкой, в месте, приходящемся под римской калиткой, один блок, сильно выступающий над нижележащим камне[м], весьма плохо держится и грозит падением. Необходимо срочно с осторожностью заложить шов между ним и нижеследующим блоком плитняком на известковом растворе с напуском каждого ряда.

У этих же ворот дворовый восточный пилон дал трещину и наклон восточной облицовки, которая поддерживается контрфорсом. Низ облицовки отремонтирован музеем в 1926 г. таким же образом, как и первая стена. Сверху пилон сильно разрушен, образовалась выемка в виде канавы, задерживающей и поглощающей воду. Пилон следует выровнять кладкой насухо.

4. Башня № XVI.

Часть башни, выходящая наружу, имеет трещины вертикального направления и уклон четырёх верхних рядов. Уклон возможен от разрушения и выпадов камней пятого сверху ряда. Кладка вообще башни произведена со сдвигами ряда над рядом, то с напуском, то с уступом. В статическом отношении опасности не представляет. Требуется в трёх местах наибольшего разрушения камней пятого ряда вставить камни – заплатки насухо, с тщательной пригонкой на место заподлицо со стеной. На камнях высечь небольшими цифрами год их постановки.

5. Калитка около башни № XVI.

Перемышка имеет следы механического повреждения. Кроме этого, ряд трещин и сдвиг клинообразных камней, находящихся под тяжестью большого блока, внушают серьёзные опасения. Так как [после] перекладки перемышк[а] навсегда утратила бы археологическое значение, то здесь необходимо подвести небольшие железные балочки и укрепить камни перемышки крюками. Разрушенный коробовый свод, перекрывавший коридор, за калиткой от коего остались свисающие пяты, требует укрепления.

6. Башня № XVII Зенона²³.

Башня сохранила остатки четырёх стен, окружавших постепенно древнегреческое ядро. Все стены

находятся в руинном состоянии, обнажена забутка²⁴; вторая стена сохранилась меньше всех, на ней скапливается дождевая вода, обломы стен покрыты отчасти землёй и растительностью. Центральное ядро имеет сверху надстроенные позднейшие стены. Башня, как и все другие, архитектурных форм не сохранила и по своим наслоениям имеет большое археологическое значение.

7. Другие башни и стены юго-восточной части.

Башня № XV сохранила несколько рядов снизу древнегреческой кладки и под ней поставленную более позднюю прямоугольную. Около этой башни крепостные стены сохранили наслоения всех времён и нависшую забутку (до 10 м от верхнего ряда правильной кладки). Забутка обнажена с обеих сторон, сложена она на извест[ковом] растворе с большим добавлением крупнотолчёного кирпича. Нижняя часть от башни № XVIII, а также в сторону башен № XIX и XX сохранили правильную кладку большими блоками. Почти во всех местах эта кладка находится во вполне удовлетворительном состоянии. Единственно слабое место – это верхние обломы, где во многих местах имеется слой земли с растительностью, а кое-где просто неровные изъёмы, доступные атмосферическим** осадкам, может застаиваться вода и проникать внутрь, тем самым пропитывая забутку и кладку. Вследствие этого в некоторых местах заметны трещины в камнях, появившиеся от замораживания. Желательно эти части прикрыть от намокания. Сделать это можно разными способами, но желательно применить такой, который бы принёс наименьший вред каменной кладке, в смысле утери археологического значения, и не изменил бы общего впечатления от руин. Таким способом мог бы быть нижеследующий: все неровности стен для устройства ската для воды наложить каменной плитной кладкой насухо и сверху наложить слой жирной глины с саманом (рубленая солома). Такой способ предохраняет от намокания и легко устраним в случае археологических обследований.

Башня № XIX сохранила лишь круглое основание из чрезвычайно крупных циклопических камней. Стена в этом направлении не высока, сохранила мало обнажённой забутки. Остатки башни № XX и стен нуждаются в укреплении верхних частей и обрезах от размыва.

Остатки фундаментов и стен в северо-западной части совсем незначительны. Кладка стен сохранила

* Так в документе.

** Так в документе.

здесь крупные грубой обработки камни. Помимо собственного разрушения, этим остаткам и башне грозит подмыв морем. Наружная стена башни уже смыта.

Вся северо-восточная часть Херсонеса, постоянно находящаяся под действием морских волн, во многих местах нависла; падение береговой линии повлечёт за собой уничтожение древних сооружений по всему берегу означенной части.

В Главнауку подан проект укрепления берега около Малой базилики. Стены южного участка и часть западного вместе с башнями засыпаны военным ведомством. Участок западных стен ближе к морю сохранился в сильно разрушенном виде. Наиболее целостные и имеющие наибольшее, исключительное археологическое значение, это стены и башни юго-восточного участка, укрепление коих должно быть произведено в первую очередь.

8. Остатки здания, т[ак] назыв[аемый] «Монетный двор»²⁵.

Прекрасная кладка стен, относимая к греческому периоду, большей частью находится в земле и представляет собой водоём для дождевой воды. Проектируемое архит[ектором] П.И. Голландским прикрытие его навесом является вполне целесообразным. Ввиду того что здание изолировано от стен других сооружений, не является участником общего комплекса, устройство железной кровли не несёт нарушения общего вида руин.

9. Общественное здание в восточной части города, на главной улице.

Следы стен греческого периода, сильно застроенные позднейшими византийскими стенами. Проектируемая летом* от 23.01.1926 г. разборка всех византийских стен внутри греческого здания требует обсуждения этого вопроса в Центр[альных] государст[венных] реставрац[ионных] мастерских Главнауки.

10. Руины базилик и храмов.

Многочисленные руины базилик, оставшиеся над землёй на высоту в среднем около 1 м, размываются дождями, а прибрежные подмываются морем. Имеются частичные обвалы: как, например, в Крестовом храме с ковчегом²⁶ (в коем, между прочим, следует убрать изготовленный монастырём ковчег), в западной базилике, в базилике на усыпальнице и в др. Особенно страдает от выветривания бутовый фундамент малой базилики на северном берегу, обнажённый раскопками, кроме этого, северная часть

подмывается морем. Но всем этим руинам требуется укрепление от размыва атмосферическими осадками.

11. Мозаика пола базилики в базилике²⁷.

Остатки мозаичного пола сохранились в пяти местах. Над каждым местом построены закрытые помещения из каменных стен. При осмотре помещений: 1) около сторожки, 2) южной части, 3) мозаика с павлином и 4) мозаика под гробницей, обнаружена сырость в полу от проникновения дождевых вод благодаря неправильным скатам. Кроме этого, все помещения плохо проветриваются, а помещения мозаики с павлином и под гробницей совершенно [не имеют] окошек и лишены возможности сквозного проветривания. Состояние мозаики весьма плохое: связующий раствор разрушен, имеются выпучины; особенно пострадали края, кусочки которых держатся едва-едва. При открытии мозаик изъяны были грубо оштукатурены цементным раствором, что также принесло вред. Ввиду колоссальной ценности означенных мозаик необходимо принять меры к их охране и укреплению, для чего необходимо:

1. Во избежание проникновения сырости и воды в помещения мозаик, следует заложить кладкой на извести два порога: один около сторожки, другой против двери [помещения] мозаики с павлином. Южную стенку мозаики около сторожки, западную стенку южной мозаики и южную мозаики с павлином следует обнажить на глубину до 0,70 м, а если возможно до скалы и оштукатурить фундамент известковым раствором с толчёным кирпичом на высоту над землёй до 0,70 м. Траншеи около этих стен следует засыпать жирной глиной с плотной утрамбовкой и сделанием ската от стены. Уклон ската выстлать старой черепицей, кирпичом или плитняком. Устроить планировку скатов для воды от стен. Кроме этого, там, где нет окон, сделать небольшие отверстия для постоянного проветривания. Там же, где имеются окна, следует их открывать в солнечные сухие дни.

12. Мозаика Крестового храма в некрополе²⁸.

Означенная мозаика также находится в отчаянном положении, кусочки расстроились, много отпучин. Кроме этого, во многих местах имеются пятна, покрытые какой-то солью, причём в этих местах жёлтого охряного цвета камушки превратились в тёмно-фиолетовые. Изъяны также заштукатурены цементом, который держится довольно крепко. Разрушение коснулось и подготовки под мозаику**, которая преврати-

* Так в документе.

** Так в документе. Имеется в виду основа под мозаику.

лась в землистую рассыпчатую массу. Сырости в этом здании, основанном на голой скале, в момент осмотра не обнаружено.

Мозаика этого храма считается мировой уникаль²⁹. Во всех случаях требуется укрепление и обследование специалистами. Музею необходимо иметь уход за мозаикой в смысле проветривания, предупреждения сырости, и охрану от механического повреждения. Укрепление должно быть произведено лицом, особо на то уполномоченным Центр[альными] госуд[арственными] реставр[ационными] мастерскими.

От древнего здания сохранились стены. Они наложены на высоту до 2 м и покрыты жел[езной] кровлей.

Для демонстрации перед публикой для таковой устроены деревянные перила и помосты.

По предложению архитектора П.И. Голландского подземный ход, проходящий под храмом, необходимо закрыть дверями. Для охраны западной и юго-восточной частей необходима постройка двух сторожек и соответствующее увеличение штатов технического персонала музея.

Ввиду угрожающего состояния Малой базилики³⁰, первая к западу от Уваровской³¹, на северном берегу, признать срочным отпуск средств в сумме 6000 руб. на укрепление берега. В случае невозможности этого ассигнования просить Главнауку отпустить 700 руб. на обмеры, фиксацию и издания материалов по Малой базилике.

Архитектор Б. Засыпкин

ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 519. Л. 26–28.
Подлинник. Машинопись. Подпись – автограф.

№ 4. Протокол обследования мозаичных полов в Херсонесе Таврическом представителями Центральными государственными реставрационными мастерскими, директором Херсонесского музея К.Э. Гриневичем и научным сотрудником Г.Д. Беловым

*1–2 мая 1927 г.**

Протокол обследования мозаичных полов в Херсонесе Таврическом, произведённого экспедицией Центральными государственными реставрационными ма-

стерских, в составе её членов: И.Э. Грабаря, А.И. Анисимова, Б.Н. Засыпкина, художника-реставратора П.И. Юкина, при участии директора Херсонесского музея К.Э. Гриневича и научного сотрудника Г.Д. Белова 1 и 2 мая 1927 г.

Председатель – И.Э. Грабарь

Секретарь – Г.Д. Белов

«Базилика в базилике», открытая в 1889 г.

1. Северная часть. В с[еверо]-в[осточной] и зап[адной] частях мозаичного пола имеются значительные цементные вставки, в средней же части в виде небольших заплат. По открытии мозаики, в 1889 г., по-видимому, мозаичный пол был пролит цементом, затем этот цемент был смыт с поверхности мозаики, но оставлен в швах между ними. В этих случаях наблюдается разрушение мозаики, заключающееся в том, что цементная кислота влияла на эпидерму камней, изменяла их цвет (камни потускнели) и разрушала самые камни. Пазы между камнями в тех её местах, где она сохранилась в нетронутым виде, лежат ниже поверхностей камней. В тех же местах, где мозаика испытала на себе укрепление посредством цемента, пазы лежат или наравне, или даже выше поверхности камней. Замечено, что камни зеленовато-тёмно-серого цвета, вследствие того, что верхние их части были съедены, имеют более низкую поверхность. Это указывает, по-видимому, на различную консистенцию камней мозаики. Сделано наблюдение, что камни белого цвета также съедены в тех случаях, когда между ними произведена промазка цементом. В тех местах, где мозаика лежит на древней смазке, камни не утратили своего основного цвета. В местах, находящихся в непосредственном соседстве с цементными вставками и подвергшихся воздействию сырости, найден налёт солей до 0,5 см толщин[ой], аналогичный явлению, известному в области фресок под именем «ямчуги»³². По словам директора музея, в недавнее время систематически практиковалось служащими музея увлажнение мозаики в целях получения яркости её красок. Промывание же мозаики морской водой, практиковавшееся в первое время после раскопок, вероятно, способствовало накоплению и выделению на ней солей. Эти обстоятельства содействовали усилению влажности мозаики, что приводило к полному разрушению её связующего раствора и частично к разрушению подмозаичного слоя. Цементные же вставки затем поглощали в себя эту сырость из

* Датировано по содержанию документа.

камней, последствием чего являлось скалывание поверхностей камней мозаики. Западная сторона пола имеет сильные следы сырости, вызвавшие разрушение краёв мозаики и тёмные пятна на стенах.

2. Юго-Восточная часть. Замечено, что посередине и изменение цвета мозаики происходит от присутствия цемента. Там, где мозаика не была пролита цементом, она сохранила свой цвет и целый вид. В некоторых случаях ямчуга выступает на пазах, что отмечено среди мозаики камней белого и чёрного цвета. В этих случаях камни чёрного цвета съедены значительно больше.

МЕРЫ, КОТОРЫЕ НЕОБХОДИМО ОСУЩЕСТВИТЬ ДЛЯ ОХРАНЫ ДАННОГО УЧАСТКА: сделать подвесные желоба и планировку земли с отводом дождевой воды.

3. Северо-Западная часть – «с павлином». Швы между камнями отличаются исключительной белизной. При исследовании оказалось, что это плесень. Данные обстоятельства показывают, что помещение лишено вентиляции.

Необходимые меры: устроить в срочном порядке вентиляцию, прорезав для этого окно в северной стене и сделав отверстие в двери. Снаружи, в восточной стенке, необходимо сделать отверстие для отвода дождевой воды.

4. Юго-Западная часть. Мозаика находится в очень плохом состоянии, камни сильно потускнели, около 40% поверхности пола зацементировано, что также повлияло на разрушение мозаики.

Необходимые меры: хорошая вентиляция и промазка южной стены известью с наружной стороны на глуб[ину] 0,75 м, для того чтобы вода не проникала в помещение мозаики.

5. Мозаика «под гробницей». Значительно разрушена от сильной сырости. Необходимо устройство вентиляции, которая отсутствует, и устроить отъёчные люки. Необходимо выполнить также меры, рекомендованные в акте от 1–2 сентября 1926 г.*

«Крестообразный храм», открытый в 1902 г.

По всей поверхности мозаичного пола имеются значительные утраты мозаики, заполненные цементными вставками. Главные утраты находятся в западной, южной и северной крестовинах храма; средняя часть западной крестовины цементирована сплошь, мозаика в ней сохранилась только по южной и северной сторонам. Значительные пятна цемента имеются

и в центральной части пола. На мозаике пола наблюдаются пятна красно-коричневого цвета, покрытые слоем «ямчуги». Оттенок их различный, сильно покрытые ямчугой имеют сиреневый цвет, при этом на той стороне камней, которая обращена в сторону красно-коричневого цвета, камни красного оттенка, на стороне же, обращённой в сторону жёлтого цвета, камни имеют жёлтый цвет. Данное явление наблюдается на краях этих красно-коричневых пятен. В некоторых случаях камешки подвергались изменению в цвете лишь сверху, в других – до середины, в некоторых во всю свою толщу. По-видимому, изменение цвета идёт последовательно, причины такового изменения установить не удалось. Однако следует отметить, что эти красно-коричневые пятна всегда сопровождаются густым слоем ямчуги. Камешки в этих пятнах в большинстве случаев утратили между собой связь, чего не наблюдается в соседних местах, не покрытых ямчугой. Мозаичный пол храма представляет поверхность, в значительной своей части лишённую связи между камнями, при этом связующий раствор в пазах и подмозаичный пол превратились в песчано-землистую массу. Поверхность пола неровная, она образует то возвышения, то впадины на всём своём пространстве.

Необходимые меры: устроить открывающиеся окна со всех четырёх сторон, отремонтировать крышу, прошпаклевать обшивку стен и надстройки и окрасить её. В смету будущего года включить постройку новой черепичной крыши. Отверстия гробниц, расположенных под храмом, закрыть – ввиду того что разница между температурами воздуха, находящегося в гробницах и в храме, действует разрушающим образом на мозаику.

Директор Центр[альных]	
гос[ударственных]	
реставрационных мастерских	Э. Грабарь
Заведующий живописной	
секцией	А.И. Анисимов
Член совета	
архитектурной секции	Б.Н. Засыпкин
Художник-реставратор	П.И. Юкин
Директор Херсонесского музея	К. Гриневич
Научный сотрудник	
Херсонского музея	Гр. Дм. Белов

ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 519. Л. 43–45.

Подлинник. Машинопись.

* См. документ № 3.

№ 5. Акт осмотра мозаичного пола в загородном крестообразном храме Св. Богородицы Влахернской в Херсонесе, произведённого учёным специалистом Наркомпроса РСФСР Н.Р. Левинсоном и директором Херсонесского музея К.Э. Гриневичем

19 августа 1927 г.*

19 августа 1927 г. нами, учёным специалистом Главнауки Наркомпроса РСФСР т. Левинсоном Н.Р. и директором Гос[ударственного] Херсонесского музея т. Гриневичем К.Э., был осмотрен мозаичный пол в крестообразном загородном храме в Херсонесе, в части, укрепленной Государственными реставрац[ионными] мастерскими весной текущего года, причём констатировано следующее:

1. Весь укрепленный участок мозаики покрыт беловатым налётом.
2. Заметно выкрашивание связующего состава в промежутках между отдельными камнями в виде мелких белых крупинок, покрывающих весь участок.
3. Ослабления укрепленных камней не замечено.
4. По заявлению К. Гриневича факты появления налёта были замечены в начале июня т.г.

Гл[авный] спец[иалист]

Главнауки

Директор Херсонесского музея

Н. Левинсон

К. Гриневич

ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 519. Л. 50.

Подлинник. Машинопись.

¹ Гриневич К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок. Севастополь, 1927. С. 9, 10.

² Там же. С. 5.

³ ЦГА Москвы. Ф. Р-1.

⁴ Забицкая О.Л. Основные направления деятельности ЦГРМ в области охраны и реставрации архитектурных памятников // История и теория реставрации памятников архитектуры. М., 1986. С. 56, 64.

⁵ Козлов В.Ф. Судьбы памятников архитектурной старины в 1920-х годах – начале 1930-х годов (по протоколам Центральных государственных реставрационных мастерских) // Археографический ежегодник за 1990 г. М., 1992. С. 240.

⁶ ЦГА Москвы. Ф. 454.

⁷ Козлов В.Ф. Указ. соч. С. 240.

⁸ Там же. С. 242.

⁹ Краткую аннотацию фонда см.: Центральные архивы Москвы. Путеводитель по фондам. Вып. 3. М., 2002. С. 166.

¹⁰ Моисеев Лаврентий Алексеевич (1882–1946) – искусствовед, член Императорской археологической комиссии, Императорского Русского археологического общества и Таврической Учёной архивной комиссии. В 1905–1912 гг. – научный сотрудник Ольвийской экспедиции, 1914–1924 гг. – директор Херсонесского музея. С 1921 г. – председатель Севастопольского комитета по делам музеев и охраны памятников. После 1925 г. работал главным образом в области палеогидрологии на территории Крыма.

¹¹ Главнаука (Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями) – государственный орган координации научных исследований теоретического профиля и пропаганды науки и культуры в РСФСР в 1921–1930 гг. Был сформирован в составе Академического центра народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) в 1921 г. В задачи Главнауки входили развитие и материальное обеспечение сети научных и художественных учреждений, подготовка и использование научных кадров, организация научных съездов и конференций, распространение научных знаний и художественной культуры, развитие краеведческого движения. Главнаука занималась также организацией научных экспедиций, учётом, охраной и реставрацией историко-художественных памятников.

¹² С 1888 г. археологическое изучение Херсонеса перешло в ведение Императорской археологической комиссии.

¹³ Вероятно, имеется в виду приказ № 450 Крымревкома о национализации музеев и памятников культуры по Керченскому уезду от 11 августа 1921 г.

¹⁴ Севмузохрис – Севастопольский комитет по делам музеев, охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы.

¹⁵ Речь, вероятно, идёт о пушках, предназначавшихся для обороны Севастополя в 1854–1855 гг.

¹⁶ Гриневич Константин Эдуардович (1891–1970) – историк и археолог, музейвед, директор Керченского и Херсонесского музеев, главный редактор «Херсонесского сборника», доктор исторических наук, профессор. В 1920-е гг. проводил археологические раскопки и исследования Северного Причерноморья, Херсонеса Таврического и Ольвии. Был в 1920–1923 гг. директором Керченского археологического музея, стал первым директором Херсонесского археологического музея в 1924–1927 гг. С 1927 г. работал в Москве на должности заместителя заведующего музейным отделом Наркомпроса РСФСР и заведующим отделом скульптуры Музея изобразительных наук. В 1928 г. был избран в действительные члены Института археологии и искусствоведения РАНИОН.

¹⁷ Вероятно, имеется в виду обнаруженная в 1907 г. часовня «базиличной формы, пристроенная вплотную к оборонительной стене». Один из составителей акта, К.Э. Гриневич, отождествил её с церковью Св. Лаврентия, а также указал на её исследование в 1926 г. (Гриневич К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок. С. 29).

* Датировано по содержанию документа.

¹⁸ Кладка из крупных естественных камней неправильной формы.

¹⁹ Примыкающий к зданию пониженный полукруглый или многогранный выступ.

²⁰ Протейхизма – передовая оборонительная стена.

²¹ Горная порода, расчленяющаяся на отдельные плиты по горизонтальным плоскостям.

²² Сооружены в IV–III вв. до н.э. Включены в южный участок оборонительной стены. Открыты в 1899 г. (*Гриневиц К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок. С. 50; Он же. Стены Херсонеса Таврического. Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса, открытые в 1899 году. Издание Херсонесского музея, 1926. С. 41–52 и др.*).

²³ Самая мощная башня юго-восточного участка обороны. Построена во II в. до н.э. При строительстве были использованы надгробия, некоторые из которых сохранили роспись IV–III вв. до н.э. (Херсонес. Путеводитель. Симферополь, 1985. С. 97).

²⁴ Забутка – 1) заполнение кирпичом или камнем промежутка между наружной и внутренней вёрстами кладки; 2) кирпичи или камни, уложенные между наружной и внутренней вёрстами кладки.

²⁵ Расположенные в центре городища архитектурные остатки относятся к IV–III вв. до н.э. Раскопаны в 1904 г. (Херсонес. Путеводитель. Симферополь, 1985. С. 73).

²⁶ Имеется в виду крестообразное сооружение, открытое в 1897 г. (Херсонес. Путеводитель. Симферополь, 1985. С. 75–76).

²⁷ Участок, который занимали две последовательно существовавшие базилики. Ранняя относится к VI в. и сохранила мозаичные полы. В X в. на месте Большой базилики был вы-

строен храм, поместившийся в её центральном нефе. При сооружении Малой базилики большая часть мозаичных полов была разрушена (Херсонес. Путеводитель. Симферополь, 1985. С. 90).

²⁸ Вероятно, имеется в виду «загородный кладбищенский храм» VI в. н.э., открытый в 1902 г. (*Гриневиц К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок. С. 29*).

²⁹ Уника (*лат.*) – единственная в своём роде вещь; единственный сохранившийся экземпляр какого-либо издания и т.п.

³⁰ Вероятно, речь идёт о базилике, открытой Одесским обществом истории и древностей в 1877 г. (*Гриневиц К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок. С. 28. Прим. 1*).

³¹ Имеется в виду Уваровская базилика – самый крупный древний христианский храм в Крыму, расположенная в епископском квартале средневекового Херсонеса. Здание построено в конце VI – начале VII в., имело длину 50 м, ширину 22 м и разделялось на три продольных зала – нефа. Неизвестно, как он назывался в те времена. Предполагаемые названия: храм Св. апостола Петра, храм Рождества Богородицы, Софийский и др. Из двора базилики можно было попасть в самую крупную в Херсонесе крещальню, или баптистерий. Некоторые учёные полагают, что именно в ней крестился князь Владимир. Храм был открыт в 1851–1853 гг. в ходе раскопок под руководством известного мецената графа А.С. Уварова, основателя Московского археологического общества. Исследования памятника неоднократно возобновлялись как в дореволюционное, так и в советское время. В 1970 г. под руководством С.Г. Рыжова были выполнены консервационные работы.

³² Ямчуга (*устар.*) – селитра.

Н.С. Калинина

«Не предам Херсонеса ни эллину, ни варвару...» (по документам фонда археолога И.А. Антоновой)

Документы личного происхождения – ценные исторические источники, которые дополняют официальные документы архивных фондов органов государственной власти, организаций и предприятий. Письма, дневники, воспоминания передают эмоциональную атмосферу, дух времени, привносят в исследование необходимую полноту для изучения экономической, социальной и политической жизни страны.

В результате работы по комплектованию документами личного происхождения в 2011 г. фонды архива пополнились документами Инны Анатольевны Антоновой – талантливого археолога, директора Херсонесского историко-археологического музея

в 1955–1971 гг., заместителя директора по научной работе музея в 1971–1980 гг., директора Херсонесского государственного заповедника в 1980–1985 гг.

Родилась Инна Антонова 27 октября 1928 г. в г. Омске, в семье архитектора Анатолия Прокофьевича и Клавдии Михайловны Толкачёвой, воспитательницы детского дома. В семье было трое детей, все они росли в атмосфере дружбы, труда, стремления к знаниям. В 1931 г., в связи с ухудшением здоровья матери, семья Антоновых переехала на Кавказ, в 1938 г. – в Алма-Ату, где их и застала Великая Отечественная война¹.

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 80. Л. 3–5; Д. 83. Л. 1.

Отец Инны Анатольевны был знатоком древнегреческой и древнеримской истории, и свою будущую профессию она выбрала без колебаний. В 1946 г. Инна Антонова поступила на исторический факультет Ленинградского государственного университета. В 1951 г. закончила обучение на отделении археологии с отличием².

После окончания университета проводила исследования археологических памятников на месте строящегося Каховского водохранилища. В 1952–1955 гг. Инна Антонова работала старшим инструктором по музеям и охране памятников Херсонского областного исполкома, заведующей областным отделом культурно-просветительских учреждений Херсонского областного управления культуры.

7 сентября 1955 г. И.А. Антонову назначили на должность директора Херсонесского музея. Это

были годы восстановления Севастополя, почти полностью разрушенного в годы Великой Отечественной войны. Пострадало в годы войны и Херсонское городище, античные оборонительные стены которого использовались как блиндажи, огневые точки, окопы, подвергались бомбардировке. Инне Анатольевне пришлось решать задачи послевоенного ремонта зданий музея, реставрации памятников, упорядочения музейных коллекций, восстановления научной работы.

В музее была создана реставрационная лаборатория, специалисты которой проходили обучение в мастерских Ленинграда, Москвы, Киева. В 1957 г. сотрудники Херсонесского музея с участием ведущих реставраторов и археологов Академий наук СССР и УССР, Центральных реставрационных мастерских, Министерств культуры СССР и УССР разработали

Немецкое оборонительное сооружение на территории Херсонесского городища. 1950-е гг. ГКУ АГС. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 99

² ГКУ АГС. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 51. Л. 1.

методику консервации памятников и перспективный план реставрации³. Были начаты системные работы по укреплению памятников Херсонеса. Огромный объём и качество проделанных работ были высоко оценены на проходившем в 1966 г. на базе Херсонесского музея Всесоюзном совещании-семинаре «Консервация архитектурно-археологических памятников южных районов СССР»⁴.

Реконструкция протейхизмы. И.А. Антонова (первая слева). 1957 г.
ГКУ АГС. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 84. Л. 6

³ ГКУ АГС. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 48. Л. 26, 27; Д. 83. Л. 1 об.

⁴ Там же. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 497. Л. 10; Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 67. Л. 8, 9.

Херсонесский музей, Государственный Эрмитаж, Государственный исторический музей проводили совместные экспедиции по исследованию северного и юго-западного района Херсонеса⁵. Предварительным изучением памятников занималась объединённая экспедиция музея, Харьковского и Уральского университетов под руководством заведующего античным отделом музея С.Ф. Стржелецкого. В 1960–1964 гг. во время консервации оборонительных сооружений Херсонеса, раскопок цитадели и постоянных охраняемых раскопок были получены материалы огромной ценности⁶.

Специалисты Херсонесского музея провели сверку наличия 176 тыс. экспонатов и 45 тыс. единиц хранения архивного фонда.

Под руководством И.А. Антоновой активно развивалась научно-исследовательская работа. С 1957 г. возобновлена публикация «Херсонесского сборника». С 1961 г. начато издание Сообщений Херсонесского музея, тираж которых полностью раскупался за 4–5 месяцев. Специалисты музея совместно с сотрудниками Институтов археологии АН СССР и АН УССР, университетами разрабатывали исследовательские темы. Научно-исследовательская работа Херсонесского музея была представлена докладами на Всесоюзных сессиях византиноведов, Всесоюзных семинарах по консервации археологических памятников, Международных конференциях исследователей античности, симпозиумах и съездах, сессиях АН СССР⁷.

Итогом деятельности коллектива Херсонесского музея стало открытие с 1959 г. для осмотра посетителями коллекции эпитафических памятников, с 1963 г. – коллекции средневековой архитектуры, с 1968 г. – полихромных надгробий, с 1970 г. – крупной керамической тары. В 1968 г. полностью перестроена экспозиция отдела античной истории⁸.

⁵ ГКУ АГС. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 58. Л. 12–17.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Д. 83. Л. 1 об.

Директор Херсонесского историко-археологического музея И.А. Антонова рассматривает керамический сосуд. Сентябрь 1962 г. ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 7107

13 декабря 1966 г. указом Верховного Совета УССР И.А. Антоновой было присвоено звание заслуженного работника культуры УССР.

Возрастал интерес к Херсонесскому музею. Росло количество экскурсантов, посетивших его: в 1956 г. – 60 тыс., в 1966 г. – 130 тыс., в 1976 г. – 260 тыс.⁹ Постановлением Совета Министров УССР от 20 февраля 1967 г. № 125 Херсонес был включён в туристский маршрут наиболее важных памятников¹⁰.

Под руководством И.А. Антоновой Херсонесский музей становится археологической школой, центром практики студентов-историков, архитекторов и геодезистов. Ежегодно летнюю практику здесь проходили 300–400 студентов из десятка вузов, участвовали в раскопках и школьники из различных городов страны¹¹.

Расширялось число экспедиций Херсонесского музея. Под руководством сотрудника музея С.Ф. Стржелецкого проводятся исследования могиль-

ника в совхозе «Севастопольский». Тарханкутская экспедиция А.Н. Щеглова обследовала памятники территории Херсонесского государства. О.Я. Савеля и кружок юных археологов проводили археологическую разведку в Бельбекской долине¹².

Севастополь развивался, шли масштабные строительные работы. Только за 10 месяцев 1976 г. сотрудники музея совершили более 90 выездов в зоны застройки и освоения земель для изучения археологической ситуации, выдачи разрешения на земляные работы и археологического надзора за ними¹³. «Севастополь давно

перешагнул рамки довоенного. Освоение территорий разрушает древние усадьбы, поселения, могильники, плотным кольцом охватывавшие Херсонес в древности. Строительство предваряется археологическими исследованиями, которые мы обязаны проводить в короткие сроки, не задерживая строительство» (из выступления И.А. Антоновой)¹⁴.

Чтобы сократить сроки и стоимость исследования археологических памятников без ущерба для решения археологических задач, Херсонесский музей со студентами-геофизиками Московского университета и Ленинградского горного института внедрили геофизические методы исследования.

Эти методы впервые в стране были использованы именно в Херсонесе для определения точного местоположения погребальных сооружений древнего могильника в Песочной бухте. Привлекались студенты и к обработке статистических данных исторических материалов Херсонеса математическими методами на электронно-вычислительных машинах¹⁵.

31 января 1978 г. постановлением Совета Министров УССР Херсонесский музей получил статус государственного историко-археологического

¹² ГКУ АГС. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 58. Л. 12–17.

¹³ Там же. Д. 48. Л. 21.

¹⁴ Там же. Д. 49. Л. 46.

¹⁵ Там же. Д. 47. Л. 118, 119.

⁹ ГКУ АГС. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 48. Л. 26, 27.

¹⁰ Там же. Д. 58. Л. 20.

¹¹ Там же. Д. 18.

заповедника. «...Дореволюционный склад местных древностей, ютившийся в небольших сараях на берегу Карантинной бухты, стал крупным научным центром», – писала И.А. Антонова¹⁶.

И.А. Антонова (в шляпе) на раскопках. 1970-е гг. ГКУ АГС. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 84. Л. 3

В фонде И.А. Антоновой находится поздравительная открытка археолога Евгения Владимировича Веймарна: «Дорогая и глубокоуважаемая Инна Анатольевна! Примите поздравления в связи с объявлением Херсонеса заповедником. Это дело Ваших рук и разума!»¹⁷

Из доклада И.А. Антоновой на конференции 28–31 мая 1981 г.: «...Прошедшая пятилетка была для Херсонесского музея, для коллектива его работников временем активного решения важных задач и временем больших перемен... Херсонесский музей реорганизован в Государственный историко-археологический заповедник. Это конечный результат большой подготовительной и организационной работы. Вместе с тем это начало работы в новых условиях со значительно увеличенными возможностями и, соответственно, на новом, повышенном уровне задач и требований. Не

¹⁶ ГКУ АГС. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 48. Л. 28.

¹⁷ Там же. Д. 21. Л. 2.

боясь быть обвинёнными в нескромности, мы можем сказать, что среди античных и средневековых памятников Северного Причерноморья ни один не может на сегодняшний день быть сравнён с Херсонесом по объё-

му произведённых закрепительных работ. ...Предметом особой заботы стали мозаики. При научной консультации и прямом вмешательстве О.И. Домбровского создан, обучен и теперь стал высоко квалифицирован отряд реставраторов, силами которых проведена реставрация с укладкой на бетон почти всех мозаик Херсонеса. Метод хорошо сохраняет мозаику, позволяет экспонировать её на подлинном первоначальном месте, не страшась погодных условий и нездорового внимания отдельных экскурсантов»¹⁸.

Работы Херсонесского музея по восстановлению более 300 м мозаичных полов и фресковых росписей храмовых зданий Херсонеса были

удостоены Государственной премии Крыма¹⁹.

В 1982 г. в музее создана экспозиция средневекового отдела, отвечающая самым современным требованиям²⁰.

Успешно развивались новые направления массовой, научно-просветительской, воспитательной работы. Широкую популярность приобрели спектакли театра Краснознамённого Черноморского флота под открытым небом среди памятников Херсонеса. Созданы и пользовались известностью стационарная и передвижные голографические выставки²¹. Совместно с севастопольским городским обществом «Знание» создавались кинофильмы о Херсонесе и памятниках Крыма, читались лекции по истории, искусству²². Для посетителей было организовано изготовление керамических и других сувениров²³.

¹⁸ ГКУ АГС. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 25. Л. 6, 8–34.

¹⁹ Там же. Д. 83. Л. 1 об.

²⁰ Там же. Д. 57, 58, 63; Д. 63. Л. 19–45.

²¹ Там же. Л. 41, 42.

²² Там же. Д. 57, 58; Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 497. Л. 8.

²³ Там же. Д. 83. Л. 1 об.

В Херсонесском заповеднике происходило создание новых отделов, новых направлений работы, организация и обеспечение деятельности которых значительно увеличивали административную нагрузку на директора Инну Анатольевну Антонову²⁴.

На архивном хранении находится еженедельник директора за 1985 г.:

19 февраля 1985 г. «Поездка в Симферополь. Издательство. Сейсмостанция. Отдел. Архив. Университет».

19 марта. «Работа с отчётом. Получили тачку. Работа над чертежом. Отданы контрольки фотографий. Отдан металл и стекло для фотографирования».

23 июня. «Раскопки».

5 декабря. «Совершенно не работала. 1. 9:30 фотографии. 2. Отнесла контр[ольки] в архив. 3. С 10:30 фондовая комиссия Сазанов, Кургиловкова, Домбровский]. 4. Научное совещание: Алексеенко – печать папы, Савеля – симпозиум] в Запорожье до 13 ч. 5. 13 – до 14 Жеребцов Е.Н. 5. 14 – 15 Савели 14:30. Корреспонденты до 16 ч. 16 ч. Вика Ковалёва – об усадьбе. 16:30 Ковалевская об экологии и Прасолове»²⁵.

Энергичная и влюблённая в своё дело, Инна Анатольевна провела огромную работу по формированию коллектива сотрудников²⁶. Серьёзный интерес и способность к работе определялись ещё на стадии прохождения студентами и школьниками археологической практики. Многие из них стали впоследствии авторитетными специалистами в области археологии.

Сергей Борисович Сорочан, археолог, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета, в своей статье «Памяти Инны Анатольевны Антоновой» писал: «Инна Анатольевна всегда по-особому трогательно относилась к детям, увлечённым археологией, приветливо встречала их на раскопках, подбадривала, учила, делилась своими знаниями... Она видела среди них будущих исследователей, талантливых учёных»²⁷.

Сохранилось письмо Инны Анатольевны за 1974 г. Сергею Сорочану, тогда ещё студенту 3-го кур-

са исторического факультета. «Очень рада твоим успехам в Москве. Думаю, у тебя и дальше всё должно пойти хорошо. Просьба твоя выполнена с опозданием. Было много со светильниками дополнительной работы, пришлось предварительно мыть и реставрировать. Фотографии получились неплохие. Высылаю все тебе с ещё одним пожеланием успехов и движения без остановок по дороге науки»²⁸.

Доброжелательная и отзывчивая, Инна Анатольевна не отказывала в помощи – вычитывала и правила статьи, очерки, путеводители, помогала составлять карты, чертежи.

Организуя руководство работой музея и заповедника, Инна Анатольевна Антонова, вплоть до последнего года жизни, сама активно вела исследования фортификационных сооружений Херсонеса, в том числе и подводные. Она писала Михаилу Яковлевичу Сюзумову, историку, основателю Уральской школы византиноведения: «Материала много, он интересен и значителен, а времени обработать его всё никак не хватает»²⁹. По результатам исследований опубликовала около 70 научных работ.

Указом президента Украины от 21 февраля 2000 г. № 263/2000 «О поддержке выдающихся деятелей литературы, культуры, искусства Украины» И.А. Антоновой была назначена пожизненная государственная стипендия.

Скончалась Инна Анатольевна Антонова 19 сентября 2000 г. «Не предам Херсонеса ни эллину, ни варвару... буду служить как можно лучше и справедливее для города и граждан» – до самой смерти Инна Анатольевна Антонова осталась верна Присяге граждан Херсонеса.

И.А. Антонова. 1970-е гг. ГКУ АГС. Ф. Р-624. Оп. 2. Д. 124. Л. 2

²⁴ ГКУ АГС. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 49. Л. 48.

²⁵ Там же. Д. 14. Л. 13, 25, 67, 93.

²⁶ Там же. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 557. Л. 18.

²⁷ Там же. Ф. Р-633 Оп. 1. Д. 83. Л. 2.

²⁸ ГКУ АГС. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 15. Л. 6.

²⁹ Там же. Л. 3 об.

Из истории херсонесского колокола

На северном обрывистом берегу Херсонеса, на двух массивных пилонах висит большой старинный колокол. У него необычная и замечательная история.

Отлит он был из стволов пушек турецкого военного судна, напавшего на город Таганрог (в то время – один из форпостов южного побережья России). На поверхности колокола сохранилась надпись, сделанная при его отливке: «Сей колокол вылит... святого Николая Чудотворца в Таганроге из турецкой артиллерии весом в 351 пуд [616 кг – А.Д.] 1776 года месяца августа... числа». Первое время колокол висел на звоннице таганрогского Свято-Никольского храма, а после основания в 1783 г. главной базы Черноморского флота был перевезён в Севастополь. Место, где располагался севастопольский благовест, точно не определено (по некоторым данным, он находился на звоннице основанного в 1850 г. Херсонесского монастыря).

30 августа 1855 г., через три дня после окончания 349-дневной осады Севастополя, в разрушенный город вошли союзные войска. Они занялись поисками трофеев. Было вывезено всё что можно, в том числе и 13 колоколов севастопольских церквей.

Их конфискации был придан законный вид. Вспомнили о законах Наполеона I, по которым колокола захваченных городов должны передаваться артиллерийскому ведомству для последующей переплавки. Артиллеристы, не зная, что им делать с колоколами, передали их военному министерству. К сожалению, дальнейшая судьба большинства колоколов неизвестна.

Но в 1913 г. один из колоколов был обнаружен в Париже, на звоннице собора Нотр-Дам де Пари. В том же году с помощью французского вице-консула в Севастополе (по совместительству – смотрителя Французского воинского кладбища) Л.И. Ге колокол вернулся на родину и 13 сентября был установлен на временной деревянной звоннице у соборного храма Св. Владимира в Херсонесском монастыре. В письме к Л.И. Ге президент Франции Р. Пуанкаре написал, что возвращает колокол России в «знак союза и дружбы».

В июле 1925 г., когда монастырь был закрыт, а все колокола сняты на переплавку, таганрогский подарок оставили в целости как «имеющий большое значение для безопасности мореплавания».

Надо сказать, что ещё в 1894 г. близ Херсонеса потерпел крушение, напоровшись в тумане на прибрежные скалы, пароход «Пётр», и тогда вспомнили о существующих морских правилах, предписывавших подавать с колоколен сигналы, обязательно производимые «через промежутки не менее двух минут, во время тумана, пасмурности или падающего снега»¹. Так что мера не была лишена смысла.

В 1939 г. колокол установили на черноморском берегу, с тех пор у него появилось название «Туманный».

До 1960-х гг. он продолжал выполнять функции звукового маяка, однако с развитием флотских локационных средств постепенно утратил своё назначение. Теперь он является одной из достопримечательностей Севастополя и символом заповедника Херсонес-Таврический.

Колокол – свидетель былых времён – иссечён осколками снарядов, испещрён следами от пуль. Он долгое время был лишён языка, и под ним всегда была кучка камней: посетители хотели услышать голос колокола и пытались добиться этого, кидая в него камни. Сейчас язык вернули, и иногда можно услышать, как колокол звонит.

Недавно на одном из зарубежных аукционов мне удалось приобрести достаточно редкую открытку, изданную во Франции в начале прошлого века. На ней – фото херсонесского колокола, висящего на звоннице Нотр-Дам де Пари. Надпись на открытке гласит: «Париж – Нотр-Дам. Колокол Севастополя. Колокол-трофей Крымской войны, взятый во время осады Севастополя». Это – любопытный артефакт, ещё одно свидетельство необычной истории легендарного колокола, к счастью, вернувшегося на родину.

¹ Пилленко А.О. Правила для предупреждения столкновений судов на море вице-адмирала де Горзеля. СПб., 1884. С. 24.

Реставрация панорамы Ф.А. Рубо «Оборона Севастополя». Хроника 1951–1954 гг.

В 1951–1954 гг. проходили работы по реставрации батальной панорамы Ф. Рубо «Оборона Севастополя», практически полностью уничтоженной во время Великой Отечественной войны.

Герой Советского Союза Г.В. Терновский написал и представил в Крымиздат для опубликования книгу «Панорама народного подвига» («Панорама обороны Севастополя в 1854–1855 гг.»), направленную издательством на отзыв руководителям восстановления панорамы: члену Президиума Академии художеств СССР, академику живописи П.П. Соколову-Скала и художнику предметного плана панорамы Н.И. Фирсову. Оба художника представили отзыв на рукопись – в целом положительный, однако содержащий целый ряд замечаний, среди которых, что характерно, пожелание по ознакомлению с корректурой книги. В заключении отзыва его авторы указали: «Рассматривая данную работу автора, выходящую за рамки “очерка” и приобретающую форму исследовательской работы, хотелось бы, чтобы и Крымиздат, первый выпускающий солидный труд по панораме, не ограничивал бы автора в его усилиях исторически правдивого освещения темы книги “Памятник народного подвига”»¹.

Г.В. Терновский был отнюдь не во всём согласен с авторами отзыва и представил 29 июля свой ответ на ряд замечаний рецензентов, в котором, в частности, указал: «Весьма признателен академику, члену Президиума Академии художеств СССР, академику живописи, профессору П.П. Соколову-Скала и художнику Н.И. Фирсову за особенно внимательное ознакомление с текстом представленной рукописи, особенно с главой IX её, посвящённой творческому воссозданию заново знаменитой панорамы Ф.А. Рубо»². Именно по главе IX «Воссоздание панорамы» П.П. Соколов-Скала и Н.И. Фирсов представили наиболее ценные в научном плане свидетельства, которые основывались на документах, отложившихся, в частности, в личном архиве П.П. Соколова-Скала.

Замечания о ходе реконструкции панорамы представляют главный интерес в отзыве, поскольку содержат сведения и о ходе работы над панорамой, и о вкладе конкретных деятелей советского искусства в реконструкцию этого эпохального произведения.

Публикуемый нами частично документ отложился в личном фонде военачальника и писателя

И.С. Исакова (Российский государственный архив литературы и искусства).

Из отзыва члена Президиума Академии художеств СССР, академика живописи П.П. Соколова-Скала и художника предметного плана Н.И. Фирсова на рукопись книги Г.В. Терновского «Памятник народного подвига» – хронологический перечень работ по реставрации панорамы Ф. Рубо

г. Москва

25 июля 1956 г.

1 января 1951 г.	Академик живописи В.Н. Яковлев и художники предметного плана Б.Н. Беляев и Н.И. Фирсов по предложению Дирекции художественных выставок и панорам Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР представили план работ по воссозданию панорамы и сметные соображения (письмо В.Н. Яковлева и сметно-финансовый расчёт от 1 марта 1951 г., архив руково[дителя] коллек[тива] П.П. Соколова-Скала).
20 июня – 6 августа 1952 г.	Дирекция художественных выставок и панорам предложила В.Н. Яковлеву дать список художников для представления в Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР на предмет их утверждения. В период между 20.VII–6. VIII 1952 г. были посланы художникам предложения участвовать в воссоздании панорамы за подписью В.Н. Яковлева (письма Дирекции художественных выставок и панорам – архив Дирекции).
23 августа 1952 г.	Командированы в г. Севастополь Б.Н. Беляев, Н.Г. Котов и Н.И. Фирсов для сбора материалов и ознакомления с состоянием работ по строительству здания панорамы (приказ 23/VIII [19]52 г. № 2149, арх[ив] руково[дителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скала).
25 октября 1952 г.	Утверждён состав коллектива, подписавшего договор, в который вошли: академик живописи В.Н. Яковлев (руководитель), профессор П.М. Шухмин, художники: Б.Н. Беляев, В.И. Гранди, Ю.Л. Катц, Н.Г. Котов, Б.Н. Котов, С.М. Хинский, В.Е. Памфилов, В.В. Памфилов, Н.И. Плеханов, А.П. Романов, Ю.Н. Трузе, Н.И. Фирсов, Н.Б. Терпсихоров, А.П. Мерзляков (договор с коллективом от 25/X 1952 г., арх[ив] руково[дителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скала). Коллектив приступил к работе.

21 декабря 1952 г.	Комиссия в составе: академика И.Э. Грабаря, академика живописи М.И. Авилова, академика живописи П.П. Соколова-Скаля, члена-корреспондента Академии художеств СССР П.Д. Корина, инспектора Комитета по делам искусств Н.Н. Померанцева, директора Музея им. А.С. Пушкина И.Н. Слоневского, нач. отдела панорам Р.Я. Богорад, от творч[еского] коллектива художников академика живописи В.Н. Яковлева – приняла <u>первый</u> этап работы коллектива – калькирование сложившихся фрагментов панорамы (акт комиссии от 21/ХII [19]52 г., арх[ив] руков[одителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скаля).
8 января 1953 г.	Взамен выбывших из коллектива Хинского С.М., Катца Ю.Л. и Терсихорова Н.Б. по ходатайству В.Н. Яковлева оформлены договором члены коллектива Г.А. Захаров и Е.И. Лобанов (письмо Дирекции художественных выставок и панорам от 8/1 1953 г. № 26/56, арх[ив] руков[одителя] коллек[тива] П.П. Соколова-Скаля).
21 марта 1953 г.	Дирекция художественных выставок и панорам сообщила руководителю коллектива В.Н. Яковлеву о прекращении действия договора и прекращении производимых работ ввиду отсутствия финансирования (письмо Дирекции художественных выставок и панорам от 21/III 1953 г. № 26/605, арх[ив] руков[одителя] коллектива П.П. Соколова-Скаля). Кол[лектив] работу не прекращает.
30 марта 1953 г.	Дирекция художественных выставок и панорам, по распоряжению председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР Н.Н. Беспалова вторично сообщила о прекращении действия договора и предложила сдать все дела специально назначенной комиссии. Комиссии принять по описи всё имущество, имеющееся в распоряжении коллектива, и материалы по выполненным работам (письмо Дирекции художественных выставок и панорам от 30/III 1953 г. № ДП 675, арх[ив] руков[одителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скаля).
30 марта 1953 г.	Закончен рисунок-картон, о чём в тот же день В.Н. Яковлев поставил в известность Дирекцию художественных выставок и панорам и Комитет по делам искусств (письмо В.Н. Яковлева и.о. управляющ[его] Дирекцией выставок и панорам Макарову В.В. от 30/III 1953 г., арх[ив] руков[одителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скаля).
1 апреля 1953 г.	Рисунок-картон выставлен в Римском зале Музея им. А.С. Пушкина для сдачи комиссии комитета по условиям договора от 25/Х 1952 г.
1–18 апреля 1953 г.	Рисунок-картон осмотрен главным консультантом И.С. Исаковым – высшим командованием Военно-морского флота (письма и отчёты о просмотрах – арх[ив] руков[одителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скаля). С 30 марта все работы по воссозданию панорамы прекращены.

18 апреля 1953 г.	Комиссия в составе: президента Академии художеств СССР А.М. Герасимова, академика живописи П.П. Соколова-Скаля, члена-корреспондента Академии художеств СССР П.Д. Корина, зам. нач. Главизо П.П. Никифорова, управ[ляющего] Дирекцией художественных выставок и панорам В.А. Павлова, директора Музея им. А.С. Пушкина Н.Н. Слоневского, ст. инспектора Н.Н. Померанцева, нач. отдела панорам Р.Я. Богорад, представителя коллектива профессора П.М. Шухмина – приняла представленный коллективом рисунок-картон в $\frac{1}{5}$ натур[альной] величины и отметила, что коллектив сверх договорных условий представил фрагменты с панорамы Ф. Рубо и фрагмент-эскиз к макету предметного плана (акт комиссии от 18/IV 1953 г., арх[ив] руков[одителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скаля).
20 апреля 1953 г.	Комиссией, созданной по распоряжению зам. министра культуры СССР т. Н.Н. Беспалова в составе: зам. нач. Главизо П.П. Никифорова, ст. инспектора Н.Н. Померанцева, директора Музея им. А.С. Пушкина Н.Н. Слоневского, представ[ителя] Дирекции художествен[ных] выставок и панорам Г.В. Сахаровой – были приняты, по состоянию на 1 апреля 1953 г., все работы коллектива, имущество и оборудование (протокол комиссии от 20/IV 1953 г., арх[ив] руков[одителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скаля).
29 июня 1953 г.	Коллектив постигла тяжёлая утрата – <u>скончался руководитель коллектива В.Н. Яковлев, оставивший дело по воссозданию панорамы и весь коллектив, в связи с консервацией [работ], в тяжёлом положении*</u> .
28 июля 1953 г.	После четырёхмесячной консервации Дирекция художественных выставок и панорам Глав[ного] управления по делам искусств письменно сообщила коллективу художников о возобновлении действия договора и предложила коллективу возобновить работы по воссозданию панорамы, сохраняя срок окончания всех работ, обусловленный договором. Общее собрание коллектива возложило ведение всех дел, связанных с возобновлением работ до назначения нового руководителя, на художника предметного плана Фирсова Н.И. (письмо Дирекции художественных выставок и панорам от 28/VII 1953 г. и протокол общ[его] собрания коллек[тива] от 6/VIII 1953 г., арх[ив] руков[одителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скаля).

* Выделенный курсивом фрагмент подчеркнут синим карандашом – предположительно, И.С. Исаковым.

9 августа 1953 г.	Представители коллектива Н.Г. Котов и Н.И. Фирсов выехали в г. Севастополь, где провели работу с местными организациями, командованием Черноморского флота по вопросам строительства здания панорамы, предстоящих работ коллектива в здании панорамы, обеспечению коллектива жилплощадью и др. вопросам.	Музея им. А.С. Пушкина Н.Н. Слоневского, нач. отдела Министерства культуры М.К. Ситниной, управ[ляющего] Дирек[цией] выставок и панорам А.С. Алахвердянца, инспектора В.Н. Косорева, нач. отд[ела] панорам Р.Я. Богорад, от коллектива академика живописи П.П. Соколова-Скаля, профессора П.М. Шухмина, художников предметного плана Н.И. Фирсова и Б.Н. Беляева – принимает макет-модель предметного плана панорамы в $1/10$ нат[уральной] величины, выполненный на высоком художественном уровне и [с] исторической точностью (протокол комиссии от 5/II 1954 г., арх[ив] руков[одителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скаля). В тот период макет был осмотрен Главнокомандующим военно-морскими силами СССР, адмиралами, главным консультантом – Адмиралом Флота Советского Союза И.С. Исаковым, зам. министра культуры СССР С.В. Кафтановым, преподавательским составом Военно-инженерной академии им. Купрышева, Высшей военной академией им. К.Е. Ворошилова, Военно-инженерным музеем им. Купрышева, давшим выполненному макету-модели высокую оценку созданному исторически достоверному предметному плану панорамы, отличающемуся по своему художественному разрешению от предметного плана Ф. Рубо и, в основном, не нарушающему всей композиции созданной прежде панорамы (протокол и отзывы о просмотренном макете-модели, арх[ив] руков[одителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скаля).
19 августа 1953 г.	В период пребывания в г. Севастополе Н.Г. Котова и Н.И. Фирсова для ознакомления с состоянием работ на месте прибыл академик живописи П.П. Соколов-Скаля, которому Министерством культуры СССР и Академией художеств СССР предложено принять на себя руководство коллективом.	
21 августа 1953 г.	Министерство культуры СССР утвердило руководителем коллектива члена Президиума Академии художеств СССР, академика живописи, профессора П.П. Соколова-Скаля (копия письма зам. нач. Глав[ного] управления по делам искусств Министерства культуры т. [Чулакими] в Дирекцию художественных выставок и панорам и письмо П.П. Соколову-Скаля управ[ляющего] Дирек[цией] худож[ественных] выставок и панорам В.А. Павлова от 21 августа 1953 г., арх[ив] руков[одителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скаля). Начались работы по переводу рисунка на холст и макета-модели предметного плана.	
26 октября 1953 г.	Ровно через год после подписания основного договора было подписано дополнительное соглашение на создание предметного плана панорамы (дополнит[ельное] соглашение от 26/X [19]53 г., арх[ив] руков[одителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скаля). Отправлены в г. Севастополь В.И. Гранди, Е.И. Лобанов и А.П. Мерзляков на этюдные работы с Малахова кургана и Н.Г. Котов по наблюдению за устройством внутреннего оборудования здания панорамы.	
26 декабря 1953 г.	Оформлены договором вновь вступившие в состав коллектива художники: Б.Ю. Лоран, Б.Г. Коржевский, Н.К. Соломин, А.Ф. Суханов (письмо в Дирекцию худож[ественных] выставок и панорам П.П. Соколова-Скаля и прилож[ение] к договору от 26/XII 1953 г., арх[ив] руков[одителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скаля). В течение осени 1953 г. и зимы 1954 г. велась работа по созданию макета-модели предметного плана.	
5 февраля 1954 г.	Заканчивается один из важнейших этапов работы коллектива. Комиссия в составе: зам. нач. Главизо П.П. Никифорова, академика-секретаря Академии художеств СССР П.М. Сысоева, академика живописи Ф.П. Решетникова, члена-корреспондента Академии художеств СССР П.Д. Корина, директора	5 февраля 1954 г. Музея им. А.С. Пушкина Н.Н. Слоневского, нач. отдела Министерства культуры М.К. Ситниной, управ[ляющего] Дирек[цией] выставок и панорам А.С. Алахвердянца, инспектора В.Н. Косорева, нач. отд[ела] панорам Р.Я. Богорад, от коллектива академика живописи П.П. Соколова-Скаля, профессора П.М. Шухмина, художников предметного плана Н.И. Фирсова и Б.Н. Беляева – принимает макет-модель предметного плана панорамы в $1/10$ нат[уральной] величины, выполненный на высоком художественном уровне и [с] исторической точностью (протокол комиссии от 5/II 1954 г., арх[ив] руков[одителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скаля). В тот период макет был осмотрен Главнокомандующим военно-морскими силами СССР, адмиралами, главным консультантом – Адмиралом Флота Советского Союза И.С. Исаковым, зам. министра культуры СССР С.В. Кафтановым, преподавательским составом Военно-инженерной академии им. Купрышева, Высшей военной академией им. К.Е. Ворошилова, Военно-инженерным музеем им. Купрышева, давшим выполненному макету-модели высокую оценку созданному исторически достоверному предметному плану панорамы, отличающемуся по своему художественному разрешению от предметного плана Ф. Рубо и, в основном, не нарушающему всей композиции созданной прежде панорамы (протокол и отзывы о просмотренном макете-модели, арх[ив] руков[одителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скаля).
		9 апреля 1954 г. Комиссия в составе: нач. производствен[но]-техн[ического] отдела Дирекции выставок и панорам А.В. Меджерицкого, нач. отд[ела] панорам Р.Я. Богорад, ст. инженера Г.М. Агапова, от коллектива [П.П. Соколова-Скаля] Б.Н. Беляева и Н.И. Фирсова – приняла чертежи, шаблоны и топографическую съёмку с макета-модели, выполненные для построения предметного плана панорамы.
<u>На этом заканчивается московский период подготовительных работ.</u>		
	К 15 апреля 1954 г.	В г. Севастополь прибыла вся живописная группа коллектива.
	20 апреля 1954 г.	Начались работы по переводу рисунка на холст.
	10 мая 1954 г.	Закончились работы над рисунком на холсте панорамы.
	20 мая 1954 г.	Комиссия в составе: зам. нач. Главизо П.П. Никифорова, управ[ляющего] Дирек[цией] худ[ожественных] выставок и панорам А.С. Алахвердянца, худож[ника] студии им. М.Б. Грекова П.А. Кривоногова, нач. отдела панорам Р.Я. Богорад, от коллектива П.П. Соколова-Скаля – приняла основной этап работы, перед началом живописи

20 мая 1954 г.	на холсте – рисунок всей панорамы в натуральную величину (прот[окол] комиссии от 20/V [19]54 г., арх[ив] руков[одителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скаля).
31 июня 1954 г.	Комиссия в составе: доктора искусствоведческих наук А.И. Замошкина, художн[ика] студии им. М.Б. Грекова П.А. Кривоногова, академика живописи Ф.П. Решетникова, управл[яющего] Дирекц[ией] худож[ественных] выставок и панорам А.С. Алахвердянца, искусствоведа Г.А. Друженковой, от коллектива П.П. Соколова-Скаля – приняла 70% выполненной живописи и 50% предметного плана (прот[окол] от 31 июня 1954 г., арх[ив] руков[одителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скаля).
27–29 августа 1954 г.	Комиссия в составе: зам. нач. Главизо П.П. Никифорова, академика-секретаря Академии художеств СССР П.М. Сысоева, народного художника Киргиз[ской] ССР С.А. Чуйкова, художн[ика] студии им. М.Б. Грекова П.Т. Мальцева, нач. отдела панорам Р.Я. Богорад, кандидата военных наук, инженер-полковника А.Н. Кузьмина, от коллектива академика живописи П.П. Соколова-Скаля и художника Н.И. Фирсова – приняла очередной этап окончания живописи и предметного плана, отметив, что выполнение панорамы проводится на высоком идейно-художественном уровне (прот[окол] от 29 августа 1954 г., арх[ив] руков[одителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скаля).
14–16 октября 1954 г.	Окончание всех работ по панораме и приём Государственной комиссией, назначенной Министерством культуры, в составе: академика-секретаря Академии художеств СССР П.М. Сысоева, зам. министра культуры УССР А.А. Ковалёва, художников студии им. М.Б. Грекова А.А. Горпенко, П.А. Кривоногова, представителя Главного штаба

14–16 октября 1954 г.	Военно-морских сил капитана Б.И. Зверева, нач. Управ[ления] культуры Севастопольского горисполкома В.Г. Колодкина, зам. управл[яющего] Дирекц[ией] худож[ественных] выставок и панорам В.В. Макарова, зам. нач. Главизо П.П. Никифорова, засл[уженного] деят[еля] искусств УССР В.Г. Пузырькова, академика живописи Ф.П. Решетникова, капитана 1 ранга Романычева, засл[уженного] деят[еля] искусств УССР Т.Н. Яблонской, искусствоведа Г.А. Друженковой, капитана 2 ранга П.П. Болгари, от коллектива академика живописи П.П. Соколова-Скаля и художника предметного плана Н.И. Фирсова. [Постановлено:] «Работу творческого коллектива принять как выполненную на высокоидейном уровне и открыть для посещения народа» (прот[окол] от 16 октября 1954 г., арх[ив] руков[одителя] кол[лектива] П.П. Соколова-Скаля).
-----------------------	---

Член Президиума Академии
художеств СССР,
академик живописи,
профессор

П. Соколов-Скаля

Художник предметного
плана панорамы

Н. Фирсов

РГАЛИ. Ф. 2559. Оп. 1. Д. 718. Л. 1, 3–16, 29.

Подлинник.

Машинопись с автографами
синими чернилами.

¹ РГАЛИ. Ф. 2559. Оп. 1. Д. 718. Л. 29.

² Там же. Д. 721. Л. 1.

С.С. Войтиков

**«Пока мы живы, мы будем бороться за правду...»
Герой Советского Союза адмирал Ф.С. Октябрьский о подвиге Севастополя в годы Великой
Отечественной войны и создании диорамы «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года»**

Памятники, памятники... Сам город-герой стал памятником, светлым и живым памятником, тем, кто отстаивал Севастополь в сражениях, и тем, кто возрождал его из руин и пепла.

С.И. Кангун¹

Практически сразу после изгнания немецко-фашистских войск из Севастополя начались масштабные строительные работы по увековечению подвига Севастополя в годы Великой Отечественной войны.

Как отмечал в своих воспоминаниях бывший главный инженер «Севастопольвоенморстроя» С.И. Кангун, «много напоминает в Севастополе о днях его героической обороны. Наскоро ставилиobelisks на братских могилах товарищей по оружию воины, освободившие Севастополь и спешно уходившие дальше, на запад, преследуя врага. По горячим следам победы и мы, военные строители, едва успев осмотреться в разрушенном городе, принимались, наряду со множеством неотложных работ, воздвигать новые и восстанавливать повреждённые войной памятники.

В ноябре 1946 г. мы построили в районе села Верхне-Садового (Дуванкой) памятник из белого камня, где в первых числах ноября 1941 г. политрук Н. Фильченков, краснофлотцы И. Красносельский, В. Цибулько, Ю. Паршин, Д. Одинцов вступили в единоборство с фашистскими танками и ценой своих жизней задержали врага на подступах к Севастополю. Тогда же был сооружён нашими строителями неподалеку от села Дальнего (Камышлы) семиметровыйobelisk героическому гарнизону дзота № 11.

Севастопольские старожилы, вероятно, помнят обезглавленную войной бронзовую статую Тотлебена на Историческом бульваре. Голову статуи изваял скульптор (офицер) Писаревский, а отливали её рабочие Федотов и его товарищи на разорённом мехстройзаводе, среди развалин. В победном 1945-м мы полностью восстановили этот памятник одному из руководителей первой обороны Севастополя.

И в последующие годы военные строители сооружали многие памятники: в 1961 г. – воинам

414-й Анапской Краснознамённой стрелковой дивизии, погибшим в боях за Севастополь (проект скульптора Т.И. Сихарулидзе и архитектора А.Н. Гокадзе), воинам 89-й Таманской Краснознамённой ордена Красной Звезды стрелковой дивизии (скульптор А.А. Арутюнян, архитектор Д.Н. Торосян), в 1963 г. – памятник «Родина – сыновьям» у Братского кладбища на Северной стороне (скульптор И.И. Бондаренко, архитекторы А.А. Заварзин и В.М. Артюхов). Нам довелось строить здание диорамы «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года»². О последнем памятнике – настоящая публикация.

С декабря 1957 г. до ноября 1959 г. Студией военных художников им. М.Б. Грекова создавалась диорама «Штурм Сапун-горы» (автор диорамы – заслуженный деятель искусств РСФСР П.Т. Мальцев). Единственным консультантом-историком был Герой Советского Союза Г.В. Терновский³ – член военно-морской секции Военно-научного общества при Центральном Доме Советской армии им. М.В. Фрунзе.

Терновский собрал материал, провёл огромную научно-исследовательскую работу и обобщил большой пласт источников, на основе которых «создавался эскиз диорамы, а затем вся диорама»⁴.

В ходе работы Терновский беседовал «с многочисленными участниками воспроизводимых в диораме исторических событий (более 150 человек – от представителей Ставки Верховного Главнокомандования, военачальников всех степеней до рядовых – героев штурма различных родов войск и видов вооружённых сил»⁵. В результате скрупулёзной работы в диораме был «доподлинно воспроизведён и подробно раскрыт во всём своём полном содержании и динамике общего хода действий самый напряжённый, решающий момент целого сражения за Севастополь 7 мая 1944 г. в направлении главного удара на-

ших войск (армия, авиация, флот) на завершающем этапе Крымской наступательной операции»⁶.

Проведение операции по освобождению Крыма было возложено Ставкой Верховного Главнокомандования на войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ф.И. Толбухина и на войска Отдельной Приморской армии под командованием генерала армии А.И. Ерёменко при поддержке сил и средств Черноморского флота во главе с адмиралом Ф.С. Октябрьским и Азовской военной флотилии во главе с контр-адмиралом С.Г. Горшковым. Части Красной Армии, привлекавшиеся к Крымской операции, насчитывали, без флота и флотилии, около 330 тыс. солдат и офицеров, 6575 орудий и миномётов, 560 танков и самоходных орудий и около 1000 самолётов. Для руководства, помощи и координации действий наземных войск, авиации и флота Ставкой Верховного Главнокомандования были направлены: в 4-й Украинский фронт Маршал Советского Союза А.М. Василевский, в Отдельную Приморскую армию Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов. Совместно с командованием фронта и армии уполномоченными Ставки была подготовлена и осуществлена операция по освобождению Крыма от немецко-фашистских захватчиков⁷. Перед Черноморским флотом директивой Ставки от 11 апреля 1944 г. ставились следующие задачи: блокировать Крым с моря, наносить удары по кораблям противника на его коммуникациях с Крымом, охранять приморские фланги армии и содействовать всеми видами артиллерийского огня флота (береговой и корабельной артиллерией) сухопутным частям, быть готовыми к высадке тактических десантов и выполнению других специальных задач.

Операцию начали 8 апреля 1944 г. войска 2-й гвардейской армии генерала Г.Ф. Захарова, атаковавшие Перекопские позиции и овладевшие г. Армянском. Однако затем наши части были задержаны противником⁸. Одновременно 51-я армия (командующий – генерал-лейтенант Я.Г. Крейзер, член Военного совета – В.И. Уранов, начальник штаба – генерал-майор Я.С. Дашевский)⁹, наносившая главный удар с плацдармов южнее Сиваша, прорвала первую полосу вражеской обороны и вынудила противника отойти на Ишуньские позиции. 51-я армия заставила врага отступить перед фронтом обеих наших армий – для преследования противника ввели в бой 19-й танковый корпус и подвижные отряды от обеих армий¹⁰.

11 апреля Отдельная Приморская армия освободила Керчь. Гитлеровские войска начали поспешный

отход вдоль южного берега Крыма к укреплениям Севастополя¹¹. В тот же день было объявлено о переходе Красной Армии в наступление в Крыму, который являлся последней крепостью Гитлера на Чёрном море¹².

15 апреля подвижные части 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии вышли к внешнему обводу укреплений Севастополя¹³. 18 апреля была освобождена Балаклава, а Отдельная Приморская армия была переименована в Приморскую (её командующим стал генерал-лейтенант К.С. Мельник, членом Военного совета – генерал-майор П.М. Соломко, начальником штаба – генерал-майор П.М. Котов-Легоньков) и включена в состав 4-го Украинского фронта¹⁴.

Пытаясь любой ценой удержать Севастополь, гитлеровское командование усиливало находившиеся на его подступах войска. По неполным данным, из портов и аэродромов Румынии только в апреле перебросили около 6 тыс. немецких солдат и офицеров. Командующий 17-й немецкой армией генерал Э. Енеке, не веривший в возможность удержания Севастополя, был заменён генералом К. Альмендингером, который указал 3 мая в обращении к своим войскам: «Я получил приказ защищать каждую пядь Севастопольского плацдарма. Его значение вы понимаете. Ни одно имя в России не произносится с большим благоговением, чем Севастополь... Я требую, чтобы все оборонялись в полном смысле этого слова, чтобы никто не отходил, удерживал бы каждую траншею, каждую воронку, каждый окоп... Плацдарм на всю глубину сильно оборудован в инженерном отношении, и противник, где бы он ни появился, запутывается в сети наших оборонительных сооружений. Но никому из нас не должна даже и в голову прийти мысль об отходе на эти позиции, расположенные в глубине. 17-ю армию в Севастополе поддерживают мощные воздушные и морские силы. Фюрер даёт нам достаточно боеприпасов, самолётов, вооружения и подкреплений. Честь армии зависит от каждого метра порученной [нам] территории. Германия ожидает, что мы выполним свой долг»¹⁵. Гитлеровцы «выполняли свой долг», но фашистской Германии это не помогло.

5 мая в полдень началась авиационная и артиллерийская подготовка: два часа над Мекензиевыми горами бушевал огненный смерч. В 2 ч при поддержке авиации и артиллерии в атаку пошли части 2-й гвардейской армии. За первые два дня боёв части этой армии, преодолев ожесточённое сопротивление

врага, захватили две, а местами и три линии траншей с дотами и дзотами¹⁶. Тем временем изготовились к наступлению 51-я и Приморская армии. 7 мая начался генеральный штурм. Главный удар было решено нанести на участке Сапун-гора, гора Горная¹⁷.

Сапун-гора, возвышаясь на 100–150 м над прилегающей к ней долиной, располагается в 6 км к востоку от города. Её восточный крутой и каменистый склон местами переходит в отвесные скалы высотой от 3 до 10 м и более, чередуясь с выступами, идущими в виде карнизных площадок шириной в 40–50 м вдоль отвесного склона. Такой характер склона способствовал созданию вдоль него сильного оборонительного рубежа. Эта гора, находившаяся в центре восточного участка плацдарма, имела особо важное тактическое значение, поскольку без её взятия было невозможно успешное развитие наступления на направлении нашего главного удара¹⁸.

Г.И. Ванеев в своём справочнике по истории Севастополя указал: «7 мая в 10 ч 30 мин утра, после полуторачасовой артиллерийской и авиационной подготовки, 51-я и Приморская армии перешли в наступление на главном направлении – на участке Сапун-гора – Карань»¹⁹. По мнению П.Е. Гармаша, бой за Сапун-гору был «особенно ожесточённым [...]. Лишь через несколько часов непрерывных атак, доходивших до рукопашных схваток, наступающие части смогли овладеть безымянными высотами и первой вражеской траншеей у подножия горы. Затем начался небывалый по своему накалу и упорству штурм самой Сапун-горы. На помощь атакующей пехоте вновь пришли артиллеристы и лётчики. Шквал орудийного огня рвал в клочья землю. Волна за волной обрушивали на врага смертоносный груз шестёрки штурмовиков старших лейтенантов А.В. Дубенко, В.Н. Опалева, В.И. Догаева и других лётчиков»²⁰.

Как пишет П.А. Моргунов, «под яростным огнём упорно сопротивлявшегося врага» бойцы 63-го и 11-го гвардейских корпусов «несли знамёна, чтобы водрузить их на гребне горы. Знаменосцы падали, убитые или раненные, другие тут же подхватывали знамёна и несли их дальше. Стремительный натиск героев решил исход боя. Сапун-гора была взята. В этом бою отличились храбростью рядовые Дидаш, Бабаджанов, С.П. Евглевский, А. Маркарян, И.К. Яцененко, ефрейтор В.И. Дробязко, старший сержант Ф.И. Скорятин, старшина А.М. Фисенко, младший лейтенант В.Ф. Громаков, лейтенанты М.Я. Дзигунский и В.Ф. Жуков, старший лейтенант П.М. Калиниченко, капитан Н.В. Шилов и многие другие»²¹.

Маршал Советского Союза С.С. Бирюзов констатировал в своих воспоминаниях: «Штурм Сапун-горы является одной из блестящих страниц в истории Великой Отечественной войны. В 1942 г. гитлеровцы в течение длительного времени вели на неё наступление, потеряли здесь десятки тысяч человек своих солдат и офицеров, но желаемого результата не добились. А вот нам удалось овладеть этой сильно укрепленной высотой в течение одного дня! Со взятием Сапун-горы путь на Севастополь был открыт»²².

К утру 8 мая, после прорыва главной полосы германской обороны южнее Сапун-горы, «решилась судьба всей операции и открылся путь к окончательной победе над врагом в Крыму»²³. 8 мая наступающие части 13-го гвардейского стрелкового корпуса вышли к внутреннему оборонительному обводу, атаковали противника и прорвали его оборону²⁴. Вечером гитлеровцы запросили ставку фюрера о разрешении на эвакуацию в связи с тем, что «дальнейшая оборона Севастополя более невозможна»²⁵. 9 мая Севастополь был возвращён нашей Родине. Крымская операция закончилась 12 мая 1944 г.²⁶

В начале сентября 1959 г. состоялся предварительный просмотр диорамы, на котором присутствовали Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов (весной 1944 г. – уполномоченный Ставки Верховного Главнокомандования), известный деятель французского и международного рабочего и коммунистического движения М. Торез²⁷ и деятель международного женского движения Ж. Торез-Вермерш²⁸. Маршал высказал художникам ряд советов и пожеланий, а уже 4 ноября состоялось официальное открытие этого памятника героям нашей Родины²⁹.

Как пишет П.Е. Гармаш, «штурм Сапун-горы явился одним из выдающихся подвигов советских воинов в Великой Отечественной войне. Ныне он запечатлён на замечательном полотне диорамы “Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года”»³⁰.

Публикуемый документ, который отложился в личном фонде Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова (Российский государственный архив социально-политической истории – РГАСПИ), свидетельствует, что создание диорамы было скептически встречено отдельными советскими военными деятелями: Герой Советского Союза адмирал Ф.С. Октябрьский, командующий Черноморским флотом с марта 1939 г. по апрель 1943 г. и с марта 1944 г. по ноябрь 1948 г., и контр-адмирал в отставке А.И. Зубков³¹ не считали целесообразной постановку памятника пав-

шим в одном из *эпизодов* Великой Отечественной войны, не имевшем отношения к героической обороне города 1941–1942 гг. Документ интересен тем, что свидетельствует о восприятии обеих героических оборон города командующим Черноморским флотом в годы Великой Отечественной войны, а также содержит сведения мемуарного характера о спасении «Панорамы обороны Севастополя 1854–1855 гг.»³². Так исторически сложилось, что адмирал был самым последовательным противником сооружения диорамы «Штурм Сапун-горы», – тем и ценна его полемика с Г.В. Терновским.

Из стенограммы встречи коллектива работников «Панорамы обороны Севастополя 1854–1855 гг.» и Ялтинского экскурсионного бюро с Героем Советского Союза адмиралом Ф.С. Октябрьским

18 декабря 1958 г.

Тов. РОССЕЙКИН (директор панорамы): Филипп Сергеевич, в нашей практической работе мы, работники панорамы, присутствующие здесь сотрудники Ялтинского бюро, встречаемся со многими вопросами, в освещении которых мы остро ощущаем необходимость квалифицированной помощи в форме советов и консультаций. Много вопросов ставят перед нами и трудящиеся всех областей нашего Советского Союза, а к панораме, как Вы знаете, «не зарастёт народная тропа».

Следует сказать и то, что на многие вопросы, широко интересующие трудящихся, наши советские историки ещё не дали достаточно полного ответа, а ответы на некоторые вопросы носят иногда неопределённый характер. [...]

Говоря о спасении панорамы, мы как правило представляли это большое событие как результат стихийно возникшего процесса; иногда мы сводим это к результату мужества отдельных личностей³³, забывая о том, что была организующая роль командования Ч[ерноморского] ф[лота], Севастопольского городско-го комитета обороны.

Не так давно был поставлен вопрос о том, что сфера деятельности панорамы расширяется, к ней присоединяются памятники Сапун-горы. В связи с работами по созданию там диорамы «Штурм Сапун-горы», а при ней музея мы были поставлены перед фактом разработки экспозиционного плана.

Некоторые работники утверждали, что экспозиция этого нового музея при диораме на Сапун-горе должна ограничиться тем, что будет отображать этот штурм. Давая обоснование другой точке зрения, говоря о том, что музей должен отображать не одно событие, а всю оборону Севастополя и его освобождение, мы приводим различные мотивы. Одним из них является утверждение, что штурм Сапун-горы сам по себе представляет только одно из ярких событий пережитого Севастополем и ЧФ в годы Великой Отечественной войны. Показ всего, что было пережито за эти годы, мог бы послужить фоном, на котором более рельефно проявилось бы и значение штурма Сапун-горы. [...]

Давно у нас назрела потребность встречи с Вами, Филипп Сергеевич, необходимость побеседовать в этой скромной товарищеской обстановке.

От имени присутствующих здесь разрешите и поприветствовать Вас, и попросить побеседовать с нами.

Адмирал ОКТЯБРЬСКИЙ Ф.С.: [...] Это очень сложно, тема большая, всего в одной беседе не расскажешь, можно рассказать отдельные эпизоды обороны. (С места: «Расскажите, как происходило спасение панорамы».) В обороне Севастополя это был маленький эпизод.

Я думаю, мы должны иметь общее представление о всей обороне и кое-что подробнее об отдельных эпизодах обороны. Говоря всё об обороне, я прошу вас иметь в виду некоторые особенности, с которыми мне приходилось сталкиваться. Сводятся эти особенности к следующему: что я сам пережил и знаю, о чём я говорю, не у всех воспринимается как подобает. Это происходит потому, что есть люди, даже среди больших работников, в т.ч. коммунистов, которые не любят говорить правду. Должен вам сказать больше: есть много злых людей, которые умышленно трактуют события не так, как они были, и, когда говоришь, что это было не так, – начинают обижаться. В этом моя трудность. Поэтому я часто говорю таким людям: «Когда мы умрём, тогда и врите, а пока мы живы, мы будем бороться за правду, за истинное положение, как оно было».

Я пишу много ответов на запросы, а писем идёт много. Пишут письма начиная от отдельных бойцов, офицеров, граждан и кончая рукописями романов, повестей, рассказов. Последние, т.е. наши писатели, пишут часто, грубо говоря, такую галиматью, что тошно читать. Тема уж больно захватывающая о Севастополе. Пишут, в т.ч., всякие небылицы даже в Большой

Советской энциклопедии. Почему пишут неправду, ведь народ читает и думает, [что] так было, – а это неправда! Не всегда [можно] объяснить подобные про- ступки отдельных авторов. Одно ясно: что таких фак- тов мы встречаем много.

Что касается Севастополя – все, кто может объ- ективно оценивать события, должны сказать, что Севастополю славу создала первая оборона 1854– 1855 гг., а ещё большую славу утвердила за ним вто- рая оборона 1941–1942 гг. Ведь славу Севастополю создал не штурм Сапун-горы. Что такое штурм Са- пун-горы?

7 мая 1944 г. Это маленький эпизод, который был в 1944 г. на ограниченном отрезке местно- сти. Если брать период времени, когда мы с вами дрались в 1941–1942 гг., и сравнить с тем, что мы имели в 1944 г., когда штурмовали Сапун-гору, то это вообще трудно сравнимые события. В 1944 г. мы имели тысячи танков, самолётов, миномётов, пулемётов, пушек. Могли бросать тысячи тонн взрывчатки. Тогда как в 1941–1942 гг. у нас гра- нат не было. Вот тогда, в 1941 г., нужен был осо- бый героизм, особая стойкость, а некоторые люди так или иначе причастны к отрицательным явле- ниям 1941 г., этого не хотят слышать, а при освеще- нии этого периода иногда искажают истину, что, безусловно, обидно.

Конечно, хорошо было нашим воинам штурмо- вать Сапун-гору на втором этапе войны, когда только и гремели салюты победы, когда мы знали, что с вра- гом почти покончено – после решающих наших уда- ров под Москвой в декабре 1941 г., в 1942 г. под Ста- линградом и [тем более] когда закончилась Сталин- градская битва 1943 г. Тогда всем стало ясно, что силы врага на исходе, что наша победа близка, а мы речь ведём, когда говорим о штурме Сапун-горы, о 1944 г., т.е. о конце войны.

Я лично одного желал бы, чтобы товарищи пра- вильно понимали те события, о которых идёт речь. [...]

Поскольку многих товарищей интересует Са- пун-гора и вы хотите знать моё мнение, я скажу пару слов о Сапун-горе. Со мной могут не согласиться – это дело руководства, горкома партии. Я высказываю своё мнение. А мнение моё заключается в следую- щем: нельзя заслонять героизм Севастополя, где мы не только потеряли десятки тысяч людей, а Севасто- поль своей длительной стойкостью сыграл выдаю- щуюся [роль в Великой Отечественной войне]. Ещё раз подчёркиваю: нельзя оставлять в тени, заслонять

великую славу Севастопольской обороны такими ве- щами, как диорама Сапун-горы. Не так давно я ска- зал руководству горкома партии: «Вы поддались на уговоры некоторых товарищей, которые наживают капитал на этом. Вы послушались каких-то консуль- тантов-художников. Говоря о штурме Сапун-горы, мы [отодвинем] оборону на второй план. Всё бывшее руководство обороной, Военный совет СОРа³⁴ будут в неоплатном долгу у всех погибших боевых друзей и оставшихся в живых товарищей, если не скажем, что это неправильно. Эпизод, штурм Сапун-горы, был героическим, может быть, его тоже нужно как- то и когда-то отразить, но давайте сначала освещать оборону Севастополя».

Почему начали говорить о Сапун-горе? Я усма- триваю здесь личную заинтересованность. Кого? Об этом можно только догадываться. Как иначе можно думать? Почему взяли этот отрезок, где наступала Приморская армия в мае 1944 г.? Потому, что бывшие руководители армии для увековечивания наступления армии поставили на горе обелиск и написали на нём огненные слова? Вот... В угоду Приморской армии всё это и делается!

Я думаю, вам, товарищи, известно, что это не наша Приморская армия, которая дралась с нами, с Черноморским флотом, в обороне Севастополя. Та армия погибла, это совсем другая Приморская армия, эта армия называлась Отдельной Приморской арми- ей, которая была создана под Керчью, после высад- ки на Керченский плацдарм наших войск в 1943 г., осенью. Этой Отдельной Приморской армией коман- довал генерал, а сейчас Маршал Советского Союза Ерёмченко.

8 мая 1946 г., [когда я находился] на Бельбекском рейде, мне доложили, что на Сапун-горе завтра, 9 мая, будет большой сбор людей, будет возложение венков, будет митинг. Я спросил: «Почему на Сапун-горе?» – «Там, говорят, обелиск есть».

– Ну и что же? Что, там захоронены бойцы? Ведь там никаких могил нет, почему же венки? Что мы – идолопоклонники, что ли? На пустом месте, к голым камням будем возлагать венки?! Невзирая на это, в 1946–1948 гг. там отмечали День Победы.

В 1947 г. я поехал на этот праздник посмотреть, что там делается, и увидел, что туда приходили тысячи людей, многие несли венки, женщины со слезами на глазах, с трагическим переживанием лезут на пьеде- стал, возлагают венки, они полагают, что там захоро- нены погибшие, а ведь там никто не захоронен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Клименту Ефремовичу
ВОРОШИЛОВУ

от личного состава корабля
„АНГАРА“

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ
16 сентября 1956 года

Титульный лист альбома, который личный состав корабля «Ангара» подарил Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову на память о его посещении Черноморского флота
16 сентября 1956 г.
РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 3.
Д. 124. Л. 1

Корабль «Ангара».
16 сентября 1956 г.
РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 3.
Д. 124. Л. 24

К.Е. Ворошилов на корабле «Ангара». 16 сентября 1956 г. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 3. Д. 124. Л. 3

К.Е. Ворошилов на
корабле «Ангара».
16 сентября 1956 г.
РГАСПИ. Ф. 74.
Оп. 3. Д. 124. Л. 13

К.Е. Ворошилов
среди членов
экипажа.
16 сентября 1956 г.
РГАСПИ. Ф. 74.
Оп. 3. Д. 124. Л. 9

Секретарём обкома партии был тогда т. Соловьёв. Я просил его прекратить этот маскарад, но это продолжалось. Вместо того чтобы признать, что это ошибка, кто-то продолжал упорно углублять ошибку. Говорят, что теперь туда не ходят, очень хорошо. Я тогда говорил: «Идите 9 мая, в День Победы, на Кладбище коммунаров – там 49 расстрелянных, там похоронены: лейтенант Шмидт, командующий ВВС ЧФ генерал Николай Остряков, военный комиссар В[оенно]-М[орского] Флота т. Иван Сладков³⁵ и многие другие герои. Или возьмите Братское кладбище, которое сейчас называют “Кладбищем Горпищенко”. Только неправильно его так называют, но это другое дело: там действительно сотни героев захоронены – там действительно Братское кладбище».

Так обстоит дело с Сапун-горой. Теперь говорят: «Диораму там строим потому, что отсюда начинается просмотр при посещении экскурсиями Севастополя. Ну, хорошо, сейчас просмотр начинают отсюда, потому что Севастополь – закрытый город, все экскурсии идут с Южного берега Крыма, от Ялты, а завтра город откроют и большинство экскурсантов будет ехать из Симферополя, тогда что же будем делать? Это в принципе неправильная постановка вопроса. [...]

Теперь несколько слов о Братском кладбище, [кладбище] Горпищенко. Полковник П.Ф. Горпищенко в период обороны Севастополя остался жив, был ранен, вывезен в Сочи. Это был хороший офицер, [который] до войны командовал учебным отрядом флота. После выздоровления он попросился в армию, захотел воевать и дальше на сухопуте, видимо, привык командовать боевыми соединениями за период обороны Севастополя. Ему дали стрелковую дивизию, и под Ростовом в 1943 г. полковник Горпищенко погиб.

Теперь пару слов о спасении полотна панорамы. Когда началась оборона Севастополя, у нас много было разговоров, как бы не разбомбили панораму. Это, как говорят, такое сооружение, которое достойно внимания каждого. Но все художники, которые приглашались, заявляли, что полотно панорамы снять нельзя, оно погибнет. Что делать? Раз снять нельзя – будем следить, может быть, останется целым. Мы думали, что, может быть, и мы уцелеем в Севастополе, не оставим Севастополя.

Когда Крымский фронт был разбит и немец бросил все силы на нас, для руководства было понятно, что мы будем драться до последнего, но не удержим Севастополя. При тройном превосходстве

[врага] в живой силе. При несравненно огромном превосходстве в артиллерии, миномётах, огромном количестве танков и самоходной артиллерии. Вся эта сила была обрушена на нас. Когда по 1000 – 1200 самолётов непрерывно вас бомбят, а у вас нет не только истребителей для отражения, а даже снарядов к зенитным пушкам, что тут можно сделать? Сколько можно драться? И вот числа 25 или 26 июня перед вечером мне докладывает начальник ПВО СОРа полковник Хлебников А.М. «Тов[арищ] командующий, сейчас последняя группа фашистских самолётов прошла над Историческим бульваром, специально пикировали и сбросили бомбы на панораму. Панорама горит. Что делать?»

Было приказано: всё, что есть под руками, бросить на спасение панорамы, собрать всех людей и попробовать спасти полотно, если потребуется, резать на куски, но принять все меры, чтобы полотно спасти. Не помню, через сколько часов, но был получен доклад, что полотно свёрнуто кусками, готово к отправке, куда будет приказано. Счастье было на нашей стороне.

26 июня 1942 г. последний надводный корабль в последний раз прорвался в Севастополь – это был лидер эсминцев, легендарный «Ташкент». Когда позвонили, что полотно панорамы свёрнуто, было приказано погрузить на машины и доставить на лидер «Ташкент», который вошёл в Камышовую бухту. В Северную или Южные бухты прорваться уже нельзя было. Всё простреливалось с Северной стороны, вершины которой занимал немец. Командиром лидера «Ташкент» был капитан 2 ранга т. Ерошенко В.Н. – это блестящий боевой офицер. Тов. Ерошенко взял на борт своего корабля более 2 тыс. раненых, погрузил полотно панорамы и ночью вышел в Новороссийск. С наступлением рассвета легендарный корабль бомбило более сотни самолётов врага, но он достиг Новороссийска. Таким образом, полотно панорамы было доставлено в Москву, потом в Новосибирск³⁶. К слову сказать, в этом походе участвовал писатель Евгений Петров. Есть небольшое, но классическое описание Е. Петровым этого похода*. Если кто не читал, рекомендую почитать это замечательное произведение.

Если бы нашёлся такой большой писатель и так рельефно описал вторую оборону Севастополя, – это было бы захватывающее, неповторимое [произведение]! Я читал этот рассказ Е. Петрова с таким же

* Очерки Е. Петрова см. в настоящем альманахе, с. 169–172.

волнением, как впоследствии прочёл дважды повесть М. Шолохова «Судьба человека». Сказать сейчас конкретно, кто спасал полотна панорамы, какие старшины, матросы – я не могу, но главное лицо в спасении – начальник ПВО СОРа, отважный герой полковник Хлебников. [...]

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 303. Л. 2–9.
Копия. Машинопись.

¹ Кангун С.И. Труд военных строителей // Возрождение Севастополя: Сб. / Сост. В.Г. Кузьмина. Симферополь, 1982. С. 24.

² Там же. С. 23, 24. Мемуарист перечислил лишь творения военных строителей. Подробнее о восстановлении и сооружении исторических памятников в городе см.: *Моторин Д.М.* Возрождённый Севастополь. М., 1984. С. 233–254.

³ Терновский Георгий Владимирович (1915–1970) – капитан 1 ранга (в годы Великой Отечественной войны капитан 3 ранга). В Военно-Морском Флоте с 1934 г. В 1938 г. окончил Севастопольское военно-морское училище. Член ВКП(б) – КПСС с 1939 г. В боях Великой Отечественной войны, с июня 1941 г., был одним из руководителей охраны водного района Одесской военно-морской базы Черноморского флота. По его инициативе на малых быстроходных кораблях стало применяться ракетное оружие. Участвовал в военных действиях с Японией. Будучи флагманским артиллеристом бригады сторожевых кораблей (Тихоокеанский флот), руководил морским десантированием и захватом укрепленных узлов сопротивления японских войск в Северной Корее. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 8772). После войны продолжал службу в ВМФ СССР. В 1952 г. окончил Военно-морскую академию. С 1954 г. – в запасе.

⁴ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 303. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ Там же. Л. 11.

⁷ *Моргунов П.А.* Героический Севастополь. М., 1979. С. 488.

⁸ Там же. С. 489.

⁹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 380. Л. 29.

¹⁰ *Моргунов П.А.* Указ. соч. С. 489.

¹¹ Там же. С. 490.

¹² *Шагланов А.Н.* Крым и его освобождение (1941–1944). Новосибирск, 2015. С. 239.

¹³ *Моргунов П.А.* Указ. соч. С. 490.

¹⁴ *Ванеев Г.И.* Севастополь. 1783–1983. Страницы истории. Симферополь, 1983. С. 131; *Терновский Г.В.* Диорама «Штурм Сапун-горы» 7 мая 1944 года»: Изд. 2-е, доп. Симферополь, 1961. С. 11.

¹⁵ Цит. по: *Гармаш П.Е.* Севастополь – город-герой. М., 1983. С. 104, 105.

¹⁶ Подробнее см.: *Гармаш П.Е.* Севастополь – город-герой. С. 106–108.

¹⁷ Там же. С. 108.

¹⁸ *Терновский Г.В.* Указ. соч. С. 10.

¹⁹ *Ванеев Г.И.* Указ. соч. С. 131.

²⁰ *Гармаш П.Е.* Указ. соч. С. 109.

²¹ *Моргунов П.А.* Указ. соч. С. 492, 493.

²² *Бирюзов С.С.* Флаг Родины над Севастополем // За родной Севастополь / сост. П.Е. Гармаш. М., 1983. С. 251.

²³ *Шагланов А.Н.* Указ. соч. С. 265.

²⁴ *Моргунов П.А.* Указ. соч. С. 493; *Шагланов А.Н.* Указ. соч. С. 260.

²⁵ Цит. по: *Исаев А.В.* Крах проекта «Готенланд» // История Крыма. М., 2015. С. 403.

²⁶ *Моргунов П.А.* Указ. соч. С. 493.

²⁷ Торез Морис (1900–1964) – генеральный секретарь Французской коммунистической партии (1930–1964).

²⁸ Торез-Вермерш Жанетта (1910–2001) – деятель Французской коммунистической партии, с 1932 г. жена М. Тореза.

²⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 303. Л. 12, 31; *Терновский Г.В.* Указ. соч. С. 36.

³⁰ *Гармаш П.Е.* Указ. соч. С. 112.

³¹ Зубков Александр Илларионович (1902–1978), контр-адмирал (1949), участник Гражданской, Великой Отечественной и войны с Японией. В начальный период Великой Отечественной войны под руководством Зубкова осуществлялась постановка минных заграждений, конвоирование транспортов, артиллерийская поддержка войск. Участвовал в обороне Одессы и Севастополя. С 1940 г. командир крейсера «Красный Крым» ЧФ. Экипаж крейсера особо отличился во время Керченско-Феодосийской операции, получив звание гвардейского. В апреле 1944 г. Зубков был назначен командиром крейсера «Мурманск» Северного флота, а в ноябре того же года – командиром Новороссийской военно-морской базы.

³² Полотно было создано художником Ф.А. Рубо в 1901–1904 гг. и располагалось в здании, построенном по проекту инженер-полковника Энберга на территории Исторического бульвара (*Моторин Д.М.* Указ. соч. С. 233, 234).

³³ Каковым это спасение по сути и являлось: «Панорама пала как воин на поле брани. Вечером, в 18 ч, 25 июня 1942 г. при артиллерийском обстреле города несколько снарядов попало в здание Панорамы. Пикирующие бомбардировщики также сбрасывали бомбы в здание Панорамы. Левое крыло здания было совершенно снесено взрывами фугасных бомб. Здание охватило пламя. Сбежавшие отовсюду люди с гневом взирали на горящую, полуразрушенную Панораму. Вдруг из толпы вырвался несколько человек. Они ринулись внутрь горящего, готового вот-вот обрушиться здания. Это были старшина 2-й статьи Антокольский, младший сержант Шек, матросы Мещеряков, Каверин, Болевич, Машетов, офицер Терновский и др. Храбрецы проникли в помещение. Ежесекундно рискуя жизнью, отважные воины принялись выносить наружу не поврежденные ещё огнём и взрывами куски драгоценного холста. В этот трагический день удалось

спасти 1117 кв. м холста, 500 кв. м погибло в огне. Полностью был уничтожен предметный план, сгорели почти все экспонаты и фонды Панорамы. Спасённые советскими воинами 86 кусков картины различной величины насчитывали свыше 6 тыс. повреждений. От самого здания сохранился лишь фундамент, часть стен, лестница, ведущая на крышу, и полуобвалившийся, искорёженный металлической каркас купола» (*Моторин Д.М.* Указ. соч. С. 235).

³⁴ В СОР входили силы ЧФ, войска Приморской армии и части Севастопольской ВМБ.

³⁵ Сладков Иван Давыдович (1890–1922) – советский военно-морской деятель, активный участник Октябрьской революции и Гражданской войны на стороне красных. Член

РСДРП – РСДРП(б) – РКП(б) с 1911 г. Во время Октябрьского вооружённого восстания руководил захватом Петроградского военного порта, затем был его комиссаром. В ноябре 1917 г. – делегат 1-го Всероссийского съезда военных моряков. С июня 1919 г., после подавления контрреволюционного мятежа на фортах «Красная Горка» и «Серая Лошадь», комиссар обоих фортов, организовал боевую деятельность фортов по отражению наступления войск генерала Юденича. С марта 1920 г. – комендант укрепрайона Днепровско-Бугского лимана и крепости Очаков, позже – комендант Мариупольского, а затем Керченского укрепрайонов. С 1 апреля 1921 г. – комиссар Морских сил Республики.

³⁶ Как установил Г.В. Терновский, сначала в Кустанай, затем в Новосибирск и только потом в Москву.

А.Н. Савельева

Инкерманский монастырь и Крым в работах московского художника Д.М. Струкова

Палитра сокровищ, которые хранятся в Российской государственной библиотеке, необычайно широка и красочна. В фондах библиотеки представлен отечественный книжный репертуар нескольких столетий, зарубежные издания на 367 языках мира, периодические и сериальные издания и многое другое. Но, несомненно, особый интерес составляют редкие тиражные и оригинальные материалы из фондов специализированных отделов, которые по своему характеру близки к документам архивного и музейного хранения. К их числу должны быть отнесены редкие книги, рукописи и изобразительные материалы. Например, в фондах отдела рукописей и отдела изданий РГБ можно ознакомиться с уникальными акварельными рисунками известного московского художника, археолога и реставратора Дмитрия Михайловича Струкова (1828–1899).

Его имя неразрывно связано с Румянцевским музеем, преемницей которого является Российская государственная библиотека. Он был хорошо знаком со многими работниками музея и сотрудничал с ними. Впоследствии в фонды музея поступила часть рукописного архива самого Дмитрия Михайловича, насчитывающего более 1500 ед. хр. (или более 11 тыс. листов)¹.

¹ Краткий указатель архивных фондов Отдела рукописей / Сост. Е.Н. Коншина, Н.К. Швабе. М., 1948. С. 184.

Значительная часть документов личного фонда связана с Крымом².

Художественное наследие Струкова по-своему значительно – в различных хранилищах находятся многочисленные рисунки и литографии, книги и публикации. Специалистам хорошо знакомы литографированные листы с видами Москвы и Нового Иерусалима, его научные труды, посвящённые памятникам церковного искусства Москвы и Крыма³. В то же время материалы рассредоточены между разными городами и странами, что-то оказалось вовсе утрачено, и, в целом, необходимо признать, что лишь малая часть его работ широко известна, изучена и опубликована⁴. Поэтому особенно отрадно ознакомиться читателям с «Рисунками древних памятников христианства в Тавриде» Д.М. Струкова.

Дмитрий Михайлович родился в Москве, довольно рано у него проявился интерес к рисованию.

² Подробнее об этом см.: *Козлов В.Ф.* Памятники православного Крыма в жизни московского художника и археолога Д.М. Струкова // Крым: Историко-краеведческий альманах. М., 2004. Вып. 1. С. 6–13.

³ *Козлов В.Ф.* Ревнитель святынь православной Москвы: Дмитрий Михайлович Струков: 1827–1899 // Краеведы Москвы. М., 1997. Вып. 3. С. 41–58.

⁴ См., напр.: *Д. Струков.* Альбом рисунков. 1864–1867 / Под ред. О.Д. Баженовой. Минск: Белорусская энциклопедия Петруся Бровки, 2011 (Энциклопедия раритетов).

В 1847 г. он поступил в рисовальную школу, учреждённую графом С.Г. Строгановым (впоследствии – знаменитое Строгановское училище)⁵. Преподаватели выделяли талантливого ученика, и уже в годы учёбы, по их рекомендациям, ему поручались многие частные заказы. Знакомство Дмитрия Михайловича с профессорами Московской духовной академии «открыло двери» в Академическую и Лаврскую библиотеки, где он стал копировать древние рукописные рисунки и орнаменты.

По инициативе Струкова в 1849 г. в Троице-Сергиевой лавре была открыта иконописная школа, преобразовавшаяся впоследствии в живописную школу. Его рисунки были представлены на выставке 1850 г. и обратили на себя внимание, в результате по распоряжению Синода молодой художник был командирован в Новгород, Псков, Муром, Владимир и Ростов для фиксации и описания местных древностей. Протоиерей Ростовский Андрей Тихвинский оставил такое свидетельство в своём дневнике о Струкове во время его поездки в Ростов Великий в марте 1857 г.: «Дмитрий Михайлович Струков, придворный художник, путешествующий с билетом от министра Императорского двора... Этот художник имеет отличные способности в живописи. Делает наружные виды древних церквей и внутренние. Списывает копии с древних редких икон, пишет портреты»⁶.

К этому времени, несмотря на довольно молодой возраст, Струков уже приобрёл большой опыт и стал знатоком древнерусского искусства. В 1855 г. он получил «звание некласного художника по живописи портретной акварельной». Забегая вперёд, можно сказать, что на протяжении всей своей жизни Дмитрий Михайлович был прекрасным педагогом и популяризатором, ратовавшим за расширение художественного образования. В 1858–1863 гг. им издавался журнал «Школа рисования», в котором он публиковал рисунки с древних букв и заставок, различные памятники, статьи о древнерусском искусстве. Он был преподавателем рисования во многих училищах Москвы, в том числе в военно-учебных заведениях. Важно подчеркнуть, что Дмитрий Михайлович настойчи-

во пропагандировал рисование, писал о важности доступности обучения, разрабатывал программы и курсы, издал ряд книг на эту тему⁷. Известно, что он принимал участие в открытии школы рисования при Дивеевском женском монастыре.

В 1860 г. он был принят на службу в Оружейную палату Московского Кремля, где занимался описанием, копированием и реставрацией древнерусских памятников. Он особенно потрудился над реставрацией древних знамён и портретов⁸. В этом же году он реставрировал храм в Новом Иерусалиме, а в следующем году был командирован на торжество открытия мощей Св. Тихона, причём открыл в воронежских храмах несколько древних вещей и портретов исторических деятелей.

Личность Дмитрия Михайловича была необычайно многогранной: по его чертежам и рисункам были сооружены более 100 храмов в Москве и западных городах России, создавались иконостасы. Он участвовал в реставрации собора Василия Блаженного на Красной площади.

В начале 1860-х гг. он был приглашён для помощи в разборе и организации собрания рукописей и рисунков известного собирателя памятников христианского Востока П.И. Севастьянова, которое заложило основу Отделения христианских древностей Румянцевского музея. В июне 1862 г. Севастьянов обратился к директору Московского публичного музея с предложением «в видах содействия успехам нового учреждения» поместить в нём своё собрание, заключавшееся в подлинниках и копиях икон, церковной утвари, рукописях, рисунках и фотографиях архитектурных памятников и видов Афона и Иерусалима. Примечательно, что впоследствии Дмитрий Михайлович внесёт большой вклад в восстановление и изучение святынь Крымского «Афона».

Д.М. Струков вёл активную общественную деятельность: состоял в Обществе любителей духовного просвещения, в котором при его участии в 1869 г. был открыт отдел иконоведения. Был членом Императорского Русского и Московского археологических

⁵ Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). Т. II. М., 1915. С. 346.

⁶ Колбасова Т. Ростовский Кремль в середине XIX века: из дневника протоиерея Андрея Тихвинского // Ростовская старина. Ростов, 2004. № 114. С. 4.

⁷ «О важности рисования» (М., 1863), «О рисовании в России» (М., 1878), «Курс рисования для не имеющих учителя рисования» (М., 1887; М., 1888), «Чего не достаёт России? [О необходимости создания рисовальных школ]» (М., 1891).

⁸ Русские старинные знамёна С. Лукиана Яковлева / Рисунки к изданию исполнили худож. Д. Струков и Н. Попов. М., 1865. [12] л. ил., цв. ил.

обществ, членом-корреспондентом Одесского общества истории и древностей. Его имя вошло в Юбилейный справочник Императорской академии художеств⁹.

Таким образом, можно констатировать, что к началу своих исследований в Крыму Дмитрий Михайлович обладал широкими знаниями в области древнехристианского искусства и большим опытом фиксации памятников.

В папке «Рисунки древних памятников христианства в Тавриде» содержатся 262 листа с акварельными рисунками и планами церковных памятников Крыма: монастырей, храмов (в том числе пещерных), надгробий, предметов декоративно-прикладного искусства и т.д.¹⁰ Изображённые объекты подписаны, и можно сразу сказать, что художник объехал весь предгорный Крым и Южный берег. Часть этого изобразительного наследия хорошо знакома исследователям по ряду публикаций. Наибольший объём «Струковских листов» опубликован в альбоме «Священный образ Тавриды», изданном по инициативе митрополита Лазаря¹¹.

Вероятно, значительная часть листов была создана во время поездки Дмитрия Михайловича в Крым в 1871 г. Однако один из рисунков датирован 2 мая 1867 г. Именно в этом году Московское археологическое общество командировало Струкова в Крым и на Кавказ для изучения сохранившихся памятников церковного искусства. В 1867 г. художник принимал участие в восстановлении пещерного храма во имя Св. Климента в Инкермане (см. цв. вкладку, ил. I) близ Севастополя, написал иконы для вновь созданного золочёного цинкового иконостаса. Сохранилось несколько эскизов иконостаса (ил. II), один из которых имеет авторскую подпись.

Как отмечал сам археолог, «для большей наглядности при изучении устройства храмов в Тавриде мною исполнены рисунки и чертежи по масштабу и также сделаны модели из гипса, приобретённые

Императорской академией художеств и помещённые в архитектурном музее академии».

В 1871 г. «Таврические епархиальные ведомости» сообщили: «По соизволению Государя Императора в Крым для розыскания древнейших христианских памятников командирован опытный исследователь христианских древностей художник Д.М. Струков. В татарской деревне Ай-Василь, на Южном берегу, в церкви он нашёл памятник с надписью ...801 г., там же откопал ещё 7 храмов и, наконец, в настоящее время откапывает в деревне Партенит больших размеров храм с мозаичным полом». Как сам он отметил, он был командирован в Крым «для продолжения обозрения памятников древнего христианства, причём откопал или расчистил прежде меня неизвестные восемнадцать церквей и нашёл одиннадцать надписей. Успех этих изысканий оказался возможным только благодаря просвещённому содействию генерал-губернатора П.Е. Коцебу и, по его распоряжению, исправника города Ялты г. Зиферопуло»¹².

В этом же году, во время пребывания Александра II в Крыму, императору был представлен альбом рисунков крымских древностей. Художник был награждён подарком – «золотым перстнем с изумрудом и Всемиловейше дарованы средства для продолжения археологических изысканий древних христианских памятников в Крыму»¹³. Результаты изысканий исследователя были рассмотрены на заседаниях в Императорском археологическом обществе, Академии наук и Археологической комиссии, после чего было пожаловано 1500 руб.

В течение нескольких лет Дмитрий Михайлович продолжал совершать исследовательские поездки в Крым. Изучение Крыма, сохранение его православных памятников стало не просто очередным «заданием» для Д.М. Струкова, но любимой темой и подлинной частью его души. При отпевании Дмитрия Михайловича священник храма Илии Пророка на Воронцовом поле И. Арсеньев, в частности, сказал: «Всякий раз, когда ему приходилось касаться в своих разговорах древних судеб Таврического полуострова и других памятников этого интереснейшего края, он оживлялся и как-то весь преображался, причём беседа его становилась особенно интересною и увлекательною...»

⁹ Юбилейный справочник Императорской академии художеств. 1764–1914 / Сост. С.Н. Кондаков. Спб., 1914–1915. Т. 2. С. 190.

¹⁰ В отделе изоизданий также хранятся рисунки, сделанные Д.М. Струковым на Кавказе и в Мариуполе.

¹¹ Священный образ Тавриды: православные святыни Крыма в изобразительном искусстве: [альбом] / Митрополит Лазарь [авт. идеи, текст]; Т. Шорохова [текст, сост.]. Симферополь: издание Симферопольской и Крымской епархии: Н. Орианда, 2012.

¹² Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876. С. 22.

¹³ ОР РГБ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

В фонде Д.М. Струкова отдела рукописей хранится большое число записок Дмитрия Михайловича, своего рода черновики будущих публикаций. Интересно отметить, что свои мысли учёный формулировал сразу чётко, в дальнейшем он, как правило, лишь переписывал начисто, внося незначительную правку. Некоторые рисунки, немного переработанные, в чёрно-белом исполнении были опубликованы Д.М. Струковым в его книгах, посвящённых древним памятникам Крыма¹⁴. Одну из них, с дарственной надписью: «Древние памятники христианства в Тавриде» (М., 1876) Дмитрий Михайлович подарил лично в отделение христианских древностей Румянцевского музея в декабре 1877 г.

В сохранившихся акварельных работах проявились безусловный талант Струкова-рисовальщика и подход серьёзного учёного. Как правило, акварели выполнены в довольно монохромной манере, тем не менее художник наглядно передаёт особенности организации внутренних помещений, кладку, элементы декора. Уделяет внимание масштабу, размерам различных помещений и деталей. Струков старался максимально достоверно и комплексно представить исследуемые им объекты: на рисунках он отражал как общие виды, так и отдельные детали; наряду с продольными планами помещал различные чертежи и планы в разрезе (ил. III). На плане, как правило, он фиксировал расположение сохранившихся фрагментов стенописи и надписей, которые на отдельном листе изображались более крупно. Большое внимание он уделял расположению алтаря в храме, так как это позволяло давать более точную датировку постройки древнего храма. Примечательно, что Струков указывал те участки, которые ему не удалось обследовать.

Рисунков, занимающих всю поверхность листа, панорамных видов, немного: небольших размеров изображения составляют большинство и служат иллюстрирующим дополнением к планам и чертежам. Среди рисунков есть как уже законченные работы с тщательной прорисовкой деталей, подробными, аккуратно сделанными пояснительными надписями, так и черновики, карандашные наброски. Рисунки выполнены акварелью и тушью. Указание масштаба было непременно дополнением к изображениям, масштаб небольших объектов даётся в вершках

(ил. IV), более крупных планов – в аршинах. Часто, рисуя храм или крепость, Струков помещал фигурку человека, которая также хорошо масштабировала пространство.

К сожалению, состояние многих листов на сегодняшний день крайне плачевное: наблюдаются сильное загрязнение, сгибы, отверстия от кнопок в уголках листов, разрушение бумаги. Вероятно, они активно использовались самим создателем. Можно предположить, что именно эти рисунки были представлены Д.М. Струковым на знаменитой Политехнической выставке в 1872 г., проходившей в Москве. В историческом павильоне на выставке художник представил несколько моделей с древних храмов в Крыму и на Кавказе, а также серию рисунков и чертежей. Три раза в неделю в течение нескольких часов сам Дмитрий Михайлович лично «давал объяснения» к представленным древнехристианским памятникам Крыма¹⁵. Императорская академия художеств приобрела выставленные гипсовые модели и наградила художника золотой медалью.

Значительная часть листов посвящена раннехристианским храмам пещерных городов, высеченных в скалах, и памятникам, обнаруженным там: остатки фресковой живописи, предметы. Изображения почти 60 листов связаны с Инкерманской обителью, расположенной неподалёку от Севастополя.

В 1867 г. «благодаря небольшим средствам, поступившим от И.И. Четверикова, начались работы по восстановлению древнего Инкерманского храма. Часть работ была доверена Д.М. Струкову. В этом году он осмотрел и другие древние храмы Крыма. К сожалению, все древнехристианские храмы Дмитрий Михайлович застал в виде руин, фрески были очень плохой сохранности – часть росписей оказалась в копоти, где-то иссечена и местами утрачена.

Несколько акварельных работ знакомят нас с общим планом местности, видом входа в скалу (ил. V), общим видом пещеры, расположением внутренних помещений (церкви, коридоры, усыпальницы, лестницы, украшенные своды). Особый интерес представляют запечатлённые остатки живописи (ил. VI, VII) в церкви Св. Николая (схематичное изображение апостолов, фрагменты надписей) и рисунок свода с обозначением сохранившихся фрагментов. Д.М. Струков был неизменно внимателен к сохранившимся деталям

¹⁴ О древнехристианских памятниках в Крыму: Опыт археологических изысканий. М., 1872; О доисторических памятниках Тавриды. М., 1879.

¹⁵ Московские епархиальные ведомости. М., 1872. № 29. С. 216.

и предметам декора: в «Рисунках» увековечены крест церкви Св. Мартина и крест, высеченный над престолом в церкви Св. Климента (ил. VIII), розетки, железная лампада, каменные капители (ил. IX) и база колонны.

Также на рисунках запечатлены жилища, высеченные в скале, расположенной неподалёку от Инкермана. На изображениях можно увидеть общие виды таких жилищ, способы их украшения (различные рисунки и орнаменты). Учёным были исследованы и высеченные в скале храмы. Сохранились подробные планы и изображения (интерьеры, остатки живописи, надписи) церквей Св. Троицы и Св. Георгия.

Представленные «Рисунки древних памятников христианства в Тавриде» являются не только «красочным» отчётом археолога и реставратора о проделанных им изысканиях, но имеют огромное самостоятельное значение. Интересно, что даже спустя полтора века научные изыскания и иконографическое наследие художника остаются необычайно актуальными и ценными. Весь комплекс рисунков, планов и чертежей составляет бесценную художественную летопись древних христианских памятников Крыма, подавляющее большинство которых уже бесследно исчезло.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ «ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО КРЫМУ М. СОСНОГОРОВОЙ» **(издание 3-е, исправленное и дополненное)** **Одесса, 1880 г.**

Дорога от Симферополя до Севастополя на Бахчисарай

От Симферополя до Севастополя по Лозово-Севастопольской железной дороге считается 69 вёрст; станции на этом пути: Альма, Бахчисарай, Бельбек и затем Севастополь.

Дорога от Симферополя до самого Бахчисарая не представляет почти ничего интересного.

Пахотные луга, иногда сады и домики владельцев, а там степь, степь ровная, перерезываемая время от времени оврагами. Вдали только рисуются уступами горы с возвышающимся посреди них Чатырдагом.

Только пространство от Альминской станции, версты на две или на три, составляет исключение, потому что здесь протекает речка Альма, сделавшаяся исторической со времени последней Крымской войны, и дорога захватывает часть Альминской долины, покрытой превосходными садами.

Сады эти и виноградники, с домами владельцев, видны с дороги на далёкое расстояние. В числе их находятся лучшие и обширные сады в Крыму, из которых ежегодно отправляют внутрь России, особенно в Москву, многие тысячи пудов яблок, известных в продаже под названием «крымских», а на месте называемых синап.

Альминская станция железной дороги находится в имении, принадлежавшем графине де Мезон и перешедшем теперь к её наследникам. Прежняя владелица была вдова известного французского эмигранта графа де Мезона, который находился на русской службе, во время дюка де Ришелье, и известен особенно тем, что ему поручено было водворение в Мелитопольском уезде ногайцев, которые долго и по завладении Крыма русскими продолжали, по старой памяти, вести свою прежнюю кочевую жизнь. Граф де Мезон повёл это дело с большим успехом, так что уже в сороковых годах ногайцы были отличные и зажиточные земледельцы, привыкли жить в деревнях и в городе Ногайске, устроенном также де Мезоном, управление которого ногайцами вообще оставило в них навсегда благодарную о нём память.

Имение это называется Гаджи-Бике, было хорошо устроено прежними владельцами и обладает ещё и теперь обширным и издавна разведённым фруктовым садом, который хорошо известен московским купцам, приезжающим в Крым за фруктами.

За Альмой опять степь – ещё ровнее и безжизненнее – тянется на целые 15 вёрст. И тут только вы замечаете несколько ветхих построек, и ваш экипаж, если вы выехали из Симферополя не по железной дороге, круто поворачивает влево. Вы совсем неожиданно въезжаете в глубокую и узкую горжу, или в ущелье, между двух каменных стен, и глазам вашим также неожиданно представляется оригинальный Бахчисарай, совсем скрытый в глубине этого ущелья.

Но станция Лозово-Севастопольской железной дороги построена не в самом Бахчисарае, а в его предместье Ассиз, откуда вы на извозчике можете поехать в город.

Бахчисарай

Бахчисарай, теперь заштатный город Симферопольского уезда, был столицей и местопребыванием крымских ханов в XV и до конца XVIII столетий, т.е. до присоединения Крыма к России. Он и теперь ещё сохранил свой татарский, чисто восточный характер. Из 12 тыс. его жителей только одна шестая часть христиан, а остальные магометане, т.е. татары.

Глубокое ущелье, в котором лежит Бахчисарай, имеет в длину около 5 вёрст, а в ширину, в самом широком месте, – менее одной версты. Высокие, крутые горы и скалы светло-жёлтого цвета нависли над ним с обеих сторон; а самый город расположен частью по скатам двух гор, спускающихся к текущему внизу мутному ручью Чурюк-су (т.е. гнилая вода), а частью по берегам этого ручья. Неправильные и незатейливые татарские дома окружены богатой зеленью садов; между ними возвышаются тонкие минареты многих татарских мечетей в виде белых башен с остроконечной крышей и высокие итальянские тополи, окаймляющие обе стороны Чурюк-су. Вот вам общий вид бывшей ханской столицы, вид, не лишённый красоты и оригинальности.

Вы въезжаете в старинные, поросшие мохом каменные ворота, построенные в виде скромной триумфальной арки. Это древние ворота, существующие со времён ханских. На них обозначен «1787 год», т.е. год въезда императрицы Екатерины II в ханскую столицу.

У самого въезда в ворота вас встречает оставленная татарская мечеть, с тонким и высоким минаретом. Вы едете по узкой, очень дурно вымощенной улице, обстроенной домиками и бесчисленным множеством низеньких лавочек. Тут куют, пекут, варят, жарят, шьют и продают всякую всячину. Для приезжего, не знающего восточных городов, эта улица не может не показаться любопытной, хотя она не отличается особенною чистотою.

Проехав около версты, посреди самой разнообразной деятельности бахчисарайских жителей, вы направляетесь прямо к ханскому дворцу. Здесь у ворот на мосту надо остановиться и идти чрез ворота во двор до самого конца строений, где квартира городничего, заведующего дворцом, чтобы испросить у него позволения осмотреть бывший ханский дворец, который ныне утратил свой прежний восточный характер. Его даже освещают нынче керосиновыми лампами. Один из дворцовых стражей, который будет вашим чичероне по дворцу, укажет вам так называемый «Фонтан Марии Потоцкой», или «Фонтан слёз», воспетый Пушкиным; покажет ханскую молельню, слывущую почему-то молельней Марии, залу ханского совета, купальню затворниц гарема и проч. Не забудьте попросить его, чтобы он показал вам сады гарема, и не забудьте взглянуть на глубокий резервуар воды, в который как «в пучину вод» была опущена ревнивая Зарема, по стихам «Бахчисарайского фонтана». Резервуар этот питает многочисленные фонтаны, составляющие главную красу ханского дворца. Сады гарема находятся в запущении, но до сих пор дышат восточной негой и напоминают вам времена и жизнь крымских ханов.

Навестите также полуразвалившийся мавзолей, или так называемую гробницу Марии. Отсюда очень живописный вид на дворец и на весь Бахчисарай. Не забудьте также побывать в ханской мечети и посмотреть, как молятся правоверные. При мечети живут так называемые «вертящиеся дервиши»; они делают быстрые символические круги, произнося слово Гуве! (Он, т.е. Бог, всё движет).

Навестите и ханское кладбище подле мечети. Мулла за небольшую плату отворит вам маленькую калитку и введёт вас в это таинственное святилище мёртвых,

где находятся могилы грозных когда-то владык грозной для своих соседей крымско-татарской орды.

Ханское кладбище сохранилось ещё во всей своей восточной оригинальности. Оно окружено каменной оградой, и два тюрбе (большие восьмиугольные гробницы) под большими куполами видны из-за его стен. В этих тюрбе погребены некоторые крымские ханы, а вне их, на открытом воздухе, находятся мраморные гробницы членов ханского семейства и других почётных лиц. Из 114 надгробных надписей ханского кладбища старейшая восходит до 1001 (1592) г.¹

Вне ограды ханского дворца, среди общего кладбища, есть одно восьмиугольное тюрбе, построенное Крым-Гиреем-Ханом над его любимой женой Диларой-бикеч. Поэт Мицкевич в «Крымских сонетах» воспел погребённую здесь какую-то княжну Марию Потоцкую, увезённую из Подолии. Но судя по подлинным надписям на тюрбе, следует заключить, что Мария Потоцкая есть не более как поэтический вымысел Мицкевича, а за ним и Пушкина. Именно здесь две надписи; на одной сказано: «Да будет милосердие Божие над Диларою 1178» (1764), а на другой: «(Прочти) молитву за упокой души Дилары бикеч» (т.е. госпожи).

Если вы хотите видеть Бахчисарай в полной его красоте, то попросите этого же муллу провести вас на минарет ханской мечети; вид оттуда невыразимо хорош. Но за это следует заплатить особо, и не менее одного рубля.

Бахчисарай основан века четыре тому назад. А до того столицей ханов был Старый Крым, или Солкат. Бахчисарай был многолюден и богат; богат был и его дворец и украшен со всею прихотливой восточной роскошью. Во время войны с русскими он два раза горел и уже не мог быть восстановлен в прежнем великолепии своём.

Верхние сады, куда вела существующая и теперь лестница, увитая виноградом, были вырублены при взятии и разрушении Бахчисарая войсками фельдмаршала Миниха в 1736 г.

Дворец, несмотря на свою ветхость, и сады Бахчисарая тем не менее прекрасны ещё и теперь и произведут приятное впечатление на путешественника. (Самое слово Бахчисарай значит «дворец садов».) Если в этих садах и нет редких растений, если тут нет никакого великолепия, но тем не менее посреди этой богатой зелени и цветов как-то легко и привольно дышать. И эти замкнутые со всех сторон дворники с их вечно журчащими фонтанами невольно навевают какое-то успокоительное и приятное чувство.

¹ Желаящие знать имена погребённых ханов и познакомиться с содержанием надписей на гробницах могут найти это в «Записках Одесского исторического общества», т. II, с. 489; надписи арабские, но с русским переводом. Надписи эти отличаются или краткостью и простотой, или же восточной напыщенностью и многословием. Мы приведём здесь для примера одну краткую надпись и начало другой, напыщенной: «Ради Бога! молитву (т.е. прочти) за упокой души усопшего, имеющего нужду в милосердии Господа своего»; а вот начало другой: «Ненавистная судьба зарыла в землю алмаз с нитки рода ханов Чингисовых. Много алмазов было у Сеадет-Гирея, наместника Крымского; ныне один из этих алмазов Бахт-Гирей-Султан правосудный и мудрый. Да украшается он счастьем, пока тот Сеадет-Гирей лежит в земле. Высокочтенный отец его отличался умом в роде Чингисовом»... и т.д. Приведём, кстати, здесь ещё начало длинной и витиеватой надписи, находящейся на карнизе залы ханского совета: «Да наслаждается ежеминутно шах, при милости Божией, удовольствиями; да продлит Господь жизнь его и счастье. Крым-Гирей-хан, сын высокостепенного Девлет-Гирея, источник мира и безопасности, правитель мудрый, краса Крымского престола, повелитель великаго царства... и т.д. Смотри! Этот увеселительный дворец, созданный высоким умом хана, оправдывает мою хвалебную песнь. Это здание его радушием, подобно солнечному сиянию, озарило Бахчисарай. Смотря на живописную картину дворца, ты подумаешь, что это обитель фурий, что красавицы сообщили ему прелесть и блеск, что это нитка морского жемчуга»... и проч.

Не только ханский дворец, но и сам Бахчисарай, в качестве чисто восточного города, славится многочисленностью своих фонтанов. Их считается здесь 119. Вода в этих фонтанах всегда свежа и прозрачна, легка и приятна на вкус. Некоторые писатели претендуют даже (как, например, де ла Мотрай), что вода в бахчисарайских фонтанах самая лёгкая «по всей Татарии и Турции». Фонтаны здесь вообще хорошо содержатся; вода в них проведена подземными трубами и каналами из гор, иногда довольно отдалённых от города.

Татарских мечетей в Бахчисарае считается 35. Есть также одна православная (греческая) церковь, одна армянская и одна караимская синагога.

Затем к достопримечательностям Бахчисарая следует отнести восточные бани, которых находится здесь две.

Направо от Бахчисарая находятся два предместья его, называемые Азиз и Эски-Юрт. Здесь недалеко от станции железной дороги видны древние мавзолеи, окружённые древним же кладбищем, и остатки мечетей.

Эти мавзолеи были украшены мрамором; но теперь большая часть украшений этих исчезла; тем не менее эти древние постройки и памятники и одна уцелевшая древняя мечеть, находящаяся теперь в заведовании татарского духовенства, очень замечательны и интересны для любознательного путешественника, тем более что по стилю своей постройки и украшений памятники эти не кажутся принадлежащими татарам. Это уже заметил Паллас, и, кажется, справедливо.

Экскурсия из Бахчисарая по его окрестностям

Самые интересные памятники и остатки древности в Крыму находятся в той части горного Таврического хребта, по северному его склону, которая примыкает с одной стороны к Бахчисараю, а с другой к Севастополю. Здесь находятся также богатейшие крымские долины, пострадавшие в последнюю войну: Качинская и Бельбекская, которые славятся своею растительностью и садами и заключают в себе много живописных мест и картинных горных ущелий, каково в особенности Каралезское ущелье. А затем здесь находятся исторические долины Чёрной речки (Чоргунская и Инкерманская) и, наконец, знаменитая Байдарская долина. Потому Бахчисарай и Севастополь должны быть избраны главными пунктами для обозрения находящихся в их соседстве примечательных мест.

Из Бахчисарая обыкновенно делаются следующие экскурсии:

1. В Успенский монастырь, в $1\frac{1}{2}$ версте от дворца;
2. В Чуфут-Кале и в так называемую «Иосафатову долину», около 2 вёрст от дворца, против монастыря;
3. На вершину горы Тепе-Кермен, в 6 верстах от Бахчисарая и в 4 от Чуфут-Кале;
4. В Качикален и к источнику св. Анастасии, в 3–4 верстах от Тепе-Кермена;
5. В Каралез, верстах в 10 от Качикалена;
6. В Черкес-Кермен, в 3 верстах от Каралеза;
7. В Мангуп-Кале, от деревни Средний Каралез, чрез Черкес-Кермен, в 13 верстах, от Черкес-Кермена в 8 верстах, а от Бахчисарая в 20 верстах.

Так считают эти расстояния татары, полагая на каждый час верховой езды от 4 до 5 вёрст.

Все эти прогулки лучше всего делать верхом, хотя к большей части указанных мест без больших затруднений можно проехать и в лёгком экипаже; но тем не менее самый удобный способ путешествия здесь верхом. Для этого в Бахчисарае следует вам нанять верховых лошадей с хорошим и знающим проводником.

С татаринном, у которого вы будете нанимать верховых лошадей, следует торговаться и не давать ему дороже 1 руб. 50 коп. или 2 руб. в день за лошадь, если она особенно хороша.

На все названные нами экскурсии нужно употребить дня три, не менее, и необходимо, кроме того, на всё время этих экскурсий запастись съестными припасами и не позабыть даже о хлебе и о чае. Нужно ехать с проводником.

Цыганский город. Предместье Салачик

Проехав от ворот дворца, вы минуете так называемый цыганский город. Хижины цыган приютились к утёсам, в которых заметны закопчённые дымом пещеры, выдолбленные, как по всему видно, в древнейшие, быть может, доисторические времена жившими в Тавриде троглодитами. По грубости работы можно думать, что их долбили каменными орудиями; быть может, они относятся к так называемому «каменному периоду» в истории человечества.

За цыганским городом находились не существующие теперь ворота, которыми замыкался вход в Бахчисарай с этой стороны.

Тут бахчисарайское ущелье расступается. Довольно пространный перекаресток, образовавшийся при разветвлении ущелья, и узкий проход с юга, где находятся Успенский монастырь и Чуфут-Кале, со времён татарских носят название Салачика, составляющего предместье Бахчисарая с этой стороны.

При входе в бахчисарайскую горжу с юга, со стороны главной цепи Таврических гор, высокие скалы открывают как бы громадный портал, или входные ворота, в узкую долину. Повсюду, до самой вершины скал, видны тут следы древних развалин. Сама бахчисарайская горжа и небольшие ущелья, на которые она тут разветвляется, были прежде, как это ясно видно, заперты стеной и защищены крепостью на вершине одной скалы (Чуфут-Кале). И здесь же, в этой скале, как и в скале ей противоположной, изрыто много пещерных жилищ, составляющих, как мы это увидим далее (в Тепе-Кермене и пр.) целые «пещерные города», или города «криптов», – один из интереснейших памятников отдалённой древности в Крыму.

К этим остаткам древнейших времён здесь присоединились и развалины поздние, времён татарских, видные на широком перекарестке, о котором упомянуто выше. Тут находились сады и загородный дворец Ашелама, построенный ханом Крым-Гиреем, а также греческая церковь Св. Софии, обращённая потом татарами в мечеть, и много греческих домов. Но всё это сгорело при взятии Бахчисарая Минихом, и уцелело только одно, построенное ханами, довольно красивое здание, где помещается медресе, т.е. высшее татарское училище, и красивая гробница второго крымского хана Менгли-Гирея, благоприятеля великого князя Иоанна III.

Бахчисарайский Успенский монастырь, или скит

В Салачике, в коротком и тесном ущелье, ведущем с юга в бахчисарайскую горжу, там, где справа и слева сдвигаются скалы, находится и Успенский монастырь, или скит. В глубине этого ущелья вы видите монастырский сад, постройки и церковь. Затем в скале, на значительной высоте, вы замечаете пещеры с окнами и балкончиками и пещерную церковь под навесом скал, а также и ведущую в монастырь широкую лестницу.

Успенский монастырь замечателен не только по своему оригинальному местоположению и по своей постройке внутри дикой и неприступной скалы, но он замечателен ещё и по своему историческому значению в вопросе об отношении древних крымских христиан-греков к их диким мусульманским властителям, татарам.

Основание его должно относиться к времени перенесения татарской столицы в Бахчисарай, т.е. к первой половине XV столетия, когда мусульманский гнёт и влияние татар на внутреннюю и внешнюю жизнь христиан-греков, составлявших коренное население горной и прибрежной части Крыма, сделались неотразимо сильны и тяжелы. Гнёт этот шёл теперь из центра татарской силы и жизни, из Бахчисарая, окружённого издревле греческим христианским населением. И вот греки-христиане, у этого же самого центра враждебной им силы, как противодействие мусульманскому гнёту и фанатизму, устраивают святую обитель в недрах неприступной каменной скалы, ища в ней помощи и защиты небесной силы против утеснителей их веры, их языка и народности и их жизни.

Что таково именно историческое значение и идея основания Успенского монастыря, на это ясно указывают предание и легенды, живущие и теперь среди крымских греков, о сверхъестественных обстоятельствах, послуживших поводом к основанию монастыря. Самая популярная из этих легенд следующая: в горах появился вдруг чудовищный змей, пожиравший людей и их скот. Ближние жители гор вынуждены были оставить это место и свои жилища и усердно молились Пресвятой Богородице, прося Её избавить их от того злого змея. В одну ночь они вдруг увидели необыкновенно яркий свет на этой неприступной горе. Это продолжалось несколько ночей. Окрестные жители, не имея возможности взойти на скалу вследствие её крутизны, пробили в скале ступени, достигли по ним до места, где светился огонь, и нашли там образ Пресвятой Богородицы, перед которым горела лампада; тут же недалеко от образа лежал мёртвым и змей, наводивший ужас на народ. Этот образ Пресвятой Богородицы, по преданию, был перенесён со скалы к одному из знатных лиц страны; но образ несколько раз возвращался снова на скалу, на прежнее место. Потому в этом месте высекли в самой скале пещеру и соорудили для него здесь небольшую церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, так как, по преданию, явление иконы произошло 15 августа. И таким образом создан Успенский монастырь и стал привлекать к себе толпы молящихся со всего Крыма. Явленная икона пользовалась великим уважением не только у греков-христиан, но и у татар, и даже у самих бахчисарайских ханов. Это поднимало во мнении народа высокое значение Успенского монастыря и давало ему возможность иметь влияние не только на христиан, для поддержки их веры и твёрдости в борьбе с магометанством, но и на самих татар. И что влияние Успенского монастыря на его паству было сильно и непосредственно, это доказывается тем, что почти всё греческое население подле Бахчисарая и в местах по эту сторону гор осталось греческим и христианским; тогда как такое же греческое население по ту сторону гор, на Южном берегу, почти всей массой своей обращено было в магометанство и превратилось в татар.

Успенский монастырь, хотя бедствовал при татарах и обращался часто за милостыней к русским царям (так, в одном старом московском документе 1596 г., времени царя Ивана Фёдоровича, говорится: «Приехал из Крыму с крымскими гонцы, из монастыря Пречистой Богородицы на Салачике, гречанин Пасхалей бити челом о милостыне»), но тем не менее монастырь существовал, и существовал до самого прихода русских в Крым.

Когда вследствие русской политики почти все крымские греки были выселены из Крыма к Азовскому морю в 1778 г., то они взяли с собой из Успенского монастыря и явленный образ Богородицы, который теперь находится в Мариуполе. После этого монастырь утратил прежнее своё значение и обращён был в кладбищенскую церковь, так как богатые и зажиточные греки издавна были погребаемы, по их желанию, около монастыря, и их могилы, с белыми каменными крестами, видны тут и теперь.

По идее покойного архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия о восстановлении в горной части Тавриды всех прежних обителей и церквей, которые прославились своей святостью с древнейших времён и привлекали к себе верующих, разрешено было в 1850 г. восстановить первее всего бахчисарайский Успенский монастырь под именем «Успенского скита», и 15 августа того же года произошло торжественное открытие скита.

Преосвященный Иннокентий имел обширные планы о восстановлении этого монастыря в соответственном его древнему значению виде; так, он предполагал «пещерную церковь оправить и сделать сколько можно поместительнее и удобнее для богослужения, нисколько не изменяя притом её древнего вида и характера, а снаружи место явления чудотворной иконы, прикрытое кровлей балкона, обнаружить совершенно и облагодетельствовать с устройением перед находящимся на нём изображением Богоматери неугасимой лампы». Затем он хотел устроить везде удобные дороги для проезда и лестницы, построить ещё два храма и часовню, кельи с монастырской библиотекой и больницей, гостиницу для богомольцев и посетителей, устроить везде фонтаны и бассейны с водой и развести вокруг бассейнов для обители виноградные и «масличные» сады.

Только некоторые из этих предположений преосвященного архипастыря теперь приведены в исполнение.

При входе из Бахчисарая в ограду монастыря теперь устроены красивые каменные ворота, чрез которые ежегодно 15 августа проходит в монастырь масса богомольцев.

В ограде монастырской учреждено было особое кладбище, на котором погребены лица, убитые во время бывшей севастопольской осады.

Чуфут-Кале

Почти против монастыря, на отвесной скале в 2000 футов высоты, находится другое замечательное место в Крыму. Это крепость Чуфут-Кале. Крепость эта и небольшой городок внутри её устроены на отдельно стоящей обрывистой скале и со своими буквально свесившимися в пропасть домиками и укреплениями представляет самое странное и любопытное место для жилищ человеческих, какое только могли когда-либо выбрать для себя люди. Она окружена со всех сторон сильными и грозными стенами, имеет двое массивных железных ворот и одну только дорогу, иссечённую по скале и ведущую к входным воротам крепости.

Не только при татарах, но, как по всему видно, ещё гораздо прежде татар в Чуфут-Кале жили постоянно евреи-караимы, или караиты. Название караим или караит происходит, по объяснению английского миссионера Гендерсона, от еврейского слова «кара» – писание, т.е. Св. Писание. Название это принято караимами на том основании, что эти еврейские сектаторы отличаются от всех остальных евреев тем, что признают только Библию, или книги Ветхого завета, которых держатся буквально, и не признают ни Талмуда, ни других книг, обязательных для прочих евреев. Крымские караимы от долговременного пребывания между татарами усвоили себе их язык и одежду; даже пишут по-татарски еврейскими буквами. Они ещё недавно довольно густо заселяли этот городок, но теперь выселились частью в Бахчисарай, а частью в другие города Крыма, и в настоящее время в Чуфут-Кале живёт только одно семейство караимского учёного Абрама Фирковича, который недавно умер. Этот Фиркович – лицо не безынтересное. Он почти столетний старик, посвятивший всю жизнь свою на отыскание древних еврейских рукописей.

Археологическое занятие это вошло у него почти в манию. Он сидел постоянно среди своих рукописей, которыми завалены были и его комнаты, и самая синагога. Занятие это, надо впрочем сказать, доставило ему и немалую материальную выгоду: он продал, как известно, петербургской публичной библиотеке какое-то собрание своих рукописей за весьма почтенную сумму денег². Фиркович любил всегда принимать посетителей и рассказывать о своих открытиях и о своей учёной известности. Он объехал Кавказ, Палестину и Египет – всё с той же целью отыскивать повсюду древние еврейские рукописи, которые затем продавал, впрочем, за дорогую цену.

То обстоятельство, что такую грозную твердыню занимает с весьма давних исторических времён племя, совершенно не воинственное и предававшееся всегда только торговым и мирным занятиям, придаёт ещё более оригинальности и загадочности Чуфут-Кале. А что племя это здесь живёт очень давно, о том свидетельствуют надгробные памятники на кладбище Чуфут-Кале, или в так называемой «Иосафатовой долине» (см. ниже), – памятники с еврейскими надписями, относящимися, по мнению профессора Хвольсона, к векам IX, X и даже к эпохе ещё раньшей.

Название Чуфут-Кале есть позднейшее, – хотя также употребляемое уже с XVII столетия (Кеппен, стр. 316). Но крепость эта известна и восточным, и западным писателям с XIV столетия под именем Киркера, Кыркора, Киркиеля и проч. И тем не менее достоверно неизвестны ни народ, которым она построена, ни век, к которому должно быть отнесено её построение.

О происхождении самих караимов, населявших Чуфут-Кале, и о происхождении их секты также ничего достоверного неизвестно. У учёных существуют по этому предмету различные мнения. Более вероятным кажется то из этих мнений, которое считает крымских караимов остатками хазар, принявших иудейство.

При этом предположении сделалось бы понятным, почему на кладбище Чуфут-Кале находятся памятники с надписями VII, IX и X столетия, как утверждает гебраист Хвольсон. Хотя могущество хазар и пало в Крыму в X или в начале XI столетия, но часть хазар всё-таки могла оставаться в Крыму и укрываться в Киркере, который, может быть, был и прежде хазарской крепостью и даже, быть может, и основан хазарами.

Почти посредине Чуфут-Кале, недалеко от древних ворот, находится замечательный мавзолей, украшенный изящным портиком и состоящий из двух сводов, помещённых один над другим. Татары говорят, что мавзолей этот есть гробница, в которой похоронена дочь какого-то Тохтамыш-хана по имени Ненекеджан-Ханым, и рассказывают по поводу погребения её в Чуфут-Кале целый роман, а именно: говорят, что она влюбилась в какого-то красиваго гяура или мурзу и бежала вместе с ним в Чуфут-Кале, желая скрыться за его неприступными стенами от преследовавшего её за эту любовь отца. Но хан, её отец, хотел предательски выманить её оттуда, и Ненекеджан-Ханым, зная, какая участь её ожидает, если она попадёт опять в руки отца, бросилась здесь со страшной пропасти вниз. Опечаленный её внезапною смертью отец в память о несчастной дочери поставил здесь, говорят, этот красивый мавзолей, покрыв его восточными надписями. Из одной надписи видно (Кеппен, стр. 311), что Ненекеджан-Ханым, дочь Тохтамыш-хана, умерла в рамазан 841 г. (т.е. 1437 или 1438 г. по Рождеству Христову).

Восточные надписи эти крайне любопытны, потому мы приведём здесь русский перевод их, сделанный нашими ориенталистами. Наверху гробницы высечено: «Это гробница знаменитой государыни, дочери Кагана Тохтамыш-хана, скончавшейся ме-

² Он же списал и здешние надписи на гробницах, чтение которых возбудило длинный спор между гебраистами об их достоверности.

сыца рамазана 841 г.». Потом на карнизе входа в гробницу две следующие надписи: 1) «Мухаммед (да будет с ним мир!) сказал: этот мир есть жилище суеты; будущая же жизнь вечна. Да будет прославлен тот, кто вечно велик и милостив к своим рабам смертным и тленным»; и 2) «Мухаммед (да будет с ним мир!) сказал: эта жизнь есть нива для будущей жизни. Ещё он сказал: настоящая жизнь есть час; употребляйте его на служение Богу. Ещё он сказал: спешите молиться и покаяться прежде смерти».

И что замечательнее всего, что этот Тохтамыш-хан наименован здесь в надписи каганом. Титул же каганов, сколько известно, носили обыкновенно цари или правители хазарские, а не татарские ханы. Нет ли тут поэтому какой-нибудь ошибки со стороны татар, и не была ли, в самом деле, Ненекеджан-Ханым дочерью какого-нибудь хазарского кагана, а не хана Тохтамыша? Следует заметить ещё относительно самой постройки и украшений мавзолея Ненекеджан-Ханым, что он не имеет в этих отношениях ничего общего с надгробными памятниками чисто татарского происхождения, например, с памятниками в Бахчисарае; тогда как мавзолей этот по своему стилю и украшениям очень походит на упомянутые нами выше памятники в Эски-юрте, не принадлежащие, по мнению Палласа, татарам.

Если же Ненекеджан-Ханым была действительно дочерью татарского хана, то существование гробницы татарской принцессы в Чуфут-Кале, т.е. в городе, или в «крепости жидовской», с населением с издавна исключительно еврейским, во всяком случае, не может не казаться странным и загадочным. Хотя, с другой стороны, есть исторические известия, что некоторые из крымских ханов (например, Менгли-Гирей) запирались в «Киркере», т.е. в Чуфут-Кале, и вели отсюда борьбу со своими врагами; но это всё-таки никак не значит, чтобы Киркер служил когда-либо постоянным местопребыванием ханов.

Скала Чуфут-Кале сделалась местом обиталища людей не только во времена более или менее хорошо известные истории, но ещё и в так называемые доисторические времена. Доказательством этого служат существующие в ней пещеры, или «крипты», высеченные в камне людьми для своих жилищ. Мы увидим далее (как мы уже сказали), что из таких пещер устроены целые пещерные города в скалах Тепе-Кермена, Черкес-Кермена, Инкермена и др. Устройство пещерных городов в Крыму мы приписываем народу, обитавшему в этой стране в самой глубокой древности, именно киммериянам или киммерийцам. Следы такого пещерного города находятся и в Чуфут-Кале. Он высечен под крепостью, со стороны небольшой долины. Здесь в одном только месте существует более пятидесяти пещер, и от них высечена по скале дорожка со ступенями, ведущая в крепость.

Около этих пещер, равно как и в других недосыгаемо высоких местах на скале Чуфут-Кале, указывают отверстия, в которые, говорят, были ввинчены железные кольца для привязывания лодок³, так как предание говорит, что во времена глубокой древности во все ущелья среди стоящих в этих местах гор меловой формации заливалось море.

Нынешний городок Чуфут-Кале имеет около 200–300 домов, приходящих в разрушение и стоящих тесно друг подле друга, образуя одну узкую и кривую улицу. Прежде, когда городок был более населён и когда живший в нём постоянно караимский раввин всегда радушно встречал путешественников, в нём находилось много богато убранных, в восточном вкусе, караимских домиков. Интересная караимская синагога, в которой хранились древние еврейские рукописи, существует здесь ещё и теперь.

³ Не вернее ли будет допустить предположение, что если здесь и были какие-то кольца, то они скорее могли существовать здесь для подъёма лестниц в жильё, где скрывались жители от набегов врага?

Здесь в крепости показывают также довольно обширную подземную комнату, которую называют тюрьмой и в которую нетрудно спуститься.

Внизу, между скалами, расположена очень живописно и упомянутая нами Иосафатова долина, или кладбище Чуфут-Кале, осенённое многовековыми деревьями. Многочисленные гробницы этого кладбища имеют особенную, очень оригинальную форму; некоторые из них состоят из мраморных плит, а другие из простых, хорошо отёсанных камней. Большая часть гробниц покрыта еврейскими надписями; из них некоторые, как уже замечено выше, очень древние.

Из всего сказанного нами о Чуфут-Кале ясно, что это любопытное и интересное место вполне заслуживает подробного обозрения со стороны любознательно-го туриста по Крыму.

Тепе-Кермен

Гора Тепе-Кермен находится в 4 верстах расстояния от Иосафатовой долины, откуда и поведёт вас прямо к ней ваш проводник, когда вы пожелаете обозреть замечательно хорошо сохранившийся здесь и очень любопытный пещерный город.

Дорога к Тепе-Кермену не представляет ничего занимательного, но зато она нетрудна и к самой подошве горы можно подъехать даже в лёгком экипаже. Потом нужно подниматься на гору верхом, около версты и более, и затем уже остальное пространство горы, до пещерного города, нужно пройти пешком.

Гора, или скала, Тепе-Кермен стоит совершенно отдельно в долине и имеет форму конуса с плоской вершиной. Грунт её беловатый, а верхняя часть камениста и скалиста. Эта-то часть горы вся вокруг пробита пещерами, или криптами, в несколько этажей (от 10 до 15), поднимающихся один над другим, так что Дюбуа справедливо сравнивает вершину Тепе-Кермена с голубятней.

Как только вы взберётесь до известной высоты на утёсистый Тепе-Кермен, вам тотчас представятся ряды и этажи его криптов, составляющих обширный пещерный город.

Вы найдёте эти пещеры с хорошо проделанными окнами, с дверями, со знаками перегородок, разделявших большие пещеры на несколько комнат; найдёте, что многие из них находились в связи и составляли одно жилое отделение; везде встретите хорошо устроенные лестницы, небольшие площадки, переходы, галереи пещер с проходами, составлявшими местами правильные улицы. Внутри пещер найдёте ряд скамеек и кроватей, – и всё это высечено и вырублено внутри самих скал⁴.

Первая большая пещера, передняя часть которой обрушилась, была, вероятно, большим храмом; но судя по её форме и по черепам, которые иногда здесь можно отыскать, – храм и люди, в нём похороненные, относятся к временам дохристианским. Черепа эти – с плоскими головами, почти лишённые лба. Но что здесь в позднейшее время всё-таки была христианская церковь, это видно по двум углублениям в скале, где были высечены образа, теперь истёртые. На одной стене здесь находится также полуистёртая греческая надпись.

Другая, маленькая, церковь находится в верхней части пещер, под страшным обрывом; в ней сохранились алтарь и несколько колонн. Третья церковь, наполовину разрушенная, находится на ровной площадке поверхности горы. Это была большая церковь, окружённая многочисленными строениями; и как строения эти, так и самая церковь сложены были из камня, без извести; кладка прочная; много камней по углам тёсаных.

⁴ Описание некоторых пещерных городов с приложенными к нему рисунками см. в Записках Одесского исторического общества, т. VIII, с. 39–108.

Можно себе представить, как живописно величествен был вид с долины на эту отдельно стоящую гору, всю изрытую пещерами, с строениями на верхней площадке, между которыми возвышался крест христианского храма. Какая непонятная деятельность и жизнь кипели некогда на этом отдельно торчащем в небо утёсе?

Почти все крипты, составляющие в целом правильный пещерный город, высечены в наружных сторонах или отвесных стенах скалы, – куда выходят и где пробиты и все их окна и двери, ясно видные снизу, даже от самой подошвы горы. Эти пещеры заросли травой и кустарниками; и потому, обозревая поверхность горы, необходимо быть осторожным, чтобы не свалиться в какую-либо из этих поверхностных пещер.

Всех пещер так много, что их едва ли возможно обойти и осмотреть все в целый день. Да едва ли возможно и перечесть их все, тем более что видны целые ряды обрушившихся пещер – конечно от времени – с обрушившимися лестницами; и попасть поэтому в такие пещеры трудно, если не совсем невозможно.

Такое бесчисленное множество совершенно открытых пещер уже одно достаточно ясно говорит против существующего о крымских пещерных городах мнения, будто все они высечены христианами, которые скрывались в них от преследований за веру и совершали там, в тайне от преследователей, своё богослужение и обряды.

Качикален

Другой пещерный город, соседний с Тепе-Керменом, находится в оригинально диких и нависших над берегом реки Качи скалах, в урочище Качикален, или Качикальён, или Качкальон, как называют татары эти скалы и урочище. Но не доезжая ещё до Качикалена, по дороге, вам придётся проехать мимо оригинального камня, имеющего форму столпа. Он как бы едва держится одной точкой опоры у своего основания и вот-вот упадёт. Он явно выдвинулся и отделился от скалистой горы, при её скате. Немного дальше стоит другой огромный камень, имеющий самую странную форму и похожий как бы на сидящую в огромных креслах женщину гигантских размеров. Первому из этих камней, столпообразному, татары дают название Вай-вай-кая или Вайваяным-кая, а последний они называют матерью первого. Кроме того, татары рассказывают об этих камнях и особенно о Вай-вай-кая несколько разных забавных легенд. Вот одна из них. Какая-то горская красавица была такого огромного роста, что никто не решался на ней жениться; она начала стареть и дурнеть, и с досады, что не находит себе жениха, вздумала мстить всем девушкам-невестам, стала преследовать их и делать им всякое зло. Какая-то благодетельная волшебница заступилась за несчастных невест и превратила гигантскую красавицу в каменный столп, поставив его на той дороге, по которой возили невест к венцу. Другие легенды неудобны для печати, и если вы интересуетесь их знать, вам их расскажет ваш проводник.

Качикален лежит на левом берегу реки Качи. Внизу его, под навесом скал, в тесной долине находился древний монастырь Св. Анастасии, недалеко от берега речки. Архиепископ Иннокентий возобновил этот монастырь, поставив на его месте небольшую красивую церковь во имя Св. Анастасии. А наверху, в скалах, посреди пещерного города, находится замечательный и также древний источник св. Анастасии. Вода источника считается целебной; и потому сюда стекается много народа на поклонение – не только из христиан, но и из татар.

Качикален вас поражает невольно, с первого раза, своей дикостью и трудностью восхождения на него. Но если вы решитесь взобраться на его вершину по узкой дорожке, протоптанной по осыпающейся горе, то тем, что вы там увидите, вы будете вполне вознаграждены [...]. Мы предвещаем однако тех, кто подвержен головокружениям, чтобы они не всходили на скалу без помощи и без поддержки своего проводника.

Пещерный город устроен здесь и в главной скале, и в отдельных скалах и камнях. Пещер множество и в несколько ярусов. Здесь также существуют галереи, лестницы, переходы, мостики и как бы улицы между пещер; но здесь более, чем в Тепе-Кермене, находится сильно разрушившихся от времени пещер.

В верхнем ярусе пещер и находится источник, или колодезь, Св. Анастасии, в скале, иссечённой полукругом.

В одной из нижних пещер давно открыта очень любопытная вещь, о назначении которой долго не догадывались. Дюбуа первый указал, что это отличный, высеченный в самой скале каменный прессуар для давки винограда и для превращения его в вино. Такие прессуары постоянно употреблялись прежде в Крыму, и они найдены и в других местах. Устройство их очень интересно. Тем не менее изумительно, почему эти прессуары высечены в Качикалене, на такой высоте? И сколько стоило труда втаскивать туда виноград?

В пещерах верхнего яруса, до которых можно добраться с трудом, находятся ещё глубокие, высеченные в скале ямы, называемые *силло*, в которых хранился зерновой хлеб. Ясно, значит, что обитатели пещерного города занимались виноделием и земледелием. Но, по всей вероятности, это были позднейшие обитатели пещер, те, которые нашли пещерный город уже готовым, а не те, кто первоначально его высек. Последние обитатели были, как видно, христиане и имели здесь церковь, но не в пещерах, а на поверхности скал, укрепленных стенами, которыми замыкался вход в это оригинальное человеческое жилище. Здесь на площадках скал вы также увидите ещё несколько гробниц и разбросанные человеческие кости. От укреплений заметны остатки каких-то каменных ворот, а на существование церкви указывает сохранившийся крест, высеченный на одной скале.

Из Качикалена следует отправиться на ночлег в одну из деревень превосходной Каралезской долины и Каралезского ущелья. Переночевав здесь, вы можете на другой день отправиться осматривать самый любопытный из пещерных городов в Черкес-Кермене.

Каралез

Широкая, окружённая утёсами самых прихотливых форм Каралезская долина считается самой красивой и живописной и одной из плодороднейших долин, по северному склону Таврического хребта, и совершенно справедливо утверждают, что Каралезская долина по красоте своей и плодородию ни в чём не уступает лучшим долинам в Сицилии. В ней раскинуты три деревни: Буюк-Каралез, Юхары-Каралез и Орта-Каралез. Деревни эти находятся в собственно так называемом Каралезском ущелье, которое составляет верхнюю часть Бельбекской долины, отделяясь от неё в середине р. Бельбек; но оно орошается многочисленными своими собственными горными ручьями, которые никогда не пересыхают. Сады прелестной Каралезской долины известны особенным плодородием и превосходством своих плодов; табачные плантации дают здесь также очень хороший доход, и табак считается одним из лучших в Крыму.

Черкес-Кермен

В 3 верстах от Каралезской долины находится узкое и короткое ущелье со входом только с одной стороны и совершенно замкнутое утёсами со всех остальных сторон. В этом ущелье приютилась татарская деревня Черкес-Кермен.

Над нею возвышается громадный утёс, называемый также Черкес-Кермен, в котором высечен один из самых замечательных пещерных городов в Крыму. Он называется также у татар и Эски-Кермен (старая крепость), а иногда и Джин-

гиз-Кермен. Но Черкес-Кермен и помимо своего пещерного города был, как видно, значительным укреплённым местом, или древним городом, как это ясно из слов Мартина Броневского, писателя XVI столетия, который говорит, что этим местом владели какие-то греческие князья.

О существовании этого укреплённого города свидетельствуют теперь только остатки башни или, скорее, двойных ворот превосходной постройки, вероятно, византийской, с толстыми стенами, кладенными из тёсаных камней на извести. Башня эта стоит над деревней, с восточной стороны, на неприступной скале, и поставлена над глубокой расселиной. Татары дают почему-то этой башне название Кыз-Кулеси, т.е. «девичья башня», и ещё Паллас передаёт, что у них есть предание, что здесь жили какие-то молодые девушки, которые кончили тем, что низверглись здесь со страшной скалы. Тот же Броневский упоминает и о пещерном городе в Черкес-Кермене, говоря, что там «в каменистой горе находятся дивным образом высеченные в камне дома». И дома эти, или крипты, высечены в оригинальных скалах Черкес-Кермена в самом деле удивительным образом. Тут целые ряды пещер, находящихся в связи и составлявших одно жилое отделение, рассчитанное на известный комфорт; бесчисленное множество криптов из одной, двух, трёх, четырёх и т.д. пещер; во многих высечено что-то вроде стульев, скамеек, кроватей и проч. Пещеры составляют целые улицы с переходами; между пещерами род коридоров; крипты или комнаты почти все со светлыми окнами, с дверями и перегородками. Почти во все пещеры ведут превосходно высеченные лестницы. Многие из них хорошо сохранились. И всё это вырублено с удивительным искусством в камне, внутри скал!

Здесь в пещерах находится и одна христианская церковь с замечательно хорошо вырубленным на камне иконостасом и с хорошо сохранившимися следами живописи по стенам, изображающей, кажется, Богородицу, окружённую святыми.

Почти у самого входа в этот замечательный пещерный город находится обширная пещера, которая, вероятно, служила залой совета или судилища, судя по её устройству. Посредине кресло, высеченное в скале, и от него по обе стороны полукругом идут скамьи. Наперед, в обрушившейся стене, заметно, что и здесь находились скамьи. Теперь в этой зале отдыхают лошади, пасущиеся на площадке утёса.

Также замечательна большая пещера с тонким потолком, в котором пробиты круглые отверстия. Это не могли быть окна, потому что окна пещеры этой выходят на обрыв. Это, должно быть, было что-либо вроде обширной поварской или кузницы, так как на потолке, около круглых отверстий, заметны следы дыма или копоти, и отверстия сделаны были, кажется, именно для того, чтобы служить для выхода дыма из пещеры.

Другая замечательность этого места – глубокий колодец, высеченный в скале. Его вода, по наблюдению Кеппена, одна из самых холодных в Крыму. Колодец находится в нижних пещерах, и к нему ведёт лестница с довольно разрушенными теперь ступенями; всех ступенек 28; спускаются в колодезь обыкновенно босыми ногами, ибо ступеньки очень скользкие; раз поскользнувшись – кончено – и костей не собрать! Потому спускаться в этот колодец без проводника не следует. Да и вообще, для обозрения Черкес-Кермена вам необходимо взять проводника непременно из местной деревни и одного из известных там стариков.

На скате горы, пониже пещер, в отдельном утёсе устроена прелестная маленькая церковь, отлично сохранившаяся. Здесь есть и живопись, и греческие надписи. Она совершенно цела, точно вчера вырублена. Проводники часто забывают её показать; надо спросить, где Эклисе, – и тогда вас поведут к ней.

Чтобы хорошо осмотреть этот замечательный памятник древности, надо провести здесь дня два, ночуя у татар в деревне. Они зажиточны и гостеприимны.

И здесь, как и в других пещерных городах, кроме Качикалена, нам показывали ввинченные в наружную сторону утёсов железные кольца.

Мангуп-Кале

Из Каралезской долины к Мангупу дорога идёт посреди настоящей галереи. Утёсы скал поднимаются ровные, точно отполированные над руслом небольшой речки Пелагос, так что если вы вздумаете отдохнуть на мягкой траве, у источника ключевой воды, вливающейся в реку Пелагос, то вы можете опереться на скалу, которая отвесно поднимается над головой футов на 60. Выехав из этого очаровательного ущелья, вы следуете по дороге, идущей вдоль прекрасного сада из молодых фруктовых деревьев, у деревни Ходжа-Сала, и за деревней, в виду крепостной стены, – поворот и подъём к древней крепости Мангупа.

Мангуп, или Мангуп-Кале у татар, – знаменитая крепость в истории Крыма и по своему удивительному положению, и по своей известности в истории заслуживает особенного внимания путешественника. Утёс Мангуп-Кале стоит совершенно отдельно, в виде острова. Соседние утёсы точно отодвинулись от этой громады. Эта замечательная крепость была обнесена вокруг стенами и башнями с воротами для въезда; а все доступные к ней места снизу были тщательно укреплены стенами и башнями. Возвышаясь почти на тысячу футов и господствуя над местностями, орошаемыми Чёрной речкой и Бельбеком, Мангупская скала составляла одно из грознейших укреплений в Крыму. Сюда можно было подняться только с одной стороны утёса. Даже и теперь с удобством можно подняться в Мангуп только по старой дороге. По бывшим улицам Мангупа заметны следы колёс, врезавшихся в скалу от частой езды по её мягкому камню.

Кроме построек на поверхности земли здесь также пробито множество криптов в утёсах скал. Все крипты имеют сообщение друг с другом посредством лестниц. Многие из них имеют окна и выход наверх в крепость, которая, значит, кроме надземного имела и свой подземный – пещерный город.

Находившийся же на самой платформе Мангупа целый город оставил теперь весьма немного следов своего исторического существования. В акрополе Мангупа видны только остатки двухэтажного дворца, или отдельного замка, с красивыми резными украшениями на камне, около окон. Нижний этаж здания сделан сводом; в стенах видны ещё узкие амбразуры для ружей. Тут недавно ещё видны были при входе на платформу скалы следы христианской церкви, татарской мечети и караимской синагоги; но теперь трудно даже отыскать их развалины.

Однако и теперь ещё, если взойти на груды камней, образовавшихся от построек, то можно довольно ясно различить, как шли улицы и где стояли дома: сохранившиеся фундаменты представляют почти весь план города.

Кроме крепостных стен с башнями и стен акрополя с остатками дворца, всё остальное разрушено. На месте садов, в церковных оградах, сохранились одни клумбы сирени в двух местах.

Здесь прежде росли фруктовые и оливковые деревья, но теперь они вырублены татарами.

Какой величественный и вместе очаровательный вид должна была представлять скала Мангупа, когда на ней возвышались дворцы, храмы с их куполами, и когда по улицам города ездили колесницы, сновал народ. Со всех окрестных долин и возвышенностей видна была его жизнь и деятельность.

Броневский рассказывает в своём «Описании Татарии», что 80 лет спустя после того, когда турки завладели Мангупом, там случился сильный пожар, уничто-

живший все его здания; ничего важного не уцелело, кроме акрополя, в котором находились прекрасные ворота, украшенные мрамором и греческими надписями, и высокого каменного дворца. «В этом дворце крымские ханы, – прибавляет Броневский, – в своём варварском исступлении несколько раз запирали московитских посланцев и подвергали их всем страданиям жестокого плена».

История Мангупа вообще интересна. Но мнение некоторых писателей, что Мангуп был столицей и резиденцией готфских князей в Крыму, неверно, как неверно и то, что крепость эта принадлежала генуэзцам. Она никогда не находилась в их владении. Справедливо о ней только сведение, сообщаемое тем же Броневским, что она принадлежала жившим здесь каким-то греческим князьям, которые были родственниками константинопольских или трапезундских императоров.

Господин Брун полагает, что Мангуп есть город Теодоро или Лотсдуро, упомянутый в итальянских источниках. Владетелем этого «города Феодоро и приморской страны» был в 1427 г. Алексей, поименованный в упомянутой выше надписи XV столетия, открытой в Крыму⁵. Прежде полагали, что город «Теодоро» есть Инкерман, но г. Брун показал неосновательность такого предположения. С мнением г. Бруна согласны Гейд (т. II, стр. 144) и г. Десимони, итальянский археолог, открывший генуэзский документ 1472 г., в котором «князь Мангупский Исайко» русских исторических документов 1474 г. называется «Isaik, Signore del Theodoro». Известно из Карамзина (VI, 89 и примеч. 125), что «этот Мангупский князь Исайко» предлагал дочь свою в невесты князю Ивану, сыну великого князя Ивана III Васильевича, который поручал своему московскому послу разведать – сколько тысяч золотых владетель Мангупа Исайко готовит в приданое за своей дочерью.

В позднейшее время в Мангупе, так же как и в Чуфут-Кале, жило несколько семейств караимов, занимавшихся тут выделкою кож. Следы их пребывания здесь, т.е. караимские гробницы, видны ещё теперь. Но с 1800 г., как видно по самым позднейшим надписям на этих гробницах, Мангуп совершенно опустел.

Вид с высот мангупских, особенно на Севастополь и его окрестности и на далеко расстилающееся за ним море, необыкновенно хорош. Кларк (профессор Кембриджского университета, бывший в Крыму в начале нынешнего столетия) в своём путешествии говорит: «Ничто, ни в какой части Европы, не превосходит ужасающей величественности этого места; хотя я привык видеть подобные картины, однако у меня едва достало равнодушия настолько, чтобы набросить на бумагу этот удивительный вид». (См.: *Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie*, par M. E. D. Clarke. Paris, 1813, т II, p. 484.)

Переезд от Мангупа в Байдарскую долину

Из Мангупа можно проехать прямо в Байдарскую долину; тут 4 часа пути. Для этого надо спуститься в деревню Ай-Тодор, взять там местного проводника, который выведет на дорогу, устроенную в 1787 г. для императрицы Екатерины II и хорошо сохранившуюся ещё и доныне. Дорога эта проведена была временно и далее от Байдар до Фороса и Ласпи, и императрица с вершины над Ласпи обзревала южный берег и море.

На пути этом, идущем вдоль широкой Байдарской долины, в получасовом расстоянии от деревни Байдары, направо от дороги, пестреют две прелестные по местоположению деревни: Буюк-Мускомья и Кучук-Мускомья. При повороте к Буюк-Мускомья, у небольшого ручья (составляющего один из истоков знаменитой

⁵ Камень с этой надписью, находящийся теперь в Херсонесском монастыре, по всей вероятности, и был вывезен с развалин Мангупа.

Чёрной речки), находится несколько дольменов, именно девять, расположенных на зелёной лужайке. Дольмены эти по своему устройству и положению совершенно отличаются от южно-бережских дольменов, находящихся в Гаспре.

Татары называют их «эски-месарлык» (старое кладбище).

Налево от дороги пестреют ещё две деревни Байдарской долины: Уркуста, а за нею Скели – обе потонувшие в зелени садов. Местоположение обеих деревень очаровательно.

Местность деревни Байдары, находящейся почти в середине Байдарской долины, сама по себе не живописна, и деревня, после выхода из неё всех населявших её богатых татар в Турцию, не представляет ничего интересного.

Завтрак или плохой обед можно иметь здесь в трактире, в котором, в случае нужды, можно и переночевать, так как в нём есть несколько комнат.

Дорога от деревни Байдары заметно подымается в гору и достигает наконец до самого перевала или до спуска на южную сторону гор. Здесь у самого перевала поставлены так называемые Байдарские ворота и находится теперь почтовая станция, называющаяся тоже «Байдарские ворота»; от деревни до этой станции всего пять вёрст.

При описании Байдарской долины (см. ниже) мы советуем путешественникам осматривать эту долину не по пути с южного берега в Севастополь, а наоборот – по пути из Севастополя на южный берег, который только в таком случае явится в глазах путника, не знакомого с картинами горной природы, во всей своей величественной красоте. Поэтому мы должны и здесь повторить тот же самый совет и ещё настойчивее относительно обозрения южного берега от Байдарских ворот.

Красивые ворота, которыми въезжают на южный берег и которые поставлены на самой верхней части Яйлы, посреди утёсов и скал, как бы предуведомляют вас, что вам предстоит увидеть нечто новое, нечто такое, чего вы до сих пор ещё не видели в своём путешествии. И впечатление, которое возбудит в вас открывающаяся из Байдарских ворот панорама, в тот момент, когда вы с этой высоты неожиданно увидите у ног своих море, – в его поразительной обстановке здесь – будет в самом деле ново для вас и сильно настолько, что вы его потом никогда не забудете.

Желающие видеть панораму из Байдарских ворот при восхождении солнца могут удобно переночевать на станции и у смотрителя станции всегда найти что поесть.

От ворот дорога зигзагами спускается с Яйлы на южный берег.

Железнодорожные сооружения между Бахчисараем и Севастополем и места по Бельбеку

Мы уже упомянули в начале «Путеводителя», что замечательнейшие сооружения по Лозово-Севастопольской железной дороге находятся на линии между Бахчисараем и Севастополем. Самое направление этой линии, равно как и все воздвигнутые на ней сооружения так интересны, что мы считаем необходимым представить здесь хотя краткое их описание.

Спускаясь от станции Бахчисарай, дорога переходит – в 4 верстах оттуда – речку Качу, у имения графа Мордвинова, по мосту в 20 саженьей длины, и далее переходит реку Бельбек при деревне Буюк-Отаркой и направляется между садами. Здесь, в имении г. Кокораки, станция 4-го класса «Бельбек». Около двух вёрст отсюда первый виадук, при деревне Камышлы; виадук этот железный, на каменных быках и железных устоях, имеет 114 саженьей длины и 8 пролётов. Отсюда дорога проходит вверх над Бельбекской долиной и, перерезывая шоссе, направляется вправо по Мекензиевой даче, к так называемой Сухарной балке. Здесь первый туннель, в 150 саженьей длины, который выходит в Графскую балку. Выйдя из туннеля, дорога в 150 саженьей от

выходного отверстия его переходит виадук Графский (над дорогой, ведущей теперь в Симферополь), имеющий 42 сажени длины и 3 пролёта, и вступает снова в туннель Графский, который имеет 72 сажени длины и выходит в Трещинскую балку. Перейдя последнюю, дорога вступает в третий туннель, так называемой Белой горы, имеющий 202 сажени длины, и выходит в Мартыновскую балку, по косоугру, с подпорной стенкой в 300 сажени длины. Между этой последней балкой и так называемой Цыганской находится четвёртый туннель в 284 сажени длины. Этот туннель самый большой, и особенная замечательность его состоит в том, что он весь идёт по кривой радиуса в 200 сажени, а толщина верхнего слоя земли над сводом туннеля здесь 39 сажени. Отсюда дорога направляется по более или менее ровной местности к Инкерманской кинонии; но переходит к ней сперва по выемке в скале в 6 сажени глубины, из которой прямо вступает на насыпь в 7 сажени. Насыпь эта находится против самой кинонии, в трёх сажнях от неё. Пройдя около версты от кинонии, дорога – для перехода чрез Инкерманскую долину и чрез Чёрную речку (чрез которую перекинут мост в 15 сажени) – делает поворот и переходит долину по лугу г. Ревилиоти дугой, по радиусу в 150 сажени. Выйдя из Инкерманской долины, дорога направляется уже по правому, или южному, берегу большого Севастопольского рейда, вдоль бывшего акведука, проходит по Георгиевскому косоугру, над самым морем, имея здесь подпорную стенку в 90 сажени длины, заворачивает к Троицкой балке, где вступает в пятый туннель, в 129 сажени длины, который соединяет эту балку с Килен-балкой. Эту последнюю балку дорога проходит по насыпи и, направляясь вдоль правого, или западного, берега Киленбалочной бухты до самого конца её, снова заворачивает по выемке к берегу большого рейда, переходит по насыпям Ушакову и Аполлонову балки и вступает в Корабельную слободку. Здесь она проходит несколько выше церкви по выемке в 8 сажени глубины, врезывается в бывшие сухие доки, проходит по верху их и, выйдя оттуда на площадь (где развалины бывшего госпиталя), вступает в последний, шестой туннель, имеющий 107 сажени длины. Отсюда она по восточному берегу Южной бухты направляется к пересыпке, где расположены станция «Севастополь» и все необходимые сооружения. Позади станции устроен для облегчения сообщения города мост в $9\frac{1}{2}$ сажени длины, арочной системы. От станции уже идут по западному берегу Южной бухты рельсы в две и в три линии к коммерческому порту, который устраивается на этом берегу.

Дорога же сама по себе от Бахчисарая до Севастополя представляет мало интереса, если исключить здесь интерес, сопряжённый с воспоминаниями о Севастопольской войне. Она идёт почти степью и только вдали, по сторонам, на горизонте виднеются высокие горы и зеленеют фруктовые и виноградные сады в долинах Качинской и Бельбекской и потом по берегу самого Бельбека.

После переезда чрез р. Качу существовавшая прежде почтовая дорога шла на большую татарскую деревню Дуванкой (во время войны здесь была почтовая станция, и деревня слыла под именем Дуванки), и затем дорога направлялась правым берегом Бельбека. Местность здесь уже не такая ровная, а несколько гориста; видны бельбекские сады и богатая растительность; видны дома владельцев. Лучшими фруктовыми садами по Бельбеку считаются здесь сады гг. Алексиано, Кокораки, бывшие сады Н.И. Перовского и наследников Бибиковых. Виноградники на Бельбеке точно так же, как и по Каче и по Альме, поливаются и дают много вина, но вина их принадлежат к низшим сортам крымских вин. Фрукты же в этих садах везде превосходны. Из южных плодов, хорошо растущих в Крыму, здесь разводится, к сожалению, только один миндаль.

Из Бельбекской долины дорога проходит по местам и мимо мест, прославленных в Крымскую войну, о которых у нас речь будет ниже.

Севастополь

Станция Лозово-Севастопольской железной дороги, которая теперь привозит путешественников прямо в Севастополь, находится почти в самом городе, и доехать от неё на извозчике или водой на ялике до гостиниц не особенно далеко.

Путь же в Севастополь из Одессы и с Кавказа остаётся по-прежнему морской. Пароходы «Русского общества» подходят в Севастополе к самой пристани, где и агентство этого «Общества», и извозчики для переезда куда угодно и носильщики для переноски вещей в гостиницы.

Лучших гостиниц в городе в настоящее время три: первая – гостиница Киста, на Екатерининской площади, у самой пристани; вторая – гостиница Ветцеля, на Екатерининской улице, в первом квартале её от площади; третья гостиница Grande Hotel – Завадского, на той же улице, против гостиницы Ветцеля.

Существует ещё и несколько других гостиниц в Севастополе, поплоче поименованных, но из них можно рекомендовать только одну – гостиницу Марро, находящуюся на той же Екатерининской улице, за гостиницей Ветцеля.

Извозчицких экипажей (фаэтонов и дрожек) находится в Севастополе достаточно, они стоят на биржах: близ так называемой Графской пристани и у базара, на Морской улице. Да кроме того, многие места в Севастополе и в его окрестностях очень удобно обозревать, делая к ним поездки водой, на яликах. Яликов стоит всегда довольно у пристани.

Как для извозчиков, так и для яликов существуют подробные таксы, установленные Севастопольской городской управой.

Севастополь в его нынешнем состоянии. Всё значение Севастополя заключается в его прошлом; он знаменит теперь только своими «историческими развалинами», которые, конечно, говорят красноречиво сердцу каждого истинно русского человека. И потому нам поневоле придётся говорить больше о том, каков был Севастополь до войны, нежели о его нынешнем состоянии.

Севастополь отстраивался очень плохо и долго после погрома, поражал посетителя своею мертвенностью и безлюдством, как ещё поражает и теперь, – хотя с началом постройки железной дороги (с лета 1872 г.) он было и начал несколько оживляться и понемногу застраиваться. Быть может, теперь он и возродится из-под своих развалин, если ему суждено жить новой жизнью. Это, впрочем, покажет нам недалёкое будущее. Здесь, кроме железной дороги со всеми её сооружениями, устроена теперь первоклассная таможня, с магазинами для склада товаров. Но тем не менее пока очень немногие из разрушенных во время осады зданий возобновлены и превращены снова в жилые дома – и Севастополь всё ещё «мёртвый город». Между ними следует в особенности заметить на Екатерининской улице дом, в котором помещается теперь гостиница Ветцеля. Дом этот должен принадлежать теперь к историческим достопамяностям Севастополя, потому что в нём жил во время осады города один из славных защитников его, П.С. Нахимов. Место и развалины дома приобретены были после войны его нынешним хозяином, устроившим в нём гостиницу. Далее за этим домом бросается в глаза другое, вновь отстроенное на развалинах и довольно красивое здание. Это здание «Севастопольского музея», в котором предположено хранить предметы, относящиеся к воспоминаниям об осаде Севастополя, и которое принадлежит инженеру, защищавшему Севастополь, ныне графу Э.И. Тотлебену.

Музей помещается в нижнем этаже здания, которое со своими хорошенькими балкончиками и галереями может быть отнесено к разряду зданий самой лёгкой и красивой архитектуры, хотя, впрочем, по своему стилю более приличной како-

му-нибудь загородному домику на богатой даче. В музее теперь пока собраны и заслуживают внимания коллекции портретов всех участвовавших в осаде Севастополя и собрание планов, карт, рисунков и разных сочинений, относящихся до Крымской войны.

Прочие улицы находятся также в весьма печальном виде; дома без крыш, с пробитыми стенами и кое-где торчат одни трубы, как после пожара.

Пройдите к Артиллерийской бухте; здесь вокруг базара находится более жилых домов, так как эта часть города меньше пострадала от неприятельских бомб; здесь есть теперь даже несколько новых домов хорошей постройки. Но далее опять идут ряды развалин.

Пройдя к берегу Южной бухты, вы увидите руины адмиралтейства и казённых мастерских.

Поднимитесь к верхней части города, также покрытой развалинами, и осмотрите сооружаемый великолепный храм, во имя Святого равноапостольного князя Владимира над могилами адмиралов: Лазарева, Корнилова, Нахимова и Истомина.

Здесь же неподалёку стоит разрушенная Петропавловская церковь, уже поросшая травой.

С возвышенности, где стоит собор Св. Владимира, открывается необыкновенно хороший вид. Отсюда видно кладбище на Северной стороне, на котором лежат все наши защитники Севастополя. Над их прахом, на возвышенности, сооружён храм, в виде пирамиды, из красивого порфира, взятого с вершины Кафель-горы, близ Алушты.

Здесь, посреди множества простых «братских могил», возвышаются и отдельные надгробные памятники над участвовавшими при осаде Севастополя, как, например: памятник князю М.Д. Горчакову, генералу Хрулёву и другим.

Основная идея при сооружении храма на кладбище на Северной стороне была – помещение церкви в пирамидальной форме памятника. Строитель его – архитектор Авдеев. Церковь украшена хорошей живописью и золотыми надписями о похороненных на кладбище защитниках Севастополя.

Окрестности Севастополя также печальны и напоминают ужасы осады, как и город. По каменистому грунту видны ямы, кучи камней и мусора повсюду, где были оборонительные батареи. Поезжайте к Малаховому кургану, столь известному в истории Крымской войны⁶. Здесь сторож, приставленный охранять эти печальные места, укажет вам, где находились 1, 2, 3, 4 и 5-й бастионы и где пали Корнилов и Нахимов. Он же укажет вам, где были устроены блиндажи и пороховые погреба. Взглянув на исправленную отчасти башню, пройдите по всей оборо-

⁶ Желаящим познакомиться подробно с описанием оборонительной линии Севастополя, мы можем рекомендовать прекрасно составленный *г. Д. Афанасьевым* «Путеводитель по Севастополю, его бастионам и окрестностям, изданный с целью благотворения на его развалинах», из которого мы приведём здесь следующее место о знаменитом Малаховом кургане, приобретшем всемирную известность: «История его названия очень проста: здесь был когда-то кабак, а в адмиралтействе, в то же время, служил известный пьяница, но дельный человек – шкипер Малахов, который не только посещал кабак на кургане, но и жил в нём. Все, кому нужен был этот шкипер, искали его там, и как это продолжалось несколько лет, то курган и шкипер Малахов в памяти народа слились в одно, что и передано потомству в названии кургана. 13 сентября 1854 г., в день появления неприятельских войск на Южной стороне, здесь существовала только одна башня в два этажа, с 5-ю орудиями на верхней площадке. Основание этой башни, прикрытое землёй, существует и теперь, у исходящего угла бастиона, названного Корниловским, в память смерти здесь знаменитого защитника Севастополя 5 октября. Здесь же, у башни, 28 июня ранен пулей в голову адмирал Нахимов в то время, когда хотел со зрительной трубой осмотреть линию неприятельских укреплений: пуля попала в левую сторону лба, и 30 июня он умер, не приходя в чувство». См. с. 35, 36.

нительной линии, за которой, по изрытой земле, по камням и мусору, вы узнаете наступательные неприятельские батареи. Здесь стоит теперь памятник, поставленный англичанами в память погибших здесь сынов Альбиона.

За укреплениями лежат могилы. Все окрестности Севастополя усеяны могилами. По какой вы ни пройдёте дороге – по направлению ли к Балаклаве или к Инкерману, вы везде наткнётесь на огороженные места, среди которых лежат жертвы войны, – этого варварства, от которого, видно, ещё не скоро избавится человечество.

Французское кладбище обширнее всех, потому что французы перенесли сюда кости всех своих убитых. Оно находится по дороге к Балаклаве, в 6 верстах от города. Здесь живёт сторож француз и заботливо ухаживает за красивым цветником, разбитым среди могил. Посреди кладбища стоит большой памятник, воздвигнутый над склепом, где похоронены кости десяти генералов и нескольких офицеров. Везде вы увидите надписи, и для всех похороненных сделаны склепы.

Здесь насажены теперь деревья, разведены цветники и густо разросся хороший сад.

Чтобы немного отдохнуть и обновиться духом после осмотра стольких могил, поезжайте к громадному заведению элинга, устроенного Русским обществом пароходства и торговли, у входа в Корабельную бухту, на площади правого мыса. Здесь кипит деятельность молодых рабочих сил. Здесь строят машины, здесь чинятся пароходы Общества и работа кипит с восхода до заката солнца. Начало этого заведения положено только в 1859 г. При заведении устроена школа для детей рабочих, которую каждый путешественник осмотрит с удовольствием, – так хорошо она устроена и вполне соответствует своему назначению.

На высоте, над элингом, впереди разрушенных казарм, стоит памятник адмиралу Лазареву, деятельному начальнику бывшего Черноморского флота, поставленный вблизи главных предметов его деятельности – «Лазаревского» адмиралтейства и доков.

Севастопольский порт. Так как всё значение Севастополя заключается в его единственном порте, то мы скажем о нём подробнее.

Главная севастопольская бухта, известная под именем Севастопольского рейда, имеет в длину до 7 вёрст, в ширину – у самого входа 400 сажень, а среднюю ширину рейда можно назначить вообще около 1 версты; глубина же порта везде велика, как у берегов, так и посредине, и считается от 9 до 11 сажень.

Извилистые берега «Большой севастопольской бухты» образуют несколько меньших бухт, или заливов, превосходно защищённых и вполне безопасных для стоянки судов. Они называются: Карантинная бухта – первая при входе с моря; за ней следует Артиллерийская бухта, служившая портом для приходивших в Севастополь коммерческих судов; далее Южная бухта – бывший собственно военный порт, она имеет, по Сеймуру, $1\frac{3}{4}$ английской мили длины, т.е. около 3 вёрст, и 400 ярдов ширины, т.е. около 175 сажень, а глубина её от 35 до 56 футов. Этот превосходный природный порт так хорошо защищён окружающими его возвышенностями от всех ветров, что вода в нём, – говорит Сеймур⁷, – не может волноваться более, чем в каком-нибудь внутреннем пруду, и потому в ней совершенно безопасно помещался весь Черноморский флот, и корабли самых больших рангов стояли у самого берега. Как ветвь Южной бухты, при входе в неё, на юго-восток открывается небольшой бассейн, род внутренней бухты, имеющей в длину всего около полумили. Это Корабельная бухта, окружённая вся превосходной гранитной набережной, на которой расположены были провиантские магазины и казармы.

⁷ См. Russia etc. С. 66.

В глубине этой бухты были вырыты сухие доки для починки кораблей; о них мы скажем ниже.

Затем идёт ещё Киленбалочная бухта, или Килен-бухта.

По мнению французского геолога Гоммер де-Гелля (Hommair de Hell), вулканы, поднявшие весь береговой хребет Таврических гор, действовали с особенной силой в местности от Севастополя и далее на юг к Балаклаве и образовали ряд глубоких, врезающихся в землю и хорошо защищённых заливов, из которых каждый может служить удобной бухтой для кораблей. Вот названия некоторых из этих заливов, или бухт, лежащих на юго-запад от Севастополя, от Карантинной бухты, по направлению к оконечности Херсонесского мыса: Стрелецкая бухта, Круглая бухта, Камышовая бухта и рядом с нею Казачья бухта, далее Двойная бухта, близко к Херсонесскому мысу, на котором устроен маяк.

О Камышовой и Казачьей бухтах следует заметить, что сюда перешли, после Альминского сражения, французы; здесь они высадились, и здесь стоял их флот. Здесь же они устроили и свой, известный во время войны, Камьеш, состоявший большей частью из деревянных барачных корпусов; они придали ему вид настоящего французского городка, с магазинами, гостиницами, с *cafés chantans*, с театром и т.п.

Оба берега главной Севастопольской бухты, т.е. как южный, так и северный, представляют гористую местность, понижающуюся при спуске к воде. Оба они значительно высоки, большею частью скалисты и довольно круты, а в некоторых местах выступают в море острыми выдающимися мысами.

Подобно переименованным нами бухтам на южном берегу, и северный берег Большой бухты имеет также свои небольшие заливы, или бухты, к которым идут с суши так называемые балки: Северная, Сухая, Куриная, Панаиотова, Голландия, Сухарная, Маячная и Графская.

Прежний Севастополь. История Севастополя коротка. Его быстро создал его несравненный порт, которым наградила его сама природа и который бесспорно принадлежит к редким и самым лучшим портам в Европе.

По присоединении Крыма к России, в 1783 г., русские вокруг великолепной Севастопольской бухты не нашли ничего другого, кроме жалкой татарской деревушки Ахтиар, стоявшей в конце бухты, близко к Инкерману. Екатерина II и Потёмкин, её главный сподвижник в приобретении от Турции Крыма, в том же году обратили внимание на единственное положение и естественные удобства этого порта, и указом 10 февраля 1784 г. императрица повелела: на «месте татарской деревни Ахтиар основать военный порт с адмиралтейством, верфью и крепостью» – и назвала его классическим именем, на которые в то время была мода, – Севастополь⁸. Тем не менее вновь основанный город долго ещё назывался Ахтиаром не только в народе, но даже и на русских картах ещё в 1825 г.

И затем Севастополь стал быстро устраиваться и развиваться вместе с развитием нашего Черноморского флота, стоявшего в превосходном Севастопольском порте, в полной безопасности и с величайшими удобствами во всех отношениях.

Город Севастополь построен по хребту и по спускам широкого холма или горы, как бы приплюснутой сверху, собственно между Карантинной и Южной бухтами, примыкая к обрывистому западному берегу последней. На восточной стороне

⁸ От греческих слов Σεβαστός (высокопочтимый, священный) и πόλις (город), и в память бывшего у древних греков на Чёрном море города Севастополя (но бывшего не здесь – тогда не были сильны в древней географии и топографии, – а у берегов нынешней Абхазии, возле Сухум-Кале).

Южной бухты находились Корабельная слободка, доки, арсенал, магазины и другие здания, принадлежавшие адмиралтейству. На северном же берегу рейда находилась Матросская слободка и было построено несколько казарм и фортов. Таким образом, принадлежащие городу и порту разные постройки и потом укрепления расположены были по обеим сторонам главной, или Большой, бухты, которая и отделяла собственно город от Северной или отделяла южную сторону Севастополя от северной. Сообщение между ними производилось водой на лодках, на расстоянии одной с половиною версты.

Южная бухта разделяла город, в свою очередь, на две части: на «городскую», на запад от бухты, и на «корабельную», на восток от неё, где была и упомянутая Корабельная слободка, домики её были разбросаны по горе. И здесь же как бы из среды домиков поднимается незначительная возвышенность, или холм, известный под именем Малахова кургана. А левее, к низу спускаются к бухте Аполлонова и Ушакова балки, замыкавшиеся водопроводами.

Сообщение между городом и Корабельной производилось (и производится) тоже водой, на лодках, или же в обход окольной дорогой по так называемой «персыпи», у вершины Южной бухты.

Гора, на которой расположен город, с восточной стороны своей весьма круто спускается к Южной бухте, а с западной – к городскому оврагу, на левой отлогости которого находилась Артиллерийская слободка.

Вот общая картина порта и города Севастополя. Он не походит на другие города; он весь раскинулся амфитеатром по горам, по холмам и по косогорам; и потому прямых улиц, как в других городах, в нём немного, Главные из них: Екатерининская и Морская. Обе начинаются с Екатерининской площади и, опоясывая среднюю или верхнюю части города, сходятся снова на Театральной площади, образуя круг в три версты. В верхней части города есть ещё две прямые и хорошие улицы, из которых одна, главная, идущая от строящегося в память адмиралов храма, называется Дворянской. Остальные же затем улицы – это узкие и неправильные переулки, без мостовой и тротуаров, проходящие по балкам и крутизнам. Потому ходить по Севастополю для его обозрения не так-то легко. Но зато подобное расположение города придаёт ему чрезвычайно живописный вид, особенно с моря или с самых возвышенных точек в самом городе.

Монументальные сооружения и постройки: церкви, грозные форты и батареи, защищавшие порт, верфи, казармы, много красивых зданий, казённых и частных, – всё это делало Севастополь поистине одним из замечательных наших военных портов.

К лучшим сооружениям и зданиям в Севастополе принадлежали между прочими следующие:

Екатерининская, или так называемая Графская пристань⁹. Постройка её – классическая. Это красивый портик на лёгких, греческого стиля, гранитных колоннах, и под ним широкая каменная лестница, которая ведёт к рейду; ступени лестницы и вся пристань вымощены были гладкими плитами из твёрдого камня. Пристань эта до осады города была любимым местом вечерних прогулок для севастопольцев; на одной из площадок её играл оркестр военной музыки. Во время осады Севастополя эта пристань служила главным пунктом снабжения всех бастионов и укреплений по артиллерийской и инженерной частям. Ночью 26 августа 1855 г. подошедшие к этой пристани два баркаса с 500 пуд. пороха взлетели на воздух от упавшей на них

⁹ По имени адмирала графа Войновича, некоторое время бывшего начальником Черноморского флота и сделавшего первое основание этой пристани.

неприятельской ракеты; сотрясение было ужасное; вся пристань была изуродована. При этом взрыве погибли 2 офицера и 30 матросов, выгрузивших порох.

От колоннады пристани начинается упомянутая нами выше Екатерининская площадь, получившая это название (как и пристань) от бывшего здесь посредине площади, «дворца» императрицы Екатерины II, который разрушен при бомбардировке города; но ныне дом исправлен и в нём помещается начальник Севастопольского порта.

Адмиралтейский собор во имя Св. Николая. Недоконченное постройкой здание это сохранилось в продолжение осады почти невредимым. Крест на куполе поставлен уже по заключении мира; стоит на Екатерининской улице, против «Севастопольского музея».

Многочисленные и прекрасные здания адмиралтейства, которые теперь совершенно разрушены.

Здание библиотеки морских офицеров, одно из красивейших в городе, стоявшее на возвышенности. Здание библиотеки было украшено мраморными статуями, барельефами, роскошно меблировано внутри и снабжено многими ценными сочинениями и учёными и морскими инструментами. Оно бомбардировкой разрушено до основания; но книги и инструменты были увезены ещё до бомбардирования Севастополя в Николаев.

За библиотекой стояла на горе церковь Св. Петра и Павла, с красивыми колоннами, построенная наподобие Тезеева храма в Афинах.

Красивое здание Благородного собрания, которым начиналась Екатерининская улица, направо от пристани. Здесь в начале осады Севастополя находился главный перевязочный пункт, под управлением профессора Гюбенета, где работал знаменитый хирург Пирогов с своими медиками. Бомбардировка уничтожила и это здание.

К прекрасному так называемому Маленькому бульвару, который существует и теперь, вели прежде со стороны Морской улицы, не доходя до Екатерининской площади, большие и красивые ворота, с чугунной решёткой по бокам, и широкая каменная лестница на гору. На этом бульваре поставлен памятник капитану Казарскому, командиру брига «Меркурий» в войну с турками 1828 г.

Памятник представляет, на высоком каменном пьедестале серого цвета, тёмную чугунную трирему; на нём надпись: «Потомству в пример». Геройский морской подвиг А.И. Казарского заключается в том, что он на своём небольшом 18-пушечном бриге, имея дело с двумя линейными турецкими кораблями (одним в 110, а другим в 74 пушки), сумел отбиться от них и уйти под вёслами, – хотя турки изрешетили его бриг своими выстрелами, – в г. Сизополь на соединение со стоявшим там нашим флотом.

Из сооружений Севастополя как военного порта замечательнее всех, без сомнения, были сухие доки и форты, защищавшие порт.

Доки для починки линейных кораблей, даже самых больших размеров, устроены были в глубине Корабельной бухты, как сказано выше. Здесь высечен был в камне бассейн в 400 ф. длины, в 300 ф. ширины и в 24 ф. глубины. Для поправки разного ранга кораблей сделано было пять отдельных доков, или резервуаров, отделявшихся шлюзами. Три главных шлюза были в 58 ф. ширины. Вода в доки проведена была из Чёрной речки, от Чоргуна, посредством канала, на расстоянии 12 миль. Он проходил Инкерман, оттуда шёл к Большой бухте, и, чтобы обойти глубокие овраги и Килен-балку, здесь необходимо было произвести чрезвычайно важные работы, именно: два туннеля в 800 ф. длины и два водопровода

с 38 арками и в 1090 ф. длины. Маршал Мармон, герцог Рагузский, бывший в Севастополе в 1834 г., когда только приступили к сооружению этих доков, называет их «единственными» по их плану и говорит, что по исчислению вся эта «великолепная работа» не будет стоить больше 3 млн руб. (т.е. ассигнациями) и кончится в три года. Но работа эта, производившаяся англичанином Уитоном, стоила несравненно более, кажется около 5 млн руб. серебром, и была совершенно окончена только перед самой Крымской войной, так что первый корабль введён был в доки только в 1853 г.

Неприятельские бомбы пощадил совершенно доки; но когда англичане и французы взошли в город, то они с варварским ожесточением взорвали доки до основания, взрывая их постепенно, для чего подведено было в разное время несколько десятков мин.

Пять главнейших фортов защищали вход в Севастопольскую бухту. Из них некоторые представляли огромные здания в три этажа. Главные из фортов, называвшиеся у нас неправильно батареями, устроены были на крайних мысках и господствовали над входом в Большую и Карантинную бухты. Эти форты были: Александровская батарея, на Южной стороне, а на Северной, противоположная ей, Константиновская, у самого входа в бухту; затем далее в бухте батареи: Николаевская и Павловская и против них на северном берегу бухты – Михайловская.

Северное укрепление, на Северной стороне Севастополя, господствовало над всею бухтой, над городом и над доками.

Окрестности Севастополя

В окрестностях и недалеко от Севастополя находится несколько мест, замечательных или в историческом отношении, или по своему живописному положению. Не говоря о местностях, прославленных во время севастопольской осады, тут есть много и других любопытных мест, известных ещё по воспоминаниям классической древности, и путешественники обыкновенно не оставляют их без обозрения. К местам этим принадлежат: весь Херсонесский полуостров (где находился древнегреческий город Херсонес), Инкерман, Георгиевский монастырь, Балаклава, Чоргуна с долиной Чёрной речки, и наконец, дорога в Байдарскую долину.

К ним от Севастополя считают: до Херсонеса 2 или 3 версты, до Инкермана 7 вёрст – сухим путём, следуя дорогой повыше Южной бухты и Ушаковой балки; есть и другая дорога, в Инкерман чрез Северную, берегом залива; но переезд в Инкерман водой будет ближе (считают 6 вёрст) и потом – этот путь водой, вдоль всей бухты, для многих может быть гораздо интереснее; до Георгиевского монастыря – экипажная дорога, в 11 или 12 вёрст; до Балаклавы почтовая дорога в 12 вёрст; а оттуда до Чоргуна вёрст 6; до моста же на Чёрной речке 8 вёрст. В Байдарскую долину ведёт почтовая шоссированная дорога, о которой у нас сказано при описании пути с Южного берега в Севастополь.

Древний Херсонес

Развалины древней эллинской колонии Херсонеса (называвшегося в византийскую эпоху просто Херсоном, а в русских летописях Корсунем) находятся верстах в двух на запад от Севастополя, на небольшом мысе, между Карантинной и Стрелецкой бухтами. Эта греческая колония, основанная в VII в. до Рождества Христова и скоро достигшая важного торгового значения в древнем мире, лежала на небольшом полуострове, называемом у древних греческих писателей то Херсонесским, то Трахейским (каменистым), то Ираклейским.

Полуостров этот омывается с трёх сторон морем и как бы отрезан от остальной части Крыма ровной и малой долиной, идущей между Инкерманом и Балаклавой. Он имеет вид треугольника, основание которого, от Чёрной речки до Балаклавской бухты, составляет около 8 вёрст, а окружность, по берегу моря – от 45 до 50 вёрст. Весь этот полуостров составлял территорию херсонесцев, и на нём отмечены у древних греческих писателей многие известные им места и имена, как мы скажем далее. Таким образом, за нынешним Севастополем лежит земля классическая, крайне интересная для археолога.

Древний Херсонес основан первоначально выходцами из Гераклеи, города в Вифинии, и занимал весьма важное торговое место в числе греческих колоний на Чёрном море.

Он стоял за нынешним Севастополем, на небольшой плоской возвышенности, которая была занята во время минувшей Крымской войны французской дивизией генерала Боске и английскими войсками.

Всё пространство земли внутри стен Херсонесского полуострова (следы которых местами видны были ясно до войны) занято было у херсонесцев под загородные дома и сады, многочисленность которых указывает на богатство древней Херсонесской республики.

С покорением Греции римлянами и Херсонесская республика подчинилась их власти, но не утратила ещё своего торгового значения. Потом, во время христианской веры, она находилась в подчинении у Византии и нередко принимала участие в постоянных переворотах и дворских революциях, совершавшихся в Константинополе. Но Херсонес должен был отбиваться в это время от набегов разных варварских народов, нападавших на него со стороны степей, и находился в непрерывных войнах с ними. Одним из таких набегов на Херсон был и поход против него русских дружин под начальством великого князя киевского Владимира, впоследствии святого. Известно, что он осадил Херсон и успел взять его при помощи измены какого-то херсонесца Анастасия, который посоветовал ему отвести воду источника, проведённого посредством труб в город. Известно также, что Владимир здесь в 988 г. крестился и женился на византийской принцессе Анне и что, возвращаясь из похода в Киев, он взял с собой многих греческих священников из Корсуня и приступил затем к обращению в Киеве в христианство своей страны.

Поэтому Херсон (значит, и место его развалин у Севастополя) имеет важное значение в исторической жизни русского народа и государства.

Крещение Владимира происходило в церкви Херсона, посвящённой имени Пресвятой Богородицы и стоявшей в центре города, на рыночной площади: «Идеже торг деют корсуняне», – говорит летописец киево-печерский Нестор.

В развалинах Херсона открыли три церкви, и одна из них, с открытыми в земле на её месте мраморными колоннами, признана была церковью, в которой совершилось крещение св. Владимира. Покойный архиепископ Иннокентий предположил восстановить здесь монастырь, и в 1850 г. он построил здесь небольшую церковь с кельями для монахов. Церковь эта во время осады Севастополя была разрушена, но в 1857 г. вновь восстановлена. Теперь же в Херсонесе учреждён Херсонесский первоклассный монастырь, и на месте церкви, в которой, как думают, крестился Владимир, строится большой храм во имя Святого равноапостольного Владимира. Закладка храма произошла ещё в 1861 г., 23 августа в присутствии Государя Императора; но до сих пор монастырь вообще плохо отстраивается, за исключением одного, хорошо построенного дома для настоятеля.

С развитием торговой деятельности генуэзцев в Крыму, и вообще на Чёрном море, Херсон утрачивал постоянно своё торговое значение; но тем не менее он существовал до конца XIII столетия. Так, в это время он упоминается Рубриквисом¹⁰ и Абульфедой¹¹, и есть известие, что папа Иоанн XXII учредил в Херсоне в 1333 г. католическую епископию, но тем не менее положительно известно, что Херсон не принадлежал генуэзцам.

В XIII столетии Херсон и соседние с ним «страны Готфии», как видно из византийских источников, зависели от трапезундских императоров и платили им дань. В первой половине того столетия синопские турки сделали набег на Херсон и на области, подвластные в Крыму трапезундским «деспотам», и, по словам источников, «совершенно опустошили эту страну». Но повторяемое всеми, со слов Карамзина и Лелевеля, известие о том, что Херсон был опустошён в 1363 г. Ольгердом, сыном литовского князя Гедимина, совершенно неверно и произошло от исторического недоразумения, как это ясно доказывает профессор Брун («Судьбы местности, занимаемой Одессой»).

Херсон окончательно опустел, как видно, в конце XIII или в начале XIV столетия; потому что когда турки завладели в 1475 г. Крымом, то они нашли уже в Херсоне одни пустые дома и оставленные церкви, из которых они увезли лучшие мраморы для своих построек в Константинополе.

Турки, татары и восточные писатели вообще называют Херсон Сары-Кермен, т.е. «жёлтая крепость», вероятно, по цвету камней крепости. При татарах, которые и теперь называют Сары-Керменом окрестности Севастополя, место Херсона оставалось в совершенном запустении. Но тем не менее посланник польского короля Мартин Броневский, посетивший Херсон в XVI столетии, приходил в восторг от найденных им ещё уцелевшими остатков и развалин этого, как он говорит, «гордого, изящного и славного города». Стены и башни, построенные из огромных тёсаных камней, он нашёл превосходными и целыми, равно как и красивый водопровод, всё ещё доставлявший чистейшую воду в город. Дворец «княжеский», сам по себе обширный, как целый город, – по его словам, – с великолепными входными воротами, ещё продолжал существовать. Церкви были ограблены вследствие своих ценных мраморов, и из всех больших греческих монастырей оставался целым и не разграбленным только один. В настоящее время Одесское общество истории и древностей производит здесь археологические раскопки; результат их – находка монет, остатков церквей с мозаичными полами и т.п. Но важнее всего находка, сделанная в июле месяце прошлого 1879 г. и заключающаяся в мраморном пьедестале медной статуи, поставленной херсонскими полководцу Митридата Евпатора VI – Диофанту за поражение им скифов в 89 г. до Рождества Христова, как сказано в сохранившейся на этом подножии греческой надписи, в 56 строк, содержание которой имеет бесценную историческую важность.

Когда русские взяли Крым в 1783 г., Херсон был уже пуст; но многие здания ещё стояли и упомянутые Броневским стены, башни и ворота были ещё целы.

¹⁰ Рубрук, Рубруквис Виллем (родился между 1215 и 1220 – умер в 1293), фламандский путешественник, монах. В 1253–1255 гг. совершил поездку из Франции через Константинополь, Крым, донские степи, по территории современной Средней Азии в Центральную Монголию. – *Прим. ред.*

¹¹ Имадуддин Абуль-Фида Исмаил ибн Али, известный как Абу-ль-Фида (1273, Дамаск – 27 октября 1331, Хама) – арабский историк и географ, из курдского рода Айюбидов, эмир Хамы (Сирия) в 1310–1331 гг. – *Прим. ред.*

Но скоро местные жители их начали разрушать и камни и мраморы употреблять на постройку возрождавшегося Севастополя. И сколько мраморов, капителей, фресок было положено в фундаменты казарм и прочих зданий в Севастополе? Стены и ворота, говорят, пошли на постройку севастопольского карантина. Так невежественная рука не щадила остатков искусства древних в развалинах Херсонеса. Император Александр I приказал остановить этот вандализм, но уже было поздно.

Обозрев монастырь, если вы походите около него к стороне моря, то и теперь ещё можете увидеть кое-какие следы и остатки от древних построек Херсонеса. Тут вам попадутся куски мрамора с надписями греческими и латинскими, осколки колонн, капителей, теснённых черепиц и кирпичей, битых кувшинов и давних времён монеты.

Следы древних херсонесских развалин были видны не только у того места, где находился самый город Херсонес, но они были видны вдоль всего морского берега до Херсонесского мыса, называвшегося прежде мысом Фонарь (Fanary) т.е. маяк, где и теперь находится Херсонесский маяк, и даже далее этого мыса.

Здесь, между Херсонесским мысом и Казачьей бухтой, т.е. на западной оконечности Херсонесского полуострова, Паллас в 1793 г., открыл какие-то развалины и признал их за развалины старого, древнейшего Херсонеса, который, впрочем, как пишет Страбон, уже в его время находился в развалинах. Этот старый Херсонес и был первым городом или колонией, основанною здесь ираклейцами, а потом они почему-то его оставили и перенесли свой город, неизвестно когда, на указанное нами выше место. Археологи не согласны, впрочем, в мнении относительно местонахождения этого старого, или древнейшего, Херсонеса. Так, профессор Брун полагает, что он находился на южном берегу полуострова, на восток от монастыря Св. Георгия, близ мыса Айя-Бурун.

Георгиевский монастырь

Осмотрев Херсонесский монастырь и место развалин древнего греческого города, отправляйтесь далее к Георгиевскому монастырю, до которого отсюда будет вёрст 8 или 9. По дороге вы можете осмотреть кладбище французов, павших под Севастополем.

Георгиевский монастырь, замечательный по своему местоположению, расположен на обрывистом, но весьма живописном берегу Чёрного моря, за мысом Фейолентом. Он считается в Крыму первым из тех христианских монастырей, которые устроены были здесь греками, жителями Херсона, когда они в первые века нашей эры приняли христианство. Во всяком случае, начало монастыря этого древнее. Он уже был известен в XVI в. Во время осады Севастополя в монастыре жил французский главнокомандующий, и вы заметите ещё и теперь много надписей, оставленных здесь французами на стенах монастырских зданий.

Обозрение начинайте с верхних зданий, с келий и церкви монастыря. Она подновлена и не сохранила своего древнего вида. В ней похоронено в новейшее время несколько известных лиц, между прочими князь А.Н. Голицын, умерший в Га-спре, о котором мы говорили выше, и граф И.О. Витт.

Потом сойдите по лесенке вниз к морю. Дорога эта очень нелегка; но вид, который вам откроется внизу на оригинальные скалы, на море, на монастырь и на всю эту примечательную местность, вполне вознаградит вас за усталость, – особенно при обратном восхождении на гору от берега моря.

По дороге взгляните на так называемый домик адмирала Лазарева и на келью некоего Будона, известного в своё время всем в Севастополе. Попросите одного из монахов, старожиллов монастыря, чтобы рассказал вам историю об этом странном и загадочном человеке, который, говорят, поселившись в монастыре, служил шпионом союзникам. Но это, кажется, не доказано.

Здесь вы увидите причудливой формы чёрные базальтовые скалы, о которые постоянно разбиваются волны. Вид отсюда на монастырские постройки, на зелень, на монастырские сады, которые кажутся каким-то оазисом, чисто висящим на воздухе над пропастью, посреди тёмных базальтовых скал, – это вид самый редкий и единственный, какой только вы можете встретить где-либо.

С этими оригинальными скалами, выдающимися мысом в море, у подножия монастыря Св. Георгия, соединено классическое воспоминание об известном храме Ифигении, или о так называемом храме «Дианы таврической». Археологи не согласны относительно местонахождения этого знаменитого храма в Крыму. Его ищут и на Аюдаге, и на мысе Айя-Бурун, и на мысе Херсонесском. Но профессор Брун, основываясь на словах Страбона, который говорит, что на мысе, называемом Парфенион (т.е. мысом Девы), находился храм, посвящённый какой-то божественной деве, и что мыс этот отстоял в 100 греческих стадиях от города Херсонеса, полагает, что мыс Парфенион Страбона есть не нынешний Херсонесский мыс, как думают вообще, а мыс Фейолент, или мыс Св. Георгия, у подножия монастыря, где морской берег образует как бы естественную пристань и где прежде видны были пьедесталы нескольких колонн. И здесь-то, по мнению учёного профессора, и должен был находиться прославленный храм Ифигении в Тавриде.

Инкерман

Инкерманские высоты и древние развалины, называемые Инкерманом, находятся в конце Севастопольского рейда, на его северном берегу, в 6 или 7 верстах от города. Здесь вливается в бухту Чёрная речка и образует болото, покрытое камышом.

Хребет гор на правой стороне Чёрной речки оканчивается здесь отвесными скалами, выдвинувшимися высоким мысом; в сближении с горой, имеющей обрывистые уступы и скаты, хребет этот образует здесь ущелье и различные высоты, раздвигаясь в узкую в своём начале Инкерманскую долину. Эта-то гористая местность, с её ущельями, обрывами и возвышенностями, и известна под именем Инкерманских высот, на которых 24 октября 1854 г. происходила ужасная и кровопролитная Инкерманская битва.

Собственно Инкерманом, или Инкерманской скалой, с древними развалинами, называются указанные выше утёсы, выдвинувшиеся отвесным мысом на правой стороне Чёрной речки. На одном из этих утёсов находилось большое древнее укрепление, от которого ещё в начале осады Севастополя стояла почти совершенно целою круглая башня; но в один год войны она рухнула и теперь оставила на месте только груды развалин. А в 1793 г. Паллас видел здесь не одну, а несколько башен и во многих местах уцелевшие крепостные стены, глубокий ров, широкую мощёную дорогу чрез долину, мост на четырёх арках, две высеченные по скале лестницы, которые вели в укрепление, и, наконец, огромное количество пещерных жилищ во всех этих скалах, или комнат, высеченных в камне, т.е. «разные прекрасные гроты», как их называет Паллас. Между ними находились пещерная церковь с фресковой живописью и часовни в других пещерах, с высеченными в скалах гробницами. Все эти остатки древности, свидетельствующие о том, что здесь находилось прежде значительное место, подробно описаны у Палласа.

На то, кому могло принадлежать это место, указывают следы, найденные здесь ещё в XVI столетии Броневским. Он видел здесь в 1578 г. на воротах и на некоторых строениях превосходно построенного каменного замка греческие надписи и гербы каких-то «греческих князей», которыми этот замок, по его словам, был построен и которым принадлежал и Мангуп. Броневский говорит, также как и Паллас, о двух больших дорогах, вымощенных камнем, о развалинах прекрасных загородных домов и проч.

Турки, заняв в 1475 г. все крепости в Крыму своими гарнизонами, поместили свой гарнизон и в греческом замке в Инкермане; и они-то и дали ему, конечно, это последнее название, производя его от слов: «кин» – пещера и «кермен» или «керман» – крепость. При них ещё началось, говорят, и разрушение крепости.

Полагали, что Инкерман есть древний порт Ктенос и крепость Евпаторион, о которых упоминает Страбон, помещая их в соседстве с Херсонесом. Но профессор Брун доказывает, что Ктенос и Евпаторион находились вовсе не здесь, а ближе к Севастополю, подле Южной бухты. Затем считали, что Инкерман был значительный и богатый город Феодоро; но мы уже видели, что этот столь известный из средневековой истории Крыма город был не что иное, как нынешний Мангуп-Кале. Поэтому нам кажется совершенно справедливым мнение г. Бруна, доказывающего, что Инкерман есть город Каламита итальянских моряков и что их же Каламитский залив есть не что другое, как нынешний Севастопольский рейд. Город Каламита упоминается у путешественника XV столетия Иосафато Барбаро в генуэзских документах, из которых видно, что владельцы его, греческие князья г. Феодоро (т.е. Мангупа), строили в нём порт, после того как была отнята у них генуэзцами Балаклава (см. ниже).

Ещё в XVII столетии к порту, построенному у Инкермана греческими князьями, приставали корабли (Записки Одесского общества истории и древностей, т. II, стр. 688).

Посещение Инкермана, и в особенности обозрение его пещерного города, чрезвычайно интересно. Пещерная церковь здесь сохранилась с балкончиком, как бы висящим на воздухе, и с двумя лестницами, или каменными ступенями, ведущими наверх в крепость. В церкви сделаны (к сожалению, вместо древнего) новый иконостас, алтарь и дверь; но она всё же имеет свой древний пещерный вид. Дверь и иконостас во время войны были пробиты пулями, и в одной стене засело ядро. Церковь эта возобновлена в 1850 г. архиепископом Иннокентием, устроившим здесь небольшой монастырь, или «киновию во имя св. пап Климента и Мартына»; потому что, по преданию, папа Климент I жил здесь, будучи сослан по распоряжению императора Траяна в I в. по Рождеству Христову в Крым, на работу в Инкерманских каменоломнях. В житии этого святого папы говорится, что он пострадал в Херсонесе (был утоплен в море по приказанию императора за распространение в стране христианства). Папа Мартын находился тоже на заточении в Херсонесе в VII в., во время императора Констанция. Кроме церкви, некоторые крипты также обращены в кельи для монахов. С балкона церкви открывается прекрасный вид на окрестные высоты, на Инкерманский маяк и на Севастопольскую бухту.

Крипты здесь существуют ещё в большом количестве, но множество их обрушилось и совершенно уничтожилось, потому что некоторые из них употреблялись прежде как пороховые погреба, а главное потому, что здесь устроены каменоломни. Камень, из которого состоят Инкерманские скалы, служит очень прочным и красивым материалом для построек, вследствие чего его давно здесь добывают, и, таким образом, многовековые жилища народов отдалённой древности нещадно уничтожаются. Теперь уже не существует более половины самых замечательных криптов, лестниц и галерей, которые служили образцом удивительного искусства и терпения первобытных народов, строителей этих криптов.

Балаклава

Подъезжая к Балаклаве, вы уже издали видите красноватые мраморные утёсы, возвышающиеся над городом, и издали можете различить стоящие на этих утёсах древние крепостные башни; но самого городка вы не увидите, пока не вступите в него; а когда вы вступите в него, то общий вид Балаклавы, и в особенности Балаклавской бухты, поразит вас невольно.

Две высокие, крутые и обнажённые скалы нависли здесь над морским рукавом, глубоко врезавшимся в землю. Изгибаясь тремя изворотами, этот рукав, или залив, омывает своими волнами подошвы скал, и с возвышенностей кажется глубоким оврагом, наполненным водой. Узкое отверстие, образующее вход с моря в балаклавский фарватер, бывает заметно только тогда, когда уже подойдёшь к прибрежным скалам. Тогда вы видите бухту, извинаящуюся между утёсистыми, бесплодными высотами и более похожую на глубокое озеро, нежели на морской рукав. За нею перед вами расстилается небольшой городок, с белыми домиками, окружённый со всех сторон отвесными скалами и страшными безднами. Город расположен на правой стороне залива, под навесом горы, с одной главной, неширокой улицей, идущей вдоль набережной. Некоторые дома раскинуты по скату горы, амфитеатром и довольно неправильно, образуя несколько кривых и коротких переулков.

Балаклавская бухта имеет всего в длину 650, а в ширину от 100 до 200 сажень; извилистый же вход в бухту, посреди высоких утёсов, имеет всего ширины от 60 до 100, а глубины 18 сажень. Окружённая и закрытая со всех сторон нависшими над ней горами небольшая бухта эта представляет самый удобный и безопасный порт, в котором во время осады Севастополя спокойно помещался весь английский флот.

Собственно в Балаклаве теперь осматривать нечего, кроме остатков древней крепости, стоявшей на её утёсах.

Всход на скалу, на которой стояла крепость, весьма крут. Крепость была четырёхугольная и окружена высокой стеной с башнями; на это ясно указывают уцелевшие развалины. Одной стороной она была обращена к заливу, а другой смотрела в открытое море. Страшная крутизна горы делала её почти неприступной со стороны суши. Стены везде теперь обрушились, и только видны их следы и развалины. Всех башен было восемь, но теперь от некоторых из них остались только одни основания, а другие обрушились до половины; уцелели, и то не вполне, только две круглые башни. Одна из них стоит на самой возвышенности горы. Эта башня имеет один вход, обращённый на восток. Внутри её находится цистерна параболической формы, с круглым отверстием, в $1\frac{1}{2}$ аршина в диаметре; она вся оштукатурена особенного рода цементом. Верхушка башни покрыта каменным сводом, имеющим небольшое отверстие для выхода наверх. Свод поддерживают внутри две накрест лежащие деревянные балки, толстые и очень хорошо сохранившиеся.

До войны эта башня была украшена высеченным на ней барельефом, с изображением на щитах двух рыб, имеющих вместо головы цветок лилии и с каждой стороны по одному ангелу; над барельефом крест – а внизу надпись в две строки, которую трудно было прочесть. Но камень из башни с этим барельефом был увезён сардинцами, которые вместе с англичанами занимали Балаклаву во время осады Севастополя. Надпись на нём теперь прочтена и издана Одесским археологическим обществом. (См. Записки, т. IX, табл. IX).

Другая небольшая башня стоит пониже, на спуске горы к бухте, но она не представляет ничего особенно примечательного.

Балаклава населена теперь потомками архипелагских греков, водворённых в Крым в царствование Екатерины II, в 1774 г. и составлявших прежде «Балаклавский греческий батальон», который упразднён в 1860 г.

Когда англичане в 1854 г., после Альминского дела, подступили к Балаклаве со своим флотом и войсками, чтобы занять город, то горсть балаклавцев решилась защищать свой город. Попросите своего проводника-грека, чтобы он вам рассказал подробности этой – ни к чему не ведшей, – но тем не менее храброй защиты.

Вот что говорит об этой защите автор истории Крымской кампании: «Под вечер 13 сентября англо-французы подошли к Балаклаве, занятой ротой местного греческого батальона, состоявшей под командой полковника Манто не более как из 80 человек строевых и 30 отставных солдат. Эти храбрецы, засев в развалинах древнего укрепления, вооружённые четырьмя небольшими мортирками, считали священным долгом отстаивать свой родной город до последней крайности».

«Приблизившись к Балаклаве, неприятельский авангард совершенно неожиданно озадачен был ружейным огнём отличных греческих стрелков. Вслед за тем начала стрелять и мортирная батарея; первая граната, пущенная с неё, разорвалась среди неприятельской колонны. Тогда англо-французы выдвинули свою артиллерию и открыли сильную канонаду по городу. В то же время приблизились к берегу до 20 неприятельских судов различных рангов и начали стрелять бортами по нашему укреплению. Несмотря на адскую канонаду, командовавший нашей батареей поручик Марков продолжал стрелять и только с последним зарядом прекратил огонь. Тогда англо-французы с криками “ура” бросились на укрепление и ворвались в город».

«Успех этот стоил неприятелю до 100 человек убитыми и столько же ранеными».

«Полковник Манто (раненый и взятый в плен) на вопрос союзных генералов: “Неужели он надеялся с горстью своих солдат остановить целую армию?” – отвечал: “Безусловной сдачей я навлек бы на себя гнев моего начальства и даже ваше презрение; теперь совесть моя спокойна, я исполнил долг свой”»¹².

Балаклава теперь заштатный город Ялтинского уезда, имеющий всего жителей 808 душ обоего пола. Но в древности и в средние века Балаклава была очень известным и значительным местом в Крыму, а при генуэзцах была и значительным укрепленным и торговым городом.

Положение Балаклавы подле Херсонеса и её порт «с весьма узким входом» очень точно и верно определяет ещё Страбон. Он его называет портом Символов (Σύμβολων λιμήν), а самой гавани, по её узкому входу, даёт название «узкоустой». Затем греческий географ сообщает сведение, что тавры в этом порту в особенности устраивали свои разбойничьи притоны и занимались отсюда пиратством, нападая на тех, кто появлялся у крымских берегов.

С этим сведением Страбона о разбойничьем народе, населявшем Балаклаву, легко соглашается мнение тех учёных, которые в нынешнем балаклавском порту хотят видеть порт Лестригонов, подробно описываемый Гомером в «Одиссее» (песнь X, стих 87–125). И морские разбойники-тавры Страбона, может быть, были не кто другие, как потомки дикого и разбойничьего народа лестригонов Гомера; потому что лучшего разбойничьего гнезда, как Балаклава с её портом, и трудно придумать.

Есть ещё мнение, что на месте Балаклавы находилась крепость Палакион, одна из трёх тавро-скифских крепостей, о которых говорит Страбон.

Из позднейших исторических сведений мы узнаём, что Балаклава была населена греками и принадлежала в средние века греческим князьям, от которых

¹² Аничков [В.М.]. Военно-исторические очерки Крымской экспедиции. СПб., 1856 г. Ч. 1. С. 33–35.

перешла к генуэзцам около половины XIV столетия. Князь мангупский Алексей возмутил балаклавских греков против генуэзцев и отнял у них к 1433 г. Балаклаву; генуэзцы, однако, быстро снарядили экспедицию в Крым, под начальством Карла Ломеллино, и в следующем же 1434 г. взяли от греков Балаклаву обратно.

Греки, как мы видели, называли Балаклаву «портом Символов» и просто «Символон», а генуэзцы переделали это название в Чембало (Cembalo).

Генуэзцы сделали из Балаклавы сильную и грозную крепость, оградив её тремя крепостными стенами с башнями (Neud, v. II, p. 136), остатки которых мы и видим здесь теперь, и придавали ей вообще большое значение. Они здесь, подобно тому как и в других важных колониях своих, учредили целое отдельное управление, состоявшее из консула, кастиляна и капитана порта; а крепость была занимаема военным гарнизоном. Скоро здесь учреждена была и отдельная католическая епископия.

В 1475 г. Балаклава подверглась участи всех генуэзских владений в Крыму – она перешла во власть турок, занявших её крепость своим гарнизоном.

После турок и татар, когда Крым был взят нами, в Балаклаве водворились греки, как мы сказали выше, слывшие под именем «балаклавцев».

Когда заняли Балаклаву, во время Восточной войны, англичане, то они в 11 месяцев севастопольской осады успели превратить её в чисто английский город, с фабриками, мастерскими, железной дорогой, телеграфом, с десятками пароходов в бухте и проч.

Долина Чёрной речки и Чоргунь

Перед Балаклавой находится греческая же деревня Кадыкьой, составляющая как бы её предместье. Деревня эта, тоже занятая во время войны англичанами, заключала в себе большую часть их магазинов, трактиров, кофеен, их главный торговый рынок и имела вид самого шумного торгового места.

За этой деревней направо стелется довольно пространная равнина, вёрст 9 шириной, простирающаяся до самой подошвы крутой известковой горы, называемой Мекензиевой горой¹³. Эта равнина обставлена с одной стороны Сапун-горой, или «Мыльной горой», и Федюхиными высотами, а с другой стороны Чоргунскими возвышенностями и ущельем, выходящим в небольшую суживающуюся долину, по которой проходит Чёрная речка и течёт через всю названную равнину от своего истока, у Инкермана. Посредине этой долины находится известный «трактирный мост» через Чёрную речку.

Здесь-то, на этой равнине, происходило кровопролитное сражение 4 августа 1855 г., известное под именем Сражения на Чёрной речке. Все приведённые нами названия: Чёрная речка, Федюхины высоты, Мекензиева гора и проч. соединяют с собою кровавые воспоминания этого дня. У моста и на Федюхиных высотах, на которые пошли в атаку храбрые полки наши: украинский, одесский и азовский, происходило самое страшное дело. Сажень в 200 от моста, по направлению к Мекензиевой горе, находится так называемая «екатерининская миля»¹⁴. У этой мили стоял генерал Рead, командовавший атаку, и здесь же он был поражён неприятельским ядром.

¹³ Гора эта названа так потому, что адмирал Мекензи (Maskenzie), командовавший в 1783–1785 гг. эскадрой в Севастополе, устроил на вершине её ферму в отданном ему здесь в собственность значительном лесе, которая потом была снова приобретена в казну.

¹⁴ Каменный столб, каких есть несколько в Крыму. Ими обозначали путь Екатерины II во время её путешествия на юг России, и потому они называются и доныне «екатерининскими милями».

К стороне Балаклавы, верстах в пяти от неё, в глубоком ущелье, расширяющемся в красивую долину, расположена большая деревня Чоргунь, в которой во время дела 4 августа находился отряд генерала Липранди.

В Чоргуни сохранилась и до сих пор старинная высокая восьмиугольная башня. Во время войны башня эта мало пострадала, хотя сама деревня Чоргунь была опустошена совершенно. Неизвестно, кем и когда построена Чоргунская башня.

Подле этой древней башни находился дом учёного натуралиста и друга Палласа, Габлица, который занимался описанием Крыма. Деревня Чоргунь принадлежала Габлицу (и теперь ещё часто, по его имени, она называется Карловкой), а по соседству с Чоргунем находится превосходная долина и деревня Шули, принадлежавшая другому знаменитому учёному, академику Палласу, который всегда проводил в ней лето, а зиму жил подле Симферополя.

В этих прекрасных местах двое названных учёных мирно занимались изучением Крыма, преимущественно в естественно-историческом отношении.

Через Чоргунь из Балаклавы почтовая дорога ведёт в Байдарскую долину. Это та самая дорога, которая у союзников называлась «воронцовской»; она проходит около деревень Мускомьи и Арнутки, вдоль всей Байдарской долины.

Байдарская долина

Многие ездят в Байдарскую долину с южного берега и потому не замечают всей её красоты, так как после величественных картин моря и окаймляющих его гор и утёсов, после великолепных садов, замков и роскошных цветников южного берега, – Байдарская долина, со своими светлыми, но небольшими ручейками, закрытая со всех сторон от моря, может показаться непривлекательной. Потому мы и советуем ехать в Байдарскую долину из Севастополя, чрез Балаклаву и Чоргунь. Тогда тенистые сады и зелёные луга этой долины покажутся вам очаровательными, и вы найдёте, что Байдарская долина недаром пользуется своей известностью. Она имеет форму огромного неправильного овала и открывается вся вдруг, – и это придаёт ей ещё большую прелесть. Долина простирается в длину на 16, а в ширину на 8 вёрст и со всех сторон обставлена высокими горами.

Вообще вся дорога из Чоргуни очень живописна, хотя и лишена видов на море.

Байдарская долина до выхода татар вмещала в своих деревнях, окружённых бесчисленными садами и лесами, густое татарское население; но теперь все эти деревни почти опустели; их было двенадцать, многие сады после татар также остались в запустении. Тем не менее Байдарская долина имеет много привлекательного для путешественника, проезжающего с северной стороны гор. Из владельческих имений в Байдарской долине замечательно имение графа Мордвинова, находящееся почти в середине долины. Графу Мордвинову принадлежит почти вся эта долина и все лучшие в ней леса.

ИЗ «ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО СЕВАСТОПОЛЮ» под редакцией генерал-майора А.М. Зайончковского Санкт-Петербург, 1907 г.

К 50-летию юбилею обороны Севастополя оборонительная линия от 1-го до 3-го бастиона включительно обозначена каменной стенкой, сооружённой на месте бывшей линии огня. Высота дана ей такая, чтоб она не была похожа на боевую или хозяйственную ограду и тем не вводила бы в заблуждение посетителей, производя впечатление одного из двух названных значений. Сооружена стенка, чтобы «обозначить» бывшее направление оборонительной линии. Без такого приёма скоро не было бы и следов от оборонительной линии: частью она расплылась бы о раскапывания, частью была бы застроена. Последнее и теперь уже можно видеть в районе 6-го бастиона.

Места орудий обозначены на стенке особой архитектурной вырезкой на некоторое подобие амбразуры. Части войск обозначены чугунными досками, вделанными в стенку на тех пунктах, на которых они наиболее действовали.

Вдоль стенки идёт пешеходная тропа наподобие тротуара и аллея-шоссе для экипажей.

Для обозрения законченной обозначением оборонительной линии в порядке и чтоб посетитель ясно себе представил историю и картины происходившей на обозреваемых пунктах борьбы, предпочтительнее всего начать обзор с 1-го бастиона и затем двигаться вдоль оборонительной линии ко 2-му бастиону, осмотреть Малахов курган, переехать на 3-й бастион, затем на 4-й бастион, где осмотреть панораму, и закончить 5-м бастионом с люнетом Белкина.

Для выполнения этого порядка надлежит отправить экипаж из города на Корабельную сторону, чтобы он от Малахова кургана проследовал по аллее-шоссе мимо 2-го и 1-го бастионов и спустился в Ушакову балку, к берегу Большой бухты. А самому отправиться туда же на ялике, договорив его только в Ушакову балку.

Тогда посетитель проследует в экипаже через Ушакову балку к павильону 1-го бастиона, где следует сделать не кратковременную остановку и ознакомиться со всем, что представится глазам, с помощью этого путеводителя и ориентировочного стола. Затем переехать на 2-й бастион. Здесь не понадобится много времени. Малахов же курган займёт его достаточно. Немного времени надо для 3-го бастиона. Но 4-й бастион – начиная с «Грибка», переходя затем к исходящему углу с минной галереей, затем в панораму и заканчивая памятником Тотлебену, – займёт много времени. По прибытии к 4-му бастиону, на площадь Новосильского, следует экипаж отпустить, так как по обозрению бастиона предпочтительнее для возвращения в город воспользоваться трамваем, который имеет остановку у этой площади.

В порядке такого плана осмотра и изложены описания перечисленных пунктов.

1-й бастион

Он расположен на высоте, образуемой берегом Большого рейда и Килен-бухты. Французы называли его Bastion № 1 или Batterie de la Pointe.

По проекту 1834 г. бастион этот предполагался позади Ушаковой балки. Император же Николай при личном обозрении Севастополя в 1837 г. повелел вынести его перед Ушаковой балкой. При этом нельзя не выразить удивления автору проекта 1834 г., сделавшему такую ошибку в назначении места для флангового бастиона нашей сухопутной оборонительной линии. При нахождении сзади Ушаковой балки бастион был доступен подступам неприятеля по той же Ушаковой балке, тогда как находясь впереди её он им совершенно недоступен. Килен-бухта представляет для него естественный водяной ров большой глубины, а лежащая сзади него Ушакова балка – хорошее укрытие для резерва.

Вся оборона Севастополя подтвердила верность инженерного взгляда императора Николая Павловича.

Подступов к 1-му бастиону не было, и попытка штурмовать его была только один раз, именно 6 июня, и, как известно, вполне неудачная. Бастион испытывал не много и от действия неприятельской артиллерии, что наглядно видно по хорошо сохранившейся оборонительной казарме.

Ко дню высадки союзников на месте предположенного бастиона была возведена только небольшая батарея полевой профили, состоящая из одного фаса на 4 пушки-каронады (две 24-фунтовые и две 18-фунтовые). Назначение её было обстреливать Килен-балку и фланкировать 2-й бастион. Места амбразур обозначены на стенке. Оборонительная казарма была вооружена девятью полупудовыми единорогами.

Такой силы был бастион для встречи союзников.

Затем к правому его флангу была пристроена батарея Парижская (№ 107¹), которая слилась с ним в общем названии 1-го бастиона.

Постепенным усилением вооружение бастиона к концу обороны было доведено до 46 орудий.

До 26 мая неприятельские батареи были далеко от бастиона, и до этого времени на нём было относительно спокойно.

С 26-го же мая – дня падения Селенгинского и Волынского редутов, служивших ему как бы заслоном, – приходилось тяжело и 1-му бастиону.

Неприятельская батарея поместилась прямо против него по ту сторону Килен-бухты, на месте бывшей нашей Забалканской батареи. 6 июня и 27 августа бастион много способствовал отбитию штурмов на 2-й бастион, поражая неприятельские колонны несколько во фланг, а в первый из названных дней действуя ещё по неприятельским резервам, собранным в Килен-балке.

В настоящее время павильон 1-го бастиона с его ориентировочным столом представляет собой действительный Pointe, откуда открываются красивые виды на запад вдоль Большого рейда к морю, на всю Северную сторону, на восток к Мекензиевым горам и Инкерманскому плато и на юг вдоль Килен-балки и местности вправо от неё.

Запасшись путеводителем и руководствуясь ориентировочным столом, здесь можно проследить на расстилающейся перед глазами местности все исторические и боевые события, имевшие место около Севастополя.

Отсюда оборонительная линия идёт ко 2-му бастиону, имея приблизительно на середине этого расстояния батарею Харламова, устроенную на месте бывшей здесь лаборатории.

К западу вдоль Большого рейда идёт шоссе, спускающееся к нему через Ушакову балку.

¹ Кроме названий упоминаются и номера батарей, указанные в Истории обороны Севастополя Тотлебена. (Прим. док.)

Павильон расположен на высоте 20 саженей над уровнем моря.

До 26 мая 1855 г. через Килен-балку, в самом узком её месте, где ныне угольный склад Морского ведомства, был плавающий мост. По нему почти безопасно шло наше движение к закиленбалочным контрапрошам – Селенгинскому и Волынскому редутам со смежными с ними батареями: Забалканской и Венецианской.

С падением контрапрошей мост был уничтожен.

2-й бастион и рогатка

2-й бастион, который французы называли Petit Redan, был расположен на низком скалистом плато между Килен-балкой и Ушаковой, сильно командуемом со стороны неприятеля. Вначале это было слабое укрепление, насыпанное из приносной земли. С горжи бастион замыкался каменной стеной. При развитии наших укреплений, в зависимости от успехов осады, бастион был усилен батареей Геннериха и второй оборонительной линией, шедшей от северной оконечности Малахова кургана к Ушаковой балке. Вначале осадные батареи были на далёком расстоянии от 2-го бастиона, вследствие чего положение защитников его было сносное, а с возведением в феврале и марте Селенгинского и Волынского редутов и Камчатского люнета сделалось совсем хорошим, так как названные укрепления притянули на себя здесь всё внимание неприятеля и как бы стали для нас заслоном.

Но с 26 мая, после падения этих контрапрошей, положение защитников бастиона стало невыносимым. Он обстреливался перекрёстным огнём с осадных батарей, занимавших почти $\frac{1}{4}$ круга, начиная от бывшего Камчатского люнета и кончая батареей на месте Забалканской.

Первый разгром пришлось бастиону выдержать в четвёртое бомбардирование, 5 июня, и отстоять себя на следующий день. На него были двинуты французские дивизии Майрана (бригада Фальи) на левый фас и исходящий угол и Брюне (бригада Кера) – на правый фас. Но владимирцы с суздальцами отбили поочерёдно обе дивизии, сначала Майрана, а потом Брюне, причём оба эти генерала были убиты. Нашими пехотными частями командовал на этом участке полковник Дараган.

Поражению неприятеля способствовали наши пароходы, стоявшие против устья Килен-бухты: «Владимир», «Громоносец», «Херсонес», «Крым», «Бессарабия» и «Одесса».

После штурма 6 июня начались тяжёлые дни для 2-го бастиона. Сообщения его с городом сделались так опасны, что убитых и раненых выносили отсюда только ночью. Солдаты прозвали бастион «толчейей» и «ступкой».

Особенно же сильные повреждения бастион потерпел в пятое и шестое бомбардирования.

С 5 по 9 августа по нему сосредоточенно действовали 70 орудий. Все траверсы были почти срыты, блиндажи разбиты, пороховые погреба разрушены. К 24 августа французы своими подступами были в 22 саженях от бастиона. Один из участников обороны свидетельствует, что штурм этого укрепления был бы отрадою сравнительно с пыткой бомбардирования: тогда был бы выход – или отражение штурма, как 6 июня, или взрыв бастиона на воздух в трудную минуту. Именно на 2-м бастионе можно было видеть всё величие русской природы в её верных сынах: после бессонной и трудовой ночи с тяжкими в течение её работами в скалистом грунте солдат с рассветом брал ружьё и ждал штурма в течение целого дня, стоя на банкете и прикрывая голову мешком. Он занимался охотой по людям, если и не весело, то без жалоб.

Кто шёл на 2-й бастион, тот не надеялся вернуться. В один из тяжёлых для бастиона дней, 14 августа, князь Горчаков посетил укрепление. Гарнизон тут были

закалённые в бою остатки храбрых полков 8-й дивизии. «Много ли вас здесь, на бастионе?» – спросил князь. Один из ближе стоявших егерей на минуту призадумался, а затем спокойно ответил: «Дня на три хватит, Ваше сиятельство!» Чтобы понять глубину трагизма ответа, надо знать, что на бастионе в эту минуту от Забалканского, Полтавского и Кременчугского полков оставалось всего 2317 человек.

В шестое бомбардирование неприятель бил по 2-му бастиону из 90 орудий. Наибольшей опасности подвергались пороховые и бомбовые погреба. На сохранение их от взрыва обращалось особенное внимание, и потому здесь гибло более всего людей, трудившихся над засыпанием углублений от беспрестанно падавших бомб.

Осыпаемый градом пуль и картечи, бастион представлял адское месиво из тел павших.

В течение 12 часов 200 человек бывали убиты и ранены. Невозможность общения с городом лишала бастион снарядов, пороха, воды, леса, фашинов и т.п.

25 августа с бастиона, восстановленного кое-как за ночь, могли сделать лишь несколько выстрелов. Засыпанный снарядами с французских батарей, он смолк и представлял собою сплошную развалину. Пожар следовал за пожаром, пороховые погреба были в ежеминутной опасности взлететь на воздух.

27 августа на штурм бастиона французы отрядили 7400 человек. Движение их было решительно и увенчалось появлением на бастионе совершенно неожиданно. 550 человек Олонецкого полка, застигнутые врасплох, были окружены, но пробились и стали отступать. Капитан Лебедев воодушевил их и повернул на неприятеля. Прибежал батальон Белозерского полка с майором Ярошевичем, явился в подмогу с Кременчугским полком и генерал Сабашинский. «За мной, ребята! – кричал Сабашинский, помахивая костылём. – Вон проклятых с бастиона!» Большой ногами, Сабашинский носил спальные сапоги и опирался на костыль, который был единственным его оружием, а сабли генерал и из ножен не вынимал, хотя неоднократно участвовал в горячих схватках.

Французы не выдержали штыкового натиска, бросились назад в свои траншеи, оставив убитых и раненых. Сабашинский расставил в 6 шеренг людей за валами и открыл жестокий огонь по беглецам. Соседние с бастионом батареи и пароходы «Владимир», «Херсонес» и «Одесса» прибавляли ещё и свои снаряды. Ещё несколько раз французы бросались на штурм, но успеха не имели; их поражали жестоко. Тогда из-за бывшего Камчатского люнета вынеслись две французские батареи и, подсакав на 100 сажень к бастиону, открыли огонь картечью. В самое короткое время они потерпели поражение и оставили на месте 4 орудия.

Около 2 ч пополудни свежая колонна французов ещё раз бросилась на штурм. Ни картечь, ни пули не могли остановить их стремительного движения. Они вскочили на бруствер и даже водрузили своё знамя. Сабашинский был в первых рядах защитников. Зуавский офицер выстрелил в него из пистолета почти в упор, промахнулся и хотел камнем бить генерала, но пули наших солдат пронизали его. «На валы!» – кричал Сабашинский, и его люди сомкнулись в схватке, разя французов чем только было можно. Особенно губительно было для них действие ручных гранат.

Потеря французов была тяжкая. Здесь они потеряли трёх генералов. Весь ров был завален их телами. «С тех пор, как живу, не видывал ничего подобного», – говорил Сабашинский, а храбрец Боске из траншеи наблюдал за усилиями французов и сознавал, что нет средств одолеть русских под опытной командой Сабашинского. У французов были здесь взяты в плен несколько офицеров и 150 солдат.

* * *

Связующим звеном между 2-м бастионом и Малаховым курганом была куртина, посередине которой был заграждённый рогатками выход, чрез который выходили наши батальоны для борьбы впереди оборонительной линии. Здесь в злосчастную ночь под 24 октября собрался отряд Соимонова и двинулся чрез Килен-балку. У рогатки расположена батарея Красовского.

Впереди заметны ещё следы заплывших волчьих ям.

6 июня французы с генералом Брюне быстро появились в 100 сажнях перед куртиной. Их встретили дружный огонь и залпы картечью. Потери французов были тяжкие, но они всё-таки перешли ров и начали приставлять лестницы. Суздальцы, якутцы и селенгинцы отразили атаку с большим для неприятелем уроном. Между прочими был убит генерал Брюне.

Во время штурма 27 августа французы первоначально успели прорваться и захватить даже вторую линию обороны, но прискакавшая сюда из Аполлоновой балки 5-я лёгкая батарея 11-й артиллерийской бригады осыпала французов картечью, а направленная [С.А.] Хрулёвым пехота окончательно выбила их штыками.

Батарея Жерве

Батарея Жерве была устроена для обстреливания Докова оврага и составляла как бы правое крыло кургана.

В третье бомбардирование Севастополя, 5 июня, и последовавший затем штурм, 6 июня, боевые способности Хрулёва проявились на батарее с особенным блеском.

Защищал 6 июня батарею 4-й батальон Полтавского полка. Французская дивизия д'Отмара предназначалась, по овладении батареей, двинуться дальше и атаковать Малахов курган с горжи. Бригада генерала Ниеля, исполняя это, ворвалась в укрепление. Небольшая насыпь, не имевшая в иных местах и рва, не могла представить серьёзного сопротивления атакующим. Стрелки вскочили на вал и, оттеснив наших, проникали внутрь батареи. Полтавцы, всего 350 человек, стали отступать; к ним примкнула орудейная прислуга. Французы на плечах отступивших полтавцев ворвались в Корабельную слободку. Дальнейшее их наступление остановили картечь 6 полевых орудий, поставленных за ретраншементом у острога, и залпы якутцев. Они засели в домиках, разбросанных по всему правому скату Малахова кургана. Положение Малахова кургана было опасное. На нём взвился красный флаг. Масса снарядов полетела на батарею Жерве и на домики с французами. К этому времени прибыл Хрулёв. Увидя отступавших полтавцев, он крикнул: «Стой! Дивизия идёт на помощь!» Благодарно подействовало мощное слово любимого генерала. Люди ободрились. Один из матросов, наиболее решительный, рванулся к неприятелю. «Ну, ребята, навались!» – крикнул он. «Навались, ребята!» – повторил Хрулёв, поняв всю силу этого жгучего слова. «Навались! Навались!» – загремело в толпе, и все бросились в бой.

Но дивизии никакой не было, и наши храбрецы могли быть смяты. Вдали показались люди – то была 5-я рота Севского полка, шедшая с работ, всего 138 человек, под командованием штабс-капитана Островского.

«Ребята, бросай лопаты! – крикнул им Хрулёв. – Благодетели мои, в штыки! За мною!» – и сам бросился к месту боя. Севцы за ним; к севцам присоединились полтавцы с капитаном Борном. Закипела схватка.

Трудно было сладить с засевшими в долинах французами. Они уверенно ждали помощи и защищались отчаянно. «Проси пардон, – кричали наши, – крепость взята»; но им отвечали выстрелами, штыками, прикладами или камнями. «Э, так вы драться, да ещё в чужой хате, – продолжали наши. – Души их!» И передушили всех

до единого. Подоспел сюда генерал Павлов с якутцами, французов опрокинули и погнали назад на батарею Жерве. Эта батарея, на которой уже одно орудие было повернуто против нас, была вновь занята нами.

Видя себя окружёнными с трёх сторон, французы пытались взорвать пороховой погреб. Двое из них, выхватив у убитого матроса зажжённый пальник, бросились к дверям погреба, но были остановлены и заколоты рядовым Якутского полка Дорофеем Музиченко. «Э, братцы, шалишь, – кричал Музиченко. – Сюда не суйся, пошёл-ка, догоняй своих», – приговаривал он, работая штыком. Французы быстро отступали. Кто перелезал через ров, кто бросался в амбразуры, но и здесь их ждали наши штыки. Впереди всех стоял севец Ишук. Штыком он хватил одного – штык сломался, прикладом уходил другого – приклад пополам. Бросив обломки ружья, он схватил пыжевник и крошил им направо и налево. «Погодите, куда же вы... гости, гости, – кричал Ишук, – что ж, аль в двери не попали, что в окна уходите!»

Победа была полная. Уже Хрулёв приказал трубить отступление, а расходившиеся и опьянённые успехом бойцы кричали: «Отберём Камчатку! Бить саранчу проклятую насмерть, нечего отступать!»

Свежие силы французов ещё три раза бросались на батарею, но возвращались с полпути, поражаемые картечью и пулями. Потери их были велики. Один из французов писал: «В продолжение целых часов я видел вокруг себя только головы, члены человеческого тела, оторванные и разбитые картечью; кровь лилась потоками; были места, где трупы лежали кучами в два метра вышины».

Уверенность французов пред штурмом в разгроме наших укреплений была очень велика. Один из раненых французских офицеров уверял на перевязочном пункте, что через полчаса его соотечественники будут в Севастополе. Из числа прорвавшихся в Корабельную слободку французов один капрал бросил ружьё и пришёл на паперть церкви Белостокского полка. Когда его заметили здесь спокойно сидящим и спросили, что он делает, то получили ответ: «Жду своих; через четверть часа они возьмут Севастополь».

Из 138 славных севцев уцелело 33 человека. Командир их штабс-капитан Островский был убит.

Эта рота в руках Хрулёва была вместо дивизии.

В Музее обороны Севастополя имеется картина печального шествия доблестных севцев с останками своего командира. Завернув полы шинелей, без шапок движутся они с дорогою ношей; некоторые из них с повязанными головами от ран, один с трудом переступает с помощью ружья вместо костыля. Грустные идут севцы, а кто встретит – перекрестится и поклон земной сделает перед ними.

Бывшая на Хрулёве в бою шинель солдатского покроя оказалась потом пробиною во многих местах пулями.

Соотечественники почтили доблестного генерала поднесением образа Казанской Богоматери, который прислан был ему в Севастополь при особом письме.

Неприятели неудачу штурма отнесли к своим ошибкам, а не к нашей готовности к бою и храбрости каждого, кто был в рядах обороны.

Когда у батареи Жерве по объявлении перемирия шла уборка павших, один из английских генералов заметил нашему: «У вас должны быть очень хорошие шпионы». – «Почему вы так полагаете?» – «Потому что вас вовремя предупредили – и вы успели подготовиться». – «О да! Шпион, предупредивший нас о штурме, отличный. Впрочем, он действует с вашего же разрешения». – «Как? – спросил изумленный англичанин. – Кто же он? Как его зовут?» – «Зовут его – усиленное бомбардирование». Англичанин смекнул, поклонился и отъехал.

Малахов курган

За нынешними морскими казармами высится знаменитый Малахов курган, увенчанный памятником адмиралу Корнилову, где он пал в беззаветном служении родине. Место смертельного поранения адмирала обозначено крестом из неприятельских ядер, сложенных на земле.

Курган задолго до войны был местом посёлка бедняков, в числе которых матрос Малахов жил здесь будто бы одним из первых. Это и было причиною, что курган назвали Малаховым с увековечением под этим именем «лобного места России», где лились потоки крови, где грудь русских отстаивала пепелище своё против неприятеля, превосходившего нас и числом, и совершенством оружия, и богатством снабжения жизненными и боевыми припасами.

По Высочайше утверждённому проекту 1837 г. предполагено было устроить на кургане укрепление бастионного начертания, а 23 марта 1854 г. император Николай I писал в рескрипте князю Меншикову: «В особенности хорошо бы начать “донжоном”, который мы с тобою назначили на Малаховом кургане, дабы всем командовать в виде цитадели». По желанию императора на деньги, пожертвованные городом, была здесь устроена каменная башня. Освящение её последовало 10 июля 1854 г. Прозвали её Малаховой.

Башня имела два закрытых яруса ружейной обороны и открытую батарею наверху с пятью крепостными 18-фунтовыми орудиями. Башня имела 7 сажень в поперечнике и 4 сажени высоты и с поля на расстоянии 3 ½ сажени прикрывалась гласисом в 6 фут[ов] вышиною. Сооружением этой башни была положена последняя опорная точка, возведённая до высадки союзников.

Вообще Севастополь с южной стороны был обнажён.

Как только союзники после Альминского сражения распределили свои силы для осады Севастополя, Малахов курган привлёк к себе общее внимание. Мы спешили укрепить и вооружить его по возможности лучше, союзники стремились нанести ему возможно больший вред. Обе стороны ясно понимали, что курган – ключ Севастополя. Первоначальные средства обороны на Малаховом были незначительны. Трудность сооружения батарей была неимоверная. Насыпи были слабы и плохо держались. Одеть насыпи было нечем – ни дёрна, ни туров, ни фашин под руками не было. Щёки амбразур в наилучших случаях были одеты земляными мешками, которые нередко загорались. У иных амбразур щёки замазывались глиною. Укрепления Малахова кургана были так слабы, что один из инженерных офицеров доносил рапортом коменданту о принятии мер к обузданию игривости принадлежащего одному священнику козла, который неоднократно разрушал рогами оборонительную стенку кургана.

Вся надежда отстоять курган была возложена на русский штык.

С появлением осадных работ (англичане уже с 26 сентября начали строить свою батарею «Виктория» в расстоянии около 1500 сажень) началась и наша неусыпная деятельность по обороне кургана. К страшному дню первого бомбардирования, 5 октября, Малахов был тщательно обслужен всем, что могло сохранить его за нами. В день 5 октября самый жестокий огонь был направлен на Малахов. От конечного разгрома его спасло содействие пароходов «Херсонес» и «Владимир», стоявших у Килен-бухты. Всё-таки верхний ярус башни был разрушен, орудия подбиты, в людях была большая потеря. Корнилов, видя, что силы защитников таяли, что часто загоравшиеся доски у амбразур отвлекали бойцов, поскакал к острогу и приказал караульному офицеру выпустить арестантов, не прикованных к тачкам. Прикованные же к ним стали умолять пустить и их на батарею. «Мы не

останемся здесь, простите нас, – кричали они. – Пустите сражаться с врагами, мы умрём на батареях!» Загремели кандалы, тысяча сердец трепетала в благодарном чувстве и неудержимо неслась на курган за Корниловым. Беззаветна была служба родине этих отверженцев. Они тушили пожары, заменяли подбитые орудия, подносили воду и снаряды, ухаживали за ранеными. Многие из них пали на кургане; оставшиеся в живых были прощены, снискали награды.

Корнилов попытался было взойти на Малахову башню, но Истомин воспротивился. Опасность была очевидна: неприятельские снаряды падали один за другим. Остановился Корнилов, но «шум битвы» увлекал его. Он пригласил сопровождавших его ехать к Бутырскому и Бородинскому полкам, расположенным в верховье Ушаковой балки... а смерть уже витала над ним. «Ну, теперь поедем», – произнёс Владимир Алексеевич и направился от башни к Кремальерной батарее, за бруствером которой стояли лошади. Не дошёл он несколько шагов до батареи – ядро оторвало ему левую ногу у живота. Сражённого адмирала перенесли тут же за насыпь и уложили между орудиями. «Ну, господа, предоставляю вам отстаивать Севастополь. Не отдавайте его». На перевязочном пункте адмирал приобшился Св. Тайн. Доставленный в морской госпиталь, он ожидал смерти в полном спокойствии. Предсмертные его слова были: «Скажите всем, как приятно умирать, когда совесть спокойна. Благослови, Господи, Россию и Государя, спаси Севастополь и флот». С такими благородными по чувству словами угас русский богатырь, угас доблестно, снискав вечную память в сердцах поколений родины... Император Николай почтил память Корнилова, приказав укрепления Малахова кургана именовать Корниловским бастионом.

В Музее обороны Севастополя хранятся: икона, бывшая на груди адмирала в минуту смерти, золотой медальон с волосами его, обгаренная кровью одежда, часть кости, удалённой при операции, шашка и другие предметы.

Почти у места смертельного поранения Корнилова теперь возвышается ему памятник.

Самое раннее утро 6 октября застало Малахов совершенно готовым к бою, так как за ночь все повреждения от бомбардировки были исправлены. С рассветом этого дня союзники продолжали бомбардирование. 9 октября на нём было взорвано неприятельскими снарядами 6 зарядных ящиков, а на другой день – 2. Вред для нас был незначительный.

В 20-х числах ноября перед Малаховым была устроена система ложементов. В течение декабря и января осаждающие устроили против Малахова несколько новых батарей. В январе французы были в 843 сажнях от кургана.

В это время было обращено внимание на пригорок впереди Малахова: он имел значительное превышение над курганом, и в особенности над 2-м бастионом. Для неприятеля он мог ускорить взятие Малахова, для нас он был важным подспорьем в остановке подступов французов, в помехе им приблизить свои батареи к рейду.

Поэтому, опираясь на Малахов, мы создали знаменитые Селенгинский и Вольнский редуты и затем Камчатский люнет, окрещённые потом именем «трёх отроков в пещи».

Неудачная попытка союзников с 4 на 5 марта овладеть ложементами впереди Камчатского люнета вызвала усиленную канонаду по Малахову. Огонь этот, не прекращавшийся в течение нескольких дней, вырвал из рядов Севастопольского гарнизона доблестного контр-адмирала Истомина. Как только возникла осада, неотомимый Владимир Иванович поселился на Малаховом, совершая ратное дело без тени страха, без пощады себя. В течение 7 месяцев он ни разу не раздевался, а если и ложился спать, то делал это по необходимости, присущей человеку. Осматривая

теперь Малахов и остатки башни, под сводом её, на левой стене от входа, можно прочесть надпись: «Здесь стояла кровать контр-адмирала В.И. Истомина». Здесь же устроена часовня в память той, которая была здесь во время обороны.

Энергия Истомина не знала пределов. Существует рассказ, что однажды какое-то требование его не было уважено начальником гарнизона генералом Моллером. Тогда Истомин приказал одно из орудий на Малаховом повернуть на город с угрозой стрелять по дому, в котором жил Моллер.

Презрение к смерти было отличительной чертой службы Истомина. «Наш адмирал будто о семи головах, в самый кипятик так и лезет», – говорили малаховцы о своём начальнике.

Когда Истомину указывали на опасность, он отвечал: «Я давно уже выписал себя в расход и теперь живу на счёт англичан и французов».

Вражеское ядро снесло голову Истомину, когда он возвращался с Камчатки на Малахов по гребню траншеи, отвечая на предостережение об опасности, что «всё равно от ядра не спрячешься». Два сопровождавших его офицера были контужены костями головы контр-адмирала.

На этом месте воздвигнут памятник.

В Музее обороны Севастополя хранятся орденская ленточка, трость и кортик Истомина, принесённые в дар вдовой адъютанта его, Игнатъевой.

В канун Пасхи богослужение на Малаховом происходило в блиндажах. Почти ползком входили в длинный и тёмный коридор с колоннадой столбов по обеим сторонам. Возле стены стояли образа, а посередине – плащаница, вокруг неё в полумраке – закуренные порохом лица молящихся. Трогательное «Святой Боже» провожало плащаницу, когда её понесли вокруг блиндажа, свечи чуть мерцали, а воздух содрогался от полёта неприятельских снарядов.

Первый день Пасхи, 27 марта, прошёл спокойно. Защитники Севастополя радушно приветствовали друг друга торжественным «Христос воскрес», поделились куличами, всем тем из снеди, что можно было достать. Днём кое-где пустили в дело кларнет и скрипку, даже плясали Камаринского, но второй день был днём неописуемых ужасов. Это было «второе» бомбардирование.

Подойдя к Малахову своими подступами весьма близко, неприятель действовал чрезвычайно разрушительно. Беспреданно падавшие бомбы поражали то человека, то станок, то орудие, то, падая в толщу укрепления, разворачивали насыпь, осыпавшуюся безобразной грудой земли. Бока амбразур, поддерживаемые от осыпания турами и фашинами, часто загорались, и тогда солдат, перекрестившись, хватал мокрую швабру и, чтобы потушить пожар, влезал в амбразуру, осыпaeмый неприятельскими пулями.

Надсмотрщик порохового погреба следил за полётом бомб, и едва они падали на крышу погреба, как рабочие сами собою бросались кучами и засыпали просверленную яму. Не один из подобных смельчаков жизнью платил за мужественное дело, но на место убитого являлся новый смельчак. Люди с готовностью целыми партиями кидались к повреждённому орудию. Здесь не думали о смерти, глядели ей прямо в глаза и работали, положась на волю Божию.

С рассветом 29 марта неприятель возобновил бомбардирование. Мы отвечали успешно, за четыре часа боя мы заставили замолчать до 50 неприятельских орудий.

Бомбардированием в последующие дни Малахова башня была пробита насквозь.

В третье бомбардирование, 25 мая, самые частые выстрелы были направлены на Малахов.

Курган сильно пострадал, так как неприятель, решившись завладеть Камчатским люнетом, Волынским и Селенгинским редутами, сосредоточил по ним и по

Малахову самый усиленный огонь. Двинутые на редуты и люнет отборные неприятельские войска имели успех. Нахимов едва спасся от плена. Наши вынуждены были отступить. При нашем отступлении с Камчатки французы шли по пятам за нашими войсками. Несмотря на частый картечный огонь, они появились у Малахова, залегли в ямах и открыли огонь по нашим амбразурам. Положение кургана в это время было опасное, на нём вся защита состояла из батальона Владимирского полка, 30–40 пластунов да орудийной прислуги. Дружный натиск врага лишил бы нас этой твердыни тогда же. Но одна из многих ошибок союзников и в этот раз отсрочила падение кургана.

Выручил генерал Хрулёв. Приведённые им подкрепления оттеснили от Малахова французов и вслед за ними двинулись к Камчатке. Когда этот люнет бесповоротно перешёл в руки осаждавших, находившиеся на Малаховом Нахимов и Тотлебен направили огонь на Камчатку, чтобы препятствовать неприятельским работам. Среди своих распоряжений достойные друг друга сподвижники как-то близко подошли ко рву и увидели, что там, как в клетке, притаились несколько французов. Была выслана команда, и вскоре на Малахов привели 70 французов пленными.

Потеря нами передовых укреплений послужила поводом заграничным вестовщикам распространить слух, что Малахов в руках союзников.

В полдень 28 мая союзники подняли парламентёрский флаг. Такой же флаг взвился на Малаховом. Воюющие стороны объявили перемирие для уборки павших. С обеих сторон явились не только носильщики, но и зрители. Кавалькады иностранных амазонок и людей в статском платье сновали среди исковерканных и разможжённых тел участников недавнего боя.

Вследствие близости неприятеля к Малахову наша прислуга у орудий несла большие потери. «Эдак из орудий некому будет действовать», – говорили солдаты, видя падающих матросов. «Хоть по три матроса на пушку останется, – возражали матросы, – ещё можно будет драться, была бы армия. А как по три не останется – ну, тогда шабаш!»

После дела 26 мая Пелисье решил воспользоваться энтузиазмом войск и назначил через 10 дней, в день сражения при Ватерлоо, штурм Севастополя, с тем чтобы штурму предшествовало самое жестокое бомбардирование. Главным пунктом действия был избран Малахов. Союзники прекратили огонь и начали строить в траншеях против кургана новые батареи. На бывшей Камчатке они возвели четыре батареи на 28 орудий, на Селенгинском редуте две и на Волынском одну в 24 орудия.

Одним словом, были приложены все усилия, чтобы разгромить курган. Наши работы также были в разгаре. Вооружение орудиями не уступало осаде, но порохов было мало, а для зарядных картузов употребляли судовые флаги, фланелевые рубахи адмиральских гребцов, крестьянское сукно.

Бомбардирование 5 июня опять всю тяжесть поражения обрушилось на Малахов... Но как свыклись защитники с разгуливавшей повсюду смертью! Солдаты в укрытых местах спят, перебирают одежду, чинят бельё, обувь, курят, едят неизменную кашу. А между тем почти половина амбразур кургана завалена, многие орудия подбиты, блиндажи разрушены, пороховые погреба взорваны, потери людьми тяжкие.

В числе многих славных защитников погиб на кургане при третьем бомбардировании капитан 1 ранга Юрковский – преемник Истомина. Он в течение 9 месяцев не отходил отсюда ни на шаг. Ни преклонные лета, ни слабость здоровья, ни ежеминутная опасность не могли сломить его стойкости. В остатках Малаховой башни он имел жилище и не шёл никуда далее, несмотря ни на просьбы, ни на приказание. «Сделайте мне дружбу, – говорил Юрковский одному из своих

знакомых, – напишите статью в опровержение хвастовства французов. Публиковали они в газетах, что Малахова башня разбита до основания. Вздор! Доказательство, что я, начальник отделения, живу там доселе».

Современники Юрковского и очевидцы его отваги говорили: «Надо видеть этого громовержца, стоящего бестрепетно в урагане смерти и обдуманно поражающего врагов, когда десятки его товарищей и подчинённых падают вокруг него под губительную косою, немедленно заменяемые другими, готовыми испытать ту же участь! Да, надо видеть этих героев, чтобы научиться благоговеть перед ними!»

К характеристике героизма многих уместно прибавить, что именовать их – значит называть всех. По обилию подвигов нельзя сказать, кто был больший герой. Раненые, например, думали только о том, чтобы скорее выздороветь для нового боя. Когда их спрашивали, чего они желают, ответом было: «Батюшка-царь не оставит нас, а мы желаем, если Господь поможет выздороветь, то поскорее явиться на бастионы, отплатить врагам».

На штурм Малахова и смежных с ним бастионов и батарей было назначено 25 тыс. французов. По тревоге Хрулёв с 1-го бастиона бросился на Малахов. Тут были с генералом Юферовым во главе Севский, Полтавский и Забалканский полки. В 3-м часу ночи рёв осадных орудий вдруг смолк. Одно мгновение, и на кургане засияла «лампада схимника, молящегося о спасении души». То был фальшфейер, обозначавший тревогу. Для штурма кургана из неприятельских траншей выскочила густая цепь стрелков, охватившая большое пространство. Впереди цепи были охотники с лестницами, сзади – сильные колонны. Защитники вскочили на банкеты. Торжественное молчание враждующих было грозно, дыхание смерти леденило тысячи сердец. Брызнула наша картечь, запрыгала впереди кургана, точно горох. Пламенная лента опоясала нашу твердыню, а черневшая лавина неприятельских колонн стремительно неслась к смерти. Враги уже сходились. Кто издали видел это, трепетал от ужаса столкновения. «Помоги вам Господи», – шептали многие в стороне от боя. Много горячих и истинных молитв вознеслось в эти минуты к небу из утеснённого города, много поклонов приняла земля, упитанная нашей и вражеской кровью. Близ Северного укрепления толпа женщин на коленях молила небо о помощи. На одном из стоявших на рейде судов матрос упал на колени перед образом Спасителя, находившимся в походной церкви, и горячо молился, читая вслух: «Достоинно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу».

Проходившие присоединялись к молитве матроса, и долго потом свидетели пламенной молитвы не могли забыть ни ощущений, испытанных во время штурма, ни впечатления, произведённого на них матросом, горячо молившимся за вся и за всех. Французы понесли большие потери и были отбиты.

Пелись говорил тогда, что мужество его подчинённых сокрушилось о сильный огонь русских и о непредвиденные обстоятельства, послужившие причиной неудачи. Ещё новый порыв неприятеля к штурму был сломлен частью огнём, частью камнями, которыми якутцы поражали засевших было во рву французов. Тут был «шум битвы», но крик начальника, сигнальная труба и дробь барабана служили верно и воодушевляли борцов за родину.

Бросили французы лестницы, бросили убитых и раненых и отступили в свои траншеи. Вся восточная отлогость кургана была усыпана телами нападавших; «Зачцело поле», – говорили наши солдатики, поглядывая на разноцветные мундиры разноплеменных врагов.

В газете «Times» писали тогда, что «все подступы к Малаховой башне были покрыты голубыми и серыми мундирами, лежавшими в кучках или разбросанно».

Вид этих тел был одною из ужасных картин, которые оставляют тяжёлое впечатление у потерпевших поражение и вселяют гордость в сердца победителей.

Наши солдатики весело рассуждали на бастионах о том, как шёл супостат на приступ, как пошатнулся он, заболтался и показал пятки. «Смотри-ка, братцы, – сказал один, высунувшись из-за вала, – батюшки мои светы, сколько народу-то мы повалили!» «Царство им небесное, – заметил его товарищ. – Эти на новый штурм не полезут, а всякий павший воин, будь он свой или вражий, венца небесного достоин». «Вестимо достоин», – заметили товарищи, и несколько рук сотворили крестное знамение.

Так недаром в русском народе исстари живет пословица «лежащего не бьют». Завидев дерзкого врага, русский солдат бьёт его и пулей, и штыком, и всем что попадётся в руки в горячую минуту, а стихнет бой – этот же солдат молится за убитого врага или невзирая на пули ползёт с манеркою в руке, чтобы утолить жажду или спасти раненого неприятеля. Французы молча смотрели из своих траншей на подобных смельчаков, маханием шапками и другими жестами благодарили за участие к их страдающим товарищам. Англичане поступали иначе: они стреляли по нашим солдатам, не обращая внимания на крики своих раненых и просьбы их прекратить выстрелы.

После отбития штурма, кто видел Малахов в марте, не узнал бы его совершенно, он как будто сжался, сбился в кучу. Курган стал похожим на лабиринт, в котором непривычный мог запутаться, заблудиться. Вся площадка изрыта траншеями и всякими насыпями, сделанными сколько для защиты от неприятельских снарядов, столько же и для ружейной обороны внутренности кургана на случай занятия его передовой части неприятелем. Башня как будто ушла в землю от нагромождённых вокруг неё построек. Прежде выглядывай из-за вала сколько хочешь, теперь нельзя и подумать о том, чтобы высунуться хотя на минутку: пули, как шмели, так и реют со всех сторон. Стоит только поднять фуражку на штыке или палке, как вмиг она оказывается простреленной во многих местах.

Здесь всё переменялось, только русские остались те же. По-прежнему видны группы беззаботных солдат, то весёлых и смеющихся, то лежащих растянувшись во весь рост и как будто нарочно подставляющих себя всяким снарядам. Тут же видны бабы, торгующие луком, хлебом, вяленой рыбой. В стороне, на площадке одной из батарей, обедают офицеры. Один сидит на пружинном кресле, занесённом сюда из города ещё до осады, другой поместился на картонной жестянке, подложив под неё несколько поддонов или деревянных кружков. Возле них стоит русский мужичок-разносчик, являющийся на батареи раза два в день, несмотря ни на какую опасность. На груди его на Георгиевской ленточке медаль с надписью: «За храбрость», полученная за подвиги охотником-волонтёром.

28 июня, в 4 часа дня, ранен на Малаховом ещё один боевой светоч обороны Севастополя – Павел Степанович Нахимов. Это было накануне дня его ангела. Пуля сразила адмирала во время наблюдения за нашей стрельбою по неприятелю. 30-го числа любимец моряков и вожатый к славе доблестного Черноморского флота отошёл в вечность.

К 28 июня подступы неприятеля были в 100 саженьях от кургана.

К началу же августа были в 55 саженьях.

Во время пятого бомбардирования – 5 августа – стояла жаркая погода. Бруствера высохли. Снаряды неприятеля разрушали их легко. Дым тучею висел над курганом и мешал прицелу орудий. Перевес огня был на стороне неприятелей. Люди гибли во множестве, но оставшиеся не унывали. В одних рубахах,

с Георгиевскими крестами на груди, широких парусиновых шароварах, с чёрными галстуками, концы которых падали на грудь, в солдатских фуражках стояла прислуга у орудий, закоптёлая в дыму, замаранная порохом от выстрелов, облитая кровью и потом. Казалось, для этих бойцов кровавая сеча – райское блаженство.

Около полудня французы взорвали на кургане два склада бомб. К вечеру все наши орудия замолчали, несмотря на геройские усилия временного командира, капитан-лейтенанта Карпова.

На рассвете 8 августа французы были уже в 35 саженях от Малахова.

Когда князь Горчаков осматривал здесь новые работы и заметил присутствовавшим, что французы значительно подвинулись вперёд своими подступами, один из случившихся здесь солдат ответил: «Торопятся, Ваше сиятельство, потому кашу хотят есть из одной чашки с нами».

К 24 августа неприятельские подступы были всего в 17 саженях.

В этот день, день шестого бомбардирования, атакующий открыл по кургану огонь из 110 орудий, в числе коих находилось до 40 мортир. Разрушение от бомб из мортир было ужасное. Семипудовая бомба, попавшая в траверс в 1 ½ сажени шириною и 3 длиною, сложенный из мешков, размётывала его совершенно, ничуть не слабее фугаса. Кроме обыкновенных снарядов неприятель бросал метательные мины, т.е. снаряды, состоявшие из скреплённого железными обручами бочонка с 6 пудами пороха.

К концу дня насыпь Малахова была скрыта до половины, ров засыпан, почти все амбразуры разрушены, много орудий подбито.

Вспыхнувший от неприятельских выстрелов пожар на транспорте «Березань», нагруженном спиртом, освещал Малахов и способствовал меткости выстрелов по нему, где почти половина всех рабочих была перебита или переранена.

К 25 августа Малахов представлял лишь подобие некогда бывшего грозного укрепления. Передняя часть кургана скрыта. Туры, поддерживавшие щёки амбразур, поминутно загорались, и пламя угрожало дойти до большого порохового погреба. Тушение огня было затруднительно: неприятель, как только замечал дым, сосредоточивал на нём свой огонь. Только геройские усилия сапёров и рабочих Замосцкого полка спасли бастион от взрыва. Распоряжавшийся тушением пожара прапорщик Томского полка Насакин ранен, и при нём убито до 30 нижних чинов.

Канонада по Малахову велась так энергично, что не было никакой возможности сосчитать число бомб, взрывающих землю. Они падали десятками вдруг, некоторые разрывались на земле, разбрасывая и коверкая всё вокруг, другие врезывались в землю и столбами поднимали её кверху, иные разрушали укрепления, разбрасывали одежду батарей, мешки, людей, камни, иные разрывались в воздухе, засыпая окрестность осколками.

И в такое-то адское время на Малахов приходили женщины... Они приходили навестить раненых, помочь им, снабдить водою, в которой был недостаток. Иные добирались благополучно не только сами, но и детей приводили с собою.

27 августа бомбардирование продолжалось. Около 8 часов утра перед курганом последовал сильный взрыв. Туча камней и глыбы земли полетели на курган. Сотрясение было так сильно, что часть насыпи перед башней обрушилась в ров. В этот момент Малахов был в бедственном состоянии: бруствер разбит, орудий уцелело только два.

А между тем у неприятеля шли самые решительные приготовления к штурму. Любимец французских войск генерал Боске воспламенял сердца солдат приглашением нанести удар в сердце русской армии, разгромить Малахов, овладеть Севастополем. С Малахова слышно было движение неприятельских полевых орудий. На атаку Малахова было назначено 9600 человек. Условлено было между глав-

нокомандующими союзных армий, что когда французы ворвутся на курган, тогда англичане в числе 11 тыс. бросятся на 3-й бастион, а затем штурм Севастополя разгорится на всех пунктах соприкосновения враждующих.

Ровно в полдень все неприятельские батареи сверкнули огоньками выстрелов и разразились оглушительными залпами, метнувшими по Севастополю ураганом металла. Прежде чем успела взорваться эта масса брошенных снарядов, раздались в неприятельских траншеях крики, бой барабанов, сигналы рожков. Французы мигом перебежали отделявшие их от Малахова 12 сажень и появились на валу укрепления прежде, нежели модлинцы изготовились дать отпор.

Занявши передовую линию кургана, французы быстро рассыпались в обе стороны по банкетам. Инженерные команды начали засыпать рвы, сравнивать бруствера. Всего через три минуты был устроен отличный вход. Из бывшего Камчатского люнета на курган спешили неприятельские колонны. Синий флаг, сигнал тревоги, взвился было на башне кургана, но вскоре упал. Кровавая схватка заполонила Малахов.

За несколько минут до штурма поручик Юни привёл на курган команду модлинцев, которым генерал Буссау хотел сам раздать Георгиевские кресты. Не успел генерал выйти из блиндажа, как пронёсся крик: «Штурм!» Буссау попал в плен, адъютант его был убит. Застигнутые врасплох нижние чины бросались к валу кургана, впопыхах сталкивались между собою, сталкивались лицом к лицу с неприятелем.

Из некоторых орудий успели сделать по выстрелу, да и то уже тогда, когда амбразуры были переполнены штурмующими.

Многие из артиллеристов с фитилём в руках пробивались к своим орудиям сквозь ряды неприятелей, чтобы сделать выстрел, и гибли на штыках.

В башне засел поручик Юни с подпоручиками Данильченко и Богдзевичем. К ним присоединились флотские кондукторы Венецкий и Дубинин с несколькими нижними чинами. Горсть людей, числом до 40, под самым носом у французов заняла башню и оттуда била их в тыл, несмотря на то что Малахов был залит их массой. Модлинцев на кургане было только 400, а французов более 6 тыс. Схватка врагов по жестокости не поддаётся выражению: опьянённые зверскою злобой, люди уничтожали друг друга железом, камнями, деревом, зубами.

Прислуга у орудий дралась банниками, гандшпугами, кирками, топорами...

Вскоре на башне взвилось французское знамя. Модлинцы два раза сбивали его, но силы были неравные. Французы теснили их на каждом шагу и брали верх. Собрав около себя 70 храбрецов, поручик Анкудович два раза бросался в штыки, и из 70 человек во вторую атаку шли только 40, а вернулись 6, но и те были заколоты.

Капитан-лейтенант Карпов, собрав около себя отступавших было артиллеристов и ратников Курского ополчения, несколько раз ходил с ними, чтобы выбить французов из левой батареи, но неприятель был многочислен. Ополченцы рубили топорами, артиллеристы дрались банниками, но враг усиливался. Несколько рот Прагского полка подошли на помощь Карпову, но не принесли пользы. Неприятель торжествовал. Наши силы таяли. Карпов был взят в плен. Несколько французских батальонов, пробежав по рву, обогнули укрепление с левой стороны и явились в тылу наших. Замосцкий полк был смят и стал отступать. Задняя площадка укрепления была местом, где дрались части замосцев, пражцев, модлинцев и артиллерийская прислуга. Площадка была прозвана «чёртовой».

С момента начала штурма прошло полчаса. За это время французы устроили через рвы мосты и уже свободно двигали на курган густые колонны своих войск под звуки марша, который играли помещённые во рву музыканты. Марш воодушевлял наступавших.

Малахов был потерян.

На всей же остальной оборонительной линии все штурмы были отбиты.

Остаётся досказать, что происходило у кургана и на нём, когда французы, сосредоточив там до 6 тыс. человек, завязали перестрелку с нашими из-за горжи. Лысенко прибежал сюда с несколькими ротами Эриванского, Брянского и Елецкого полков, но атака его была безуспешна. Спустя немного прискакал на белом коне с 1400 ладожцев генерал Хрулёв. К нему примкнули несколько рот Брянского и Эриванского полков. Атака с этими силами была направлена в горжу кургана. «Благодетели, за мной, вперёд!» – воодушевлял своих людей Хрулёв, а французы посылали им тучи пуль. Хрулёв раскрывает одежду на груди, вынимает образ и, целуя его, в левой руке поднимает на вид всем, повторяя призывное: «Благодетели, за мной!» Пуля раздробляет палец руки, но люди уже вбежали на курган, огонь французов им ничем. Схватка уничтожила многих. Ранен командир Ладожского полка Галкин. Хрулёв отправился на перевязочный пункт. Лысенко повторил атаку, но был отбит и сам смертельно ранен. Преемник его, Юферов, ворвался в укрепление и завязал рукопашный бой с превосходным неприятелем. Его прижали в одном из углов бастиона. Высокого роста, худощавый, впереди своего маленького отряда, Юферов рубился с французами, отвечая ударами сабли на предложение сдаться. Французы расстреливали эту горсточку, уже не имевшую патронов и ежеминутно уменьшавшуюся. Но кто решался броситься на героев – платил жизнью за отвагу. Разъярённые зуавы перестреляли всех. «Как фамилия этого генерала?» – спрашивал впоследствии один из французских генералов у наших офицеров. Когда ответили, что Юферов, то генерал заметил: «Непреренно надо знать имя этого героя. Такие имена должны сродниться с памятью народа, к которому принадлежал герой».

Атака, ведённая Юферовым, была отбита. Войска отступили на прежнее место – на заднюю покатость кургана. Капитан-лейтенант Ильинский и ротмистр Воейков возобновили её, но успеха не имели. Воейков был убит.

Несмотря на полный разгром Малахова и отбитие наших атак, французов нельзя было ещё назвать полными хозяевами кургана. Посреди его, в башне, держалась горсть наших удальцов. Поручик Юни расставил у дверей матросов с абордажными пиками, а стрелков у бойниц, сыпал в неприятеля пуля за пулей. Сначала французы не соображали, откуда сыпятся пули, и смело ходили у башни, платясь жизнью. Когда наши отступили с кургана, французы смекнули, и пятеро зуавов бросились было к дверям башни, но были остановлены пиками. Французы начали стрелять в двери, но защитники закрыли их тюфяками и подушками. Французы подожгли было туры у башни, но огонь мог дойти до порохового погреба и потому был потушен. Тем временем патроны у наших истощились, а французы подвезли мортиры и стали бросать гранаты. Видя, что курган бесповоротно находится во власти французов, Юни и его товарищи решились сдаться. Кондуктор Венецкий был избран парламентёром. Он выставил в двери ружьё с навязанной на штык своею же рубашкой, которой часть пошла на перевязку раны. Французы прекратили стрельбу. Венецкий вышел и объявил о сдаче себя и товарищей в плен. Смелых защитников башни отвели на бывший Камчатский люнет, где французские офицеры приняли их восторженно.

Подобно засевшим в башне, поручик 6-го сапёрного батальона А.П. Орда, двое других офицеров и несколько нижних чинов, не успев отступить и будучи окружены французами, засели в одном из блиндажей и оттуда открыли огонь, в надежде, что наши отобьют курган. Так держались они 3 часа, но, по израсходовании патронов, принуждены были сдаться. Орду как сапёра привели на бывший

Камчатский люнет к генералу Фроссару. Генерал стал допрашивать его о том, минирован ли Малахов и может ли быть взорван на воздух. Орда на все вопросы отвечал незнанием. Тогда Фроссар приказал зуавам отвести его в сторону и прицелиться в него из ружей, Орде же объявил, что если он сейчас не скажет правды, то немедленно будет расстрелян. Орда остался непреклонным. Пелисье сообщил Горчакову о стойкости нашего сапёра, и орден Св. Георгия был ему наградой.

При посещении Малахова кургана, кроме памятника Корнилову, у домика сторожа, где была горжа кургана, следует взглянуть на скромный мраморный памятник павшим защитникам и завоевателям кургана, поставленный взамен деревянного креста, воздвигнутого ещё в кампанию. На памятнике французы оставили краткую, но говорящую много надпись:

«Unis pour la victoire,
Reunis par la mort
Du soldat – c'est la gloire
Des braves – c'est la sort».

«Их воодушевляла победа и соединила смерть. Такова слава храбреца, такова судьба солдата».

На кургане, недалеко от башни, положена мраморная плита на месте, где был убит Нахимов 28 июня 1855 г., а на правом горжевом её фасаде – доска около места, где был убит Юрковский 5 июня того же года.

Часовня, помещавшаяся в башне Малахова кургана во время обороны, возобновлена ко дню 50-летия Севастопольской обороны.

Минные работы перед курганом

После занятия неприятелем 26 мая контрапрошей нашего левого фланга главным пунктом его атаки сделался Малахов курган. Для обороны его Тотлебен принял способ, употреблённый им и для обороны 4-го бастиона, состоящий в устройстве контрминной системы. Но 8 июня он был ранен, почему и не имел возможности руководить работами на месте. К работам было приступлено только в конце июля.

Они были возложены на штабс-капитана фон Кругена под руководством инженер-полковника Геннериха. И без того запоздалые работы шли непозволительно медленно.

24 августа в слуховом рукаве на капитали услышали мы первый раз отдалённую работу неприятеля. Вследствие этого были приняты меры для заряжания передовых рукавов.

В это время надземные неприятельские подступы были уже в 15 сажнях от контрэскарпа, и Горчаков имел уже в виду оставить Южную сторону.

Поэтому Тотлебен приказал зарядить обе потерны, соединявшие контрмины с внутренностью укрепления, с целью взорвать передний фронт Малахова кургана по отступлении наших войск. Но назначенный для этого порох не дошёл до кургана. Он был взорван неприятельской ракетой, упавшей в шаланду, доставившую его к Графской пристани.

27 августа в 8 ч утра, перед штурмом, французы взорвали впереди кургана 3 горна в весьма близком расстоянии от наших контрмин, но не причинили им никакого вреда. Горны эти, силою каждый в 30 п[удов], взорваны были с целью вселить в свои войска уверенность, что их минёры владеют подземным пространством.

В момент штурма в контрминах только что было приступлено к заряжению горнов.

Все наши минёры, числом до 200, были взяты в плен.

Селенгинский и Волынский редуты и Камчатский люнет

Император Николай ещё в начале зимы приказывал князю Меншикову перейти в наступление, заняв и укрепив предварительно высоты перед Малаховым курганом. Выполнение этой задачи было возложено на известного своей храбростью и распорядительностью генерала [А.П.] Хрущова с Волынским и Селенгинским полками. К утру 10 февраля удивлённые французы увидели перед собой как гриб выросшее укрепление, названное нами Селенгинским редутом.

В ночь с 11 на 12 февраля французы собрали близ Селенгинского редута свои войска и решили штыками выбить нас из него. Пять лучших батальонов французских войск неожиданно бросились на части Волынского полка. Хрущов достойно встретил их. Сам он чуть не погиб во время рукопашной схватки, офицер-зуав замахнулся уже на него саблей, но горнист Павлов горном вышиб саблю из его рук, а рядовой Белоусов приколол зуава штыком.

Утром место ночного боя посетили великие князья.

За Селенгинским редутом последовательно мы выстроили Волынский редут 16 февраля и Камчатский люнет 26 февраля.

Первые два французы назвали *Ouvrages blancs*, а последний – *Ouvrages du tamelon vert*.

Строителем Камчатского люнета был полковник Голев. С 26 февраля 11 ночей сряду он воздвигал грозную «Камчатку» и был одним из главных виновников блестящей победы в деле 10 марта.

Первым комендантом люнета был капитан-лейтенант Сенявин.

Возведение люнета оправдывало его назначение вредить осаде. Далеко выдвинувшись вперёд от боевой ограды Севастополя, он разобщил работы против нас и был крайне беспокойным соседом неприятельским траншеям. Оттого и усилия осады были направлены к уничтожению его.

До 10 марта французы усиленно вели свои подступы, а в ночь на 11-е назначили решительное нападение.

Не только день, но почти и час последнего совпали с предпринятым нами нападением на осадные работы.

Известие о нашей вылазке, несмотря на желание сохранить его в тайне, быстро облетело весь гарнизон Севастопольский и было принято с восторгом. Беседовавшие о ней по секрету призывали помощь свыше и горячо желали успеха нашему оружию.

Около 11 ч ночи атака наша была поведена двумя батальонами Камчатского и двумя батальонами Днепровского полков с полковником Голевым и подполковником Радомским во главе. Ружейный залп зуавов почти в упор встретил их. «Вишь, как строчат», – говорили наши солдатики и молча, смыкая лишь ряды, без выстрела шли навстречу смертоносному огню, а сблизясь с врагом, ударили в штыки. Выбитые из всей линии передовых ложементов, французы получили подкрепление и атаковали наши батальоны. Голев также ввёл в бой свежий батальон. Неприятель ещё раз отброшен. Наши сапёры с штабс-капитаном Тидебелем приступили к исправлению ложементов, а пехота бросилась за врагом в его подступы. Луна освещала окрестность; в траншеях кипел рукопашный бой. То французы, то мы подавались вперёд; залпы штуцерных сменялись работой штыка.

В разгаре боя среди офицеров, окружавших Хрулёва, раздался голос: «Где наши? Скажите же, ради Бога, где наши?» – говорил священник-монах Аника 3-й (Иоаникий Савинов), бледный, но спокойный. В чёрном клобуке и рясе, в епитрахили, он держал в руке сияющий от света луны крест и спрашивал о своих, не об-

ращаясь ни к кому особенно. «Кто ваши, батюшка?» – спросили его. Оказалось, что он ищет моряков. «Впереди они, но там не Ваше место; пойдите на перевязочный пункт». – «Моё место, – отвечал бесстрашный пастырь, – где утешают в страданиях, где готовят к смерти».

В эту минуту загрохотал залп. Монах оставил собеседников и бросился к месту боя. Ужасная резня кипела между сражающимися. Обе стороны дрались отчаянно, пощады не было. Но хотя мы постепенно вводили в бой свежие силы, французы напирали густыми массами и усиливались ежеминутно. Борьба уравнивалась ненадолго. Французы наступали с каждой минутой энергичнее. Казалось, что вот-вот наши дрогнут и подадутся назад. Но в воздухе, среди воплей, стонов, проклятий и скрежета, вдруг полились дивные звуки, знакомые и дорогие нашим, чуждые врагам: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверному Императору...» – громко пел Аника, шёл навстречу врагам, держа высоко над головою сияющий крест, и увлекал за собою смутившихся было бойцов наших... Смерть реяла здесь, но мысль об отступлении умчалась. В кровавую сечу шёл священник, а за ним бесстрашно, под звуки молитвы, бежали наши солдаты и губительно разили врага. Один из французов хотел заколоть штыком Анику, но успел разорвать рукав рясы и епитрахиль, а сам был убит юнкером Негребецким.

Видя слишком большое увлечение наших, Хрулёв приказал играть отступление, но солдаты не отступали. Три юнкера, бывшие на ординарцах у Хрулёва, были отправлены им в траншеи, чтобы вернуть наших, но всё было напрасно. Наконец Хрулёв увидел того же иеромонаха Иоаникия и поручил ему передать приказание войскам об отступлении. Солдаты отступали, но неохотно.

Французы бежали. Наши ринулись за ними. Наши войска, по разрушении осадных работ, мало-помалу стали возвращаться, уводя пленных, унося раненых товарищей и множество неприятельского оружия. Многие тяжелораненые французы были подобраны нашими и доставлены на перевязочный пункт. Тесно было там, и вот является старушка в сопровождении двух женщин. «Пожалуйте, батюшка, – говорила она, – человек десять или двенадцать на дом, я за ними присмотрю, перевяжу, раны обмою и покормлю немножко». Желание добродетельной женщины было исполнено, но взятые ею раненые составляли каплю в общем приливе страдальцев.

Итак, попытка французов овладеть нашими ложементами оказалась так же неудачною, как и нападение их на Селенгинский редут 12 февраля.

Храбрые в боях, русские и французы не питали вражды друг к другу в те немногие часы, в которые назначалось перемирие для уборки тел; наши офицеры и солдаты сходились тогда с французами, и здесь происходил обмен любезностями между достойными врагами и по-своему выражалось уважение ко взаимной храбрости.

11 марта, после описанной выше вылазки, было назначено перемирие для уборки убитых.

Как только взвились белые флаги, возвещавшие перемирие, целые массы русских и французов бросились навстречу друг другу приветствовать врагов, покрывших себя во время ночной схватки неувядаемой славой.

«Ну здравствуй, здравствуй, брат мусью», – говорил в одном месте наш богатырь подбежавшему к нему худенькому французу, протягивая ему свою огромную руку.

А вот француз любезно подаёт нашему солдату сигару и просит его закурить. Не отказывается гренадер и в свою очередь предлагает ему люльку. Француз раскуривает её и затягивается по привычке, но люлька выпадает у него из рук, глаза мутятся, спирает дыхание, и несчастный, замахав руками, убегает как шальной, чтобы запить из фляжки товарища одуряющее действие русского табаку.

И много было смешных сцен между не понимающими друг друга друзьями.

Но насколько наши солдаты любили французов, настолько же недружелюбно относились они к холодным англичанам, с которыми никогда не хотели здороваться.

«Отойди от этого дурня», – слышалось бывало, если кто из молодых солдат сближался с англичанином.

В сумерки, по окончании уборки, когда флаги опустились, французы дали залп по люнету, и канонада загрохотала до самого утра.

Горячее сожаление императора Александра об утрате многих храбрых в эту ночь выразилось в собственноручном письме государя к князю Горчакову.

О дальнейшей судьбе «Камчатки» государь заметил: «Камчатское укрепление как бельмо на глазу неприятеля, и потому весьма вероятно, что он употребит все возможные усилия, чтобы им овладеть. Дай Бог, чтобы нам удалось удержать его за нами».

Служба «Камчатки» была кратчайшей из службы других укреплений обороны. 26 мая она была уже бесповоротно в руках неприятеля.

Уже с 14 марта неприятель сосредоточил на люнете выстрелы всех орудий, какие только были в его распоряжении, не исключая полевых, горных и мортир, находившихся в траншеях. По недостатку пороха мы могли отвечать одним выстрелом на пять неприятельских. Укрепление разрушалось. Люди гибли.

В пасхальное бомбардирование, во время которого с неприятельской стороны было выпущено 160 тыс. снарядов, а у нас выбыло из строя 6 ½ тыс. человек, на Камчатке во время самой сильной канонады раздавалась залихватская песня: «Ох вы горы мои воробьёвские!» Понравилась она французам: прекратили они огонь, и до глубокой ночи не просвистал над Камчаткой ни один снаряд.

«Браво», – слышалось из французских траншей, когда матросы и солдаты продолжали своё пение.

26 мая, после третьего бомбардирования, атака Камчатского люнета былаведена французами в превосходных силах. После ожесточённого боя люнет был утрачен.

Много героев пало здесь, но один из них, рядовой Камчатского полка Егор Мартышин, замечателен своим горячим предсмертным словом, которое он с полным спокойствием сказал товарищам.

Ядро размозжило Мартышину левую ногу и оторвало ему кисть руки. Товарищи подняли его и положили на носилки.

– Нет, братцы, постойте, – говорил спокойно раненый, – несите меня только двое. Если с каждым, кого зацепит чугунка, будут уходить четыре человека, так эдак и Камчатку стеречь будет некому.

Размозжённая у самого паха нога едва держалась на тоненьких жилах, но Мартышин, преодолевая жгучую боль, не хотел сразу оставить люнета.

– Несите меня, братцы, по траншеям, – сказал он, – дайте проститься с товарищами!

В траншеях он сказал товарищам слово:

– Прощайте, братцы, служите нашему батюшке царю, как следует карабинерам! Недавно перед крестом и Евангелием вы держали присягу на честную и верную службу царю Александру II; служите сыну, как служили отцу его императору Николаю, и Бог благословит вашу службу! Прощайте, братцы-карабинеры, помяните меня грешного! Умирать за правое дело не страшно. Одно, братцы, больно, что не удалось мне охотником вовремя в траншее сходить!

Получивши рубль серебром от ротного командира, Мартышин отдал его товарищу Захару Васильеву.

– Ты, брат Захар, – сказал он, – как принесёшь меня к перевязке, отыщи священника, попроси, чтоб он меня исповедал и приобщил Св. Тайн, а после смерти моей сотворил бы панихиду по душе. Рубль отдай от меня священнику.

Принесённый на перевязочный пункт Егор Мартышин с полным спокойствием, исполнив долг христианина, умер.

Французы перестроили люнет в свои батареи против Малахова кургана и под прикрытием их повели против него свои подступы.

3-й бастион

3-й бастион расположен на Бомборской высоте между Доковой и Лабораторной балками.

Французы называли его Grand Redan.

Против исходящего угла к стороне неприятеля стоит каменный обелиск, такой же, как и на полях сражений Инкерманского и Балаклавского. Это памятник, поставленный англичанами павшим при осаде бастиона.

3-й бастион, слабый вообще по своей профили, был крепок своей сильной и отлично управляемой артиллерией. После 5 октября англичанам уже ни разу не удавалось принудить его к молчанию.

Впереди бастиона были расположены каменётные фугасы, а за фугасами засеки.

С рассветом 5 октября посыпались на бастион английские снаряды с фронта, справа и слева. Матросы отвечали частой стрельбой. Общий недостаток севастопольских укреплений, свеженасыпанных из приносной земли, оказался быстро и на 3-м бастионе.

Бруствера его от снарядов легко рассыпались, глиняная одежда амбразур обваливалась от собственных выстрелов.

Перелетающие же снаряды рикошетировали по задней отлогости Бомборской высоты, поражая всё пространство между госпиталем и Доковым оврагом.

К 3 ч пополудни треть вооружения бастиона была сбита, амбразуры разрушены. Потеря в людях была так велика, что прислуга при орудиях сменилась два раза, но и вторая смена недосчитывалась уже многих. Командир бастиона Попандопуло был ранен осколком бомбы в голову. Перевязав рану, он остался на месте. Спустя немного сын его тут же получает смертельную рану. Отец подошёл к сыну, поцеловал его, благословил и сказал: «Скоро увидимся», а сам опять пошёл к орудиям. «Дружнее, ребята! – кричал он орудийной прислуге. – Умрём со славой за родной Севастополь!» Прислуга удвоила усилия, но вторая рана Попандопуло разлучила его с командой. Слова храбреца сбылись. Он свиделся с сыном в госпитале, лёжа с ним рядом, и имел утешение своими руками закрыть ему глаза навеки.

Попандопуло сменил Лесли. Ему помогли Ергомышев и Рачинский. Лихая оборона не уступала усилиям англичан.

Но случилось несчастье.

В 3 ½ ч неприятельская бомба пробила пороховой погреб, и страшный взрыв поднял на воздух часть бастиона. Огромный столб чёрного дыма, снаряды, брёвна и люди, разорванные на части, высоко поднялись вверх и потом грузно упали на бастион и его защитников. Исходящий угол свалился в ров с орудиями и прислугой. Бастион превратился в груды развалин. Остались не подбитыми два орудия и при них только пять человек. Лесли и Рачинский были растерзаны взрывом в куски. Торжествующий крик англичан приветствовал наше несчастье. Штурм с их стороны был бы логическим последствием этой трудной минуты, но англичане были подавлены неожиданно стойким сопротивлением по всей линии обороны Севастополя. Кроме

того, дым мешал им видеть размер нашего бедствия, а ближние соседи бастиона, чтобы отвлечь внимание англичан, усилили выстрелы по их батареям.

Чуть ли ни с первого выстрела из своих тяжёлых орудий бастион приобрёл славу особенно стойкого и боевого укрепления.

Наши назвали его «честным» бастионом. Французское название Grand Redan было впоследствии предметом частых насмешек над англичанами, которые в течение всей осады не могли овладеть бастионом и водрузили на нём свои знамёна лишь по оставлении нами Севастополя.

Первый раз англичане штурмовали 3-й бастион 6 июня.

Когда французы ворвались на батарею Жерве и оттеснили наших к Доковой стене, лорд Раглан, считая этот успех достаточным для начала атаки 3-го бастиона, подал к ней сигнал.

Отряды лёгкой, 2-й и 4-й дивизий, всего около 6 тыс., под начальством Броуна, бросились к бастиону двумя колоннами – одна на исходящий угол и левый фас, другая на правый. При каждой колонне были команды с лестницами, фашинами, мешками, набитыми шерстью, и бочонками с порохом.

Но на бастионе всё было заблаговременно приготовлено для встречи их контр-адмиралом Панфиловым и генералом Лысенко. Ружейные залпы брянцев и картечь отбросили их.

Побросав лестницы, фашины и проч., англичане укрылись в каменоломнях, устроились и вторично ринулись в атаку. На этот раз, несмотря на такой же огонь с бастиона и смежных батарей, они достигли засек, уложенных впереди контрэскарпа. Здесь они залегли и открыли огонь по амбразурам бастиона, имея целью нашу орудийную прислугу. Но наш огонь вынудил их отступить. Атака свежей английской колонны также была нами отбита огнём и не допущена ближе засек. Местность перед бастионом, а особенно у засек, была точно укрыта массами красного сукна. Такой вид производили убитые и раненые англичане в своих красных мундирах. Их здесь легло 1728 человек, в том числе 3 генерала: Джон Кемибель убитым, а Джонс и Броун ранеными. Сам лорд Раглан, выехавший из-за каменоломен вперёд с большой свитой, подвергался опасности и должен был удалиться назад за то же закрытие. Вид штурма, его неудача и понесённые англичанами потери имели на английский главнокомандующего такое потрясающее действие, что он занемог и через 10 дней скончался. После него английским главнокомандующим был назначен генерал Симпсон.

В день 6 июня 3-й бастион огнём своих левых батарей, особенно Будищева, много способствовал поражению французов дивизии д'Отмара, овладевшей было батареями Жерве. К сожалению, мы потеряли Будищева, поражённого неприятельской пулей.

После штурма 6 июня контр-адмирал Панфилов, бесценно находившийся на 3-м бастионе, устроил здесь торжественное богослужение. Матросы накрыли несколько туров парчою, и на этом аналое священник Федюшин отслужил благодарственный молебен под гул выстрелов, под свист пуль.

Величествен был бастион с толпою молящихся. Собрались моряки, камчатцы и все те, кто приютился здесь в боевой доле. Беспредельную веру и покорность промыслу выражали эти грозные, закопчённые в пороховом дыму лица. Смирненно шли эти бойцы к Св. Евангелию на аналой.

В этот же день посетил 3-й бастион в 3 ч дня Нахимов. Кто мог – вышел ему навстречу. Адмирал здоровался со всеми, благодарил за отбитие штурма. На всегда серьёзном лице его была заметна улыбка – видимо, он был доволен событиями дня. Пора была жаркая, Нахимов вспотел и просил воды с вином. Последнего не

оказалось, подали одну воду. Адмирал раскланялся и покинул бастион. На другой день матрос явился к начальнику бастиона с запиской и бочонком вина. Адмирал прислал вино в гостинец и советовал в жаркие дни пить воду с вином.

Особенность 3-го бастиона составляли блиндажи, устроенные не только прочно и удобно, но даже относительно роскошно. Стены были обшиты досками, обиты парусиной и даже оклеены голубыми обоями. Свет проходил чрез отверстие, затянутое кисеей. Пред входом стоял шкаф с посудой и хозяйственными принадлежностями. Тут были и передняя, и офицерская комнаты. Потолок блиндажа составлял толстый накатник в три ряда, засыпанный плотно утрамбованной землёю почти в сажень, так что бомбы не пробивали его.

В блиндажах коротались боевые досуги защитников бастиона. Нередко русская песня оглашала тёмные переходы, звучал кларнет, отплясывался Камаринский со всем жгучим задором этого танца среди русских. Но нередко же здесь раздавались церковные песнопения, у образов мерцали лампы, усердные молитвы облегчали души страждущих...

Большая часть вылазок была сделана с 3-го бастиона.

В честь всех героев этих вылазок и поставлен здесь им памятник.

Одной из интереснейших из них была вылазка 19 января, произведённая под командой лейтенанта Бирюлёва для отбития наших завалов у французов против 4-го бастиона.

Отряд состоял из 250 человек: 75 охотцев с поручиком Герсдорфом и прапорщиком Цуруковым, 75 волынцев с прапорщиком Семенским, 75 человек резервного батальона Волынского полка с прапорщиком Конисским и 25 человек 45-го флотского экипажа с мичманом Сахновским.

К слову сказать, глубоко поучительным был порядок среди охотников, отправлявшихся на вылазки. Они помещались в особых сараях, отдельно от других солдат, и обыкновенно днём отдыхали – их не требовали ни на какую работу, а с наступлением сумерек они шли на службу. Рядовые ходили каждую ночь, а унтер-офицеры через сутки. В сараях было много образов. Каждый, идя на службу, зажигал здесь свечу, молился по силе разума. Помолвившись, иные надевали чистую рубаху, выстиранную в течение дня, это было скудное приготовление к смерти, так как никто не рассчитывал вернуться. Никто из них не решался в такую минуту выпить чарку водки. «Плохой тот храбрец, – говорили они, – который думает набраться бодрости из стакана, а опять же и не такая минута». Перекрестясь и с непокрытой головой, выходили охотники из сарая на двор и там уже надевали фуражки. За воротами на улице выстраивались и ожидали очередного унтер-офицера. С наступлением утра охотники собирались на батарее, неся с собой убитых товарищей, и отправлялись в свой сарай. Там они хлопотали приготовить павших к погребению, одевали их в чистое бельё, сколачивали гробы и несли в часовню. Обедали, часов в 10–11 ложились спать, а вечером снова уходили.

Путь вылазки под команду Бирюлёва шёл от батареи Перекомского по низине, где теперь вокзал железной дороги, мимо Сахарной головки. Дело так было удачно, что отряд не только разворотил французские ложементы, но и поработал в их траншеях. Шесть раз попеременно обе стороны бросались одна на другую.

В одну из таких схваток Бирюлёв был бы убит французскими стрелками: 15 человек прицелились в него, но матрос Шевченко, перекрестившись, кинулся вперёд и заслонил грудью начальника. Шевченко пал, а Бирюлёв остался невредим.

Главнокомандующий отметил подвиг Шевченко приказом по армии, а семье вставу его была оказана царская милость.

Против казарм экипажа, в котором состоял Шевченко, поставлен ему памятник, перенесённый в 1892 г. из Николаева.

В штурм 27 августа англичане бросились на бастион вскоре после того, как французы ворвались на Малахов. Англичан было около 11 тыс., наших 7 ½ тыс. Англичане бежали рассыпным строем, который поддерживался густыми штурмовыми колоннами. Наши были оттеснены. Англичане стали портить орудия; но к нам прибыло подкрепление: англичан опрокинули. Однако они оправились и снова ворвались на бастион. Казалось, что бастион уже потерян. Выручил полковник Мезенцев с селенгинцами. Дружный удар в штыки прогнал англичан частью в траншеи, частью в засеки. Мезенцев пал геройской смертью.

Прикрытые засеками, англичане открыли по амбразурам бастиона ружейный огонь так же, как и 6 июня, которым большая часть артиллерийской прислуги была перебита. Капитан Васильев приставил тогда к орудиям своих селенгинцев, которые при новом натиске англичан отразили их с большим уроном. Незначительная часть, достигшая рва, была выбита отсюда прапорщиком Дубровиным с командой охотников.

Англичане не пытались больше штурмовать бастион.

За весь период осады Севастополя все действия против почти всей нашей оборонительной линии были приняты на себя французами. Англичанам же был предоставлен один только 3-й бастион – укрепление второстепенной важности.

Французы взяли у нас Кладбищенскую высоту, Селенгинский и Волынский редуты, Камчатский люнет и, наконец, Малахов курган.

Англичане – ничего.

Таковы были боевые их успехи под Севастополем.

Часовня на месте кончины Корнилова

Между Татарской слободкой и морскими казармами находятся казармы Брестского полка. Это был морской госпиталь на 1400 больных. Вскоре после первого бомбардирования он был переведён отсюда частью в дом Волоха на Екатерининской улице, частью в Николаевскую батарею, чтобы не подвергать больных опасности от массы неприятельских снарядов, перелетавших через 3-й бастион и падавших в госпиталь. В этот госпиталь был перенесён Корнилов с Малахова кургана, в северное его здание. Здесь он скончался. К концу осады здание это было так разрушено, что оно не могло быть восстановлено, почему и разобрано до фундамента.

Место же, где стояла кровать, на которой скончался адмирал, точно определено, и на нём воздвигнута часовня. С проезжей дороги она не видна. Её закрывает небольшое здание. Но с дороги к ней ведёт особый загибающийся ход, привлекающий к себе внимание посетителя надписью на мраморной доске, укрепленной при входе.

4-й бастион

4-й бастион находился на высоте, которая до и во время обороны Севастополя называлась Бульварной, так как на восточном скате этой возвышенности находился Большой бульвар – любимейшее место прогулок тогдашней севастопольской публики.

Французы называли его Bastion du Mât, по мачте, на которой мы поднимали сигналы для стрельбы и для подачи их на городской наблюдательный пункт, находившийся на здании библиотеки.

Ко дню высадки бастион далеко не был окончен, а между тем по местным условиям своего расположения он менее других мог оказать сопротивление, если бы неприятель штурмовал его немедленно по переходе на Южную сторону.

Только правый фас бастиона был приспособлен к пушечной обороне (14 24-фунтовых пушек-каронад). Левый же фас с флангом представлял едва заметную насыпь со рвом глубиной всего 2–4 фута.

На юго-восточном мысе бульвара до военного времени стояла круговая скамья, притенённая беседкой наподобие большого зонта или гриба. Отсюда и весь этот мысок называли «Грибком». Называли его также и «Мысом свободных размышлений».

На «Грибке» была построена батарея на две 24-фунтовые пушки-каронады для действия по Зелёной горе и балкам по обе её стороны – Лабораторной и Сандинакиной. За время обороны вооружение её было намного усилено.

От «Грибка» до левого фланга бастиона, вдоль окраины Большого бульвара, был устроен каменный завал для ружейной обороны. Впоследствии здесь был устроен ряд батарей, получивших название «Бульварных».

Названные пушки-каронады были взяты с корветов «Пилад» и «Андромаха».

Местность впереди нисходящего угла бастиона ровная, благоприятная неприятелю для ведения подступов, а возвышенность Рудольфа к западу от него командовала им и представляла хорошую позицию для осадных батарей. Французы оценили все эти условия и, считая бастион ключом к обладанию Севастополем, повели на него главную атаку и в тёмную, пасмурную ночь 27 сентября заложили на Рудольфовой высоте траншею до 200 сажень длины. Появление этой траншеи было праздником для севастопольцев, так как для всех было ясно, что неприятель не решился идти прямо на штурм и намерен построить батареи, чтоб сбить нашу артиллерию. Таким образом в деле дальнейшего укрепления Севастополя мы выиграли ещё несколько дней.

В Севастополе все поздравляли друг друга с таким событием.

Тотлебен тотчас приступил к постройке на бастионах новых батарей, чтобы противопоставить атакующему превосходящую его артиллерию. И на 4-м бастионе появились батареи № 22 (Ивашкина) и № 23 (Лазарева). Против же английской траншеи на Зелёной горе была построена батарея № 20 (Шихматова), а бульварный завал вооружён пушками. 5 октября, в первое бомбардирование, а следовательно, и в первое состязание артиллерии 4-го бастиона с неприятельской, мы взяли верх над французской: взорвали у них 2 пороховых погреба и уже к 11 ч утра заставили окончательно замолчать французские батареи.

И во всю оборону Севастополя Тотлебен, до своего поранения 8 июня 1855 г., всякому появлению новой неприятельской батареи тотчас же противопоставлял новые батареи с большим количеством пушек.

Вскоре после начала бомбардирования, 5 октября, прибыл на бастион Корнилов со штабом, появляясь в опасных местах, делая указания и ободряя защитников. Снаряды французских батарей с Рудольфовой горы и английских с Зелёной скрещивались внутри бастиона. Через него же летели и наши снаряды с двух батарей, расположенных позади бастиона.

В таком адском огне Корнилов переходил с места на место. «Смотри, молодцы! – говорил он матросам. – Палить хорошенько, не торопиться, без суеты, вам это дело хорошо известно. Не оставлять никому своей пушки, пока можно стоять на ногах». Сиял Корнилов светочем среди мрака, которым заволкло бастион в эту трудную пору. Высоко держал он голову, видя мощь наших укреплений.

В бомбардирование 6 октября огонь по бастиону открыли англичане. Французы молчали – они были заняты исправлением своих повреждений, постройкою новых батарей и выводом траншеи от батареи на Рудольфовой горе к капитали бастиона. Успеха на стороне англичан не было, а к вечеру их огонь и совсем ослабел.

В ночь на 7 октября против бастиона нами были устроены камнемётные фугасы и прибавлено на бастионе несколько орудий.

С 12 октября французские штуцерные стали поражать прислугу у орудий. Для охранения её устроили банкет за контрэскарпом. Впереди бастиона появились наши ложементы. Особенную пользу в них приносили наши пластуны под командою подполковника Головинского.

С половины октября началось усиленное ведение подступов к бастиону. Вместе с этим и на усиление бастиона было обращено особенное внимание: по флангам были устроены новые батареи, а прежние удлинены.

20 октября французы открыли по бастиону особенно жестокий огонь. С первых же выстрелов французы оказались в значительном над нами преимуществе. Они били с коротких расстояний из 74 орудий, мы отвечали из 71 орудия, причём несколько из них действовали с дальних расстояний.

В этот день бастион потерпел значительные повреждения и большую потерю в людях. Батарея Костомарова была почти уничтожена, и бруствер срыт.

Опасаясь штурма, наши принялись усиливать бастион искусственными преградами. Войска получили приказание в случае отступления с бастиона заклепать орудия.

Потеря бастиона в это время имела бы для нас огромное значение, но французы о штурме не помышляли. С их стороны это была большая ошибка. И она спасла Севастополь.

Уже к 21 октября французы были от исходящего угла бастиона в 65 сажнях. Здесь они заложили свою 3-ю параллель. Но вследствие всегда достигаемого Тотлебенем перевеса в артиллерийском огне французы дальше не могли двинуться ни шагу вперёд. Артиллерия бастиона уничтожала утром все их работы, которые они могли сделать ночью. Но и бастион сильно страдал от такой близости французской параллели и от перекрёстного огня с остальных батарей, охватывающее положение которых причиняло ему большой вред.

В день заложения 3-й параллели французы, прибавив орудий на прежних батареях, открыли огонь не только по бастиону, но и по окружающим его укреплениям. К полудню 22 октября мы принудили к молчанию 4 неприятельские батареи, но 23-го огонь неприятельский был так силён, что, казалось, наступали последние минуты существования бастиона. В гарнизоне его было всего 6 рот. Дезертиры доносили, что штурм неизбежен.

Для отвращения штурма было предпринято наступление на неприятельские позиции, следствием чего было Инкерманское сражение 24 октября.

После несчастного для нас исхода этого боя, не зная тех впечатлений, какие он произвёл на неприятеля, в Севастополе ожидали, что под благоприятным влиянием новой победы союзники в самом непродолжительном времени будут штурмовать 4-й бастион.

Для усиления его было уже сделано почти всё что можно, были истощены почти все средства, представляемые искусством. Но всё это было недостаточно для обеспечения его от штурма.

Теперь для спасения Севастополя оставалось только продолжать решительные наступательные действия.

Самым выгодным пунктом атаки для нас была в это время Рудольфова высота, составлявшая левый фланг французских работ. Для обеспечения этой высоты от нападения с фланга и тыла французы не приняли никаких мер. Притом она была отделена от лагерного их расположения глубокой Карантинной балкой.

Напротив того, для нас эта высота представляла все выгоды. Движение к ней от 6-го бастиона по отлогостям Кладбищенской и Карантинной балок было удобно для

всех родов войск. По овладении же Рудольфовой горою можно было надеяться удержаться на ней, потому что доступы к этой горе обстреливались сильным перекрёстным огнём: слева с 4-го и 3-го бастионов, а справа с 6-го бастиона и батареи Шемякина.

Короче сказать, уже по одному положению своему высота эта должна была принадлежать обороняющемуся, и удивительно, почему на ней не был сооружён отдельный форт задолго до осады. Занимая на ней передовую позицию, можно было уничтожить всю французскую атаку против 4-го бастиона и стать ближе к сообщениям неприятеля с Камышовой бухтой. Таким образом, представлялась возможность вырвать у неприятеля плод усилий целого месяца, после чего ему осталось бы снять осаду или вести новую атаку против высоты Рудольфа или на другой пункт.

Вскоре после Инкерманского сражения было предположено атаковать Рудольфову высоту 2 ½ дивизиями при 40 полевых орудиях и 1500 штуцерных. Сосредоточив эти войска за стенкою между 6-м и 7-м бастионами, предполагалось двинуть их в сумерки. Из них одна дивизия назначалась для атаки, одна бригада для работ и одна дивизия в резерв. Овладев высотой, предполагалось в первую же ночь окопать все орудия и штуцерных и затем усиленно продолжать работы для надёжного укрепления занятой позиции, пользуясь каждой минутой отсрочки атаки со стороны неприятеля. Резерв должен был оставаться в Кладбищенской балке. При этом предстояло бы выдержать бой с главными силами союзников, но позиция наша была так сильна, что можно было рассчитывать на успех.

Предположение это, представлявшее много ручательств за успех и одобренное главнокомандующим, к сожалению, не могло быть приведено в исполнение, потому что в Инкерманском сражении большая часть наших полков потеряла многих командиров и столько офицеров и нижних чинов, что требовалось значительное время для полного устройства их.

Видя невозможность приблизиться к бастиону на поверхности земли подступами, французы пошли к нему под землёю двумя минами и рылись там, пока не были подслушаны нашими минёрами. 22 января наши взорвали первый камуфлет, а затем так вели своё дело, что до конца осады, в течение 7 месяцев, французам не удалось обрушить бастион. Нравственное же влияние борьбы наших минёров было так велико, что 27 августа, в день последнего штурма Севастополя, французы и итальянцы, боясь взлететь на воздух, не посмели штурмовать бастион. Но об этом подробнее будет ниже.

В конце октября назначено было переменить прислугу, которая, оставаясь с начала осады бесменно при орудиях, не знала отдыха ни днём, ни ночью. Но все люди единодушно объявили, что они ни за что не оставят своих орудий, и решились умереть при них. Таков был дух всего гарнизона!

В конце октября был такой случай на 4-м бастионе. В 7 ч вечера наш секрет впереди бастиона взял в плен французского офицера, желавшего вымерить ров этого укрепления, и передал его на бастион кратчайшим путём, через амбразуру. Этот случай был причиной сильнейшей тревоги. Стоявший у орудия матрос, заметивший в темноте француза и не предупреждённый сопровождавшими его, сделал выстрел и закричал «французы лезут». Барабанщики ударили тревогу, и вся артиллерия 4-го бастиона открыла картечный огонь. Тревога эта мгновенно сообщилась на 3-й и 5-й бастионы, и в скором времени вся оборонительная линия ярко осветилась от сильнейшего артиллерийского и ружейного огня.

В городе уже взвилась сигнальная ракета – знак общей тревоги. Все главные начальники были на своих постах, когда выяснилось дело. Тревога эта продолжалась с ¼ часа и обнаружила неприятелю нашу готовность своевременно открыть огонь в

минуту опасности, силу этого огня и быстроту, с которой при штурме 4-го бастиона этот пункт мог быть поддержан содействием смежных фланкирующих батарей.

Во второе бомбардирование, 28 марта, самый сильный огонь, между прочим, был направлен и на 4-й бастион. За ночь мы успели исправить повреждения, но 29-го бомбардирование возобновилось. Было подбито 8 орудий, почти все амбразуры разрушены. Солдаты говорили про бастион, что неприятель разворотил его до невозможности исправить. Узнав об этом, Нахимов прибыл на бастион. «Что это за срам-с, – говорил он, обращаясь с неудовольствием к солдатам, – шесть месяцев учат вас под огнём строиться и исправляться, а вы не можете. Пора бы-с приноровиться, сметку иметь». – «Будет сделано, будет сделано!» – отвечали солдаты, и из-под рук их за одну ночь выросли возобновлённые укрепления. При этом личный пример В.А. Новосильского также воодушевлял людей.

В начале апреля для бастиона возникла новая опасность со стороны подступов, ведённых неприятелем против редута Шварца по узкой возвышенной площадке между городским оврагом и Загородной балкой. Из этих подступов штуцерные неприятеля действовали в тыл левого фаса бастиона и причиняли защитникам его большой вред. Мы воздвигли систему контрапрошей. Суздальцы, волынцы и екатеринбуржцы трудились здесь с Хрущовым во главе. Контрапроши были вооружены мортирами. Неприятель быстро понял всю важность этих сооружений и стал громить их артиллерийским огнём день и ночь, а в ночь на 20 апреля предпринял энергичное нападение, увенчавшееся успехом.

9-дневное обладание контрапрошами стоило нам убитыми и ранеными 1500 нижних чинов, 5 штаб- и 48 обер-офицеров.

В пятое бомбардирование огонь неприятеля был направлен на левую сторону бастиона.

Для штурма 27 августа союзники отрядили сюда 5800 человек. Между тем удачное отбитие штурма от 5-го бастиона и смежных с ним укреплений имело весьма важные последствия, так как чрез это разрушился план атаки. Именно по взятии 5-го бастиона французы предполагали действовать в тыл 4-го. Расчёт был, несомненно, верный, но не справились с нами союзники у 5-го бастиона и на штурм 4-го идти не посмели. Их пугало многое, чего в действительности не было. Пелисье, например, предполагал, что все улицы минированы, все дома приспособлены к обороне и что во второй линии за бастионом находятся сильные форты. Даже в виду бастиона не показались неприятельские войска. Так он был им грозен. А штурмовать его должны были французы и итальянцы.

Плодотворная работа Тотлебена на 4-м бастионе ознаменовывается поставкою здесь ему памятника.

Батарея Костомарова

Впереди левого фаса 4-го бастиона на гласисе находится батарея № 38 Костомарова. Она была углублённая и заложена ночью 14 октября на 4 орудия, но к концу обороны она имела 7 орудий. Место, избранное для неё, представляло важные выгоды. Она могла видеть неприятельские батареи и обстреливать впереди лежащую площадку, не заслоня орудий левого фаса бастиона, которые могли действовать поперёк её. Затем, представляя передовой плацдарм, она доставляла некоторое обеспечение против штурма и благоприятствовала производству наших вылазок. По своему же положению она почти была скрыта от французских батарей на Рудольфовой горе.

Во время ночных тревог батарея была осыпаема неприятельской картечью с фронта, но бывало, что доставалось ей и от своей в затылок с бастиона. Во время

же бомбардировок она была несколько раз срывается неприятельскими снарядами. Командир её – лейтенант Николай Иванович Костомаров – был даже один раз исключён из списков как убитый. А между тем во всё время обороны, с 14 октября и по 27 августа, он командовал батареей, будучи здоров и невредим, и в настоящее время состоит смотрителем Музея Севастопольской обороны.

Костомаров был безвыходно на батарее.

«Только один раз, – рассказывал он сам, – поинтересовался я побывать в городе, посмотреть, что и как там, да такого набрался там страху, что скорей к себе на батарею!»

Преснухин, заведовавший минами после отъезда Мельникова для лечения своей болезни, устроил с левой стороны батареи эполемента, игравший роль клуба для бастиона. Сюда сходились офицеры-минёры, сапёры и другие, наиболее дружившие с минёрами. Костомаров был постоянным членом этого клуба, так как его блиндаж находился возле эполемента. Маркёрами же были два матроса, один уже немолодой, но его иначе не звали, как Ларькой, а другой молодой, бравый.

27 августа ему вырвало ядром спину.

Ларька и его помощник состояли при ½-пудовой мортирке.

Из клуба можно было отлично наблюдать смену войск, как французских, так и английских.

6 июня отсюда несколько членов клуба любовались на штурм англичанами 3-го бастиона.

Бруствер его и ров казались одетыми красным сукном: так были навалены английские тела. По полю же между бастионом и траншеями, бывшими нашими до 27 мая, – красные островки, который больше, а который меньше. Это тоже убитые и тяжелораненые кучами. Те же раненые, которые могли двигаться, ползли по полю к своим траншеям.

В конце июня Преснухин обогатил помещение клуба мебелью. По его приказанию минёры притащили с бастиона два подбитых орудия, весь недостаток которых состоял в том, что у них были отбиты цапфы. Их поместили в вырытые две ямы, так что они смотрели в сторону неприятеля под углом около 45°. Эти орудия доставляли немало развлечения посетителям клуба. Так, позади неприятельских траншей на полях не раз появлялись кавалькады, рассматривавшие Севастополь в бинокли. Орудия бастионов не могли стрелять так далеко. А из пушки, поставленной «на попа», ½-пудовая граната, взвиваясь очень высоко, совершала полёт версты на три. После первого же гостинца кавалькады больше не появлялись.

Такой пальбой клубисты часто забавлялись по английским войскам во время движения их из лагеря в траншеи на смену.

На батарее Костомарова, так же как и на 4-м бастионе, нога неприятельская не была, пока мы не оставили Севастополя.

В настоящее время едва заметны следы этой батареи, но линия огня её обозначена каменным бордюром для указания её месторасположения.

Место подвига Шевченко

Перед батареей Костомарова, по ту сторону Бульварной лощины, находится гребень, на котором были французские ложементы, беспокоившие бастион и батарею Костомарова своими штуцерными. Для уничтожения этих ложементов и была сделана известная вылазка 19 января, в которой матрос Шевченко спас жизнь Бирюлёву. Место это от батареи Костомарова не далее 200 саженей по прямой линии.

Язоновский редут

Позади 4-го бастиона находился Язоновский редут. Он был весьма неправильного вида, так как начертание его получилось само собою от построенных здесь ещё в начале обороны батарей, именно: № 20 Шахматова, № 23 Лазарева, № 53 и № 62 – Нарбута. Их соединили между собой бруствером, закрыли горжу, и получился редут. В середине его теперь стоит каменный знак.

Горжа 4-го бастиона

Приблизительно у того места, где теперь стоит каменный знак 4-го бастиона, был его горжевой окоп с проходом посередине, прикрытым траверсом. Для лучшего обеспечения этой горжи бастиона с тыла расположены были на пространстве между знаком и панорамой 90 волчьих ям в несколько линий. Теперешняя большая аллея парка есть та дорога, которая здесь была устроена, чтобы иметь возможность двинуть на 4-й бастион резервы в случае его штурма. Она нарочно была сделана такой ширины, чтобы по ней могли двигаться взводные колонны. По ней же доставлялись на бастион и все тяжести, но в ночное время, так как она была совершенно открыта и для дневных движений очень опасна. Она обстреливалась перекрёстным огнём с французских батарей и траншей справа и английских слева.

Пересыпь

Между 3-м и 4-м бастионами лежит широкая низина, образуемая слиянием балок Лабораторной (она же и Воронцовская) и Сарандинакиной. Ещё в начале 19-го столетия здесь были рыбные озёра, поросшие камышом. Всё это было засыпано Лазаревым той массой земли, которая получалась от срезания горы для устройства нового адмиралтейства. Оно находится как бы у ног памятника Лазареву. Береговая полоса засыпанного пространства Южной бухты и получила название «Пересыпь».

Чтобы не дать неприятелю возможности пользоваться обеими названными балками для обхода 3-го и 4-го бастионов, на Пересыпи имелись батареи: № 14 Алексеева, № 15 Перекомского, № 16 Крякина, № 81 Стааля. Эти батареи, кроме обстреливания балок и всей впереди лежащей местности, защиты проходов в город и в Корабельную, доставляли также и взаимную оборону одна другой.

«Ягудиил»

Им помогал 84-пушечный корабль «Ягудиил». Ещё 11 сентября по распоряжению Корнилова он занял позицию у вершины Южной бухты, став левым бортом к Пересыпи. «Ягудиилом» командовал флигель-адъютант Кислинский. Во все дни первого бомбардирования англичане усиленно обстреливали корабль: бомбы, калёные ядра и ракеты осыпали его. 11 октября в нём было уже 72 пробоины. Вследствие этого Меншиков приказал кораблю оттягиваться на день к морскому госпиталю, где ему не так вредили неприятельские снаряды, а на ночь становиться на прежнюю позицию. Это и выполнялось впоследствии ежедневно.

Минная война перед 4-м бастионом

Наибольший интерес из всех действий под Севастополем представляет эта война. После заложения французами 21 октября 3-й параллели в 65 саженей от бастиона дальнейшее их приближение к нему, как выше было сказано, было уничтожаемо артиллерией бастиона. В продолжение целого месяца французы не подвинулись вперёд ни на шаг. Такой неуспех их движения на поверхности земли дал основание предположить, что французы пойдут против бастиона под землёю – минами.

Для обеспечения бастиона от этих покушений Тотлебен заложил ещё во второй половине октября два пробных колодца: один во рву бастиона, а другой внутри его – позади нисходящего угла. К половине ноября в переднем колодце была пробита вся толща скалистого пласта. Под ним на глубине 16 футов ниже поверхности земли был открыт слой глины толщиной 4–5 футов, под которым опять шла сплошная скала. Этот глинистый слой оказался весьма удобным для минных работ, так как позволял вести галерею и рукава без обшивки.

Чтобы пресечь путь неприятельскому минёру и иметь уверенность, что он нигде не прошёл под бастион, Тотлебен решил расположить под дном рва бастиона окружающую галерею, из которой вывести вперёд слуховые рукава по капитали и перпендикулярно фасам бастиона на длину 14 сажений. Для выигрыша времени при устройстве окружающей галереи и слуховых рукавов начали опускаться со дна рва ещё 19 колодцами. При достижении глинистого слоя соединили их между собой и пошли вперёд слуховыми рукавами. Для беспрепятственного сообщения бастиона с минами окружающую галерею соединили с внутренностью бастиона подземным сообщением, в котором расположили ниши для помещения в них минных припасов и гальванических батарей.

Работы шли день и ночь и производились посменно. Каждая смена работала 8 часов в сутки. В смену выходило 75 сапёров и 200 рабочих от пехоты. Заведование работами Тотлебен возложил на штабс-капитана Мельникова, командира 2-й роты 4-го сапёрного батальона. Он жил в минах безвыходно в своей подземной комнате, в которой на столе всегда шипел походный самоварчик, а между бумагами и чертежами выглядывал томик «Мёртвых душ». Моряки называли сапёров «кротами», а Мельникова – «обер-кротом». По мере удаления слуховых рукавов от окружающей галереи работы в них становились всё более и более затруднительными вследствие неимения удовлетворительных вентиляторов.

Недостаток воздуха в удалённых рукавах был так ощутителен, что вынуждал работать без свечей и держать в минах самое ограниченное число людей и нередко останавливать работы на несколько часов. Последнее бывало также от приливов грунтовой воды и обвалов. Наконец, успеху работ также немало препятствовал продольный ружейный огонь неприятеля по рву бастиона, затруднявший переноску земли из мин на смежные батареи.

Для уверенности, что неприятельский минёр не прошёл в глинистом слое, лежащем ниже наших мин, Тотлебен признал необходимым исследовать грунт ниже подошвы окружающей галереи.

С этой целью начали опускаться со дна окружающей галереи ещё одним колодцем на капитали. Работа эта, по твёрдости скалы, подвигалась весьма медленно, и только 24 марта на глубине 22 фута и на 42 фута ниже местного горизонта обнаружен слой жирной глины, более мягкой, чем в верхнем слое, и толщиной также 4–5 футов, под которым шла опять сплошная скала. После этого открытия приняты были энергичные меры для пресечения атакующему минёру пути к бастиону устройством нижней окружающей галереи и выведением из неё вперёд слуховых рукавов.

20 декабря Меншиков передал Тотлебену литографированный в Париже план осады Севастополя, на котором были означены две французские минные галереи – одна по капитали бастиона с пороховой камерой под его исходящим углом, а другая против правого его фаса. Кроме этого, 25 декабря перебежчик иностранного легиона объявил, что французы действительно ведут мины против 4-го бастиона. Из его показаний можно было заключить, что неприятель открыл свои мины 8 ноября спуском за передовой параллелью и наступает к бастиону в том же глинистом слое, в котором ведутся и наши мины.

Все эти обстоятельства, с появлением ещё на французской насыпи земли, более светлой, нежели поверхностная, не оставляли уже никакого сомнения в действительности ведения французами мин и побуждали ежедневно ожидать встречи с неприятельским минёром, особенно в рукавах близ капитали бастиона.

В половине января один из этих рукавов имел длины до 30 сажений от колодца.

Наконец, в 1-м часу ночи 17–18 января дежурный офицер, подпоручик Петрашкевич, при обходе работы услышал работу неприятельского минёра перед головой этого рукава и, казалось, на весьма близком расстоянии. О своём открытии он сообщил Мельникову, который, в свою очередь, тотчас донёс Тотлебену. Тотлебен прибыл немедленно и тщательным прислушиванием убедился в присутствии неприятельского минёра. Тотчас же в рукаве была выделана камора и доставлены порох, щиты и земляные мешки для забивки.

На следующий день неприятельский минёр приблизился настолько, что уже можно было отличить его работу киркой от работы ломом и топором и резкий скрип минной тележки. Неприятель работал весьма неосторожно, очевидно не подозревая существования контрминёра.

Утром 21 января поставили в камору 4 раскрытых бочонка с порохом (12 пудов) с помещением в одном из них гальванического запала, а в другом конца сосиса на случай отказа вольтова столба, и приступили к забивке земляными мешками. Ей дали длину 8 сажений и окончили вечером на другой день, т.е. 22 января.

Когда всё было готово, Тотлебен сделал распоряжение о скрытии войск бастиона в блиндажах, на случай открытия неприятелем после взрыва усиленной канонады, и о приготовлении с бастиона и смежных укреплений картечного и ружейного огня на передовую параллель, если бы французы после взрыва выказались из-за бруствера.

В 9 ч, как только музыка кончила «Коль славен» после зари, был произведён взрыв.

Видно было при лунном свете, как земля, сажень в 18 от контрэскарпа, поднялась в виде полушара и опустилась. Подземный гул удалялся по направлению капитали к стороне неприятеля, а из передовой параллели вышли пламя и дым.

Взрыв был полной неожиданностью для атакующего. Его траншейный караул из любопытства высунулся по пояс из-за бруствера и тотчас же был обдан залпами картечи и ружейными.

На месте взрыва виднелась неглубокая впадина.

Явления, сопровождавшие взрыв, показывали, что пороховые газы прорвались чрез неприятельскую галерею и что эта последняя шла в прямом направлении по капитали бастиона. Таким образом, парижский план, попавший в руки Меншикова, а от него к Тотлебену, показывал галерею верно.

Тотлебен ожидал, что неприятель поспешит, согласно правилам минного искусства, заложить усиленный горн, чтоб разрушить контрмины на возможно дальнейшее расстояние.

А чтоб замедлить заложение неприятелем усиленного горна, мы приступили немедленно к разобранью забивки, имея целью снова выйти навстречу неприятелю и новым камуфлетом разбить его галерею на большую длину. Но забивка могла быть выбрана только на длину 4 ½ сажени. Дальнейшая её разборка оказалась невозможной, так как земляные мешки спрессовались действием взрыва в плотную массу, не уступавшую ни кирке, ни топору. Для выигрыша времени пошли новым рукавом рядом с забивкой, а потом повернули влево, чтобы выйти навстречу неприятельской галерее.

Прислушивание в течение 4 суток нигде не показало присутствия неприятельского минёра. Наконец 26 января вечером, к величайшему удивлению, вместо усиленного горна французы взорвали весьма слабый горн на капитали же бастиона, но в 13 сажень от нашей воронки. Взрыв этот по своей отдалённости не причинил нам

никакого вреда. Он доказывал, что французы не только отказались от мысли разбить контрмины усиленными горнами, но, опасаясь, что они уже обойдены нами с флангов, поспешно отступили из передней части своей галереи и постарались преградить её действием малого горна, чтоб мы не атаковали их открытой силой в их же галерее.

Только 9 февраля к вечеру унтер-офицер Фёдор Самокатов, работавший в голове рукава, обходившего забивку справа, открыл переднюю часть неприятельской галереи. Она была разбита и завалена нашим взрывом. Тогда он повернул направо и начал подвигаться рукавом вдоль её, попадая на обожжённые мешки и доски, выброшенные из нашей каморы. Верхняя скала, служившая галерее потолком, имела широкую трещину, выходящую на поверхность земли. Пройдя таким образом до 1 ½ сажени, Самокатов дошёл до уцелевшей части галереи, которую и занял с вооружённой командой из четырёх минёров и одного фейерверкера с ракетами.

Часть эта оказалась длиной в 8 сажений. Здесь найдено было несколько мундиров и амунических вещей, принадлежавших французским минёрам. К вечеру следующего дня удалось очистить и её ещё на 4 сажени. Дальше она была совершенно разбита неприятельским взрывом, и дальнейшая её очистка оказалась невозможной.

Таким образом мы заняли неприятельскую галерею. Длина её была 12 ½ сажени.

До 26 марта мы произвели ещё 10 взрывов в тех местах, где, по прислушиванию, атакующий приближался к нашей контрминной системе.

После каждого взрыва он переставал быть слышимым на некоторое время.

26 марта случилось несчастье.

Во 2-м часу дня неприятель дал нам неожиданно камуфлет. Им убито наших 3 минёра (тела их были страшно обезображены) и разрушен рукав. Это была первая наша потеря в минах.

Чтобы изгладить впечатление, произведённое на людей этим взрывом, Тотлебен поставил в этом рукаве образ Спасителя и принял энергичные меры, чтобы на этом самом месте нанести неприятелю не менее чувствительный удар. Перед образом совершенно было молебствие в присутствии всех людей, работавших в минах. Работа затем по исправлению рукава пошла так быстро, что на другой же день в голове его уже была выделана камора.

Во время 2-го бомбардирования, открытого союзниками с рассветом второго дня Пасхи и продолжавшегося 10 дней, против 4-го бастиона направлено было около 140 орудий большого калибра, действовавших преимущественно разрывными снарядами. В эти дни самое опасное место представлял ров бастиона. Кроме продольного огня в него падало и скатывалось с бруствера огромное количество снарядов, разрывавшихся на дне и производивших страшное опустошение. Блиндажи над минными колодцами были повреждены, а некоторые колодцы совсем завалены землёю, падавшей с бруствера. Выноска земли из мин вдоль рва стала затруднительна. Работы в минах сделались почти невозможными.

Тотлебен опасался, чтоб французы не воспользовались отчаянным положением бастиона и не предприняли чего-нибудь решительного для уничтожения всей нашей контрминной системы.

Он приказал несмотря ни на какие потери расчищать и исправлять колодцы, а в рукавах продолжать идти навстречу противнику и бдительно к нему прислушиваться.

К апрелю головы наших рукавов находились от контрэскарпа: на капитали – в расстоянии 33 сажений, а впереди фасов – 18–25 сажений.

Все воронки, произведённые нашими и неприятельскими взрывами, были заняты нами.

3 апреля вечером атакующий взорвал несколько сближенных горнов. При этом слышно было четыре сильных подземных удара, следовавших один за другим. Массой земли и камней, упавших на бастион, у нас убито 30 и ранено до 70 человек.

Вот с этого только времени в наших войсках исчезли опасения о подведении неприятелем мины под самый бастион, так как оправдалось предсказание Тотлебена, что неприятель, не имея возможности подорвать бастион, готовится взорвать далеко впереди его усиленные горны, чтоб хоть издали нанести бастиону какой-нибудь вред. Войска получили полное доверие к действительности наших контрмин. Поколеблено же оно было показаниями перебежчиков.

В продолжение 5 дней французы с чрезвычайною настойчивостью старались соединить ближайшие к ним воронки между собой и с 3-й параллелью. Но наши ночные вылазки и артиллерия бастиона уничтожали их работы в самом начале. 8 апреля французы усилили действие по бастиону до того, что к вечеру он не мог уже действовать по неприятельской работе ни из одного орудия. В эту ночь они и соединили свои воронки и приспособили передний их гребень к ружейной обороне.

Мы, таким образом, лишены были выгоды действовать вылазками против неприятельских воронок вследствие соединения их с 3-й параллелью.

Чтобы препятствовать французам опускаться галереями из занятых ими воронок, приказано было бдительно прислушиваться к неприятельскому минёру и немедленно заряжать те рукава, в которых работа его будет казаться на близком расстоянии.

С этого времени мы производили взрывы горнов, заложенных под самую отлогостью воронок. Французы же для охранения их от контрминёра принуждены были ограничиваться закладыванием в отлогости их булевых колодцев².

Таким образом, из наступления они перешли в оборонительное положение.

Что касается нашего минёра, то, по подведении голов контрмин под самую отлогость неприятельских воронок, почти на всём протяжении фронта атаки, он бдительно следил за каждой работой противника и посредством камуфлетов не позволял ему опускаться из воронок галереями.

Так длилась подземная война до половины июня. Результатом её было, что французам удалось только в одном месте выдвинуться галереей за линию сближенных воронок и образовать только одну передовую воронку.

Этот успех объясняется тем, что в этом месте головы контрмин находились ещё на дальнем расстоянии от линии воронок.

Напротив того, как на капитали, так и по обе её стороны, где неприятель находился ближе к контрэскарпу, он не успел в продолжение всего этого времени вывести из своих воронок ни одной галереи, будучи везде своевременно останавливаем нашими камуфлетами. Взрываемые же им булевы колодцы обращали своё действие большей частью назад и весьма мало приблизили его к бастиону.

Что касается надземных работ французов, то они только к 6 июня успели окончить свою 4-ю параллель, получившую 80 саженой длины и отстоявшую от контрэскарпа в 40 саженой.

Затем из левой оконечности её они начали выводить летучей сапой второй ход сообщения с 3-й параллелью.

4-я параллель совершенно обеспечила работы неприятеля в воронках от наших вылазок, давши ему возможность держать вблизи воронок сильный караул и, в случае вылазок, обстреливать внутренность воронок настильным ружейным огнём.

² Булев колодец – заряд, опущенный с поверхности земли. (Прим. док.)

Ещё в половине мая Мельников, живший в минах более 5 месяцев, принуждён был оставить мины и Севастополь для лечения.

Вместо него заведование работами в минах было поручено подпоручику Преснухину.

Так как неприятель, хотя медленно, но всё-таки подавался вперёд на поверхности земли по обе стороны капители, то приказано было по возможности скорее выдвинуться ему навстречу пятью рукавами, чтоб везде быть у него под ногами и не дозволить ему овладеть подземным пространством там, где он успел уже утвердиться на поверхности земли.

Упорно наступая булевыми колодцами, французы только к концу августа, т.е. после 7-месячной подземной войны, довели свои мины до того места, где голова их галереи находилась ещё 22 января и откуда они отступили после нашего первого взрыва.

Такой незначительный результат далеко не соответствовал громадным усилиям атакующего. Да и в чём заключался этот результат? Французы были отделены от контрэскарпа пространством, которое всё было пересечено контрминами. Для окончательного разбития их по принятому французами способу постепенного наступления булевыми колодцами они должны были употребить ещё весьма много времени. Устройство же нами нижнего яруса контрмин под их ногами делало положение их безвыходным. О существовании этого нижнего яруса они, по всему видно, и не подозревали, потому что иначе они не осмелились бы наступать в верхнем слое, не утвердившись предварительно в нижнем.

Из этого нижнего яруса мы готовили для французов большой сюрприз.

24 и 25 августа мы зарядили там один из рукавов 120 пудами пороха в бочонках.

Взрыв этого горна уничтожил бы все французские работы даже с 3-й параллелью. Но не привелось нам его сделать.

27 августа, по получении приказа отступить, Преснухин был им так взволнован, что с трудом держался на ногах и им овладела дрожь, как в лихорадке.

Но всё-таки, прежде чем уходить из мин, он хотел взорвать находящиеся в них заряды. Выполнить это оказалось невозможным, так как Копанский, заведовавший гальванической командой, ещё с вечера забрал из мин гальванёров вместе с принадлежностями для составления гальванической батареи. Вследствие сильного потрясения от приказа об отступлении Преснухин упустил из виду, что в минах был самый важный заряд – этот 120-пудовый, который можно было бы взорвать и без гальванической батареи. И после окончания кампании долго угнетало Преснухина это обстоятельство, так как взрыв этого заряда должен был бы произвести настоящее землетрясение. Какой ужас навёл бы он на неприятеля! Но эта масса пороха осталась в земле и по настоящее время.

С тоскливой грустью оставили минёры свои душные и мрачные подземелья, с которыми их тесно сроднила любовь к делу и столько трудов и славных подвигов.

Так окончилась 7-месячная подземная война впереди 4-го бастиона!

Замечательна она своей продолжительностью, упорством с обеих сторон и достигнутыми ею для нас результатами.

Нравственное влияние, произведённое упорным сопротивлением контрмин на французов, было одною из главных причин, почему они не решились штурмовать 4-й бастион в день общего штурма 27 августа.

И справедливо получил он название «девственного», так как на нём не была нога неприятельская.

За весь период минной войны перед 4-м бастионом мы произвели 83 взрыва, на которые употреблено 641 пуд пороха.

Французы произвели 107 взрывов и израсходовали 3650 пудов пороха. Наши потери убитыми и ранеными – 191 человек, а неприятеля – 103.

В Музее Севастопольской обороны находится очень хорошая модель этой войны, чертёжный план её и портреты всех минных сподвижников.

На местности ещё в [18]80-х гг. был в хорошей сохранности весь хаос воронок, произведённых взрывами. Это была наилучшая картина того, что здесь происходило перед бастионом во время его атаки и обороны. И севастопольская тяжёлая почва навсегда сохранила бы эту картину, как памятник, если бы к ней не прикоснулась рука человека. К большому сожалению, хозяйственный расчёт обращения этого пространства в учебный плац для расположенного по соседству полка взял верх над сознанием исторического значения этого места как памятника, поистине нерукотворного, обороны Севастополя.

И всё место сглажено!

Остался нетронутым только небольшой участок этого памятника с вывороченным на поверхность земли большим камнем. Выставлен он на поверхность взрывом.

Комитет по восстановлению памятников Севастопольской обороны к 50-летию её юбилею для сохранения этого места на будущее от покушений сглажения его для увеличения учебного плаца обнёс его проволочной оградой. На упомянутом большом камне сделана вырезная надпись, поясняющая значение этого места.

К юбилею же и восстановлена часть минной галереи по направлению капитали бастиона из колодца бывшего № 12.

Из неё мы произвели знаменитый наш первый взрыв 22 января, и по обе её стороны французы напрягали все усилия, чтобы одолеть нас.

Но не одолели!

5-й бастион

5-й бастион с редутом Шварца и люнетом Белкина находится на площадке между городским оврагом и Загородной балкой.

Французы называли его Bastion Central.

Горжа его была замкнута каменной оборонительной казармой совершенно такого же вида, как и сохранившаяся до настоящего времени казарма сзади 1-го бастиона. От казармы 5-го бастиона ныне и следов нет. Она была взорвана нами при оставлении города 27 августа, а затем растаскана после кампании жителями на постройку.

Первую параллель против 5-го бастиона французы заложили ночью 27 сентября и к утру вывели её в 200 сажень длины.

В первое бомбардирование бастион нёс большую потерю людьми, так как внутреннее его пространство подвергалось перекрёстному огню.

С первыми выстрелами Нахимов прискакал на бастион, вслед за ним прибыл Корнилов.

По бастиону действовали три французские батареи с Рудольфовой горы.

Нахимов распорядился стрельбою. В обычной своей форме – сюртук с эполетами – он хозяйничал на батареях, как на корабле. Здесь он был легко ранен.

Когда капитан-лейтенант Ильинский, начальник 5-го бастиона, уговаривал Корнилова оставить бастион, как опасное место, и уверял, что всякий выполнит свой долг, Корнилов ответил: «А зачем же вы хотите мешать мне исполнить мой долг? Мой долг видеть всех».

Разговаривая с Нахимовым, Корнилов долго следил за действием наших снарядов по неприятельским батареям. Видя, что люди изнемогают от жажды, он распорядился о доставлении воды, а сам отправился на 6-й бастион.

Наибольшие повреждения от бомбардирования получила оборонительная казарма.

Около 9 ½ ч выстрелами с бастиона были произведены у неприятеля взрывы пороховых погребов. При этом у них погибло более 50 человек ранеными и убитыми.

Но вообще здесь перевес был на нашей стороне.

Ночью все наши повреждения были исправлены, и утром бастион живо отвечал вражеским батареям.

Канонада с 7 по 13 октября громила бастион сильнее предыдущего. В этот раз союзники усилили стрельбу бомбами и конгревовыми ракетами. Хотя перевес огня продолжал быть на нашей стороне, но мы имели большую убыль в людях.

Для усиления обороны бастиона позади его было возведено несколько батарей, а для предохранения казармы, представлявшей весьма хорошее помещение для людей и склада пороха, обсыпали её землёй.

После 20 октября городские дома, ближайšie к 5-му бастиону, были приведены в оборонительное состояние: в них проделали бойницы.

В конце ноября для защиты города на случай, если бы неприятелю удалось сделать проломы и овладеть 5-м бастионом, приступлено было к устройству на городской стороне внутренних опорных пунктов, состоявших из нескольких баррикад, батарей и сомкнутых укреплений, имеющих самостоятельную и сильную оборону. К числу последних принадлежали Чесменский и Ростиславский редуты, получившие свои названия от имён кораблей, команды с которых их строили.

Наступило пасхальное бомбардирование – 28 марта.

Задачей его союзники поставили, между прочим, ослабить нашу артиллерию, а затем, подойдя как можно ближе подступами к 5-му бастиону, сделать брешь в оборонительной стенке и, пользуясь численным превосходством, штурмовать город.

Теперь уже было превосходство артиллерии осаждающего.

Мы хлопотали только об укрытии войск и приспособляли для этой цели блиндажи.

Надеждой всех был Нахимов. «Молись за Нахимова; он по-прежнему много себя выставляет», – значилось в одной записке неизвестного офицера.

А Нахимов только мечтал о защите города.

Так как неприятельские подступы к 5-му бастиону подошли близко, то действие по нём неприятельских снарядов было особенно разрушительно. Бастион был сильно повреждён, а к вечеру смолкли его орудия. В правой оборонительной стенке была произведена брешь, и прислуга у орудий почти вся перебита.

Но ночью повреждения были исправлены, подбитые орудия заменены новыми, несмотря на то что их приходилось тащить сюда за несколько вёрст по грязи. Прибыли также подкрепления людьми, и 29 марта опять началось взаимное уничтожение и разрушение. К вечеру бастион опять замолчал.

В числе защитников бастиона прославился и 12-летний сын матроса Николай Пищенко. Отец его служил на одной из батарей, прилегающих к бастиону, а молодой Николка жил при отце и помогал ему.

В день второго бомбардирования старый Пищенко был убит, мальчик же всё-таки остался на батарее и стал самостоятельно распоряжаться небольшими мортирами. В коротких брюках, в отцовской куртке, хватавшей до колен, и босиком он неутомимо возился с порученным ему делом.

– Маркелами заведу и при них умру, – гордо говорил маленький воин на вопросы посетителей.

Главнокомандующий наградил Пищенко сначала медалью, а потом и Георгиевским крестом, и после падения Севастополя молодой кавалер вышел из

пылающего города, имея 13 лет от роду и 11 лет царской службы за плечами, так как известно, что по милости императора Николая Павловича каждый месяц службы под Севастополем считался за год.

В Музее Севастопольской обороны находится манекен Николки, изображающий его производящим выстрел из мортирки. Таким зарисовал его в своё время художник Маковский.

* * *

Вылазки с 5-го бастиона делались преимущественно под командой лейтенанта Титова. Особенностью их в начале обороны было то, что в отряд входила и артиллерия – 10-фунтовые горные единороги так называемых подвижных морских батарей. Орудия эти возились матросами на лямках. В прикрытии при каждой орудии было по 10 матросов, вооружённых мушкетонами. Образцы этого старинного оружия имеются в музее.

К сожалению, в нём нет образца горного единорога, бывшего на вооружении двух подвижных морских батарей, сформированных Корниловым и с которыми Титов так отважно нападал на неприятеля.

В ночь с 29 на 30 марта под прикрытием огня своих батарей французы бросились на наши завалы впереди бастиона и редута Шварца. Но майор Жанько с колыванцами и Колесников с рабочими прогнали их. В оплату за поражение они открыли с рассветом 30 марта по редуту Шварца усиленную канонаду, стараясь уничтожить артиллерийскую оборону как этого редута, так и соседних с ним батарей. Но пороха у нас было мало, и к вечеру оборона была совершенно расстроена. Около 11 ч вечера французы атаковали снова завалы, но были отражены штыками подполковника Тимирязева с колыванцами. Спустя немного атака была повторена и также отбита.

Так как 4-й бастион с начала апреля начал подвергаться опасности со стороны подступов, ведённых против редута Шварца по узкой возвышенной площадке между городским оврагом и Загородной балкой, то, чтобы остановить наступление неприятеля по площадке, решено было устроить на ней линию контрапрошей. Их предполагалось вооружить сначала лёгкой артиллерией. Исполнение этого предприятия было поручено Хрущову, для чего и дано ему 7 батальонов: по 2 Суздальского и Волынского и 3 Екатеринбургского полков.

11 апреля этот отряд был выведен с наступлением темноты. Суздальцы приступили к работе, а екатеринбуржцы и волынцы стали в прикрытии. Французы заметили работу тогда, когда рабочие достаточно прикрылись. Несмотря на сильный огонь неприятеля, к утру были готовы 4 ложементов на 40 стрелков каждый.

В следующую ночь едва наш отряд, назначенный для окончания работы, стал подходить к ложементам, как французы, дав залп, быстро заняли их. Екатеринбургцы вытеснили французов ударом в штыки, а суздальцы продолжали работу.

К 19 апреля ложементы были совершенно окончены и вооружены 9 мортирами.

В этот же день, часов в 10 вечера, французы атаковали ложементы тремя колоннами: одною с фронта, а двумя с флангов. Пользуясь темнотой, французы подошли тихо, обогнули правый фланг траншеи, зашли в тыл и без выстрела пошли в штыки. Углицкий полк принял их сначала за своих и хотя заметил ошибку, но поздно. Стремительная атака неприятеля с трёх сторон решила дело. Углицкие батальоны отступили, а французы тотчас же начали переделывать ложементы в свою пользу. Наши подкрепления прибыли тогда, когда неприятель успел утвердиться в контрапрошах. Овладение французами нашей позицией впереди редута Шварца было для нас весьма чувствительно.

Но пока Кладбищенская высота была в наших руках, неприятель не мог предпринять ничего решительного против городской стороны. Поэтому внимание обоих противников сосредоточилось на ней.

С нашей стороны решено было заложить на ней траншею в 200 сажений, приспособить её к артиллерийской и ружейной обороне и соединить с ложементами, расположенными правее, над Карантинной бухтой. Для выполнения этого была назначена ночь с 9 на 10 мая. С наступлением темноты войска (10 батальонов) тихо вышли из-за укреплений оборонительной линии и, заняв места, указанные Тотлебенном, приступили к работе. В нескольких десятках шагов французы также производили в своих траншеях работы с большим шумом. К утру траншея была приведена в такое состояние, что с прежними ложементами могла доставить прикрытие для двух батальонов. Работа была произведена так тихо, что только утром удивлённый неприятель увидел перед собой длинный вал. Пелисье³, осмотрев нашу работу, приказал командиру 1-го корпуса генералу де Саллю ночью уничтожить её. Де Салль для этого назначил целую дивизию, которая должна была произвести две атаки: одну против ложементов у бухты, а другую против траншеи. Хрулёв, предвидя на ночь жаркое дело, усилил штуцерных (70 человек), занимавших траншею целым батальоном, и сделал все распоряжения к продолжению работ. Но едва наши войска в сумерки направились к траншее, как французы бросились на неё, вытеснили оттуда наших стрелков и овладели ею прежде, чем наши подоспели на помощь. Не теряя времени, Хрулёв двинул Подольский полк и два батальона Эриванского на Кладбищенскую высоту, а два батальона Житомирского и один князя Варшавского – против ложементов у Карантинной бухты. Едва показались наши, как гребень насыпи вспыхнул, подобно молнии, осветив красные шапочки французских егерей. Стремительным ударом в штыки мы выбили французов. Отступивший неприятель, подготовив себе повторение атаки сильным ружейным и артиллерийским огнём, бросился вторично. Наши и на этот раз встретили его штыками. Борьба приняла страшные размеры. Ложементы переходили из рук в руки несколько раз. Наконец наши были выбиты и отступили. При этом был убит генерал-майор Адлерберг.

Находившийся на 5-м бастионе Тотлебен, узнав об этом, послал на помощь 4-й батальон Эриванского полка под командой полковника Гарднера. Подкреплённые и устроенные им наши войска не только вновь завладели траншеей, но ворвались даже в неприятельскую.

Хрулёв, желая окончательно укрепиться в траншее, двинул на подкрепление по два батальона Углицкого и Минского полков. Французы в свою очередь были подкреплены свежими войсками и бросились на наших. Пальба прекратилась. Противники с остервенением вели рукопашный бой. Траншеи пять раз переходили из рук в руки. Наконец наши одолели. При этом Углицкий полк, как бы в возмездие за недавнюю неудачу, показал чудеса храбрости. Он ворвался в неприятельскую траншею на плечах отступивших французов, перебил их много, но и сам понёс сильные потери. Из батальона возвратилось здоровых только 80 человек. Общий наш урон в этом деле – 2438 человек, союзников – 2303.

Таков был известный ночной бой 10 мая за Кладбищенские высоты.

Горчаков, поражённый нашим уроном, отказался от дальнейшего отстаивания высот и на следующую ночь приказал нарядить туда только два батальона.

Пелисье и на эту ночь отдал приказание о занятии наших контрапрошей значительными силами, почему мы их в эту ночь и потеряли.

12 мая днём состоялось трёхчасовое перемирие для уборки тел.

Тяжёлая и грустная картина!

³ На 5-м бастионе был весьма забавный ручной петух – общий любимец. Матросы называли его Пелисьевым (Пелисье). (Прим. док.)

Здесь и наши, и враги лежали во всём беспорядке недавнего боя. Одни в окровавленной одежде, другие в чистом белье, надетом товарищами. У некоторых из наших правые руки застыли в знамении креста... Православные матросы и солдаты благоговейно подходили к покойникам, грустно и молча смотрели им в лицо и крестились. Иного мертвеца и не показывали: свёрнуто было что-то такое в шинели, и шинель была зашита.

С генералом Адлербергом погиб в этом бою и один из сыновей его, служивший в Эриванском полку юнкером. Он пошёл отыскивать тело отца и был убит.

В бомбардирование и штурм 27 августа в траншеях против 5-го бастиона с раннего утра было замечено значительное скопление неприятельских войск, не принимавших, впрочем, ничего решительного. При первом известии о штурме Малахова кургана начальник войск 1-го отделения генерал Хрушов расставил войска вдоль укреплений, запретив им показываться из-за вала, чтобы скрыть от неприятеля нашу готовность. Приблизив резервы и зарядив орудия картечью, наши войска ожидали атаки. В траншеях против всего 1-го отделения царствовала глубокая тишина, лишь изредка показывались небольшие отряды неприятеля, но, обданные нашей картечью, скрывались в своих траншеях. Так прошло некоторое время. Генерал Семякин разрешил половине людей отдохнуть, но быть в полной готовности встретить атаку.

Наконец около 2 ч пополудни французы двинулись на штурм 5-го бастиона со смежными с ним укреплениями. Здесь у нас было 1700 человек Житомирского, Подольского и Белостокского полков. В резерве было 500 человек Житомирского и 800 человек Минского полков. Неприятель же двинул 8380 человек тремя колоннами. Под прикрытием густой цепи двигались они с лестницами и фашинами, сапёры с рабочим инструментом.

Конечно, наш картечный и ружейный огонь встретил атаку.

Колонна, шедшая на люнет Белкина, потерпела совершенное поражение, в особенности от удачного действия камнемётных фугасов. Только немногие смельчаки успели вскочить в ров, но и те поплатились или смертью, или пленом. Подпоручик Банковский с ротой подольцев с одной стороны, а поручик Назаров с командой моряков с другой спустились в ров и приняли в два огня засевших там французов. Часть из них легла на месте, большинство же было взято в плен.

У бастиона французы хотя и достигли рва и даже стали взбираться на бруствер, но были отбиты полковником Аленниковым с батальоном Белостокского и частью Подольского полков.

Третья штурмовая колонна, двигавшаяся на редут Шварца, успела ворваться в укрепление и оттеснила батальон Житомирского полка. Но на помощь явился сюда полковник Жерве с остальными батальонами и штыками сбросил неприятеля в ров. Французы, однако, оправились и кинулись вперёд. Подоспевший из резерва батальон Минского полка и прибежавшие две роты Екатеринбургского полка с подполковником Верёвкиным выбили их и отбросили в траншеи.

Екатеринбуржцы поклялись все умереть, но дальше ротных образов, поставленных в траншее, не отходить, и исполнили клятву.

Французы скрылись в свои траншеи и более не показывались, оставив в плену у нас 10 офицеров и 150 человек нижних чинов.

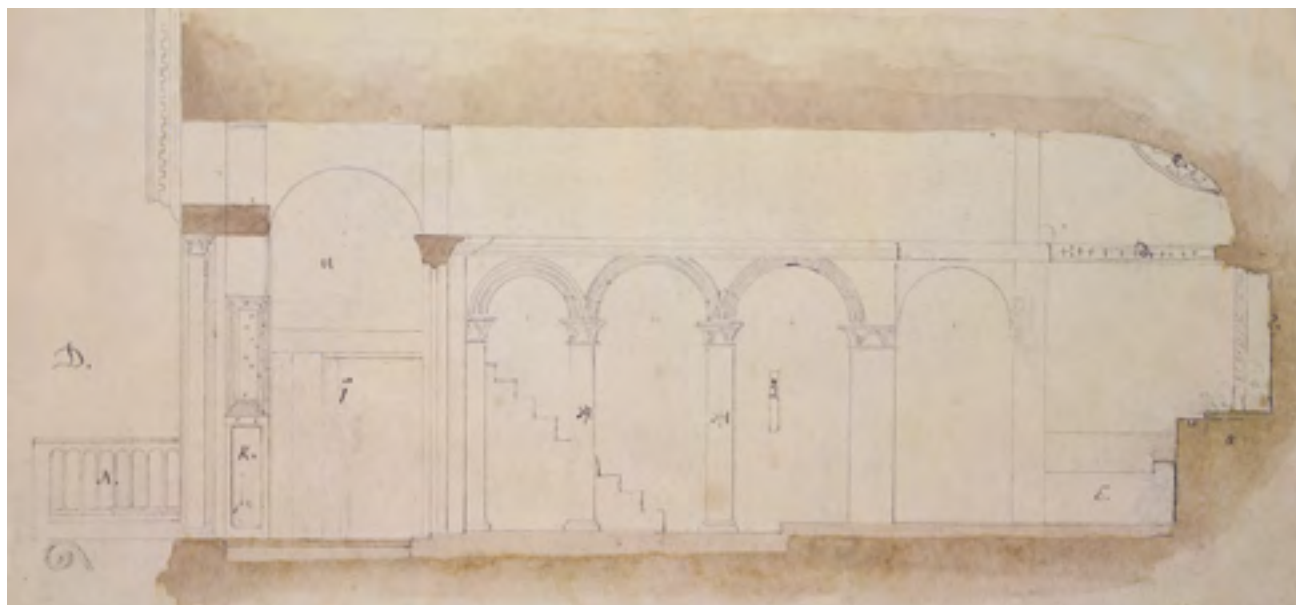
Отбитие штурма от 5-го бастиона и смежных с ним укреплений имело также последствием, что Пелисье не решился штурмовать 4-й бастион.

I. Вход в церковь

II. Эскиз иконостаса

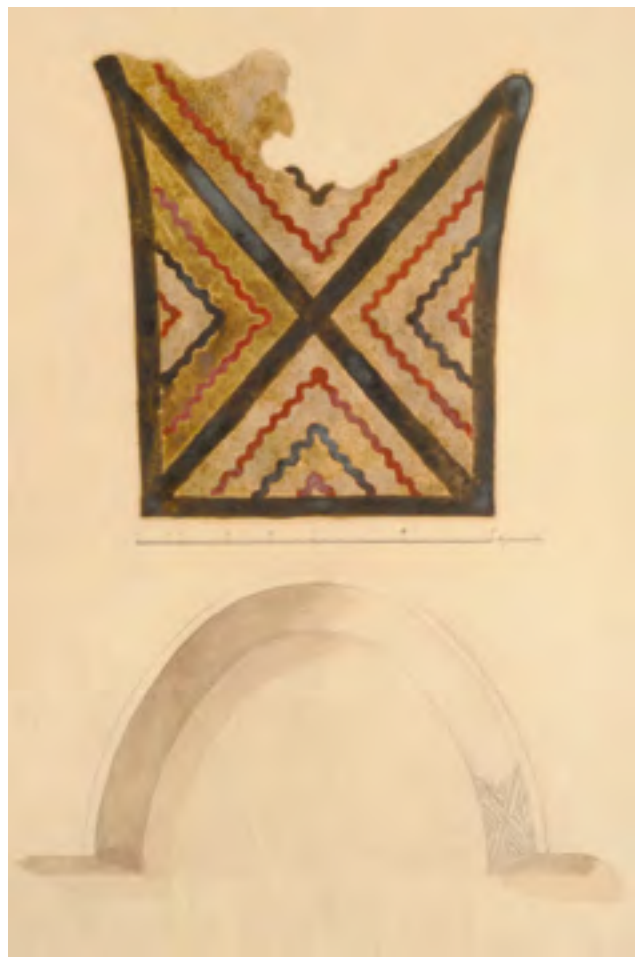

III. Чертёж церкви в разрезе

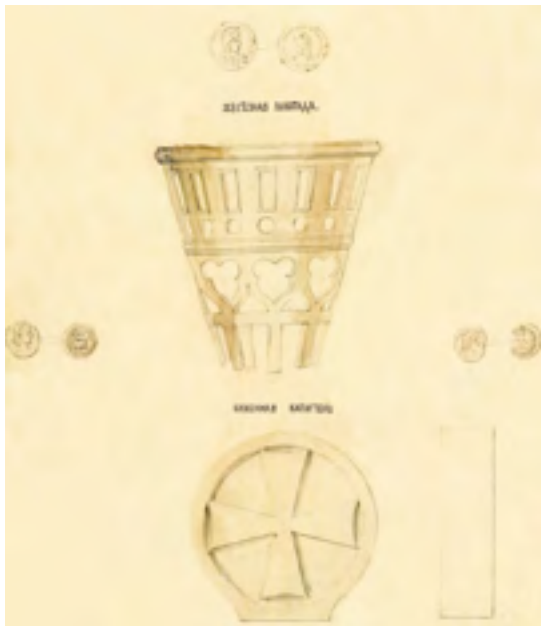
IV. Надгробный памятник

V. Вид входа в скалу

VI, VII. Остатки живописи

IX. Предметы, найденные при раскопках:
железная лампада и каменная капитель

VIII. Крест, высеченный над престолом

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕТОПИСЬ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ

С конца XVIII в., когда Крым стал частью Российской империи, а на его юго-западном побережье был основан морской форпост – Севастополь, этот ранее удалённый от европейской цивилизации край привлекал особое внимание учёных, путешественников, литераторов, художников. Гравированные виды Севастополя и его окрестностей конца XVIII – первой четверти XIX в. известны в составе крымской «россики» и в работах отечественных мастеров. Нередко они сопровождали сочинения путешественников, посвящённые Крыму. Такого рода издания с захватывающими описаниями благодатного края, овеянного античными легендами, были очень востребованы просвещённым читателем. Большую популярность завоёвывают и растиражированные в эстампах произведения живописи с видами природных и рукотворных памятников Крыма (например, знаменитые крымские серии К. Боссоли, Ф. Гросса и др.).

Особая тема, которая нашла отражение в графике российских и иностранных художников середины XIX в., – события Крымской войны 1853–1856 гг. Наиболее известны литографии по рисункам И.К. Айвазовского, К.П. Брюллова, О. Раффе, В.Ф. Тимма и др. («Русский художественный листок»), серия литографий «Театр военных действий на Востоке» В. Симпсона и др.

Изобретение и дальнейшее распространение фотографии привело к вытеснению привычной графики. Любопытной разновидностью изображений своеобразного «переходного» периода становятся графические эстампы, выполненные с фотографии в технике гравюры.

В настоящей публикации иллюстрированная летопись Крыма и Севастополя XIX в. представлена, в частности, несколькими эстампами, вошедшими в издание «L'univers. Histoire et description de tous les peuples» («Земля. История и описание всех народов») Ж.-М. Шопена, секретаря и библиотекаря русского посланника в Париже князя А.Б. Куракина. Два полутома, специально посвящённые России, вышли в Париже в 1838 г. Также публикуются четыре листа довольно редких литографий, выполненных по рисункам с натуры лейтенант-полковника М. Эндрюса, отпечатанных в Лондоне в 1856 г. Их отличают стремление к максимальной реалистичности,

тщательная проработка изображаемых деталей, подобранный с исключительным вкусом колорит. События Крымской войны предстают на графических листах, отпечатанных в Великобритании в середине XIX в.: на них изображены многофигурные, чрезвычайно динамичные эпизоды боёв за Малахов курган. На одном из публикуемых эстампов, выполненном с фотографии Дж. Робертсона 1855 г., изображено внутреннее пространство 3-го бастиона («Большого редана») – одного из полевых укреплений периода Крымской войны. Подборку эстампов завершают листы начала 1880-х гг. с видами Севастополя и его окрестностей, также выполненные с фотографий.

Ещё один жанр, благодаря которому сохранились подчас уникальные свидетельства прошлого Крыма и Севастополя, – почтовая открытка (первоначально – открытое письмо)¹. В России в 1909 г. наименование «Открытое письмо» было официально заменено на термин «Почтовая карточка». Открытку отличает массовость тиража и доступность, а по своему назначению она выполняет как утилитарную, так и эстетическую функцию. Технология изготовления видовых открыток менялась, но, как правило, в основе была фотография. Поэтому открытки ценятся в том числе и в качестве изобразительного источника.

Виды городов – особая тема в истории открытки. Издательский бум видовых открыток пришёлся на 1900-е – начало 1910-х гг. Не в последнюю очередь это было связано с возникновением новых, более скоростных и удобных видов транспорта, во многом изменивших представления о времени и пространстве. Рост популярности путешествий как разновидности семейного и индивидуального отдыха – в развлекательных, познавательных, оздоровительных целях,

¹ В России открытые письма официально введены с 1 января 1872 г. Они быстро завоевали популярность, серьёзно потеснив обычную корреспонденцию в конвертах. В 1878 г. на Всемирном почтовом конгрессе в Париже приняли международный стандарт открытки – 9×14 см, который изменили в 1925 г. на другой – 10,5×14,8 см. Первоначально её обратная сторона предназначалась для адреса (специального места для письма не предусматривалось), а с 1904 г. адресную сторону разделили на две части, причём слева было место для письменного сообщения, справа – для адреса, марки и почтовых отметок.

а также для поддержания деловых, научных, культурных контактов и т.д. – был связан с относительной, по сравнению с предшествующими эпохами, доступностью этого вида досуга для всё более широких слоёв населения. Открытки с местными видами, памятниками и достопримечательностями путешественники приобретали по приезду в новый город и отправляли родным и друзьям, обозначая, в том числе и с помощью почтового штемпеля, точный маршрут поездки. Такое отправление в несколько строк могло носить сугубо деловой характер, а могло быть хотя и коротким, но ярким репортажем. Телеграф, телефон – более оперативные средства связи, но открытка остаётся на память, хранит почерк человека. Самые интересные открытки – подписанные; они дошли до нас потому, что были дороги получателям, возможно, хранились в семьях как памятная хроника.

Когда именно Севастополь впервые был запечатлён на видовых открытках, сказать затруднительно. Самая ранняя известная открытка с крымским видом имеет почтовый штемпель, проставленный 4 ноября 1899 г. К началу XX в. в крупных городах России были свои издательства и издатели, специализировавшиеся на открытках. Самым известным было акционерное общество «Гранберг» в Стокгольме (Швеция). До 1917 г. фирма издавала многочисленные виды русских городов, исключительно для российского рынка, в том числе по специальным заказам.

Среди известных издателей открыток с видами Севастополя – рыбинский мещанин Н.А. Вязнов, открывший в 1908 г. в городе книжный магазин; севастополец Д.О. Харченко, в 1881 г. основавший писчебумажный магазин и типолитографию на Большой

Морской улице, в доме В.А. Хлудова; Ф.Н. Плетнёв, М.Л. Роговский, С.О. Гефтер и др.

В разные годы открытки с видами Севастополя выпускали известнейшее «Контрагентство печати А.С. Суворина и К^о», «Одесполиграф», «Крымгиз» и другие издательства.

Среди советских фотомастеров, запечатлевших Севастополь в годы Великой Отечественной войны и его последующее восстановление из руин, можно назвать имена коренного севастопольца Б.Г. Шейнина, во время войны фотокорреспондента газеты «Красный Флот» по Севастополю, Одессе, Крыму, Кавказу; Е.А. Халдея, с 1939 г. корреспондента «Фотохроники ТАСС»; А.В. Баженова, с 1947 г. фотокорреспондента газеты «Слава Севастополя»; Т.Б. Бакмана.

Их работы, растиражированные на открытках, дают бесценную возможность увидеть, как в кратчайшие сроки Севастополь возродился из пепла, как застроились его улицы, расцвели парки и скверы.

Иллюстрированная летопись Севастополя XX в. представлена видовыми открытками с изображением главных достопримечательностей Севастополя. Графская пристань, Исторический и Приморский бульвары, Малахов курган, Георгиевский и Инкерманский монастыри, Херсонес, Балаклава – свидетели героического прошлого России. После того как в Крымскую, а затем в Великую Отечественную войну город был разрушен практически до основания, его дважды отстраивали заново. Поэтому Севастополь кардинально менял свой архитектурный облик. И всё же «гений места» сохранил для потомков самое ценное – историческую память этого удивительного города.

Карта окрестностей г. Севастополя. Снята инструментально в 1856 г.

Севастополь. Гравёр Скелтон (под руководством О.-Ф. Леметра). Эстамп, ручная раскраска акварелью.
Париж, 1838 г. Из собрания Е.Д. Алексеевой

Партениум, или Мыс Девы (Фиолент). Эстамп, ручная раскраска акварелью.
Париж, 1838 г. Из собрания Е.Д. Алексеевой

Гурзуф. Гравёр Скелтон (под руководством В.-М.-Ф. Данвена). Эстамп, ручная раскраска акварелью.
Париж, 1838 г. Из собрания Е.Д. Алексеевой

Инкерман. Пещерный город. Гравёр Фортье (под руководством В.-М.-Ф. Данвена).
Эстамп, ручная раскраска акварелью.
Париж, 1838 г. Из собрания Е.Д. Алексеевой

Бахчисарай. Сад
в ханском дворце.
Гравёр Верлегер (?).
Эстамп. Германия,
[2-я четверть XIX в.].
Из собрания
Е.Д. Алексеевой

Последние минуты императора Николая I. Эстамп. Великобритания, не ранее 1855 г. Из собрания Е.Д. Алексеевой

Севастополь. Ночная атака из траншей. Эстамп. [Лондон, середина 1850-х гг.] Из собрания Е.Д. Алексеевой

Штурм Малахова кургана. Эстамп, издание Дж. С. Вирчю. Лондон, [середина 1850-х гг.] Из собрания Е.Д. Алексеевой

Большой редан (3-й бастион). Внутренний вид. Гравёр Г. Бибби (с фотографии Дж. Робертсона, сделанной в сентябре 1855 г.). Эстамп. Лондон; Нью-Йорк, 1858 г. Из собрания Е.Д. Алексеевой

Сторожевой пост и склады. Вид со стороны оврага, расположенного на крайнем левом фланге английской атаки. Литография Дж. Сатклифа по рисунку лейтенант-полковника М. Эндрюса. Лондон, 1856 г. Из собрания Е.Д. Алексеевой

Старый сторожевой пост, остатки которого видны над военным складом, расположен на отроге горы – на стыке двух оврагов, непосредственно под второй и третьей высотами, по которым проходила атака с левого фланга. Кажется, что это была удобная база для размещения, где, насколько позволяла почва, на склонах холмов произрастали виноградники. Ранее находившийся здесь английский сторожевой пост потом был сдан французам. Склад был устроен в пещере под домом. Здесь, в этой точке, существуют ещё один или два подобного рода объекта. Здесь всегда можно было увидеть группу французских солдат, околавивающихся неподалёку от резервуара с водой. (Прим. М. Эндрюса.)

Въезд в Севастополь по Воронцовской дороге (вид со стороны Греческой батареи). Литография Дж. Сатклифа по рисунку лейтенант-полковника М. Эндрюса. Лондон, 1856 г.

Дорога, показанная на рисунке, является только одним из важных путей, ведущих в город. Она приведёт вас либо, если держаться правее, на Корабельную сторону, или, если сразу свернуть влево, в тыл Греческой батареи, выведет в Севастополь. В любое время вдоль дороги от города к лагерю можно было наблюдать разнообразные по виду транспортные средства – от артиллерийской или пехотной фуры до мальтийской повозки и турецкой арбы, гружённых стройматериалами, приобретёнными в городе; на крыше такой фуры лежали отдельные части предметов мебели, которые, как представляется, в целом избежали поломки, так как русские уничтожили большую часть того, что они не могли унести.

Тех, кто не имел возможности управлять перевозкой багажа на мулах, часто можно было увидеть за перетаскиванием в лагерь чего-то для них полезного, например, окна или двери, самого ценного при строительстве дома. Наши пронырливые и деловитые друзья – французы никогда не возвращались в свой лагерь без охапки дров на плечах.

Разрушения домов, которые видны на переднем плане рисунка, являются результатом нашего жестокого огня по Казарменной батарее, под которой они расположены; а справа от дороги, когда вы проходите мимо батареи, один из русских складов был взорван, причём по беспечности некоторых наших солдат; многие погибли, и было потеряно много тягловых лошадей. На дальнем плане открывается вид на дома Севастополя и бухту с верфью. (Прим. М. Эндрюса.)

Лазаревские казармы на Корабельной стороне Севастополя. Литография Дж. Сатклифа по рисунку лейтенант-полковника М. Эндрюса. Лондон, 1856 г. →
Из собрания Е.Д. Алексеевой

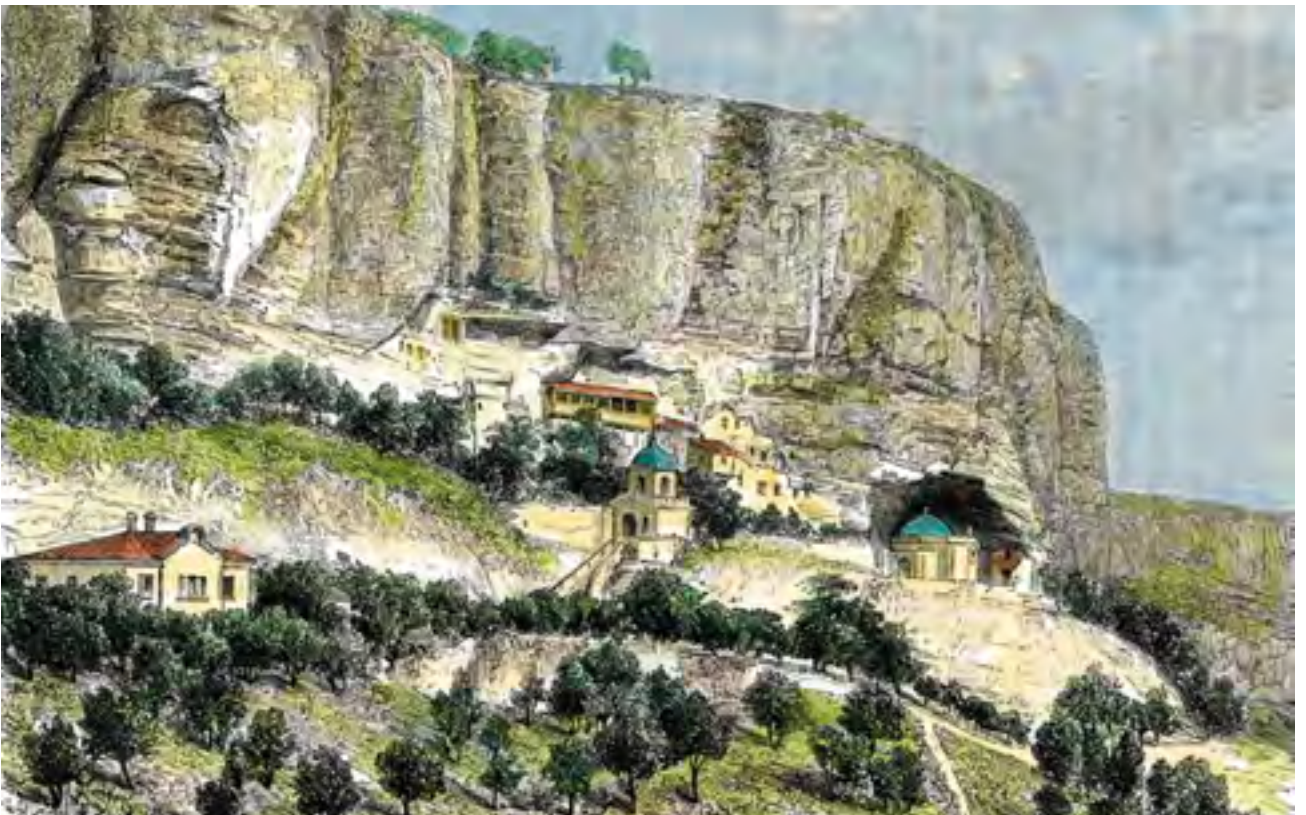

Лагерь 28-го и 29-го полков с видом на помещения госпиталя 3-й дивизии. Литография Дж. Сатклифа по рисунку лейтенант-полковника М. Эндрюса. Лондон, 1856 г. Из собрания Е.Д. Алексеевой

Вид на скалы и Георгиевский монастырь. Гравюра по рисунку Тэйлора, выполненному с фотографии.
[Франция, 1880 г.] Из собрания Е.Д. Алексеевой

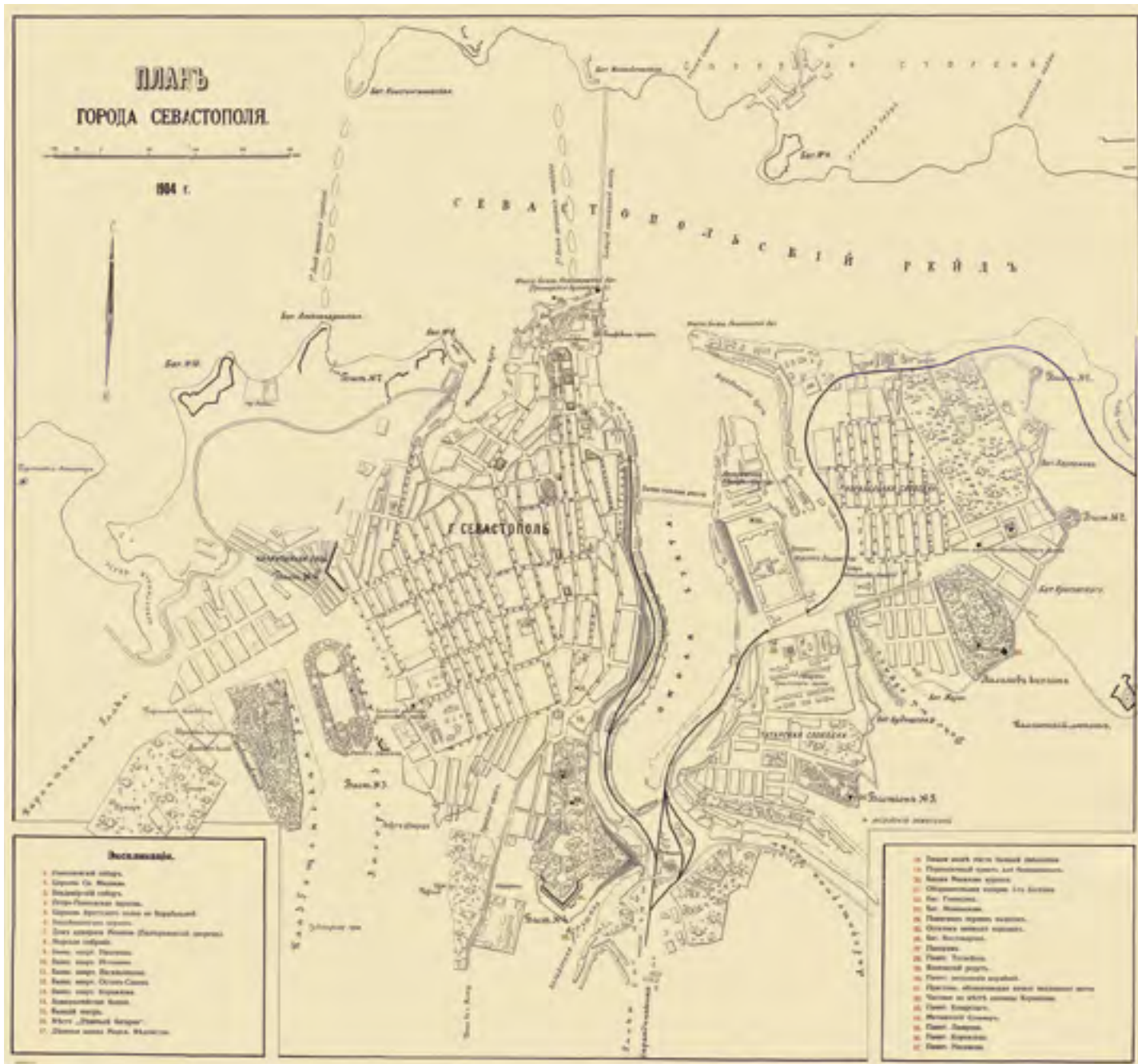
Пещерный город Чуфут-Кале. Гравюра по рисунку Тэйлора, выполненному с фотографии.
[Франция, 1880 г.] Из собрания Е.Д. Алексеевой

Скалы Инкермана. Гравюра Барбанта по рисунку К. Вуили, выполненному с фотографии.
[Франция, 1880 г.] Из собрания Е.Д. Алексеевой

Вид на Севастопольскую бухту. Гравюра по рисунку Т. Вебера, выполненному с фотографии.
[Франция, 1880 г.] Из собрания Е.Д. Алексеевой

План города Севастополя. 1904 г.

Графская пристань

Заложена 3 июля 1783 г. В 1787 г. к приезду императрицы Екатерины II пристань благоустроили и официально назвали Екатерининской. Утвердившееся название «Графская» связывают с именем командующего Севастопольской эскадрой в 1786–1790 гг. графа М.И. Войновича. В 1837 г. по инициативе адмирала М.П. Лазарева военным инженером Дж. Уптоном был разработан новый проект пристани, представленный императору Николаю I. Окончательно работы были завершены в 1846 г.

На обороте:
Харьков. Почтамт. Роман Ивановичу г-ну Шляпину.
До востребования.
Севастополь, 3 марта 1906 г.

Севастополь.
Графская пристань.
Не позднее 1906 г.
Открытка
из собрания
А.В. Дербасова

Добрый и дорогой друг!

Эх, тяжела шапка Мономаха, ну да что, будем тащить. Здоровье моё поправляется, море с своей живительной влагой оказало на меня своё благотворное действие. К 20 марта приду в ваши края. Спасибо, [д]ружище, за память обо мне, которую Вы высказали, написав мне сюда письмо, я была очень им обрадована. Знаете, как-то легче живётся, когда сознаёшь, что есть ещё на свете хорошие люди. Пока до свидания, приеду, тогда всё расскажу, и, описывать не умея, надо быть поэтом, чтобы описать это чудное море, оно меня чарует.

Глубоко уважающая Вас, Ваш искренний друг М. Федоровская.

Графская пристань и пристань Русского общества пароходства и торговли. Издание А.Я. Бер-ра. Севастополь, не позднее 1914 г. *Открытка из собрания А.В. Дербасова*

Севастополь. Пристань III Интернационала. «Одеспалиграф». 1920-е гг. *Открытка из собрания А.В. Дербасова*

Севастополь. Пристань III Интернационала. «КрымГиз». Конец 1920-х – 1930-е гг.
Открытка из собрания А.В. Дербасова

Севастополь. Графская пристань. Фото О. Баженова. «Укррекламфильм». Киев, 1962 г.
Открытка из собрания Е.Д. Алексеевой

Площадь Нахимова

Главная и старейшая площадь Севастополя. Первоначальное название площади – Екатерининская (1787), затем, после установки на ней памятника адмиралу П.С. Нахимову в 1898 г., – площадь Нахимова. С 1921 г. переименована в площадь Труда. С 1928 г. – площадь III Интернационала, в 1932–1946 гг. и 1951–1956 гг. – площадь Ленина (в 1946–1951 гг. носила название площади Парадов).

В 1928 г. памятник Нахимову был демонтирован, а в 1932 г. на оставшемся пьедестале установили скульптуру В.И. Ленина (разрушена в годы Великой Отечественной войны). С 1957 г. вновь носит имя адмирала П.С. Нахимова. 5 ноября 1959 г. на площади был открыт памятник адмиралу, развёрнутый спиной к Графской пристани.

Севастополь.
Гостиница
«Кист». Издание
АО «Гранберг».
Стокгольм,
начало XX в.
Открытка
из собрания
А.В. Дербасова

Севастополь.
Памятник адмиралу
П.С. Нахимову
и отель «Кист».
Открытка. Издание
Контрагентства
А.С. Суворина и К°.
1914 г.
Открытка
из собрания
А.В. Дербасова

Севастополь. Вид на Екатерининскую улицу с Нахимовской площади. Фотограф И. Бурак. Издание Штенгель и К°. Дрезден, не позднее 1914 г. *Открытка из собрания А.В. Дербасова*

На обороте:
Москва. Б. Никитская. Мал. Чернышевский пер., д. 2.
Ея Высокородию Серафиме Евменьевне Казанской.
[Севастополь,] 8 ноября 1914 г.

Милая Сима!

Всё чаще я, вместо того, что очень хочется написать, посылаю Вам только открыточку. Так и сегодня. Сегодня, потому что утром я вздумал вывести формулу, по которой можно было бы определить стрелку, зная только R и l – длину дуги, и не вводя совсем хорду или центральный угол. Вывел – ересь. Т.е. не то, что ересь, а такое квадратное уравнение, решив которое, можно получить только отрицательную величину, и т.к. на железе этого отложить нельзя, то и пришлось ту формулу забросить. Потом с обеда и до сих пор изволил решить 45 треугольников, отчего теперь голова трещит и в ушах шум стоит от счётной машинки. Завтра воскресенье, и Вы, вероятно, будете у нас. О! Как я хочу там быть. Там видеть Вас. Хочу, потому что я люблю.

Коля С.

Не сердитесь на меня за то, что мало сегодня пишу. Хочу, но не могу. Это правда.

Севастополь.
Памятник адмиралу
П.С. Нахимову.
Издание
Контрагентства
печати. Москва,
1920-е гг.
Открытка
из собрания
А.В. Дербасова

Севастополь. Площадь III Интернационала. «КрымГиз». 1928–1932 гг. Открытка из собрания А.В. Дербасова

Севастополь. Дом Красной Армии и Флота. Фото Лоскутова. «Союзфото». Москва, 1935 г.
Открытка из собрания А.В. Дербасова

Приморский бульвар

Создан по предложению городского головы Ф.Н. Еранцева в 1885 г. на месте развалин Николаевской батареи, взорванной французами в 1855 г. На территории бульвара были построены летний театр, ресторан, деревянный павильон-буфет, здание городского клуба, яхт-клуб с читальней и рестораном. Планировка и оформление бульвара были завершены к 1905 г., когда в честь 50-летия обороны Севастополя в Крымской войне у берега поставили Памятник затопленным кораблям. Тогда же построили декоративные подпорные стены, каменные скамьи, пешеходный мостик. В 1914 г. было закончено строительство Романовского института физических методов лечения (просп. Нахимова, 4).

Севастополь.
Приморский бульвар.
Издание АО «Гранберг».
Стокгольм, 1900-е гг.
*Открытка из собрания
А.В. Дербасова*

Севастополь.
Памятник заграждения
броненосцами бухты.
Издание
Товарищества «К.П.».
1905–1917 гг.
*Открытка из собрания
А.В. Дербасова*

Севастополь. Приморский бульвар. Начало XX в.
Открытка из собрания А.В. Дербасова

Севастополь. Яхт-клуб.
Начало XX в.
Открытка из собрания А.В. Дербасова

Севастополь. Буфет
на Приморском бульваре.
1900-е гг.
Открытка из собрания А.В. Дербасова

Севастополь.
Вид на Приморский
бульвар.
Не позднее 1906 г.
Открытка
из собрания
А.В. Дербасова

На обороте:
Крым. Алушка. Дача Шидакирского.
Ея Высокородию Вере Владимировне Брылкиной.
[Севастополь, июль 1906 г.]

Дорогая Веруся!

Сижу в Севастополе, слушаю музыку и ужинаю. Вспоминаю нашу милую компанию и шлю ей привет. Проезжая Алушку, смотрела во все глаза на скалу Айвазовского, но никого не видела. Огорчилась. Доехала хорошо и интересно. Сидим с Володей на бульваре, который изображён на этой открытке. Целую тебя крепко. Таня

Вид с бульвара.
Издание
АО «Гранберг».
Стокгольм,
не позднее 1909 г.
Открытка
из собрания
А.В. Дербасова

Севастополь. В память кораблей, затопленных в 1854 и 1855 гг. для заграждения входа на рейд. Издание Ф.Н. Плетнёва. Севастополь, 1905–1917 гг. Открытка из собрания А.В. Дербасова

Севастополь. Летний городской театр. 1910-е гг. Открытка из собрания А.В. Дербасова

Севастополь. Приморский бульвар. Издание А.Я. Бер-ра. Севастополь, 1905–1917 гг. Открытка из собрания А.В. Дербасова

Севастополь. Приморский бульвар
(нижняя часть).
Издание АО «Гранберг».
Стокгольм, 1905–1917 гг.
*Открытка из собрания
А.В. Дербасова*

Севастополь. Приморский бульвар.
Издание коммерческого агентства
«Связь» при Н.К.П. и Т.
Москва, 1925 г.
*Открытка из собрания
А.В. Дербасова*

Севастополь.
Вход на Приморский бульвар.
Издание Контрагентства печати.
Москва, 1920-е гг.
*Открытка из собрания
А.В. Дербасова*

Севастополь. Приморский бульвар.
Издание фотопроизводственной
ученической мастерской общества
«Друг детей».
Севастополь, 1930-е гг.
Открытка из собрания А.В. Дербасова

Севастополь.
Институт физических методов лечения
им. И.М. Сеченова.
Фото Орлова.
Издание Крымского отделения «Союзфото».
Симферополь, 1937 г.
Открытка из собрания А.В. Дербасова

Севастополь. Приморский бульвар.
Фото В. Сокарнова.
Издание Крымгосиздатторга.
Симферополь, 1937 г.
Открытка из собрания А.В. Дербасова

На обороте:
Днепропетровск.
Безнос бабушке-Мариночке от В. [нрзб.]
Кача. 5 марта 1938 г.

*На память бабушке и тете Лёле от внучки и племянницы Варуси.
Тетья Лёля, вспоминаете ли бульвар, на котором стоит аквариум,
помните, мы ходили?..
Тетья Лёля, я недавно снялась на миниатюрку, как получу, так вам
вышлю.*

Проспект Нахимова

Одна из старейших улиц города. Первоначально называлась Большой Морской. В 1886 г. часть её была выделена в самостоятельную и стала называться Нахимовским проспектом. К концу XIX в. улица была замощена, по ней проходила трамвайная линия. В 1921 г. проспект переименован в ул. Троцкого, в 1928 г. – в ул. Фрунзе, которая в 1946 г. снова названа проспектом Нахимова. Современный архитектурный облик проспекта сформирован в 1940–1950-е гг. по единому архитектурному плану: почти на всём своём протяжении он застроен с одной стороны, а другая, обращённая к морю, сторона открыта – здесь находится Приморский бульвар.

Севастополь.
Нахимовский
проспект. Издание
Димитрия Николича.
Ялта, 1910-е гг.
*Открытка
из собрания
А.В. Дербасова*

Севастополь.
Нахимовский
проспект.
Издание А.Я. Бер-ра.
Севастополь,
1900-е гг.
*Открытка
из собрания
А.В. Дербасова*

Севастополь. Улица
Троцкого.
Издание Контрагентства
печати. Москва, 1920-е гг.
*Открытка из собрания
А.В. Дербасова*

Севастополь. Проспект
Фрунзе.
Издание Контрагентства
«Друку»,
Харьков; «Геокартпром».
Москва, не позднее 1930 г.
*Открытка из собрания
А.В. Дербасова*

На обороте:
Гор. Иваново-Вознесенск. Владимирская ул. (город), д. № 5. Н.Н. Фоминой.
18 октября 1930 г. Севастополь.

Здравствуй, Нина!

*Заканчиваю лечение в Севастополе и отправляюсь с Любой в плавание к двоюродному
братишке. Погуляли немного в Крыму, будем гулять по берегу Кавказа.
Привет Ник. Ник. и всем.*

Центральный холм

Возвышается в окружении так называемого Городского кольца, представляющего собой овал из главных улиц Севастополя: ул. Ленина, Большой Морской, проспекта Нахимова, соединённых друг с другом площадями Лазарева, Нахимова и Ушакова. Среди достопримечательностей Центрального холма – Владимирский собор, где были похоронены М.П. Лазарев, а также В.А. Корнилов, В.И. Истомин и П.С. Нахимов; Петропавловская церковь; первый памятник города, увековечивший подвиг А.И. Казарского и экипажа брига «Меркурий».

Петропавловский храм.
Издание Ф.Н. Плетнёва.
Севастополь, 1900-е гг.
*Открытка из собрания
А.В. Дербасова*

Памятник капитан-лейтенанту А.И. Казарскому.
Издание Н.А. Вязнова.
Севастополь, 1900-е гг.
*Открытка из собрания
А.В. Дербасова*

Улица Большая Морская

Возникла в XVIII в. первоначально как Морская ул. Параллельно ей при застройке Центрального холма (XIX в.) проложили ещё одну Морскую. Поэтому прежнюю улицу стали называть Большой Морской, а новую – Малой Морской (ныне ул. Володарского). В конце XIX – начале XX в. на Большой Морской находились лучшие здания города, ходил трамвай, располагались разнообразные магазины, кафе, кондитерские, освещалась улица электричеством. В 1921 г. Большую Морскую переименовали в ул. Карла Маркса. После Великой Отечественной войны, 20 июня 1946 г., улице было возвращено её прежнее название – Большая Морская. В 1950 г. на Большой Морской был построен кинотеатр «Победа».

Севастополь. Улица Карла Маркса. 1930-е гг. *Открытка из собрания А.В. Дербасова*

Исторический бульвар

В 1840 г. над Южной бухтой устроили бульвар, получивший название Большой. На юго-восточном мысе бульвара появилась беседка в виде гриба, из которой открывался великолепный вид на Южную бухту и Корабельную сторону.

С началом обороны Севастополя в 1854 г. деревья на Большом бульваре вырубил и возвели 4-й бастион, защищавший центральную часть города. На месте беседки была построена артиллерийская батарея, тоже получившая название «Грибок». Холм, который до этого называли «Бульварным», стали именовать «Бастионным».

В 1875 г. городская Дума Севастополя приняла решение не застраивать места бывших укреплений, а по линии бастионов устроить Исторический бульвар, но из-за недостатка средств замысел не удалось осуществить полностью. Работы по благоустройству завершили к 1905 г. Тогда же была открыта панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.». В 1909 г. установлен памятник начальнику инженерной службы Севастопольского гарнизона генерал-адъютанту Э.И. Тотлебену.

В годы Великой Отечественной войны Бульварный холм подвергался постоянным бомбёжкам немецкой авиации. Памятник Э.И. Тотлебену, Панорама были разрушены. Из горящего здания Панорамы удалось спасти две трети живописного полотна Ф.А. Рубо. После войны начались работы по восстановлению Исторического бульвара. Памятник Э.И. Тотлебену восстановлен в 1945 г., Панорама открыта в 1954 г.

Здание панорамы.
Издание
Н.А. Вязнова.
Севастополь,
не позднее 1915 г.
Открытка
из собрания
А.В. Дербасова

На обороте:
Петроград. Его Высочородию Павлу Викторовичу Звереву.
Васильевский остров, Малый просп., № 23, кв. 6.
11 декабря 1915 г.
Севастополь.

Дорогой Павлуша.

Деньги мы получили 9-го в 7 час. вечера. 10-го в 5 час. дня уже были в Севастополе. Остановились у Киста. Сегодня были на Истор[ическом] бульв[аре], на Малахов[ом] кургане и сейчас идём в музей. Может быть, завтра поедем в Херсонес. В 11 час. 5 мин. вечера 12-го выезжаем в Москву.

Валюша целует. Всем привет. Н.

Севастополь. Грибоедовская беседка на Историческом бульваре.
Издание Контрагентства печати. Москва, 1920-е гг.
Открытка из собрания А.В. Дербасова

Памятник Э.И. Тотлебену, возглавлявшему инженерную оборону Севастополя во время Крымской войны. Издание Контрагентства печати. Москва, 1920-е гг.
Открытка из собрания Е.Д. Алексеевой

Севастополь.
Исторический бульвар.
Фото В. Сокарнова.
Издание Крымгосиздатторга. Симферополь, 1937 г.
Открытка из собрания А.В. Дербасова

Севастополь. Панорама «Оборона Севастополя 1855–1854 гг.». Фото О. Баженова. Издание Фабрики массовой фотопечати треста «Укрфото». Киев, 1955 г. *Открытка из собрания Е.Д. Алексеевой*

Памятник защитникам 4-го бастиона. Севастополь, 1950-е гг.
Фото из собрания А.В. Дербасова

Улица Ленина

Старейшая улица города, первоначально называлась Балаклавской дорогой, затем носила название Адмиралтейской, Екатерининской. 3 января 1921 г. решением Севастопольского ревкома переименована в улицу В.И. Ленина.

Музей Краснознамённого Черноморского флота

Создан в 1869 г. как Музей Севастопольской обороны 1854–1855 гг., первоначально размещался в доме Э.И. Тотлебена. В 1895 г. на Екатерининской улице для музея было построено специальное здание.

Адмиралтейский собор Св. Николая

Построен в 1795 г. В 1848 г. по причине ветхости собор был разобран до основания и построен вновь. Во время обороны Севастополя 1854–1855 гг. здание было повреждено. Восстановление собора окончено в 1857 г. В 1930 г. по решению Крым ЦИКа храм был закрыт и в нём разместился кинотеатр Красного Флота. В годы Великой Отечественной войны здание было разрушено. После войны на месте храма сооружено здание Дома офицеров Черноморского флота.

Музей Севастопольской обороны. Издание Н.А. Вязнова. Севастополь, не позднее 1912 г.
Открытка из собрания А.В. Дербасова.
(*Слева направо: адмиралтейский собор Св. Николая, временная церковь архистратига Михаила, Музей Севастопольской обороны*)

Севастополь. Внутренний вид Музея Севастопольской обороны.
Издание АО «Гранберг». Стокгольм, не позднее 1917 г.
Открытка из собрания А.В. Дербасова

Кинотеатр Красного флота.
Издание «Крымгиз».
Симферополь, 1930-е гг.
Открытка из собрания А.В. Дербасова

Дом Военно-морского флота, открытый в восстановленном здании на ул. Ленина. Фото Е. Халдея.
Воениздат. Москва, 1947 г. *Открытка из собрания Е.Д. Алексеевой*

Малахов курган

Малахов курган называют памятником двух оборон Севастополя – во время Крымской войны, в 1854–1855 гг., и в годы Великой Отечественной войны. В 1895 г. на Малаховом кургане был сооружён памятник вице-адмиралу В.А. Корнилову (на месте его смертельного ранения). В годы Великой Отечественной войны памятник был разрушен. Восстановлен в 1983 г., к 200-летию Севастополя.

Севастополь. Вид с Малахова кургана. Издание АО «Гранберг». Стокгольм, не позднее 1917 г. Открытка из собрания А.В. Дербасова

Памятник вице-адмиралу В.А. Корнилову. Издание Н.А. Вязнова. Севастополь, 1910-е гг. Открытка из собрания А.В. Дербасова

Севастополь. Вид с Малахова кургана. Издание Н.А. Вязнова. Не позднее 1917 г.
Открытка из собрания А.В. Дербасова

Братское кладбище

Создано во время Крымской войны в конце сентября 1854 г. по указанию руководителя обороны вице-адмирала В.А. Корнилова на Северной стороне. Здесь находятся 472 братские могилы, а также 130 индивидуальных захоронений офицеров и генералов. В 1873 г. на Братском кладбище был открыт памятник герою Крымской войны генералу С.А. Хрулёву (сооружён на средства, собранные ветеранами – участниками обороны, а также по подписке со всей России).

Севастополь. Братское кладбище (ворота). Начало XX в.
Открытка из собрания А.В. Дербасова

Херсонес

Херсонес был основан в V в. до н.э. как древнегреческая колония. В XIV в. город был разрушен. Ныне Херсонесское городище расположено на территории Гагаринского района Севастополя и является частью историко-археологического заповедника.

Датой начала археологических раскопок в Херсонесе считается 1827 г., когда по распоряжению главнокомандующего Черноморским флотом и одновременно военного губернатора Севастополя и Николаева адмирала А.С. Грейга здесь проводились раскопки. Руководил работами морской офицер, лейтенант Черноморского флота Г. Крузе. С 1888 г. в ходе систематического археологического исследования города и его сельскохозяйственной округи открыты оборонительные башни и стены, жилые и общественные постройки, храмы, театр, некрополь. В 1891 г. по проекту академика Д.И. Гримма на территории Херсонеса, на месте, где, как считается, в 988 г. принял крещение князь Владимир, был построен Владимирский собор. Закрыт в 1924 г. Был разрушен в годы Великой Отечественной войны. Восстановлен в конце 1990-х – первой половине 2000-х гг.

Херсонес. Севастополь. Начало XX в. *Открытка из собрания А.В. Дербасова*

Севастополь. Херсонес. Издание АО «Гранберг». Стокгольм, не позднее 1909 г.

Открытка из собрания А.В. Дербасова

Херсонес. Внутренний вид музея. Издание АО «Гранберг». Стокгольм, 1900-е гг.

Открытка из собрания А.В. Дербасова

Святителя Климента Римского Инкерманский мужской монастырь

Древний комплекс пещерных монастырей в Инкерманской долине основан, предположительно, в VIII–IX вв. Он включал в себя до 200 помещений, расположенных у крепости Каламита, в Загайтанской скале на берегу р. Чёрная. Возникновение монастыря предание связывает с почитанием священномученика Климента, Римского епископа. После захвата в 1475 г. турками Каламиты монастырь постепенно приходил в упадок. Сама же крепость была переименована в Инкерман, что в переводе с турецкого означает «пещерная крепость». Возрождение монастыря началось в 1850 г., когда Святейший синод принял решение о создании в Крыму киновий на месте ранее существовавших древних монастырей. В 1852 г. по благословию архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова) воссозданная Инкерманская киновия была открыта. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. монастырь подвергся обстрелу, получил повреждения и был оставлен иноками. С 1856 г. началось возрождение обители, к 1910 г. окончательно сложился её архитектурный облик. В 1926 г. монастырь закрыт. Во время Великой Отечественной войны в его пещерах размещался штаб 25-й Чапаевской стрелковой дивизии Приморской армии. В 1991–1993 гг. началось возрождение обители.

Инкерман.
Издание АО «Гранберг».
Стокгольм, начало XX в.
Открытка из собрания А.В. Дербасова

Севастополь. Инкерманский монастырь.
Издание АО «Гранберг». Стокгольм, 1900-е гг.
Открытка из собрания Е.Д. Алексеевой

Инкерман.
Издание АО «Гранберг».
Стокгольм, 1910-е гг.
Открытка из собрания
А.В. Дербасова

Инкерман.
Весенний разлив
Чёрной речки.
Издание
Ф.Н. Плетнёва.
Севастополь,
не позднее
1913 г.
Открытка
из собрания
А.В. Дербасова

На обороте:
Через Петербург. Варшавская ж.-д. станция.
Серебрянка, деревня Средние Озерцы, дача Трипольской.
Его Высочородию Владимиру Ивановичу Петровскому.
Севастополь, не позднее 11 июня 1913 г.

Дорогой Володя!

Присылаю тебе открытку с видом Инкермана и речки. Мы тут проезжали, это между Симферополем и Севастополем, очень близко от Севастополя. Эта речка такая широкая только весной, а теперь гораздо уже.

*Кланяйся маме, папе.
Тётя Маня*

Балаклава

Расположена в 17 км южнее Севастополя. В 422–421 гг. до н.э. здесь поселились греки; предполагают, что Гомер описал Балаклавскую бухту в 10-й песне «Одиссеи». В 1357 г. Балаклаву завоевали генуэзцы, в 1475 г. – Османская империя. В 1773 г. близ Балаклавы произошёл морской бой, завершившийся первой победой российского флота на Чёрном море. По Кючук-Кайнарджийскому миру (1774 г.) Крымское ханство обрело независимость от Османской империи и над ним был объявлен протекторат России. Ещё до основания Севастополя Балаклавская бухта стала первым местом дислокации русского флота в Крыму. После Крымской войны Балаклава переведена в разряд заштатного (безуездного) города Ялтинского уезда Таврической губернии. В 1873 г. вошла в состав Севастопольского градоначальства. Возрождение Балаклавы произошло в конце XIX в. и связано с развитием города как курорта. После подписания Брестского мира (1918) Балаклава попала в зону германской оккупации, а после вывода германских войск оказалась в зоне интервенции Франции. В Великую Отечественную войну Балаклава была освобождена в апреле 1944 г. в результате Крымской операции. С 1957 г. стала частью Балаклавского района Севастополя.

Балаклава. Общий вид.

Издание АО «Гранберг». Стокгольм, 1910-е гг. *Открытка из собрания А.В. Дербасова*

Балаклава. Западная сторона. Издание М.Л. Роговского. Балаклава, 1910-е гг.
Открытка из собрания А.В. Дербасова

Балаклава. Общий вид. Издание АО «Гранберг». Стокгольм, 1910-е гг.
Открытка из собрания А.В. Дербасова

Георгиевский монастырь

По преданию, в 891 г. терпящим бедствие среди скал греческим рыбакам явился Святой Георгий Победоносец, и в том же году, в ознаменование их чудесного спасения, на побережье был основан Свято-Георгиевский монастырь. Первое известное документальное упоминание о монастыре относится к 1578 г. С 1794 г. монастырь подчинили Святейшему синоду, и он стал официально именоваться Балаклавским Георгиевским монастырём. В 1929 г. монастырь был закрыт. В годы Великой Отечественной войны на его территории располагался госпиталь. В 1991 г. возвращён верующим.

Севастополь. Скала Св. Явления у Георгиевского монастыря. Издание АО «Гранберг». Стокгольм, 1910-е гг. *Открытка из собрания А.В. Дербасова*

Севастополь. Георгиевский монастырь. Издание АО «Гранберг». Стокгольм, не позднее 1913 г.
Из собрания Е.Д. Алексеевой

Георгиевский монастырь близ Севастополя. Издание Ф.Н. Плетнёва. Севастополь, 1910-е гг.
Открытка из собрания А.В. Дербасова

ОБ АВТОРАХ

- Алексеева Екатерина Дмитриевна**, кандидат исторических наук, начальник Отдела публикации архивного фонда Государственного бюджетного учреждения города Москвы «Центральный государственный архив города Москвы»
- Антонова Наталья Викторовна**, главный специалист Отдела публикации архивного фонда ГБУ «ЦГА Москвы»
- Арцыбашев Валерий Александрович**, кандидат исторических наук, заведующий сектором Отдела публикации архивного фонда ГБУ «ЦГА Москвы»
- Балакирев Александр Сергеевич**, главный специалист Отдела публикации архивного фонда ГБУ «ЦГА Москвы»
- Войтиков Сергей Сергеевич**, кандидат исторических наук, главный специалист Отдела публикации архивного фонда ГБУ «ЦГА Москвы»
- Войтикова Анна Алексеевна**, главный специалист Российского государственного военного архива
- Давиденко Дмитрий Григорьевич**, кандидат исторических наук, ведущий специалист Отдела публикации архивного фонда ГБУ «ЦГА Москвы»
- Дербасов Александр Владимирович**, председатель Севастопольского городского общества филателистов
- Добренький Сергей Иванович**, кандидат исторических наук, заместитель начальника Отдела публикации архивного фонда ГБУ «ЦГА Москвы»
- Калинина Наталия Станиславовна**, начальник Управления архивным делом в городе Севастополе Департамента Аппарата губернатора и правительства Севастополя
- Коротун Елена Владимировна**, заместитель начальника Отдела внутреннего делопроизводства Управления секретариата делопроизводства и контроля Департамента Аппарата губернатора и правительства Севастополя
- Краснонос Ирина Владимировна**, заместитель директора – главный хранитель фондов Государственного казённого учреждения «Архив города Севастополя»
- Крестьянников Валерий Васильевич**, заслуженный работник культуры Украины (в 1998–2008 гг. – директор Государственного архива города Севастополя)
- Ляшук Павел Михайлович**, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя»
- Месяц Ирина Степановна**, главный археограф Отдела публикации архивного фонда ГБУ «ЦГА Москвы»

- Поплавская Елена Сергеевна**, заместитель начальника Управления – начальник Отдела организации архивной работы и комплектования архивного фонда Управления архивным делом в городе Севастополе Департамента Аппарата губернатора и правительства Севастополя
- Савельева Анна Николаевна**, кандидат исторических наук, заместитель заведующего Отделом изоизданий Российской государственной библиотеки
- Соловьёва Марина Геннадиевна**, главный архивист Отдела информации и использования документов ГКУ АГС
- Терещук Наталья Михайловна**, заведующая архивом Управления документационного обеспечения Аппарата Законодательного Собрания города Севастополя
- Ушаков Сергей Владимирович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела античной археологии Института археологии Крыма РАН, доцент кафедры истории и международных отношений филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе
- Шевченко Валерий Анатольевич**, кандидат исторических наук, ведущий специалист Отдела публикации архивного фонда ГБУ «ЦГА Москвы»
- Шевченко Светлана Марковна**, заместитель директора Государственного бюджетного учреждения культуры г. Севастополя «Севастопольский художественный музей имени М.П. Крошицкого»
- Шпакова Ирина Егоровна**, архивист I категории Отдела информации и использования документов ГКУ АГС

Авторский коллектив выражает искреннюю признательность всем оказавшим содействие в работе над изданием:

Н.А. Апанасенко, Г.В. Братухиной, Т.М. Булавкиной, С.Н. Губачёву, А.Н. Давыдову, С.В. Гарасько, Ю.С. Гуляевой, Е.В. Коротких, Н.Д. Курносову, М.К. Кустовой, Н.С. Лаубах, О.Д. Литкенс, Л.Л. Носыревой, Л.В. Петровой, О.С. Прокопенко, Н.П. Пузырёвой, Ю.А. Скрыбиной, И.Е. Смирновой, А.Г. Толчинской, О.А. Шишковой (Центральный государственный архив города Москвы); И.Н. Селезнёвой, М.В. Страхову (Российский государственный архив социально-политической истории); Д.В. Неустроеву (Российский государственный архив литературы и искусства); Ю.Э. Зайцевой, М.В. Ленчиненко, А.Л. Лифшицу (Научная библиотека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова), а также А.В. Дербасову, любезно предоставившему иллюстративные материалы из личного собрания.

СЕВАСТОПОЛЬ: КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТНЫХ ДАТ

- 2 мая 1783 г.**¹ – В Ахтиарскую бухту вошла эскадра под командованием вице-адмирала Ф.А. Клокачёва. Эту дату принято считать днём рождения Черноморского флота.
- 3 июня 1783 г.** – На берегах Ахтиарской бухты матросы, солдаты и приезжий люд под руководством контр-адмирала Ф.Ф. Мекензи заложили часовню Николая Чудотворца, дом командующего флотом, пристань и адмиралтейскую кузницу. Этот день считают датой основания Севастополя.
- 10 февраля 1784 г.** – Императрицей Екатериной II подписан именной указ, согласно которому надлежало «строить крепость большую Севастополь, где ныне Ахтиар и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное поселение». В честь основания города отливается медаль «Польза России».
- 22 февраля 1784 г.** – Указом Екатерины II Севастополь объявлен открытым для торговли городом. Весной того же года в город прибыли первые русские и иностранные торговые суда.
- 8 августа 1784 г.** – В Севастополе началась прокладка водопровода. Недостаток пресной воды остро ощущался с момента основания города. В ходе соответствующих изысканий её источник обнаружили в 8 км от Севастополя. Однако вскоре все работы свернули из-за нехватки средств. Только в конце 1820-х гг. городской водопровод был введён в эксплуатацию.
- 13 августа 1785 г.** – Указом императрицы Екатерины II утверждены штаты Адмиралтейства и флота на Чёрном море. Согласно ему предусматривалось 266 единиц корабельных и гребных судов, флотские команды численностью 9584 человека. Сосредоточение основного состава флота в Севастополе имело большое значение для развития города.
- Март 1787 г.** – Закончено строительство каменной пристани на месте деревянной, сооружённой в 1783 г. За ней закрепилось название Графская – по титулу командующего Севастопольской эскадрой графа М.И. Войновича.
- 22–24 мая 1787 г.** – Посещение Севастополя Екатериной II в ходе путешествия в Тавриду. Поездка имела важное политическое значение: императрице и сопровождавшим её дипломатам европейских государств продемонстрировали мощь русского флота (27 военных судов, 8 транспортов).
- 13 августа 1787 г.** – Начало Русско-турецкой войны, завершившейся Ясским миром 1791 г., по условиям которого к России отошло побережье Чёрного моря от Южного Буга до Днестра.
- 3 июля 1788 г.** – Севастопольская эскадра в составе 2 линейных кораблей, 10 фрегатов и 24 вспомогательных судов одержала блистательную победу над турецкой эскадрой у острова Фидониси. С этого сражения началась слава флотоводца Ф.Ф. Ушакова.

¹ Даты до 1 февраля 1918 г. приводятся по старому стилю.

- 8 июля 1790 г.** – Сражение у Керченского пролива между русской эскадрой под началом контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова и турецкими кораблями. В ходе 5-часового боя черноморская флотилия нанесла поражение турецким военно-морским силам. При этом Ушаков задействовал новые принципы манёвренной тактики (выделение резерва). Тем самым нашим военным судам удалось предотвратить высадку вражеского десанта в Крым.
- 23 февраля 1804 г.** – Император Александр I подписал именной указ «О бытии в Севастополе главному военному порту и о снятии находящейся там портовой таможи». Одновременно с приданием городу нового статуса был введён запрет на вход купеческих судов, за исключением терпящих бедствие.
- 30 апреля 1809 г.** – Севастополь объявлен главной черноморской крепостью. Над городом стали поднимать особый крепостной флаг имперского значения (подобные существовали также в Кронштадте, Выборге и Свеаборге). С 1826 г. Севастополь становится крепостью I класса.
- 13 января 1810 г.** – В Севастопольском адмиралтействе спущен на воду 18-пушечный корвет «Крым» (кораблестроитель А.И. Мелихов). Принимал участие в войне с Турцией 1806–1812 гг.
- 3 июня 1830 г.** – В Севастополе вспыхнул чумной бунт. В мае 1828 г., с распространением эпидемии чумы на юге России, вокруг города установили карантинное оцепление. Ужесточение правил карантина (март 1830 г.) в наиболее бедной севастопольской слободе (Корабельной) и его необоснованное продление породили волну народных возмущений. 3 июня был убит военный губернатор города Н.А. Столыпин. На следующий день комендант Севастополя А.П. Турчанинов под давлением восставших издал приказ о прекращении карантина. Стянутые к городу войска подавили бунт.
- 22 ноября 1853 г.** – На севастопольский рейд под общее ликование жителей вошли корабли русской эскадры под командованием вице-адмирала П.С. Нахимова, разгромившие 18 ноября турецкую флотилию у мыса Синоп.
- 13 сентября 1854 г.** – Начало 349-дневной первой обороны Севастополя – одного из главных событий Крымской войны. Руководство обороной города, по общему согласию всех начальствующих лиц, возглавил вице-адмирал В.А. Корнилов.
- 5 октября 1854 г.** – После ранения в голову, полученного на Малаховом кургане во время объезда укреплений, скончался вице-адмирал В.А. Корнилов. Похоронен в склепе строившегося Владимирского собора. На месте его смертельного ранения по указанию вице-адмирала П.С. Нахимова был выложен крест из ядер, а впоследствии установлен памятник.
- 13 октября 1854 г.** – Произошло Балаклавское сражение, одна из крупнейших битв Крымской войны. Потери союзных войск противника составили 740 человек убитыми, русские потеряли 617 человек убитыми и ранеными.
- 24 октября 1854 г.** – Произошло Инкерманское сражение – результат предпринятого защитниками Севастополя нового наступления. Однако из-за слабой проработки манёвров на местности и неумелых действий командования русские войска потерпели поражение. По официальным данным, российская армия потеряла 11 959 человек, противник – примерно 6 тыс. человек. В ходе сражения корабли Черноморской флотилии перебросили несколько полков в Инкерман, оказали огневую поддержку войскам и прикрыли их отход в конце битвы.
- 18 февраля 1855 г.** – Приказом главнокомандующего военно-сухопутными и морскими силами в Крыму генерал-адъютанта барона Д.Е. Остен-Сакена командование войсками Севастопольского гарнизона возложено на вице-адмирала П.С. Нахимова. Спустя месяц, 20 марта 1855 г., он вступит в должность командира порта и военного губернатора Севастополя.

- 23 марта 1855 г.** – Защитники Севастополя осуществили самую крупную за всё время осады вылазку в тыл противника под командованием генерал-лейтенанта С.А. Хрулёва. Ворвавшись в стан врага, участники манёвра (11 батальонов) разрушили часть английских и французских укреплений и нанесли противнику большой урон.
- 6 июня 1855 г.** – Первое серьёзное поражение англо-французских войск в ходе предпринятого ими штурма укреплений Корабельной стороны. Благодаря мужеству и стойкости севастопольцев противник был отбит. Потери союзников при этом составили 7000 человек, русских – 4800 человек.
- 28 июня 1855 г.** – В 18 ч 30 мин французскими стрелками смертельно ранен адмирал П.С. Нахимов, совершавший традиционный ежедневный объезд оборонительной линии на Малаховом кургане. Скончался 30 июня, не приходя в сознание. Был похоронен в склепе строящегося Владимирского собора рядом с другими прославленными флотоводцами – адмиралом М.П. Лазаревым (1788–1851), вице-адмиралом В.А. Корниловым (1806–1854), контр-адмиралом В.И. Истоминым (1810–1855).
- 27 августа 1855 г.** – Штурм Севастополя войсками интервентов. Город атаковали в общей сложности 57 500 человек, защитников крепости было значительно меньше – 35 000 человек. Через полтора часа после начала штурма противник овладел Малаховым курганом, однако последующие 11 атак были героически отбиты. Оставив Южную сторону города, русские войска перешли на противоположную – Северную. Союзники не решались их преследовать, считая Севастополь заминированным, и только 30 августа они вошли в разрушенный город.
- 26 ноября 1855 г.** – Учреждение медали «За защиту Севастополя», которой были награждены все непосредственные участники обороны, а позднее – и гражданские лица, помогавшие защищать родной город.
- 18 марта 1856 г.** – В Париже подписан мирный договор, по условиям которого Россия лишилась островов в дельте Дуная и прилегающего к ней участка Южной Бессарабии, а также возвратила Турции Карсскую область. Самым же тяжёлым для России пунктом являлся запрет на владение Черноморским флотом с береговыми арсеналами. Спустя 15 лет российская дипломатия добьётся отмены этой статьи договора.
- 14 сентября 1869 г.** – Открыт Севастопольский военный музей (ныне Военно-исторический музей Черноморского флота на ул. Ленина, 11) – в доме одного из руководителей первой обороны города, генерала Э.И. Тотлебена. 5 октября 1895 г. завершилось строительство нового здания для музея в классическом стиле по проекту академика архитектуры А.М. Кочетова (оформление фасадов и украшение интерьеров произведены по проекту одесского скульптора Б.В. Эдуардса).
- 15 сентября 1871 г.** – По инициативе Н.Н. Миклухо-Маклая открыта Севастопольская биологическая станция – первое в России и третье в Европе учреждение, нацеленное на изучение биологии и экологии морей (позднее – океанов, солёных озёр и пресных водоёмов). В советские годы в Севастополе на базе трёх биологических станций создан Институт биологии южных морей, в 2015 г. переименованный в Институт морских биологических исследований им. А.О. Ковалевского РАН.
- 3 октября 1883 г.** – На Севастопольской верфи заложены броненосцы «Синоп» и «Чесма» (спущены на воду, соответственно, 6 и 20 мая 1886 г.). Для своего времени это были весьма мощные суда, каждое водоизмещением свыше 10 000 т.
- 5 октября 1895 г.** – В 41-ю годовщину со дня гибели вице-адмирала В.А. Корнилова на месте его смертельного ранения (Малахов курган) открыт памятник флотоводцу (авторы А.А. Бильдерлинг и И.М. Шрёдер). В годы Великой Отечественной войны монумент был разрушен гитлеровцами (восстановлен в 1983 г.).

- 6 октября 1897 г.** – В Севастополе открыто регулярное пароходное сообщение между Графской пристанью и Павловским мыском, а между Артиллерийской бухтой и Северной стороной налажено паромное сообщение.
- 18 ноября 1898 г.** – К 45-летию победы в Синопском сражении на площади у Графской пристани открыт памятник адмиралу П.С. Нахимову (авторы А.А. Бильдерлинг и И.М. Шрёдер). В 1928 г. в соответствии с декретом Совнаркома «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции» (принят 14 апреля 1918 г.) его демонтировали. Новый памятник (ск. Н.В. Томский, арх. А.В. Арефьев) открыт на прежнем месте 5 ноября 1959 г.
- 25 августа 1899 г.** – Во время севастопольских общефлотских манёвров впервые в мировой практике установлена радиосвязь между боевыми кораблями. Опытном руководили инженер-электрик А.С. Попов (один из изобретателей радио) и его сподвижник П.С. Рыбкин. Приёмные устройства разместили на броненосцах «Георгий Победоносец», «Три Святителя», а передающее – на минном крейсере «Капитан Сакен». Эксперимент продолжался до 9 сентября и дал блестящий результат. Память об этом событии увековечена в названии севастопольской Радиогорки.
- 5 октября 1904 г.** – Учреждена медаль «В память 50-летия обороны Севастополя». Ею награждались генералы, офицеры и нижние чины, состоявшие с 13 сентября 1854 г. по 27 августа 1866 г. в Севастопольском гарнизоне и находившиеся на Северной стороне, а также священники, чиновники всех ведомств, женщины, несшие службу в госпиталях, и жители, принимавшие участие в защите города.
- 14 мая 1905 г.** – В специально сооружённом на Историческом бульваре здании открылась для всеобщего обозрения панорама Ф.А. Рубо «Штурм 6 июня 1855 г.» (современное название «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.»). 25 июня 1942 г. здание подверглось бомбардировке. Из огня удалось спасти 86 фрагментов живописного полотна. После Великой Отечественной войны началась масштабная работа по его восстановлению. 16 октября 1954 г. панорама была открыта вновь.
- 18 октября 1905 г.** – В Севастополе обнародован царский Манифест 17 октября, провозглашавший ряд политических прав и свобод (свободу совести, слова, собраний, союзов, неприкосновенность личности). В ходе возникшей мирной демонстрации люди направлялись к тюрьме и потребовали освободить политических заключённых. Солдаты 49-го пехотного Брестского полка открыли огонь по демонстрантам (было убито 8 и ранено 50 участников митинга).
- 11 ноября 1905 г.** – Начало Севастопольского восстания – вооружённого выступления матросов Черноморского флота, солдат Севастопольского гарнизона, рабочих порта и Морского завода. Вспыхнуло стихийно в ответ на попытку командования флота запретить проведение больших митингов у матросских и солдатских казарм. К восставшим присоединились экипажи крейсера «Очаков», броненосца «Св. Пантелеймон» (бывший «Потёмкин») и ещё 12 кораблей. Эскадру возглавил лейтенант П.П. Шмидт, объявивший себя командующим Черноморским флотом. 15 ноября власти предъявили бунтовщикам ультиматум о сдаче. Не получив ответа, правительственные войска атаковали корабли и береговые батареи повстанцев. На рейде и суше было арестовано свыше 2 тыс. человек. 6 марта 1906 г. руководителей Севастопольского восстания – П.П. Шмидта, С.П. Частника, Н.Г. Антоненко, А.И. Гладкова расстреляли на острове Березань.
- 14 ноября 1909 г.** – По инициативе учёного-океанографа Ю.М. Шокальского существовавшую с 1809 г. Севастопольскую метеостанцию перенесли на Павловский мысок и преобразовали в Морскую гидрометеорологическую обсерваторию. Здесь развернулись

метеорологические, астрономические, магнитные и аэрологические наблюдения, а также были организованы океанографические исследования.

- 11 ноября 1911 г.** – Состоялась премьера документально-игрового фильма «Оборона Севастополя» – первой российской полнометражной картины. Постановку «с высочайшего соизволения» Николая II осуществили режиссёры В.М. Гончаров и А.А. Ханжонков. Картину снимали в Крыму, при участии регулярных подразделений Русской армии и ветеранов обороны Севастополя 1854–1855 гг.
- 15 мая 1914 г.** – В Севастополе открыт Институт физических методов лечения – первый в мире клинический НИИ физиотерапевтического профиля. С 1941 по 1944 г. институт находился в эвакуации. После возвращения в Крым учреждение перевели в Ялту, поскольку здание института в Севастополе нуждалось в восстановлении. Реконструированное в 1966–1967 гг., оно было отдано под городской Дом пионеров. Сейчас в нём размещаются Дворец детства и юности и Севастопольский театр танца.
- 1 июня 1917 г.** – Образован Севастопольский комитет Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), РСДРП(б).
- 16 декабря 1917 г.** – На общем собрании представителей армии, флота и рабочих избран постоянный Севастопольский военно-революционный комитет в составе 18 большевиков и 2 левых эсеров. Печатным органом большевистского ревкома стала газета «Известия Севастопольского Военно-революционного комитета».
- 1 мая 1918 г.** – Оккупация Севастополя германскими войсками кайзера Вильгельма II.
- 15 ноября 1918 г.** – Начало эвакуации немецких войск из Севастополя.
- 21 мая 1921 г.** – Совет Труда и Оборона РСФСР принял постановление об электрификации Севастополя, в котором говорилось о необходимости «вследствие общегосударственного значения работ по электрификации Севастополя изъять их из ведения Крымского СНХ и передать в непосредственное ведение центра».
- 1 августа 1930 г.** – Состоялось торжественное открытие первой в Крыму высоковольтной линии электропередачи Севастополь – Симферополь.
- 12 июля 1935 г.** – Открыто регулярное почтовое воздушное сообщение между Москвой и Севастополем.
- 7 марта 1939 г.** – Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление об увеличении территории Севастополя, которое произошло в результате присоединения к городу земель спецназначения в его Северной части, включая береговую полосу и район посёлка Кача. На новой границе устанавливались знаки, свидетельствующие о расширении главной базы Черноморского флота.
- 3 июля 1941 г.** – Началось сооружение двух рубежей сухопутной обороны Севастополя. Главный (основной) создавался в 3–5 км, а тыловой – в 2–3 км от города. В сентябре силами военных моряков и местного населения в 12–15 км от Севастополя велось строительство передового оборонительного рубежа.
- 29 октября 1941 г.** – Приказом заместителя командующего Черноморским флотом по обороне главной базы контр-адмирала Г.В. Жукова Севастополь был объявлен на осадном положении.
- 30 октября 1941 г.** – В 16 ч 35 мин береговая батарея № 54 открыла огонь по прорывавшимся к городу фашистским танкам и пехоте. Началась героическая оборона Севастополя.
- 5 ноября 1941 г.** – Заместитель командира 2-й эскадрильи 11-го штурмового авиаполка ВВС Черноморского флота капитан Н.Т. Хрусталёв, подбитый в воздушном бою над

долиной р. Бельбек, перевёл горящий самолёт в крутое пике и направил его в скопление вражеской техники. За свой подвиг он был награждён посмертно орденом Отечественной войны I степени. Именем Николая Титовича Хрусталёва 4 мая 1965 г. названа одна из центральных улиц Севастополя.

- 11 ноября 1941 г.** – Немецко-фашистские войска начали первый штурм Севастополя, который продолжался до 21 ноября и окончился провалом. 17 декабря они предприняли второе крупное наступление на город. К 31 декабря противник прекратил активные боевые действия в районе Севастополя.
- 24 апреля 1942 г.** – Во время налёта немецкой авиации на авиаремонтные мастерские в Круглой бухте погиб командующий ВВС Черноморского флота генерал-майор авиации Н.А. Остряков. За умелое руководство, образцовое выполнение боевых заданий и личное мужество ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.
- 7 июня 1942 г.** – 11-я немецкая армия начала третий штурм Севастополя.
- 4 июля 1942 г.** – Завершилась героическая оборона Севастополя, продлившаяся 250 дней и ночей.
- 22 декабря 1942 г.** – Указом Президиума Верховного Совета СССР учреждена медаль «За оборону Севастополя».
- 9 мая 1944 г.** – Войсками 4-го Украинского фронта (командующий – генерал армии Ф.И. Толбухин) при содействии Черноморского флота (командующий – адмирал Ф.С. Октябрьский) Севастополь был освобождён от немецко-фашистских захватчиков.
- 10 мая 1944 г.** – В Москве произведён салют в честь освобождения Севастополя. Было дано 24 залпа из 324 орудий.
- 9 мая 1945 г.** – на Сапун-горе состоялся военный парад в честь победы Советского Союза в Великой Отечественной войне.
- 25 октября 1948 г.** – Совет Министров СССР принял специальное Постановление № 4035-1719 «О восстановлении города и Главной базы Черноморского флота – Севастополь». При Совмине СССР было создано Управление по восстановлению Севастополя во главе с генерал-майором И.В. Комзиным. Спустя 4 дня по решению партии и правительства город был выделен в самостоятельный административно-хозяйственный центр с особым бюджетом и отнесён к категории городов республиканского подчинения. В том же году организовано Управление по восстановлению Севастополя при Совмине РСФСР под началом Н.К. Проскуракова.
- 6 ноября 1950 г.** – В Севастополе пущен троллейбус – первый в Крыму.
- 16 октября 1954 г.** – В канун 100-летней годовщины героической обороны города в 1854 –1855 гг. указом Президиума Верховного Совета СССР Севастополь награждён орденом Красного Знамени.
- 22 февраля 1958 г.** – На Малаховом кургане зажжён Вечный огонь в память о воинах, павших за Родину.
- 4 ноября 1959 г.** – На Сапун-горе, в 6 км к востоку от Севастополя, торжественно открыта диорама «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 г.», посвящённая одному из самых кровопролитных сражений в битве за Крым. Авторы – члены творческого коллектива московской Студии военных художников им. М.Б. Грекова народный художник СССР П.Т. Мальцев, заслуженные художники РСФСР Г.И. Марченко и Н.С. Присекин.
- 8 мая 1965 г.** – За выдающиеся заслуги перед Родиной, мужество и героизм, проявленные трудящимися Севастополя в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 20-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне

Президиум Верховного Совета СССР принял указ о присвоении Севастополю почётного звания города-героя и награждении его орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».

- 9 мая 1965 г.** – В Севастополе прошёл парад, посвящённый 20-летию победы в Великой Отечественной войне. Впоследствии парады проходили только в юбилейные годы, с 2000 г. они стали проводиться ежегодно.
- 7 мая 1966 г.** – Принято постановление о сооружении обелиска в Севастополе в соответствии с Положением о почётном звании «Город-герой», утверждённом указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. Обелиск открыт 3 ноября 1977 г. на мысе Хрустальный. Над проектом работали архитекторы А.И. Баглей, Е.П. Вересов, М.Т. Катернога, И.Г. Шамсединов, А.Л. Шеффер, скульпторы И.В. Макогон, С.А. Чиж.
- 11 ноября 1967 г.** – На площади Нахимова открыт мемориал героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. Авторы проекта – архитектор И.Е. Фиалко, скульптор В.В. Яковлев. В мае 1973 г. рядом с мемориалом учреждён пост № 1, вахту у которого несут юные севастопольцы.
- 9 мая 1970 г.** – В день 25-летия победы над фашистской Германией у обелиска Славы на Сапун-горе зажжён Вечный огонь.
- 13 июня 1983 г.** – За революционные и боевые заслуги трудящихся Севастополя, их вклад в укрепление экономического и оборонного могущества страны и в связи с 200-летием со дня основания города Президиум Верховного Совета СССР принял указ о награждении города-героя Севастополя орденом Октябрьской Революции.
- 7 сентября 1983 г.** – На Малаховом кургане открыт памятник вице-адмиралу В.А. Корнилову (авторы проекта – народный художник Украины проф. Н.К. Вронский и заслуженный художник-архитектор Украины В.Г. Гнездилов). Памятник восстановлен на месте прежнего, разрушенного в годы Великой Отечественной войны.
- 12 апреля 1986 г.** – К 25-летию первого полёта человека в космос в Севастополе, на пересечении ул. Репина и просп. Гагарина, установили памятник Ю.А. Гагарину.
- 9 июля 1993 г.** – Верховный Совет Российской Федерации принял постановление № 5359-1 «О статусе города Севастополя», в котором подтверждался его российский федеральный статус в административно-территориальных границах городского округа по состоянию на декабрь 1991 г. Одновременно профильным российским министерствам и ведомствам поручалось провести переговоры с правительством Украины о городе Севастополе как главной базе единого Черноморского флота.
- 26 июня 1994 г.** – В Севастополе проведён опрос общественного мнения граждан по вопросу о государственной принадлежности города. Свыше 89% населения высказались за его российский статус. На основании этого Севастопольский городской Совет народных депутатов 23 августа 1994 г. принял постановление: «1. Признать российский правовой статус города Севастополя. 2. Подтвердить принципиальную позицию городского Совета о Севастополе как главной базы Черноморского флота Российской Федерации, выраженную во всех ранее принятых решениях городского Совета XXI и XXII созыва».
- 27 июля 1996 г.** – В Севастополе возле Артиллерийской бухты торжественно открыт памятник в честь 300-летия Российского флота (арх. И.И. Медников).
- 29 марта 1999 г.** – По инициативе мэра Москвы и ректора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в Севастополе создаётся Черноморский филиал МГУ (с 2008 г. – Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе).

- 8 мая 2005 г.** – В Севастополе состоялось торжественное открытие Аллеи славы городов-героев, приуроченное к 60-летней годовщине со дня освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков. Мемориал (арх. В.И. Лапоногов) был построен по инициативе ветеранских организаций города. На каждой из 13 стел городов-героев закреплена Золотая Звезда Героя.
- 16 марта 2014 г.** – В Крыму состоялся референдум, в результате которого подавляющим большинством население полуострова проголосовало за выход из состава Украины и вхождение в состав Российской Федерации. На основании результатов референдума Президент России В.В. Путин 21 марта 2014 г. подписал Федеральный конституционный закон Российской Федерации № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя».
- 9 мая 2014 г.** – В Севастополе состоялся военный парад в честь Дня Победы в Великой Отечественной войне, совпавшего с 70-летием освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков. Этот парад стал первым после воссоединения Крыма с Россией и прошёл под российскими знамёнами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

авиаотряд – авиационный отряд	ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет	Главполитуправление	км – километр
авт. – автор	вып. – выпуск	ВМФ – Главное политическое управление	КМИК – Крымский мусульманский исполнительный комитет
АО – акционерное общество		Военно-Морского флота	коммухоз – коммунальное хозяйство
арх. – архитектор	г. – год; город; господин	Гм – гигаметр	комсомол – коммунистический союз молодёжи
арш. – аршин	г.р. – год рождения	ГМГООС – Государственный музей героической обороны и освобождения	коп. – копейка; копейки
АССР – автономная советская социалистическая республика	га – гектар	Севастополя	КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
АТС – автоматическая телефонная станция	ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации	ГОКУ ГАНО – Государственное областное казённое учреждение	Крымревком – Крымский Революционный комитет
АЭ – авиационная эскадрилья	ГАУ – Главное артиллерийское управление	«Государственный архив Новгородской области»	КЧФ – Краснознамённый Черноморский флот
	ГБЛ – Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина	гор. – город	
Б. – большой	ГБУ ЦГА Москвы – Государственное бюджетное учреждение «Центральный государственный архив города Москвы»	губ. – губерния	Л. – Ленинград; лист
БО ГБ – Береговая оборона Главной базы	гг. – годы; господа	ГУГШ – Главное управление Генерального штаба	лат. – латинский
	ГИАМЗХТ – Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»	ГУК – Главное управление кораблестроения	ЛКСМУ – Ленинский Коммунистический Союз молодёжи Украины
в т.ч. – в том числе	ГИМ – Государственный исторический музей	Д. – дело	
в. – век	ГКО – Городской комитет обороны	д. – деревня; дом	
ВА – воздушная армия	ГКУ АГС – Государственное казённое учреждение «Архив города Севастополя»	дзот – деревоземляная огневая точка	м – метр
вв. – века	ГКУ РК ГАРК – Государственное казённое учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым»	ДКАФ – Дом Красной Армии и Флота	М. – Москва
ВВС – Военно-воздушные силы	гл. – главный	доп. – документ	м. – мыс
ВГК – Верховное Главнокомандование	Главархив Москвы – Главное архивное управление города Москвы	доп. – дополненный	МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
ВДИ – Вестник древней истории	Главизо – Главное управление изобразительных искусств	ДОСААФ – Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту	Мал. – малый
ВИА – Военно-инженерная академия	Главкомтруд – Главный комитет по всеобщей трудовой повинности	дот – долговременная огневая точка	МГК – Московский городской комитет метеостанция – метеорологическая станция
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)		др. – другой; другие	МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодёжи		Ед. хр. – единица хранения	мин – минута
ВМБ – военно-морская база		ж.д. – железная дорога	МК – Московский комитет
ВМФ – Военно-морской флот		зам. – заместитель	МКХ – Московский отдел коммунального хозяйства
ВО – военный округ		изд. – издание	мм – миллиметр
ВРК – Военно-революционный комитет		ил. – иллюстрация	Мосздравотдел – Московский отдел здравоохранения
ВРШ – Военно-революционный штаб		им. – имени	МСБ. – Морской сборник
всеобуч – всеобщее военное обучение		Инв. – инвентарный	
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства		инж. – инженер	
ВСЮР – Вооружённые силы Юга России		испр. – исправленный	
		кв. м – квадратный метр	
		кв. – квартира	напр. – например
		КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога	Н.К.П. и Т. – Народный комиссариат почт и телеграфов
		кг – килограмм	

- н.э. – наша эра
наркомат – народный комиссариат
Наркомвоен – Народный комиссариат по военным делам
Наркомтруд – Народный комиссариат труда
Наробраз – Отдел народного образования
нач. – начальник
неоф. отд. – неофициальный отдел
неразбор. – неразборчиво
НИИ – научно-исследовательский институт
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКО – Народный комиссариат обороны
НКП – Народный комиссариат просвещения
нрзб. – неразборчиво
нэп – новая экономическая политика
- об. – оборот
обл. – область
общ. – общий
ОВР – Охрана водного района
ОВРК – Областной военно-революционный комитет
ОВРШ – Областной военно-революционный штаб
ОГПУ – Объединённое государственное политическое управление
ОЗЕТ – Общество землеустройства еврейских трудящихся
ОК Ав ВМС – отдел кадров авиации Военно-Морских сил
ОКУ ГАКО – Областное казённое учреждение «Государственный архив Курской области»
ОКХ – отдел коммунального хозяйства
Оп. – описание
Осоавиахим – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
оф. – официальная
ОЦ – особо ценная
- Пг. – Петроград
п/п – полевая почта
п/я – почтовый ящик
- ПВО – противовоздушная оборона
пер. – переулочек
пом. – помощник
Прил. – приложение
Прим. – примечание
просп. – проспект
проф. – профессор
проч. – прочий; прочее
ПСР – Партия социалистов-революционеров
пуд. – пудов
- р. – река
райгорисполком – районный городской исполнительный комитет
райисполком – районный исполнительный комитет
РАН – Российская академия наук
РВСР – Революционный военный совет Республики
РГА ВМФ – Российский Государственный архив Военно-морского флота
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
Ревком – революционный комитет
ред. – редактор; редакция
рис. – рисунок
РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия
р-н – район
род. – родился
РОПиТ – Русское общество пароходства и торговли
РСДРП(б) – Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
руб. – рубль; рубли
РФ – Российская Федерация
- с. – село
С. – страница; страницы
с.г. – сего года
СБ – скоростной бомбардировщик
Сб. – сборник
- Св., св. – Святой
СВБ – Союз воинствующих безбожников
свёрт. – свёрток
Севрайгормилиция – Севастопольская районно-городская милиция
ск. – скульптор
сл. – следующий
см – сантиметр
СМ – Совет Министров
см. – смотри
СНК – Совет народных комиссаров
СНХ – Совет народного хозяйства
Собр. – собрание
совдеп – совет депутатов
Совинформбюро – Советское информационное бюро
Совнарком – Совет народных комиссаров
СОР – Севастопольский оборонительный район
сост. – составитель
соч. – сочинение
СПб. – Санкт-Петербург
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ст. – станция; старший; степень
СХМ – Сообщения Херсонесского музея
- т – тонна
Т. – том
т.д. – так далее
т.е. – то есть
т.к. – так как
т.п. – тому подобное
табл. – таблица
ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
ТОФ – Тихоокеанский флот
тыс. – тысяча
- указ. – указанный
ул. – улица
УНР – Украинская Народная Республика
управделами – управляющий делами
урожд. – урождённая
устар. – устаревший
учлёт – учащийся лётной школы
- Ф. – фонд
ф. – фунт
ФГБУК ГМГООС – Федеральное Севрайгормилиция – государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя»
ФКУ РГВИА – Федеральное казённое учреждение «Российский государственный военно-исторический архив»
ХСб. – Херсонесский сборник
- ЦАУ – Центральное административное управление
цв. – цветной
ЦВИК – Центральный военно-исполнительный комитет
ЦГИАУ – Центральный государственный исторический архив Украины
ЦГРМ – Центральные государственные реставрационные мастерские
ЦДКА – Центральный дом Красной Армии
Центрофлот – Центральный исполнительный комитет военного флота
ЦИК – Центральный Исполнительный Комитет
цит. – цитируется
ЦК – Центральный комитет
ЦР – Центральная рада
- ч – час
Ч. – часть
ЧК – Чрезвычайная комиссия
ЧФ – Черноморский флот
- шт. – штука; штуки
- экз. – экземпляр
эл., электрон. – электронный
- ЮНЕСКО – специализированное учреждение Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. МОСКВА И СЕВАСТОПОЛЬ: СОДРУЖЕСТВО СКВОЗЬ ВЕКА

«...К назиданию государственных польз»: из истории составления и публикации в Москве «Журнала Высочайшего путешествия Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины II, самодержицы Всероссийской, в Полуденные страны России в 1787 году» <i>А.С. Балакирев</i>	6
«...О благоденствии России и спасении Севастополя»: из истории поездок великих князей Николая и Михаила Николаевичей в действующую армию и Севастополь в 1854 и 1855 гг. <i>Е.Д. Алексеева</i>	30
Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской войне 1853–1856 гг. <i>В.В. Крестьянников</i>	39
Благотворительная помощь москвичей Севастополю во время Крымской войны 1853–1856 гг. <i>В.А. Шевченко</i>	43
Возрождение Севастопольского благочиния и монастырей после Крымской войны <i>В.В. Крестьянников</i>	59
Некрополи Севастополя периода Крымской войны – национальные духовные святыни <i>И.Е. Шпакова</i>	62
Дневниковые записи и воспоминания москвича Н.М. Шапова о Севастополе конца XIX – первой трети XX в. (по материалам ЦГА Москвы) <i>С.И. Добренький</i>	68
Воссоздание крепости «Севастополь» во второй половине XIX – начале XX в. <i>В.В. Крестьянников</i>	83
Род Горенко в Севастополе: новые данные к родословной Анны Ахматовой <i>С.М. Шевченко, П.М. Ляшук</i>	89
Боевые действия Черноморского флота в восточной части Чёрного моря в Первую мировую войну <i>В.В. Крестьянников</i>	92
Демократизация Черноморского флота в 1917 г. и события 23 февраля 1918 г. в Севастополе <i>В.В. Крестьянников</i>	99
«Варфоломеевские» ночи в Севастополе в феврале 1918 г. <i>В.В. Крестьянников</i>	117
Черноморский флот в 1918 – марте 1920 г. <i>В.В. Крестьянников</i>	121
Брестский мир, Черноморский флот, Севастополь. Год 1918-й <i>С.С. Войтиков</i>	126
«...Оставляю флот с чувством исполненного долга»: вице-адмирал Михаил Павлович Саблин <i>В.В. Крестьянников</i>	133

Некоторые аспекты реализации в Севастополе в 1922–1936 гг. Декрета Совета народных комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (по документам ГКУ «Архив города Севастополя») <i>М.Г. Соловьёва</i>	140
Отношение органов советской власти к религиозным традициям на страницах местной газеты и в документах ГКУ «Архив города Севастополя» в 1920–1930-е гг. <i>Н.М. Терещук</i>	149
Московские страницы биографии командующего ВВС Черноморского флота генерала авиации Н.А. Острякова <i>А.С. Балакирев</i>	154
Очерки военного корреспондента Евгения Петровича Петрова об обороне Севастополя в июне 1942 г. и его защитниках <i>Е.Д. Алексева, С.С. Войтиков</i>	163
«Сломив сопротивление немецких захватчиков...»: Герои Советского Союза – участники боевых действий в Крыму <i>В.А. Арцыбашев</i>	176
Адресные листки немецкой ортскомендатуры как исторический источник по изучению оккупационного режима в городе Севастополе 1942–1944 гг. <i>Е.С. Поплавская, И.Е. Шпакова</i>	186
Многотиражные газеты Черноморского флота периода обороны Севастополя 1941–1942 гг. (по документам фонда М.А. Любчикова) <i>Е.В. Коротун</i>	191
История семьи Апошанских в фондах ГКУ «Архив города Севастополя» <i>Н.С. Калинина</i>	195
Историческая память: Севастополь в период обороны и немецко-румынской оккупации (1941–1944 гг.) в воспоминаниях детей <i>И.Е. Шпакова</i>	199
«Все дрались героически, не отходя со своих позиций...»: Из воспоминаний участников боевых действий в Крыму в период Великой Отечественной войны <i>В.А. Арцыбашев</i>	204
Севастополь в первые дни после освобождения (май 1944 г.) <i>Е.В. Коротун</i>	222
«Бессмертная слава... возродит эти груды камней». Восстановление Севастополя в 1944–1954 гг. (по документам ГКУ «Архив города Севастополя») <i>М.Г. Соловьёва, И.В. Краснонос</i>	228
Деятельность Н.К. Проскурякова по восстановлению г. Севастополя в 1948–1952 гг. (по материалам личного фонда в ЦГА Москвы) <i>Д.Г. Давиденко</i>	238
Возрождение Севастополя после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и восприятие городским партийным руководством роли И.В. Сталина в восстановлении города-героя <i>А.А. Войткова</i>	247
РАЗДЕЛ 2. МОСКВА И СЕВАСТОПОЛЬ: ЗАПЕЧАТЛЁННАЯ ПАМЯТЬ	
Археологические памятники Херсонеса Таврического: история изучения и современное состояние <i>С.В. Ушаков</i>	259

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо П.С. Уваровой императору Николаю II с предложениями по поводу охраны и изучения памятников Херсонеса <i>Д.Г. Давиденко</i>	269
Документы по охране и изучению памятников Херсонеса в 1920-е гг. (по материалам фонда ЦГРМ ЦГА Москвы) <i>Д.Г. Давиденко</i>	274
«Не предам Херсонеса ни эллину, ни варвару...» (по документам фонда археолога И.А. Антоновой) <i>Н.С. Калинина</i>	284
Из истории херсонесского колокола <i>А.В. Дербасов</i>	290
Реставрация панорамы Ф.А. Рубо «Оборона Севастополя». Хроника 1951–1954 гг. <i>И.С. Месяц</i>	292
«Пока мы живы, мы будем бороться за правду...» Герой Советского Союза адмирал Ф.С. Октябрьский о подвиге Севастополя в годы Великой Отечественной войны и создании диорамы «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года» <i>С.С. Войтиков</i>	296
Инкерманский монастырь и Крым в работах московского художника Д.М. Струкова <i>А.Н. Савельева</i>	306

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ «ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО КРЫМУ М. СОСНОГОРОВОЙ» (издание 3-е, исправленное и дополненное), Одесса, 1880 г.	313
ИЗ «ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО СЕВАСТОПОЛЮ» под редакцией генерал-майора А.М. Зайончковского, Санкт-Петербург, 1907 г.	346
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕТОПИСЬ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ (цветная вклейка) <i>Е.Д. Алексеева, Н.В. Антонова</i>	385
ОБ АВТОРАХ	387
СЕВАСТОПОЛЬ: КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТНЫХ ДАТ	395
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	

МОСКВА – СЕВАСТОПОЛЬ
АРХИВНО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
Выпуск 1

Ответственный редактор
Я.А. Онопенко

Составители
Е.Д. Алексеева
С.И. Добренький
Е.И. Зимникова

Редакторы
Е.Д. Алексеева
Л.С. Ванян

Археографы
И.С. Месяц
Н.А. Тесемникова

Подготовка научно-справочного аппарата
А.А. Сахаров
С.А. Уваров

Корректор
Е.И. Логачёва

Компьютерная подготовка текста
Р.А. Григорьев, Л.В. Пушков

Макет, художественное оформление, вёрстка
Е.В. Горшкова

Ретушь иллюстраций
Е.В. Горшкова, А.С. Дикарёва, Л.Г. Костарева

Ответственный за выпуск
Л.Г. Костарева

*В оформлении обложки использован рисунок К. Боссоли
«Общий вид Севастополя с наблюдательной башни в центре города».
Бумага, карандаш, гуашь. 1840–1842 гг.*

